

Н-62

III 635038 АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СЕВЕРНОРУССКИЕ
СКАЗКИ
В ЗАПИСЯХ
А. И. НИКИФОРОВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ

А. М. АСТАХОВА, В. Г. БАЗАНОВ,
Б. Н. ПУТИЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 6 1

СЕВЕРНОРУССКИЕ СКАЗКИ

В ЗАПИСЯХ
А. И. НИКИФОРОВА

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ

В. Я. ПРОЩ

№ 635038

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 1

Александр Исаакович
Никифоров

А. И. НИКИФОРОВ И ЕГО «СЕВЕРНОРУССКИЕ СКАЗКИ»

Александр Исаакович Никифоров принадлежит к числу крупных советских фольклористов. Его деятельность падает в основном на двадцатые и тридцатые годы, когда основы дореволюционной методологии рушились, а новая методология еще не была найдена. Вся деятельность А. И. Никифорова пронизана глубоко продуманными и вместе с тем стремительными поисками новых путей.

А. И. Никифоров родился в 1893 году. В 1912 году он поступил на историко-филологический факультет нынешнего Ленинградского университета. Уже здесь определился круг его основных интересов: он специализировался на древнерусской литературе, но активно занимался также новой русской литературой и фольклором. Решающее влияние оказал на него акад. В. Н. Перетц. Семинар Перетца объединял лучшие молодые силы того времени; участники семинара проходили строгую филологическую школу. Из семинара В. Н. Перетца вышла и первая печатная работа А. И. Никифорова «Киевские списки апокрифа о Макарии Римском» (Отчет об экскурсии семинара русской филологии акад. В. Н. Перетца в Киев 30 мая—10 июня 1916 года, Киев, 1916, стр. 91—124). По представлению акад. В. Н. Перетца и акад. А. А. Шахматова он был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности.

В 1918 году А. И. Никифоров переехал в Казань, где он не только готовился к сдаче испытаний, но и начинал самостоятельную исследовательскую работу. С 1919 года А. И. Никифоров состоял действительным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и Казанского общества любителей российской словесности имени Пушкина. К этому же времени относится и начало его педагогической деятельности. А. И. Никифоров вел практические занятия по литературоведению в тогдашнем Казанском высшем педагогическом институте.

В 1922 году А. И. Никифоров вернулся в Петроград и был приглашен научным сотрудником Толстовского музея. Работа в музее продолжалась 8 лет и закончилась в 1930 году в связи с временным закрытием музея и переводом его в Москву.

Одновременно А. И. Никифоров был избран в сотрудники Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока имени А. Н. Веселовского при Ленинградском университете.

В 1924 году им были сданы магистерские экзамены.

Исследовательская работа велась им в системе нескольких научно-общественных организаций того времени. В 1926 году он был избран действительным членом Русского географического общества. При отделе этнографии этого общества в те годы имелась Сказочная комиссия, возглавлявшаяся академиком С. Ф. Ольденбургом. А. И. Никифоров был

одним из активных членов этой комиссии, и ряд его статей опубликован в «Обзорах работ» этой комиссии.

В 1927 году А. И. Никифоров был избран научным сотрудником Института истории искусств по секции художественного фольклора. Секцию возглавляла В. П. Адрианова-Перетц. Ближайшее участие в работе этой секции принимал также акад. В. Н. Перетц.

А. И. Никифоров любил преподавательскую работу и всегда стремился к ней. С 1930 по 1936 год он преподавал в Ленинградской промышленной академии, где вел курсы истории русской литературы и истории русского языка. В 1936 году он был приглашен на должность профессора Ленинградского педагогического института; здесь он вел курсы русского фольклора, фольклора народов СССР, древнерусской литературы и славяно-русской палеографии. 28 мая 1941 г. он защитил докторскую диссертацию, озаглавленную «Слово о полку Игореве — былина XII века».

А. И. Никифоров погиб в Ленинграде во время блокады города в 1941 году.

Внешние данные биографии А. И. Никифорова не дают представления о размахе его научной деятельности. Круг интересов А. И. Никифорова был чрезвычайно широк. Его работы посвящены вопросам фольклора, этнографии, древнерусской литературы, новой русской литературы, лингвистики, палеографии, археологии, музееведения и педагогики. Труды его опубликованы главным образом в периодических изданиях: «Журнал Министерства народного просвещения», «Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете», «Известия отделения Русского языка и словесности Академии наук СССР», «Етнографічний вісник», «Советская этнография», «Народное творчество», «Slavia», «Ученые записки Ленинградского педагогического института».¹

Как историк литературы А. И. Никифоров, работая под руководством В. Н. Перетца, первоначально всецело посвятил себя изучению древнерусской литературы. Это увлечение не было случайным. А. И. Никифоров на всю жизнь сохранил глубокий интерес именно к древнерусской литературе. Основная проблема, волновавшая его, была проблема народности древнерусской литературы. Его особенно глубоко интересовали связи древнерусской литературы с народной поэзией. Здесь можно указать на две капитальные работы: «Фольклор Киевского периода» (История русской литературы, т. I, Изд. АН СССР, 1941, стр. 216—257) и докторскую диссертацию — «Слово о полку Игореве — былина XII века». В первой из этих работ с величайшей тщательностью собрано и сведено все, что в памятниках древнерусской литературы имеет отношение к народной поэзии. Работа эта останется неоценимым источником для всех, кто будет изучать русский фольклор в его развитии с древнейших времен.

Докторская диссертация А. И. Никифорова, защищенная незадолго до войны, осталась неопубликованной. И хотя основная идея, выраженная в заглавии, в настоящее время не может быть поддержана, эта работа навсегда сохранит свою ценность тем, что здесь с исчерпывающей полнотой собрано и изучено все, что относится к вопросу об отношении «Слова» к народной поэзии.

Однако любимой областью А. И. Никифорова, на которой постепенно сосредотачивалась вся его деятельность и где им созданы наиболее значительные работы, была область фольклора.

¹ Список трудов, вышедших до 1929 года, опубликован в книге «Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца 1907—1927», Л., 1929, стр. 54—55.

Первые фольклористические работы были посвящены изданию фольклорных материалов из Казанских архивов. В «Казанском музейном вестнике» (1920) им опубликована статья «Музей и рукописи» и в качестве приложения к ней — заметка «Несколько казанских заговоров». Там же в 1922 году под общим заглавием «Литературные материалы» им опубликованы заметки «Несколько жарт по музейному циклу» и «Рецестрик XIX века народных песен». В Казани же в 1922 году вышла первая крупная научно-исследовательская работа А. И. Никифорова — его магистерская диссертация «Русские повести, легенды и поверья о картофеле» («Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете», т. XXXII, вып. 1, 1922, и отдельно). В этой работе проявились все основные качества А. И. Никифорова как фольклориста и как специалиста по древнерусской литературе. В ней сопоставлены все списки двух повестей о происхождении картофеля и подробно рассматриваются их фольклорные источники, в свою очередь основанные на бытовой истории. В этой связи рассматривается и история сюжета, его развитие и дальнейшая судьба. Картофельные бунты и их отражения в фольклоре и литературе дают материалы для изучения крестьянской психологии и крестьянского мировоззрения дореформенного крестьянства, и эта сторона также изучается в этой работе.

Одна из ранних работ А. И. Никифорова — небольшая книга «Этнография в школе» (Л., 1926, 136 стр.).² Хотя книга эта сейчас во многом устарела, она отдельными своими частями может оказаться полезной и по сегодняшнему дню. Речь в ней идет не об этнографии, как о предмете классного преподавания, а об организации изучения и познания своего края. Цель — научить школьника всесторонне наблюдать и изучать текущую жизнь, где бы он ни находился. Основа — правильная организация собирательской работы и дальнейшая обработка материалов в соответствии с требованиями современной науки и действительной жизни. Предмет этнографии понимается очень широко: в нее входит, в сущности говоря, вся совокупность бытовой жизни в ее развитии от наиболее ранних времен до современности. Соответственно главная часть книги — программы собирательской работы. Таких программ имеется 66. В них как бы отражена вся жизнь и показано, что в этой жизни следует наблюдать и регистрировать. Острое чувство реальной действительности здесь сочетается с некоторым пристрастием к точной и дробной систематизации. В книгу включена чрезвычайно тщательно составленная библиография программ по сборанию этнографических и фольклорных материалов.

Фольклористические интересы А. И. Никифорова постепенно сосредоточиваются вокруг одного вида его, а именно сказки. Развитие интересов к сказке шло по двум направлениям: его интересовала, с одной стороны, поэтика сказки, с другой — ее реальное бытование, живые носители сказочной традиции. В итоге А. И. Никифоров пришел к выводу, что теоретическое изучение поэтики сказки невозможно без знания той обстановки, в которой бытует сказка, характера ее живого исполнения и всей совокупности быта и жизни крестьянства в момент записи. Объединяя эти два аспекта, А. И. Никифоров порывает с традицией узкофилологического изучения, господствовавшего как в русской, так и в зарубежной науке. Этим А. И. Никифоров становится на принципиально новый путь

² Рецензия П. Одарченко в журнале «Етнографічний вісник», 1929, кн. 8, стр. 258—259.

изучения фольклора, продолжая некоторые из традиций революционно-демократической фольклористики.

Определяющим моментом в развитии взглядов А. И. Никифорова были три северные экспедиции, совершенные специально для записи сказок.

Первая экспедиция была совершена в 1926 году в Заонежье, 6. Олонецкой губернии, вторая — в 1927 году в Пинежье, 6. Архангельской губернии, и третья — в 1928 году на Мезень, той же губернии.

Во время этих экспедиций был собран огромный и разнообразный материал. Издать его в те годы было трудно, и А. И. Никифоров был вынужден ограничиться публикацией кратких описаний. Данные о Заонежской экспедиции были напечатаны в «Обзоре работ Сказочной комиссии за 1926 год» (Л., 1927, стр. 11—21). Описание состоит из двух таблиц с перечнем исполнителей и сюжетов. От 75 лиц было произведено 238 записей, из них 165 — полных и точных записей текста и 63 конспективных или регистрационных записей. Материалы Пинежской экспедиции 1927 года описаны в «Обзоре работ Сказочной комиссии за 1927 год» (Л., 1928, стр. 41—48). От 61 лица было произведено 172 записи, из них 152 полных и 20 конспективных или регистрационных. Данные о последней и наиболее богатой экспедиции на Мезень опубликованы не были. В эту экспедицию было сделано 279 записей от 75 лиц.³ Таким образом собрание А. И. Никифорова — наиболее крупное из всех русских собраний. В количественном отношении оно превосходит собрание Афанасьева.

По существу почти вся дальнейшая научно-исследовательская работа А. И. Никифорова прямо или косвенно была связана с пристальным и углубленным изучением этих материалов и разрешением малых и больших проблем, связанных с собиранием, изданием и изучением сказки.

Охватив своими поездками обширный район, А. И. Никифоров увидел необходимость занесения собранного материала на карту. Картографирование фольклорных материалов — очень сложное дело, так как здесь могут иметься различные цели. Так, можно показывать на карте степень распространенности жанра сказки в разных районах, степень охвата собирательской работой, наличие и границы или отсутствие тех или иных сюжетов или типов и т. д. Весь комплекс этих вопросов, а также вопрос о технике их решения изложен в статье «К вопросу о картографировании сказки» («Обзор работ Сказочной комиссии за 1926 год», Л., 1927, стр. 1—11). Здесь же даны практические предложения и примерные образцы.

Основной вопрос, с которым А. И. Никифоров во время экспедиционной работы должен был столкнуться практически и теоретически, это вопрос о методике собирательской работы.

А. И. Никифоров отправился в экспедицию с установками, почерпнутыми из работ предыдущих собирателей. Русская собирательская работа, представленная такими именами, как Н. Е. Ончуков, А. А. Шахматов, братья Соколовы, Д. К. Зеленин, О. Э. Озаровская, М. К. Азадовский и др., может рассматриваться как работа определенной школы. Цель названных собирателей состояла в том, чтобы найти лучших сказочников и записать лучшие сказки. Однако, приехав на место, А. И. Никифоров увидел лишь ограниченную правильность таких установок и возможность иного решения вопроса методологии собирания. В статье о современном

³ Полевые записки А. И. Никифорова не сохранились. Чистовая рукопись Заонежской экспедиции содержит 196 текстов, Пинежской — 161 текст. Число мезенских записей показано по чистовой рукописи.

онежском сказочнике «Теперішній Заонезький казкар — оповідач» («Етнографічний вісник», 1930, № 9, стр. 1—44) он пишет: «Отправляясь за сказкой в первый раз, я ехал, конечно, с предвзятой мыслью, так усиленно внушаемой собирателями, о сказочнике-профессионале, об особом мастере сказки и т. п., и первым моим желанием было повидать такого мастера». Но в этом отношении пришлось разочароваться и изменить свое мнение. Выдающихся сказочников не нашлось, хотя от многих лиц и были записаны великолепные сказки. Основное же наблюдение, сделанное А. И. Никифоровым и легшее в основу всей его собирательской и частично исследовательской работы, состояло в том, что сказка живет не в устах каких-то специальных сказочников, а что она составляет общее достояние всех и что нет лиц, которые не рассказывали бы или хотя бы не знали сказку. И, следовательно, сказку следует изучать не как индивидуальное мастерство отдельных лиц, а как массовое, общенародное явление. Отсюда вытекает вывод, что сказку, как пишет А. И. Никифоров, надо «брать у всякого, кто может ее дать, и такую сказку, какая первая придет на память сказочнику». Соответственно А. И. Никифоров не искал «сказочников», а брал сказку от первого встречного, ходил из избы в избы, беседовал с любым встречным человеком, где бы он ни находился. Особое внимание А. И. Никифоров уделял детям, с которыми он умел дружить и которые дали ему большое число детских сказок. А. И. Никифоров стремился к широкому охвату исполнителей, записывая от людей всех возрастов, всех родов занятий, грамотных и неграмотных, от хороших, средних и плохих исполнителей, от мужчин, женщин, подростков и детей.

Эти установки для двадцатых годов были совершенно новы. Научная ценность и правильность их очевидна. В то время как предыдущие собиратели руководствовались принципом отбора, А. И. Никифоров принципиально становится на путь безотборочной, по возможности полной фиксации материала.

Уже после первой экспедиции А. И. Никифоров опубликовал статью «К вопросу о задачах и методах научного собирания произведений устной народной поэзии» («Известия Государственного русского географического общества», 1928, том 4, вып. 1), где он, не отвергая необходимости и пользы тех методов, которые уже практиковались, пытается определить пользу и иных методов собирания и фиксации в зависимости от тех целей, которые ставит себе собиратель-исследователь. В основном А. И. Никифоров ставит перед собирателями три задачи: задачи текстового порядка, задачи, связанные с исполнением текста и исполнителями, и задачи, связанные с изучением среды, в которой производится собирание материала.

В последующих своих работах А. И. Никифоров сам реализовал те требования, которые он ставил перед советской фольклористикой. Сюда относятся работы, посвященные рассмотрению собранных им материалов.

Первой работой, посвященной итогам экспедиций, была статья «Сьогочасна пінезька казка» («Етнографічний вісник», 1928, № 7, стр. 52—96). Со свойственной А. И. Никифорову обстоятельностью и систематичностью он здесь затрагивает самые разнообразные острые и дискуссионные вопросы в изучении сказки вообще, а не только пинежских материалов: вопросы географического охвата, транскрипции, краевого, этнографического, исторического, художественного изучения, вопросы методологии собирания, вопросы «биологии» сказки.

В статье «Теперішній Заонезький казкар-оповідач» («Етнографічний вісник», 1930, № 9, стр. 1—44) А. И. Никифоров излагает свои наблюдения над носителями сказки, над формами ее бытования, над отношением ска-

зочника и среды. В нашей фольклористике это пока наиболее полная и наиболее строгая работа по изучению сказки не в текстовом отношении, а в ее отношении к людям и быту. Изучаются типы сказочников в их отношении к репертуару, к манере исполнения, к стилю. В отличие от обычных, даваемых другими собирателями индивидуально-психологических характеристик или портретов, А. И. Никифоров изучает бытование сказки в его закономерностях. Такое строгое, даже несколько сухое изучение лучше приводит к пониманию сказки, чем художественно нарисованные портреты и характеристики исполнителей. А. И. Никифоров глубоко понимал красоту произведений народной поэзии, и эта красота открылась ему в живом общении с народом. «Тот, кто не слышал былины в пении и сказки в хорошем крестьянском исполнении, тот действительно не представляет себе всей захватывающей чисто художественной прелести произведений народной словесности», — пишет он в статье о Заонежском сказочнике.

Такая точка зрения определила глубокий интерес А. И. Никифорова к эстетике народной сказки, чему он впоследствии посвятил ряд работ.

Другая плоскость, в которой А. И. Никифоров изучал русскую сказку, были вопросы социальные.

Двадцатые годы были временем, когда советские фольклористы впервые начали понимать значение явлений экономического и социального порядка для жизни фольклора. Понимание фольклора как явления социального порядка требовало от фольклористов, воспитанных на традициях текстового и индивидуалистического изучения по отдельным сказочникам, пересмотра унаследованной методологии. Понимая сказку как явление социального порядка, А. И. Никифоров поставил вопрос об экономике и социальных отношениях, отраженных в сказке. Вопрос этот был тогда новый и решать его надо было с первичных простейших установлений. Этой проблеме посвящена статья «Социально-экономический облик севернорусской сказки 1926—1928 годов» (Сборник в честь С. Ф. Ольденбурга, 1933, стр. 377—397). На нарочито ограниченном материале здесь прослеживается, как в сказках о животных и в некоторых волшебных сказках (о змеборде) отражена конкретная жизнь северного русского крестьянина: окружающая его природа, фауна и флора, земледелие, хозяйство, промыслы, торговля. Отдельно ставится вопрос о классах и классовых отношениях. Ограниченность материала не дает прав на широкие выводы, но данная работа показывает плодотворность и новизну метода изучения сказки в связи с реальной действительностью. В этом отношении А. И. Никифоровым также проложены новые пути. Вопрос ставится не только как академический, работа представляет собой живо написанный очерк о жизни и быте севернорусского крестьянина.

Изыскания А. И. Никифорова были по существу неосуществимы на материале традиционных сборников, основанных на отборе лучших текстов. Поэтому вопрос о типах возможных сборников всегда интересовал А. И. Никифорова. Исподволь подготавливая свой материал к изданию, А. И. Никифоров с большим вниманием следил за современной ему собирательской работой.

Одновременно с А. И. Никифоровым и частично в тех же местах (Пинега, Мезень, Заонежье) и от тех же исполнителей собирала сказки детская писательница Ирина Валериановна Карнаухова. Собранные ею материалы были изданы в 1934 году под названием «Сказки и предания Северного края» с предисловием Ю. М. Соколова и под его редакцией. Этот сборник выполнен по традиционному принципу, выработанному задолго до револю-

ции. На собрание И. В. Карнаухова А. И. Никифоров откликнулся обширной рецензией «Проблема сказочного сборника» («Светский фольклор», 1935, № 2—3, стр. 412—423). Несмотря на богатство материалов этого сборника, а также на литературные таланты собирательницы, которая умеет излагать свои наблюдения в занимательной форме, сборник этот не удовлетворяет требованиям научности. А. И. Никифоров упрекает И. В. Карнаухову в искусственно произведенном отборе особенно интересных текстов и вариантов и пишет: «Все без исключения варианты имеют „особенный“ интерес, даже дефектные и разрушенные». Не удовлетворен он также принципом распределения материалов (смещение принципа районного и сюжетного), трактовкой проблемы сказочника и т. д. Из этой рецензии видно, что автор стремился к созданию сборника нового типа, ломающего установленные традиции.

Стремление понять и изучить сказку не только как текст, но как явление социальной жизни и идейно-художественного творчества народа противоположно формалистическим устремлениям, которые в 20-х годах имели место как в Западной Европе, так и в СССР. В ряде блестящих и острых рецензий, которые по существу представляют собой значительные статьи по вопросам методологии исследовательской работы, А. И. Никифоров выступил против всех видов формализма в науке о фольклоре. Такова его рецензия на книгу Р. М. Волкова «Разыскания по сюжетосложению народной сказки» и на работы так называемой финской школы (Известия II отд. АН СССР, т. XXXI, 1926, стр. 353—369). А. И. Никифоров вскрывает бесполезность механического сопоставления сюжетных схем, какими наполнена книга Волкова.

Глубокой принципиальностью отличаются работы А. И. Никифорова, направленные против так называемой финской школы в изучении сказки, которая занимала в те годы господствующее положение в западноевропейской науке, хотя отдельные критические голоса против нее и раздавались. Отдавая должное изумительной эрудиции ученых, работавших в этом направлении, и высоко оценивая некоторые конкретные достижения, признавая за каждым из трудов этой школы крупное научное значение и выдающийся интерес, А. И. Никифоров все же шаг за шагом с неумолимой логикой вскрывает шаткость основных предпосылок и методов этого направления: неубедительность и недостаточность статистических подсчетов, неприменимость их к установлению «праформы», фиктивность искусственно конструируемой «нормальной» формы сюжета, схематизм исторических построений и т. д. Такой же боевой характер имеют рецензии на книги русских ученых, вышедшие в Финляндии, В. Н. Андерсона — «Царь и аббат» и Н. П. Андреева «Легенда о двух великих грешниках» (там же). Рецензия на позднейшее крупное исследование Андерсона «Шванк о старом Гильдебранде» носит знаменательное название «Финская школа перед кризисом» («Советская этнография», 1934, № 4, стр. 141—144). Особое значение имеет его рецензия на книгу Карла Крона «Фольклористический рабочий метод» (1926), представляющую собой пособие для фольклористов («Етнографічний вісник», 1928, № 7). В некрологе, посвященном Карлу Крону («Советская этнография», 1934, № 1/2), А. И. Никифоров, дав исчерпывающую характеристику этого крупного ученого и добытых им конкретных результатов, все же подтверждает, что методы этой школы несомнестимы с советской фольклористикой.

Одна из наиболее важных теоретических работ А. И. Никифорова — обстоятельный критический разбор книги немецкого ученого Альберта Весельского (Wesselsky) «Versuch einer Theorie des Märchens», 1931 («Опыт

теории сказки»). В статье «Теория сказки Альберта Весельского» («Советская этнография», 1934, № 3, стр. 46—63) А. И. Никифоров дает подробное, объективное изложение этой книги, затрагивающей коренные вопросы науки о сказке. Эта книга представляет тем больший интерес, что она писана крупным знатоком и эрудитом и полемически направлена против существующих теорий, в особенности против финской школы, и претендует на новое решение этого вопроса. Отдавая должное всем частным достоинствам этой книги, А. И. Никифоров, уже вооруженный наблюдениями своей экспедиции над подлинной жизнью сказки в народе, над сказкой как явлением народной культуры, обусловленным историей и социальной жизнью народа, а также своими исследованиями о закономерностях поэтики и стилистики сказки, приходит к выводу, что логические абстрактно-эволюционные классификаторские построения Весельского не только фактически ошибочны, но и по существу реакционны: сказка признается только продуктом разложения мифа, сатирические сказки вообще не признаются сказками; в Европу сказка попала с Востока чисто литературным путем; она опустилась в народ, а не создана им. Эти и другие положения Весельского для советского фольклориста признаются неприемлемыми и несовместимыми с теми исканиями, которые характеризуют развивающуюся науку в СССР.

Все это показывает, что А. И. Никифоров вел страстную борьбу против ложных и реакционных устремлений в русской и зарубежной науке, причем не упрощал вопроса, как это иногда имело место в те годы, а решал его с полным пониманием его сложности. Стремлений А. И. Никифорова долгое время не понимали, к его работам не прислушивались. Выступая против формализма как научного метода, он вместе с тем никогда не был против изучения формы; наоборот, им создан ряд работ, посвященных поэтике сказки. Это дало повод для причисления его самого к формалистам. В первом томе книги «Русское народное поэтическое творчество» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1953) писалось: «Сугубо формалистическими являются работы по сказке Р. М. Волкова, В. Я. Проппа, А. И. Никифорова, по былинам — А. П. Скафтымова, М. О. Габель и др. В исследованиях о сказке Н. П. Андреева и А. И. Никифорова наиболее резко сказалось влияние той разновидности „теории заимствования“, которая в буржуазной науке представлена так называемой „финской школой“» (стр. 106, примечание; введение И. П. Дмитракова и А. М. Астаховой). Таким образом, А. И. Никифоров здесь объединен с Р. М. Волковым, Н. П. Андреевым и с финской школой, против которых он так страстно и обоснованно выступал.

А. И. Никифоров изложил свои взгляды на сущность сказки в ряде очерков исследовательского характера. Он много занимался изучением теоретических вопросов. Как уже указывалось, он особенно интересовался вопросами эстетики сказки.

Одна из наиболее значительных теоретических работ А. И. Никифорова — небольшая статья в сборнике в честь А. И. Соболевского (1928) «К вопросу о морфологическом изучении сказки». Эта статья представляет собой схематическое изложение незаконченного исследования по морфологии великорусской волшебной сказки. Этому исследованию не суждено было завершиться. Оно было воспринято как формалистическое. Такое понимание этой работы ошибочно; как уже указывалось, А. И. Никифоров был ярким противником формалистического изучения сказки, что вовсе не исключало необходимости изучения художественных форм фольклора в их закономерности. Работу А. И. Никифорова нельзя считать формалистиче-

ской уже потому, что изучение закономерности художественных форм сказки для А. И. Никифорова не было самоцелью. Оно задумано как предварительная ступень историко-генетического изучения. Без изучения специфически-сказочной единообразной закономерности строения сказки, свойственной волшебной сказке народов всего мира, историческое изучение было бы невозможным. Работа А. И. Никифорова направлена против господствовавшей тогда теории миграции и открывает новое направление. Основные законы строения волшебной сказки изложены в кратчайшей форме; это — закон троекратного повторения и его вариации, закон расположения действия сказки вокруг одного или двух героев, находящихся в строго определенных отношениях (например, антагонистов). Этот закон назван им законом стержня одногеройной или двухгеройной сказки. Все действие сказки совершается строго последовательно, и эта последовательность определяется единством функций действующих лиц. В ходе действия определяются связи главного действующего лица с другими персонажами, представляющие собой типичные сказочные эпизоды (дежурство на могиле, бой со змеем, бегство и т. д.). Рассматриваются также типы женских и мужских сказок, их основные отличия и ряд других вопросов.

Несмотря на свою краткость, эта статья содержит обширную и хорошо продуманную программу изучения структурных особенностей сказки. Она содержит принципиально важные открытия. Мимо этой работы не пройдет ни один исследователь, изучающий закономерности строения волшебной сказки.

Один из кардинальных вопросов в изучении сказки — вопрос о жанрах. «Сказка» — понятие собирательное, объединяющее разнообразные виды народной прозы. Определение жанрового состава сказки — одна из научных проблем в изучении сказки, и А. И. Никифоров много работал над этой проблемой.

Одна из основных мыслей А. И. Никифорова состояла в том, что жанры сказки определяются не только содержанием и формой ее, и не тем, как сказка выглядит со страниц книги, но и тем, как она исполняется и как слышится. Этим А. И. Никифоров вносит новую струю в сложный вопрос о классификации сказок.

Этому вопросу посвящена статья «Народная детская сказка драматического жанра» («Обзор работ Сказочной комиссии за 1927 год». Л., 1928). Не ставя еще вопроса о новых принципах классификации в целом, А. И. Никифоров выдвигает здесь один вид сказок в особый самостоятельный жанр. Слушая сказки, А. И. Никифоров заметил, что ряд сказок всегда исполняется одинаково. Эти сказки рассказываются не нарративно, а драматически; они театрализируются, т. е. сопровождаются жестами и имитацией действия, они объединяются единством применяемых интонаций и часто исполняются ритмизованно. Собрав воедино эти сказки по исполнительскому признаку, А. И. Никифоров увидел, что они отличаются и единством своих структурно-композиционных особенностей. Это — главным образом кумулятивные сказки (Колобок, Петушок подавился и др.) и примыкающие к ним (Мена, Звери в яме и др.). Путем сопоставления этих сказок по их структуре выясняются особенности этих сказок, и они выделяются в особый жанр. Легко заметить, что эта классификация идет в совершенно ином русле, чем традиционное деление сказок на сказки о животных, волшебные, бытовые и т. д.

Принятое А. И. Никифоровым деление не могло войти в науку, так как в огромном большинстве случаев формы исполнения собирателями не

фиксировались. Важен, однако, самый принцип. А. И. Никифоров пишет: «Произведение народной словесности — не литература, которая пишется писателем молча за столом и читается читателем тоже молча за столом. Наоборот, сказка, песня, былина и т. д. прежде всего произносятся, бытуют только устно, живы тогда и до тех пор, когда и пока произносятся. Текст сказки без учета его исполнения — труп. И изучение этого трупа дает понимание анатомии сказки, но не жизни сказочного организма. Другими словами, чисто историко-литературный подход к изучению произведений народной словесности, господствующий в науке и объясняемый тем, что занимались такими изучениями пока главным образом историки литературы, с точки зрения чисто фольклористической должен быть сменен другим подходом — фольклористическим. Для фольклориста сказка обязательно должна быть чем-то более сложным, чем только записанный собирателем текст».

Собирая сказку сплошь, без всякого отбора, А. И. Никифоров должен был встретиться с явлением, которое собирателями обычно замалчивается, — с наличием некоторого количества сказок с содержанием или элементами эротического характера. Часто эти сказки заострены сатирически против попа, его жены и их работника — на что еще указывал Белинский в своем предсмертном письме Гоголю. Этому вопросу посвящена небольшая статья А. И. Никифорова «Эротика в великорусской народной сказке» («Художественный фольклор», IV—V, 1929, стр. 120—128). Обходить этот вопрос — также ненаучно, как игнорировать арабские сказки, старофранцузские фавль, новеллы Поджио и Боккаччо, польские фацеции, немецкие шванки и т. д. В статье А. И. Никифоров делится с читателем своими наблюдениями, сделанными во время экспедиций, и настаивает на необходимости при изучении этих явлений встать на точку зрения крестьянина, который не видит ничего предосудительного в том, чтобы вещи назывались их именами. Применение подобных мотивов может служить чисто комическим, в особенности сатирическим целям. Можно говорить также об особом жанре таких сказок. Наблюдения высказаны бегло в порядке постановки вопроса.

Выделяя и определяя жанры по композиционному признаку, А. И. Никифоров посвятил специальную работу жанру докучной сказки. Не случайно, что А. И. Никифоров много занимался детской сказкой. Записывая от всех без отбора, он собрал большое количество именно детских сказок. В числе этих детских сказок имеется большое количество весьма разнообразных докучных сказок. Они обратили на себя особое внимание А. И. Никифорова, и он посвятил им специальную работу «Російська докучна казка» («Етнографічний вісник», 1932, № 10, стр. 47—103). А. И. Никифоров использовал не только свои записки, но и материалы из других сборников (оказавшиеся очень немногочисленными) и подверг докучную сказку полному и систематическому изучению. Со свойственной ему склонностью к точной и подробной систематизации он дал подробную типологию этих сказок. В статье приведен богатейший материал (свыше 150 текстов) главным образом из собственных собраний. Этот материал с полной ясностью и убедительностью показывает, какие типы или виды и разновидности таких сказок существуют (коротушки, издевки, бесконечные, вопросно-ответные и др.). Затрагиваются также вопросы происхождения и бытования этих сказок, рассматриваются смежные жанры, вопросы стиля и содержания их. Научное изучение детского фольклора у нас мало развито. Статьи А. И. Никифорова важны не только для фольклористов, но для педагогов и воспитателей.

Несмотря на незначительность этого сказочного материала по своему «идейному» содержанию, статья А. И. Никифорова обладает большим научным интересом. Если бы такие же обстоятельные и логически стройные работы имелись и по другим жанрам русской сказки, многие вопросы изучения сказки уже были бы разрешены.

Несколько лет спустя после названных работ А. И. Никифоров вернулся к вопросу о жанрах уже в более широком аспекте.

В статье «Жанры русской сказки» («Ученые записки факультета языка и литературы Ленинградского педагогического института», 1938, I) А. И. Никифоров подвергает ревизии существующие системы классификации и выдвигает новый принцип: принцип классификации сказок по их функциям. Он выделяет сказки, исполнение которых связано с различными формами крестьянского труда (сопутствующие труду), сказки чисто-развлекательные (как сказки детские, сказки, рассказываемые в клубах, анекдоты и пр.), сказки социально-боевые (главным образом — сатирические). Кроме того, выделяются сказки, исполняемые при некоторых обрядах (например, при свадьбах).

Классификация, предложенная А. И. Никифоровым не вошла и не могла войти в науку, так как в преобладающем большинстве сборников не содержится никаких сведений о том, какие функции те или иные сказки выполняют. Но дело не только в этом, но и в том, что одни и те же тексты могут выполнять разные функции, и классификация по функциям не отменяет классификации по сюжетам. Но как попытка изучить социальную и бытовую функцию сказок и изучить поэтику сказок не только в зависимости от сюжета, но и от цели исполнения, попытка А. И. Никифорова имеет важное значение. Социальная, общественная функция, выполняемая сказкой, ее роль в сельской среде несомненно должна быть изучена, и в этом отношении А. И. Никифоровым сделано очень много. Но попытка положить эту сторону жизни сказки в основу классификации должна быть признана результатом некоторого увлечения.

Другая проблема, над которой много работал А. И. Никифоров, была проблема стиля сказки.

Изучение стиля сказки, как оно мыслилось А. И. Никифоровым, значительно отличается от того, как оно велось в фольклористике 20—30-х годов. Преобладало описательное изучение индивидуального стиля отдельных исполнителей. А. И. Никифоров ставит проблему стиля сказки по существу, а не только применительно к отдельным исполнителям. Эта проблема затронута в краткой заметке «Важнейшие стилевые линии в тексте северной русской сказки» («Slavia», 1934, XIII, стр. 52—69).

А. И. Никифоров ставит задачу всестороннего изучения сказочного стиля именно как сказочного. Стиль определяется не только языковыми средствами, но шире. Он зависит от жанра сказки, так как разные жанры обладают разными стилями. Стиль определяется, в числе других факторов, и композицией ее. Он определяется бытовыми элементами (полом, возрастом, социальным и национальным признаком, местными факторами, индивидуальными вкусами). Устанавливаются также возможные категории стиля со стороны речевых элементов. Наконец, стиль определяется характером сказа (простой, амплифицированный, патетический, раешнический, балагурный и т. д.).

Как и в других случаях, А. И. Никифоров не решает проблемы, он ставит вопросы, имеющие важное значение в период поисков методологии, когда за исследование нельзя было братья на основе методологии традиционной.

В небольшой заметке «Мотив, функция, стиль и классовый рефлекс в сказке» А. И. Никифоров подчеркивает необходимость классового изучения сказки. «Классовость должна быть вскрыта и в истории сказочных сюжетов, и в их компоновке, и в материально-бытовом и стилистическом оформлении сказки». На анализе одного мотива, а именно сказочных концовок с рассказом о вступлении героя в брак прослеживается, как крестьянское классовое сознание отражено не только в содержании, но и в стиле рассказа и в его функции.

Хорошо зная сказку по ее бытованию, сюжетам, художественным особенностям, теории и истории ее изучения, А. И. Никифоров создал несколько очерков сводного, обзорного характера.

Одна из лучших работ А. И. Никифорова — вводная статья «Сказка, ее бытование и носители» к антологии, составленной О. И. Капица «Русские народные сказки» (1930). Здесь дано хорошо продуманное определение сказки и всех ее признаков, затронут вопрос о ее видах, об исполнителях и исполнительском искусстве и т. д. Педагогический талант А. И. Никифорова помог ему написать работу, которую можно рекомендовать всякому, желающему начать изучение сказки.

Неопубликованным остался очерк «Сказка», назначавшийся для VIII тома «Литературной энциклопедии». Эта статья носит справочный характер. В сжатом изложении она содержит все необходимые сведения о сказке, ее художественных особенностях, истории ее изучения и т. д. К статье приложена богатая библиография.

По существу носит обзорный характер и его комментарий к статье А. Н. Веселовского «Лорренские сказки» в XVI томе сочинений Веселовского (1938, стр. 212—231, комментарий стр. 337—345). Кратко и сжато, но с большим количеством имен здесь дается характеристика французской собирательской работы, оценка сборника Коскена, которая дается в рамках развития общеевропейского сказковедения. Здесь рассматривается мифологическая школа, индизмизм и школа заимствования, к которой принадлежали Коскен и Веселовский. Вопрос отнюдь не упрощается. На примере древнеегипетской сказки о двух братьях и ее понимании Коскеном, Веселовским и последующими учеными А. И. Никифоров показывает спорность вопроса о миграции, неправомерность безусловного причисления Веселовского к миграционистам и вскрывает главные стороны этой теории, показывает ее вырождение в последующей европейской фольклористике и смену ее другими направлениями. Краткий комментарий к статье Веселовского вырастает в историю методологических исканий в европейской науке и определение места Коскена и Веселовского в этой науке.

Несколько особняком стоят работы, посвященные сказочному фольклору других народов, кроме русского.

В Педагогическом институте А. И. Никифоров читал курс фольклора народов СССР. Относясь творчески ко всякому начинанию, А. И. Никифоров и в этой области создал ценные работы.

Особое внимание А. И. Никифорова привлек фольклор чукчей. Изучение творчества народа, в быту которого еще не были преодолены формы жизни первобытно-общинного строя, представляет большой интерес не только для изучения данного народа, но и для разрешения сложных проблем возникновения и первоначального развития отдельных жанров фольклора. В этом смысле изучение фольклора народов на ранних ступенях их общественно-экономического развития важно и для понимания фольклора народов, стоящих на более поздних ступенях развития. Чукотский фольклор изучался А. И. Никифоровым в его непосредственных связях с рус-

ским фольклором и с точки зрения проблемы взаимоотношения фольклора и мышления.

В небольшой заметке «Чукотский сказочник и русская сказка» (Сборник «Памяти Богораза», 1937, стр. 207—212) подробно рассмотрена одна из чукотских сказок собрания В. Г. Богораза («Материалы по изучению чукотского языка и фольклора», ч. I, 1900). А. И. Никифорову удалось вскрыть, что эта сказка представляет собой беспорядочный конгломерат из плохо понятых русских сказок. Это доказывается не только анализом текста, но и изучением исполнителя. Никаких широких теоретических выводов А. И. Никифоров не делает, но сделанное им наблюдение предохраняет исследователя чукотской сказки от ошибки понимания этого текста как исконно чукотского.

Более широкое принципиальное значение имеет статья «Структура чукотской сказки как явление примитивного мышления» («Советский фольклор», 1935, № 2—3, стр. 233—272). Хорошо зная европейскую сказку и ее структурные особенности, А. И. Никифоров попытался применить мерку европейских сказок к сказке чукотской. Результат получился отрицательный. Чукотская сказка оказалась несоизмеримой со сказкой европейской. Она обладает некоторыми формальными аналогиями с европейской сказкой, но эти аналогии имеют иное содержание. Так, чукотская сказка не знает начал и концовок, характерных для европейских сказок, но она имеет иные формы начал — сказка начинается с констатации факта, или слушатель вводится прямо *in medias res*. Концы иногда имеют магически-заклинательное значение, хотя чукотская сказка в целом это значение утратила. Чукотская сказка не знает закона тричности, но ей присущ аналогичный закон пятиричности. В ней иные общие места, чем в европейской сказке; она не знает повторности повествования, второго хода повествования, который до некоторой степени повторяет предшествующие ходы повествования. Зато чукотская сказка вся наполнена превращениями героев и путешествиями их — частично по иным мирам.

А. И. Никифоров отнюдь не ставит себе задачей дать сколько-нибудь полную характеристику структуры чукотской сказки. Его задача состоит в том, чтобы показать, что закономерности формальных особенностей коренятся в закономерностях мышления на соответствующей стадии развития человеческого общества. Так, пятиричность основана на счете по пятеркам, т. е. по пальцам, — счет, известный многим народам и лежащий в основе современной десятиричной системы. Превращения в сказке связаны с характерным для примитивного мышления отождествлением субъективного и объективного мира. Передвижения героя связаны с представлениями о том, что примитивный человек чувствует свою жизнь главным образом как движение, и окружающий мир является ему не только живым, но и всегда движущимся. Это показывает, что художественная форма не была для А. И. Никифорова самоцелью. Форма рассматривается как манифестация мышления, обусловленного ступенью развития культуры и общественного строя данного народа.

Сказка была главным, но не единственным предметом интересов и занятий А. И. Никифорова. По поручению Фольклорной комиссии при Институте этнографии он подготовил к печати новое издание «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга. Издание это — лучшее из имеющихся изданий сборника Гильфердинга. Тексты проверены по рукописям полевых записей Гильфердинга, причем внесен ряд поправок и дополнений. К каждому тексту даны комментарии. Издание началось со второго тома (1938), выполненного А. И. Никифоровым единолично. Последующие тома подготов-

лены в сотрудничестве с известным сибирским фольклористом Георгием Семеновичем Виноградовым. До войны вышли том второй и третий, а после войны Институт русской литературы (Пушкинский дом) выпустил первый том с вступительной статьей В. Г. Базанова и переиздал тома второй и третий (1949 и сл.). Это издание представляет собой образцовый пример переиздания классического наследия русского фольклора.

Смерть настигла А. И. Никифорова в расцвете его творческих сил. Им была подготовлена к печати антология обрядовой поэзии со вступительной статьей для «Библиотеки поэта». Замысел этот до конца не осуществился. Не успел он также отредактировать большую работу о русской календарно-обрядовой поэзии, в которой собран огромный материал и богатейшая библиография и где сделана попытка показать повторяющиеся закономерности в циклах народных праздников и объяснить их.

Огромное, оставленное А. И. Никифоровым собрание сказок при его жизни не могло быть опубликовано. Установки А. И. Никифорова на изучение масс были противоположны господствовавшему тогда стремлению в первую голову охватывать отдельных, выдающихся мастеров. Такое стремление имело несомненные положительные стороны. Вышел целый ряд замечательных публикаций сказок, записанных от одного лица. В вступительных статьях изучались биографии, репертуар, стиль, манера исполнения сказителя. Было открыто несколько замечательных исполнителей-художников. Вместе с тем, однако, такое индивидуалистическое изучение таит в себе ряд опасностей. Исполнители изучаются индивидуально-психологически, в отрыве от истории, общественных отношений, быта, от творчества масс. При таком изучении в итоге получается не только неправильное представление о характере народной традиции, но стираются грани между литературой и фольклором. Теоретики того времени считали, что говорить о коллективном творчестве народа могут только романтики и что никакого принципиального отличия между фольклором и литературой нет. Такова была господствующая точка зрения тех лет. Наиболее последовательно она изложена в вводной части книги Ю. М. Соколова «Русский фольклор» (М., 1938).

Теория А. И. Никифорова была диаметрально противоположной. Его прежде всего интересовало именно творчество масс. Отдельный исполнитель интересовал А. И. Никифорова прежде всего как представитель среды, которая этого исполнителя создала, из которой он вырос.

В настоящее время совершенно очевидно, что обрисованные две точки зрения отнюдь не исключают одна другую, что широко, углубленно должны изучаться как среда и масса, так и отдельные более талантливые представители ее. Однако в 20—30-е годы здесь видели неизгладимое противоречие. А. И. Никифоров в те годы в этом отношении был в меньшинстве, можно сказать — в одиночестве. Это послужило одной из причин, почему собрание его сказок не могло быть напечатано при его жизни.

Но были и другие, более внешние причины: тип подготовленного А. И. Никифоровым сборника был настолько необычен, что в то время не находил поддержки. Охарактеризованные выше работы А. И. Никифорова по методологии собирания ясно указывают, к чему он стремился: он хотел показать сказку как явление всенародное по своему бытованию и обусловленное не только индивидуальной психологией исполнителя, но прежде всего причинами исторического и социального порядка.

Выполненное по этим принципам собрание пугало своей новизной и необычайностью. Собрание Никифорова представляет огромную рукопись,

объемом не менее 100 печатных листов текстов сказок, записанных более чем от 200 лиц. Одна из особенностей этого собрания состоит в том, что здесь наряду с великолепно рассказанными текстами содержатся сказки среднего и низкого художественного достоинства, похабные сказки, сказки запутанные, отрывочные, записанные иногда точно, иногда конспективно. Большое количество сказок записано от детей. Здесь, с одной стороны, имеются великолепные собственно детские сказки, рассказанные самими детьми, с другой же стороны, от детей записаны сказки, слышанные от взрослых, но недопонятые ими, спутанные и искаженные, но записанные все же совершенно точно. В одном отношении А. И. Никифоров своей цели достиг: собранные им материалы дают, по-видимому, вполне правильное представление о действительном состоянии сказочной традиции и народном искусстве рассказывания, какое имело место в 20-х годах в обследованных районах. Оно дает более точное представление, чем любой другой районный русский сборник, так как дает картину очень широкую и совершенно неприкрашенную. Однако неизбежное в таких случаях наличие довольно значительного количества неполноценных в художественном отношении текстов затрудняет вопрос об издании этого собрания.

Другая особенность собрания А. И. Никифорова состоит в его способе фиксации народной речи. Стремясь всюду к полной объективности и точности, А. И. Никифоров стремился к фонетически точной записи слышанного рассказа. Вместе с тем, однако, вопросами транскрипции и текстологии А. И. Никифоров не интересовался ни теоретически, ни практически. Это видно, например, по тем немногим публикациям, которые ему удалось осуществить. Им было опубликовано 15 текстов, объединенных общностью одного сюжета — сюжета змеборства («Советский фольклор», 1936, № 4—5, стр. 143—242). К этому изданию имеется небольшая вводная заметка о принципах публикации по сюжетам и приводятся данные об исполнителях. Но А. И. Никифоров ни словом не обмолвился о характере фонетической записи и текстологических принципах издания. Эти вопросы его мало интересовали.

В архиве А. И. Никифорова не нашлось также вводной статьи к его большому собранию сказок, где эти принципы могли бы быть изложены.

Изучение записей А. И. Никифорова приводит к выводу, что он руководствовался стремлением записывать каждое слово так, как оно слышится. Но так как непроверенное слуховое восприятие может оказаться весьма субъективным, той фонетической точности, к которой стремился собиратель, не получилось. К тому же, как это хорошо известно всем собирателям сказок, при быстром исполнении точно записать не только произношение, но даже и просто речь исполнителя бывает не только трудно, но и невозможно. В процессе быстрой записи собиратель невольно забывает о фонетической записи и начинает писать так, как он привык.

От этих недостатков несвободно и собрание А. И. Никифорова. Его фонетическая запись очень часто сбивается на орфографическую. Особенности диалекта иногда сохраняются, иногда нет. Все это затрудняет чтение и создает большие препятствия при издании и печатании этих сказок. В этом — одна из причин, почему издатели отказывались печатать материалы А. И. Никифорова.

Не видя возможности издать свое собрание в том виде, в каком оно было задумано и выполнено, А. И. Никифоров обратился с письмом к Горькому. Он послал ему три образца своих записей и изложил возможные проекты издания своего собрания. Горький ответил коротким письмом, в котором писал: «Лично я — решительно против издания „рядового без-

отборочного“ материала фольклорного, ибо считаю вредным вносить в современный языковый хаос массу местных речений, провинциализмов и т. д. Я — за строгий отбор, за чистоту „кондового“ великорусского языка, за внесение его в язык литературный”.⁴ В дальнейшем Горький предлагал обратиться в те научные учреждения и издательства, которые (чего Горький не знал) уже отвергли рукопись А. И. Никифорова.

Не желая идти на компромиссы, А. И. Никифоров перестал готовить свое собрание к изданию.

В настоящее время необходимость издания хотя бы части собрания А. И. Никифорова не вызывает сомнений.. Это — огромное собрание, которое содержит великолепные, свежие материалы. Метод Никифорова — брать сказку широко и у всякого, кто ее рассказывает, дал нам новое представление о богатстве русского сказочного репертуара. Им, например, впервые записан ряд сказок, которые до сих пор в русском репертуаре были неизвестны. И если нельзя ручаться за точность каждого записанного Никифоровым звука, то можно ручаться за точность каждого слова сказки. Точность записей дает чрезвычайно яркое представление о живости и выразительности непринужденной речи северных крестьян.

Между точкой зрения Никифорова и точкой зрения Горького нет непреодолимых противоречий. Собрание Никифорова, как собрание массовое и безотборочное, имеет первостепенное значение для тех ученых, которые подробно будут изучать сказку и ее распространение и бытование. Для таких ученых доступен архив, где эти записи бережно хранятся в оригиналах и копиях. Горький же имел в виду не профессиональных ученых, а запросы широких читателей, которых надо приобщать к жемчужинам народной поэзии. Для широкого читателя должен быть произведен отбор, причем в подаче текстов читателю нужно облегчить языковое восприятие и освободить их от некоторых своеобразных особенностей фиксации народной речи, какие были свойственны записям Никифорова.

В настоящем издании отбор произведен по следующим принципам.

Из собрания исключаются:

1. Записи, названные собирателем «регистрационными», состоящие в кратчайшем перечислении основных мотивов с целью зарегистрировать наличие сюжета.

2. Записи, названные собирателем «конспективными» и состоящие из более или менее подробного изложения хода действия, иногда в соединении с отдельными эпизодами, записанными дословно. Сюда же относятся записи, обозначенные как «полуконспективные», «не буквальные» и пр.

3. Сказки, не доведенные рассказчиками до конца вследствие забывчивости или нежелания продолжать рассказ.

4. Сказки, в художественном отношении неполноценные: фрагментарные, рассказанные отрывисто, схематически, с нарушением логической или художественной связи, с пропусками, противоречиями, или рассказанные бледно или растянуто.

5. Произведения, не относящиеся к сказочному фольклору, как рассказы снов, приключений из своей жизни или из жизни других людей, а также произведения других жанров: бывальщин, библейских легенд и т. д.

⁴ Письмо Горького было опубликовано А. И. Никифоровым с подробными примечаниями в «Ученых записках Педагогического института» (т. III, вып. 2, Л., 1940, 253—254).

6. Сказки, неудобные для печати по своим сюжетам как в целом, так и по частям или эпизодам.

7. При наличии нескольких или многих вариантов одной и той же сказки отбираются наиболее удачные в художественном отношении.

Поскольку, однако, именно совокупность и цельность собранного А. И. Никифоровым материала имеет выдающееся не только узко-специальное, но и более широкое значение, к настоящему изданию прилагается опись материалов, собранных А. И. Никифоровым, по которой видно, где, от кого и что было записано, о чем рассказывает народ, видно, из чего сделан отбор.

Особого рассмотрения требует вопрос о последовательности, в какой тексты издаются. По рукописям видно, что А. И. Никифоров менял порядок расположения текстов. Первоначально сказки были расположены соответственно маршруту экспедиции по местностям и исполнителям, о чем свидетельствует имеющаяся нумерация текстов и пагинация.

Впоследствии А. И. Никифоров изменил свой план и расположил тексты по сюжетам соответственно «Указателю сказочных сюжетов по системе Аарне», изданному Н. П. Андреевым; такая система расположения оказалась неудачной. Не говоря уже о том, что «Указатель Аарне» есть научно-технический справочник и что его классификация носит чисто формальный характер и не соответствует художественной природе сказок, большинство сказочных текстов состоит из соединения нескольких сюжетов; отнесение их только к одному из них создает путаницу. Этот порядок неудобен также с точки зрения читательских интересов. Читателю предлагается ряд односюжетных сказок. Поэтому в данном издании сохранен первоначальный проект А. И. Никифорова: сказки расположены соответственно маршруту в том порядке, в каком это было предусмотрено самим собирателем.

Более труден вопрос о языковой и текстологической редакции текста. Собрание А. И. Никифорова публикуется не в лингвистических целях. Те, кто хотел бы воспользоваться записями А. И. Никифорова в целях изучения вопросов диалектологии, могут обратиться к изданным самим А. И. Никифоровым избранным текстам своего собрания под названием «Победитель змея», о чем говорилось выше. Сто страниц этого собрания из разных районов дают ясное представление об особенностях записи А. И. Никифорова и о том, в какой степени эти записи могут или не могут быть использованы в лингвистических целях.

Настоящее издание назначается для использования фольклористами, литературоведами и широким кругом читателей. Поэтому редакция, которая была придана этим текстам собирателем, изменена по следующим принципам.

В отличие от принятой А. И. Никифоровым системы обозначения все общерусские слова в общерусском произношении передаются орфографически.

Так, гласные *ы*, *ю*, *я* после шипящих обозначаются как обычно, т. е. вместо *живой*, *добычу*, *чясто* и т. д. мы даем *живой*, *добычу*, *часто*.

Оглушение согласных в конце слов не показывается. Вместо *дуп*, *зажок*, *сквозь* и т. д. дается *дуб*, *зажег*, *сквозь*.

Звонкие согласные перед *д* и *б* обозначаются соответственно правилам орфографии: вместо *зделался*, *здавай*, *збруя* и т. д. печатаем *сделался*, *сдавай*, *сбруя*.

Сочетание *шч* заменяется через *щ*. Вместо *яшчик*, *Кошчсй* и т. д. печатаем *ящик*, *Кошей*. Этот же принцип сохраняется для слов в местном

произношении. Написание *щобы*, *першчатки* заменяется через *щобы*, *першчатки*.

Не сохраняется обозначение палатализации после согласных, которые всегда произносятся мягко (вместо *дочька*, *царевичь* и т. д. — *дочка*, *царевич*; вместо *опустьил*, *посьле* — и т. д. — *опустил* *после*).

Греческая гамма для обозначения фрикативного звука *ɣ* (богатый) всюду заменяется через русское *г*.

Удвоенные буквы с применяется соответственно нормам орфографии. Написание *растрелять*, *рассказ* и т. д. заменяется через *расстрелять*, *рассказ*.

Буква *ё* заменяется буквой *е* во всех случаях, когда такое обозначение принято современной орфографией. Так, написание *твоё*, *ползёт*, *воронёнок*, *вдвоём* и т. д. мы заменяем через *твое*, *ползет*, *вороненок*, *вдвоем* и т. д. Написание через *ё* сохраняется в тех случаях, когда оно обозначает необычное в литературном языке произношение: *синё море*, *у ёго*.

Орфографически изображаются также окончания *-тся* и *-ться*. Разнообразие в написании этих окончаний у А. И. Никифорова довольно велико, причем разница между инфинитивом и формами в третьем лице не показывается (*тця*, *тца*, *тса*, *тце*, *тсе* и др.). Возможно, что у собирателя были какие-то причины в непоследовательном выборе того или иного написания (иногда в том же тексте), но современным читателем эта причина не улавливается, и такие написания всюду заменены орфографическим изображением.

Сочетания согласных, которые в живой речи целиком не произносятся, в настоящем издании изображены так, как это привык видеть русский читатель. Вместо *празник*, *дожжя*, *приежжает*, *приезжаэт*, *млаший* и т. д. всюду пишется *праздник*, *дождя*, *приезжает*, *младший* и т. д. Из этого делается исключение только в тех случаях, когда обозначается не общерусское, а диалектное произношение. Так, написание *соньце* сохраняется.

Названные случаи решаются сравнительно легко; более труден вопрос о редактировании диалектальных особенностей текста. В данном издании полностью сохраняются все особенности лексики, словосложения, словоизменения и синтаксиса независимо от того, соответствуют или не соответствуют ли они современным литературным нормам. Так, не подвергаются изменениям или унификации такие особенности склонения, как *шли по дороги*, *на службы служил*, *в концы концов*, *слезми*, *у ёго*, *у ей*, *люди егова государства*, *со своима товарищам* и т. д.

Сохраняются также особенности спряжения, как, например, *потемнет*, *желат*, *съес* и т. д.

Не подвергаются редактированию особенности словообразования и словоупотребления: *отдох*, *спровожать*, *закружалась*, *королюет*, *у его не было ничем ничего*, *дожил до возрасных лет* и т. д.

Равным образом сохраняется передача небрежной или ускоренной речи: *грит*, *гыт*, *нечо не будет*, *тока* (только) и т. д.

Несколько иначе приходится подходить к вопросу о сохранении особенностей произношения. Способ передачи произношения приходится подвергать некоторой переработке, так как в записях А. И. Никифорова нет системы и единства. Вот несколько ярких примеров. В мезенской сказке типа «Деревянный орел» (Мез. № 37) мы имеем написания: *ларецёк*, *ларецек*, *ларёчек*, *ларечёк* и *ларечек*. Такие случаи — отнюдь не исключение. В одном и том же тексте можно встретить написания: *царсво*, *царьство* и *цярьство*, или *церков*, *церьков*, *церковь* и *церков*. В одной из пинежских сказок (№ 22) мы встречаем написания *пшеница*, *пшаница* и

пшеница. Есть случаи, когда разнобой имеется в пределах одной фразы, например: «Эх змия, говорит, эх зьямия-матушка». — «Запрягай, Мишка, свою лошащинуку, в карету. Мишка стал *запрегать*».

Наличие такого разнобая ставит издателя в чрезвычайно трудное положение. Единственно правильный способ исправления состоял бы в проверке обозначенного произношения на местах. Поскольку этот способ контроля неосуществим, приходится довольствоваться компромиссами, учитывая при этом не только интересы лингвистов, но и широкого круга читателей.

Возможно, что сохранение такого разнобая было бы целесообразным, если бы мы были уверены, что он точно соответствует колебаниям в речи. Но этой уверенности у нас отнюдь нет. Часто разнообразие следует отнести за счет непоследовательности в написании, весьма естественной при быстрой записи речи сказочника. Отличить в настоящее время, где имеются колебания в произношении и где — непоследовательность в написании, совершенно невозможно. Разнобой тормозит процесс художественного восприятия. Вместе с тем очевидно, однако, что такое редактирование не может быть произведено прямолинейно по всему собранию в целом и что здесь требуется осторожное и дифференцированное решение вопроса.

В тех текстах, где местное произношение фиксируется собирателем последовательно и без всяких отклонений и колебаний, особенности произношения полностью сохраняются в том написании, в каком это дано собирателем. Обычно это — короткие тексты, чаще всего записанные от детей, рассказывавших медленно и с расстановкой.

Равным образом сохраняется частичное обозначение особенностей, если оно не содержит явных противоречий. Так, частичное обозначение *цоканья* в текстах сохраняется.

В тех же случаях, когда имеются явные противоречия и несоответствия, в устранении разнобая совершенно последовательно проводился следующий принцип: различия в фиксации произношения и написания слов унифицировались в сторону приближения к современной общепринятой орфографии. От этого принципа делались отступления только в тех случаях, когда эти колебания весьма незначительны и не нарушают цельности речи.

Оговаривать все случаи таких правок совершенно невозможно, так как их набирается несколько тысяч, причем они обладают значительной степенью повторности.

Легче всего устраняются противоречия в написании отдельных слов. Так, в вышеприведенном примере написания *ларецёк*, *ларецек*, *ларёчек* и *ларечёк* заменяются написанием *ларечек*, также имеющимся в тексте. Иногда некоторым подспорьем может служить и статистика. Так, в одном и том же тексте написание *царство* встречается 4 раза, *царьство* — 2 раза, *царсво* — 1 раз и *царьсво* — 1 раз. Написание одного слова тремя различными способами встречается не так редко. Так, в Пинежской сказке № 27 мы имеем написания *пшеница*, *пшаница* и *пшеница*. В сказке о лисе-плачье встречаем *маслицком*, *маслицком* и *маслецом*; в сказке о Садко — *жанишь*, *жоны*, *женись*.

Дело, однако, не в отдельных словах, а в явлениях диалекта, как таковых.

Одна из особенностей северных диалектов состоит в *цоканьи*. Если оно обозначено последовательно или хотя бы частично, оно сохраняется. Однако в целом ряде случаев мы имеем одновременно такие написания в одном и том же тексте, как *башмацьки* и *башмачки*, *цереэ* и *через*, *девоуька* и *девочка*, *сарайцик* и *сарайчик*, *молцы* и *молчи*, *палоуцька*, *палочька* и *палочка*, *мальцик* и *мальчик*. Читатель поневоле останавливается

на этих противоречиях, как бы спотыкается о них. Процесс чтения тормозится и непосредственность и сила художественного восприятия ослабляются.

Такая же картина наблюдается, например, в обозначении смягчения, в особенности после *ц*: *овинецъ* и *овинец*, *отецъ* и *отец*, *палецъ* и *палец*, *венецъ* и *венец*, *молодецъ* наряду с *отец* и т. д. Сходно: *кров* и *кровь*, *церков*, *церков* и *церковь*; *столицю* наряду с *пшеницу*, *птицю* наряду с *птицу* и т. д.

Нет системы и в обозначении конечного неслогового *у* в глагольных окончаниях и в середине слов. Имеется *стаѣ* и *спаѣ* наряду с *стал* и *спал*, *сделаѣ* наряду с *отдал*, *воѣ*к наряду с *волк* и т. д.

Это же касается обозначения в одном и том же тексте неясных гласных. Имеется *Филимон* и *Филемон*, *бяр*и и *берет*, *выпр*емили и *выпр*ямили, *се*ребрену и *серебряному*, *роб*ота и *работ*ать и т. д.

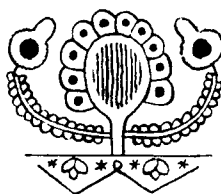
Мы не будем приводить других примеров. Во всех этих случаях унификация производится в сторону орфографического и привычного обозначения слов. Правятся не только отдельные противоречивые слова, но и другие, аналогичные им. Так, непоследовательное, случайное и противоречивое обозначение неслогового *ѣ* наряду с общерусским *л* унифицируется в сторону общерусского произношения и обозначения. Также мы поступаем и в других случаях.

Повторяем, что в тех случаях, когда диалект обозначается полностью и последовательно, это обозначение сохраняется.

Унификация производится всегда только в пределах одного текста. Можно наблюдать, что степень насыщенности диалектальными формами от одного и того же исполнителя бывает различна. Трудно сказать, чем это вызвано. Возможно, что исполнители при первых записях стеснялись и пытались говорить по-городскому, но постепенно входили в колею привычной речи. Возможно и другое: собиратель со свежими силами писал по возможности точно, но по мере утомления все более и более сдавался на привычную речь. Мы не пытались унифицировать речь исполнителя по всем текстам, а ограничивались тем, что из каждого текста устранили те противоречия и неполадки, которые у современного читателя вызывают недоумение и остановку.

Подводя итоги, можно сказать, что научное наследие, оставленное А. И. Никифоровым, отражает искания, свойственные передовой советской фольклористике 20—30-х годов. Стремление понять народную поэзию через непосредственное длительное и близкое общение с самим народом; понять художественные особенности сказки, исходя из наблюдений над живой жизнью сказки в народной среде; определить и точно зафиксировать жанровый состав сказки и определить особенности каждого жанра; определить общественные условия, в которых создается и развивается сказка; изучить связь между стилем сказки и живой жизнью народа — таковы были основные стремления, характеризующие А. И. Никифорова как ученого. Оценивая наследие, оставленное А. И. Никифоровым, необходимо учитывать, что работа велась в трудной и сложной обстановке, когда старое ломалось, а новое в фольклористике создавалось медленно. А. И. Никифоров смело боролся против вредных остатков формализма, миграционизма и других направлений, тормозивших развитие нашей науки, и страстно искал новых путей, опираясь на современную действительность и ее достижения в области социального строительства и выработки мировоззрения. Этому делу он хотел служить и служил ему средствами той науки, которой он владел как крупный специалист.

Т Е К С Т Ы

ЗАОНЕЖЬЕ

МОГЛИЦЫ

Николай Степанович Егоров, 11 л.

1. ПЕТУШОК ДА КУРОЧКА

Вот петух да курочка жили в лесу. Вот раз курочка вышла ступень пахать.¹ Ну вот и пошел град большой. Курочка забежала в фатёру и говорит:

— Пáны наехали — стреляють, паляють, нас убивають. Побежим давай в лес!

Бежали, им попадутся навстречу заяц и спрашивает у них:

— Петушок, куда бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай у курочки.

— Курочка, куда бежишь?

— Пáны наехали — стреляють, паляють, нас убивають.

Потом навстречу попадается лисица.

— Куда, заяц, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай у петуха.

Петух говорит:

— Не спрашивай меня, спрашивай у курочки.

— Курочка, куда бежишь?

— Пáны наехали — стреляють, паляють, нас убивають.

Бежали, бежали, им попадается волк.

— Куда, лисица, бежишь?

— Не спрашивай у меня, спрашивай у зайца.

— Куда, заяц, бежишь?

— Не спрашивай у меня, спрашивай у петуха.

— Куда, петух, бежишь?

— Не спрашивай у меня, спрашивай у курочки.

— Курочка, куда бежишь?

— Пáны наехали — стреляють, паляють, нас убивають.

И побежали оны́ все. Бежали, бежали, попадается им медведь.

— Куда, волк, бежишь?

— Не спрашивай у меня, спрашивай у лисицы.

— Куда, лисица, бежишь?

— Не спрашивай у меня, спрашивай у зайца.

— Куда, заяц, бежишь?

— Не спрашивай у меня, спрашивай у петуха.

¹ Лестницу к крыльцу подметать.

— Куда, петух, бежишь?
 — Не спрашивай у меня, спрашивай у курочки.
 — Куда, курочка, бежишь?
 — Па́ны наехали — стреляють, паляють, нас убивають.
 — Возьмите меня!
 — Побежим!
 Бежали, бежали, да все в яму и упали.
 Он́и жили, только есь захотели.
 Медведь и говорит:
 — Давайте петь, чей голос лучше, того и съедим.
 И запели.

Зайнькин голос хороший,
 Лисичкин голос хороший,
 Медвежий голос хороший,
 Волчий голос хороший,
 Курочкин голос худой!

И курочку съели. Потом снова запели:

Зайнькин голос хороший,
 Лисичкин голос хороший,
 Медвежий голос хороший,
 Петуховый голос худой!

И съели петуха. Потом снова запели:

Лисицын голос хороший,
 Медвежий голос хороший,
 Волчий голос хороший,
 Зайнькин худой!

И съели того зайнька. Потом запели:

Лисичий голос хороший,
 Медвежий голос хороший,
 Волчий худой!

Напали он́и на волка и съели. А лисица не столько ест, под себя прячет. Потом лисица думает, как бы ей вытти. Взяла сходилка, нашла цыпленка и сама с под себя и вытягивает. Мишка и говорит:

— Откуда ты берешь себе еду?

Лисица говорит:

— Я с брюха таскаю.

Потом медведь говорит:

— Дако-сь попробовать, вкусна ли?

Он кусочек попробовал и говорит:

— Вкусно!

И залез к себе в брюхо лапой. Вырвал брюхо, и все оттуда кишки вышли. Потом он уже свалился, а лисица его в тое время загрызла.

Прилетала тут на деревенько птичка. Лисица и говорит:

— Выздань меня отсюда! Натаскай прутушков — я по ним вылезу.

Птичка натаскала, и лиса оттуда вылезла.

И всё.

Александра Ивановна Красильникова, 10 л.

2. КОТЯ-БРАТЯ И ПЕТУШОК ДА КУРОЧКА

Жил-был Котя-братя. Был у ёго петушок. Оны наварили каши. Он пошел в лес. Но потом с лесу пришел:

— Смотри ты, никуда с лесу не ходи, а то тебя лиса крюком выгребет...

Он вылез в окно и кричит:

Ко-ко-кó-ко-ко,
Не боюсь никого,
Хочу лиску убить,
Себе шубку сошить,
Курицам по шапке,
По шапочке.

Д'лиса его крюком по шапочке и сгребла. Но, д'понесла его. Он кричит:

Котя-братя,
Тащит меня лисá
За высоки горы,
За шумячи леса!

Он дрова в лесах рубил, услышал, от лисы петуха отнял да опять снес. Опять каши там наварил и сказал:

— Ты не ходи, опять тебя лиса ограбёт крюком. Я далёко² пойду. Он опять на окно выскочил:

Ко-кó-ко-кó
Не боюсь никого,
Хочу лиску убить,
Себе шубку сошить,
Курицам по шапке,
По шапочке.

Брат не вёлел, а он выскочил. Лиса его крюком и сгребла. Он и кричит:

Котя-братя,
Тащит меня лисá
За высоки горы,
За шумячи леса!

Но, ды нынку кот не услышал, что его тащит лиса, да его лиса стащила в свою избушку. Ну, да посадила в подпол зáспы³ молоть.

² Повышение тона с растяжением.

³ Жито.

Ну, ды потом кот пришел в эту избушку, под дом ямку подкопал, ды зашел к петуху в подполье. Да с котом унес туды домой жернов, да зأسпу, да всё. Ну, да лАса скаа:

— Что же, петушок, долго не меля? Верно, спит, надо побудить его.

Пришла в подполье и вóпит:

— Кот унес петушка и зأسпу и жернов!

Домой петушка снес да говорит:

— Ты, петушок, не ходи больше никуда, а то утащит тебя лАса, да больше никогда будет не найти.

Да сказка вся.

Андрей Николаевич Трифонов, 9 л.

3. УЧАСЬ

Вот жило-было два сына. У их один был брат богатый, а другой бедный. Оны разделились. Бедный брат пошел мимо гумна. Там молотят. Он спрашивает:

— Гди моя учась?

С гумна говорят:

— Твоя учась в поли спит под одеялом.

Он срубил дубину и давай дубиной хлыстать по этой учаси. Хлыстал, хлыстал, учась выскочила.

— Чего тебе надо?

Он говорит:

— Ись надо!

Она дала гривенничек:

— Ты в лавку сходишь, на гривенничек купишь, он опять в кошельке ляжет, другой воскреснет.

Он пошел домой с этим гривенничком. С этим гривенничком он ходил в лавку, покупал всего; ел хорошо, даже такой стал богатый, даже с братнёва у его стало питья да еды. А брат в тот день именинник утром. У брата попросил гривенничка.

— Дай, ска, мне гривенничек справить именины. Я, ска, справлю и отдам.

Он справил именины. Брат попросил гривенник у него обратно. Брат скаа:

— Не отдам!

Ну и этот бедный брат завопил, не стало ничего у его. Ну, потом пошел мимо гумна, там молотят, он спрашивает:

— Гди же моя учась?

Оны говорят:

— Твоя учась в поли под одеялом спит.

Он вырубил дубину, как хлыснет ей. Она вскочила:

— Чего тебе надо?

Он сказал:

— Ись!

Она дала ему скатерёточку. Ска:

— Будешь ись, ужинать, разверни ю и там будет всяких кушаньев.

Он сел ужинать. Как резвёрня скатерёточку, там всего, всего, вина белого, всего.

Ну, брат на другой год, нет, жонка опять именинница.

Ну, попросил у брата скатерёточки. Брат сказал:

— Ты мне не отдал гривенничка, я тебе не отдам скатерёточки.

Брат говорит:

— Дай! Отдам.

Ну, брат дал и спросил:

— На сколько дней ее возьмешь?

Он сказал:

— На́ день уж.

Ну и он не отдал ему и скатерёточки.

Бедный брат пошел опять мимо гумна. Там молотят.

Он говорит:

— Гди же моя у́чась?

— Твоя у́чась в поли под одеялом спит.

Вырубил целу березу, срубил, нет, абка́рзал сучья, захватил за ко́мель, как плёснет ей. Она выскочила:

— Чего ти надо?

— Ись!

Она дала ему сумку и сказала:

— Ко мне больше не ходи. У меня больше ничего нету.

И только сказала еще:

— Так тут тебе ись нечего. А как пойдешь, что тебе работать надо и скажи: «Эй, недоумки, вылезайте вси с сумки».

Он шел, шел домой, захотелось поглядеть. Ну, и работать нечего у него было в лесях. Он так дурно только сказал:

— Недоумки, вылезайте с сумки!

Вдруг выскакали недоумки и спрашивают:

— Что ти работать надо?

Он не знаат ничего сказать.

Недоумки давай его колотить, мужика. До того исколотили, что вси плечи изломали. Мужик сказал:

— Недоумки, собирайтесь в сумку!

Онѝ вси собра́лись. Он клал на плечи и понес. Пришел домой.

Брат прибегаа:

— Дай мне сумки сходить в монастырь богу помолиться!

Бедный брат с усмехам скаа:

— На, возьми. Ну да как выйдешь, пойдешь по ступёням и скажи: «Недоумки, вылезайте с сумки».

Ну, потом брат пошел по ступёням в монастырь. Только сказал «Недоумки, вылезайте с сумки» — давай его колотить, этого брата, и приговаривают:

— Отдай брату скатерёточку, гривенник.

Ну брат потом жаны кричит:

— Поди, скажи брату, как их в сумку собрать.

Брат говорит:

— Отдай мни гривенничек, отдай мни скатерёточку.

Ну, этот богатый брат кричит:

— Отдай, жонка, ему гривенничек, скатерёточку!

Потом он и сказал:

— Недоумки, собирайтесь-ка в сумку.

Богатый брат стал жить бедно, а бедный стал жить богато.

Сказка вся, больше врать нельзя.

К О Н Д О Б Е Р Е Ж Ь Е

Александр Петрович Утицын, 12 л.

4. ЗМЕЙ И ЦЫГАН

В одну деревню повадился летать змей, переел всех людей. Шел цыган и зашел в эту деревню. Куда ни заглянн, везде пусто. Заглянул в один дом, сидит там мужик, плачет.

Цыган говорит:

— Чего ты плачешь?

— Как же мне не плакать? Сегодня змей прилетит и сожрет последнего меня.

Цыган говорит:

— Не бойся!

Вдруг зашумело, засвистело, и появился змей.

— Ага, прибыль, гыт, есь. Но-ка, гыт, ложись, я тебя сейчас попробую.

Змей взял камень и ражжал на песок.

— А, гыт, ну-ка ты?

Цыган взял на полки творог, прижал, из него вода потекла. Змей и говорит:

— Ты сильнее, значит, меня. Но, гыт, теперь давай побратаемся.

Говорит: поди и принеси воды да барана, будем варить щи, а я за бараном сбегая.

Цыган побежал. Прибежал, начал кругом колодца обкапывать землю.

Змей ждал, ждал, не дождался.

— Что ты так долго?

— Хочу всю воду с колодца вынести.

Змей схватил, у шкуру почерпнул воды и побежал. Прибежал, начал варить щи.

— Но, гыт, подсоблай мни!

Цыган и говорит:

— Да что подсоблять? Эх ты, горе, не можешь один справиться!

Змей говорит:

— Ишь ты, какаа задóра. Всё чтоб один!

Цыган гыт:

— Молчи, а то сичас другоаяка⁴ стану!

Змей испугался и говорит:

— Не убивай мея. Я тебя домой свезу и всим награжу.

Змей по-прежнему опять стал варить щи. Сварил щи и стал хлебать. Гыт:

— Ты чего не ешь?

Цыган говорит:

— Думу думаяю.

Он гыт:

— Какую?

Гыт:

— Как бы мне тройку лошадей да карету золотую, говорит, откуль хочешь, а давай, а то я тебя уóью.

Змей испугался и достал карету и лошадь и повез цыгана домой. Подъезжают к дому. Цыганята выбежали:

⁴ Убийца.

— Тятка приехал, змея привез!
 Змей испугался и скорей убежал.
 Цыган стал жить-поживать.
 Всѣ.

5. ИВАН-ДУРАК

Жило-было три брата. Один дурак, двое умных. Куда-нибудь пойдут брата, никуда его не берут. Один раз оны пошли, его не взяли. Он вышел в поле и убил птичку. Ну, оны и говорят:

— Ты бы ее изимал, а не убил!

На другой день оны пошли, опять не взяли. Он вышел в лес, тетёра близко сидит. Он стал имать, не мог имать. Братья возвратились, он им сказал:

— Ты бы убил!

Он говорит:

— Вы велели имать.

Братья говорят:

— Кого ни увидишь — всех бей.

На третий день опять братья ушли. Он вышел в лес, видит — старуха ягоды берет. Он взял палку, как дал ей и убил. Принес домой, братья пришли:

— Что ты сделал, старуху убил! Тебе и попадет за это, дурак!

Он говорит:

— Да вы велели бить, хто только ни попадетя.

— Эх ты, скаа, дурак Ванька! Ты бы катался на чолне.

Братья ушли опять в лес. Дурак наносил полну фатеру воды и взял корыто, кинул туды старуху и катается. Он сени заложил, пришли братья.

— Ванька, пусти!

Он кричит:

— Стойте, до берега доеду.

Братья кричат:

— Пусти, Ванька!

Он:

— Стойте, до берега доеду.

Он доехал до порога, отворил дверь, братьев еле водой не залило.

— Ишь ты, грит, дурак!

Он говорит:

— Вы велели кататься.

Оны и говорят:

— Дурак Ванька!

Пошли в лес, клали рыбники в кошель. Ванька-дурак выгнал рыбники, залез сам в кошель. Оны видят, что Ваньки нету, скорей кошель схватили и потащили. Бежали, бежали, а он с кошеля и кричит:

— Братья, дождьжйте, братья, дождьжйте!

Слышат — боле не кричит. Оны взяли сели, думали пойдись.

Как открыли кошель, видят — там Ванька. Оны пошли дальше, видят — под деревом народа много. Оны на то дерево залезли и сидят. Там, видя, разбойники в карты играют под деревом. Оны сидели, сидели.

— Братья, грит, я боле старухи держать не могу.

Он все старуху держит. Он бросил на стол, разбойники испугались и убежали. Деньги покидали и карты. Один разбойник кинул ножичек. Оны

опустились с дерева, стали деньги брать, а Иван-дурак взял ножичек. Разбойник увидел, что оны все берут, и побежал к ним. Ванька-дурак и говорит:

— У тебя грязи на языке много, дай-ко я выскребу.

Он взял ножиком скоблил, скоблил, да пол-языка, кончик и отрезал. Разбойник и кричит:

— Тли человека, тли человека!

Разбойники испугались и убежали, думали тридцать три.

А Иван-дурак остался с своими братьями жить-поживать да добра наживать.

Михаил Петрович Панкратов, 12 л.

6. ЛИПУНЮШКА

Вот один раз жили старик со старухой. У них не было детей. Один раз старик поехал пахать, а старухе велел тёплых напечи⁵ и принести на поляну. Старуха печет да приговаривает:

— Эх, кабы был у нас сыночек, отнес бы тятке блины на поляну!

Вдруг откуда ни возьмись, выскочил из липового хлёпка — выскочил Липунюшка.

— Здравствуй, мама! Давай, я блины отнесу тятке на поляну.

— А хто ты такой? говорит.

— Я, говорит. Липунюшка. Когда ты хлопком заткнула липовый стóлоб, я оттуда и выскочил.

— Ну, говорит, сядь, поешь блинков, потом и отнесешь тятки.

Сынок закусил и понес блины, клал на́ голову. А самого и не видно с под блинов-то. Потом шел, шел, подошел к поляне, тут кочка стоит.

— Тятка, перенеси меня через кочку!

Пахарь остановился, прислушался. Он второй раз ще громче:

— Тятка, перенеси меня через кочку!

— А кто ты такой? спрашивает отец.

— Я твой сын, Липунюшка.

Отец захватил его и перенес. И говорит Липунюшка отцу:

— На-ко, тятка, закуси, а я попашу за тебя.

— Вот уж, где тебе тут пахать, от сохи не видно.

— А вот погляди-ка, как стану!

Сел мальчик на́ борону, на соху и понукает коня.

— Ну ты, ну черт проклятый!

Отец смотрит:

— Эва ты, какой маленькой, а пашет как хорошо!

Едет барин.

— Как это так у тебя сумеет одна лошадь пахать?

— Как так одна? Видишь — у меня парень пашет.

— А что никого не видно-то?

— Да, иди поближе, посмотри, увидишь.

Барин приказал лошадей остановить. Сам слез с кареты. Подошел поближе и говорит:

— Продай мне этого мальчика!

— Нет, ни за какие деньги не продам.

⁵ Тёплые — блины, калитушки.

А Липуношка вскочил тятке на плечо и шепчет:

— Тятка, продай, я приду к тебе обратно.

Отец спрашивает:

— А сколько дашь?

— 100 рублей.

А этот мужик-то обрál деньги, а ему мужик и отдал сынка. Барин и клал его в карман и поехал. Домой приехал и кричит:

— Старуха, я тебе дива привез.

В карман как рукой сходит — Липуношкин там уже и след простыл. Он у отца выпал пашню и давно на печке сидит себе, отсиживается.

ВИГОВО

Кирик Савельевич Кузнецов, 67 л.

7. ЦАРСКИЕ ЗАГАДКИ

Вот в одно время прекрасное государь проезжал, в проезде был. Да. И проезжает мимо, едет сисейной⁶ дорогой. И край дороги стоит кузница. И в этой кузнице кует кузнец даже день и ночь. Он, значит, остановил кучера и говорит:

— Постой, значит. Надо зайти в кузницу.

Да. Он говорит:

— Что жа ты, кузнец, куешь день и ночь? говорит.

— А вот, говорит, царско величество. Я, говорит, кую, говорит, у меня расход большой.

— Какой же у тебя расход?

— А вот, говорит, царско величество, говорит. Я, говорит, два рубля долгу плачу и два рубля на ветер бросаю и два рубля взáймы даю.

Ну вот, государь это все записал. Ну, и приезжает, знаешь, во дворец и собирает своих подданных, министров там каких, все равно уж это. Вот он собрал своих подданных и там объявляет им:

— Вот, говорит, отганите мою загадку, говорит. И того, говорит, пожалую, говорит.

И потом рассказал об этом, объявил, значит:

— Два рубля долгу плачу и два рубля на ветер бросаю. Ну что? Эты, значит, задумались. Где, знашь, отгадать?

Туды-сюды кидались. Ну он, знашь, говорит, — чтобы, знашь, было приготовлено дело, чтобы на такое число было справлено. Ну и вот оны стали, что, гди. Не могут никак. Потом кто-то им донес этого дила. Донес один мужицк им, что:

— Вот туда сездитя, к кузнецю.

Ну, приезжает к кузнецю к этому и спрашивает:

Но, ъон и отпирается:

— Нет, говорит, я не видал никого да не бывал ниhto.

Ну, оны стали ему молиться и сулить, знаешь, ему подарок, кузнецю этому. Ну, на это согласился он отгануть ему эту загадку. Уж на взятку кто не согласится — пёрвво дело уж. И ему посулили по 500 рублей, значит, два человека, два министра там. Уж не мужики жа были. Ну вот, он стал им рассказывать.

⁶ Шоссейной.

— Вот, грит, когда государь вас спросит, вы отвечайте ему, значит, два рубля долгу плачу — я работаю день и ночь, тогда, значит, отца с матерью кормлю. И потом втораа, говорит, два рубля на ветер бросаю, двух дочерей рошу. А два рубля взаймы даю, значит, двух сыновей рошу.

Ну хорошо. Онъ, значит, благодарность ему отдали, заплатили значит, ну и отправились на такое-то число явиться к государю. Обрадовались. Государь требует собрания опять. Ну и собралися и спрашивает государь:

— Ну что, говорит, как? Можете ли объяснить мни загадку, что сказана?

Онъ и говорят ему вот так, значит... Ну, и объяснили ему загадку, отганули. Он, значит, им и говорит:

— Где же загадку отганули? Где же вы могли взять эту загадку?

Онъ и говорят:

— Мы, говорят, от своей думы, мы говорят, самъ удумали.

— Ну, говорит, отложим дело до другого разу, гсворит.

Проезжает опять мимо кузнеца. И спрашивает:

— Ну что, кузнецъ, как дела у тебя?

Лажу кúзницу нарушить, говорит, бросить работы, говорит, вот так приезжали два отгадывать загадку, котора объяснена государю.

Ну он и рассказал ему, что вот по 500 рублей онъ мне денег дали.

— Молодец! говорит.

Подрочил па головы его. И от себя дал тыщу рублей ему. Ну, собрал собрание последне.

— Вот, говорит, вам. Вы, говорит, не так сделали, не от своей головы выдумали. Я вас разжалую, говорит.

И разжаловал.

Таусия Петровна Ефимова, 14 л.

8. ИВАН-ДУРАЧОК

Жили-были три брата. Два было умных, третий глупый. У них померли родители, отец, мать. Они остались одне. Вот у них осталось три коровы и два стога сена и один стог соломы.

Вот Вани-дурачку и сказали: котора корова подойдет к соломы, та корова и достанется дурачку. Вот одна корова и подошла к стогу соломы. Ваня взял корову, скормил ей стог соломы и повел продавать. Привел к пню и говорит пню:

— Дядя, купи быка!

Сам себе и отвечает:

— Ваня, продай быка!

Взял и спросил у дяди у этого:

— Когда, дядя, деньги?

Опять сам себе и отвечает:

— О Покрове, Ваня.

Оставил тут корову и пошел домой. Приходит домой, братья и спрашивают:

— Куда клал корову?

— Продал!

Средний брат и говорит:

— Сведи мою и продай!

Взял корову Ваня и повел опять к тому же пню и спрашивает опять:

— Дядя, купи корову!

А сам себе опять отвечает:

— Ваня, продай корову!

Спрашивает у пня:

— Когда, дядя, деньги?

Сам себе и отвечает:

— О Покрове, Ваня.

Привязал корову к пню и пошел домой. Пришел домой, старший брат и говорит:

— Ваня, сведи мою корову и продай тоже дяди.

Ваня взял и пошел. Пришел к пню и говорит:

— Дядя, купи корову!

Себе и отвечает:

— Ваня, продай корову!

Привязал корову к пню и пошел домой. Пришел домой, братья и спрашивают:

— Когда, Ваня, деньги будут?

Ваня отвечает:

— О Покрове.

Братья ждали, ждали, Покрова и дождались. И пошли они с Ваней искать дядю того, деньги просить.

Ваня пришел к пню и говорит:

— Вот мой дядя, которому я продал всех коров.

И стал просить у пня деньги.

— Дядя, давай деньги!

А сам себе опять отвечает:

— Нету, Ваня, денег.

Братья Ваню обругали и вернулись обратно домой. Ваня взял топор, срубил пень и увидал там котел золота. Побежал домой. Братья взяли, насушили сухарей и ушли в лес. Ваня вырыл вон из мешка сухарей и сел туда в мешок. Братья пришли и говорят:

— Убежим от Ваньки!

Братья и убежали с мешками с сухарями. Бежали, бежали и спрашивают друг у друга:

— Тебе легко ли?

Брат отвечает:

— Легко.

Ванька с мешка и крикнул:

— Мне легче всех!

Братья оглянулись назад и говорят:

— Давай, побежим скорей от Ваньки, Ванька догоняет!

Бежали, бежали и опять спрашивают друг у друга:

— Тебе легко ли?

Брат отвечает:

— Легко.

Ванька опять с мешка:

— Мне легче всех!

Братья опять говорят:

— Давай, опять побежим. Ванька догоняет нас.

Бежали, бежали, прибежали в избушку, положили мешки в избу и пошли в лес.

Ваня вышел с мешка, поел сухарей и сел на лавку.

Вдруг приходит старушка в избу и говорит Ваньке:

— Наноси дров, натопи печку, я тебя испеку.

Ваня наносил дров, истопил печку, печка стопилась.

Старуха и говорит:

— Садись на пекло, я тебя посажу в печку.

Ваня сел, руки расправил. Бабка закричала:

— Не так!

И стала показывать. Села, руки сложила, руки растянула, и Ваня пихнул ее в печку. Братья пришли из лесу и спрашивают у Вани:

— Ты здесь?

— Здесь.

Братья поели сухарей да пошли домой обратно. А Ваня тоже пошел с ними. Шел, шел и говорит:

— Братья, я бабку с печки забыл захватить.

И вернулся, взял бабку. Шел, шел, и увидел — на поле стоит соха. Ваня братьям и говорит:

— Братья, я возьму бабушкину прялку.

Взял и понес. Опять шел, шел, увидел на поле борону и говорит братьям:

— Братья, я возьму бабушкину щеть.⁷

Взял и пошел. В дороге их застала ночь. Они залезли на дерево. Ваня со своими туда с бабушкой, с бабушкиной прялкой, с бабушкиной щетью залез тоже туда. Вот вдруг приходят тут разбойники под дерево. И стали считать деньги. А Ваня кричит:

— Я не могу бабушкиной щети держать!

Взял и спустил. Разбойники и говорят:

— Нам бог велит землю бороновать.

Ваня сидел-сидел и говорит братьям:

— Братья, я бабушкиной прялки держать не могу!

Взял и спустил. Разбойники опять и говорят:

— Нам бог велит землю пахать.

Ваня опять сидел-сидел и говорит:

— Братья, я бабушки держать не могу!

Взял и спустил на землю. Разбойники спугались и убежали, а деньги тут все оставили. Ваня собрал деньги, взял бабушку и пошел в лодку, а братья пошли дорогой. Ваня посадил бабушку на корму, дал весло и велел править. Сам сел в весла. Ехал, ехал и наехал на сети. Мужики на него закричали:

— Куда едешь, сети все разорвал!

Ваня говорит:

— Не я правлю.

Мужчины рассердились и взяли клеснули бабушки, и бабушка упала в воду. Ваня заплакал, говорит:

— Что вы сделали с моей бабушкой, пойду, скажу милиции.

Мужики и говорят:

— Не ходи, мы дадим тебе денег.

Дали 400 рублей. Ваня приехал на берег и пришел домой.

Братья и говорят:

— Ваня, сходи к попу и спроси маленки!⁸ Только бате не говори, что денег мерить в маленке.

Ваня пришел и говорит:

⁷ Которой лен чешут.

⁸ Мера в четверик.

— Батюшка, дай малёнки — денег мерить, не скажу.

Ваня взял малёнку и пошел домой. Братья взяли лампу и пошли в подпол.

Ваню поставили у крыльца с дубиной и говорят:

— Когда батя пойдет, ты нам свисни.

Видит Ваня, что батя идет, взял попу и свиснул. Братья смерили деньги, вышли оттуда с подполья и спрашивают:

— Был ли поп?

Ваня отвечает:

— Был.

— Что же ты нам не свиснул?

Он говорит:

— Вот свиснул.

Показал на улицу. Братья взяли попа, снесли в болота. На место бати закопали в подполье барана черного.

На другой день приходят батины дочери и спрашивают у Вани:

— Ваня, не видал ли нашего папы?

Ваня отвечает:

— Видал.

И повел их в подполье. Пришел и стал откапывать землю. Копал, копал и спрашивает:

— У вашего папы есь ли рожки?

Дочери закричали:

— Копай, копай, Ванька-дурак!

Ваня копал, копал и спрашивает:

— У вашего батюшки есь ли хвостик?

Дочери опять заругались:

— Копай, дурак-Ванька!

Ваня стал опять копать. Копал, копал и спрашивает:

— У вашего батюшки черные ли ножки?

Дочери опять закричали:

— Копай, копай!

Ваня копал, копал и спрашивает:

— Ваш батюшка какой шерстью?

Вытащил оттудова барана. Дочери пошли домой со слёзами.

Сказка вся, рассказать нельзя.

Василий Иванович Карельский, 24 г.

9. ПРО СЕБЯ

Был я жанат. Это я второй раз жанат. Ну вот поужинали однажды мы с ней, и вот не моет посуду она, не убирает, значит. Я, значит, и так и сяк ее, никак не мог заставить. Она говорит:

— Тебе посуду мыть!

И кончено. Ну, потом уговорились, кто первый утром встанет и заговорит, тому и посуду мыть. Вставаю утром. Она блины печет. Хорошо. Я встал, захотелось блинков покушать. А масло-то, знаете, в печке стоит, целый горшок. Я взял масло да и на стол, и давай блины есть. Она смотрит на меня скоса и молчит все-таки. А я по локоть в масло, значит, залез. Ну, потом я блинков поел, присел на подпольницу подумать, значит, как бы заставить бабу первую заговорить.

Вдруг солдат в двери вхаживает. Говорит:

— Здорово хозяйева!

А мы обеи молчим.

— Что, гвит, хозяйева, можно блинков покушать?

Мы обеи опять молчим, значит. Он садится блины есть. Поел блинов и — что ему придумалось! Мою бабу ловить начал. Она, значит, от его прочь. Хотела на печку залезь, стояла кровать о печку, нога завернулась, а она упала на кровать. Ну, значит, солдат-то хотел ее, значит, поймать.

— Что ты смотришь на такую пакось!

На меня. А я как сидел на подпольнице да в присядку.

Вот тебе посуду мыть,
Да вот тебе посуду мыть,
Да вот тебе посуду мыть!

Я Н Д О М О З Е Р О

Анастасия Ивановна Громова, 19 л.

10. АМЕЛЯ-ДУРАЧОК

Жило-было три брата. Старший Пётра, второй Михаил, третий Иван. Иван будет, это значит, дурачок. Ну вот, братья уехали в бурлаки старши. Младший брат остался дома с невескам. Вот невески говорят:

— Ваня, напили дров, накопи один, Ваня, принеси воды с берегу ведром.

Ну, вот один раз пошел за водой на берег с ведром, с двумя. Туда пришел к проруби, глядит — щука великолепная большая, очинно большая. Вот он и говорит: «Вот обед будет важный. Вот гди поем щуки!».

И наклонился потихоньку, почерпнул ведром. Вдруг щука заговорила:

— Спусти, Иван, добро сделаю!

— Какое ты мне добро сделаешь?

— Что велите, то и сделаю.

Г'т, если отправите, скаа, ве́дра домой, так я и спущу вас. Щука и говорит:

— Ну вот говори: «По щучьему веленью, по моему прошенью, ведра, идите домой!».

Вдруг ведра пошли одны домой. Пришли, дверь отворили, самы на лавку поставились. Все глаза вытаращили, что такое сделалось, ведра самы пришли, на лавку стали. Он идет оттуда тихоньку с берега. А невески опять говорят:

— Ваня, съезди в лес да привези дров! Толокна намесим да луку накрошим.

Ну вот он идет на сарай, берет дровни с сарая, волокет на улицу. Вывернул оглобли, сел на дровни и говорит:

— По щучьему веленью, по моему прошенью ну-ка, дровни, неситесь туда, где в самолучшу рощу, там дрова самы рубитесь, кладитесь, завяжитесь, и дви дубины вырубитесь и завяжитесь на воз туда же.

Вот это срубилось, связалось, он сел на воз и говорит:

— По щучьему веленью, по моему прошенью ну-ка, дровни, неситесь домой.⁹

⁹ Произнесено особым низким тоном, — А. Н.

Ну вот он ехал домой, народу очень много стоптал, без лошади не остановишь. Ну, вот, приехал домой, там его уж ищут, много народа потоптал, изрубил. Приехал домой, дрова развязываются, самы пилются, колются, в фатеру носятя. Невески говорят:

— Ой, Ванька, что ты с ума сшел?¹⁰

А он ничего, ни слова, садится на печку, кафтанишко худой, плохой на себи, топоренко за поясом по-деревенски, дубинки с им на печки. Вдруг приходят, его разыскивают начальники, приходят к им. Спрашивают:

— Такой-то здесь ездил по деревням без лошади?

— Ну, говорят, такой здесь, здесь, вон он на печки!

Ну, это, начальники ладят это тянуть его сильно за руки. Он оттуда нейдет. А невестки то и говоря:

— Вы маните-ка его оттуда, скажите, что толокна намесим, луку-то накрошим.

Говорят:

— Что это — толокно да лук? Конфет, пряников насыпали на стол. Вот и манят оттуда. Ну, оттуда он слез, с печки. Ну, и под ж... ноги, эти гостинцы съел, опять гостинцы съел, на печку выстал и сидит. Оны хотели его насильно взять, потянули оттуль. Он тихонько там проговорил:

— По щучьему веленью, по моему прошенью, выскочите-ка, дубинки, нахлещите на этих мужиков (два мужика было).

Там дубинки ни слова не ответят, живо нахлытали. Оны уехали туда к царю обратно.

Говорят:

— Посылайте вторых, нас нахлытали.

Ну и вторых послали, опять приехали. Он сидит на печки. Вторые приехали. Вторые по-хорошему стали манить всяко, ласкать, вином напоили, ну водкой. Пьяный сидит. Ну вот оны стали его манить, что, вот, поедем да поедем. Ну, он им отвечает, что поезжайте, я приеду. Ну вот, мужики уехали. Он сел на печку, проговорил тихоньку:

— По щучьему веленью, по моему прошенью, вези-ка меня, печка, прямо к царю во дворец.

Ну, печка закричалась, задвигалась с места и пошла, выворотила в дому простенок и пошла дальше с дому. Он на печке спит пьяный. Туда пришла, прямо во двор зашла. Весь народ сволновался, огляделся, что-то дурачок приехал на печи. Вдруг сам царь тут говорит:

— Его надо с печки снять!

В это время царска дочка спросила отца, что разрешите поглядеть на дурачка. Ну и разрешил батька поглядеть в окошечко. Вот она глядит в окошечко. Вдруг он ю и увидел, этот Иван-дурачок. И говорит:

— Вот по щучьему веленью, по моему прошенью, влюбись ка эта девочка в меня.

Она, как была, оттуда с окошечка сорвалась, прямо к ему на печку и лезит. Он пьяный, она пули, слины¹¹ утирает платками своими. Ну, царь тут чуть с ума не сошел, что дочка влюбилась в дурачка. Вот ю рвали оттуда, всяко мучали, что оторвать от дурачка. Не могли ничего сделать. Ну вот то царь решил: говорит, что она с дурачком? скаа: эдакой глупый человек! Взяли бочку сколотили, их в бочку и клали двоих, царску дочку и Ивана-дурачка. Ну, конечно, накладовали туда продовольствия, всего. Бочку заколотили, на море отвезли и в море спустили. Вот тучка по небу

¹⁰ Тоном выше, — А. Н.

¹¹ Сопли, слюни.

идет, а бочка по морю плывет. Ну вот, колыхались долго, это время было год-два. Скоро сказка сказывается, но не скоро дело делается. Царскую дочку звали Настя. И вот Настя и говорит:

— Ваня, так не хорошо нам колыбаться. Куда-нибудь бы на берег.

Вдруг он там тихонько проговорил:

— По щучьему веленью, по моему прошенью, бочка, пристань-ка к берегу.

Вдруг бочка на берегу очудилась, об камень разбилась. Вот они и вышли на берег. Ходят по берегу. Настя и говорит:

— Ваня, так нам бы не хорошо. Каку-нить бы хату бы, как-нить под крышу бы.

Он и говорит:

— Ложитесь, Настя спать. К утру все будет.

Вдруг утром вставают, перед ним дворец такой стоит, слуги кланяются им, почтение отдают.

Зашли оны в дворец, такой весь наряд там по дому оченно шикарный. Настя и говорит:

— Мне бы одёжу как-нить.

— Ложись спать. К утру все будет.

Утром встали, такая разнаряженная, весь дух вон. Но вот и живут очинно хорошо.

Взял Ваня затеял соорудить хрустальный мост прямо к царю ко дворцу. Вот царь там удивлялся, какой мост к им пришел, хрустальный, хороший. Вот собирается ехать по этому по мосту, неизвестно откуда этот мост. Вот царевна прослышала, что батька собирается к им в гости. Она и говорит:

— Ваня, вам бы нужно переодеться бы!

Ну вот он ложится спать и говорит там:

— По щучьему веленью, по моему прошенью, переменить мне одежда нужно.

Утром встали. Вдрых карета подъезжает. Царь приезжает. Ну, оны встречают, слуги кланяются. Ну, конечно, угащивают очинно шикарно, закускам всим. Царь дивуется. Никогда тут не стояло такое царство, теперь палата. Вот и говорит самому хозяину:

— Что же такое здесь сделалось, что, когда я проезжал, здесь стоял один дуб, а теперь целой дворец? А у дочки был перстень на руки. Дочка показала перстень отцу. Отец ужаснулся.

— Неужели вы дочка?

Ну вот порассказались оны друг другу, рассказали, что родня. Да, вот царь сказал:

— Теперь надо сделать пир.

Ну вот сделали пир. Тут пировали у царя, пировали. Ну вот была я на пиру, пила я, ела мед, по усам текло, а в рот ничего мне не попало.

11. ПРО ГЛИНЯНУ ДЕВУШКУ

Жила-была бабушка да дедушка. У них ребят не было. Ну вот она и говорит:

— Старик, сделаю я девушку.

Говорит:

— Делай!

Сошла она на берег. Сделала из глины девушку, смяла ну вроде как куклу. Вот клала она на вышку там, на подполлок. Вот она там стояла да была день, два, три. Вдруг прибегае в фатеру. И говорит:

— Бабушка, я тебя съем!

— Что ты, внучка?

— Да, съем!

Взяла да и съела с прялкой.

Прибежала к дедку. Дедка пахал.

— Дедушка, я тебя съем!

— Что ты, очумела, внучка?

— Да, съем! Бабушку съела с прялкой, а дедка с погонялкой.

Прибежала к попадье.

— Я тебя, матушка, съем!

— Что, ты очумела, девка?

— Да съем. Бабушку съела с прялкой, дедка с погонялкой, попадью с квашней.

Прибежала к попу.

— Батюшка, я тебя съем!

— Что ты, девка, с ума сошла?

— Да, съем. Съела бабушку с прялкой, дедка с погонялкой, попадью с квашней, а тебя съем и с скуфьей.

Взяла да и съела. Прибежала к поповому работнику.

— Работник, я тебя съем!

— Э, я тебя хлопну, этта, скаа, бороной, так ты вся разлетисся.

— Да я, скаа, съела бабку с прялкой, дедка с погонялкой, а попадью с квашней, попа с скуфьей, а попового работника съем с сохой, с бороной и с кобылой вороной. . .¹²

Вот пошла дальше. Попадаются сенокосьци с косами. Она говорит:

— Сенокосьци, я вас съем!

Оны говорят:

— Мы махнем косой, у тебя голова отлетит, да!

— Ох, скаа, я съела бабку с прялкой, дедка с погонялкой, попадью с квашней, попа с скуфьей, попового работника с сохой, с бороной и с кобылой вороной, а вас съем и с косами.

Взяла да и съела. Пошла дальше. Попадаются грабщики, грабят на лугах сено.

— Грабщики, я вас съем!

— О, да мы, скаа, граблям махнем, дак разлетисся на мелки части!

— О, да я, скаа, съела бабку с прялкой, дедка с погонялкой, попадью с квашней, попа с скуфьей, попового работника с сохой, с бороной, с кобылой вороной, а вас съем и с граблями!

Взяла да и съела. Пошла дальше. Попадаются жатники. Жнут хлеб серьпами. Она и говорит:

— Я вас, жатники, съем.

Говорят:

— О, мы серьпама тебе голову отрубим.

— О, дак я, скаа, съела бабку с прялкой, дедку с погонялкой, попадью с квашней, попа с скуфьей, попового работника с сохой, с бороной, с кобылой вороной.

Взяла да и съела.

¹² В рассказе небольшой пропуск: попов работник также съедается; на этом месте сказочница сказала: «Ошиблась я... ну, пускай».

Ну пошла дальше. Вот идет, попадается коза. Вот она и говорит козы:

— Коза, я тебя съем!

Коза говорит:

— О, да не съешь!

А девушка и говорит:

— Я съела, скаа, я съела бабку с прялкой, дедку с погонялкой, попадью с квашней, попа с скуфьей, попового работника с сохой, с бороной, с кобылой вороной, косников с косами, граблеников с граблями, жатников с серпами, а тебя, коза, съем с рогами!

Ну вот коза и говорит:

— Давай-ка, ты стань под гору, а я на гору. Вот я с горы-то лечу-лечу да прямо тебе в рот и залечу.

Она, коза, летела с горы да как батыск в брюхо! А девушка-то из глины и вся рассыпалась. Вот весь народ и пошел по своим делам, по своим домам.

И сказка вся.

ЕСИНСКАЯ

Федор Иванович Стафеев, 57 л.

12. ДЕРЕВЯННЫЙ ОРЕЛ

Три человека были: австриец и англичанин и русский. Они всё ходили в Петербурге в чайную в Ружейной улице. Хорошо. Тут сидел между ними агент от прежнего-то от царя. Он это все прислушивался. Оне сидели и говорят между собой:

— Что же, до чего мы будем ходить и шляться тут? Надо за дело бы приниматься.

Один и говорит, англичанин:

— Примемся за дело, так и будет всего у нас.

Другие говорят:

— Да что бы ты сделал?

— Да что, я г'орит, сделаю то, что весь Лондон покажу как на ладони.

А другой грит:

— А я, грит, могу показать весь Париж как на ладони.

А русский говорит:

— А я сделаю орла летучего, тут мне денег куча будет.

Вот агент это все слушает. Агент возвратился во дворец и объяснил царю, что есь такие-то люди и вот то-то говорили. Ну, царь им сказал:

— Идите и найдите этих людей и представьте ко мне.

Ну, он так и сделал. Представил их во дворец, этих трех людей. Ну, потом он их спрашивает:

— Что вы знаете?

Оне говорят. Один говорит:

— Я могу показать Париж как на ладони, другой — Лондон, а русский говорит:

— Я, грит, могу сделать летучего орла.

И потом оне взялись представить через две недели во дворец императору эти вещи.

Вот, значит, оне опять сидят в заведении и все ходят каждый вечер и ничего не делают. Потом последний день оне опять сидят и говорят:

— Ну что же ребята, мы готовы ли к царю-то идти?

Один говорит:

— Я готов.

И другой говорит:

— Я тоже готов.

И третий говорит:

— Я тоже готов.

Ну вот и оне, значит, направились, во дворец пришли. Государь спрашивает:

— Ну, что вы можете показать?

Англичанин подает ящичек большой. Гости были у царя из разных держав. Посмотрели они — это очень им понравилось. Приняли оны изделие. Потом и француз тоже подал ящичек такой же. И это приняли тоже очень даже с благодарностью. Показано хорошо весь Лондон и Париж.

Ну, а русский стоит с мешочком с таким с грязным на плечах и держит этот мешок со своим изделием. Государь и говорит:

— Ну, а ты что, русский, грит, что ты можешь показать?

Русский забоялся. Ну и потом государь поступил с ним очень грубо. И тот стоит, ничего не говорит. Государь на него грозится. Дочка увидела и говорит:

— Вы бы, папа, с ним поаккуратней, повежливее бы, видите он испугался, повежливее бы.

Потом он говорит:

— Ну, хорошо, грит, что у тебя в мешечке есть? Ты взялся, давай, если можешь.

Он взял с мешечка все высыпал на пол. Там оказались мелкие стружки, самые мелкие, как перья птички, только деревянные стружки.

Государь и вся публика пошли смехом, как увидели эти стружки. Мужичок стоит дрожит. Вот его опять дочка говорит:

— Пожалуста, вы спросите его поаккуратнее. Может быть, он и сделает что-нибудь с этих стружек.

Государь сказал ему вежливо и публику остановил, чтобы не смеялись. И он попросил отдельный покойчик, этот мужичок-то. Ему отвели покой одному это сработать изделие. И потом он сделал свое дело, отворил двери и сел на орла и по залу давай летать этот мужичок. Ну, государь принял очень даже во внимание и благодарил его за это и говорил, что это редкосное изделие не видано. Ну и потом, конечно, он их всех трех угостил.

У них был бал в это время. И потом он этого орла взял в угольной шкап клал и запер ключом и поставил часового. Вот у царя был сын. И ему захотелось этого орла унести. Он пришел с бутылкой к часовому и угостил от имени царя, что будто бы государь послал угостить тебя. Он часового напоил и взял у него ключ, в шкап зашел и унес орла. Отворил окно, сел на орла и улетел. Он эту-то кнопочку нашел, которую улететь, а другой-то не мог найти, и все лететь пришлось ему. И улетел он в Германию, все не мог никак орла этого посадить. Все-таки добился, прилетевши в Германию, нашел эту кнопочку, и мог он сесть на землю. А этого мужичка мастера посадил царь, что

— Ты мне беды наделал, улетел сын и неизвестно куда.

У одной старушки он в Германии там попросился пожить. И несколько времени он жил и каждой вечер летал по воздуху. Вот у царя была цыганка, а государыня была в положении. Спросили цыганки, кого жена моя принесет, отродье, значит, мальчика или девочку? Цыганка сказала так:

— У вас будет дочка и у дочки будет сын.

За это тоже посадил царь эту цыганку. Государь взял, дочки как стали годы к совершенным годам, сделал башню и посадил в эту башню, чтобы, значит, шабаш.

Вот этот юноша мимо этого терема каждой день летал, мимо окна императорского. Эта царевна окошечко стала отворять. И он стал даже посещать ее. И она уж беременела, девушка эта. И вот потом совершилось ему осьминадцать лет. И вот эта старушка, где он жил, говорит:

— Вот что, молодец. Завет твой кончился, говорит, и вот можешь теперь куда хочешь идти.

(Ах, погодите, не то! Царевна родила и отдала этой старушке воспитать до совершенных годов. Маленько сбился я). И потом он, значит, этот юноша от этой старушки и пошел. И приходит он в гавань. В гавани отправляются суда. И он приходит на судно и спрашивает, куда это идут суда эти. Там говорят: это в Россею. Ну, дак не пригласите ли меня на судно? Его с удовольствием пригласили.

И вот он приехал в Россею, даже в Петербург. И поступил он в гостиный двор, одним словом — послужить. И юноша этот такой был красавец, даже редкосный. И кому даже купит-то бы даже не надо, нарощно посмотреть этого юношу ходили, и разбогател даже магазин из-за него. Узнала об этом царица. И захотелось ей посмотреть этого юноши. И вот она приехала и купила кое-что в магазине, полюбобытствовала этого юноши. Вот однажды два скопских мужика, похмелиться им не на что, и говорят оне между собой. Один и говорит:

— Ванька?

Тот говорит:

— А что? Опохмелиться-то у нас не на что?

Другой говорит:

— Да, не на что.

А другой говорит:

— А у меня сейчас деньги будут.

— Да где ты возьмешь?

А тот и говорит:

— Хто, я-то?

— Да, ты-то!

— А я-то землю-то копал, так в магазин-то делал-то подземный ход, дак только донесу, так счас мне денег-то дадут.

Другой и говорит:

— Дурак, тебя сичас и посадят.

Другой говорит:

— А ничто меня не посадят, мне награду дадут за это.

Ну, он пошел и заявил, что вот императрица порядила нас подземный ход сделать в такой-то магазин, в полицию заявил. И дело дошло и до царя. И царь приговорил этого юношу к смертной казни. И этот юноша был уж на лобном месте, назначен уж на плаху, но ждали только императора. Вот и является император и говорит:

— Нет ли у тебя юноша чего-нибудь заветного? говорит.

Вот он достает свой сундучок и показывает маленький ящичек, ящичек был заветный. Он не знал, что в ящичке было оставлено у старушки-то. Вот государь взял этот ящик, распечатал. Перво дело перстень именной попал ему в руки и прочий документ. И он захватил сваю сына в объятие и поцеловал и прижимал к себе. И матери говорит:

— Это сын наш, говорит.

И тогда оне его взяли домой и посечас оне живут там.

13. ЧУДО-ЧУДНОЕ, ДИВО-ДИВНОЕ И СМЕХ БОЛЬНОЙ

Вот жена одного мужика просила, что чудо-чудное, диво-дивное достань мне; где хочешь, купи! Ну вот, мужик поехал в город, надо купить где хочешь чудо-чудное, диво-дивное, смех большой. Вот сколько раз он в город ездит и все не может купить ничего, все не может наспросить. Вот однажды ехал в город, и попадается мужичок навстречу.

— Что ты, добрый старичок, все ходишь, чего ты все ищешь?

— А что ищу, да у тебя нету ничего, с тобой и говорить зря.

— А может быть и есть. Ты скажи, что тебе нужно.

— Да вот, говорит, надо чудо-чудное, диво-дивное, и чтобы смех был большой.

— Ну вот пойдем, у меня есть, говорит.

Вот приходят к старичку к этому на квартиру. И говорит жены:

— Собирай на стол.

Тая собрала на стол. Старичок эту дверь отворил и говорит:

— Гусь, иди в избу!

Гусь пришел в избу.

— Гусь, садись на сковороду!

Гусь сел.

— Жарься, гусь!

Ну, хорошо. И гуся сейчас подала жена на стол. И гуся съели. Косточки эти под стол собрал в одно место до единой.

— Гусь, иди на двор!

Гусь встал и пошел. Ну, вот.

— Сколько же это будет стоить?

— А 100 рублей.

— Ну 100 много, а 90?

За 90 и купил этого гуся. И приехал он домой. И уехал он за сеном, мужичок-то.

А баба то с дьяконом жила. Вот она бегом к дьякону.

— Поди-ко, я тебя угощу!

Дьякон приходит.

— Ну, что ты, грит, зовешь?

— Вот как я тебя угощу, грит.

— Ну, давай, угощай, грит.

Вот сейчас отворила дверь, а гусь-то на дворе был. (Я забыл: гуся ели, так она узнала это). И говорит:

— Гусь, поди в избу!

А гусь нейдет. Она и не один раз его зовет, а он все нейдет. Потом подбежала за палкой, гуся ударила. И прильнула к гусю. И гусь ее со двора и потянул. Потом этот дьякон выбежал, захватил за бабу, да и дьякон прильнул. А баба только с деревни, так отец бежит с погонялкой.

— А, говорит, поговаривали, что с дьяконом водится, вот и бежит, дьякон за жену держится.

Погонялкой хлыстнул да и старик прильнул. Потом старик купался с киллой.

— Э, сосед, спаси!

Тот выскочил да голой и прильнул. Ну вот и потянул вдоль деревни как, например, в нашей деревне в конец туды. Там в конце туды есть этого мужичка гумно, так он рожь туда веял. А это через гумно ему прихотелось протянуть эту публику всю. Вот он веет рожь, а мужик-то поддержал килу лопаткой да и держит вот таким манером, и тоже прильнул. Ну и

потом гусь повернулся да и опять их всех по деревни тянет. Ну, потом этот мужик приехал с лесу, видит, что это хохочет такой, а там народу набралось (как это я, когда вас привел, ребят набралось). Ну вот он видит, — что там за шум? И вышел на улицу посмотреть. И смотрит и удивляется, что такое делается с моей бабой? Ну вот подходит. Гусь к дому привел всю эту публику. Ну мужик сичас этого Федора Иванова взял, его отдернул, с килкой которого тоже отдернул, ну и тестя отдернул, а дьякона того погонялкой похлопал хорошо. Ну и бабу свою хорошо. Ну и потом гуся на двор запер и тем и кончилось. И стали жить мирно.

КОСМОЗЕРО

Иван Иванович Касьянов, 60 л.

14. ЗОЛОТОЕ СТРЕМЯ

Был некакой Нестёрка. Была у его робят шестёрка. Работать он ленился, воровать боялся. Пошел к синему морю.

— Пойду, скаа, потону, делать нечего, робят кормить нечем.

Пришел к синему морю, сел на камень и сидит, думат — страшно.

В это время едя Егорий, свет храбрый, на белом коне. И едет он на небо к богу спрашивать, кому какие таланты. Родилось там много человек детей. Едет к богу спрашивать, какие таланты давать человеку на сём свете.

Вот Нестёрка и спрашива:

— Куда, Егорий, свет храбрый, едешь?

— Еду на небо к богу спрашивать, какие кому детям таланты дать на сей свет.

— Спроси, Егорий, свет храбрый, какой мне талант-то был дан у бога.

(Этот мужик-то говорит, Нестёрка).

— Хорошо, скаа, спрошу.

— А ведь омманешь, Егорий, свет храбрый, скаа.

— Нет, не омманю.

— Ну, дак отдай мне стремёну золотую от седла. Я буду ждать тебя. А то омманешь меня так.

Ну вот он и дал стремёну, Егорий, а сам поехал на небо. Ну и спрашивают там его:

— Кому какие таланты?

Ну, кому там грамота, кому богатство, кому ремесло, кому что. Это все Егорий забрал сведения (как и ты пишешь), кому что. Ну, вот Егорий, свет храбрый, стал садиться на коня, видя — у него стремёны нет. И говоря:

— А там мужик у меня сидит, надо вернуться спросить про его про талант.

И вернулся назад.

— Господи, скаа, есь там некакой Нестёрка, сидит у синего моря. У него робят шестерка, работать хилится, воровать боится, не знает как кормиться, пришел к синему морю топиться. Какой ему талант дан?

Вот бог и говорит:

— Манить¹³ ёму талант дан.

Ну, и поехал Егорий, свет храбрый. А Нестёрка-то стремёну обрел, чтобы не дать Егорью. Вот Егорий приезжает. Он и спрашивают:

¹³ Обманывать.

— Ну что, Егорий, какой талант мне данный?

Он говорит:

— Манить. Ну так отдай стремёну.

— О нет, стремёну так я и не видал. Что ты?

Уехал Егорий, свет храбрый. Он и пошел домой.

— Стремёна золотая, буду робят кормить.

Вышел на почтовую дорогу. Вдруг едя барин какой-то с колокольчиком. Он взял стремёну, за плеча повязал и идет впереди, а стремёна как жар горит, дак барину в глаза кидается.

— Что, мужичок, несешь?

— Да стремёну.

— Какой же ты человек?

— Я, скаа, седельный мастер. Шью сёдла, кто заказыва. Кто золотые стремёна, кто серебряны, кто стальные.

Барин говорит:

— Сделай мне седло — золотые стремёна. Сколько стоить будет?

— Это седло будет стоить с вышивкой там надо будет 300 рублей.

Барин согласился.

— Надо задаток дать, я человек небогатой, рублей 200.

Барин задаток дал 200 целковых. Он сказал:

— Вот к двадцатому числу приезжайте и денег привозите, я буду готовить, займусь работой.

Нестёрка приходит домой. Набрал чаю, сахару, кофею, рыб свежих, начал робят кормить, пушить, да соседей в гости зовет да угощает. Соседи дивуются: где Нестёрка разбогател? Вот двадцатое приходит. Барин посылает свою лакея проведать седло, готово ли оно. А у него и вовсе помину нет в заводе. Взял на двадцатое число принес плоту¹⁴ такую, клал посередки мосту, да молоток; видит, что едет лакей барина, он и начал молотком стучать в плоту, а тот думаа — он седло, видно, вышивает.

Ну, так лакей приходит в фатеру. Он покрыл покрывалом молоток да плоту, работу не показыват своей.

— Ну что, мастер, готово седло?

— Да готово, готово, только не совсем. Работаю. Привез ли денег? Давай-ко вот. Нужно еще денег на содержание да на вышивки разные.

— Привез, привез, скаа.

— Ну, давай деньги.

Деньги взял, в лавочку послал, да набрал фруктов, да лакея угостил как следует, распростился.

— Приезжайте вот такое число, привозите вси деньги и покрывало хорошее седло закусать.

Он опять начал гулять, уж деньги попали, дак...

Ну, число пришло. Барин приезжает с колокольчиками, а он взял эту работу обрал всю. Ну, барин заходит в хату.

— Ну что, мастер, готово ли седло?

— Готово, готово. Привез ли деньги остальные?

Барин деньги выдал.

— Ну, барин, дай-ка деньги ребятишкам на чай, оны тоже вышивали, трудились.

Он дал 25 рублей на чай ребятишкам.

— Ну, носи седло мастер.

¹⁴ Камень.

— О ты барин, я вовсе не седельный мастер, скаа. Спроси хоть соседей: что я и ничего не толкую.

Барин соседей собрал, соседи подтверждают, что он действительно ничего не знае, никакого ремесла. Барин скаа:

— Я на тебя в суд подам.

— В суд-то я поеду. Пришли только лошадь ко мне да кучера. А то ведь не поверят, что ты с бедным связался и таку сумму дал бедному человеку.

В суд стали вызывать, он кучера посылает на лошади за Нестёркой. Он кучера наугощал:

— Скажи, что конь и сани мои и всё. Я тебе дам 50 рублей жалованья да будешь кушать со мной за одним столом и разъезжать станешь по гулянкам. Скажи, что кучер и сани мои. Вот тебе 10 рублей счас я дам на чай.

И кучер согласился на это. Ну, в суд приходят. Барин взыскиват деньги с Нестёрки. Он говорит:

— Я не седельный мастер, денег не видал. Да ты пожалуй скажешь, что и кучер твой да и конь твой, наскажешь ты. А я тебя и знать не знаю.

Суд, действительно, оснувается суд постоянно на свидетелях. И осудили все в Нестёркину пользу, раз кучер показал.

Ну, с суда приехал Нестёрка с кучером домой. Начали угощаться. Потом это все прожили. Нестёрка приказал росписать вывеску: «Золотых дел мастер» — большую золотыма буквама. И поехали в город. Снял квартиру с лакеям, с кучером. Прибили вывеску: часы починяет, браслеты, всё вообще, паяет всё. Народ увидал, что вывеска красива, шикарна, кто кольца несет, кто часы несет, кто браслеты. Нанесли уйму золота. А он золото обрал, да в мешок склал, да уехали с эстым человеком, да скрыли. Народ приходит, там говорят — был да уехал, не знаем куда. Опять манить в другое место.

15. БЕЗЗАБОТНЫЙ МОНАСТЫРЬ

Было на дверях написано, что беззаботный монастырь. Вот, приехал там, что, государь, что ли, царь ли.

— Как это так? Беззаботный монастырь? В монастыре должно заботиться.

Ну вот и спрашивают:

— Я вам, скажа, загану загадку, чтобы к утру свету б́ыла разгадана эта загадка. Сосчитайте, сколько на небе звезд? Что я сто́ю? И что я думаю?

Значит, дал настоятелю такое наставление, чтобы к утру загадки э́ты разгадать. Вот настоятель и думаат и ни может никак разгадать э́тых загадок.

Вот такой был мельник на мельнице, х́ухарь,¹⁵ старец, что он знает все это разгадывать мне.

— Дай-ка, я съезжу к ему. Он расскажет, как выйти это из печали.

Вот приезжает х старьцу и говорит:

— Так и так, выведи меня из положения из худого, чтобы я на утро мог разгадать.

¹⁵ Кухарь.

— А вы, скажа, вы оденьтесь в мои платья, а я оденусь в ваши, а я поеду к царю на отгаданья.

Настоятель согласился, значит. Перенаделись. Старец поехал туда в монастырь разгадывать государю загадки. Ну вот и выкликаат государь игумена.

— Ну что, скаа, ты, игумен, мог ли разгадать загадки? Скажи мне, сколько на́ небе звезд? Сосчитал ли за ночь? И начал:

— Там столько тысяц, сколько тмов.

— А это, скаа, неправда.

— А вы поверяйте сами, коли это неправда.

— Ну, сколько я стою?

— А вы стóите, скаа, господь был продан за тридесять сребреников, а вы всё подешевле стоите.

— А что я думаю?

— А вы думаете, что я игумен, а я с мельници старец, х́ухарь.

— Ну, дак быть же ты игуменом, а тот пусь мельницным х́ухарем.

Тым и кончилось.

16. БАБА ХУЖЕ САТАНЫ

Пятнадцать лет муж с женой жили, жили хорошо. Никто не мог их поспорить. Сатана билась три года, ходила, чтобы подрались, либо поспорили. Идет да вопит по ступеням, что не могла соблазнить. А старушонка стара нищая идет по ступеням:

— Что ты во́пишь?

— Да как же не вопить, мне дано три года, чтобы соблазнить муж и жену, чтобы подрались, дак никак не могу соблазнить.

— Ой, ты, скажа, я бы сделала, да что мне дашь? Я сделаю, дак сегодня оны подерутся.

— Ну, как это сделаешь, так бери, что хошь.

Старухе-то дает.

Старуха шла да расспросила на деревни, гди муж да что работат. Оны сказали, что в поли пашет. Ну, она отправилась в поле да выспросала полосу и скажа:

— Ну, дитятка, скажа, я по старости лет манить не стану. А у ты всё дома я худое заметила; я уж правду расскажу, что там у твоей хозяйки был побратим да настряпано то да другое. Да тебя ладя извести. Да если, скаа, просить у тебя на голову искать, то ты не спи, а тебя она зарежа. А ты захрапи, как бытто и спишь, а она стане тебя резать. Ножик суне под глотку.

Ну и сама отправилась к деревни. И опять к этой бабы:

— Ой, скажа, ведь мо́лбодушка, я по́шла в другу деревню, да вернулась. Ой, скажа, он с́идя на́ полосы да обнимается с девкой. А уж я те́бя наладила бы, те́бя жалеючи.

Она так уж остало́нилась да и поверила.

— Вот приедет, ты про́си голову й́скать, по́том станешь голову й́скать, по́том проси бо́роды и по́том, как он заснет, захрапит, дак выложь три волосинки с по́дбороды. Так он вечно станет любить те́бя о́дну.

— Ну, как уж это сделаешь, так я тебя. . .

— А не надо нице́го, я так налажу, только высеки три волосины.

Ну вот приезжает обедать домой муж-то. Она накормила, напоила.

— Ну, дай, скажа, мужице́к-то, я у тебя на голову поищу.

Ну, он свалился, она голову искала. Просит и в бороды искать, нет ли букашки какой.

Он свалился бородой кверху и захрипел. Ну она начала волосинки-то сечь с под щеки-то. А он скочил да давай ю дуть.

— Ты, подлянка, скаа, зарезать хочешь, побратима заправила! Да тым и кончилось. Сатана не мог сбить, а старуха сделала.

17. НАСТАСЬЯ МЕРКУЛОВНА ИЗБАВЛЯЕТ МУЖА

Вси на пиру да напивалися,
 Да вси на пиру, да наедалися,
 Да вси на пиру да порасхвастались:
 Умный хвастат отцом, матерью,
 Золотой казной бессчетною,
 А безумный хвастат
 Молодой женой красавицей
 Да малым детушкам.

Моя жена, скаа, князей бояр с ума сведет
 Самого царя в полон возьмет.

Его посадили в крепость. Вот жена проведала, что муж сидит в крепости, взяла подсекла волосы, накрутилась в муско платье. Это Настасья Меркуловна, это дочка Микулы Селяниновича. И собрала она дружину хоробрую. Надо ей жениться. Так на пир собрала своих друзей мужных, что вывести его оттуда с крепости. А у этого царя была дочь красивая. Она поехала бытто сватать его дочери со своей хороброй дружиною, с мужней значит. Ну, и приехали под этот град, и она поставила эту, оставила там и поехала одна к князю этому (не знаю как звали князя, князю Владимиру, кажется). Приехала:

— Вот, князь Владимир, я приехала с докладом. Если выдадите в замужество дочку, то войной не пойду, а не выдадите, то пойду. У меня дружина в поле, войско.

Тот вышел князь на болхон, поглядел в бянок, видит там видимо и невидимо войско стоит. Ну и согласился выдать за его.

— Ну, так тогда разрешите попить, гостей пригласить своих.

Назначили день. Она вызвала оттуда часть приметных. Стали пировать. Дак она играт в гусельшки черкасски, дак ихны игроки всё не нравятся.

— Есь у вас музыкант, есь в крепости, дак тот бы мог бы сыграть, скаа. Если, князь Владимир, сделаете это, он сыграл бы на гусельшках нам, потанцовали бы мы.

А другим-то вот этым замечает, что это не мужчина есь, а женщина. Не женщина ли есь это сватается да свадьбу разыгрывает?

— Что вы скаа, разве можно это? — Князь Владимир говорит.

Ну, когда достали с крепости ёйного мужа, он начал выигрывать, дак всё это нравится, дак свадьба всё пошла веселая.

Этот князь-то говорит:

— Вот бы съездить мне в чисто поле на поединок, чья сила заберет, тогда и свадьбу играть доканчивать. Есь ли у вас богатырь такой сделать на рукопашь?

Все тут сумлеваются, ништо не едет. А этот муж говорит:

— Если бы меня спустили, я бы победил этого жениха на рукопашь. Потом вы узнаете меня жениха.

А этот-то соглашается, муж-то ее.

— Дайте мне коня!

Ну и согласились отпустить их во чисто поле. Ну, как сокрутили этого и выехали муж с женой в поле, она и скаа:

— Я ведь жена твоя, а не богатырь.

Ну тут пошли оны, значит, царя Владимира просить дани, потому — невеста твоя не надо, а дай такую, что с кажного гнезда по голубя. Он согласился дать. Привезли голубов, да она привязала что бересту, али что там да и зажгла, да и голуби полетели в город да и город загорелся.

А дальше не знаю.

КОМЛЕВО

Маланья Ивановна Громова, 64 г.

18. ТРИ БРАТА

Не в котором царьсви, не в котором государьсви на ровном мести как на бороны, а верст за двести в стороны, жило три брата. Оны справились суков рубить. Оны рубили долго ли коротко, приходит ночь, им надо дорубить. Схватились, у них огня нету.

— Ставайте, братья, в ели насмотреть где-нибудь огня!

Насмотрели в маленькой избушке в лесах огонек. Старший брат говорит:

— Я пойду просить огня.

Приходит в эту избушку, в этой избушке человек, голова на лавке, ноги на пороге.

— Не мал человек, дай-ка мне огня!

— А расскажи-ка мне сказку.

— Не знаю, ответил.

— Ну и, говорит, скажи небылицю.

— Не умею, ответил.

— Дай жа мне, говорит, вырезать с ляшки по пряжке, а с хребта по ремню.

Ну, дал. Вырезал он, огня не дал. Приходит брат взад на суки. Средний брат:

— Это, говорит, ты. . . Я пойду выпрошу огня.

Приходит и говорит:

— Дай-ка, не мал человек, огня!

Он все лежит так.

— Ну, говорит, скажи-ка сказку.

— Не умею.

— Скажи небылицю.

— Не знаю.

— Ну, говорит, дай же вырезать с ляжки по пряжке, с хребта ремень.

Говорит:

— Режь!

Ну и вырезал.

— И поди, говорит, не дам огня.

Он и отправился взад на суки. Ну, приходит брат на суки. Меньшой брат Иван:

— О, не могли достать. Я пойду.

Оны думают:

— О, его всего вырежут.

— Не мал человек, дай-ка огня!

— Скажи, говорит, сказку, скажи небылицу.

Он ответил:

— Не знаю, не умею.

— Ну, говорит, дай же вырезать с ляжки по пряжке, с хребта ремень.

Он говорит:

— Не дам. Я, говорит, как буду сказку говорить, не переговаривай.

Если будешь переговаривать, 100 рублей деньги.

— Ну, говорит, жили мы три брата бедно. Лошаденка была у нас худая. Ну, у нас дрова перестали, печьки топить нечем, надо ехать за дровами. Схватился я ехать за дровама, у нас дровен нету. Занялся я делать дровни, в один полоз задолбил три копыта, в другой тридцать. И дровнишки вышли у меня кривоваты. Я съехал в лес. Нарубил я дров возенка. И пришлось мне-ка переехать через руцьевину с возом с дровама. Ну, лошаденка у меня худая. Я ее хлынул, он у меня скоцyla и сорвалась пополам: одни ноги на одном берегу, а други на другом.

А этот уже не переговариват. 100 рублей жалко.

— Ну я, говорит, что вы думаете? Я вырубил елову рогатку, приклял задни ноги к передним и скрепил лошадь. Ну и привез возенко дров. А проведаль я — за морем мухи дороги, а коровы дешбвы. Ну, и я выдумал мух наловить. Дви маленки мух наловил и пошел я за море скотины покупать с мухама. Прихожу к морю, ну, как через море переехать? И здумал шить лодку. И шил, шил лодку. И вышла у меня лодка с одной стороны 30 набоев лодка, с другой 3 набоя. Кривовата.

А этот все говорит, что было так. Не переговаривае, уговоренось.

— Ну, сел в эту лодку и переехал через море, хотя была и кривовата. И доподлинно мни-ка дали на каждую муху корову и нитель.¹⁶ И наменял я такого, что и глаз не хватит. Дви маленки мух, так сохрани бог. Ну, пригнал я к морю. Лодку-то вытянул, худовата. Лодку у меня и унесло. Лодки нету. Ну и выдумал я обвертывать хвост круг руки и через море кинул и так всех вырвал, одна большаа осталась. Два раз хвост круг руки оммахал да крутил крутил да через море перекинул да сам вслед пролетел.

А этот слухат да говорит:

— Все было так.

— Ну и, говорит, пригнал я все стадо домой, в кожи выделал, ну и проведаль, на небе что у богов нету сапогов. Ну и наклак в сумоцку кож и пошел на небо. Ну и думать: как выстать на небо? Пришел к дубу и выстал на этому дубу на небо. Ну, и сшил там большим богам по сапогам, маленьким божкам по обутоцкам. Ну и всех обшил, надо и взад опуститься. Ну и пришел к этому дубу, и дуб пал, и под этим дубом под кореньем оказался ящик большой. Ходил, ходил, дуб пал, опуститься не по цем, вижу — у мужика на болоте наслана овса настилка. Ну и мужик молотит, и идет пыль. Ну и говорит:

— Я этой пыли хватал, хватал, свил канат.

Этому все рассказыват.

— Ну и стал по этому канату опускался, ветер халнул, канат разнесло, и я пал и загрязнул в болоти, что одна голова осталась, весь за-

¹⁶ Телушку.

грязнул. У меня уж воробушки стали гнезда вить на головы. Ну я, говорит, как-то руки таскал, таскал, вытянул на волю и стал доставать яичко с головы. Ну и, говорит, приходит ко мне медведь и стал о меня цесаться, думат, говорит, что я пень. Ну я, говорит, яго тихонько за хвост хватил, медведя. Ну и как рыкнул он, как скоцыл — да и выскоцыл с земли. Ну и пошел я к этому ящику, что под дубом оказался. Скрыл этот ящик. Этот ящик полный книг да записок. Я эти вси книги, вси записки перецытал. И в последней записке нашел, что твой дедушка у моего дедушки 100 рублей занял.

А этот и скоцыл:

— Когда, говорит, мой дедушка у твоо дедушки 100 рублей занял?

А этот говорит:

— На что уговорка-то была, не переговаривать? Ну, говорит, за переговорку 100 рублей и дедушковы 100 рублей — 200 рублей, а то с кватеры не выйду.

Ну он вертелся, вертелся, этот большой, делать нечего, дал 200 рублей да еще коробок спицек, огня, знацыт. Ну и он приходит на суки, сделали огонь, и тым и сказка концылась.

19. ФОМУШКА

Жил поп. Поп нанял работника. Работника звать Фомушкой. Стали оны собираться пахать на неделю в ниву. Фомушка день пропахал, говорит:

— Батюшка, я пойду на бесёду.

— Что ты, Фомка, день пахал, пахал да на бесёду.

— Пойду на бесёду.

И пошел. Приходит домой под окошко. Где живет, тут и дом. У попадьи дякон в гостях. Дякон и говорит:

— Кто заколотится — куды я?

— Я, гыт, в перину заверну ды. . .

Ну и Фомушка заколотился. Она его в перину. Пустила Фомушку.

— Чего ты?

— А, гыт, с твоим батюшкой не сладишь. Послал за постелей меня.

Она говорит:

— Ты эту возьми!

— Нет, я эту!

Взял постелю с дяконом и тащит постелю. На ступени вышел да бросил, прокатил по ступеням, ды и сам улетел пахать опять. Батя про дело не ведат, что он комедит дома. Ну и утром встает, надо пахать.

— Что ты, говорит, был на бесёде да рано будишь.

— Вставай, говорит, надо пахать.

Ну, день пропахали.

— Батя, я опять на бесёду пойду.

— Что ты, Фомка!

Уж пошел на бесёду и стоит под окном. Он опять в гостях у попадьи. Ну и говорит:

— Попадья, Фомка заколотится — дак куда?

— Я тебя в мешок с овсом поставлю да и. . .

Ну и заколотился Фомка. Она его в мешок с овсом рядом поставила.

— Фомушка, зацым ты?

— А, говорит, с твоим попом не сладишь. За овсом коням послал. (С Фомкой шутить не надо уж).

— Этот возь мешок!

— Нет, этот велел взять.

По ступеням его покатал, покатал да опять оставил на ступенях. Сам попу там нищего не сказывает. Будит попа:

— Ставай, батька, пахать надо.

— Что ты, Фомка, на бесёду ходишь да покою не дашь.

— Ставай!

Стали пахать.

Ну и до вечера допахали. Фомка говорит:

— Опять на бесёду пойду.

— Что ты, Фомка, день пашешь, пашешь, а ночью на бесёду.

Ночь Фомкина уж. Ну и прилетает Фомка домой. Опять он с попадьей.

— Ты, говорит, неделя прошла, завтра суббота. А ты где будешь пахать?

— А вот с вами на ниве, так я буду рядом.

А Фомка слухат под окном, что она с дьячком разговаривает.

— Я бы пришла к тебе с мягкими, да не знаю дороги пройти. Это попадьа дьячку-то.

— Ну я, говорит, как поеду пахать, то нагну прутушков. Ты пойди по этим прутушкам, так ко мне и придешь.

Ан Фомка все это слухат. Он говорит:

— Если Фомка придет, куда я?

— А ты возьми в хлев, накинь кожу наверх и с телятами стань.

Фомка и заколотился.

— Цаго ты?

— А поп велел телят напоить.

— Да у меня напоены.

— Нет, велел.

Взял церёмшину и в хлев воды. Телята бежа к ведру. А он и не пьет. Он его и нахрястал.

На другой день суббота. Неделя прошла. Опять будит попа пахать.

— Да что, ты Фомка, неделю всю по бесёдам ходишь, а не даешь спать.

— Вставай, сегодня суббота, шабашить раньше, надо пахать.

Ну он сходил, слетал да в свою сторону прутушки загнул да пришел, опять пашет. Попахали, батя и говорит:

— Обедать надо.

— Постой, грит, попадьа с мягкими придет.

— Что ты, говорит, Фомка, неделю всю не носила, а в субботу с мягкими придет?

Ну и попахали маленько, да попадьа с мягкими пришла. Ну и надо обедать сесть. Попадья говорит:

— Да дьячок недалёко пашет. Позвали бы хоть его обедать вместях.

— Ну ладно. Поди, Фомка, позови дьячка, — говорит поп.

Фомка зовет обедать, а не зовет, а спрашивает:

— Погоди, батя даст тебе хорошего!

Ну и пришел взад и говорит:

— Ну что, идет ли?

— Нет, говоря, пускай поп сам придет позвать.

Фомка знал, что сказать. Батя говорит:

— Ну ладно, я сам пойду позвать.

Фомка говоря:

— Возьми колушок да полку, у него собака есь ядовита и придешь скажешь: я те дам.

Батя и пошел. Приходит к огороду да стукнет:

— Я те дам!

Дьячок настрашенный, убежал. Поп взад приходит. Попадья:

— Что он идет ли?

— Да он с ума шел, какой тут обед? Я, говорит, бегат, бегат, так он как сумашедший таскается.

Ну ладно. С пашни выехали домой, раз суббота пришла. Фомка видит, что у ней он сунут в шкаф платённый.

Ну ладно, Фомку не обделаешь. И Фомка этот лошадей отвел, а сам послал спать возле шкапу. Попадья говорит:

— Что ты Фомушка, тут холодно.

— Ницего, попадья, тепло.

Ну, утром встал и говорит в воскресенье:

— Батя, я во снях видел, что платённые шкапы дорогие, станем продавать. А батя говорит:

— У нас новаго шкапа нет, а старый уж.

— Старый дороже, надо вести продавать.

Ну и шкаф на дровни да и продавать на базар повезли. Привозят на базар, так покупатели отворили, там дьячок. Тут Фомка говорит:

— Если 200 рублей дашь, так спустим.

Ну, что делать, 200 рублей дал, и шкаф взад повезли. Ну и Фомка говорит:

— Я тебе сказал, что шкапы дорогие. Ступай в церковь служить.

Вошли служить. Этого дьячка нету, не пришел. Ну опять дьячок опять уж в шкапу. Поп говорит:

— Поди, гди у нас дьячок, в церкви служить.

Ну и Фомка говорит:

— Пойдем-ка в шкаф. Не сломилось ли что, мы возили на базар, так...

Ну и Фомушка приходит, шкаф отворяет, а там дьячок в шкапу.

— Ну, что, давай сто рублей, так спущу, а не то так сразу смерти предам, что ты забрался в наш шкаф. Ну и дал 100 рублей Фомки. Тым и сказка кончилась.

20. ХИТРАЯ НАУКА

Жил старик со старухой, у них детей не было никого. Всё жалали детей. Потом старушка вышла на море на пристань белье полоскать. Ну, и приносят ей ребеноцька махонькаго с зыбоцькой, как будто сиця родился, с пристани. Она его подняла, снесла домой и стала его рóstить. Паренек, знацит. Обрадовались там, что бог сына дал. Ну, и уж он возрос, что надо его грамоте уцыйть. Повел его отец за море грамоте уцыйця. Отдал уцыйтелю за море грамоте уцыйть. Уцыйтель яму выкопал глубоку, нарыл в эту яму дров, поставил этого в яму мальцика, землей зарыл да зажег яму огнем. Ну, и там уж долго ли, коротко — надо яму вороцать. Вороцая и нашел одну маленьку искренку. Ну, и разломил этот уголек пополам, кинул половину наперед, а другу назад и сказал:

— Позади меня стань золотá гора, а впереди стань молодец лучше старого, лучше прежнего.

Ну и позади его стала золотá гора, а впереди молодец лучше старого, лучше прежнего. Ну и спросил:

— Что, молодец, знаашь ли цаго?

Он ответил:

— Не, ницаго не знаю.

Он опять его снова в яму, опять зажег яму. Ну и опять там ходил долго ль, коротко ль, опять яму развороцал, нашел один маленький уголек. Опять этот уголек разломал пополам и говорит:

— Позади меня стань золотá гора, а впереди меня стань молодец лучше старого, лучше прежнего.

Ну и стала золотá гора, а впереди молодец лучше старого, лучше прежнего. Ну и спрашивает:

— Что, молодец, знаашь ли цаго?

А он, молодец, отвечает:

— Больше тебя знаю.

Ну, уж это уцытелю, знаашь, не в нос, больше себя знаат. Ну, пришло время, пришел отець. Надо домой. Скоро сказка скается, нескоро дело делается. Он не отдавает его так.

— Вот что, дедушка, завтра я выставлю 300 молодцов, выставлю в три шеринки.¹⁷

Сын отцю наказывает:

— Он как выставит 300 молодцов в три шеринки, у всех будут правы полы наверху, а у меня лева.

Ну и утром приходит. Оны вси 300 молодцов, и пошел отець всех узнавать, которой сын. У всех права пола наверху, а у его сына лева.

— Ну, узнал дак еще их в шеринку выставлю, значит, до трех раз надо ставить.

Сын отцю и говорит:

— Все будут кушкакам повязаны, у всех будут концики назад повязаны, а у меня будя наперед повешаны.

Отець и пошел опять.

Опять 300 молодцов, у всех назад повязаны, а у его наперед.

— Вот мой!

— Ну, говорит дедке, хотя узнал сына, еще в третий раз выставлю шеринку.

Ну сын отцю и говорит:

— Батюшка, у всех правы ноги наперед выкинуты, а у меня лева, так ты по тому узнавай.

Ну и отець пошел, ходил, ходил, у одного лева нога впереди.

— Этот мой сын!

— Ну, уж третий раз узнал, так возьми, старик, сына.

Ну, старик взял, справились. Приходит к морю с отцом, да как ветер на море бушует, воду не подумать, что переехать. А кругом не обойдешь.

— Батюшка, я обернусь конем, а ты веди мимо уцытеля, ты продай меня, а узду скинь, а как узду не скинешь, так больше меня не видать.

Ну, и повернулся конем. Отець сел и поехал. Едя мимо уцытеля, уцытель видя.

— Что, дедушка, продай коня!

Ну, продал старик, взял 100 рублей полуцил. Он взял коня, а старик узду снял, свернул. И конь потерял уцытеля. И приходит опять к отцу,

¹⁷ Шеринги.

и приходит опять к морю. Море еще больше бунтуется. Учитель, видно, не хотел выпустить. Море бунтует.

— Опять, батюшка, поедешь, опять с конем, опять продай, а оброть-то скинешь, узду. А не скинешь, так опять продайся с конем.

Ну и поехал, опять учитель, опять купил учитель, опять сто рублей взял за коня. Ну и сел верхом, а старик снял обороть. Ну, он его потаскал, да опять сронил, потерял его. Опять приходя к морю. Еще больше буря на море.

— Ну, говорит, батюшка, как этот раз продашь, так не забудь узды снять с меня. А как забудешь, так со мной прощайся.

Ну и поехал под окнами и опять коня продал за сто рублей учителю старик этот. Учитель сел на коня. Старик 300 рублей денег набрал да и забыл узду скинуть у коня. Ну ладно.

Этот учитель поехал, поехал, узда не скинута, так его воротить нельзя. И приехал учитель к сестры в гости на кони. Ну и привязал коня к балки кверху ногам, этого коня, так не оставишь. Ну и там сестра брата угащиват, пошла масла копать с ножиком, пироги варить. Ну и увидала, что конь кверху ногам.

— Э, у брата дворовый хозяин не полюбил братнего коня, кверху ногам привязал.

Ну да взяла эты ременья отрезала ножиком, ну и конь пал да зайцем обернулся да в подворотню и ушел. Ну, она пришла в фатеру:

— Братец, такой сякой, я коня упустила.

— Ну, прощай, сестра, коня упустила, так некогда гостить.

Ну на улицу вышел да лисой повернулся за этим зайцем вслед. Ну и прибежали: заяц впереди, лиса вслед к морю. Ну и заяц повернулся ершом, да в море, лиса щукой, да вслед. Этот ерш голову в камень сунул, рупенья расширил, хошь ерша так ешь с хвоста. А щуки страшно показалось эдаки рупенья ись, дак упаси господи. Щука и задремала в мори-та. Этот ерш тихонечко вышел да повернулся мужиком да и марш в деревню. И приходит в деревню, да перснем повернулся, чудным прецудным перснем, да и пал в колодец. Ну королевски прислуги носили воду, и он попал х пороцку¹⁸ к ним. А щука проснулась. И приходят домой и отдали доцери королевной. Ну, этот учитель прослышал, что, значит, перстень такой попал. И стал похаживать, просить у доцери королевской перстень.

— Дай, я обронил.

Ну, этот перстень в день на руке, а ночью молодцем повертывается. Так. Ну и говорит королевской доцери этот перстень:

— Как придет тебя завтра просить за перстнем, ты сыми меня с руки в распашку, я раскачусь на 12 жемцюжинок. Ну он, говорит, повернется петуном, этот учитель. Одна жемцюжинка прикатится к тебе, так ты моги тихонько ногой заступить. Ну, говорит, как он склюнет этых одиннадцать жемцюжинок, так ты ему двенадцатую выпусти с под ноги.

Ну и приходит на другой день и просит. Она взяла к порогу и бросила. Он на 12 жемцюжинок и раскатился, перстень этот. Ну одна к ёной ногі и прикатилась. Она и заступила ю. Ну и этот учитель петуном повернулся, вси этых одиннадцать жемцюжинок склюнул, ну, а эту двенадцату с под ноги и выпустила. Она повернулась ястребом и всего этого петуна расклевала до смерти даже. Ну, и он сицяс живет с королевной хорошо.

И сказка кончилась.

¹⁸ Ковшик.

Александра Егоровна Панова, 28 л.

21. ПРО ПОПА

В одной деревне была церковь. У них не было попа. Одного деревенского старичка поставили попом. Он пошел вечером в церковь, и надобралось народу и вообще женщины и барышни и мужчины. Поп ничего не делает. Спрашивают старушки у него:

— Батюшка, что нам делать?

— А сегодня ничего не делайте, идите домой. Приходите завтра и делайте то, что буду я делать.

На второй день опять идут барышни, мужчины и все. И вот поп стоит у алтаря и маша кадиллом. И оне руками тоже машут, раз приказал что делать. Поп махал, махал кадиллом, уронил уголь в голенище. И стал вверх ногами и дрыгает. И старухи все стали, а старуха это стала вверх ногами и ног кверху поднять не могла. И поп ю прогнал из церкви.

Ну вот пошла с церкви; попадае ей старик стречу.

— Что в церккви делается?

— Маханье плбсла, пбсла длыганья, а я длыгать не могла, меня поп выгнал с церккви.

22. ШЕПЕЛЯВЫЕ ДЕВУШКИ

В одной деревне жених хотел жениться. Вот невест выбирал. Приехал в одну деревню. У одного мужика (ну, вопче, он справный был) было три дочки. Этот жених ехал смотреть вопче этих дочек. Вот отец и говорит:

— Дочери, когда приедя жених, вы смотрите, ничего не говорите.

Пришел жених в квартиру и стал закуривать, папироску взял. И спичку с огнем бросил на пол.

У них были половики. А половик-то и загорелся. Старша дочка и говорит:

— Каварера, каварера, паравик-та загарера!

А вторая говорит:

— Ты сидера бы марчара, это деро не твоё!

А третья говорит:

— Срава богу проморчара, не сказара ничаго!

Жених видит, что дочки глупы, и ушел.

ПАЛТЕГА

Василий Игнатьевич Куриков, 58 л.

23. ВРАЛЬ НА ТОМ СВЕТЕ

Вот в одно прекрасное время был один барин в проезде. Приехал на станцию и спрашивает у хозяина станции:

— Нет ли у вас такого человека в деревне, чтоб поврать сумел?

Он и говорит:

— У нас есь мужичок в деревне, звать его Марков.

Призвали его. Он пришел и спросил потом:

— Зачем, значит, я? говорит.

— Не сумеешь ли ты чего поврать?

— У меня, говорит, немножко за себя. Только положим, говорит, по 100 рублей залого, что «врешь» если скажет, такой уговор сделам, то того 100 рублей пропадает.

Хорошо, так как вызвал барин его:

— Ври! говорит.

Он и начал:

— Вот, гыт, я живу плохенько, гыт, у меня ребят много, а земли мало, то я, говорит, поехал в ниву, задумал выпахать, а лошаденочка-то у меня худенькая. Вот я поехал, топор клал за кушак, и пока ехал до места, топор отрубил ей задок. Ну, что мне было делать тогда? Я сходил в лядину, вырубил березу виловату и вставил её в зад. Пока, значит, пахал ниву, в это время уж выросла береза от земли до неба.

Он все нукат и дакат, барин.

— Это правда, говорит.

— И вот тогда, что делать, я полез на небо по этой березы, захотелось знать, что там. Выстал туда и пошел по небу гулять. Ну, конечно, я видел которо что там на небе и много удивительного. Прихожу обратно к этой дыры и березы, где эта береза была. В это время приехал мужик за дровами и срубил эту березу.

Тот говорит:

— Это правда!

— Ну, тогда мне было делать нечего. Я пошел по небу опять. Нашел там волов несколько, убил их и нарезал ремнёв, чтобы опуститься оттуда; а как опуститься? Потом нашел я жердь и бросил через дыру. И ремни эти все связал вместе. И пример сделал, чтобы до зёмли конец хватил. А того-то толку не выхватило, до земли конец хватил, а ему надо, чтоб в два ряда конец хватил. Вот я сделал тогда петлю из ремня и сел в эту петлю. Через жердь перебросил ремень. Вот и начал спускаться оттуда. Спускался, спускался, ремень-то и весь, а земли-то и в верстях нет. На это время как раз пошел ветер, и начало меня шатать из Москвы да в Питер (расстояние 600 верст). Качало, качало, потом ремень тут и оборвался. Мне удалось свалиться аккуратно с ногами в зень, и я повяз по самы уши в землю. Потом, как мне оттуда выйти, из этого положения? Сходил домой за лопаткой, взял да выкопался.

— Это верно, гыт. Ну, что ты видел, барин спрашиват, там на небе?

— В первую очередь говорит, у тебя батюшка живого нет? Спрашиват:

Тот отвечает:

— Нет, помёрши.

— И у меня, гыт, померши батюшка.

Так барин гыт:

— Так ты, что его видел там?

— Да, гыт. Мой та, говорит, батюшка на твоём с... ездил.

— Фу, ты, гыт. Это неправда, чтоб мужик на барине ездил.

— Давай 100 рублей.

И отдал.

ВЕЛИКАЯ НИВА

Яков Федорович Нестеров, 39 л.

24. ПРО НЕСТЁРУШКА

Жил-был Нестёрушка. Ребят было у его шестеро. Работать ленился, воровать боялся, не смел, значит. И вот дожито было до того, что хлеба куска не было, детей кормить нечем. И вот вечером спать ложится с женой. И говорит, что:

— Вот, жена, что; я завтра сойду в лес и бересты надеру и сяду край дороги почтовой и буду лапти плести.

Так и сделал. Утром встал, пошел в лес, бересты надрал и сел край дороги почтовой лапти плести. Пару сплел лаптей, вторую начал, видит — почтовой едет верхом на белой лошади. Подъехал к нему:

— Бог помочь! добрый человек.

Он ему отвечает:

— Поди пожалуста!

И вот тут Нестёрушка разговорился, чей, откуда. Он и говорит:

— Я есь Егорий свет храбрый.

Ну Нестёрушка спрашивает:

— Куда едешь?

Егорий свет храбрый говорит:

— Еду я к господу Иисусу по делам.

И вот у Егорья свет храброго седло было, и у седла золотые стремянки. И вот Нестёрушка говорит:

— Егорий свет храбрый, поедешь к господу Иисусу Христу, и спроси про меня, какого мне господь даст счастья.

И вот Нестёрушка и говорит:

— Егорий свет храбрый, вы забудете про меня, справите все свои дела и оставьте мне здесь золотую одну стремяночку, тогда вы не забудете про меня спросить. А как стремяночку оставите, схватитесь, что такой-то человек то-то наказывал.

Егорий свет храбрый согласился, дал Нестёрушку стремянку золотую. Нестёрушка говорит:

— Обрато поедешь и обрато получишь от меня стремянку. Егорий свет храбрый отправился от Нестёрушка дальше.

Долго ль, коротко ехал, приехал к господу Иисусу. Все дела свои справил. Потом стал на коня садиться, забыл про Нестёрушку спросить. Вернулся обратно к господу и говорит:

— Господи, в одном месте есть мужичок Нестёрушка, ребят у него шестеро, работать ленился, воровать боится, велел мне спросить, какого господь дас счастья.

Господь ему и отвечает:

— Скажи так Нестёрушке, если он что украдет, ему суда нет, а побожится — греха нет.

Егорий свет храбрый поехал дальше к Нестёрушке обратно. Но все-так Нестёрушка ожидает, в ту сторону посматриват. Вдруг едет на белом коне Егорий свет храбрый. Подъехал к Нестёрушке, слез с коня. Нестёрушка и спрашивает:

— Ну что, Егорий свет храбрый, спросил ли про меня, какое господь мне дает счастье?

Егорий свет храбрый отвечает:

— Господь тебя так сказал: если что украдешь — суда нет, побожишься — греха нет.

— Ладно.

Егорий свет храбрый и говорит Нестёрушку:

— Отдай же мне мою стремянку, мне ехать нужно.

А Нестёрушка говорит:

— А я от вас стремянки никакой не видал и не брал.

Ну тогда Егорий свет храбрый отправился дальше. Взять с Нестёрушки нечего. С этих пор Нестёрушка шабаш уж всю свою работу, лапти бросил.

Это, наверно, место не очень далеко было от города. Вот Нестёрушка положил стремянку на ремешок за плечи и пошел почтовой дорогой в город. Хорошо. Несколько верст прошел и нагоняет в тройки барин и видит — у мужицка, у Нестёрушки стремянка золотая, как жар горит за плечама. Барин велел ямщику остановить лошадей и спрашивает у Нестёрушки, что:

— Наверно сумеете хороши седла работать?

Тот говорит:

— Да, сумею, говорит. Очень хорошие седла работаю.

Барин и говорит:

— Не сработаешь ли мне пару седел вот с такими стремянками золотыми?

Нестёрушка отвечает:

— Сработаю.

— Сколько возьмешь? — барин спрашивает.

— Тридцать тысяч за пару седел.

Барин спрашивает:

— К какому времени будут готовы?

— Через две недели приезжай, будут готовы.

Барин дал Нестёрушку задатку 15 000.

— Остальные получишь, когда седла будут готовы.

И вот хорошо. Дал Нестёрушко адрес свой, куда барину приходиться за седлами. Хорошо. Прошел срок, две недели. Барин посылает работника за седлами. Дал ему адрес. Работник приходит к Нестёрушки:

— У вас седла работаются нашему барину? спрашивает. Готовы седла?

Нестёрушка говорит:

— Немножко не готовы, пушай через неделю приезжает барин сам, деньги привозит 15 000 остальные.

Неделя прошла. Барин сам приехал на тройки к Нестёрушке. Приезжает, заходит в квартиру. спрашивает у Нестёрушки:

— Что, седла готовы у меня?

Нестёрушка отвечает:

— Готовы.

Нестёрушка говорит:

— Привез деньги остальные 15 000?

Барин отвечает:

— Привез.

Нестёрушка говорит:

— Вылагай деньги на стол, седла получишь.

Барин выложил деньги 15 000 на стол. Нестёрушка убрал.

Барин спрашивает:

— Ну, седла подавай!

Нестёрушка говорит:

— Я седел, говорит, вам не брался делать. Я вовсе не седельный мастер.

Барин говорит:

— Отдайте мне задаток и эти 15 000 остальных, всех 30 000.

Нестёрушка говорит:

— Я от вас денег не получал никаких. Я вас в первый раз вижу, уйдите от меня.

Барин видит, что дальше ехать нечего, с мужика взять нечего. Уехал барин домой, дело передал в суд на Нестёрушку, что вот, в таком-то месте мужичок Нестёрушка взялся пару седел сработать за 30 000, сам седел не сработал и деньги все убрал и сполна не отдает.

Ну, там, прошло времени, может быть, месяц али больше. И вот Нестёрушку с барином вызывают на суд. Весь народ знал, что барин с Нестёрушкой судится, так что он человек очень бедный, городские жители. Ну, Нестёрушка на суд одел старый кафтанишка, худые валенки и всё, пришел таким оборванцем в суд.

Суд спрашивает:

— Брал ты от него деньги, брался седла работать?

Нестёрушка говорит:

— Я, товарищи судьи, сичас его и видел, акромья лапти сплесь ничего не сумею.

Все знают, что он человек бедный. И барину ништо не поверил. Только суд обсмеялся.

Ну, ладно, хорошо. Нестёрушка пошел с суда домой. Он шел, шел, и захотелось ему справиться. Он оправился в шапку, и шапку жмет крепко накрепко. Сам идет дорогой почтовой. Потом опять вдруг смотрит — едет со звоном барин в тройки. Он идет без шапки — шапка в руках зажата. Ну вот, барин остановил ямщика:

— Пстой, говорит, немного.

И спрашивает у мужицка:

— Что, говорит, в шапке несете?

Нестёрушка говорит:

— Жар-птицу поймал, так крепко шапку жму, чтобы не улетела.

Потом барин говорит:

— Не продаете ли вы этой жар-птицы?

Нестёрушка говорит:

— Отчего не так, продам.

— Сколько возьмете? — барин спрашивает.

— Что, говорит, даете, говорит, 12 000?

— Хорошо.

Барин деньги отдал. Нестёрушка говорит.

— Только крепко шапку жмите и выпускайте на утренней заре.

Барин взял шапку в руки, как Нестёрушка, зажал и поехал дальше. Всю дорогу шапку держал в руках. И приехал дальше. Потом приехал домой барин-то. Своей хозяйки говорит:

— Вот, хозяйка, жар-птицу купил.

Та спрашивает:

— Барин, покажите нам.

Он говорит:

— Нельзя теперь показать, велено на утренней заре выпускать.

И барин ночь всю не спал, утренней зари караулил. Пришло утро, заря зашла. Вдруг барин шапку открывает вкрутую, схватит — там замес жар-птицы очудился навоз. Барин все руки выпачкал. Вот и сказка вся.

РЯБОВО

Федор Петрович Рябов, 43 г.

25. БОГАТЫЕ БЕДНЯКИ

В старину, конечно, жили мы с дедушкой, богачиши были преогромнейши. Сорок тысяч десятин земли имели. Скота у нас с дедушкой тоже было много: шесть кошек дойных, сем котов неезженных. Дом у нас с дедушкой был на трех верстах, на четырех столбах. Ну, как земли у нас с дедушкой много было, мы разбогатели на земли обыкновенно. Людишки стануть пахать, а мы с дедушкой руками махать. Людишки сеять, да и мы сеять. У людей — рожь, а у нас уж ржище — колос от колоса не слышно голоса, сноп от снопа цельная верста, копня от копни так на хорошей лошади на день езды. Ну, как пахали мы, конечно, ржи многа, так у нас стоги оставались в лето. Складывали мы с дедушкой стог на печной столб, чтобы не подмокнуло. Ну, у нас как скотины было много, так один котище лежал на очагище, караулил стогища, чтобы не съели мышища.

В одно прекрасное время мышонка зашевелилась в стожонке, а котище как махнул с очагища, да у нас стог-то и ковырнулся. А тут как раз внизу была лоханка с водой, да стог в лоханку и упал с водой; мы с дедушкой схватили воду решетом да давай воду оттуда доставать. Воду решетом вытаскали и рожь достали и стог по-старому поставили.

Мы это с дедушкой жили. У меня отец не был рожден. До отца это было. Потом родился у меня отец на помощь. Нас стало три мужика. Мы стали разживаться. У нас стало земли от семян оставаться. Значит, жизнь в общем стала как можно тяжелая. Дедушка мне и говорит:

— А что, Федор, купим мы с тобой по ружьишку да пойдем охотиться.

А я не прочь. Ты, мол, старше, больше меня знаешь, давай купим.

Купили мы по ружьишку, пошли охотиться. Ходили мы целый день в лесу, все нам была неудача. Под вечер идем домой. Подходим к дому близко уж. Попадается нам 5 волков. Дедушка бух передних двух, а я греб задних трех. Передни два ушли, а задних трех и вовсе найти не могли. Пришлось доходить до дому через болото. Болото на дороге было. На болоте, извесно дело, моски плохие, знаете, скользкие. Я шел, шел по москам да и в болото и завалился, застрянул что и выстать не могу. Потом вертелся, вертелся, сбегал домой за лопатой, кругом обрылся и вышел оттуда.

И сказки конец, а мне меду корец.

26. ПРО СОЛДАТА

В одно прекрасное время был праздничный день. Одному солдату здумалось зайти в немецкую церковь посмотреть, как немцы службу производят. Вот когда он зашел в немецкую церковь, то он видит так, что немцы стоят кажный со своей книжкой, а у него книжки нет. Вот он начал шарить карманы кругом себя, что ни попадет ли ему книжка или же лепесток бумаги, чтобы незаметно было, что он русский. Вот он обшарил карманы кругом себя. Ему в карманах не попала книжка и лепесток бумажки, а попала колода карт. Вытащил он колоду карт и начал тасовать карты в церкви, во время богослужения. Увидал его офицер с ним же одного полка. Офицер ему предупредил, что:

— Брось тасовку карт!

Он не слушал офицера, а продолжал свое. Офицер ему второй раз и даже третий добавил. Но он не слушал офицера, продолжал свое. Офицер хотел его вытащить из церкви, не рассчитал так сам собой, что солдат есь озорник. Не слушает слова, значит, не поймет и дела. А скандал заводить в церкви не хорошо во время богослужения. Вот когда отошло богослужение, офицер его схватил и потащил к своему полковнику. Притащил к полковнику и объяснил все, что было. Полковник на него, конечно, горячку спорол ужасну. Сказал ему так:

— Что ж ты, сукин сын, не исполняешь приказания свово офицера? Под суд отдам, больше ничего!

Солдат перед полковником стал, как полагается, по всем правилам. Чесь отдал и при том сказал:

— Помилуйте, ваше высокоблагородие, так как я есь человек небогатый, служу на военной службы, служу государю императору, получаю три денежки в день, библии мне купить не на что, а карты мне подарены. Оне в нунешнем веке существуют вместо библии.

Полковник в ярости, конечно. И все-таки ему мелькнуло в голове, что это может быть за библия? Смягчил и спросил его:

— Какая же может быть библия в картах?

Он сказал, что:

— Помилуйте, ваше высокоблагородие, я вам разъясню.

Полковник разрешил ему разъяснить. У него карты были полная колода, значит, 52 карты. Первым делом вытащил он туза.

— Вот, говорит, ваше высокоблагородие, это, говорит, есь туз-единочек, это мне припоминает, что есь один господь и едино крещение.

Вытащил он двойку.

— Двойка мне припоминает, что господь есь в двух лицах, мать и сын.

Вытащил он тройку.

— Тройка мне припоминает, что господь есь в трех лицах, бог отец, бог сын, бог дух святой.

Вытащил он четверку.

— Четверка мне припоминает четырех евангелистов.

Вытащил он пятерку.

— Пятерка мне припоминает пятих апостолов.

Вытащил он шестерку.

— Шестерка мне припоминает, что в неделе есь шесть дней.

Вытащил он семерку.

— Семерка мне припоминает семь недель великого поста.

Вытащил он восьмерку.

— Восьмерка мне припоминает, что семейство Ноя во время всемирного потопа было спасено в восьми человеках.

Вытащил он девятку.

— Девятка мне припоминает, что семь недель великого поста и две недели спасов пост. (Слагает вместе, потому что они были разъединены).

Вытащил он десятку.

— Десятка мне припоминает десять заповедей.

Вытащил он даму.

— Дама мне напоминает ту восточну девицу, котора была спасена в храме божьем.

Вытащил он короля.

— Король это есь государь император, которому служу я. И вот в колоды у меня четыре масти. Это мне припоминает, что год делится на четыре части. В колоды у меня 12 богатых карт. Это мне припоминает,

что в году 12 месяцев. В колоды у меня 52 карты. Это мне напоминает, что в году 52 недели. В колоды у меня 366 очков. Это мне напоминает, что в году 366 дней.

— Хорошо, молодец, служба, говорит ему полковник. Все ты карты мне препомнил. А почему ты мне про валета не препомнил?

— Помилуйте, ваше высокоблагородие, я вам разъясню о валете. Валет, это есть глупец и бездельник, с тем же офицером вместе, который привел меня к вам.

Полковник солдата поблагодарил и щедро наградил также, а офицеру нос натянул, как и у меня такой же длинный.

27. ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Жил-был старик со старухой. Был у них сын, единственный, конечно дело, звали его Ильей и добавляли Муромцем, конечно, не знаю для чего. Он был от возраста от юного, рос полный, здоровый, а ног под собой не имел почему-то. И вот прошло время, родители кормили, поили до 30 годов, а ходить не ходил.

Вот в одно прекрасное время родители работали, чистили сенокосную площадь, там, пожню для себя. Он оставши был, конечно, дома, как ходить никуда не мог, и сидел в своей халупы. Вот во время дня там, рано или поздно, приходит к нему престарелый старец, одним словом. Просит у него напиток.

— Дай мне, Илья Муромец, напиток!

Он ему и говорит:

— Ох, старец, говорит, как же я тебе дам напиток, когда мне от роду 33 года и я сижу сиднем, с места не бывал. И вот старец ему опять и говорит:

— Да ну, попробуй встать и принеси напиток.

Он попробовал встать — ноги в действии оказались. Хотя и трудно было ему подняться на ноги, все же таки встал и взял большую чашку принес ему воды, этому старцу, и дал напиток. Старец попил из этой чашки воды не так много, а остатки велел донить Илью Муромцу. Илья Муромец, когда допил эту воду из чашки, то почувствовал в себе необыкновенную силу. Сам с собой думал так, что, если бы, говорит, было кольцо в неби да кольцо в земли, так стянул бы я вместе.

Старец от него ушел своей дорогой, а Илья Муромец справился и пошел к отцу и матери на пожню. Подходит к отцу и матери на пожню, а они чистят пожню. Мать увидела и говорит старику:

— Смотри-ка, говорит старик, наш Илья идет.

Старик засмеялся и говорит:

— С чего ты выдумала, когда 33 года сидит сиднем, а теперь идет на пожню?

Вот пришел он на пожню, взял топор, начал топором лес рубить-то. Это ему не понравилось, что топор легок. Тогда он бросил топор и начал дергать громады толсты дубы и срывать в кучу. Старик тогда и говорит:

— Ну, старуха, не было у нас помощника, да и этот не помощник.

Когда Илья Муромец почувствовал в себе такую громадную силу, то он стал просить у отца благословенья идти странствовать по белу свету. Отец и мать благословили его, видят, что он тут не работник.

Вот попрощался он с отцом и матерью, приходит он домой, взял он тугой лук с калёной стрелой, отправился дальше от дому. Прошел он не-

сколька мѣста, попадается ему этот же старец, которого поил он. Вот он его и спросил:

— А что, дедушка, не знаешь ли мне показать, как бы мне коня богатырского достать? говорит.

Вот старец ему и говорит:

— Вот сейчас придешь в первый попавший город по этой дороги. И смотри, говорит, попадет тебе водовоз на худой клячи. Купи у него эту клячу, не торгуясь, что бы он ни спросил, заплати ему деньги. И эту клячу поутру рано в трех росах выкатай на лугу где-либо. Тогда будет из нее конь богатырский.

Вот приходит он в город, и верно, едет водовоз на клячонке на худой, тележенка запряжена. Подошел он к нему и спрашивает, что, водовоз, продай лошадь. Водовоз, конечно, не отказался от продажи, спросил у него 30 рублей что ли там. Он, не торгуясь, отдал ему деньги. Вышел он за город, провел ночь. Когда утром была заря и полная роса, он спустил эту лошадь. Она покаталась и гораздо лучше ободрилась. Он пережил на этом лугу двое суток и как старец велел, еще два раза покаталась она по росе, и получился хороший конь богатырский. Сел он на своего коня богатырского и поехал к городу Мурому.

Вот прямой дорогой до города Муромы было только 50 верст расстояния, по ей уже не было проезду более 20 лет, а окольной дорогой 150 верст. Ему захотелось проехать прямой дорогой. Ну, на прямой дороги сидел Соловей-разбойник, гнездо было на 12 дубах. Вот, когда он стал подъезжать к гнезду Соловья-разбойника, Соловей-разбойник в располох подпустил, конечно, близко, так что около полверсты, и засвистел соловьиным голосом, то из деревьев листья посыпались. Конь Ильи Муромца на колени пал. Илья Муромец ударил, конечно, коня по крутым бедрам.

— Что же ты, не слышал соловьиного голоса, боишься его?

А сам в это время вынул из-за плеч тугой лук и положил калёную стрелу на него. Стрелил из лука и попал ему прямо в глаз. Соловей-разбойник из гнезда свалился. Подъехал Илья Муромец, взял Соловья-разбойника и привязал к стремени седла и поехал вперед по дороге к городу Мурому. Подъезжат к городу Мурому, а на краях города семья Соловья-разбойника, жена и дети. Дети увидели и закрычали:

— Ох, мама, говорят, наш папа приехал и какого-то богатыря привез.

А мать зглянула в окно.

— Ох, дети, говорит, какой-то нашего папу привез!

И все застонали. Тут, конечно, собралось множество народа смотреть Соловья-разбойника. Но Илья Муромец велел ему свиснуть в полголоса. Но он в злобе свиснул не в полголоса, а в целый голос. Так-то по городу в домах стекла посыпались, и народ на колени повалился. Тогда Илья Муромец придал ему смерть краткую за то, что он не послушал его.

Значит, в этот город он дорогу прямоезжую освободил. Соловья-разбойника искоренил совсем.

Ещё в следующем городе (забыл название) было еще чудовище под названием погано Недолище. Вот отправился Илья Муромец к поганому Недолищу. Ехавши он на дороге, встретился с калекой Иванище Колубанище. Трость имел при себе Иванище Колубанище 30 пудов, шляпу на голове в 20 пудов носил. Вот повстречался он с Иванищем Колубанищем и спрашивает его:

— Давно ли ты был у поганого Недолища?

— Три дня назад как от него вышел, говорит. Он, говорит, уже слух получил об Илье Муромце, что Илья Муромец искоренил Соловья-разбойника. И он, говорит, очень рад, тебя дожидает, говорит.

— Дак вот, говорит, я к нему и еду, его повидать, конечно. Только дай мне, говорит, Иванище Колубанище, свою шляпу и трость, чтобы явиться мне в виде калеки, чтобы не узнал он меня.

Дал ему Иванище Колубанище трость и отправился Илья Муромец к поганому Недолищу. Приходит он к поганому Недолищу. Просит милостыню, а он ему отвечает:

— Подожди, я дообедаю, говорит.

Сидит, обедает. Десятипудовый бык зготовлен на столе и три ушата, бочка с водой на столе. Вот когда он все это пожрал и встал из-за стола, — и вместо милостыни схватил на стене большой кинжал и сшибнул кинжалом в Илью Муромца. Илья Муромец увернулся, в его не попал. А кинжал две каменных стенки провалил, на улицу вылетел. Тогда Илья Муромец хватил свой меч и ударил так хлётко, что у него голова разлетелась на две стороны. И так покори́л Илья Муромец как Соловья-разбойника. также и поганого Недолища. Больше нету, не слышал.

А Н Д Р Е Е В О

Анастасия Николаевна Пономарева, 60 л.

28. ПОП, ДЬЯЧОК И ПОНОМАРЬ

Дёсюль был-жил такой Фома. А у Фомы была прекрасива жена. Ну, прекрасива жена. На ю вси ндравились, вси попы да дьяки в ню влюблялись просто. Ну, она пришла к обедни, а батька и говорит тихонько:

— Прекрасива жена, пригласила бы меня на обед!

Ну, она и говорит:

— Ладно, приходи.

Ну, потом подскочил дьячок:

— Прекрасива жена, пригласи-ка меня на обед!

Потом подскоцил пономарь. Это уж трое.

— Ну и приходите, говорит.

А сама ушла домой. На второй день приготовилась всё там, говорит мужу:

— Прицётяна сегодня ладились ко мне на обед.

— Ну ладно.

Ну, Фома там куда-то ушел закупать чого там к чаю, аль чого. Ну, ушел. И идет поп. Ну, пришел.

— Проходи, батюшка, проходи!

Ну, он скинулся, разоделся совсем, как будто и . . . Ну, потом разоделся, посмотрел в окно.

— Ах, прекрасива жена, дьячок идет, куда я?

— А пой в бурак.¹⁹

Ну, он на печь в бурак и сел.

¹⁹ Большая корзина.

— Ну, раздевайся, раздевайся.

Ну, скинулся, посмотрел в окно.

— Ой, прекрасива жена, пономарь идет, куда я?

— Иди на печь в бурак.

Ну, и тот туда убрался, двое сидят там. Ну, потом сидят двое. И пономарь пришел.

— Раздевайся, раздевайся!

Разделся совсем, посмотрел в окно.

— Ой, прекрасива жена, куда я? Фома идет.

— Ступай на печь в бурак.

Ну, ладно. Фома пришел.

— Ну что, прекрасива жена, давай-ка обедать!

Ну, оны и сели за стол обедать. Ну, Фома-то и говорит:

— А как ба нам попадья позвать на обед.

— А можно, говорит, позову.

Ну, она и побежала позвать. Ну, он только молоцко подладил, песочку подсыпал, пришла попадья, чесь чесью села обедать попадья.

— Ах, Фома, что у вас молоцко сластимо! Нет ли у вас коровушки продажной?

— Нет не продажна, а заветна.

— А какой завет?

— А хто со мной ноць проспит, тому и корова.

Ну, так ноць проспала, домой отправилась.

Ну, потом опять сели обедать. Мужик говорит:

— А прекрасива жена, как бы нам дьячиху позвать?

А оны все сидят на печи, смотрят. Ну, потом говорит опять Фома:

— Прекрасива жена, как бы нам пономариху позвать?

Опять молоцко подбавил, хорошо, сластимо. Ну, там оны по ноцки вси трое и проспали и ушли домой. Ну, потом сел Фома обедать с женой.

— Ну, жена, сходи-ка в цюлан за ружьем, у нас на печи дьяволы завелись.

Ну, потом проговорил как это, она пошла в цюлан. И оны как поскозили голы, босы, одежа на крючке висит, а оны поскозили домой. Некогда сидеть там на печьки.

Ну, Фома, взял коровушку на вязиво и повел к батьки под окно. Ну привел под окном:

— Эй, попадья, по слову, по сговору, обирай свою корову!

А там поп попадью бьет. А попадья кричит:

— Лакейка, вынеси мужику 100 рублей, пускай от окна отойдет, я побоев не могу терпеть.

Ну, лакейка вынесла 100 рублей. Он пошел к дьячихи.

— Дьячиха, по слову, по сговору, обирай свою корову!

— Я больше побоев терпеть не могу, лакейка, вынеси Фома 100 рублей денег, пуцай отойдет.

Ну, опять он к пономарихе.

— Пономариха, по слову, по сговору, обирай свою корову!

Всё коровушку водит.

Пономарица говорит:

— Лакейка, вынеси Фома 100 рублей денег, пускай от окна отойдет, я больше побоев терпеть не могу.

Ну, Фома коровушку обратно привел и 300 рублей денег, и до сей поры с женой живет.

И сказка вся.

29. ОТЕЦ ПАХОМ

Ну, до́сего жил поп. Выбрали крестьяне одного попа, а он неграмотный был. Ну ладно. Собрались в церковь вси миряне. А он уж как грамоте не знал, он и запел:

— Миряне, миряне, слышали ли вы божьего слова?

Ну оны скажа, что слышали, батюшка, слышали.

— Ну, слышали, так нешто вам и рассказывать.

Ну ладно. Опять воскресенье пришло. Опять все собираются в церковь. Ну хрестьяне потом сговорились:

— Вот что, как спросит, скажем что нет, не слышали.

Ну, собрались в церковь, он опять скажа:

— Миряне, миряне, слышали ли вы божьего слова?

Он запевал. Когда оны сказали, не слышали, он и говорит:

— Ступай-ко дьячок, запри окна и двери, займемся читать на три недели. И никого отсюль не выпустим.

Ну и миряне переговариваются:

— У тебя есь ли хлеб?

— Нету. А у тебя есь ли хлеб?

— Нету.

— Вот беда. На три недели, все помрём.

И побежали с церкви домой.

Ну, потом это долго нейдуть в церковь. Он и не служит. Потом уж пришел уж Петров день. Он и не знает, какой день. Он пошел на пожню. Ну, попадается старушка.

— Здравствуй, батюшка!

— Здравствуй! Куда, бабушка, отправилась?

— А, батюшка, сегодня Петров день, так я отправилась к празднику.

Он и домой побежал.

— Дьячок, звони ты скорей, сегодня Петров день, праздник, старуха пошла к празднику.

Там позвонил к празднику. Там было много ль народу, мало ль, не знаю, там что-то прочитал. Опять после этого нейдет в церковь сколько время.

После этого Филиппов пост начинается, морозы пошли. Мороз утром.

— Дьячок, надо звонить. Ведь около этих морозов и Рожосво бывает.

Ну и дьячок и звонит опять. Ну, опять там читал сколько-то. Ну, неграмотный, всё прочитает, всё не так. Ну прослужил и опять нейдет долго в церковь.

Ну, опять батько не знаю уж, куда пошел, встречает старушку.

— Куда идешь?

— А, батюшка, завтра Паска, так зятюшку яичко понесла.

Он прибежал:

— Дьячок (дьячок дрова колет), ой, скорей звони, завтра Паска, старухи затевьям яйца понесли. Скорей!

Ну дьячок опять и звонит. Опягь там прослужили сколько-то, много ль, мало ль. А поп-то уж очень богатый был. Ну, потом миряне все сговорились:

— Не будем больше, говорят, ходить. Напишем архирию прошение, чтобы он приехал посмотрел его.

Ну, архирей приехал. Все там и собрались в церковь. Все пошли. Ну, и попу надо идти. Ну, и поп пошел в церковь. Ну, и попадья таа не промах была, мяшоцек денег-то наклада да в церковь и снесла деньги.

Ну, собрались, стали читать. Архирей и стал спрашивать:

— Миряне, миряне, как у вас батюшка служит?

А мужики-то отвечают ему:

— Преосвященный владыко, заставь его проспевать.

Ну, он и запевал:

Пресвященны владыко,
Потяни мешок за лыко,
А в мешку 500 рублей денег.

Ну, архирей на место и запевал:

Отец Пахом,
Век тебе быть здесь попом.

Денег обрадовался, да оставил его попом. Да и до сих пор служит.

30. АФОНЬКА И ЕГО БАРИН

— Афонька малой!

— Что прикажешь, барин пьяной?

— Как, как?

— Ваше благородие.

— Подай-ка мне-ка водки алой.

— Откуль прикажешь?

— Да вот в том. . .

— Да я семь раз кругом обошел, нет ни в одном.

— Да котору вчерась пили.

— Мы у того барина в гостях были.

— Возьми цёрт, кака неприятность!

— Афонька малой!

— Что изволишь, барин пьяной?

— Как, как?

— Ваше благородие.

— Подай-ка мне-ка чаю.

— На чем прикажешь?

— На подносе.

— Обожгёся!

— Возьми цёрт, кака неприятность!

— Афонька малой!

— Что изволишь, барин пьяной?

— Как, как?

— Ваше благородие.

— Поил ли ты моих коней?

— Поил.

— А что же губа суха?

— А подножка высока.

— А ты бы подрубил.

— Я и то две ноги срубил.

— Экой ты дурак! Ты ба подсек.

— Я окурат цетыри ноги отсек.

— Экой ты дурак, на цём же я теперь выеду?

- Я тебя и за волоса выведу.
- Да ты меня хуже собаки считаешь.
- Да ты собака, не собака — по-собачьи лаешь.
- Возьми цёрт, какая неприятность!

- Афонька малой!
- Что изволишь, барин пьяной?
- Как, как?
- Ваше благородие.
- А погляди-ка в окно, не едет ли старичок почтенный?
- Ну, едет на дрожжах, не удержишь на вожжах.
- А, здравствуй, старичок почтенный!
- Здравствуй, батюшко боярин!
- Всё ли у вас в деревне поздорову?
- Всё поздорову.
- Да нет ли песемка?
- Есь, да маленько.
- Нельзя ли как-нибудь достать?
- Ну, для вас, батюшко боярин.
- Вот вы сказали, всё у вас в деревне поздорову,
- Отчего же мой пероцинной ножицок сломан?
- А вашего сиваго жеребья сдирали.
- Отчего же он околел?
- Помер, батюшко боярин, помер.
- Отчего же он помер?
- А на ём шибко воду таскали.
- Куда же вам надо была вода?
- А ваш домик спыхнул.
- Как, как спыхнул?
- Спыхнул, батюшко боярин, спыхнул.
- Отцёго же он загорелся?
- В вашем цистом зале лампу зажигали.
- Куда же вам нужна была лампа?
- Ваша мать околела.
- Как, как померла?
- Околела, батюшко боярин, околела!
- Цёрт возьми, какая неприятность!

- Афонька малой!
- Что изволишь, барин пьяной?
- Как, как?
- Ваше благородие.
- Каковы у нас хлебны урождия?
- Очинно хороши.
- Как, как?
- Колос от колоса — не слышать человеческого голоса.
- Как, как?
- Колос от колоса прожину нет.
- Ну это хорошо. А как часто снопы лежат?
- Сноп от снопа как цёрт от попа.
- Как, как?
- Сноп от снопа проходу нет.
- А как часто копны стоят?

- Копна от копны на день езды,
Худо поедешь и два проедешь.
- Как, как?
- Копна о копну и проезду нет.
- Это хорошо. Много ли у нас примологу?
- Да три мерочки только.
- Куда же ты эти мерочки клал?
- Одну во кухню, другу во горню,
А на третью табачку купил.
Не угодно ль, батюшко боярин, табачку покурить?
- Нет, я никогда не курил.
- Ну, а собрал ли ты мой оброк?
- Собрал.
- С кого да с кого?
- С Фомки копейку, с Ерёмки две,
А Кирилка, такой бес,
Сам по трое суток хлеба не ес.
- А каково у нас суседушки живут?
- Вочинно хорошо.
- А как?
- Сем дворов — один топор и топоричко ломано.
- Как, как?
- Сем дворов, у всех по топору, топорича крашены,
И вси плотничать ходють.
- Ну это хорошо. А гди же ты это время находился?
- А я бы вышел да погрелся.
- Экой ты дурак, кабы овин загорелся?
- А я бы вышел да погрелся.
- А чим жа ты питался?
- А я на лбточки катался.
- А велика ли ваша лодка?
- А велика-невелика, да 40 ведер влезет.
- А хто был заправитель?
- Парус.
- Застановитель?
- Якорь.
- Застаршой?
- Я сам капитан, да говорил как болван.

П Ё К О В К А

Александр Федорович Пятницкий, 11 л.

31. КУРИЦА

- Ходила курица па улици и клюнула зернышко и побежала.
- Бежите, бежите, стреляють, паляють, нас убивають!
- Бежала, бежала — попадается ей навстречу зайчик.
- Куды, курицька, побежала?
- Стреляють, паляють, нас убивають.
- Бежали, бежали — попадается лисица.
- Куды побежали?

— Стреляють, паляють, нас убивають.

И лисица с нима побежала. Бежали, бежали — попадается волк.

— Куды побежали?

— Стреляють, паляють, нас убивають.

И волк с нима побежал. И бежали, бежали — попадается медведь.

— Куды побежали?

— Стреляють, паляють, нас убивають.

И медведь с ними побежал. И они бежали, бежали да в яму и пали.

Ну и оны там жили долго, выстать не могли с этой ямы. А есь захотели.

Ну и стали: кто хорошей, кто худой. И стала лиса обсчитывать.

— Лисовка хороша, волкушка хорошей, медведюшка хорошей, заюшка худой.

Оны зайца и расхватили всем по кусоцьку. А лисовка была хитра, да она взяла кусок мяса лишний сибя и под ж... клала. И они съели по кусочку. Она и есь, а волкушко и говорит:

— Лисовка, гди ты мясо-то берешь?

А лисовка говорит:

— Запехай в ж... пальчик, вытяни кишку да ешь.

Волкушка говорит:

— Больно, лисанька.

Она говорит:

— Ничего, ничего, не больно, я пехала.

Он и запехал, и как вытянул кишецьку оттуда да и пропал. Оны волка опять и расхватили и съели. Потом опять лисовка и стала: кто хорошей, кто худой?

— Лисовка хороша, медведюшка хорошей, курицька худая.

Курицьку стали имать, да она спорхнула да улетела в лес. А потом опять лисовка стала делить.

— Лисовка хороша и медведюшка хорошей.

Дак ни съесь некого было, оба были хороши. Жили да были да и пропали голодны. Вся.

ОСТРЕЧОВО

Федор Родионович Овчинников, 75 л.

32. КАК ЧЕРТ БАБЫ ИСПУГАЛСЯ

Значит, у одного мужчины была жена неважная, всё с ним ссорилась. Ну, он думал, думал, как от ней сбыть. Ну, потом, шел он в лес, попалась ему большущая яма. Приходит домой и ей говорит, что:

— Баба, я оклад нашел, не знаю с ким идти.

— Да, возь меня!

Ну, он ю взял. Пошли к этой ямы. Взял веревку. К ямы приходит, привязывает веревку.

— Баба, спусти меня. Там шкатулка с деньгами.

— Нет, ты, ска, меня спусти в эту яму. Я схожу, говорит.

Ну, а мужик этому был рад. Ну, потом ен ю туды спустил, да взял веревку всю спустил. Потом приходит домой. Жил день, два, три дома. Скучно стало по хозяйки, взял веревку, приходит туды к ямы, взял и спустил конец веревки в яму. Там и захватилось. Он и потянул, думал что она. Тянул, тянул, там черт привязался. Он хочет спустить веревку.

— Не, скаа, не спускай. Я тебе много добра сделаю, меня оттуда твоя жена выжила. Ну, я тебе много добра сделаю.

Вытянул его мужик оттуда.

— Вот, говорит, мужик! Я, говорит, пойду на заводное колесо. Завод станет, а ты, говорит, мастером назовись. Приходи, говорит, в колесницу, скажи только: «Я пришел, а ты вон пошел». Ну, сяду на второй завод, еще тебе дам хлеба кусок. Ну, опять ты приходи в колесницу, скажи: «Я пришел, а ты вон пошел». Ну, потом, говорит, я сяду, говорит, на казенный завод, дак ты больше не ходи ко мне, худо будет, говорит.

Ну, отпустил черта. Он слышит — там завод и стал. Ходили, ходили там, этих мастеров искали, нет, никто спустить не может. Ну, он потом мастером и назвался.

— Я, вишь, спущу.

Приходит в колесницу.

— Я, говорит, пришел, а ты вон пошел!

Ну завод и заходил. Значит, там ушел он опять домой, этот. Слышит: опять второй завод стал. Ну он опять мастером назвался, там уж много ль, мало ль с них взял, приходит опять туда.

— Я, говорит, пришел, а ты вон пошел!

Ну, тот и ушел. Потом слышит, стал казенный завод.

Ну, а мастера-то видишь, узнали, что мастер есь. А в казну волей неволей надó идти, а идти ему не было приказано. Ну, он приказал собрать сто баб, женщин выбрал, как его жены под лицо было в акурат.

— Ну, давай, говорит, пойдём.

И приходят в колесницу.

— А! Ты, говорит, пришел? тебе не велено.

Он бабы говорит:

— Баба, бери-ка его, скаа.

Потом он как выскочил, да в подвальник вылетел, да в ход.

Да и всё.

Марфа Родионовна Кознёва, 65 л.

33. ЛИСА — КОТОВА ЖЕНА

Жил мужик да баба. У их был кот. Ну, его кормили спервой и поили хорошо. Потом он стал пакостить, у их горшечки снимать. Оны его стали и поколачивать. А он потом здумал:

— Уйду я от этих хозяев в лес.

Ну, потом он и побежал в лес. Потом он нашел в лесу там фатерку и стал один си поживать в лесу в этом. Ну, ему там и полюбилося в лесу жить. Выходит на улицу прогуляться. Потом попадает ему лйса. Ну она его и увидала.

— Что же вы, говорит, за зверь? — лйса спрашивает его.

Он говорит:

— Я есь из-за границы послан сюда, надо всёма я зверяма буду начальник здесь.

А лйса и подумала:

— Вот беда, и надо мной будя начальник! Это мне не охота слово нести.

Ему здумалось пожениться. Стал лйсу замуж звать. Ну, она и подумала.

— Лучше я пойду за него замуж, чим под началом жить, лучше я буду жонкой ёго.

Потом она за ёго замуж как вышла, и побежала добывать на обед мужу. Попадет ёй волк настрёю.

— Кумушка, лисухна, куда, говорит, ты пошла?

Она говорит:

— Некогда стоять с вама разговаривать. Я замуж вышла, в законный брак поступила.

— А за кого же ты, говорит, вышла?

— А есь из-за границы послан сюда такой звирь, что надо всима зверяма начальник будет.

— Ну как его звать?

— Котонайло Котофеевич.

— Ну, а как жа бы нам ёго посмотреть?

— Приходится, но подарки приносятся.

Потом опять вперед побежала. Попадает медведь ей настречу.

— Здравствуй лисухна, кумухна. Далеце ль ты пошла?

Она говорит:

— Некогда стоять с вама разговаривать. Я замуж пошла, в законный брак поступила.

— За кого же ты вышла?

— Есь из-за границы послан такой зверек, надо всима зверяма будет начальником.

— Но как же его нам посмотреть?

— А вы как приедете посмотреть, так без подарков не ходите, что-нибудь несите.

Потом они сошлись, с волком медведь.

— Ну как же нам идтить, нам ёго посмотреть, надо подарки нести.

Она еще им сказала:

— Вы как придете, так ему не показывайтесь, со стороны смотриа.

Медведь принес ему быка, а волк барана. Пришли и бросили к ихной фатерке. Медведь поднялся в деревину, волк запехался в куст смотреть яво.

Он вышел на улицу и бросился на барана и говорит:

— Мау-мау-мау-мау.

Медведь и говорит:

— Вот беда-то, мало, кажет.

А потом с барана скоцыл на быка и потом 'ще прытце кажет:

— Мау-мау-мау-мау.

Ну, волку захотелось посмотреть. А медведь был в деревине.

Волк как пошевелился в кусту, а кот-то и бросился в куст, думат, что там наверно хто есь. Волк с куста-то бросился, а кот спугался, да в деревину, где медведь был. А медведь оттуда и мякнул, с деревины. Говорит:

— Чем он убьет, сам себя убью.

И убился.

А потом лиса с котом и остался жить. Волк убежал, медведь убился, и вся сказка тут.

34. КАК ВОЛК ЗА ГОРОЙ НА СВАДЬБЕ БЫЛ

Волк был голодный, ходил господа бога есь просить. Выстанет и рьщит:

— Господи, я есь хоцю. Ноги худые, зубы тупые, я есь хоцю!

Ну, господь и говорит:

— Иди, там стадо овец есь. Там, говорит, овец-то не трожь, а смотри, там ходя баран с большима рогама, так того съешь.

Он приходя к этому барану и говоря:

— Баран, я тебя хоцую съесты, говбрит.

Ну, баран и говорит ему:

— Иди под гору, а я пойду на гору. Ну, открой рот, а я забежу прямо х тебѣ в рот.

Ну, волк-то рот открыл, а баран забежал да как топнет рогама в морду, так он кверху ногама и кувырнулся.

Потом опять отлежался, и выходит на гору, ись просит у господа бога. Опять рыщит.

— Господи, я есь хоцю. Ноги худые, зубы тупые, а нажить не могу, говорит.

— Иди, говорит, там стадо коров ходит. Там цѣрна корова со звездочкой, там других не трогай, а эту съешь.

А женщина услышала, что говорит господь, да взяла и замазала эту звездочку у коровы, чтобы ей не было во лбу-то.

Ну, он пришел, пришел к стаду, ходил — нет коровы со звездочкой. Опять и приходит к господу богу. Опять выстал на гору:

— Господи, ись хоцю, ноги худые, зубы тупые, есь хоцю!

— Иди, говорит, там лошадь ходит с жеребенком, кобылу съешь, а жеребенка не трожь.

Он приходит к кобылы и говорит:

— Кобыла, а кобыла, знашь ты что ли?

— А что?

— Я тебя лажу съись!

Она говорит:

— Не ешь, мни некогда, я пошла в город с письмами.

— А где же у тебя письма?

— А вот, говорит, ящик сзади у хвоста.

Ну он:

— Где же, говорит, покажи!

Она и говорит:

— Иди сзади посмотри, я хвост приздыну.

Он посмотреть пошел, она как его пинет в морду, так он и покатился.

Потом отлежался, опять пошел в гору и говорит:

— Господи, ись хоцю. Ноги худые, зубы тупые, ись хоцю.

— Пойди, говорит, под ригачей есь собака со щенятами. Ты собаку съешь, а щенят не трожь.

Он приходит к собаки и скаа:

— Собака, а собака, знашь ты, что ни?

— А что?

— Я тебя лажу съись.

Собака говорит:

— Не ешь ты меня. Пойдем лучше х Кузьмину²⁰ на свадьбу.

Приходит. Собака говорит:

— Пойдем на пецьку с волком.

Потом оны на пецьку выстали. Там много было рыбницьков и вóдоцки. Ну оны там водоцки попили, рыбницьков поели да и песенки закатали, весело стало, дак. Собацька запела тоненьким голосоцком, а волк потолще.

²⁰ Из дер. Загорья близ Толвуя. — А. Н.

Как пійсню-то зятянули, там и услыхали, что толсту песно зятянули. Потом народ-то как бросился — собака бросилась вон, а волк бросился на ошб-сток, да тут его и убили. Да Кузьмину шубу сшили и он до сих пор еще в шубы ходит волцъей.

ПАЙНИЦЫ

Андрей Петрович Калинин, 52 г.

35. МЕНА

Дося жил-был старик да старуха. Старик старухи говорит:

— Старуха, навари-ка киселя блюдо, а я пойду к царю на именины.

Старуха утром стала, киселя блюдо наварила, старик и понес к царю, може к Николаю. Приходит к царю и поздравил там царя с ангелом и подает ему киселя блюдо. (Прежде доступно было к царям ходить, видно). Ну, царь его поблагодарил и угостил и дал за то ему золоту тетерку. Старик и пошел домой. Попадатся ему настречу пастух — гонит стадо лошадей. И спрашивает:

— Где, старичок, был?

Он отвечает:

— У царя на именинах.

— Что царю нес?

— Киселя блюдо.

— А что тебе царь дал?

— Золоту тетерку.

— Променяй, говорит, мне на кобылку.

Он взял да на кобылу и променял.

— А, слава богу, у меня кобылка будет!

(Глуповатый, видно, старик был). И едет на кобылке. Попадатся настречу пастухи с коровами. Опять спрашивают:

— Где, старичок, был?

— У царя на именинах.

— Что царю нес?

— Киселя блюдо.

— Что царь дал?

— Золоту тетерку.

— А где же тетерка?

— Променял на кобылку.

— А променяй нам на корову!

Он променял, и идет с батошкой и радуется: а молочко будя. Опять попадается настречу ему пастухи, гонят стадо бвець.

— Где, старичок, был?

— У царя на именинах.

— Что царю нес?

— Киселя блюдо.

— Что царь дал?

— Золоту тетерку.

— Где же тетерка?

— Променял на кобылку.

— Где кобылка?

— Променял на коровку.

— Променяй коровку на овечку!

Он и сменял. Идет вперед, ведет овечку. Уж теперь попадают ся старики, гонят свиней.

— Где, старик, был?

— У царя на именинах.

— Что царю нес?

— Киселя блюдо.

— Что царь дал?

— Золоту тетерку.

— Где же тетерка?

— Променял на кобылку.

— Где кобылка?

— Променял на коровку.

— Где коровка?

— Променял на овечку.

— Променяй нам на свинку.

Он и сменял опять. Идет опять, гонят стадо гусей.

— Где, старичок, был?

— У царя на именинах.

— Что царю нес?

— Киселя блюдо.

— Что царь дал?

— Золоту тетерку.

— Где же тетерка?

— Променял на кобылку.

— Где кобылка?

— Променял на коровку.

— Где коровка?

— Променял на овечку.

— Где овечка?

— Променял на свинку.

— Променяй нам на гуся!

Он взял на гуся и сменял. И опять ведет гуся домой, радуется. А гонят стадо кур. Пастух гонит. Опять спрашивают:

— Где, старичок, был?

— У царя на именинах.

— Что царю нес?

— Киселя блюдо.

— Что царь дал?

— Золоту тетерку.

— Где же тетерка?

— Променял на кобылку.

— Где кобылка?

— Променял на коровку.

— Где коровка?

— Променял на овечку.

— Где овечка?

— Променял на свинку.

— Где свинка?

— Променял на гуся.

— Променяй на курочку!

Он и променял на курочку. Опять видит — идет мужик, несет беремья клюх, подпирается.

- Где, старик, был?
- У царя на именинах.
- Что царю нес?
- Киселя блюдо.
- Что царь дал?
- Золоту тетерку.
- Где же тетерка?
- Променял на кобылку.
- Где кобылка?
- Променял на коровку.
- Где коровка?
- Променял на овечку.
- Где овечка?
- Променял на свинку.
- Где свинка?
- Променял на гуся.
- Где гусь?
- Променял на курочку.
- Променяй мне на клюшку!

Он взял на клюшку и променял. И опять вперед идет. Теперь мужик везет керёжу плеток. И опять спрашивает:

- Где, старик, был?
- У царя на именинах.
- Что царю нес?
- Киселя блюдо.
- Что царь дал?
- Золоту тетерку.
- Где же тетерка?
- Променял на кобылку.
- Где кобылка?
- Променял на коровку.
- Где коровка?
- Променял на овечку.
- Где овечка?
- Променял на свинку.
- Где свинка?
- Променял на гуся.
- Где гусь?
- Променял на курочку.
- Где курочка?
- Променял на клюшку.
- Променяй мне клюшку на плеточку.

Он и променял. И приходит домой. И взял плетку в сених и бросил под кровать, такая как у нас в сених кроватушка. И сам в фатеру является к старухи. Старуха и спрашивает:

- Ну что тебе, старичок, царь дал на именинах?
- Дал, говорит, старушка, золотую тетерку.
- А где же тетерка?
- А променял на кобылку.
- Ну слава богу, старичок, к празднику на кобылки съезди. А где же, старичок, кобылка?
- А променял на коровку.
- Ну, да это старичок, не худо, свое молоцко буде. А где же коровка?

- А променял на овечку.
 — Да где же овцишко, говорит, старый черт?
 — Да променял на свинку.
 — Ну ланна, скаа, свои поросятки будут. А где же свинка?
 — А променял на гуся.
 — А где же гусь-то?
 — А променял на курочку.
 — Где куроцонка, старый черт? — старуха спѣхнула.
 — А променял на клюшечку.
 Старуха еще прытче сгордилась.
 — Где же клюшенка-то, старый черт?
 — Променял на плеточку.
 Ну, старуха-то заходила еще прытче.
 — Где же плетчонка?
 — В сенях под кроватью.
 Как старуха скозила да давай старика возить:
 — Не меняй, не меняй!
 Да до того возила, пока плетка вся сломалась. И сказка вся.

ДЕРЕГУЗОВО

Марья Васильевна Рогозина, 16 л.

36. ВАСЬКА-ВОР, СУКИН СЫН

Жили-были две бабы. У одной было сын, а у второй Васька-вор. Эты говорят:

— Пойдем в лес, там змея есть двуглавая, убьем ее!

Оне и пошли. По дороге увидели избушку на курьих ножках на веретеной пятке. И говорят:

— Избушка ты, избушка, повернись к нам дворцом, а туда задком!
 А она и повернулась.

— Нам не век вековать, а ночь ночевать, зайти да выйти

Избушка повернулась, оне взошли. Ну, и вот один-то и говорит:

— Ты останься здесь, а я и пойду.

Васька-вор и пошел. Тот остался, обед-то приготовил, ушел в хлев и ухоронился.

И говорит:

— А в случае мне не в силу будет, ты приди на помѡгу.

А брат-то думает, что я уж никуда не пойду. А пошел и ухоронился на двор.

Вот, значит, Васька приходит к мосту. Змея оттуда с воды, значит.

— Фу-фу-фу, русской дух. Вечно я русского духу не слыхала, а тут русской дух появился. Сичас Ваську-вора, сукина сына и зглону, говорит.

А он говорит:

— Не хвастай, змей, к мосту идучи, а похвастай от моста идучи.

Ну и вот давай бороться они со змеем. Боролись — боролись, Васька-вор змею и погубил. Одноглавую змею погубил.

Приходит домой и кричит брата. А брат, значит, в хлеву сидит. Не смеет. Вышел кое-как.

— Ну, что ты? говорит.

— А я поборол змея.

Потом на второй день стали кашу ись. Кто скорее кашу съест, тот и пойдет к мосту. А тот-то уж как несмелый, ест потихонечку. А Васька-вор рад, кашу всю съел, и на второй день опять приходит и говорит:

— Ну, брат, сейчас будет двуглавая змея, ты на помощь приди!

И вот, значит, он опять приходит к мосту. Змея оттуда выползает и говорит:

— Фу-фу, Васька сукин сын, русского духу вечный век не видала и появился!

А он и говорит:

— Не хвастай, змея к мосту идучи, а похвастай, змея, от моста идучи!

И опять бороться.

А брат опять обед сварил кое-как да опять ухоронился, думает, чтобы его змея не взяла.

Потом, значит, и он опять поборол эту змею. Приходит домой, опять брата нету. Искал, искал, нашел.

— Ох, ты, говорит!

На третий день опять загадал, значит: кто скорее кашу съест, тот пойдет бороться со змеем. И опять Васька-вор съел всю кашу и на третий день походит опять бороться. И говорит:

— Слушай, брат. Сегодня будет трехглавая змея. Если не в силах мне будет, я сапог с ноги сниму, ты или вон выходи отсюда или иди мне на помощь.

Вот приходит он к мосту, а змея трехглавая встает оттуда. И говорит:

— Фу-фу-фу, Васька-вор, сукин сын, опять появился! Русского духу не слыхала!

И давай бороться, значит. И вот тут уж оне боролись, боролись, боролись — ему трудно стало. Он никак не может сапога скинуть с ноги. Он и говорит:

— Слушай, змея, говорит, что-то звонит!

Она давай и послушалась. А он той поры давай все головы три головы и снес сразу. Срубил. Победил, значит, всех трех змеев. Приходит домой, на радости искал, искал, нигде нет. Думал, что брат ушел. Нет, брат не ушел. Нашел брата.

— Теперь мы змея погубили, поедем теперь дальше!

Поехали они. Уж порядочно отъехали. Он и говорит:

— Знаешь что, брат. Я там забыл плетку на окошке. Ты постой здесь, а я сбегаю за плеткой.

Сам обернулся комаром и полетел туда, в избушку. Прилетел, а у него было оставлено окошко поло, краечек. Он сел на окно и сидит. Вдруг видит — на печи старуха лежит большая, толстая. Еле там ворочается. Прибежала, значит, невестка ейная. Прибегает и говорит:

— Маменька, маменька, моего мужа, твоего сына Васька-вор, сукин сын загубил!

Она давай пошевелилась с печки да на прилавок и опустилась. Потом прибегает вторая невестка. Опять говорит:

— Маменька, маменька, твоего сына, моего мужа двуглавого змея Васька-вор, сукин сын зарубил!

Потом прибегает третья невестка. Опять кричит, еще больше заплакала.

— Маменька, маменька, твоего сына, моего мужа Васька-вор, сукин сын трехглавого змея зарубил!

Она говорит:

— Ну вот, слушайте-ко, невестки мои, что мы будем с Васькой-вором, сукиным сыном делать, говорит. А, говорит, вот что будем делать. Вы три невестки станьте в три рóстани. А как Васька-вор поедет, а первая невестка обернись зеленым лугом и муравой травой. А он, как — говорит — конь то захочет ись, зайдет на луг и сразу на пепел рассыплется.

А Васька-вор на окне все сидит и слушает. Она говорит:

— Если уж тут он не пропадет, вторая невестка обернись ягодами. Он как на втором лугу захочет ягод, и тут, значит, опять умрет. А если и тут его ништо не возьмет, то третья невестка обернись колодецем и золотой почерпушкой. Дорога дальня, он захочет пить, почерпнет и умрет. А если уж вы ничего не сможете сделать, то я сама выплыву змеей и его заклюю.

Ну вот и, значит, он выслушал все и полетел к брату.

Он поехал с братом. Едут, а вдруг зеленый луг стоит, трава шолковая, так бы коня и выпустил да зашел бы полежать на траве. Брат и говорит:

— Брат, зайдем на луг, и кони наедятся травы, отдохнем и поедем дальше!

А тот говорит:

— Нет, говорит, посмотри, что с этого лугу выдет.

Как ударил плетью три раза, резана кровь и полилась.

Потом едут дальше. Смотрят, как ягоды спелые, так бы и наелся этих ягод. Брат и говорит:

— Давай, брат, поедим эти ягоды вкусные!

А Васька говорит:

— Нет, брат, посмотри, брат, что с этих ягод буде.

И опять три раза плеткой по этим ягодам. И опять резана кровь полилась.

Потом едут дальше. Видят — колодец и студеная вода и почерпушка позолочена плавает. Опять брат и говорит:

— Давай, брат, пить хочется, что ты в самом деле ничего мне не даешь. Я напьюсь!

Он ничего не поспел проговорить, опять плеткой ударил, опять резана кровь.

Потом брат большой рассердился и поехал дальше. Он едет один. Вдруг видит — змея лежит на дороге. Он и думает, что сделать? Она сейчас его победит. И вот давай, он коня нахлыстал плетью, и конь перескочил через эту змею. И сам помчался дальше.

Едет, а на дороге, видит, кузница стоит. Он и кричит:

— Два брата, два Ивана, пропустите меня.

Оне, значит, открыли кузницу, он рассказал, в чем дело, и змея на пятах бежит в эту кузницу.

— Два брата, два Ивана, давайте мне Ваську-вора, сукина сына, а то сейчас всю кузницу сглочу!

А там уж приготавливали железа, калили. И говорят:

— Сейчас, змея, только мы его подогреем на огне. Открывай, змея, рот.

Она открыла во всю пась рот. Они давай да пихнули горячего накаленного железа туда. Змея так и рассыпалась на пепел.

Едет брат и видит брата: брат лежит повесивши на дереве кверху ногами. Он и говорит:

— Что с тобой, брат? Кто тебя так мог повесить?

А он давай рассказывать.

— Вот тут такой ходит старик, сам с нокоток, а борода с локоть волочится по земли. Он и повесил.

— А за что повесил?

— А вот, говорят, что у него есть красавица взята в подземельное царство. И кто бы нашел эту царевну, он бы всем бы наградил, и ее бы замуж отдал за того.

Васька-вор думал:

— Не быть тому, что я этой царевны не найду!

И пошли они искать эту царевну. Шли, шли и видят обрыв туда в землю. И давай жребий кидать, кому идти в этот обрыв. На Ваську-вора опять выпал жребий. Вот сплели они веревку, и Васька-вор опустился туда. Он говорил, что:

— Брат, ты подожди моего возврата.

Он остался тут ждать его, а он пошел туда искать царевну.

Шел, шел и видит — дворец стоит там. А под окном стоит красавица царевна. Он пришел к окну и стал спрашивать: как сюда попала и откуда. Она и говорит:

— Ох, ты, добрый молодец! Зачем ты сюда зашел? Скоро сюда придет мой отец, и он тебя замучит или съест.

Он говорит:

— Ничего. Я не боюсь твоего отца. Я тебя пришел спасти.

Она говорит:

— Ну, тогда поди, я накормлю, напою и научу, как избавиться от отца.

Она накормила его, напоила и говорит:

— Вот сходи туда к воротам, и там по правую руку есь живая вода, а по левую мертвая. Ты перемени ее с места на место, живую клади туда, а мертвую туда. Он как придет и будет пить воду живую, чтобы силы были больши, а выпьет мертвую и, значит, умрет, а сам ляг в сундук, и я тебя закрою.

Вдруг приходит этот старик и кричит:

— Фу-фу-фу, русский дух, вечно век русского духу тут не слыхано, а тут русский дух появился.

Она:

— Что ты, батюшка, что ты, милосливый, по Руси летал, русского духу наслыхался.

Он поел, попил и лег спать. А его выпустила она с сундука. Он пришел да голову отрубил ему. Тогда он взял царевну.

Она вышла на крыльцо, махнула платком, и вдруг весь дворец обвернулся в золотое яичко. И он пришел к этому обрыву и крикнул брату, чтобы он кинул веревку, чтобы выстать оттуда. Брат кинул веревку. Он сперва царевну привязал к веревке, а брат поднял царевну и спрашивает:

— Есь ли еще что там?

А он говорит:

— Нет, ничего, я только один сам.

Тогда он спустил веревку и до половины его поднял и веревку разрубил, а сам ушел с этой царевной.

Потом он, куда идти? Некуда идти, и пошел по подземелью. Вдруг видит — воронята в гнезде сидят, пищат, дождь, холод, а оне замерзли от этого дожда. Он взял их прикрыл, прикутал. Вдруг налетает ворон и:

— Сичас, — закричал, — сичас я тебя заклюю.

А воронята откуда кричат:

— Не клюй, маменька, он нас от холода спас, а то бы мы умерли.

А ворон говорит:

— Что тебе, добрый молодец, надо за его?

А он говорит:

— Ох, если бы ты выздынула меня на белый свет, ничего бы мне не надо.

— Ну вот, тока, говорит, возьми живой воды и мертвой в крынки. Садись на меня и полетим.

Взял он живой воды и полетели.

Летели, летели, ворону стало тяжело, голод стал морить, а он и говорит:

— Как хочешь, отрезай от ноги икры, а то оба упадем!

Ну, он взял, отрезал от ноги икры мяса да и дал ему исть. Он зглонул и опять полетел. Так он и от второй ноги попросил икры таким же способом. И вот, наконец, оне поднялись. Прилетел, а он идти не может.

Ворон тогда и говорит:

—Помажь мертвой водой тее места, которые обрезал.

Он помазал. Она выплюнула эти два куска мяса, а потом приложил и живой водой смазал и пошел дальше. А ворон полетел обратно.

Потом он добрался до царства, там свадьба начиналась. За этого брата отдавал дочь царь. А когда он пришел, Васька-вор, то дочка и Васька-вор рассказали царю, что он спас. И царь этого брата привязал к жеребцам, чтобы его разлягали. И копец этому. А за Ваську-то отдал дочь.

И стали жить и поживать и добра наживать.

ШУНЬГА

Иван Иванович Столбов, 13 л.

37. СОЛНЦЕ, МЕСЯЦ И ВОРОН ЗЯТЬЯ

Жил-был старик со старухой. У него было три дочки. Однажды он поехал сеять. Ехал, ехал и просыпал семена в воду.

— Солнце, говорит, батюшка, высуши мне эту воду — я тебе старшу дочку замуж выдам.

Ну, солнце высушило воду. Потом месяцу говорит:

— Месяц, ты мне посуши семена. Я тебе среднюю дочь замуж отдам.

Месяц посушил. Потом летит ворон.

— Ворон, говорит, пособи мне собрать семена, я тебе младшую дочку замуж дам.

Ну, ворон ему помог собрать семена. Он, значит, поехал, засеял там, приезжает домой и говорит:

— Вот дочки мои родимые, я вас всех замуж выдал.

Вдруг на утро солнце прямо так в окно и печет, нельзя в квартиры сидеть. Он и говорит:

— Ну, дочка старшая, выходи на ступени!

Тая вышла. Солнце подхватило ее и унесло. На второе утро месяц так тоже в окно и прется. Отец:

— Ну, средняя дочь, выходи теперь ты на ступени!

Средняя дочь вышла, месяц подхватил и унес. На третье утро ворон так и вьется круг дому. Ну, отец опять и говорит:

— Ну, младша дочка, ты теперь выходи на ступени!

Она вышла. Ворон подхватил и унес.

Вот через некоторое время отец и мать пошли в гости к солнцу. Шли, шли, вот озеро подходит, небольшая речка.

— Ну как переехать? — говорит дед.

Постлал на́ воду свою шубу, со старухой сели на шубу и переехали через озёрко. Добрались и до сонца. Пришли. Дочка счас начала печь блины. Сонце село на стул, а жонка его по́ложила сковороду на голову его и напекла блинов. Оны тут погостили и поехали домой опять. Приезжают домой. Старик и говорит:

— Старуха, пеки у меня на головы тоже блины!

— Что ты, говорит. Ведь нельзя.

— Смотри, люди пекут, так и мы будем.

Старуха начала. Клала сковороду тоже на голову. Но у них ничего не вышло.

И собрались идти к средней дочке в гости. Вот и пошли. Пришли к месяцу. Ну там тожа их угостили как следует. Ну старик и говорит:

— Пойдем теперь давай и ко младшей дочке зарáз.

Шли, шли. Приходят к высокой ели. На ели сидит вóрон и ихня дочка. Старик говорит:

— Ну, старушка, давай поставáем. Он взял старуху, посадил в мешок, взял мешок в зубы себе и поставáл в ель.

А старуха в мешку говорит:

— Скоро ли?

А ему сказать нéкак, что мешок в зубах.

Она второй раз опять кричит:

— Скоро ли?

Старик и говорит:

— Скоро!

Мешок с зубов вылетел, и старуха оборвалась с ели на зень и уби-лась. Старик тут заплакал, погостил там у дочки у ворона и повез старуху домой мертвую и похоронил ее себе в подпол.

Вся.

38. СКИРЛЫ́, СКИРЛЫ́

Жил-был старик со старухой. Захотела старуха медвежьего мяса. Вот старик пошел искать. Шел лесом. Видит — медведь спит. Он взял, топором ткнул ему одну лапу и ушел домой. Приходит. Старушка шерсть с лапы выстригла, шкуру сняла, мясо в котел, и варит. Она шерсть прядет, мясо варит, старик рядом сидит и на старушку глядит.

Вдруг приходит в полночь медведь. Идет и кричит:

Скирлы́, скирлы́, скирлы́
 На липовой ноги,
 На березовой, клюки́,
 Все по селáм спят,
 Одна баба не спит,
 Мое мясо варит,
 Мою шерсть прядет,
 Старик рядом сидит,
 На старуху глядит.

Старик со старухой спугались. Старик сел на полку в горшок, а старушка пóдпол открыла да залезла на печь. Медведь пришел в избу, ши эти выхлебал, мясо съел свое и полез на полку. Как по горшку лапой щел-

нет, старик свалился на пол и убежал. Он полез на печь, свалился в подпол, а старуха выскочила из печи, подпол закрыла и села на верёх. Медведь выйти не мог. Его убили со стариком и посичас еще мясо носят с подполья.

И Л Е М С Е Л Ь Г А

Прасковья Матвеевна Уткина, 39 л.

39. БЕЗРУЧКА

Жили-были брат и сестра. У их родителей не было. Брат женился, взял Егибиху. Она так и не влюбила эту сестру, не знала, как известь ее. Потом что придумала? Она взяла, всю посуду перебила. И вот себе волоса все перепутала. Муж приезжает. Она настречу со слезами.

— Вот, говорит, ты свою сестру любишь, уважаешь, а она что наде- лала? Всю посуду перебила и меня исколотила.

Ну вот, он и говорит:

— Что же сделаешь? Пускай уж, первую вину прощают.

На второй день он уезжает в лес, а она взяла да всю скотину пере- резала. Ну вот опять, только он приезжает, она настречу бежит, жалуется, что она всю скотину перерезала. Он и говорит:

— Ну, ладно, вторую вину прощаю.

На третий день опять уехал муж в лес. Ей делать нечего. Она взяла да своего ребенка зарезала. Он приезжает, она настречу со слезами.

— Теперь что будем делать, как она всё так у нас делает?

— Ну, не знаю, говорит, что жа я с ей буду делать?

И она посоветовала:

— Свези ее в лес и отруби ей руки, свяжи глаза платком, пускай идет, куда знает, за такой поступок.

Вот он ее увез в лес, отрубил ей руки, завязал глаза. Она заплакала, пошла. Не знает, куда идет, глаза завязаны, тряпку сорвать не может.

Шла, шла и как-то в лесу сучком задела и тряпка слезла. Она обрадо- валась, хотя свет видно. Потом пришла она в большой дуб и залезла туда на ночь на покой.

Ну вот утром раненько выезжает царской сын на охоту. Вдруг собака туда зарвалась, залаяла.

— Ну, кто там, выходи!

Ответу нет. Ну он и говорит:

— Если уж старой старичок, буду дедушкой звать, а старая старушка, буду бабушкой звать, а пожилой человек, пусть мой дядюшка, а пожилая женщина, пусть моя тетушка, если уж красная девица, то уж возьму замуж за себя.

Она выходит, заплакала.

— Куда уж замуж, как у меня рук нет. Я уже не пойду.

Он говорит:

— Раз я сказал, что за тебя пойду, так пойду.

Понравилась она, была хорошенька. Ну вот оч привез ее домой и в ком- наты держит ее. Родители сколько времени не знают. Поест, попьет и туда несет. Они стали замечать, куда это сын носит кушанья всё.

Ну вот, потом узнали и заставили его жениться. Ну что же, привел уж, так повенчаться, как раньше венчались. Ну вот. Потом куда-то ему надо было уехать. Уехал. Она осталась в положении.

В прежняя время не было там ни почты, ничего, как теперь, а какого-нибудь старичка направляли, он несет просто. Ну вот она родила сына, и родители написали, что вот, родился мальчик очень хорошенький, пишут там, радуются. Ну, этот старичок пошел. Шел, шел, приходит к этой Егí-бихи на ночлег. Она такая была подвижная. Вытопила байну и говорит:

— Иди, дедушка, в байну, попарисся, будет тебе легче.

Сама уж у него там подсмотрела сумку, нашла письмо и видит там написано хорошо. Она и написала: «Жена родила не то ребенка, не то поросенка». Старичок ничего не знает. Утром встал и отправился. Приносит письмо, муж читает и плачет, что делать. Пишет, что без меня ничего не делайте. Я сам приеду, посмотрю, ничего не знаю.

Ну вот он опять к этой же старухи зашел ночевать. Она то же самое устроила. Пока в байну ходил, она написала, чтобы к моему приезду не было ни жены, ни ребенка, куда хотите девайте. Ну вот, приносят письмо, там прочитали. Думают, что такое случилось? Плачут, горюют. Делать нечего. Приходится ее решать. Она и говорит:

— Делать нечего, я пойду. Свяжите мне к груди ребенка. Хотя в живности пойду.

Время было жаркое. Она шла, шла, увидела колодец.

— Ах ты, господи, говорит, как я пить-то хочу!

В колодце отвечает:

— Возьми напейся.

— Да как же я напьюсь, как у меня ребенок тут и рук нету?

— Ничего, ничего, говорит, напейся.

Вот она наклонилась, хотела напиться, ребенок туда в колодец и упал. Она заплакала:

— Боже ты мой, что я теперь сделала, ребенка утопила!

А там отвечает:

— Ну возьми, возьми.

Ну, она руками только хочет поймать, у ей руки стали настоящие. Ну вот она обрадовалась, глаза перекрестила и приходит на ночлег к сваму тоже брату. И в тое время приезжает ейный муж туда, тоже ночует. Ну вот, она оделась такой старушкой, платок подвязаной, чтобы ее не узнали. Но, впрочем оне не надеялись, что у ней рук не было, а тут с руками, так... Ну вот, подходит ейный муж:

— Ты по свету ходишь, чего не знаешь ли? Чего новенького?

— Да знала бы я, голубчик, да не знаю, как хозяйюшки пондравитца ли, как буду рассказывать.

— Ничего, хозяин говорит. Говори, говори, всё можно.

А самы они подвыпили.

Вот она начинает рассказывать про свою жись с перьвого конца и до последнего. Хозяйка стала догадываться:

— Какая-нибудь придет бродяга да будет рассказывать, а оне слушают.

Она и замолчит:

— Ну уж, хозяйюшка ругается, я и не стану говорить больше.

— Ну, говори, говори, говорит; для хозяйюшки говори!

Ну вот она продолжает вперед и до того договорила, что уж у ней и руки стали.

Тогда муж и говорит:

— Да не сама ль ты тут и ешь?

Ну вот тогда она открылась. Он обрадовался, и стали оны жить поживать. А невеске этой жись прикончили.

И вот сказка кончена.

Анастасия Ивановна Чарцева, 28 л.

40. ТРИ СЛОВА

Жили-были старик со старухой бедные, бедные. Муж что-либо наживет — все проплет. А жена-то была рукодельная. Что-либо придумает, все всегда сработает. А муж все пропивал.

Ну вот, она придумала, говорит своему мужу:

— Ну, иди, негодяй, в город (дала ему несколько денег) и купи шелков.

Муж сходил в город, купил шелков и приносит жене. Она в малое время соткала отличный ковер. Дала мужу и говорит ему:

— Отнеси в город и задешево не продавай. Продай за сто рублей.

Завернула его и отправила. Он и ушел. Приходит в город. Его уж там товарищи такие встречают. А уж раз строго наказано, он боится задешево продать. Ходил, ходил, никак не может продать. Вот пристал один к нему и говорит ему:

— На что вам деньги, деньги вы проживете, а вот продайте лучше за слово.

Согласился.

— Без суда и волос с головы не гинет.

И вернулся домой, закручинился, что ему хозяйка теперь скажет. Приходит домой. Жена уже на лестнице встречает.

— Ну что, продал?

Он даже и говорить боится.

— Ну что, пропил?

— Нет, не пропил, а отдал за слово.

Она его ругала, ругала, ругала, даже не спросила и какое слово.

И опять начала бедная стараться по-старому зарабатывать деньги. Опять в малое время назаработала немножко деньжонок и опять отправила мужа в город за шелком. Сходил муж, купил жаны шелку. Она опять через малое время соткала ковер, еще лучше того, как первый. Опять завернула ковер и отправляет мужа продавать в город.

— Теперь, говорит, не продавай, дурак, за слово и за сто рублей. Этот ковер стоит двести рублей. У нас, смотри, второй сын родился, кормить ведь нечем.

Он пошел, со старости еле ноги потащил, так испугавши. Жена строго наказала. Тока приходит в город, а уже там который мужчина купил за слово, опять его повстретил, узнал, что он продает ковер. И вот пристал к ему:

— Продай, продай!

Они никак не соглашается:

— Второй сын у нас родился.

Он и говорит:

— Слово пригодится. А ты его знать будешь.

— Ну какое слово? — спрашивает.

— Булат-железо дороже злата-серебра.

Ну, продал, продал. Отправился опять домой.

Приходит, опять жена уж не на лестнице, на улице встречает. Она уж сразу заметила, что у его уж денег нет.

— Ну что, говорит, опять денег нет?

И ответить даже не смог, а головой качнул, что денег нет.

Ну, она думала, подумала и не так ругала его. И думает, что еще денег заработает немножко. Опять сотку ковер, если не продаст, пускай домой нейдет, и от него сбыть хочет.

Заработала немножко деньжонок и отправила опять мужа в город за шелком. Муж скоренько купил шелку и вернулся домой. Опять жена соткала в малое время ковер. Ну и отправляет мужа. И наказывают:

— Если в этот раз не продашь, то и домой не являйся, не нужен больше. Буду жить без тебя и рбстить твоих сыновей. Продавай за триста рублей, дешевле нельзя.

Муж опять приходит в город, опять этот же мужчина его встречает. Опять и говорит:

— Ну что, опять с продажей?

— Да, да, теперь и не продам. Жена не велела домой придти.

— Тем лучше, что не велела. По свету как пошатаешься, больше узнаешь. Продай, говорит, за третье слово.

Он думал подумал:

— Жена больше придти не велела. Давай, говорит, какое слово?

— Замахнись и не ударь.

Ну и продал ковер, согласился. Ну, покупатель напоил его пьяненького, распростились, разошлись.

Ну, он пьяненький ходил, ходил по горбду. Приходит на пристань. Там отправляется пароход. Он зашел на пароход. Пароход и отошел, а он и без билета. Проверили билеты, он без билета. На его разозлились пароходчики: пьяный, а билета не купил. Выехали на середку моря и бросили его в море.

Подплыл большой кит и глонул его. Ну вот, у него в кармане был маленький ножичек. Кит большой и ему там было свободно. Вытащил из кармана ножичек и стал прорезать ему пузу. Киту стало больно, кит стал пробираться к берегу. Приплыл к самому берегу, мужчина прорезал ему все, и оттуда вышел. Вышел на берег и вспомнил, что ковер-то продал за первое слово, что «без вины и волос не гинет». Как раз ему и пригодилось. На берегу перекрестился и отошел дальше.

Далеко ли близко, шел по берегу. Видит — стоит дом, а около этого дому 12 штыков, и на каждом штыке по человечей голове. На одном штыке не было. Он остановился и думает:

— Вот где моей головушке наверно быть!

Подошел поближе, слышит — там скандал в доме. Постоял, постоял.

— Ну, что же, надо зайти еще посмотреть.

Вошел туда, там муж и жена спорят. Оне очень рады чужого человека. Вот обеи в голос и спрашивают, чтобы рассудил ихной спор, хто прав, а хто виноват. Жена спорит, что булат-железо дороже злата-серебра. А муж говорит: «Нет злато-серебро дороже булата-железа». Тут этой мужчина и вспомнил, что я за это ковер продал. Он этому очень рад. Он и сказал, что:

— Да, правда, булат-железо дороже злата-серебра.

Тогда жена своему мужу отрубила голову и положила на этот штык. А этот мужчина опять обрадовался, что не его тут голова, евоная голова осталась целая.

Женщина поблагодарила его, дала немножко ему денег. Он рассказал, что в таком положении был; она его накормила, напоила. Он отдохнул у ей и отправился дальше.

Шел, шел, далеко ли, близко, приходит опять к широкому Онёгу. Опять стоит домик, вошел в этот домик, нигде никого нету. Он обошел

все комнаты, везде всего досыта. Он поел, попил и лег поспать. Поспал до вечера, встал, вышел на улицу. Слышит — в какой-то стороне очень шум, гром. Он вернулся назад и спрятался. Вдруг прилетает лев зверь. Прилетает, сама себе и говорит:

— Фу-фу-фу, русским духом пахнет.

Потом стала спрашивать:

— Если старый дедушка — выходи, будешь мой батюшка; если старая старушка — будешь матушка, если молодая девица — будешь сестрица, если молодой парень — будешь мой братец, если пожилой мужчина, то я возьму себе мужем. Он боялся ей ответить. Она думала, подумала себе и говорит:

— Дура я какаа, по Руси летала, русского духу нахватала, а теперь кричу.

Поела и попила и легла спать и скоро уснула крепким сном. Он слушал, слушал. Ему хочется посмотреть, кто это есь. Думал, подумал:

— Буду жив и не буду, — встану посмотрю.

Вышел из-под печки, подошел к ейной кровати. Спит прекрасная красавица, здоровенькая, высокая, ему очень пондравилась. Взял её тихонько и поцеловал, и сам от ней тихонько отбежал и смотрит на нее. Она даже не пошевельнулась. Он отошел немножко еще дальше и думает, что теперь делать. И потом говорит про себя:

— Я, говорит, еще испытаю, что после этого поцелуя она на второй день скажет.

Настало утро, а ему уже не спится. Вскочила она:

— Как долго спала, как крепко спала! Во сне я видела или на яву это было, кто-то меня поцеловал ночью. Наверно я во сне видела, припомниться не могу, я очень вчера устала.

Поела, попила, вышла на улицу и опять улетела, неизвестно куда. Он вышел на улицу, посмотрел. Нигде ничего не слышно и не видно, куда скрылась. Он тоже после ей поел, попил, скучно ему одному. Нигде никого не видно, не слышно, никакого жилья, только один этот дом. Походил опять до вечера, радуется: приходит это время, в какое она вчерась прилетела. Опять присматривается, как бы присмотреть, в какое время она прилетит. Вдруг такой же шум получился, как и вчерась. Он бегом из улицы и опять под печку, испугался. Сегодня наверно не быть живому. Наверно кого-нибудь приведет.

Вдруг входит в комнату. Он из-под печки посматривает. Опять то же самое:

— Фу-фу-фу, как русским духом пахнет!

Походила, походила. Также он ничего не ответил.

— Еще, думает, испытать ее.

Опять поела, попила и спать легла. Он опять думал, думал, что сделать? Опять тихонько вышел из-под печки. Она храпит, крепко спит.

— Ну, думает, быть что ни быть.

Взял да ее и поцеловал. Скоренько от ей отвернулся и отбежал дальше. Посмотрел, она даже ничем не сворохнула. Ну как спит крепко, ничего не слышит. И опять сел под печку.

— Испытаю, что завтра будет.

Настало утро. Он уже не спит, слушает, когда она поднимется. Слышит, она там позапотыгивалась, встает. Встала, опять себе и говорит:

— Что ж такое, опять как будто сегодня поцеловал кто, или я устала очень?

Он все слышит. После пошла, больше ничего. И улетела. И он вылез из-под печки, вышел на улицу, так ему скучно. Ходит. Кругом тишина. Нигде ничего. Насилу дождался того времени, когда ей прилететь. И он не знает, куда она улетает и что она делает. Это его заинтересовало, хочется ему узнать. Опять пришло время, и услышал он также шум и опять спрятался под печку. Прилетела она:

— Фу-фу-фу, как русской дух у меня! Совсем русским духом пахнет. Сама про себя думает:

— Сегодня меня не проведешь.

Больше ничего не сказала.

Поела, попила и спать легла. Он тоже думал, подумал, вылез оттуда с под печи, подошел к кровати. Она по-старому хрипит. Взял и поцеловал ее. Тока поспел нагнуться и поцеловать, она как схватит его и захватила руками на шею и говорит:

— Очень хитер!

Поднялась и говорит ему:

— Не бойся, ничего тебе не сделаю. Прощаю. Только хочу, чтобы остался моим мужем.

Он согласился. Она стала улетать на свою работу, а он стал оставаться дома. Вот ему скучно дома одному. Хочется узнать, куда она улетает. Прилетает из работы, он ее уговаривает, спрашивает, хочется ему знать, куда она улетает.

А она ему на ответ:

— Рано будешь все знать.

Да вот так жили-пожили уже год. Она все не говорит ему, куда она улетает. Она стала в положении. Родился у них сын. Он этому очень был не рад, потому что у них уже пошла семейная жизнь. И этот сын стал так расти, не по дням, а по часам. Как час, так он выше, больше, толще. Он стал смеяться, как бы ему уйти. Стал себе шить лодку. А сынишка уже стал говорить, следом ходит, спрашивает:

— Папа, куда, да чего работаешь?

Как мать прилетает, он все ей рассказывает. Вот он у отца спрашивает:

— Папа, это что работаешь?

— Это, говорит, сынок, лодку шью.

— А что потом с ней выйдет?

— А будем вот по этому Онегу ездить, рыбу ловить и маму кормить, уговаривает его.

Дошил совсем лодку. И вот на одно утро, как жена улетела, он вышел на улицу, пришел на берег, спихнул свою лодку на воду, затопил ее, чтобы она там задухла и не текла. Сынишка заплакал, что папа сделал, теперь нам и ездить нельзя. Сына уговорил:

— Я вытащу, вытащу, сынок!

Потом стали с сыном ездить. Сыну очень нравится. Сын уже стал очень большой. Стал такой же хитрый, как и мать, стал все понимать. А отец все думает, как от них уехать. Все думает, решает, как от них уехать. Вот вечером думает, что завтрашний день во что бы то ни стало, а уеду.

Утром встал рано, еще все спали. Кое-чего припас себе, присмотрел. Встала жена и сын. Сын только с постели, бегом к отцу, что отец делает посмотреть надо.

— Что, папа, делаешь?

— Вот, сынок, опять поедем рыбу ловить. Тока я сегодня один поеду.

— Нет, тятя, я не останусь.

Мать, ничего не думавши, не зная, поела, попила — опять улетела. А он через сына узнал, что куда мать улетает, уходит. Мать сыну сказала, что воевать летала. Сын отца все зовет, что поедет, отец, рыбу ловить.

А отец сына уговаривает:

— Нет, сынок, сегодня нельзя. Сегодня я возьму грузу в лодку, так что тебя нельзя.

Закатил в лодку три бочки пороху, сел в лодку и поехал. Сын остался на берегу. Отъехал немножко, сын кричит:

— Ну, папа, ловить начинай!

А отец ему кричит:

— Сынок, я далеко нынче поеду, здесь такой рыбы нету близко.

Сам все торопится, черпает и черпает, гребет. Сын смекнул, что отец не ловить едет; кричит:

— Папа, ты уехать хочешь?

Еле слышно стало. Он оттуда кричит:

— Нет, нет, я рыбу ловить.

Сын еще сильнее:

— Нет, папа, ты уезжаешь от нас. Я маму буду свистать.

Отец от сына слышит, а когда отец кричит, сын не слышит. Отъехал далеко. Отец устал очень, взял и остановился. Когда сын увидел, что отец стоит, он подумал, что, наверно, он начинает рыбу ловить. Немножко постоял, отдохнул отец и думает: надо ехать дальше. Поехал дальше. Сын все смотрит на берегу, а отец все сына не замечает. Когда лодка стала теряться, тогда сын начал свистеть матерью свою. Как раз свиснул, и налетела мать и видимо-невидимо войска, берег весь чернел. Он взял, бочку пороху и спустил и всё войско это убило. Тогда жена еще сильнее свиснула, и вдвое войска прибыло. Он еще вторую бочку спустил и опять второе войско убило. Он видит, что берег близко, а больше сил нет доезжать до берега. Жена там думала, подумала, еще войско требовать пожалела и говорит себе:

— Ну, ладно, негодяй, все равно не уйдешь. Не так, дак иначе все равно поймаю.

Муж еле-еле приплыл к берегу, вышел из лодки, сел, посидел, везде тихо, нигде ничего не слышно, не видно. Перекрестил глаза сам себе и говорит:

— Прощай, дорогая, хитра, но я перехитрил. Взял и пошел дорогой. Идет — по обе стороны дороги ягоды. С правой стороны берет в рот полагает, а с левой в карман.

Шел, шел, вдруг как будто ветерок завял, сам все продолжает, ягоды берет. Как раз поднял ягоды с одной стороны в рот, а с другой в карман, и так у него руки и присохли. Вдруг голос слышно и никого не видно.

— Стой, дорогой, ты не уйдешь!

Он испугался. Вдруг перед глазами увидел ту же самую жену, от которой уехал.

— Ну, говорит, поговорим; чего тебе мало стало, от меня уехал?

Он сознался, что ему надоело жить.

— Ну, ладно, я тебе все прощаю. Если не хочешь, то насилию не живи. Хочешь, я за то, что ты со мной прожил столько время, я, говорит, отвезу тебя на твою родную сторону, где, говорит, твоя родная страна, знаешь?

— Нет, говорит, не знаю, где я ездил и где моя родная страна.

— Садись, говорит, на меня!

Он сел, и она понеслась, полетела очень быстро, только лес мелькает. Летела, летела, прилетела на высокую гору, опустилась низко на гору и села, и говорит ему:

— Отдохнем, дорогóй, я больше не могу, очень устала.

Сама легла и замертво уснула. Целые сутки спáла. Он всё ходил на этой горе. А эта гора была золотая. Он ходил, ходил, а самому хочется кусочек взять золота, и положил в карман и боится. Потом отщипнул два камешка небольших и положил в карман. Сам себе и говорит:

— Столько по свету ходил, ничего не нашёл, и этого золота не нужно. Только пускай эти два камешка для памяти, буду помнить, где я был.

Проснулась жена.

— Ну, садись, говорит, довезу тебя да самой деревни.

Он опять сел по-старому, и она опять полетела. Опять летели, летели. Он ничего не знает. Она и говорит:

— Близко твоя сторона, и даже берег виден.

Прилетела, остановилась.

— Вот, говорит, твоя деревня.

Она очень расплакалась. Жалко её этого мужа, и прослезилась. Потом, откуда взяла, подарила ему костюм на память.

— Но смотри, сколько будешь проживать, никому не говори, что со мной жил.

А он про себя и думает:

— Пустяки, только от меня отойди, так там дело мое.

Она говóрит:

— Если скажешь, то я с тобой опять где-нибудь да повстречаюсь.

Распростились. Он пошел домой, она улетела. Он походил за полем до вечера, до нóчи. Настала ночь, в деревни утихли, и он отправился домой. Приходит к окну, домичек был низенький да маленький, какой был да такой и есь. Рама отодвигивалась в стенку туда, он раму отодвинул и смотрит в окно. Видит, там жена спит в серёдки и два взрослых мужчины под одеялом по краям, видит, что мужские головы. Он думал, подумал:

— Это у жены после меня не только один, дак два мужа спят на постели.

Зашел тихонько в квартиру, и был у него большой нож, и хотел отрубить всем головы. Замахнулся, а сам испугался, передернулся и стоит.

— Сразу положить три головы не думавши, как же это так?

Вот и вспомнил, что он за слово продал ковер:

— «Замахнись, а не ударь». Скорее спрятал свой нож и выскочил обратно за окно и смотрит в окно.

— Это, говорит, не мои ли сыночки с её спят?

Закрыв окно и встал на лестницу, стал колотиться в дверь. Постучал. Жена услышала, пришла к двери и спрашивает:

Он просится:

— Пусти ночевать!

Она говорит:

— Мы живем бедно, лечь у нас не на что, квартира у нас худая, покормить нечем.

— Ничего, ничего, говорит, мне только отдохнуть.

Она взяла и открыла. Приходит в квартиру, встали обеи сыновá. Он сел и спрашивает:

— Большая ли у вас семья?

— Семье, говорит, неоткуда быть. Вот столько-то лет скрылся муж, а я осталась с двúма сыновама. а вон теперь большие сыновá выросли.

— Это, говорит, я твой муж, а детки, я, говорит, ваш отец.

Сам расплакался. Ну вот они поздоровались и стали жить. Жизнь у них также велась бедная, работы нету. Вот муж и думает:

— Что делать?

А жена и говорит:

— Если, говорит, ничего не умеешь, наймись в пастухи.

Он послушался жены и нанялся в пастухи.

— Деревня, говорит, большая, за лето много денег наживешь.

И пропáс до полулета. А брат у него в той же деревне был очень богатой. Он был именинник и пригласил брата на именины. Ну вот он думал, все думал, а брат богатой, как идти, все принесут подарки богатые, а у меня принести нечего. Опомнился, что у меня есь два золотых камешка. Взял, замазал их глиной, положил на тарелку, прикрыв бумажечкой и пошел на именины с женой. Пришел, все гости сидят богатые, одеты хорошо. Пришел, с братом поздоровался и подал ему подарок. Брат бумашку снял, усмехнулся и бросил эту тарелку с камешками к порогу.

— Фу, негодяй, еще смеется над братом.

Тарелка разбилась, с камешков глина отлетела и камешки заблестели. Тогда он взял да и подобрал эти камешки, принял брата как следует и посадил всех за стол. Пили, ели, стали все пьяны. Все вышли на улицу и стали этого бедного брата просить, чтобы он рассказал, где он это время проживал. Он ничего другого не стал рассказывать, а стал рассказывать, как он жил с этой женой, которая заказывала, чтоб он не рассказывал. Рассказал про это. Их позвали на обед. Пообедали, погуляли и пир кончился. Все разошлись по домам.

Он на второй день пошел коров пасти. Вечером у него уже не одной коровы, а целым двором и не пришли коровы, неизвестно кто их задавил. Так походил неделю. Всё скота убывало, убывало и убывало. Начали его ругать, а он не знает, что делать, отчего это случилось. Потом вспомнил:

— Это не она ли, лиходейка, подумал. Я, говорит, сегодня, может, ее посмотрю где-нибудь.

Загнал в узкое место скотину и думает:

— Здесь уже я ее увижу!

Ничего не заметил, попал прямо на стадо, на мертвое. Приходит вечером домой, собрал сходку и вот говорит соседям:

— Если вы купите бочку пива и бочку вина, вы спасете меня и себя, а если не купите, то весь скот так пропадет.

Мужики согласились. Мужики взяли и купили бочку пива и бочку вина. Выпросил у богатого крестьянина зеркало большое, веревок себе захватил и загнал опять коров в поле. Поставил в середку пиво и вино вместе. Сам спрятался. Она прилетела, увидела пиво и вино, она этого очень любила. Напилась и свалилась, уснула.

Он подошел к ей. Спит она крепко. Взял ее так, перепутал веревками. Поставил спереди зеркало, а сам позади стал. Сонная она стала потягиваться. Ей нельзя никак ворохнуться. Недолго спáла и просыпаться стала. Проснулась, видит — перед собой зеркало и в зеркале прежнего мужа. Дотронула рукой до зеркала, рука съехала. Видит, а с им не может ничего сделать.

— Когда, говорит, сумел со мной что сделать, то, говорит, только отвяжи, никогда больше с тобой ничего не сделаю.

Он подошел рядом.

— Уплати, говорит, мне то, что ты сделала. У меня, говорит, не только детской работы, так волосос не хватит уплатить крестьянам.

— Я, говорит, вдвоём тебе заплачу!

Заплатила ему так, что хватило и евоным детям.

Развязал ее, распростились. Больше не виделись. И зажил этот старичок очень богато и счастливо.

Всё.

41. ЧЕГО ДОМА НЕ ЗНАЕШЬ

В некотором царстве в некотором государстве жил царь со своей царицей. У них не было детей. Это им не нравилось. Они очень скучели, потому что у них не было детей. Царь из-за этого не любил жить дома, всё уезжал на месяц, на два, на полгода уезжал. А тут раз собрался на цело на полгода уехать от жены. Справился и уехал. Поездил месяц там, приехал домой не ко времю, через месяц. Приезжает, жена испугалась, что такое случилось, никогда так. Он жены и говорит:

— Я уезжаю — из-за того вернулся домой — на целый на год.

Жена стала плакать, он ее уговариват:

— Может ты следом приедешь через несколько время. Детей у нас нету, скучать не об ком. Я поеду по всему по белому свету.

Недолго дома прожил, справился, распростились с царевной и уехал.

Ехал, ехал, там неделю ли, вторую там, сколько время. В один день жаркий-жаркий захотелось ему пить. Смотрит — колодец, и в колодце поверху плавает ковшик. Он подъехал к колодцу, соскочил с лошади.

— Ах, какая вода отличная, вот где попью!

Нагнулся за ковшиком, а ковшик от него. Ловил, ловил, все ковшик от него. Он обозлился.

— Наплевать, говорит, я и без тебя попью!

Нагнулся в колодец бородой и давай пить. Борода была длинная, пьет, а сам чувствует, что борода у него куда-то тонет. Напился, как бы поднять голову, оттуда не отпускает. Вдруг оттуда слышится голос:

— Я, говорит, тебя не отпущу.

— А что, говорит, тебе с меня надо?

Царь спрашиват у него и говорит ему:

— Что только ты сприси у меня, я все могу заплатить.

— Заплати, говорит, тем, чего ты дома не знаешь.

Он и говорит:

— Как же дома чего не знаю, если я две недели тому назад как з дому.

А он того не знал, что у него жена осталась в положении, а хто спрашивал, тот знал про это.

— Все равно, говорит, заплачу и тем.

Когда он сказал, там и отпустило его. Тогда он поехал дальше. Поехал, задумался, что бы это значило, две недели назад и что-нибудь есть. Проездил он целый год, пропутешествовал и вот вернулся обратно. Когда приезжает домой, там уже слуги сказали царевны, что царь приехал. Тогда царевна очень обрадовалась. А у ней уже был родившийся сын. Уже ему было три месяца. Она взяла сына своего на руки и вышла с ним встречать.

Когда увидел отец своего новорожденного, тогда упал замертво. Царевна испугалась, что это с ним случилось. Через несколько время он взялся в чувство, встал, поздоровался с женой, взял своего сына на руки. Радуетя он своему счастью, а сам все плачет. Ну, жена подумала, что он от радости плачет, что под старость родился сын.

Ну вот стали оне жить. Сын растёт, а он все такой скучный, не стал даже выезжать, все занимается с сыном. Прошло уже сыну три года. Он стал пуще плакать. Тогда царевна спрашивает его:

— Расскажи, об чем ты плачешь? Я больше выносить не могу.

Он еще пуще расплакался и рассказал, как дело было. Сын уже стал порядочный. Стал уже гулять, ходить один всё. Стал замечать, что всегда родители невеселые. Спрашивают:

— Об чем папа, мама плачете?

Они ему не говорят. Вот раз он уже на лошади поехал. Ехал, ехал и как-то навернулся на этот колодец. Подъезжает к колодцу и заинтересовался, что там сам ковшик по верху ходит. Приходит он и стоит у колодца. Потом захотел тожа напиться. Ухватился за ковшик. Ковшик остановился, и он не может руки ни туда ни сюда. Вдруг с колодца выговаривает:

— Я тебя отпущу, съедешь домой, скажи своему отцу, пускай отдаст то, чего он не знал.

Он скорёнько на коня скочил и скоренько поехал. Приехал и говорит отцу и матери, что так и так. Отец и мать расплакались, а он стал их уговаривать.

— Ну, зачем плакать? А вы отпустите меня, я сам поеду.

Справили родители его, и он уехал. Далеко он ехал, приезжает к одной избушки, входит он в избушку, там старая, старая старушка. Как он вошел, она так и ахнула.

— Зачем тебя, дорогой, бог принес сюда?

Он и говорит:

— Бабушка, ты ничего не спрашивай, а напой да накорми, а потом и спрашивай.

Она напоила, накормила, спать уложила и спрашивает. Он ей рассказал вот как отец его запрёдал и как все было.

Она покачала головой и говорит:

— Ложись спать.

Утром он встал. Она опять его накормила, напоила и дает ему клубочек.

— Вот, дитя, куда этот клубок катится, туда и ты иди. Прикатится этот клубок к моей ко второй сестры. Она, говорит, тебе еще покажет, куда ехать. Это, говорит, дитя, едешь к нашему старшему брату.

Он поблагодарил старушку и поехал. Клубок катится вперед, а он следом. Тожа прикатился к такой же к старой к избушке. Он опять зашел туда, попросился к ночи.

— Эх, бабушка, ты с такой дороги меня напой, накорми, потом и спрашивай.

Она напоила, накормила, спать положила и присела спрашивать. Он ей все рассказал.

— Эх, дорогóй, он давно вас ждет. Ладно, спите, я помогу.

На утро опять разбудила рано. Напоила, накормила, дала тоже клубочек.

— Куда этот клубочек покатится, туда и ты поезжай.

Ехал он далёко ли близко, и опять прикатился клубочек к такой же избушке старой. Когда вошел в избушку, третья сестра сама знала.

— Дорогóй, торопись, вас уже брат наш ожидает.

Накормила, напоила и спать положила. На утро разбудила рано. Напоила чаем, дала ему паёчек на дорогу и говорит:

— Вот теперь недалеко от моего дома будет озерко повстречаешь. Поезжай, торопись. У моего, говорит, брата 12 дочерей есь. В этом озере оне будут купаться в 12 часов дня, будешь подъезжать к озеру, очень высо-

кий тростник около озера, так что они тебя не увидят, что ты приедешь, они будут купаться. Подъедешь, как заметишь тростник, ты оставь лошадь, а сам ползи по тростнику ближе, и с крайчику повстречаешь в одной кучке бельё; возьми спрячь и сам спрячься.

Он очень рад. Простился с бабушкой и поехал. Скоро доскакал до этого озера, заметил тростник, соскочил с лошади. Привязал свою лошадь, сам пополз к тростнику, смотрит — в 12 кучках бельё. Он с крайчику одну кучку схватил и сам спрятался. Оне долго там купались. Как лебеди плавали, потом все из воды выскочили, схватились одиннадцать за бельё, а двенадцатой нет белья... Одиннадцать скоренько оделись и удрали, а эта осталась. Эта была самая младша, самая хитра. Она знала, что должен приехать. Она и говорит:

— Выходи, молодой человек, скорей. У меня, говорит, очень злой отец. Я знаю, что вы к моему отцу, попадет мне и вам.

Он и вышел. Она спрашивает:

— Как вас звать?

— Иван-царевич.

Оделась и говорит ему:

— Ну, я вас спасу. Вы, говорит, идите за мной следом, а когда увидите наш дом, то я скроюсь, вы один. Он, говорит, сидит на улице, вас ожидает. Вы, когда, говорит, увидите его, то соскочите с коня и пловите ему прямо на коленях. Не бойтесь, он, говорит, очень злой, будет кричать на вас, вы внимания не обращайтесь, а пловите всё вперед и вперед. Когда приползете к нему, тогда падите ему в ноги. А потом, что он будет вам говорить уж.

Распростились. Она пошла вперед, он следом. Дошли, уже видно стало ихняя палата. Тогда он соскочил с коня и пополз на коленях. Этот король на него кричит, ногама толчет, а он молчит и плывет, и плывет к нему. Приплыл и упал ему в ноги.

— Это, говорит, кто вас научил?

А он молчит, ничего не говорит, а просит прощенья.

— С дороги, говорит, ложитесь спать, а на утро приходите раньше ко мне.

А которая сестра с ним говорила, тая уже караулила, как отец его отпустит. Дала ему комнату, велела слугам обрать коня. Приходит к Ивану и говорит:

— Вот, говорит, Иван-царевич, я буду вам во всем помогать, в чем могу. Сегодня с дороги спите, а завтра пораньше к отцу идите.

Он утром рано встал и прямо к отцу. Подошел к нему, пал на колени и говорит ему:

— В сегондьяшну ночь чтобы был через реку устроен хрустальный мост.

Он повернулся от него и пошел закручинивши. Приходит оттуда, уж его встречает. Сказала ему имя — Мария. И пошли оны опять в ту же комнату.

— Ну что, Иванушко-царевич, кручинный и печальный?

Он на ответ:

— Как же мне не кручиниться, как же мне не печалиться? Я не плотник, я царский сын, а такую службу приказал твой отец: в одну ночь построить через реку хрустальный мост.

Марья-царевна и говорит ему на ответ:

— Это, Иван-царевич, служба не служба, служба будет вперед. Утром пораньше, вставай, возьми молоточек да иди туда в хрустальное место, поколачивай. За ночь всё тебе будет готово.

Он утром рано встал с полуночи. Подошел к тому мосту, с радости плачет и все ходит по мосту с молотком и поколачивает, как будто дорабатывает. Встал и царь, приходит смотреть и говорит ему:

— Это не ваше смысла. Это смысла моей дочки-плутовки. Но, говорит, она хитра, а я еще хитрее. Приходи теперь ко мне.

Вот приходит Иван-царевич, упал на колени.

— Вот, говорит, завтрашний день будет у меня праздник, и будут у меня все дочки в гостях, 12 дочерей. Дочки все одинаковые, все в одинаковых платьях. Можешь ли узнать, которая самая младшая дочь, Марья-царевна? Если узнаешь, будет твоя жена, а не узнаешь, голова на плаху.

Закручинился Иван-царевич, заплакал. Встречает его Марья-царевна.

— Что, Иван-царевич, невесел, что головушку повесил?

— Да вот опять отец твой приказал к завтрашнему дню придти. И вы все будете 12 сестер в гостях, узнать вот вас.

— Это, говорит, служба не служба, не так будет трудна, а служба еще вперед. Будем мы, говорит, все в одинаковых платьях, в одинаковых чулках, туфлях у всех одинаковые волосы, все ростом одинаковые и лицом одинаковые.

(А я забыла вас сказать — царь раньше велел три раза чтобы они мимо прошли в ряду и чтобы три раза нашел он ее).

— Вот вы, говорит, когда будете мимо нас проходить, тогда, говорит, смотрите в оба. У меня будет на правой руке маленькая-маленькая мошка. Вы тогда покажите: «Вот моя невеста, Марья-царевна».

На утро встал рано и приходит туда. Там уже все 12 сестреночек стоят в ряду. Все одинаковые одетые, обутые, как одна. Он прошел мимо их раз, — ничего не заметил, второй раз прошел, — опять ничего не заметил. Король ему и говорит:

— Ну вот, Иван-царевич, если не заметишь, голова на плаху, заметишь — твоя невеста.

Пошел он третий раз. Дошел до краю, смотрит: у ней на правой руке так и бьется, бьется, бьется мошка. Он обрадовался.

— Вот Марья-царевна, вот моя жена!

Покачал король головой и говорит:

— Завтрашний день приходи ко мне и пока соломинка горит сошей мне пару сапогов.

Кончился у них бал. Приходит Марья-царевна к нему и говорит:

— Вот, Иван-царевич, это служба, так служба. В этой службы я не могу помочь. Больше не могу помочь из себя ни в чем, только как убежать.

Попросила слуг, чтобы слуги накормили лошадь. Приходит вечером к нему и говорит:

— Пора нам ехать.

Когда справились, она взяла и плюнула на стекло.

— Слунка, работай утром за меня!

Закрыли дверь и уехали. Вот настало утро, тое время, когда Иван-царевич должен уже явиться к королю. Нету Ивана-царевича, нету. Ждет король. Нету. Он посылает слугу:

— Разбудите негодяя, что он долго спит!

Пришли, стукнули в дверь. Там отвечает:

— Сичас стану.

Слуги пришли к королю и сказали, что стает.

— Долго, негодяй, спит.

Немножко погодя опять отправили слугу, не мог дожидаться Ивана-царевича. Слуга пришел, стукнул в двери, а оттуда и отвечает:

— Сейчас оденусь, умоюсь и иду.

Приходит слуга к королю и рассказывает. Король затолк ногами:

— Что ж он смеется надо мной? Живо иди, чтобы через пять минут пришел здесь!

Приходит слуга к двери и говорит, чтобы через пять минут король приказал быть у него. А там отвечает:

— Сейчас.

Слуга приходит к королю и говорит:

— Он сейчас придет.

Проходит десять, пятнадцать, его все нету. Обозлился король, пошел сам. Приходит, стучит в дверь, там больше не отвечает. Приказал слугам разломать дверь, там и нет никого. Приказал слугам обследовать дочь, а там Марья-царевна нет, Ивана-царевича нет.

— Ах, плутовка, и его увезла!

Живо трех слуг scomандовал ехать в догоню.

Иван-царевич уже уехали далеко. Слуги гонят очень скоро.

Марья-царевна и говорит Ивану-царевичу:

— Пора нам погони быть.

— В чем дело? говорит.

— Опустись на землю и послушай.

Она припала на землю ухом.

— Едут, Иван-царевич, близко.

Тогда соскочила, и помчалась еще пуще прежнего.

Ехали, ехали, опять Марья-царевна и говорит:

— Едут, и близко.

Она соскочила с лошади, сама повернулась длинным лесом, его повернула дорожками, а лошадь повернула большим камнем.

Подъехали слуги к этим дорожкам да как-то сами не заметили и съехали домой. Когда приехали домой слуги, очень испугались. Но делать нечего, надо сходить к королю объяснить. Приходят к королю, и вот рассказали, что ехали, ехали по одной дороге, вдруг перед глазами появилось несколько дорог, оны ехали-ехали и домой приехали.

Он ногами затолк.

— Дуры, говорит, оны тут и были.

Тогда scomандовал еще девять молодых и отправил. Да. Ехали, ехали Иван-царевич и Марья-царевна. Марья-царевна и говорит:

— Надо послушать.

— В чем дело? Послушай!

Соскочила с лошади, припала к земли ухом.

— Едут и близко!

— В чем дело?

И взяла, Ивана-царевича повернула старинной церковной, коня повернула старинной площадью, сама повернулась старым монахом. В руках кадило, и вот ходит, кадит.

Вдруг нагнали слуги, девять молодых удалых. И вот спрашивают:

— Не видали ли, батюшка, проезжающих на лошади сидевших вдвоем?

— Видели, видели, говорит, дорогие: они проехали давно и дали еще на свечку денег.

— Вот мы, говорит, погоним за ними.

— А вам, говорит, не догнать. Они очень скоро ехали и давно очень.

Слуги эти повернулись обратно.

Марья-царевна опять всех обворотила, сели опять и поехали.

Вот приехали уже ближе к своему месту. Приехали в царство, только не в свое. Вот Ивану-царевичу хочется заехать, может слышали чего про родителя. Ей не хочется.

— Ну, говорит, тогда подожди меня здесь.

— Поезжай в деревню, только со своими здоровайся, а с молодой девицею не имеешь права здороваться. Как поздороваешься, то позабудешь меня.

Он уехал туда. Она осталась тут. Приходит туда. Иван-царевич и со всеми поздоровался, и с этой молодой девицею поздоровался. Как поздоровался, так все и позабыл.

А она уже сразу поняла, что Иван-царевич поздоровался и позабыл ее. Пождала она его день-два. Потом перевернулась красивым, красивым возле дороги цветком. Вот пошла старушка по этой дорожке, заинтересовал ее этот цветок.

— Сколько время ходила, такого цветка не видела, возле самой дороги такой красивый цветок.

Взяла, подкопала его с землей и осторожно вынесла домой. Посадила его в большую посудину, и вот растет у ней цветочек не по дням, а по часам. Любуется старушка, красá, а не цветочек! Утром встанет, уйдет в лес старушка. Вечером приходит из лесу, все у ней убрано, все прибрано. как будто кто-то живой дома был. Стала замечать старушка. Пойдет, на-рошно оставит грязную посуду, дома не подметёно, не убрано. Приходит домой, у ней все вымыто, убрано.

Вот она радуется и не радуется. Испугалась, что это за цветочек. И даже к но́чи оставит посуду невымытую и утром стаёт, вымыта посуда. Один день никуда не выходила и не подметала, не убирала будто больше. Ей хотелось испытать. И на ночь также оставила не убрано все и сама легла спать. Легла спать, а сама не спит. Когда цветок зашевелился, она встала и накинула платок на этот цветок. Вдруг перед глазами у ней образовалась молодая девушка. Тогда она и говорит:

— Вот, бабушка, Иван-царевич оставил, и вы мне что сделали. Ну ладно, это, говорит, ничего. Я пока поживу с вами.

А Иван-царевич уже начинал жениться. Бабушка стала ей рассказывать, что вот какой-то приехал и здесь женится. Тогда Марья-царевна ей и говорит:

— Как бы попась туда, когда будут гостям рыбники стряпать да невесте.

— Очень просто, говорит, попась туда. А вот, нужно в рыбник, который будут жених да невеста ись, положить кольцо.

— Это, говорит, тоже не очень хитро. Мы их оманем, кто рыбник будет делать; кольцо положим, и оне будут жить хорошо.

Пришли на свадьбу, узнала там старушка, где стряпают, где что, и пришли с Марьей-царевной, где стряпают рыбники. Узнали, которая будет делать про жениха про невесту рыбник, попросили, чтобы она запекала в рыбник кольцо. Только было и нужно Марьи-царевны. Тогда она оттуда и ушла. Обождала, когда приехали гости, сели за стол, по́дали им рыбники. Тогда она стала к са́мым к дверя́м. Когда первые рыбники открывали, то ничего. Когда открыли у жениха и у невесты рыбник, тогда сотворилось чудо. Вдруг оттуда вылетели голубь и голубка. Тогда через весь стол так и полетел голубь. А голубка следом сама и говорит:

— Голубь, голубь, не уйди, не сделай так, как Иван-царевич сделал.

Иван-царевич тогда сразу понял, в чем дело. Он соскочил через стол и вдра́ла бежать. Когда вышел за дв́ери, там стояла Марья-царевна.

Тогда он захватил ее так носком и притащил на улицу. Когда на крыльцо вышли, там уже стоит слуга и с лошадей, на которой они ехали.

Соскочили обеи на лошадь — помчались к своим родителям. Когда приехал Иван-царевич к своим родителям, тогда уже Ивана-царевича родители не узнали. Он стал очень полный, здоровый, а родители очень поседел.

Ну вот сыграли свадьбу и стали жить счастливо.

Вся.

ТУБОЗЕРО

Семен Михайлович Власов, 27 л.

42. КАК СОЛДАТ ПОПАЛ В РАЙ

На фронте убили, солдат попал в рай. Ну и в раю ему живется великолепно. Ясно, что не в аду. Кормят и поят великолепно. Ну, конечно, в хорошей жизни солдатик зараженный, ему курить хотелось, чего не разрешали в раю. Ну бог, конечно, зная солдата мнение, что он курить хочет, как бог вездесущий и в лице старого старичка подходит к солдату и спрашивает:

— Ну ка, хорошо тебе живется, солдат?

Солдат отвечает:

— Хорошо, дедушка, да курить охота, табаку нет.

А бог говорит:

— Здесь курить нельзя у нас.

Солдат отвечает:

— А я без табаку не могу жить у вас, мне курить охота.

Тогда говорит ему бог:

— Раз ты хочешь курить, так пойдем, я сведу тебя в такое место, где можешь курить, и табаку много бесплатно.

Вывел за двери рая и показывает вправо идущая тропинка. И посылает солдата:

— Иди, говорит, этой дорогой, тебя там встретят и покурить дадут тебе.

Солдат идет дорогой и видит — впереди ворота, которые отворились при подходе его, и выбежало оттуда масса чертей, встречают его с табаком как дорогого гостя. Наготово вертят ему папироски и так сыплют ему везде, в нос пихают, дали ему большой кисет с табаком. Ну и когда солдат накурился, черти начали мучить его. Солдат видит, что попал в худое место, хотя есь запасы табаку. Ну, солдат вынимает с кармана сантиметр, как бывший портной, в аде, и начинает мерить в аду стенки помещения. Черти, конечно, перестали его мучить и смогрят, что он хочет сделать. Заведующий адом черт спрашивает:

— Что ты хочешь делать у нас?

Солдат говорит:

— Церковь хочу устроить у вас.

Черти задумались, что если он устроит здесь церковь, то жить не будет. Стали соображать, как солдата выжить из ада. Заведующий адом посылает нарочного к Вельзевулу старшему (это Сатана), что, значит, солдат, пришедший к нам покурить, хочет, меряет стены ада, хочет построить цер-

ковь в аду. А если солдат построит в аду церковь, то нам житья совершенно не будет, и надо обдумать, как выжить солдата из ада. И нарочный этот чертенок у Сатаны сообразили сделать военный барабан и, значит, вынести его за ворота ада и открыть в аду все ворота и забить в барабан по-военному, и солдат, мол, человек военный, помнит воинскую дисциплину, выбежит на эту тревогу, и закрыть ворота. Черти быстро сделали барабан и за воротами забили тревогу. Солдат схватил свой сантиметр в руки и за ворота бежать из ада. Выбежал за ворота, все прекратилось, и ворота закрылись крепко в аду.

Ну и пошел старой, знакомой тропинкой к раю, имея при себе большой запас табаку. Выходит этот же самый старичок-бог навстречу райских ворот и спрашивает:

— Как ты оттуда сумел выбраться?

А солдат, конечно, понял, что черти его обманом вывели и рассказал. А солдат говорит, что теперь я запасся табачком, у вас не попрошу, показывая огромный кисет в голенищах и карманах везде. Тогда бог поставил его к райским воротам вроде часового и дал наряд, чтобы без его ведома не пропускать никого в рай, чтобы за его храбрость никого не пускать. И разрешение курить там за дверями. А сам бог, конечно, ушел опять в рай. Солдат остался как часовой за воротами. Вдруг идет к райским воротам смерть. Солдат ее останавливает:

— Куда лезешь? Нельзя туда!

А смерть говорит:

— Мне нужно бога видеть.

Тогда солдат говорит:

— Обожди, я схожу, сам доложу богу.

Оставил смерть за воротами, а сам пошел к богу донести. Приходит к богу, говорит, что пришла смерть, хочет видеть тебя. Бог посылает солдата обратно и дает наряд смерти, чтобы шла на землю на 3 года и морить старых стариков и старушек. Солдат пошел обратно, размечтался, что бог велел ему смерти приказать морить старых старичков и старушек, а у него как раз родители старые, что если он даст этот наряд смерти, то она уморит родителей, некому подрастить его детей. Солдат, конечно, передумал наряд бога для того, чтобы спасти своих родителей от смерти. Послал смерть на землю на три года у старых дубов корни грызть. Смерть, конечно, три года грызла коренья. По истечении срока вернулась обратно смерть. Солдат опять останавливает ее обратно у ворот рая.

— Куда лезешь?

Она говорит:

— Мне нужно видеть бога.

А солдат говорит:

— Стой здесь! Я сам схожу к богу.

Приходит к богу солдат, говорит о прибытии смерти с земли. Бог дает новый наряд смерти солдату: идти обратно на землю на три года морить детей от 9 до 12 лет, такого возраста. Солдат задумался. У него дети как раз в этих годах, жалко детей. Изменил, значит, наряд бога и приказал идти на землю сушить мелкий кустарник, грызть мелкие коренья. Смерть в неудовольствии отправилась на землю. Проводила три года, опять пришла к раю. Солдат ее не пропускает:

— Куды лезешь?

— А за период этих шести лет никто не помер, ни старый, ни молодой, потому что смерть коренья грызла. Солдат пошел к богу донести о прибытии смерти. Бог, не выдав смерти шесть лет, послал солдата обратно и ве-

дел послать саму смерть к богу. Смерть пришла, запищала женским голосом:

— За что ты на меня прогневался, что заставил меня грызть коренья шесть лет в кустах и мелком кустарнике?

Бог тогда послал смерть за солдатом:

— Почему ты изменил мои приказания?

Солдат, конечно, попросил у него прощения и рассказал ему всю правду, почему он наврал смерти по его приказанию. Ну, тогда бог и говорит:

— Раз ты начинаешь плутовать, то вот тебе сейчас приказание с смертью идти на землю. Смерть будешь носить три года на своей спине, а смерть будет морить старых стариков и детей.

Смерть села солдату на плечи, солдат ее и понес в неудовольствии. Немного отнес ее от рая, солдату все таки тяжело нести смерть (хоть она по писанию и дух, а все-таки тяжело). Солдат сел на клочок²¹ и стал закуривать, а смерть не слезает. Смерть и заинтересовалась, что делает солдат. Смерть спрашивает:

— Что ты делаешь? за плечам его.

Солдат говорит:

— Курю.

— А дай-ко мне покурить, говорит.

Солдат говорит:

— Кури, не жалко.

Та заставляет солдата свернуть ей папироску, а сама не слезает с плеч, а солдату охота ее согнать с плеч. А солдат говорит:

— Что ты, барыня что ли, что я тебе буду вертеть, иди с плеч да и верти!

Смерть слезла с плеч солдата и забирается в кисет за табаком. Раз она дух, так она вся туда влезла. А солдат, конечно, в то время задёрьгивает шнурок в кисете закладывает за голенищу. Смерть запищала, просит у солдата:

— Выпусти меня с кисета!

А солдат говорит:

— Нет, уж захотела закурить, так посидишь там.

И вернулся обратно к раю. Выходит бог.

— А ты зачем, говорит, скоро так вернулся? Где же смерть?

Солдат хлопает по голенище:

— Вот она, смерть, покурить захотела.

— Ну развяжи, говорит, кисет, выпусти смерть. Ну раз ты сумел обмануть чертей в аду и смерть завязать в кисет, то оставайся на старом посту у райских ворот. А смерть отправил на землю.

43. ЗНАМЕНИТЫЙ КОЛДУН И ОТГАДЧИК

В деревне жил крестьянин один, а крестьянствовать было лень. У него была семья, их было только двое: он и жена. Скота у них было одна корова. Он все промотал, сказать русским языком. Говорит своей жене:

— Поедем, говорит, в Питер.

Та говорит ему:

²¹ Бугорок.

— Куда ты, дурак, поедешь, когда ты здесь еле шевелишься, когда ты здесь сам себя не можешь кормить? А в Питер поедем, тем более надо работать, чтобы существовать.

Но он одно говорит, что поедем и кончено, продадим корову, деньги на корову, значит, мы сделаем и отправимся. Продали корову, поехали в Питер. Приехали, сняли, конечно, в центре города шикарную квартиру. Ну и на улицы у ворот повесили вывеску «Первый и знаменитый колдун и отгадчик в мире», а сам совершенно был неграмотный, значит. В квартире у него было две комнаты. Значит, в прихожей на дверях тоже повесил маленькую вывеску: «За вход десять рублей». Вот как раз идет по этой улице генерал, останавливается перед вывеской «Первый знаменитый колдун и отгадчик в мире», заходит во двор и разыскивает квартиру. Видит на дверях квартиры надпись: «За вход 10 рублей», открывает дверь и входит в квартиру, и спрашивает в квартире, и спрашивает у жены:

— Здесь знаменитый колдун и отгадчик?

Та говорит:

— Да, пройдите вот в эту комнату.

Проходит в комнату и спрашивает генерал:

— Вы будете колдун?

Он, конечно, сел за стол с карандашом в руке и со множеством разных разбросанных бумаг, как будто бы в канцелярии, а сам совершенно ничего не понимает. А колдун ему говорит:

— Вы спрашиваете, не видите, что на дверях написано?

Генерал говорит:

— Извиняюсь!

Достаёт ему с кармана бумажник и даёт ему 10 рублей за вход. Ну, теперь начинает генерал объяснять колдуну о своем случившемся несчастье. Так.

— Вот, говорит, колдун, у меня потерялось два хороших жеребца уже с неделю времени тому назад.

Колдун, конечно, видя перед собой генерала, хотя частично растерялся, говорит генералу:

— Могу отыскать, но работа эта стоит сто рублей.

— Ну, генерал говорит, хорошо, я согласен, только мне отыщите.

И берет маленький листик бумажки, чистый, конечно, и начинает карандашом ставить козюльки, потому что он совершенно неграмотный, ничего не понимает (для того чтобы отпихать генерала от рук). И подает генералу бумажку, говорит:

— Идите в аптеку!

Генерал, хотя человек ученый, не обратил внимания, что написано у колдуна на бумажке. Приходит в аптеку и подает продавщице. Та посмотрела и ничего не может понять, что там написано, потому что там было ни латыни, ни по-русски, ни по-немецки, ничего нельзя было понять. Говорит генералу:

— Я ничего не пойму, что у вас тут написано.

Генерал, загорячивши, топает ногами.

— Для чего же вас держат в аптеке, когда вы не можете понять рецепт?

Продавщице, конечно, отчасти было неудобно перед генералом. А генерал кричит:

— Давайте заведующего, раз вы не можете прочитать рецепта!

Приходит заведующий. Не хотел себя опозорить перед генералом, смотрит на эту самую бумажку говорит продавщице:

— Дайте ему два приема слабительного, надо от генерала отказаться как-нибудь.

Генерал, конечно, вышел из аптеки, зашел к знакомым, выпил эти два приема и отправился домой. Ну и у него, конечно, желудок расслабило. И надо было ему обязательно идти в уборную. Как раз не знает поблизости знакомого во дворе отхожего, решил нанять извозчика и везти за город. И вот только выезжает на край города, бегут к нему жеребцы. Конечно, его пронесло как следует. С извозчиком поймали жеребцов и поехали к себе на квартиру, где он жил.

На второй день утром встает генерал, обрадовался, думал, что колдун помог. А оне набегались, сами вернулись в город. Конечно, отправился к колдуну заплатить за его работу сто рублей. Ну, конечно, пришел к колдуну на квартиру, заплатил ему сто рублей денег и поблагодарил его и вернулся, конечно, к себе домой. Колдун говорит своей жене:

— Во, теперь-то мы и зажили. Сначала я струсил, а теперь жить будем хорошо, сто рублей заработал (на дурака деньги заработал!).

Ну и как раз в самом же близком времени после этой истории у государя потерялось очень много золотых вещей во дворце. И тут как раз у него был вечер танцевальный во дворце у царя. Конечно, были приглашены там генералы и все близкие знакомые дворца. В том числе был этот самый генерал. Ну, выпили, потанцовали, и как раз в беседе разговорились кой о чем. Генерал, конечно, рассказал, что потерял жеребцов и один знаменитый колдун ему отыскал их. А царь говорит:

— Можно будет за ним съездить?

И в карете отправился за колдуном. Приезжает к колдуну на квартиру от имени царя и предлагает ему вместе ехать с ним во дворец. Тот, конечно, тем более струсил, как с царем дело иметь, но все-таки решил ехать. Приезжает во дворец с генералом, приходит в царское сало, где царь ему говорит о своей потере. И предлагает, конечно, отыскать таковые вещи. Колдун, конечно, хотя уже не решаясь, но взялся за это дело. Дал царю слово, что вещи он отыщет к трем часам утра. И сказал царю, что для этого нужно три колоды карт в 52 листа и две бутылки простого вина и отдельная комната для него, которую он мог бы закрыть и ключ оставить при себе. Это, конечно, ему было все подано, отвédена комната также, в которой он заперся, и ключ оставил при себе; разбросал по столу эти три колоды карт как попало. Наливает стакан вина и пьет. А сам с собой и говорит потихоньку, что наконец-таки я попал, утром меня повесят, так что я ничего не понимаю, а взялся за такое дело. С царем шутки плохие. Время уже 12 вечера (или ночи). Думает он, что три часа осталось ему только жить. Вечер кончился. Гости, конечно, некоторые разошлись по домам, а некоторые остались во дворце ночевать. Трое придворных служащих сильно волнуются, зная свое грязное дело, что вещи похищены ими самими (совместно, одним словом) и колдун докажет их и завтра им вésелнца. И вот, когда заснули гости в первом часу ночи, один из придворных служащих тихонько подходит к комнате, в которой закрывши колдун был, прислушиваясь к ключевине дверей, что делает колдун. А колдун начинает пить вторую бутылку вина (одна уже выпита была) и говорит сам себе:

— К трем часам буду пьяный, хотя не страшно будет помирать.

Вдруг пробило первый час ночи, ударили часы. Колдун и говорит: «Один есь», считая часы душевные. А царский слуга, прислушиваясь у дверей, слыша слова колдуна или счет колдуна, что один есть, и вот рас-

терялся и бежать к своим товарищам в комнату. Пришел взволнованный и говорит:

— Ну, ребята, меня узнал.

Второй говорит:

— Теперь я пойду, узнает ли меня, к дверям.

Пришел второй, прислушиваясь также у дверей, как и первый слуга. Колдун пьет чай, т. е. вино, и ждет второго часу, когда, значит, часы пробьют. Вдруг часы опять ударили два часа. Колдун и говорит, слыша бой часов:

— Вот, говорит, два есь.

Слуга, слушающий у дверей, струсил и убежал к товарищам в комнату.

— Ну, ребята, и меня узнал.

Теперь подходит третий. Ну-ка, я пойду, узнает ли меня? прислушиваясь у ключевины. Вот уже пробило три часа.

— Ну вот и третий есь, говорит (значит ждет смерти колдун, а вот и трусит).

И допивает третий стакан вина, душевно приготавливаясь к смерти за свое незнание. А третий вернулся к товарищам.

— Ребята, дело плохое, и меня узнал, говорит. Пойдемте, пока царь не встал, говорят слуги между собою. Отдадим, что у нас есть денег, и попросим его не говорить царю, что мы виноваты.

Пришли к дверям, к комнате колдуна, стучатся тихонечко в двери. Колдун открывает двери и думает, что пришли уже за ним. Только что открыл колдун двери, они падают все к нему в ноги и подают ему все деньги, что были у них при себе, и просят чуть не со слезами колдуна:

— Не выдавай нас царю.

Колдун, конечно, сообразил, в чем дело, что вас-то я узнал, а где у вас спрятаны вещи? Оне повели его в другую комнату и показывают на полу, что вещи у нас спрятаны между двумя палатами в этой комнате, а эта половичина снимается, поднимается, значит, кверху и можно оттуда вещи. Ну и сами, конечно, отправились в свою комнату, а он тоже пошел в свою отведенную царем с вечера. Только что поспел войти в свою комнату, как встал царь и вошли в его комнату вместе с министром за ответом. И он, колдун, сказал царю с министрами:

— Идите в такую комнату и в полу поднимите такую-то половичину от стены и там увидите на грязном полу все ваши потерянные вещи, а воробь отыскать я в точности не мог.

И царь застал свои вещи, дал большое вознаграждение колдуну, поблагодарил его и отвез на его квартиру. Колдун приехал к себе на квартиру очень обрадованный, рассказал своей жене о находке золотых вещей во дворце, со двора вышел за воротами, снял свою вывеску и бросил это все колдовство, чтобы не засыпаться, и зажил превосходно с наживой.

И И Н Е Г А

СКОРЯТИНО

Савватий Михайлович Тесаловский, 12 л.

44. ПЕТУШОК ПОДАВИЛСЯ

Ходили петушок да курочка по улочке. Они пёрхались, пёрхались. Они нашли зёрнятко. Курочка говорит:

— Ты клюй, петушок!

Он и склюнул и подавился. Вот курочка и заревела, побежала к морю и говорит:

Море, ты, море,
Дай мне водицы,
Водицы-то петушку,
Петушок зёрнятком подавился.

Море и говорит:

— Побегай к липе, липа даст листу.

От она и побежала к липе. Она прибежала к липе и говорит:

Липа, ты, липа,
Дай мне листу,
Лист-от морю,
Море даст водицы,
Водица-та петушку,
Петушок подавился зёрнятком.

Она говорит:

— Сходи к девке, девка даст нитку.

Вот она побежала к девке.

Девка, ты, девка,
Дай мне-ка нитку,
Нитка-та липе,
Липа даст листу,
Лист-от морю,
Море даст водицы,
Водица-та петушку,
Петушок подавился зёрнятком.

Вот она говорит:

— Побегай к корове, корова даст масла.

Вот она прибежала:

Корова, ты, корова,
 Дай мне масла,
 Масло-то девке,
 Девка даст нитку,
 Нитка-та липе,
 Липа даст листу,
 Лист-от морю,
 Море даст водицы,
 Водица-та петушку,
 Петушок подавился зёрнятком.

Корова-та послала:

— Пой к косцам, косцы дадут сена.

Она прибежала:

Косцы, вы, косцы,
 Дайте мне сена,
 Сено-то корове,
 Корова даст масла,
 Масло-то девке,
 Девка даст нитку,
 Нитка-та липе,
 Липа даст листу,
 Лист-от морю,
 Море даст водицы,
 Водица-та петушку,
 Петушок зёрнятком подавился.

Он и послал, гыт:

— Поди к печее, печея даст калачей.

Печея, ты, печея,
 Дай мне калачей,
 Калачи-те косцам,
 Косцы дадут сена,
 Сено-то корове,
 Корова даст масла,
 Масло-то девке,
 Девка даст нитку,
 Нитка-та липе,
 Липа даст листу,
 Лист-от морю,
 Море даст водицы,
 Водица-та петушку,
 Петушок зёрнятком задавился.

Она и послала к дровосекам. Прибежала к дровосекам.

Дровосеки, вы, дровосеки,
 Дайте вы мне-ка дров,
 Дрова-ти печее,
 Печея даст калачей,
 Калачи-те косцам,

Косцы дадут сена,
 Сено-то корове,
 Корова даст масла,
 Масло-то девке,
 Девка даст нитку,
 Нитка-та липе,
 Липа даст листу,
 Лист-от морю,
 Море даст водицы,
 Водица-та петушку,
 Петушок подавился зёрнятком.

Она прибежала. Дровосеки говоря:
 — Побегай к кузнецам, кузнецы скупают топор.
 Вот она прибежала:

Кузнецы вы, кузнецы,
 Куйте мне топор,
 Топор-то дровосекам,
 Дровосеки дадут дров,
 Дрова-ти печее,
 Печее даст калачей,
 Калачи-те косцам,
 Косцы дадут сена,
 Сено-то корове,
 Корова даст масла,
 Масло-то девке,
 Девка даст нитку,
 Нитка-та липе,
 Липа даст листу,
 Лист-от морю,
 Море даст водицы,
 Водица-та петушку,
 Петушок подавился зёрнятком.

Оне говорят:
 — Побегай к углецам, углецы дадут углей.
 Она прибежала, им пала в ноги и заревела:

Углецы вы, углецы,
 Дайте мне углей!

От они и дали ей углей. Она унесла кузнецам, кузнецы сковали ей топор, топор она унесла дровосекам, дровосеки дали дров, дрова-те печее, печее дала калачей, калачи-те косцам, косцы дали сена, сено-то унесла корове, корова дала масло, масло-то девке, девка дала нитку, нитка-та липе, липа дала листу, лист-от морю, море дало водицы-то. Она пришла-то, спрыснула петушка-то — скозил, другой раз спрыснула — он скукурекал.

Кукуреку,
 На заваленке сижу,
 Лапки плету!

45. ГЛИНУШКА

Жил-был старик да старуха. У них никого не было. Вот старуха и говорит старику:

— Старик, сходи-ка в поле, покопай-ка глинки.

Вот он взял ведро да покопал. Принес да говорит:

— Старуха, хороша глина-то!

Вот они и сели, месили, целу неделю месили, стали ладить. Изладили глинушку-то, посадили в шесток. Посидел там неделю. Вот он и загаркал:

— Тятинька, мамынька, выпустите! Тятинька, мамынька, выпустите!

Вот они его и выпустили и посадили в голбец. Вот он опять недельку посидел и говорит:

— Тятинька-мамынька, выпустите! Тятинька, мамынька, выпустите!

Вот они его и выпустили. Он и стал:

— Тятинька, купи мне лодочку да красно весельшко!

Вот он купил. Он съездил в Устюг, купил лодочку и красенько весельшко и гармонью. Он и стал ездить. Сядет, выедет. Все ездил, все ездил. В гармонью играет, песенки попевает.

Вот по деревне Ягишна шла и увидела его. Вот она пришла домой, говорит своим сестрам:

— А я какого глинушка видела!

Вот оне назавторее напекли всего, колобов, шанег, пирогов, яиц, всего, всего. Вот одна и пошла, котора видела. Пришла на берег:

Глинушок, глинушок,
Ко бѣрежку, ко бѣрежку,
Ко масленным блинам,
Ко волóжным¹ пирогам!

Вот он и подъехал к берегу и говорит:

Спи, глаз, спи другой,
Спи, Ягишна вся!

Вот она уснула. Вот он все склал в лодку, заголомял ей, по ж... тпнул да и уехал. Она выстала и заревела.

— Ах ты раззорительник, раззорил ты меня!

Вот назавторее опять всего напекли, всего. Вот старшую послали дочь. Она и пришла:

Глинушок, глинушок,
Ко бѣрежку, ко бѣрежку,
Ко масленным блинам,
Ко волóжным пирогам!

Вот он подъехал к берегу:

— Спи, глаз, спи другой!

А «вся» то и не сказал. Она его и схватила.

Вот оне натопили жарче печь, его и стали пихать. Он одну ногу в потолок, а другую в наволо́к.² Вот он и говорит:

¹ Помазанным творогом и маслом.

² Вышку.

— Я не умею.

Она говорит:

— Дай-ка, я-ко!

Он ее в печь-ту и посадил, как пирог. Вот другая-то говорит:

— Ах ты, ах ты раззоритель, что ты, чего ты сделал! Они его посадили на лопату. Он опять одну ногу в потолок, а другую в наволо́к. Она говорит:

— Давай-ка я.

Как она села, он опять в печь как пирог. Третья говорит:

— Что ты наделал?

Он опять сел на лопату, одну ногу в потолок, а другую в наволо́к. Она говорит:

— Давай-ка я.

Она села, он опять как пирог ее в печь.

Вот он побежал, сел в лодку, все у них забрал да домой уехался к матери-то, к отцу. Вот они и теперь живут да хлеб жуют.

ГУСЕВО

Авдотья Михайловна Маркова, 40 л.

46. ВОЛК И ЛИСА

Ездил старицок в город. Посулил ей³ за́воротник. Съездил в Устюг, купил там бодку сельди. Едет. Лиса лежит на дороге вроде как мёртва. Он взял ее, поднял эту лису, в сани положил, прикрыл. Она потом распяталась боцоночек и выбрасывает по селедоцке. Выбросила и сама выскоцyla.

Ну потом приезжает домой.

— О, старуха, я какой тебе за́воротник купил, да сельдей купил.

Утром встает старуха, для него пекет да варит блины. Потом рассветало. Старик пошел к возу. Пришел — ни лисы, ни сельдей.

Лиса собрала сельдонки да снесла на хватуеру к волку.

— Ах ты лиса, где ты ловила?

— Поди посиди ночь хоть одну, дак и ты наловишь.

Волцянёк отправился рыбку ловить. Лиса дома осталася. Опустил свой хвост в пролуб.

— На наулоцке ёсьни-ёсьни,

А рыбка на хвост везьни.

Волцянёк свой хвост приморозил, говорит:

— Давно же у меня рыбки на хвосте!

Стало светать. Он стал свой хвосток дергать.

Подергал, подергал, выдергать не может. На деревне увидали:

— Волк, волк!

Сбежались, стали бить. Он хвост отдернул, оторвал, побежал домой, а лиса идет ему навстречю. С вецера растворила квашоноцку, погрузила голову в квашню. А он навстречю.

— О лиса, как живешь?

— О, говорит, меня били, дак у меня мозга-те выехали.

³ Старухе.

Он говорит:

— Вот у меня хвост оторвали из зарубки.

Он и говорит:

— Садись на меня да поедем. Она села да попевает:

— Бит небитого везет.

Он говорит:

— Что поешь?

Она говорит:

— Битой битого везет. Больше ничего. Везет.

ТАСЬЕВСКАЯ

Александр Васильевич Рудаков, 22 г.

47. СОКРОВИЩНИЦА

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в этом, в котором мы живем, жил царь. У него была одна дочь. У его, значит, было очень много имения, богатства. Не знал, куда его клась. Вот порядил мастеров сделать дом-сокровищницу. И были два старших мастера. И вот оне сообща устроили тайный ход. У одного было два сына, одного звали, старшого — Иван, младшего — Григорий. И вот один мастер помер, а другой остался. Они устроили, конечно, сокровищницу, и царь все сокровища туда сносил. Поставил часовых стерегсти.

И вот, когда захворал, второй мастер подозвал своих сыновей.

— Я, говорит, слышал, что скоро умру, и вот вам я, говорит, дам клад, и токо вы должны дать мне клятву, что на само крайне дело вы решитесь туда идти. Вот, говорит, есь у царя сокровищница, в нее есь тайный ход. На этой стороне в стене нарисована женщина, в левом плече есь потайная кнопка. Ежели вы ее нажмитё, то откроется камень. Ежели туда взойдитё, то там на правой стороне статуя царя, облокотитесь на лево коленко — закроется камень. И когда надо выдти, то тоже само надо проделать.

И вот, конечно, оне не успели дать ему клятву, и он помер. Вот, значит, младший сын был очень быстрый, шаловливый, и говорит старшему:

— Пойдем, узнаем, правду ли отец сказал.

Тот говорит:

— Нет, я не пойду. Отец нам говорил, что на самое крайнее дело.

— А я, говорит, один сбегаю.

— Ступай, говорит.

И вот, когда назавтра повезли отца хоронить, младший и говорит старшему:

— Я, говорит, был там, и сколько, говорит, всего там, это я нигде не видал, всякие золотые вещи, серебряные, чего-чего тебе надо.

И соблазнил старшего. Пошли они вместе в сокровищницу и набрали, конечно, они сразу понемногу кое-чего. Но в городе они, конечно, продавали за бесценок, сколько дадут.

В скором времени они все это прогуляли и пошли обратно опять в сокровищницу. И так они долго очень ходили. Царь все не узнал. Но потом царь узнал, что к нему ходят воры.

Пропало на столе драгоценно ожерелье, которо у него было замечено. И вот он собрал совет и стал на совете совещаться, как, значит, вора поймать. Вот один, конечно, высказался:

— Надо, говорит, двери печатать печатью, поставить стражников. Тогда чуть маленько, они поймают вора.

Но скоко стражники ни стояли, вора не поймали. А братья все ходили в сокровищницу. Потом царь созвал второй совет, как поймать воров. Вот один присоветовал всю комнату посыпать песком, тогда вора узнаем, с которой стороны ходят.

Когда братья все прожили, опять пришли в сокровищницу, узнали, что пол весь усыпан песком, то чисто весь избороздили из следа в след. Тогда царь не мог узнать. И вот, когда опять вещи стали теряться, царь созвал опять третий совет. Один сказал, что, значит, надо везде привинтить клепа,⁴ тогда воров поймаем. Так и сделали. И вот, когда братья прогуляли все, пошли опять в сокровищницу. Младший брат был очень востёр, безо всякого фонаря прямо побежал к столам, чтобы чего-нибудь поймать. И попал в клепа и закричал:

— Стой, брат, здесь неладно, я попал в клепа, зажги фонарь.

Увидали везде клепа.

— И, что, говорит, нам теперь делать?

Старший брат стал младшего выручать из клепа, но ничего не могли сделать, сколько ни бились. Тогда младший брат и говорит старшему:

— Нам, говорит, один выход брат, чтобы нас не узнали, кто мы такие есь и чьи вору: возьми меч со стенки и отсеки мне голову.

Старший брат долго не соглашался, но потом согласился, значит, брату голову отсечь, голову завертеть в плащ, унести домой и его нагого оставить.

Старший брат приходит домой. Спрашивает мать:

— Где, говорит, мой младший сын?

— А я, говорит, почем знаю, где он шляется. Мне за им не гоняться.

Матери стало неловко, сердце чувствовало беду. Она говорит:

— Ты должен знать, где он находится. Ежели ты не знаешь, тогда иди, поклянись перед потретом отца, что не знаешь.

Но он заплакал и рассказал матери всё, что было. Тогда мать и говорит:

— Пойду к царю и всё расскажу. Пускай и тебя в тюрьму посадят.

Но он говорит:

— Обожди, мама, дай день.

Конешно, когда царь ночевал ночь, тогда пошел в сокровищницу с солдатами, попали вору или нет узнать. Когда открыл дверь, узнал, что в клепа что-то есь.

— А, го'рит, все-таки попал.

Но когда подскочил к клепа, увидел такую беду, то упал без памяти. И вот царя вынесли, привели в чувство. Он собрал совет и что, значит, дальше делать? На совете присоветовали, что это тело приколотить на стенку, поставить двух стражников и караулить, кто, значит, подойдет, станет плакать, и каждого водить к царю на допросы, не знает ли, кто он такой будет. Но скоко ни водили, не приходили, всё не знают, кто будет. И вот уже стало сомеркаться. Тогда старший брат покупает бочонок вина, покупает тележку, ослика и едет по городу.

Когда поровнялся со стражниками, тогда из бочонка выдернул гвоздь и закричал:

— Что я буду делать, все мое вино выйдет!

⁴ Капканы для зайцев и лисиц.

Тогда стражники подбегают к нему, начинают пить припадком вино. Когда напились довольно, сняли свои шлемы и начинили вина, отправились на пос. А он уехал за переулком, остановился тут, стал смотреть, что будет дальше.

Они пришли на пос, один одному и говорит:

— Я, го'рит, допью, лягу поспать, а ты, говорит, постереги. Потом меня збудишь, так я постерегу, а ты поспишь.

Так и сделали. Когда один уснул, тогда другой и говорит:

— Давай, я допью и посплю. Кому нужно мертвое тело, кто понесет?

И вот, когда он увидал, что они уснули, завернул своего ослика обратно, снял мертвое тело со стенки, положил в тележку. У него как раз была с собой бритва, и взял, значит, обрил им голову и уехал домой. Утром рано шел какой-то человек и говорит:

— Ставайте, вы ведь прбспали; тело унесли.

И вот, когда они проснулись и смотреть друг на дружку и говорят:

— Что, говорит, в палачи собрался?

— А ты, говорит, тоже в палачи?

И вот их обоих забрали отправили к царю. Царь рассердился, обоих посадил в тюрьму.

А царю все-таки охота узнать, кто такой вор очень хитрый и умный. Тогда разослал повсюду бумаги: пускай каждый приходит к ему в комнату и рассказывает евоной дочери свою жись. Кого ей надо жениха, она подаст руку, и тот будет ейним мужем.

А за другую дверь поставил стражников. Значит, она узнает этого вора, скрикнет, стражники выскочат и схватят его.

И вот, значит, с девяти часов утра стали ходить народ, стали свою жись рассказывать. Царевна говорит:

— Всё не тот, кого мне надо.

[В] одиннадцать часов вечера открывается дверь, и входит в плаще человек. Из-под плаща видать только одне черные красивые глаза. Вот подходит к царевне и говорит:

— Первое дело, ходили мы с братом в сокровищницу. Второе дело — убил я брата. Третье дело — увез тело.

Она говорит:

— Давай руку, ты мне муж.

А он говорит:

Четверто дело — тебя обману.

И подал ей руку. Она схватила руку, крикнула и упала без чувств. А он выскочил на улицу и убежал. Когда выскочила стража, то тока нашли одну бесчувственную царевну и возле нее валяется отрубленная рука.

И вот привели царевну в чувство, и узнали от нее, кто был тот, кого им было надо. Но поймать не могли.

И вот тогда собрали совет и заявил царю, чтобы он больше не обманывал. И послал бумагу такую:

— Кто был в одиннадцать часов вечера, чтобы приходил к нему и брал царевну замуж и будет ему полцарства, когда царь умрёт, тогда ему все царство.

Вот вывесили афишки. Ен прочитал эту афишку и пришел к царю.

Тогда царь выдал за него дочь замуж и устроили пир на весь мир. Я на том пиру был, пиво мед пил, по усам текло, в рот не попало.

И вот, когда царь помер, и он остался царем, выпустил стражников на волю, отослал от себя подальше, чтобы чего над ним не сделали.

Сказка вся.

ЛЕУНОВО

Георгий Медведев, 12 л.

48. ЗАКЛЯТЫЕ БАШМАЧКИ

Жила-была старуха, и у нее была дочка. Старуха пошла жить, как тогда еще были баре и барыни, нянчилась.

Вынянчила много денег. Купила дочке туфли с золотыми бантиками на носках и сказала дочке:

— Если я умру, так ты пойдешь на могилу, не одевай этих башмачков.

Старушка скоро померла, и дочь пошла и не послушалась, в них на могилу. И увидела на дороге старичка с длинной бородой и красной шапочкой. Старичок говорит:

— Подойди ко мне, я посмотрю на башмачки!

Она подошла, он посмотрел на башмачки и сказал:

— Плясали бы и скакали бы ножечки по этой по дорожечки.

У этой девочки ноги сами стали танцовать и побежали по колючкам, по крапиве и по дороге, по хвоям.

Потом ей надоело танцовать, захотела она поесть. Ноги всё танцовали. Она подошла к церкви и сказала:

— Оставь, боже, меня от этой пляски, я хочу есть и устала.

Тогда из церкви кто-то ей ответил:

— Иди к палачу, он тебе отрубит ноги, тогда только ты не будешь танцовать.

Она побежала к палачу, стала стучаться у ворот. Палач вышел и ответил:

— Кто так поздно в час стучится? Мой топор уже шевелится.

— Отруби, говорит, мне ноги.

Он отрубил ей по ходилам⁵ ноги и сделал ей костыли.

Дошла до церкви, тут и умерла.

СУРА

Осип Иванович Малкин, 29 л.

49. ОТСУЛЕННЫЙ СЫН

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, в одном селе или деревне жил старик со своей старухой. Детей не было. Они мечтали, как бы у их были дети. Ну вот, как видно, у них дети то зачались, они не знали. Жена говорит мужу:

— Сходил бы на охоту, мне что-то дичи охота. Я, говорит, наверно забеременела и дичи охота.

У них как за дичью ходят, уходят на полгода и больше в отдаленье от деревни. Вот он ходит по лесу, жар, зной, с ружьем, как охотник, да и захотел пить. Вот к одному озеру он пришел, так прямо и пьет как лошада. У него была борода большая, как пожилой. Вот его черт и схватил за бороду, говорит:

— Пей да не пропивай!

⁵ Ходила — части ноги по пах.

Вот и держит его всё. Он и говорит:

— Отпусти меня, кто там держит. Время не рано, надо идти к избы чай пить и ужинать.

А черт ему в ответ и говорит:

— Отсули, говорит, мне, что дома не знаешь.

А мужик подумал: «Что я дома не знаю? Да я все дома знаю до тыпинки».⁶ Говорит:

— Приходи, я тебе отдам, что найдешь у меня, чего я не знаю. Только сказывай.

Ладно. Черт его и отпустил. И идет себе к избушке спокойно опять. Приходит к избушке, чаю напился, наелся и спать лег. Но ему не спится. «Надо домой идти, что я не знаю дома? Надо проверить». Уснуть не мог, собрался, забрал дичи и пошел к жены, ко своей старухе, значит.

Вот ночью-то идет, приходит домой, стучится там в дверь.

Жена услышала.

— Кто там? говорит.

Он говорит:

— Я, хозяин. Отвори, говорит.

Она и отворила ему. Заходит хозяин. Она и ставит ему на стол.

— Может есь, говорит, хочешь?

— Нет, говорит, я есь не хочу пока. А что, говорит, нового-то у нас? говорит.

— У нас, говорит, милый, сын родился.

Хозяин замолчал, ничего не говоря.

— Ну, говорит, давай, стели постель да спать лягу, устал так.

Лег спать и уснул. На утро встает, все невеселый. Жена и спрашивает:

— Почему ты, Иван, невеселый?

А он говорит:

— Да так просто (Не сказывает).

Вот живут год-два. Он все сохнет и сохнет, что пообещал. Уже мальчику пять лет становится. За посулёным никто не приходит.

В одну прекрасну ночь Ивану не спится. Всё ему что-то в глазах видится, слышится, что кто-то ходит около двора. Потом слышит — в дверь стучит.

— Жена, говорит, жена, иди, говорит, спроси, кто там.

Жена и пошла спрашивать.

— Кто там, говорит, крещеный?

— А, говорит, крещеный, некрещеный, а Иван дома?

Она говорит:

— Дома.

Говорит:

— Если дома, что обещал, так пусть мне несёт.

Хорошо... Жена и пошла в избу после этого и говорит хозяину:

— Что ты там отсулил кому?

Он говорит:

— Что дома не знал, то и отсулил. Иди, го'рит, спроси, куда, говорит, нести. Делать нечего.

Что жена, как в подчинении мужа, так опять пошла.

— Вы здесь? говорит.

— Да здесь, говорит.

— Хозяин говорит, куда отсулёное нести или вести?

⁶ Мусоринка.

— Пусь, говорит, приведет, там есь озеро, около озера оставит.

Жена входит в избу, давай мужа ругать.

— Один-то сын, горит, родился, и того ты отсулил, не зная кому.

Не спится. Хозяин бормочет кое-что. Наконец говорит:

— Вставай, топи печку и пеки подорожники.

Хозяйка встала, печку затопила, подорожников напекла, там шанёг; пообедавши, хозяин с сыном пошли в лес.

Пришли к озеру, ходили, ходили, никого не нашли.

— Ну, говорит, сын, пока здесь оставайся, а я пойду домой. Может быть, кто тебя здесь приберет, а то я завтра приду. Иди, говорит, кругом озера-то.

Хозяин пошел домой, а мальчик пошел вокруг озера. Идет, видит — избушка около лесу маленькая. Заходит в эту избушку, там сидит старая старушка.

— Куда, говорит, добрый молодец, прависся?

— А вот, горит, меня отец отсулил черту или кому, сюда привел, никто не берет.

— Иди, говорит, туда, будет черёмковый сад, сядь, говорит, в кусты и смотри, говорит. Прилетят 12 лебедей купаться. Одиннадцать вместе, а двенадцатый позади. Они, говорит, сядут — образуются девицы прекрасные. И заприметь, говорит, двенадцатой одежду. Когда разденутся, будут купаться в озере, эту одежду возьми двенадцатого лебедя и спрячь ее в кусты опять же.

Хорошо. Так мальчик и сделал. Сидит в кустах, час сидит, другой сидит, настает уже полдень. Вдруг шум слышит. Лётит лебедь, лётит. Сели на берег, образовались девицы. Разделись и в воду купаться. Потом летит двенадцатая. Разделась и одежду в ряд с има положила и тоже в воду.

Мальчик тихонько поднялся, одежду двенадцатого лебедя взял и спрятался в кусты. Купались, купались лебеди, всяко кувыркались в воде. Потом вышли, начали одеваться. Одиннадцать-то оделись и улетели, а двенадцатый остался и говорит:

— Кто взял мою одежду, сказывай. Если пожила женщина, так буду звать мамашей, если пожилой мужчина, буду звать папашей, а если молодой молодец, тот будет мой жених.

— Я, говорит, мальчик-то, я.

— Ну, выходи, говорит, кто ты такой?

Выходит молодой мальчик.

— Ты, говорит, будешь мой жених. А куда прависся? спрашивают.

— Отец, говорит, меня отсулил черту, я иду к черту.

— Ну, говорит, тогда идем со мной.

Идут дорогой и рассказывает эта девица:

— Черт, говорит, это мой отец. Много, говорит, к ему таких молодецк приходило, но ни один жив не остался. Отец, говорит, будет тебе задавать службы, но ты, говорит, не печалься, иди, спи, все будет сделано.

Ладно. Приходит к отцу. Его принимает, отводит в отдельную комнату.

— Ужинай, говорит, ложись, спи, а завтра выходи на работу.

Этот мальчик ложится, спит, утре встает и выходит. Вот черт и говорит ему:

— Тебе вот, говорит, сто лошадей тут. Вот лесное место — пять десятин, за ночь этот лес собери, говорит, раскопай, на лошадях перепаша, вот здесь хлеб, рассей, к утру чтобы готово было.

И сам уходит после этоо. Пошел мальчик, призадумался. А его встречает эта девица, будуща невеста-то.

— Что, говорит, так призадумался?

— А вот, говорит, твой отец задал службу: в ночь это место расчистить, лес собрать и рожь посеять.

— Это не беда, говорит, лишь бы больше не была. Молись, го'рит, Спасу, да ложись спать, а на угро вставай и хозяину сдавай.

Значит, готово будет. Мальчик ушел спать, а она открыла окно:

— Эй, вы, говорит, черти, бесята, все на работу, убрать этот лес, раскопать, вспахать и зерно раскидать, заборонить.

Мальчик спит еще. А всё уже сделано, раскидано и заборонено. Будущая жена его стучит в окно.

— Вставай, говорит, иди, говорит, скоро хозяин придет смотреть.

Мальчик стает, умывается, идет на поле. Глядит — лесу нет, гладко, чисто все собрано. Обходит кругом полосу и видит — идет черт.

— Ну что, готово? спрашивает черт.

— Ну да, готово, говорит, весь изустал.

— Молодец, говорит. Иди, говорит, обедай. А потом приходи, го'рит, ко мне.

Пообедал и пошел опять к черту.

— Перву, говорит, службу сослужил, так сослужи втору. Вот, говорит, завтра выставлю 12 дочерей. И люблюю, говорит, бери замуж.

Идет и призадумался, как бы не ошибтись, котора мне помогала, ту бы взять-то.

Идет и затуманился. А невеста тут и была навстречу.

— Ну, что, говорит, тебе сказал?

— А, говорит, завтра выставлю 12 дочерей и люблюю выбирай.

— Тебе, говорит, меня не узнать. Мы все будем, как одна и в одних платьях. Ходи, говорит, больше кругом и смотри, говорит, на левые руки. У меня, говорит, чуть-чуть будет видно платка из-за рукава.

Идет и спит. На утро опять встает, идет к означенному месту. Вот ведет черт 12 дочерей. Все как одна, в голубых платьях, в белых передниках. Выставил всех в ряд.

— Ну, говорит, выбирай люблюю.

Он идет кругом и смотрит, не видно ли где платочка чуть-чуть.

Раз обошел, не видал, второй идет и заметил вторую с левого краю. Но не уверился, пошел еще третий раз. А черт и говорит:

— Чего тут выбирать-то, все как одна.

Приходит и берет за руку.

— Эта, говорит, мне жена.

— Хорошо, говорит, завтра еще выставлю раз. Если вторично возьмешь эту, тогда тебе отдам.

Он еще пуще запечалился. Идет домой и ложится спать. Лежит и думает:

— Как бы, говорит, мне узнать опять?

Вот она и приходит к яму.

— Теперь, говорит, мне уж платка взять нельзя, а говорит, — у меня будет в косы булавка и одна головочка маленька.

Успокоился и уснул. На утро опять встает и идет к означенному месту. Черт опять идет и 12 штук дочерей ведет. Выстроил.

— Ну, выбирай, говорит.

Обошел кругом раз и другой. И заметил с правого флангу — вторая. Обходит третий раз и берет за правую руку:

— Это, говорит, моя.

— Узнал, говорит. Еще, говорит, не последний раз. Вот сослужи, говорит, еще службу, тогда будем свадьбу играть. Вот, говорит, тебе здесь земля, под землей, говорит, внизу, глина. Достань эту глину и, говорит, наделай кирпичича, обожги, дом сложи, говорит, и отделай к свадьбы, чтобы в новой избы свадьбу играть.

Идет, призадумался и встречает невесту опять же.

— Что, говорит, призадумался?

— А, говорит, к свадьбе велел дом построить.

— Не печалься, иди, говорит, спи. Завтра к вечеру готово буде.

Спит, а невеста опять кричит своим слугам:

— Эй, говорит, черти, бесята, все на работу. Вот, говорит, здесь достаньте глины, кирпичича и дом сложите.

Работа кипит просто ночью. Кто кирпич делает, кто обжигает, а кто и в стену ложит. А жених уснул и спит, и спит, не просыпается. Невеста приходит и будит:

— Эй, говорит, ставай, скоро черт придет. Иди, говорит, ставь лестницу да навешивай окно последнее.

Жених забрался на лестницу, там навешивает окно.

А черт ждет в это время.

— Ну как, готово? говорит.

— Сейчас готово. Последне окно навешиваю.

— Идем, говорит, показывай, что в комнатах.

Идут по комнатам.

— Вот это хорошо, говорит, кухня. Здесь, говорит, столовая, а дальше спальня.

— Молодец! говорит, хорошо сделал. Назавтра, говорит, приходи, бери невесту последний раз и веди на пир, будем играть пир.

Пошел опять в отведенную комнату и призадумался.

— А как же завтра мне узнать-то? говорит.

А в это время она приходит к ему.

— Теперь, говорит, мне уж никакую заметку не положить. А смотри, говорит, в оба, когда будешь обходить. В это время, говорить, к моему носу маленькая мушка подлетит. К чьему носу подлетит, то она.

Успокоился и уснул. На утро встает и идет к означенному месту и ожидает, скоро ли приведет невест. Видит — идут. Становятся в строй.

— Выбирай, говорит, котора твоя.

Ходит раз, два, три кругом. А черт говорит:

— Что долго копаешься?

Вдруг увидал — муха. Подскочил и за руку схватил.

— Вот эта, говорит.

— Бери, говорит, и иди в свой дом.

Идут пара и заходят в дом. Там столы накрыты, прислуги множество, за стол посадили их как гостей. И других родню всю свою чертей за стол. И был пир на весь мир, пиво пили, по усам бежало, а в рот не попало. И я тут был.

Пир отходит, молодые остаются в новом доме, а все остальные уходят. Жена и говорит ему:

— Не спи сегодня. А то нам плохо будет. Вот, говорит, ночью пойдем к черту за лошадью и отсюда поедем. Немного погодя иди, возьми лошадь в поле самую плохую, это, говорит, самая лучшая.

Идет в поле, обходит лошадей. Лошади всё хорошие, тельные, большие, только одна из них худая и хромая. Он посмотрел, посмотрел на эту лошадь.

— Да что же, говорит, я эту возьму плохую, куда мы уедем? Возьму я хорошего коня.

Взял и поехал к дому. Приезжает, а она уж собралась.

— Зачем, говорит, взял хорошего коня? У черта, говорит, на виду, что хорошее, то есть плохое, а что плохое, то хорошее. Но делать нечего, надо спешить.

Дверь закрыли на замок. (Немножко неланно сказал. Они плюнули слюнку на стол и сказали, чтобы она отвечала черту. Вот это вперед поставьте).

И уехали. Едут, едут. Она и говорит:

— Соскочи, послушай, не погоня ли?

— Да, говорит, слышно топот.

Сама соскочила с лошади.

— Перекувыривайся просто через голову!

Образовалась из хозяина избушка. Лошадь тоже превратили в болото непроходимо. А жена сделалась старой старушкой и сидит в этой избушке.

Вот подъезжает к болоту погоня. И дороги нет.

— А ну, вон избушка, говорит, бежи там!

Заходит и спрашивает:

— Не видали ли здесь проезжих?

— Нет, говорит, не видала. Здесь птиц-то не летает, а не то, что людям ездить.

Послы черта походили, походили и обратно уехали. А в это время они обернулись в бывших людей и поехали по направлению. Послы являются к черту.

— Никого не видали, говорят. Только видели, говорят, избушку и болото. А в избы старуха.

— Сукины дети, говорит, это они. Надо было вам, говорит, мечом ударить. Идите, говорит, опять и что заметите, рубите мечом.

А в это время муж с женой едут далеко уже, и прислушиваясь к погоне опять.

Вдруг слышался топот. Соскочили с лошади. Жена, как волшебница, превратила опять лошадь в темную ночь, а сами в небесные светила. Разъехалась погоня. Поездила, поездила по лесам. Сбилась с дороги от темени и едва выбралась обратно. Черт поругал, поругал, а на третий раз сам поехал в погоню.

А молодые едут уже близко к дому, но предчувствуя погоню, прислушиваясь. Заслышали топот. Уже вблизи видно.

— Едет, говорит, сам черт.

— Куда нам? говорит, теперь погибнем! Едет сам черт.

Позади бросила она пуговицу. Образовалась река, и бросила кнут, с которым ехали, образовался мост. Они с моста съезжают, эти передние, а черт — на мост. Только что заехал на мост, мост провалился, черт завяз, какая-то вязкая жидкость в реке.

И проклял свою дочь, на три года на небо звездой. С того часу они расстались с мужем. Она на небо звездой, а он пошел домой.

А черт уже вернулся обратно.

Приходит домой сын, родители его не узнают. Старые престарые. Выпросился переночевать и говорит, что:

— Я ваш сын.

— Нет, говорят, у нас сына. Один был, и того черт взял.

— Это, говорит, я вернулся от черта.

Старики обрадели.

— Наконец-то явилась замена нам!

Стал поживать во своем старом доме, заниматься крестьянством. Родители ему советуют жениться, но он не соглашался.

— Я, говорит, здесь не жил, невест никого не знаю и меня не знают.

Всё так год от году и тянул, не женился. К концу третьего года его силой хотят женить. Уже пир был с новой невестой. По старинному обычаю надо ехать в церковь.

В это время бывшая жена, сидевшая на небе три года звездой, по истечении срока упала и как раз к венцу успела к своему мужу.

И венец был не с новой невестой, а с чертовой дочерей. Стали жить, поживать и деньги наживать. Дети пошли, племя от племя, да и мы, наверно, от того племя. Конец.

50. БЫЛЬ

Бывало, жил у меня отец богатый богатыня (а просто — не было ничего). Занимался крестьянством, сеял пшеницу и от избытков возил в город-столицу. В одно прекрасно лето близь деревни посеяли пшеницы порядочно. Ходили, смотрели, пшеница идет хорошая. Но кто-то повадился топтать и щипать. Отец послал меня стеречь ночью. Забираю ломоть хлеба и сажусь под куст. Краюху оплетаю, а в небе звездочки считаю. На утренней заре услышал шум. И вижу — летят журавли, и прямо в пшеницу. И топчут, и клюют, и бегают. А мне этого и надо, узнать пакастунов. Иду к отцу и говорю:

— Узнал теперь я, кто портит пшеницу. Но как их отвадить?

Думали да думали, наконец додумались.

— Отец, я говорю, сделаем корыто, поставим в пшеницу, нальем вина, птицы наедятся и пить захотят. Когда напьются, тогда мы их изловим.

Так и сделали. Сделали корыто, купили вина и поставили в поле в корытах. А на ночь пошел я стеречь, подпоясался кушаком по-старинному обычаю и сижу. На утро слышу — летят опять и топчут, и клюют, пшеницу едят. А потом и к корытам идут, пьют. Напились и пошли, закачались. Я вскочил и побежал. Они хлопаться — лететь, но не могли улететь; два поймал я, того за шею и другого за шею. И иду домой с добычей. Ну что-то мне стало тяжело тащить их за шею. И взял за кушак и заткнул головами-то.

В кое время шел я до дому, журавли протрезвились, захлопали крыльями и поднялись. А я между ними. И мимо деревни. И кричу:

— Вот я и на ероплане!

Сказал и деревню потерял. Унесли в лес. Вижу — заниживают на болото на отдых. И прямо как раз сухого дерева летят. А дерево с росохом на двое. Я руки устави́л и думал — поймаюсь за эти вершинки. Уцепился за вершинки, кушак сорвался, журавли улетели, а я стал оборачиваться в ту сторону, с которой улетел, посмотреть, не видно ли деревни. Деревни не видать. Топтался на этом бревне. Оно было с дуплом. И в это дупло упал на дно.

— Ну теперь, думаю, пропал!

Сижу день и думаю:

— Кабы кто приехал да это дерево срубил!

Вдруг слышу шорох.

— Эх, говорит, старуха, вот сушина-то стоит. Срубим, говорит, ее, дак на неделю дров.

А я и думаю — хотя бы мою.

Вдруг приходит с топором и стучит по бревну. Начинает рубить. А я подбираю ноги, чтоб не по ногам, кверху. Вижу, внизу просвет уже прорубили. С другой стороны рубят. Старуха говорит:

— Убери лошадей, одну в домашнюю, одну в лес, чтоб не завалить.

Через несколько минут бревно упало. Я в то время в лежащем дупле пополз кверху, который да и упал, голову показал.

— Что вы делаете? говорю.

Старик расстроился.

— Садись, говорит, старуха на сани.

Сели и уехали. Посмотрел, мне лошадь осталась и теплая шуба на санях. Одед шубу, завернул лошадь в ту сторону, куда старик уехал, и я поехал за им. И заснул в шубы-то. Лошадь-то остановилась.

А в это время хищные звери лошадь взяли да и у меня и поели. Проснулся, гляжу — в оглоблях стоит волк в хомуте, выедает еще шею лошади. Я хватъ его кнутом. Он скочил да и в хомут головой. И помчался — дак, просто чудо. Я тока лежусь, поддерживаю, чтобы не остаться в лесу.

Выбежал в деревню, рсхватывает это в тот дом да в другой. И завёртки оторвались, и я остался в деревне, а волк убежал с хомутом и с оглоблей.

Мужичков спрашивал, кака деревня да где Сурьска волось, куда мне ийти домой-от.

— А где, говорят, был?

— Ну, я говорю, на наживу ходил.

— Может деньги, говоря, есь, так отвезем.

— Нет, я говорю, денег нету, все пропил. А вот извощик шубу оставил, так ту продам.

Шубу прѳдал, пообедал и пошел по направлению домой. Иду и встречаю — лесом едут всадники трое в санях. Слышу, говоря:

— Этого посадить?

— Ну вот, думаю, сейчас.

— Садись, говорят.

Я говорю:

— Не в ту сторону едете. Поедмте обратно, так сяду.

— Нет, говорят, мы завтра обратно поедем.

— А далеко идешь? говорят.

— А далеко еще ийти мне, это я отвечаю.

— Ну, говорят, завтра подвезем, обратно поедем.

Прохожу деревню да другу, переночевал, иду опять лесом. Вижу — опять догоняют меня, те же трое сидят.

— Ну садись, говоря.

Я сел и поехал с има. Едем несколько вѳрс. Приближается деревня. Я говорю:

— Что, чай будем пить? Или ночевать? Я говорю.

— В конце деревни, говорят, будем, там у знакомых.

Вижу — деревню проезжают всю, не останавливаются. А уже темно. Приезжают в конце деревни к амбару. Поддельывают подъемный кран под угол, вызняли угол;

— Залезай, говоря, в амбар!

Ну, я и зашел в амбар.

Выкидывай, говоря, там что есь получше!

— Я, грю, шуба есь тут да хлеба мешки.

— Кидай, говоря, шубу.

Шубу выкидал.

— Кидай муку-ту.

Муки покидал сколько мешков.

— Довольно, говоря, надо вылезать.

Я грю:

— Обождите, шубу одену тоже.

А в это время они стенку опустили, уехали, а я и остался в амбаре.

И думаю:

— Кто же придет в амбар? Если бы старушонка, то бы я обделал.

И сижу, прислушиваюсь у двери. Вдруг идет старуха с коробкой, опихивает крылечко, молитву твердит.

— Рано бы, говорит, в амбар-то идти, да делать нечего, муки не хватает на замес.

Отмыкает дверь. В это время беру в руки муку. Дверь открылась, мукой кинул старухе в глаза. Старуха испугалась, упала, что-то там бормочет, а я в это время выскочил и бежать. Ну, иду уж таким скорым ходом дак...

Ушел далеко. — Ну, думаю, теперь не догонят. — Опять догоняют какие-то, едут на лошади.

— Это, говоря, не тот ли?

А я думаю, щоб не попась, сворачиваю далекó в сторону. Иду, и у гумна лошадь стоит в запрягах. Хозяина нет. На лошадь-то сел да и поехал. Сколько я тут деревён проехал, три или четыре. Осталось до дому только 20 верст. Стрелил покупателя:

— Не продаешь лошадь? говорят.

— Продаю!

— Сколько? говорят.

— Сто рублей в запряжке.

— Но, говорят, бери.

Я говорю того:

— Сто, так слезаю, поезжайте.

— Как, говорят, фамилья твоя? Документов-то не спрашивают, так словесно верят.

— Я, грю, Задорин Степан.

— Какой волости? говорят.

Я грю:

— С Пинежки, далёко.

Записали фамилию, деревню. Деньги получил и бежи домой. Оны поехали в ту сторону, из которой деревни я ехал. И в той деревне остановились чай пить. А там лошадь ищут. И спрашивают:

— Где лошадь взяли?

— Купили, говорят, у Задорина Степана.

— А где он?

— Идет дорогой домой.

— Поедемте, говоря, догонять, деньги отберем, чужу лошадь продал.

А я, предчувствуя невзгоду, здесь в Лайволе сменял шубами и иду себе спокойно. Вдруг нагоняют.

— Это, говоря, тот.

— Нет, говоря, не тот.

Поровнялись...

— Откуда идешь?

— Я, грю, из Архангельска.

— Никого не встречал?

— Нет.

— Никого не обогнал?

— Нет.

— Как твоё имя и фамилия?

— Малкин Осип.

— Документы кажи.

А у меня было как раз воинское удостоверение, учетная книжка. Показал.

— Не тот, говорят: там Задорин был.

Поехали дальше. А я свернул вправо здесь в свою деревню. Идем. Стречают ребяташки.

— Где ты, говоря, был?

— А где негде был, а отсюда не видно, я говорю.

Дал им на колачишки и сам пошел к отцу. Отец живет все по-старому. Пшеницу собрал им, чась продал, остатки сам потребляет.

Всё пораспрашива, где был. Всё сказывал, как летел на журавлях, как в дупле сидел, и кто выручил из дупля.

Старики только головой покачивают.

— Ну и пройдоха!

С тех пор стал жить в деревне, заниматься крестьянством и теперь живу. Всё.

51. ПРО ЦАРЯ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицей, но у них не было детей. Много лет они мечтали, как бы поиметь детей. И искали таких людей, кто бы им вообще, как сказать уже не со врать, сделал состав, чтобы им зачать детей.

Наконец, нашли пожилую женщину, которая дала им бутылку с жирным составом, и говорит:

— Выпейте это и зачните детей.

В первую очередь царица, не увераясь этих жиров, дала собаке, а во вторую очередь горничной. Видит, что обои живы и здоровы, тогда при няла сама.

Через год у всех троих родилось по сыну. От суки родился очень сильный, рослый, так растёт, так что не по дням, а по часам. Имя ему Сукин сын Парамоха. От горничной родился сын, звать его Степан, а от самой царевны Иван сын царевич.

И так они все росли очень быстро, и через несколько лет царь отдал их в школу. Учась в школы, во время перерывов ребяташки, играя, таскали друг друга за руку, боролись, и так далее. Но Сукин сын Парамоха такой был сильный, кого схватит за руку, рука долой, а за голову и голова долой. Также и остальные братья. Родители учащихся детей стали жаловаться царю, что твои сыновья наших детей делают калеками. Узная это, братья ненавись со стороны школьников, заявили отцу:

— Опусти, отец, нас по белу свету шататься!

Отец дал им разрешение.

— Идите, куда знаете.

Тогда они отправились втроем. Идя дорогой, привернули к кузнецу, заказали сделать по палке в 40 пудов для обороны. Потом решили выбрать старшего брата, так как по роду Иван сын царевич у родителей считался старшим. Но они решили сделать старшим того, кто сильнее всех. И условились так:

— Кто эту палку всех дальше укинет, тот и старший брат.

Начали кидать.

— А ну-ка, Иван сын царевич! — говорят.

Иван размахнулся и бросил. А потом Степан. А на остатках Сукин сын Парамоха бросил палку. После этого пошли расследовать, кто всех дальше бросил палку. Шли и дошли до первой палки. Всего две версты. Палка оказалась Ивана сына царевича. Значит порешили младшим братом. И шли дальше. Потом дошли опять до палки, пройдя еще две версты. Палка оказалась Степана. Это средний брат. Потом пошли дальше искать третью палку. Шли две версты — палки нет, потом еще две шли и нашли чуть видно кончик из земли.

— Это, говоря, старший брат, Сукин сын Парамоха.

Вот и пошли путем дорогой, в подчинении старшего брата. Шли близко ли далеко ли, не знаю, через леса, через горы, овраги, увидали дорогу и пошли дорогой. Видят мост, а за мостом дом. Зашли в этот дом. Тама видят шашки, кинжалы на стенках висят. В другой комнате резаные люди, кости. В третьей комнате верхня одежда каких-то людей. Здесь оне оставились узнать, кто такой здесь живет. Попили чайку, позакусили, и старший брат сказал:

— Вот вам карты, играйте, но не спите, а я пойду под мос и буду дежурить, кто пойдет к этому дому.

Поставил на стол тарелку деревянну, воткнул в ее нож и говорит:

— Не спитя и смотрится в эту тарелку. Если будет у ножа кольцо биться, то значит у нас идет борьба, а если тарелка будет наполняться кровью, то, значит, мне плохо и бегите на помощ.

И сам уходит. Братья играют в карты. Немного погодя, братья и заснули.

А Сукин сын Парамоха, сидя под мостом, слышит какой-то шорох, видит — идет чудовище с одной головой, на мос заходит и останавливается.

— Что, говорит, нейдешь, или Сукина сына Парамоху слышишь?

— Это не беда, говорит, мне таких до десятка надоть. И поехал дальше.

Сукин сын Парамоха выскочил да махнет этой палкой. И голова долой. Так и покатился с моста. А сам идет опять под мос. А братья продолжают спать.

Не в долгом времени опять едет чудовище о двух головах. Таким же образом слышит дух Парамохи, на мос не входит, но в конце концов пошел. И Парамоха того победил. И таких чудовищ приходило еще 10. Двенадцатое чудовище пришло о двенадцати головах и начали вести борьбу с Сукиным сыном Парамохой.

Сукин сын Парамоха не успел смахнуть за единый раз все головы, и начали возиться и бороться. И так это чудовище его вертит, на аршин в землю втыкает. Через час любовну передышку делает и снова бороться начинает.

На столе блюдо с ножом переполнилось кровью, а братья спят и внимания не обращают. Видя невзгоду, Сукин сын Парамоха знает, что братья спят, а надоть как бы их разбудить. Во время передышки смахнул

с ноги сапоги да и махнет ногой прямо в дом, пал на крышу и крыша провалилась. Но братья не слышали. А борьба не прекращается.

Во вторую передышку Сукин сын Парамоха бросил второй сапог ногой, прилетел в стену так ярко, что простенки обвалились в ызбу. Но братья не слышали. А на третью передышку Сукин сын Парамоха собрался с последними силами и этого чудовища уложил на смерть. И сам не может с места сойти от утомления. Отдохнув несколько часов, идет к братьям. Заходит в квартиру и будит:

— Что вы спите, не видите полное блюдо крови, и я чуть жив!

Братья вскочили, извиняясь перед старшим братом.

— Пойдем, говоря, покажи, что ты наделал? Приходя к мосту, видя — по обе стороны трупы лежат.

— Это кто, говорят, такой?

А я и сам не знаю, говорит; всю ночь я бился, из сил вышел. Идите, говорит, грейте чай и после чаю оставайтесь здесь некогда, идем дорогой.

После чая отправились дорогой в ту сторону, откуда шли эти чудовища. Идут дорогой и видят — едет какой-то богатырь огромной величины, голова точно пивоварный котел. Через несколько минут повстречались, и Сукин сын Парамоха попробовал по голове своей палочкой. Палка отскочила, как щепинка. И в это время богатырь забрал их своими руками и сжал вместо, обезоружил и повел в обратную сторону, откуда он ехал. Приезжает, видит — много домов. Всех братьев посадили под замок. На следующий день был вынесен приговор казнить или жа достать в каком-то государстве дочь царя. Старший брат и заявил:

— Оставьте моих братьев до прибытия меня в живых, а я иду в то царство!

Так и сделали.

Отправился Сукин сын Парамоха. Шел лесами, горами, близко ли далёко ли и сам не знаю. На пути видит — стоит изба, заходит в эту ызбу, там сидит старуха.

— Куда, говорит, добрый молодец отправился?

— Иду, говорит, в такое-то царство к царю за дочерью.

— Плохо, говорит, тебе будет там. Много, говорит, таких молодцов ходило, но ни один не вернулся в живых. Она, говорит, волшебница. За 12 вёрст не допустит до дворца.

— А ну, бабушка, как мне сделать, помоги! — говорит Сукин сын Парамоха, я потом тебе расплачусь.

Бабушка взяла палочку, один конец серой, другой черной.

— Если, говорит, стретится тебе препятствие, то, говорит, серым концом ударь, и все исчезнет. А если оборона тебе нужна, то черным концом о землю ударь, и скажи, чтобы были горы или лес огромный, то и будет.

Пораспрощались Сукин сын Парамоха со старухой и идет дальше. Долго шел, но, наконец, дошел. Царевна тоже была волшебница, предчувствовала всех приближающихся богатырей и рассматривала их на 12 верст во свои волшебны зеркала.

Увидя такого богатыря, она сделала ему 12 верст туман, так что не видно ни пути, ни дороги. Но Сукин сын Парамоха применял в действие палочку старухи, пробил себе путь и дошел до дворца. Потом она вышла на балкон и спрашивает его:

— Откуда идешь и зачем?

— Меня, говорит, послал такой-то царь, у которого сидят два моих брата в плену, и из-за выручки их я отправился к вам.

— А вот, говорит царевна, скройся от меня, тогда я с тобой иду.

С час Сукин сын Парамоха обернулся кругом, ударил палочкой о землю, подумал скрыться за облака, так и сделалось.

— Ищи, говорит, меня.

Царевна наводит свои волшебны зеркала на юг, на запад, на север и на восток по земному шару. Но нигде нет на земле. Потом говорит:

— Выходи, говорит, не вижу я тебя. Ну еще, говорит, раз скройся!

Сукин сын Парамоха удумал и говорит:

— Я теперь, говорит, скроюсь последний раз с тем условием, чтобы посоветоваться с тобой в комнате после, гыт.

Царевна говорит:

— Ну, говорит, скровайся!

Сукин сын Парамоха обернул свою палочку кругом себе, щелкнул ею, сам и подумал скрыться ей под юбку.

Потом она его ищет, куда ни наводила свои зеркала, как ни вертелась, нигде не видала.

— Выходи, говорит, и заходи на балкон; ты, говорит, хитрея меня.

А он тут как тут, позади ней.

— Я здесь, говорит!

После этого пошли оне в царский зал. Там был пир на весь мир в том царстве. Играли свадьбу, он женился.

А царь был в отсутствии на каком-то съезде в другом городе. Царевна с Сукиным сыном Парамохой обобрали царску казну и поехали в царство Парамохи тайком.

На следующие дни в том царстве разнеслись слухи — потерялась царевна и царская казна. Направили погоню по всем путям, выходящим из столицы. Погоня ехала быстро, конница, артиллерия и другие войска.

Сукин сын Парамоха, слыша позади невзгоду, черным концом палочки ударил о землю на десять верст позади себя и сделал непроходимый лес.

Погоня, доезжая до этой стены, видит, что двигаться вперед никак. Отправили в столицу за рабочей силой с топорами, пилами, расчищать дорогу, чтобы двигаться вперед. Через несколько дней дорога была очищена. А в это время Сукин сын Парамоха уже прибыл к этой старухе и стал разделяваться старухе за ей помощь. Отмерил ей золота несколько шапок и стал просить принять в помощь, чтобы этому богатырю ему не отдать царевну, который его послал. Старуха ему дала совет:

— Дана, говорит, тебе палочка и действуй ей. При первой встрече с ним, он, говорит, сделает овраг кипящий со смолой. Через него будет брошена жердь. И скажет тебе, что перейди через этот овраг по жерди, тогда будете все три брата на свободе. Но вы не ходите, скажите ему: «Пройди перво сам, а потом я». Но он пройдет, если вы прозеваете ударить палочкой о землю.

Поехали дальше со своей царевной. А погоня опять уже близка. Сукин сын Парамоха опять ударил палочкой о землю — сделал непроходимые горы. Погоня так и осталась за горами.

А он со своей царевной прибывает в это царство, где его братья сидят. Его стречают со звоном. Впереди идет сам большоголовой богатырь и чась прислуги его.

— Вот, говорит Сукин сын Парамоха, я и достал царевну, которую вы мне поручили достать. Давай моих братьев на волю!

А он ему в ответ:

А вот, говорит, овраг здесь, оставь царевну и перейди через этот овраг по жерди, тогда вы будете все на воле.

— А нет, говорит, перейди перво сам, а потом уж я.

Богатырь:

— Я, говорит, перейду.

Пошел, а Сукин сын Парамоха по советам старухи ударил палочкой о землю и богатырь провалился в эту безну.

Тогда остался Сукин сын Парамоха со своей царевной властелином этого царства.

Немного пожил в этом царстве со своимá братьяма, обрали его царство и уехали на родину. Отец их был еще жив. И привезенные из двух царств богатства соединились вместе, образовалось богатейшее государство. И стали жить во всем царстве. После отца управлял Сукин сын Парамоха. Больше не знаю ничего в этой сказке.

52. ПРИБАУТКА

В некотором царстве,
В некотором государстве,
Именно в том,
В котором мы живем,
На ровном месте
Как на бороне
И борона-то на клоче,⁷
Лежит два кольца,
Одно заржавело,
Другое в грезе,
Которое из-любю тебе,
А друго мене.
Это не сказка, а присказка

Сказка вся впереди.

Жили старик со своею старухой у самого моря.

В этом море шука да елецёк,⁸
И сказки конецёк.

53. О ЦАРЕ И ЖАР-ПТИЦЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь Выслáв. У него было три сына. Первого звали Петром, второго Александром, а третьего Иваном. У них был под окном огромный сад, много разных деревьев, винограду, вишней и другие плодоносные деревья. И вот у них по ночам кто-то стал похищать яблони и виноградник. Не столько поедят, сколько нá землю спустят. Отец сыновьям сказал:

— Нужно, говорит, сад стеречь по очереди вам.

Первый сын выходит на ночь в сад. Немного посидя в саду, ему стало скучно. И выходит в город по знакомым и там проводит ночь. На утро является к отцу, говорит, что никого не видал. Но похитители опять были.

На следующую ночь выходит на караул средний брат. Тоже таким же манером ночь провел по знакомым, и никого не видал.

⁷ Кочка.

⁸ Род рыбы, ловимый в местных реках (Пинега и озера).

На третью ночь отправляется на караулы младший брат, Иван. Ложится под дерево, зорко глядит вокруг сада и слушает, нейдет ли кто. Так сидел до утренней зари. Вдруг прилетает в сад жар-птица, сделался в саду огромный свет. Иван так любовался на эту птицу и мечтал ее достать, но никак не мог ее схватить, только достал одно перо, которое блестело как луч солнца. Приходит к отцу и говорит:

— Вот похитительница, у которой я вырвал из хвоста перо.

Тогда отец порешил ехать разыскать эту птицу, где она находится.

На следующий день братья поехали в путь дорогу отыскивать жар-птицу. Едут дорогой и видят столб. На столбу доска, на которой написано:

— Если кто поедет влево, тот потеряет лошадь, а кто поедет вправо, тот будет сам покоен.

Пораздумались братья по пути дороги, и младший брат решился ехать влево. Пораспросился с братьями и поехал. А братья наверно уехали другими дорогами.

Младший брат Иван едет, и вдруг выскочил серый волк и пожрал его любимого коня. После этого он пошел пешой. Идет близко ли далеко ли и сам не знает. Но что-то вспомнил о сером волке:

— Пожрал, говорит, моего коня, и приходится мне идти пешой. Хоть бы он, говорит, был и мне помог бы провидеть путь дорогу.

Серый волк тут, как тут.

— Что изволите, Иван-царевич?

— А вот, говорит, вы съели моего коня, тогда везите вы меня сами в то царство, у которого царя имеется жар-птица, и мне поможете ее достать.

Серый волк ему в ответ:

— Садись же на меня, и доведу я.

Так и проехал Иван-царевич на сером волке. Ехали близко ли, далеко ли, и сам не знает, но вдруг очудились за каменной стеной, в которых находится царский дворец. Серый волк ему и сказал:

— Иди, говорит, тихонько, там будет сад, говорит. В саду, говорит, сидит птица, которая похищала у вас сад, ты ее заведи, но клетку не отдавай, а то тебе будет плохо.

Серый волк после этого скрылся. Так и сделал Иван, пошел. Видит — огромный сад, окинут облеском от птицы. Потихоньку подошел к птице и взял ее. Стража вся спит.

— Ну что же я, говорит, понесу птицу без клетки? Возьму я и клетку.

Приходит ко клетки и снимает. Только что дотронулся до клетки, как вдруг тревога, вся стража поднялась. Ивана тут и поймали. На утро повезли к царю на допрос:

— Зачем ты, говорит, приехал в мое царство и без спросу берешь птицу и клетку? Ты бы спросил, я тебе так отдал ба. А за твой поступок приходится вам сослужить службы. Съезди, говорит, в тридвято царство. У одного царя там есть златогривый конь, приведи его мне, и тогда получишь жар-птицу.

Выходит из ограды Иван-царевич, призадумался и призвал к себе серого волка.

— Послужи ты мне, говорит, еще верой-правдой, свози меня в тридвятое царство, достать надо мне златогривого коня, и тогда мне отдадут жар-птицу.

Согласился серый волк, и поехали. Ехали близко ли, далеко ли, через леса, через горы и овраги. Вдруг завидели город. Серый волк его и получает:

— Иди в конюшню царя, там блестящий свет всю ночь, конюх спит в еслях. Бери коня, но уздечки не тронь, а то тебе будет плохо.

Отправился Иван-царевич в конюшню. Открывает дверь и видит — конюх спит. Берет коня, но как поведешь без уздечки? Берет и уздечку. Только что вывел из конюшни, как вдруг поднялась тревога. Ивана-царевича поймали и как вора повели опять на допрос.

— Зачем ты, говорит, приехал в наше царство, берешь без спросу моего коня? С каких ты земель, какого отца сын?

Иван-царевич рассказал:

— Сын такого-то царя.

— Знаю, говорит, твоего отца. Ты бы попросил добром коня, я бы тебе отдал. А то теперь поезжай, говорит, за 3000 верст в это царство, там у царя есть прекрасная Елена, достань ее мне, и получишь коня.

Выходит Иван-царевич, призадумавши, и попросил опять серого волка отвезти его в это царство, где находится прекрасная Елена. Ехали долго ли, коротко ли, и сам не знает, но приближается опять к тому царству.

Серый волк говорит:

— Не поверю, Иван-царевич, тебе больше, а поеду я сам за царевной, а ты оставайся здесь.

Иван остался, а серый волк перепрыгнул через ограду и пошел в сад. Там гуляет Елена Прекрасная с нянечкой. Вдруг отделилась няня от Елены Прекрасной. В это время серый волк вскочил в сад, подхватил Елену Прекрасную себе на спину и понес. Прибегает к Ивану-царевичу и отправляется спешно в то царство, где обещали ему златогривого коня. Дорогой Елены Прекрасной понравился Иван-царевич, и Ивану она. Жаль ему отдать царевну и получить коня. Он стал просить серого волка помочь евонному горю.

— Это, говорит, всё не беда, как-нибудь сделаю.

Приезжает в то царство, серый волк сказал Ивану-царевичу:

— Я перевернусь, сделаюсь царевной, ты меня веди к царю. А Елену Прекрасную оставь здесь.

Так и сделали. Повел Иван-царевич царевну и получил златогривого коня и поехал с царевной в то царство, где имеется жар-птица. Жаль ему было отдать златогривого коня, но хотелось получить жар-птицу. Тут-то он и взмолился опять серому волку. А волк тут, как тут опять, перекувырнулся, сделался конем. Иван-царевич повел, сдал этого коня и получил жар-птицу с клеткой. Возвращается к царевны с жар-птицей, садится на златогривого коня и едет к родителям. Ехали несколько дней, ночей, и что-то захотелось отдохнуть. Привязали коня среди леса и легли спать под дерево. И заснул Иван-царевич богатырским сном.

В это самое время возвращались его братья домой. И как раз попались на пути Ивану-царевичу с царевной. Братья его узнали и порешили Ивана-царевича убить, забрать златогривого коня, жар-птицу и царевну. Так и сделали. Возвращаются к родителям старшие братья с богатой добычей. Отец устроил пир и спрашивал про младшего брата. Но они говорят — не видали. А прекрасная Елена горькими слезами заливается. Серый волк услышал невзгоду хозяйина, со скоростью бежал в то место, где убит его хозяин. А хозяйина уже ворон клевал. И серый волк этого ворона схватил.

— Сослужи, говорит, мне службу, а то я тебя убью!

Ворон пообещался.

— Лети, говорит, за моря, достань, говорит, воды живой и мертвой и поскорей вернись сюда.

Так и отправился в путь дорогу. Через несколько часов вернулся обратно, принес пузырек живой воды и мертвой, sprыснул серый волк Ивана-царевича, а Иван-царевич проснулся точно от сна и горько заплакал, что нету его любимого коня, любимой его невесты и жар-птицы. Серый волк ему всё рассказал.

— Твой братя, говорит, взяли твоего коня и невесту и жар-птицу. Садись, говорит, на меня, и я тебя доведу. Сегодня твой брат женится на твоей невесты, а может, говорит, еще застанем.

И помчался серый волк с быстротою ветра.

Брат его первый-от, разные вина на столе, много гостей, и выпивают за здоровье жениха и невесты. А невеста всё плачет и плачет.

Вдруг Иван-царевич явился и, очень нужно, требует видеть самого царя. Слуги тотчас донесли царю, что какой-то приехал посол и очень нужно ему видеть вас. Отец его поспешил. Издали увидел, что сын его Иван явился. Иван и говорит:

— Отец, где мой конь, моя невеста и вам привезенная жар-птица?

— Старшие братя, говорит, мне привезли.

— Нет, это все я достал, а братя меня убили и все забрали, но меня оживил серый волк, который пожрал моего коня, на котором я из дому уехал.

Пир продолжался, но женихом уже был не старший брат, а Иван-царевич.

А старшие братя были наказаны на год заключения. Иван-царевич после отца был заместителем.

54. ПРИБАУТКА

Как у бабушки козел,

Хы да пы,⁹

У Мосеевны баран,

Он во стоиле стоял,

Он мякинушку жевал,

Он несеянную,

Немолоченную,

Неколоченную.

Захотелосе козлу

Во лесок погулять,

Побежал наш козел,

Все не поженкою,

Не дороженькою,

Ему навстречу-то зайнька,

— Ты не смерть ли моя,

Ты не съешь ли меня?

— Я не смерть не твоя

Я не съем ведь тебя.

Побежал наш козел,

Снег копытами сечет,

Бородой трясет,

Ему навстречу-то волк-от идет.

⁹ Повторяется после каждой строчки.

— Ты не смерть ли моя?
 Ты не съешь ли меня?
 Подхватил козла́
 Поперек ребра,
 А бабка по лесу ходила,
 Она голосом водила,
 А козла не нашла,
 Увидала одне ножки,
 Побежала по дорожки,
 И домой пришла,
 Одни рожки принесла.

55. ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. У него было три сына, а по имени уже не знаю как сказать. Вот заявили отцу что:

— Нам надоть жениться.

Тогда отец сделал им всем по луку и стрелы.

— Стреляйте, говорит, на разные стороны, а потом идите отыскивайте эти стрелы; кто их взял, то ваши невесты.

Так и сделали сыновья. Один стрелил на юг — старший-то, средний на восток, а младший на север. Вот и пошли в разные стороны отыскивать свои стрелы: старший находит прекрасной девицы какого купца, средний находит тоже прекрасной девицы, а младший находит свою стрелу во рту лягушки. Так, значит, возвращаются домой со своими женами, помещаются в отдельные дома и заявляют отцу, что вот пришли со стрелами с тремя женами.

Тогда отец объявляет пир и заказывает молодым женам вышить ему по пары белья, какая лучше всех сошьет. Идут сыновья и рассуждают. Младший говорит:

— У вас, горит, жены хороши, так сошьют, отцу угадают, а что, говорит, моя лягушонка в коробчонке сделает?

Получили по несколько метров-аршин мануфактуры и всю ночь старших братьев жены шили, а младшего сына жена разрешила эту мануфактуру на тряпочку, выбросила за окно.

— Ложись, говорит, Иван, спать, а к утру готов, говорит, будет.

На утро вставают и несут отцу обновки, также младший сын несет. Старшего посмотрел:

— Хорошо, говорит.

Среднего еще лучше. А у младшего всех лучше, так что таких и не видал портних. На следующее утро отец заказал напечь к пиру кое-чего, опять же всем молодым женам. Так и сделали к следующему дню. Несут на пир мягкие опять. Младшего сына опять же лучше всех.

На третий день отец объявил сыновьям пир. К 10 часам явиться всем со своими женами. Иван и призадумался:

— Братья поедут в каретах, говорит, а я, говорит, лягушонка в коробчонку да на руку, как нищий.

На утро вставают старшие братья, запрягают по пары лошадей, отправляются на пир. А младший и говорит своей жене:

— А ну, жена, поедем к отцу-то на пир, братья уже уехали.

— Иди, говорит, Иван, а я позади тебя приду.

Заявляется к отцу во двор, отец встречает, выносит на подносах пива, вина разные, приглашает зайти в дом. Когда уселись гости по своим местам, отец их заявляет:

— Все вы, говорит, сыновья поженятся, но не все с женами пришли.

Иван в ответ сказал:

— Придет, говорит, моя лягушонка сейчас.

Открывается пир, начинают пить вино, пиво бокалами, слышны веселые песни. Вдруг слышен необыкновенный гром. Во двор царя въезжает тройка. Гости все всколыхнулись.

— Кто-то приехал? Кто это? Кто?

А младший, Иван, говорит:

— А наверно, говорит, моя лягушонка в коробчонке.

Так и вышло. Приехала жена младшего сына. И такая прекрасная, что старшим братьям совестно было сидеть. По окончании пира все опять поехали по своим домам. Иван уходит опять вперед. Отыскал там эту лягушечью шкуру и сжег ее на огне.

Приезжает жена. Увидала, что ее шкуры нет.

— Я, говорит, наказана три года носить лягушечью шкуру и жить в болоте, а ты ее сжег, мне приходится от вас удалиться до изживания моего срока в болоте, после чего я вернусь к вам. А если бы вы шкуру не сожгли, то я бы находилась при вас временно в лягушечьей шкуры и в обыкновенном виде.

После чего Иван жил один до прибытия жены. После смерти отца получил наследство и был правителем страны. А старшие были как младшие.

Владимир Петрович Коровин, 12 л.

56. НЕБЫЛИЦА

Жил один мужик, а у него был сын. Вот этот мужик посеял пшеницу. А пшеницу ту, когда выросла, всё клевали журавли. Вот журавли послал мужик-от караулить парня-то, чтобы не клевали. Когда журавли вот прилетели опять, стали клевать-то, тот стал имать журавлей, не мог поймать, приходит домой и говорит:

— Не мог поймать журавлей.

Мужик говорит:

— Ланно, нальем вина в корыто, они придут, напьются да мы и станем имать их. Вот налили вина в корыто и опять пошел караулить. Вот сидит, видит, шо опять журавли прилетели, так едя. Наелись и стали пить вино-то. Напились, запошатовались, стали пьяны. Тот поймал два журавля-то, схватил за горло да и потащил. Тащил, тащил, да ему стало тяжело. А у него был кушак. Подпоясался кушаком и потащил опять журавлей-то.

Тащит, тащит, а ветерок тут дул, так их и отрезвило, журавлей-то. Они захлопались крыльями, они и полетели вместе с парнем-то. Высоко, высоко вылетели и понесли его там в лес. Вот летят там, в болото полетели, стали садиться там. Вот стали садиться-то, тут на такую налетели на рогатину, дупло. Он привязался, задержался, отвязался, да и остался. А журавли-то улетели. А дупло-то было высоко и широко. Он стал тут на дупле-то стаптывать местечко, чтобы сесть-то, стал да и упал в дупло. Начал руками и локтями выбираться, подлез немного да и опять упал. Вот сидит в дупле да слышит, что кто-то приехал. Слышит, старуха говорит:

— Распилём, говорит, это дупло, оно сухое, говорит.

Стали пилить-то те, дупло-то, а он скрикнул:

— Ах!

И спугал тех. Те сели на одну лошадь и уехали. А одну оставили лошадь. Вот тот пошел к лошади на сани сидеть. Вот лежит уж, уснул, а пришли волки ночью ту, медведи да волки — лошадь стали есть. Вот уж он проснулся, парень, медведь в хомуте доедает лошадь. Тот как скрикнул, — медведь-от испугался, да в хомут-от и попал. Тот и поехал. А медведь от его и затащил в деревню. Там медведя и поймали и убили. А парень рассказал все своему отцу да стал жить да поживать, да добра наживать.

Сказка вся, боле врать нельзя.

Никифор Лазаревич Кунников, 13 л.

57. ПАРАМОХА ВОР

У одного старика было три сына. А старик стал сам уж стар. И вот он думает:

— Что у меня из сыновей вырастет больших?

Старшего повел в лес и привел там к какому-то березнику, там березник.

— Ну-ка, сыночек, говорит, что здесь будет, если лес убрать, березник?

А он говорит:

— Если березник срубить, так хорошая пашня будя на этом месте.

Ну он этого домой привел и говорит:

— Из этого что-нибудь да будя.

Ну, потом он повел он опять среднего-то сына в лес и привел к какому-то тут ручью его, и тут всё кусты около его.

— Вот, говорит, что же здесь будя, если ручей высушить и вычистить?

А сынок говорит:

— Это будя луга хороша.

Потом он привел этого домой.

— Тожа, говорит, из этого уж что-нибудь будя, заниматься тоже.

Пришел домой и самого младшего сына повел в лес. Вот там какие-то черемушки да палки стояли в лесу-то. Говорит:

— Чего, сынушка-то, буде, если убрать эти черемушки да палки?

А сынок говорит:

— Эти черемушки выпарить да мужиков бить.

Отец заругался да говорит:

— Из тебя ничего не будя под старость.

Вот они пришли когда домой, все пошли в город. Пашпорта взяли все. Один пошел сапожничать, другой портнить, а третий говорит:

— Я на все руки, что под руки попадет, все буду делать.

Ну вот они идут лесом, им три дороги. Одна в ту сторону, другая так, а третья прямо. Старший брат говорит:

— Я пойду в правую ростанку.

А середний говорит:

— Я пойду в прямую дорогу.

А младший говорит:

— Я пойду в левую ростанку.

Ну вот они сговорились, чтобы через год придти в то же место, через год сойтись в той же рощанке.

Вот они там пожили там и сошлись — старший брат да середный. А младшего-то они ждут, сё нету. Пошли они домой двое, а младший брат выехал да говорит:

— Братья, дожидайтесь меня.

И дождалися, пошли вместе домой. Ну вот приходят домой. Старший отцу даё:

— На-те я за год заработал 25 рублей.

А середный:

— А за мой заработок на́, 35 рублей (отцу-то).

От младшего отец ни́чего не дождал. Он рылся, рылся, младший, в карманах и отцу дал 500 рублей.

— На, говорит, за мой заработок. Ещё, говорит, есь 500 рублей в сундуку, да в кармане, да конь есь Бурко.

Отец не поверил ему, что есь конь. Говорит:

— Пойдем, посмотрим.

Отец этого коня посмотрел и поверил, что сын привел коня.

Ну, назавтре отец пошел сдавать старшины пашпорта. И стал рассказывать, какой сын всех боле принес заработку. А этот старшина говорит:

— Пусь-ко твой младший сын приведет мне этого Бурка.

Вот отец пришел домой да и говорит сыну, что:

— Тебе велел приехать старшина, привести коня.

Он говорит:

Ланно, завтра съезжу к нему.

Назавтре утром рано встал и поехал к старшины.

Приехал к старшины:

— Продай-ка этого коня Бурка.

А Парамоха сказал:

— Нет, сколько у тебя денег есь, я его не продам. Я своей головы не жалел, воровал его, тебе не продам.

Старшина говорит:

— Дак ты и воровать умеешь?

Он говорит:

— Умею.

Старшина говорит:

— Укради моего коня, я тебе дам 500 рублей денег, и будет такой конь.

Парамоха говорит:

— Ладно, я постараюсь, а ты коня держи крепце.

Вот Парамоха так и уехал домой, не продал ему коня. Но́чь настала, и он стал сряжаться у него ехать коня воровать. Парамоха на́лил бочку вина и поехал мимо дома их там в леску и закричал, колесо стащил с оси.

— На помощь, говорит, идите!

А у старшины-то были округ хлева-то поставлены караульщики. Первый караульщик прибежал на помощь, и они не могли поднять. Потом он созвал опять караульщика. Не могли тоже поднять. Потом они, сколько караульщиков есь, всех созвали поднять. И подняли. Ну вот и он говорит, у которого подымали:

— Вы теперь сколько хотите тут пейте вина, а домой не уносите.

Ну вот они напилисе сколько уж хотели да и пошли опять караулить. Тот немножко отъехал, коня своего поставил и пошел в конюшню. Вошел в конюшню и видит — первый караульщик спит. Дошел ко второму, тот

еще пуще того спит. Так и третий. Заходит в конюшню, и там караульщик спит у коня-то в яслях. Он коня забрал и ушел с конем.

А на утро-то этот старшина и пошел проверять, дума, украл ли Парамоха коня? Пришел, и все караульщики у конюшни тут спят. Старшина заругался, всех разбудил и говорит:

— Где, г'рит, конь?

Те спросонку говоря:

— В конюшне твой конь.

Вот потом зашли в конюшню — коня нету, и они сразу узнали, что украл Парамоха коня. Старшина пришел домой и послал кухарку за Парамохой домой. Вот пришла и говорит Парамохе:

— Тебе велел старшина придти.

А Парамоха говорит:

— Нет, говорит, я к нему не пойду, всю ночь коня воровал, так надо поспать уж.

Кухарка побежала, так старшины сказал, говорит:

— Он не придё.

Старшина говорит:

— Бежи, сбегай, если на'ать деньги, так пусь идё.

Кухарка прибегает к Парамохе и говорит:

— Иди, он велел придти за деньгами.

А Парамоха говорит:

— За деньгами — это можно сходить! И пошел к старшины.

Пришел, старшина ему деньги отдал. Вот и старшина еще ему наказ дал, говорит:

— Укради у моей дочери место пухово и одеяло, то я отдам ее замуж за тебя.

Говорит:

— Ты держи покрепче, а я постараюсь укрась.

Ну вот ушел Парамоха домой, и опять дума, как бы укрась у старшины. Вечер настал, и он опять поехал с вином мимо этого дома. Проехал и опять всех караульщиков согнал поднимать свое колесо. Подняли, а он опять их всех напоил. Потом отъехал опять — немножко, коня поставил, а сам пошел воровать.

Приходит, видит — все караульщики спя. Он полез на задах на какой-то сарайчик тут. А после дождя было дело-то. Он подкатился да упал на солому на земли-то. А в соломы-то собака родила. Собака залаяла. Тот схватил одного щененка, за пазуху положил, залез на сарайчик, зашел на балагон¹⁰ и видит там на вышке огонек горит худенецко, а на кровати-то спит кухарка-та да доцка-та старшины. Он залез окошком к ним на вышину и сунул им щененка к ним промеж ноги. А сам лег под кровать. Ну вот кухарка-то стала и говорит:

— Маня, Маня, ты родила, говорит.

А Маша говорит:

— Да нет, не я, ты.

Так они запорешевались¹¹ тут, побежали друг на дружку сказывать старшины, а Парамоха, когда они убежали, забрал одеяло и постель и вышел в то время.

Когда старшина заходит на вышку, видит — один щененок ползет по полу, а боле ни постели нет ницего. А старшина-то:

¹⁰ Балкон.

¹¹ Заругались.

— Эх, вы, дуры, это Парамоха вам спрочазил, засунул щененка.

Ну, пришлось этому старшины девку отдавать взамуж Парамоху.

Ну вот, как-то у попа опять вецер стал. А этот старшина-то попу-то говорит:

— Да я знал такого человека, что он куда ч'о ни положишь, все украдет.

А поп-от говорит:

— А отчего не можно, сейчас можно позвать сюда.

И послал свою кухарку за Парамохой. Парамоха пришел к попу, а поп и говорит:

— Ты умеешь воровать?

А тот говорит:

— Да, могу немножко,

Он говорит:

— Укради у меня сколько есь денег, все твои будут.

Парамоха-то ему ответил:

— Да ты только деньги держи крепче, а я постараюсь уворовать.

И вот он как пришел к церкви — и начал отмычки делать. Наделал отмычек и пошел домой. А ему стретился рыбу как раз старичок смотрел в вёршах так.

Парамоха говорит:

— Много ли, дяденька, рыбы наловил?

А гыт:

— Ходил, смотрел в вёршах рыбы-то не попало, а всё одни раки.

А Парамоха говорит:

— Продай ты мне раков-та.

Тот говорит:

— Купи.

— А много ли, говорит, просишь?

— Да, говорит, давай пятерку, так всех раков отдам.

Парамоха деньги отдал и занес раков в церковь. Вот высыпал из мешка, достал свецек и поставил на кажного рака по свецке и поджег свецки те все. А сам нарядился как протоерей, в церковь, и стоит посередки полу, как протоерей. Вот прибегает батюшка к нему да руку и даё. Тот поцаловал руку и назвал по фамилии, не знаю как уж звали, и всё. Потом попадья бежит с деньгами же. Этот ней тоже поцаловал руку Парамоха, а попадья-то говорит:

— Батюшко, куды-то деньги-то положить?

А батюшко говорит:

— Положь за ящик!

Вот батюшко пошел одевать ризу, и попадья тут не знаю цё делала, а Парамоха эти деньги положил тоже себе за ризу и пошел смотреть порядки на улицы. Пошел на улицу-то да с себя ризу скинул да удрал домой.

Так он и обокрал попа с деньгами.

Вся.

Александра Алексеевна Малкина, 13 л.

58. СЕМЬ СИМЕОНОВ

Жили-были семь братьей и всех их звали Симеонами. Они попали на поле. И тут ехал царь мимо их. Он говорит:

— Откуда вы?

Они говоря:

— Отсюда мы все без отца и без матки выросли, там и живем одни.

Он и г'рит:

— Поедьте со мной, г'рит, к нам!

Они и поехали с им. Он г'рит:

— Я вас всех выучу, чему вы желаете учиться.

Там приехали, он собрал тут, кои у него служили, урядников и всех, их хотя учить-то. Старшего брата спросили:

— Ты чему желаешь учиться?

Он г'рит:

— Ваше царско величество, я ничему не желаю учиться. Если, г'рит, на'ть вам столп от земли до неба, то, говорит, сострою.

Второго спросили Симеона:

— Ты, г'рит, чего желаешь учиться?

Г'рит:

— Ваше царско величество, я ничему не желаю учиться. Если н'ать вам, брат состроит старший столп, так я на него могу лазать.

Третьего спросили Симеона:

— Ты чему желаешь учиться?

Он говорит:

— Ваше царско величество, я ничему не желаю учиться. Если, г'рит, мой старший брат сделает ружье, так я могу за сто верст стрелять.

Четвертого спросили Симеона:

— Ты чему желаешь учиться?

— Ваше царско величество, я ничему не желаю учиться. Если, г'рит, мой брат сострелит за сто верст, я могу хватать эту птицу на лету.

Пятого спросили Симеона:

— Ты чему желаешь учиться?

— Ваше царско величество, я ничему не желаю учиться. Г'рит, если н'ать вам корабль, так я могу в цяс могу сделать, ни топора не надо, ницего не надо.

Шестого спросили Симеона:

— Ты, г'ит, чему желаешь учиться?

— Ваше царско величество, я ничему не желаю учиться. Если, г'рит, состроит мой брат кораб, я могу на нем плавать на воды и под водой.

Сембого спросили Семёна:

— Ты чему желаешь учиться?

— Ваше царско величество, я ничему не желаю учиться. Если вам надоть Елену Прекрасную за морем, то я достану.

Ну, он говорит:

— Надоть.

Это и дал им три недели строку и г'рит:

— Вы ходите по всем лавкам, и везде вам щцобы всё давали везде бес-
платно.

Они в лавках набрали брошек разных, да колец, да вина и поехали, да еще у одной женщины купили кошецьку маленьку, и ту кошецьку научили танцовать да плесать. Царь пошел их спровожать к реки. Но он тут постоял с час и кораб сделал Симеон. И он это сделал и поехали. Ветер подул круто, и живо переехали в три дня.

Там приехали, на берегу ходит Елена с двумя подружками. Младш-от брат вышел с кошецькой на берег к ихному дому, кошецьку заставил танцевать. Елена пришла тут к ему смотреть. Она попросила его продать эту кошецьку.

Говорит:

— Пойдемте к нам на кораб, так там у меня есь разны брошки. Тут всем им дал по брошки. Они и пошли к кораблю. Он грит:

— Трап-от у меня узкой, надо по одному ходить, иди-ка ты Елена первая.

Она зашла, он сдернул трап-от и поехал. Те девушки остались. Она превратилась лебедем и полетела с корабля-то. Один схватил винтовку да и стрéлил ей. А другой схватил — она опять превратилась Еленой, да и поплыли.

За нима погонились в погоню. И они скорее поплыли по низу, их и угеряли и воротились. А те приплыли к царю, зашли. Он говорит:

— Идешь ли ты за меня замуж?

Она грит:

— Шла бы, только мне надо тройка ко́ней летучих да золотое кольцо от подружек.

Семён говорит:

— Мы шчо надь, так сплавам за всем.

Он опять дал им три недели сроку, грит:

— Через три недели поезжайте опять.

Три недели прошло, они и поплыли. Тогда приплыли, тут две девоцьки ходят на берегу. Они за брошки да за кольца выманили у их кольцо и пошли к конюхам, подставили им боцьку вина. Они и все напились пьяны и все свалились с ног. Он у их в карманах взял ключы да и зашел в конюшню, взял тройку лошадей, надел узду, да запрёт карету да и полетели они на всех конях.

Прилетели к царю и стали свадьбу играть. Тем Симеонам дали дом да всё, а сами улетели на этих конях.

Сказка вся больше.

59. ДОКУЧНЫЕ

1

Сказки конець,
Золотой жеребець.

2

Сказки конець,
В кузову пять овець,
Шестой жеребець.

3

Сказки конець,
В лесу под кокорой,
Не знаю под которой,
В колодце елець,
В кузову пять овець,
Шестой жеребець.

4

Сказке конець,
Золотой жеребець,
Крошка упала,
В рот не попала.

Наталья Петровна Панфилова, 20 л.

60. ЖЕНИХИ-РАЗБОЙНИКИ

Жили-были женка да мужик. У них была дочь. Ну вот раз она сидит на вечорке. К ней сел в середке парень, стал братъ ее взамуж. Она ему и говорит:

— Я, говорит, без родительского благословения не пойду. Я, грит, уйду домой, ты, грит, тогда приходи свататься.

Вот она ушла домой, пришла, воробта залобжила. Отец да мать уже спят. Самовар наставила, всё прибрала, и вдруг стучится у ворот. Она открывать нейдет, посылает мать и отца. Отец открыл воробта. Уже идут не один, а двое-трое свататься. Вот они посадили чай пить. Стали говорить, що:

— Отдадите ли взамуж дочь?

Родители сказали:

— Если дочь пойдё, так отдадим.

Чай попили, богу помолились, гости ушли домой. А девушка стала— это уж дело ночью было:

— Мни, мама, горох, я пойду узнаю, шо за жених.

Мать дала ей гороху, она и пошла. Идет и кидает горох, идет всё и кидает. Вот они идут, и птичка увидела, говорит:

— Зачем, девушка, идешь на свою смерть?

Она говорит:

— Нет, я пойду, здесь мои женихи живут.

Она зашла в большой дом. В дому сидит стара, стара старуха.

— Куда, говорит, девушка идешь-та?

Она говорит:

— Своего женихова, грит, житья смотреть.

Старуха и говорит:

— Здесь живут разбойники. Они, говоря, скоро придут и убьют. Давай я тебя спрячю-то.

Она спрятала ее за боцьку и ремухами-то¹² и заклала. Ну вот идут разбойники, стучат, ведут царевну. Привели царевну, пьяну напоили и стали ее рубить, сёкли голову так, руки, ноги, всю на части рубили. Потом увидали, шо на руки перстень, и палец отсекли. Этот перстень-то укатился-то да к девушке-то под бочку. Девушка-то возьмет да перстень к себе на палец и наложит. Разбойники-то и стали искать перстень, а старуха говорит:

— Не ищите с лучиной, я завтра найду, зароните еще.

Ну те и отступились, так лёгли все спать. Бабушка-то взяла, девушке-то говорит:

— Поди домой-то, потихоньку шагай, дверью не стучи.

Девушка пошла да всех перешагала да дверью-то шибко стукнула. Разбойники голову подняли, пробудились.

— Шо, говорят, такое это?

Она говорит:

— Это сиця я стукнула, ходила на улицу.

Так девушка ночью прибежала, скорей спать пошла, никому не сказала, ни отцу ни матери. Назавтре приехали женихи все нарядны, уго-

¹² Ветошью.

щать стали гостей. Гости просят невесту. Невесту привели. Невеста сидела, села за столом да и говорит:

— Цаго вы все молчытэ? Давайте, я вам тожь сон сегодняшний рас-скажу.

— Ну, говорят, рассказывай.

Все стали слушать. Она вот и рассказыыва. Ко мне, говорит, женихи сватались. Я не знала, откуда эти женихи. Пошла, говорит, за нимá, где они и как живут. Взяла гороху, говорит. Дорогу кидала има, щобы не заблудиться. Иду, говорит, мне птичка и говорит:

— Куда ть, девушка, идешь?

Я сказала:

— К женихам иду, женихов смотреть.

Ну и, говорит, зашла до дому и зашла в дом большой. Тут старуха сидит стара. Старуха-то и говорит:

— Зацем пришла, здесь разбойники живут, тебя убьют.

А разбойники-то сидят и подумывають, все сменилися.

— Вдруг, говорит, разбойники идут, ведут царевну, напоили дóпьяна и отрубили голову и на много части разрубили.

А разбойники друг на дружку поглядывають, видят, що дело уж не-ладно.

— Ну, она говори, увидели на пальце перстень да вот, говорит, вот он у меня здесь.

Показала им перстень.

Счас ти разбойники скоцыли, кто мог убежать — убежали, а других поймали. А девушка так и осталась опять жить.

61. ПОДМЕНЕННАЯ ЖЕНА

Жили-были мужик да жонка. Они жили богато — уж вроде помещиков когда-то были. У них была дочь одна. А хорóша была. Потом у него жена-то и померла. А дочь-то у него больша, выросла. Он всё:

— Ты, говорит, у меня уйдешь замуж, как я буду один-то жить?

— Нет, не пойду, говорит, я ни за кого.

— Давай, со мной поженимся, давай жить вместе!

Она не соглашается и говорит:

— Нет, я не желаю с отцом быть в таких близких отношениях.

Но он ей не давал покою, всё замуж звал.

— Пойдем да идем.

— А купи, грит, мне, грит, больше сряду, дак тогда уж за тебя и пойду.

А сна пошла к матери на могилу да и плачет.

— Родима ты, грит, моя маминька. Отец, грит, меня за себя взамуж берет.

Она говорит:

— Пушай он тебе заведет весь сатиновый сряд.

Она пришла домой. Отец сицяс ходил ей всёго, всёго накупил, платья и всё, только пойдем замуж за меня. Она и говорит:

— Давай еще к мамы схожу на могилу-то.

Она опять пришла, все матери говорит:

— Татя покою не дает, все взамуж зовет.

Она и говорит:

— Проси, щобы весь шелковый сряд был.

Она пришла опять.

— Купи, говорит, татенька весь шелковый сряд, тогда иду за тебя замуж, а то иначе не иду.

Вот отец ей весь купил шелковый сряд. Она еще у его просит:

— Я последний раз хоть на могилку схожу девушкой к матери.

Она еще пуще плачет да и говорит:

— Никак уж мне от него не отказаться.

А мать то и говорит:

— Пушай он купит тебе сизо крылышко.

Ну вот она пришла домой и говорит:

— Татенька, купи мне сизо крылышко, пойду под венец.

Она стала сряжаться.

— Давай, говорит, татя, все вынесу в поклеть, а то хто-нит у нас стащит, завернется и...

Вот она взяла это все в тюк свертела, которое он купил, вышла на улицу и прилепила это себе сизо крылышко-то и полетела птичкой. Летела, летела и пить захотела, у ручейка и напилась. Очудилась в темном подполье у Ивана-царевича в доме. Тут где-то недалёко у царя какого-то был пир, угощение. Вот Иван-то царевич сряжается на пир, умывается, она ему из подполья-то и спросила:

— Куда, Иван-царевич, сряжаешься?

Он вымылся:

— Молчи, говорит, запешница! Да и мылом-то кинул в нее.

Вот он ушел на пир-то. Она тоже срядилась да и пошла, одела платье — отец купил сатиновое, да и пошла. Пришла на пир-то, там танцуют, пляшут все, играют. Все смотрят, какая-то пришла незнакомка. Ну вот, а этому Ивану-царевичу она и пондравилась, красива. Ну и вот с какой он гуляет, дак уже эта красивее. Вот он стал к ней приставать да все спрашивать:

— Откуда ты, да с какой губернии да деревни?

Она говорит:

— Из такого уезда, из которого мылом в рожи кидаются.

Все стали домой расходиться. Он говорит:

— Я тебя провожу.

Она говорит:

— Нет, не надо, я сама уйду.

Он не видал, когда она спыхнула да и улетела. А Иван-царевич дома-то и думат:

— Вот какая красавица, откуда же она? Думает всё о ней.

Опять на второй день тоже собирается да умывается. Она опять его спрашивают:

— Куда опять, Иван-царевич, собираешься?

Он опять ей кинул щеткой, сапоги чистил.

— Молчи, говорит, запешница.

Ну вот он опять пришел. Она надела платье шелково, вымылась да и пошла на пир. А ей там уж Иван-то царевич ждет, давно думат, придет ли сегодня. Вот она пришла, он опять с ней начал сидеть да разговаривать, да пожениться да всё такое. Она говорит:

— Я из такой волости, в которой щетками в рожи кидают.

Он все не может догадаться. Все стали расходиться домой. Она от него убежала. И в третий раз тоже стал он собираться. Стала она спрашивать:

— Куда ты, Иван-царевич, собираешься?

Он в третий раз тоже.

— Молчи ты, запешница.

Она и говорит:

— Иван-царевич, раньше ты так не посылал, не ругал.

Он говорит:

— А кто там, выходите, поженимся.

Она вышла оттуда, и он:

— Ну ладно, що мой отец говорит, я сам на тебе женюсь, говорит.

Он у отца спросил, у матери. Отец да мать дозволили ему взять замуж.

Вот они поженились, пожили, у них родился сын. И эта вот, за которой раньше он ухаживал, Иван-царевич, она пришла к ним. Иван-то и стал царевич гонить:

— Зачем ты, говорит, пришла? Иди домой, ступай.

Она говорит:

— Я пойду отца позову.

Вот он ушел, она взяла-то с его-то жены раздела на себя одежду, а ее-то и выгнала. Иван-царевич пришел:

— Що ты, говорит, так сменилась? Наверно, говорит, она тебя испортила?

— Не знаю, говорит, может быть.

Вот они живут, у них-то сын-то и помер. Он жалел, беда как. Она не жалеет. Вот как-то раз он ее зовет на могилу.

— Пойдем, говорит, к своёму сыну на могилу.

— Мне, грит, не охота нисколько.

— Ну я, говорит, пойду, схожу к сыну своему.

Он идет на могилу, там слышит, кто-то плачет.

Он не знает, бояско идти, не знает, хто плачет.

— Ладно, пойду.

И пошел. Подошел ближе, видит, що женщина плачет. Он ее узнал, що почему ты здесь? Он тут сам смекнул, що уж она сама есь, а там жил не с той. Она ему и рассказала, що, пока ты ходил, она меня раздела и прогнала.

— Подем, говорит. Он стал звать.

— Как мы будем жить, она и я?

— Нет, говорит, я буду с тобою жить.

Пришли, ту прогнали и стали жить вместе.

Забыла: та сгубила сына их. И всё.

Дуня Евпловна Рябова, 12 л.

62. ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ

Жиў-быў медведь. Он пошоў лесом, спастыся — как бы мне дом со-строить — от зимы уберегчысь. Идет лесом, а настрецю баран. Он говорит:

— Пойдем.

Ну и пошли лесом-то. Настрецю идет свинья. Да и говоря:

— Пойдем со мной, свинья!

Она и пошла. Идут, опять стрецяютца гусь да петух. Они и говоря:

— Пойдем, гусь да петух, с нама.

Они и пошли. Потом шли да и устали. Сели отдыхать. Ды отдыхают, да говоря, как бы нам от зимы спастыся. И гусь да петух говоря:

— Мы легем под березу ды одно крыло постелем, а другим закутаемся.

Баран говорит:

— У меня шуба теплая, я и так прозимую.

Свинья говорит:

— Я в землю закопаюсь да тоже прозимую.

А медведю пришлось одному строить избу. Он и соорил избу да стаў жить да поживать, тепло. И гусь да петух озебли и пришли да и говоря:

— Медведь, дружок, пусти нас зиму зимовать.¹³

А медведь-от там ворцыт у себя-то на печи.

— У вас-от крылья есь, вы и так проживете. Не хотели избы строить.

Оне говоря:

— Если как не пусьтишь, то мы из пазов весь мох выдергаемь, тебе же будя худо!

Так медведю и привелось пустить жить. Баран озяб тоже, подходит к избы медведевой.

— Медведь, мой друг, пусти меня прозимовать!

А медведь там опеть ворцыт, говорит:

— У тебя шуба тепла.

Говорит:

— Если как не пустишь, я у тебя всю избу раскатаю, разбежусь да рогамы-те.

Так привелось медведю пустить и барана. Потом приходит, это, свинья, говорит:

— Пусти медведь, мой друг, зиму прозимовать!

Он говорит:

— Нет, не пушу, ты в землю зароеся, так там прозимуешь.

Он говорит:

— Если как не пустишь, то всю избу подрою, тебе же будя хуже.

Так медведь-от пустиў.

Стали жить да поживать.

И вся сказка.

Анна Тимофеевна Данилова, 12 л.

63. МАЧЕХА И ПАДЧЕРИЦА

Жили-были мужик да жонка. У яго и умерла жонка-то, осталась де-вущка. Он жанился на другой. А у ей тожа было две деvушки. Она своим-то деvушкам дала льню пресь, а не ейной деvушке дала соломки пресь. Она соломку-то хорошо, хорошо напярала. А нейны-ти деvушки наvertели-ти худо, знаешь, лен-то испортили, не напярли ницово. Деvушка ну то опярала и пошла полоскать в рудеек. Полоскала, да мотик-от¹⁴ у ней и унесло. Она пошла искать. Идет-от. Пастушки пасут овецъ. Она спрашиват:

— Пастушки, пастушки, не видали ли моего мотика?

Они говоря:

— Подпаши под нами, подгреби под нами, тогда и скажем.

Она подгребла, подпахала, подклонилаь и пошла. Иде, иде, тут опять пастушки коров пасут. Она говорит:

— Пастушки, пастушки, не видали ли моего мотика?

Говоря:

— Подпаши, подгреби под нами, тогда и скажем.

¹³ Всю строчку очень высоким тоном.

¹⁴ Нитки.

Поклонилась, подгребла, подпахала и пошла. Идет. Пастухи пасут коней. Говорит:

— Пастушки, пастушки, не видали ли моего мотика?

Они говоря:

— Подпаши под нами, подгреби под нами, тогда и скажем.

Она поклонилась и пошла. Тут иде, и стоит избушка на курьих ножках, к лесу глазами к mine воротами. Вот она и зашла в избушку ту-то. Тут сидит Егибова. У ей есь большой, большой кот. Она взяла да и, как тебе, велела ей байну затопить, девушке-то Егибова. Она затопила байну и так сказала: ей велела она дров наколотить без стуку, байну истопить без дыму, воды наносить решетом. Вот девушка и стала дрова колоть, коля без стуку, байну затопила без дыму, стала воду-то носить в байну-то, не зная.

Тут птичка сидит да и поет:

— Глинкой решето-то запецятай!

Вот она запецятала и воды наносила. Байну затопила. Егибиха наносила всяких скакуш да лягуш и велела вымыть. Вот она их вымыла всех по одной хорошо, хорошо. А она, знашь, всех принесла в избу-то, оне и говоря:

— Мамонька, отдай ей мотик-от!

Она ней мотик-от и отдала. Да тут вот, знашь, много ей всего надавала Егибова — и золота и серебра, всего, и хлебов-то на дорогу надавала-то. Она пошла домой. Пришла домой-то, мацеха, знашь, ей и залюбила, што принесла всего; так-то все не любила да ругала.

Она пошла нейна-то девушка полоскать мотик-от. Нарочно и утопила. Идет по берегу-то, пастухов-то увидела и спросила:

— Не видали моего мотика-то?

Оне говоря:

— Подпаши под нами, подгреби под нами.

Она сказала каждому пастушку:

— Н...-то!

Каждому пастушку все так говорила. Так она иде там к избушке-то. Ей велела Егибова-то наколоть дров без стуку, байну натопить без дыму, воды решетом наносить. Стала колоть со стуком, байну истопила с дымом, а птичка сидит на кусту и говорит:

— Запецятай глинкой!

Она взяла гнилы ковальшек, птичку и убила. Воды наносила решетом маленецко, знашь, байну истопила. Ей принесла Егибова-то всяких лягуш да скакуш. Она у кого ногу оторвала, у кого руку, кого окривила. Знашь, она худо их всех вымыла; принесла Егибовой в избу-то. Те домой-то пришли, вот плацют, плацют и говоря мамки-то:

— Цего хуже, говоря, того ней дай.

И она дала ей уголья. И она пошла и бросила в солому к им. Солома загорела и избушка загорела. Егибова вылезла в окошко-то да и убежала. Девушка-то домой пришла и моток-от не достала.

64. ПРО ЛИШАНУШКА

Жили-были старик да старуха. У их не было никого, никого. Они отрезали цюрку таку от дерева, положили на печь. И цюрка-то и заговорила:

— Бабушка, я ись хоцю!

Она его сняла, посадила на лавку. Он наелся. Под окошком лужа была больша, больша, река там разлилася далеко.

— Ну, говорит, дедушко, сделай мне лодушку да весеўко.

Он и сделаў ему лодоцьку да весеўко, да он и пошоў плавать-то, да его и унесло далеко, далеко. Его Егибова и переняла, парнишка-то Лишанушка. Переняла его да и посадила в подполье. Дала ему ись железный колобок. У ей было три дощери. Она, знашь, и велала девкам-то пецьку затопить и велела его сожегци в пецьки-то и велела его сжарить. Младша-то девка стала топить, затопила пецьку-то, созвала его, говорит:

— Лишанушко, сядь на лопатку!

А он и г'рит:

— Сядь-ко сама, поуци-тко меня!

Девушка села, он ей в пецьку-то и шурнул. Она там и сжарилась в пецьки-то. Он ее вынял обратно да и отрезаў кусок мяса, да на тарелку раскрошил, на окошко и положил. А сам опять в подполье забрался.

Егибова заходит и стала ись.

— Скусно, сладко Лишанково мясо!

А он и говорит:

— Ешь да покатись, дочеренкино мясо!

Она заругалась.

— Девку-то у меня сожгаў!

Другой раз велеў опять девке-то старшей затопить пецьку. Жарце натопить печку-то. Ну вот девка-то пришла и говорит:

— Лишанушко, Лишанушко, сядь на лопатку!

Она и села на лопатку. Он и вкинул ей в пецьку-то. Он опять вынул с пецьки, она изжарилась, на тарелку положил да роскрошил. Ягибова пришла да и стала есь.

— Скусно, сладко Лишанково мяско!

А он и говорит:

— Ешь, покатись дочеренково мясо!

Ну вот она опять заругала его, заругала, стала сама топить пецьку, хотя его сожгать. Вот она говорит:

— Сядь на лопатку, Лишанушко, по-щущьему, по-щущьему!

А он и говорит:

— Лег-ко сама, науци меня по-щущьему!

Он стаў Егибову кидать-то, Егибова руки выжняла и ноги выжняла и не може в пецьку. А он скорей и побежал. Он подпер избу, она доўго не могла выдти из избы.

Летя гуси. Говорит гусям-то:

— Гуси, гуси, унесите меня к дедушку да к бабушке!

Гуси те его и не взяли. Он забрался на високу елушку. Егибова выходит, увидела его, стала кусать дерево-то, грызь-то. Дерево-то стало падать-то, вокурат гуси летят. Говорит:

— Гуси, гуси, унесите меня!

Его и унесли. А он еще у бабки-то в подполье взял денег лукошецко. Бабушки-то отдал своей да дедушке.

Они стали жить, да поживать, да живут да хлеб жуют.

ЗАСУРЬЕ

Павел Васильевич Куников, 12 л.

65. ПРО ЗМЕЯ

В деревню повадился летать змей. И он каждый день съедал по два человека. И всю деревню съел, только один остался мужичок на краю. Один сидит и печалится. А тут к нему пришел цыган. В какой дом не зайдет, все пусто. А к одному зашел, тут есь сидит мужик. А тот цыган и спрашива, говорит:

— Пусти меня ночевать!

Тот говорит:

— Нет, это повадился змей летать, так по два человека в день жрет.

А тот говорит:

— Нет, я сам спасусь и тебя спасу, говорит, пусти только.

А он и пустил, тот мужик-то. Тот пришел, змей-от, говорит:

— Ах, мне полный обед.

Цыган говорит:

— Нет не полный. Спробуй-ка только, не которого не съешь!

А змей-то говорит:

— Вали-ко свистать, кой сильней свиснет, тот сильней силой.

Змей-от свиснул, так изба вся и дрогнула. А мужик-от говорит:

— Валяй, я тебе глаза завяжу и буду свистать.

Мужик-от завязал глаза, взял бревно да и опустил на змея. Тот и говорит:

— Будя, будя, ты, значит, сильней.

Тут и стали в том доме жить. Змей стал посылать за водой.

— Возьми, го'рит, шкуру оленью, поди за водой.

А он тут пришел к колодезю-то и стал колодезю-от подкапывать. А тот не мог дождать, этот змей-то. Пришел тут к нему и говорит:

— Ты що долго?

А цыган-от говорит:

— Я запасаю воду, целый колодезю хочю вынять.

Змей взял почерпнул в шкуру оленью воды и пошел домой. А этот змей-от опять цыгана посылает:

— Возьми, выковыри дерево в лесу да на дрова принеси!

А цыган-от стал копать у леса-то, а змей не мог дождаться цыгана-то, сам пошел.

Пришел и говорит:

— Ты що долго?

А тот говорит:

— Я дрова запасал, щобы другой раз не ходить, весь бор хочю принести.

А этот змей взял сосну, выворотил со всем кореньем да и понес домой.

А тот-то говорит к цыгану:

— Поедем к нам в гости.

А тот змей согласился, взял тройку и карету и все добро погрузил в карету, и сами сели тут. А тут стали подъезжать к цыганску дому, тут наги, черны цыгански дети. Цыган и говорит:

— Вот у меня дети проголодались, так тебя съедят.

А змей-от и побоялся и удрал от них. Тут карету и тройку, все оставил, забоялся. Цыган это все добро, карету взял себе. Стали жить, да поживать, да добра наживать.

С Л У Д А

Северьян Павлович Нехорошко, 22 г.

66. СУКИН СЫН ПАРАМОХА

В некотором царстве, в каком-то государстве жил-был царь, и звали его Картаус. И не было у него ни бороды ни ус. Жил богато. А все-таки у него не было детей. Вот однажды они со своей этой зашли царевной на заседание удумать, как бы приобрести это детей. И вот тут вдруг в комнату заходит работница у них. Звать ее Анной. Царь ей и сказал:

— Ну-ка, Анна, сходи-ка в аптеку, нет ли какого средства, щобы нам приобрести детей?

Вот кухарка эта пошла, работница. Сходила в аптеку-то и пришла. Ей доктор дал каких-то лекарств. И вот говорит:

— Придешь к царю, согрей самовар и это лекарство разведи и дай ей пить, щобы она выпила. Тогда и родится у ей сын.

Кухарка так и сделала. Пришла к царю, скипятила самовар тут, и вот эта царевна развела лекарства. Такой сделался жир, що царевна не знает, що делать, що царевну сумление берет, пить или не пить. А возле нее лежала собака, сука, значит. И вот царевна взяла да этот жир стаканом-то сверху сцѣпила да и отдала собаке. А потом и работницы, ще тут. А потом пусто-то воду и сама зацяла пить. И вот у их через 40 недель там рождаются у всех сыновья. У царевны сын, у работницы сын и у собаки сын. И царь стал иметь всех, как одних. И дал им имена всем разны. Знацит от царевны-то все-таки он от царевны почитаает за своего.

(Уже я пропустил тут. Родились сыновья. Знацит, какой всех лучше? Родился се-таки лучше-то от суки, от собаки). И вот, знацит, от царевны назвали сына Васильем, а у работницы Иваном, а от суки-то — Сукин сын Парамоха.

И вот они уже растут так быстро, що не по дням, а по часам, так сказать. Когда им пошло пяти лет, то отец стал их отсылать в школу учиться. И вот ведь в училище, извесно, ребята всё выбегают играть, тут крестьянские не разбираючи ницем тут, шалить и дратьци. И вот эти царевы-ти сыновья какого крестьянского ребенка схватят за ногу, так рука долой или нога. Ну вот, се-таки крестьяне стали обидиться на этих ребят, жаловаться ему. Ну вот тут они уже стали этот первый класс коньять ученье, и вот задумали куда-несь уехать подальше, щюжих людей повидать и самим показаться. Ну а если отправятся они в дорогу, хто из них будет старшей, не знают сами, хто. Все вдруг родились, так. . . И вот Сукин сын Парамоха:

— Братцы, говорит, мы хоть не от одной матери родились, а нужно нам самим себя вести как один. И вот давайте-ко, говорит, пойдемте, кто из нас всех едреньше. Скуем палку 40 пудов и будем шибать ее, хто дальше шибнѣт, тот будет хозяин.

И вот они пошли, сковали палку и стали ее шибать в чистом поле. Ну и вот пришли в чисто поле и сами не знают, кому первым шибать. Сукин сын Парамоха сказал:

— Вот ты первый, Василий, ты как от царевны родился, почетней тебя считают, прошу вот тебе шибать палку. А потом и от работницы.

Братья не противоречат. Стал шибать от царевны-то Василий. Шиб палку, палка за 12 верст улетела. Шли этим полем прямой линией, знацит, шибли и дошли до палки. Палка осела в землю так с поларшина. Нацит палку выдернул тот, кто шиб. Потом, знацит, стал шибать второй — от работницы-то родился, Иваном, кажется, назвал. Нацит, тот шиб палку, палка летела за 16 верс (Сколько я сказал-то? За 16 верс). Шли полем. Палка пуше первого села в землю. Нацит, тот же выдернул, кой шибал. Потом стал Сукин сын Парамоха шибать. И вот эта палка у его улетела за 20 верс. И шли чистом поле далёко. И вот пришли в чисто поле, палка осела шибко порато, одна рукоятка видать. И вот Сукин сын Парамоха сказал братьям:

— Братья, говорит, тяните-ка вы оба эту палку!

Братья тянули, тянули, кырками оба, но не могли вытянуть. Потом Сукин сын взялся сам, Парамоха, знацит. Он как дернул эту палку, так со всей землей и выдернул.

Это не сказка, а присказка, а сказка *ще* далёко впереди.

Нацит из них как пощюствовал силу Сукин сын Парамоха всех больше. Ну вот они стали вооружаться в путь дорожку. Далё им отец дал самолучших коней. Вот они отправились, верст 300 отъехали. На дороге станция, дом и мост есь коло рецьки. И вот они задумали в это пожить; тут какая-то нецнста сила приезжает, узнать ее, пытатъ. И вот они в этот дом зашли, опоселились, уже к вечеру позно. Нужно ведь караулить кому-нить ночью к мосту. У моста приезжает. Вот Сукин сын Парамоха взял тарелку и в тарелку воткнул нож.

— И в эту тарелку, если, сказал, я пойду драться там и буду погибать, будет кровь находить. (А на ноже еще было колечешко на церешку-то). Если не до смерти меня ушалапают, то будет оно шарцеть.

И вот дал братьям карты:

— Смотрите, не спите, я пойду караулить к мосту, так как на вас надежда плоха.

И вот они еще тут на остатках подвыпили все трое. И он, знацит, отправился. Уже стало поздно, близко к полноци. Вот сидит он у мосту и вдруг слышит, за три версты какое-то невежество идет. Стук. И вот подходит это чудовище к мосту. И туша у его, значит, лошадиная, а головы человечьи, три головы. И вот зашел он на мост, это чудовище. И, знацит, похвастало еще до драки.

— Что-то русским духом пахнет! — сказало. Не Сукин ли сын Парамоха? слышали, есь такой силач.

Это две-то головы сказало. А третья-то голова сказала:

— Этого Сукина сына Парамоху положить на носки (зняцит на ногу), да выкинуть вверх, дак улетит на небеса.

И вот отправилось это чудовище по мосту. Сукин сын Парамоха тут все силы свои скрепляет. Чудовище спустилось с мосту. Сукин сын Парамоха скочил из-под мосту, да своей шашкой как дернул, так три головы и слетело за раз. А это чудовище еще скачет безголово, подзадаиват:

— Еще раз, еще раз!

А Сукин сын Парамоха сказал:

— Русские богатыри, говорит, на раз бьют, другой раз замаху не делают.

А у братьей там се-таки на ноже-та колецецько-то шарчало, а братья спят — не слышали. Вот Сукин сын Парамоха это чудовище положил в куче и заходит к братьям в дом:

— *Що* вы, братья, говорит, так вы, значит, помогаете мне?

Братья skoчили, прося у его прощенья. Ну, он простил се-таки. Ну и вот тут на другу ночь так же сражаться отправился опять Сукин сын Парамоха караулить. И вот тожа дал братьям карты и тожа подвыпили тут се-таки, подкрепили свои силы. И Сукин сын Парамоха опять отправился на пос на свой. И вот сидит под мостом уже близко к полночи. Вдруг опять услышал шум на четыре версты. И вот вдруг это чудовище опять там подходит к мосту и вот похвастало:

— *Що*-то нечистой силой пахнет, не Сукин ли сын Парамоха, слышали есь в России, не он ли тут завязался? И вот стала с моста опять сходить эта чудовище такое. Сошло с мосту. Сукин сын Парамоха таким же манером skoчил и своей шашкой махнул. Так у его и слетело четыре головы. А это чудовище еще безголово скае, подзадариват лишь его:

— Еще раз!

А Сукин сын Парамоха сказал:

— Наши русские богатыри на раз бьют.

А у братьей там на ноже колецишко свое дело управляе, колотится, чтобы братья не спали. А братья уснули опять. Тут опять заходит Сукин сын Парамоха тут, где братья его спят, откуль ушел. И им так сурьезно заговорил:

— *Що* вы, говорит, знацит, вы почему вы меня так выдаете? Я вас храню, а не сам именно себя.

Братья ему падают в ноги, просят прощенья. И вот он их опять простил. И вот настал опять день. День прокоротовали, опять настала третья ночь. Нацит опять нужно идти на пост. А все Сукин сын Парамоха сам идет, не заменяет братьей, так как братья слабы натурою его, он не надеется на их. И опять сам отправился. И он сам в себе слышит, що сегодня будет какое-то ненормальное чудовище. А эти чудовища подьезжали к себе на съезды всякие, на пиры. А этот караульщик на мосту стоит.

Сукин сын опять отправился караулить. И вдруг услышал за 12 верс шум, идет чудовища, такая большая. Туловища лошадинна, и 12 голов на нем. И вот пришло на мост и затопало ногами со огнением (горящится как). И сказала:

— *Що*-то русским духом пахне. Не Сукин ли сын Парамоха де тут сидит? И тут само опять сказал:

Вот Сукина-то сына Парамоху прижать пальцами так и греди не видать.

Пошло чудовище дальше. Как опустилось под мост-от, туда Сукин сын Парамоха выскочил с-под мосту и махнул своей шашкой, так и слетело 11 голов, а двенадцатую не мог. И вот они завозились и се-таки возились цяса три. Как это чудовище хватит его под середку да ткне в землю, так до коленей Сукин сын Парамоха и вседит. А колецишко у братьей шарцит, и кровь в тарелку се-таки находит. А братья уснули таким же манером.

— Ты *що*, Сукин сын Парамоха, взял тут себе в голову? — сказал чудовище.

— Наши русские богатыри с отдыхом дерутся.

А сам взял с ноги спихнул сапог немного не вовсе, так вот и опять схватились. Тут схватилися. Это чудовище Сукина сына Парамоху как вернуло в бок, а Сукин сын Парамоха норовит к дому. Это к братьям в дом сапогом и прямо в простенок против стола, где они сидели. Так простенок

и вывалился. Братья не слышали. А в тарелке се-таки крови порядочно находилось, так как он истомился увесь. Тут еще после этого времени полтора часа дрались. Но все-таки Сукин сын собрал все свои силы, нажал и свалил это чудовище. А эти головы все склал в куцию костром. Знает, що больше уже не придет нециста сила. Это как старша ехала. И опять ушел к братьям таки. Зашел к братьям, сказал:

— Что вы опять спите? Плохие вы товарищи, когда поехали в бой.

Тут братья опять испугались, не знают, что делать, убоготворяют его, но все-таки он опять простил. И сказал:

— Поедем дальше, так щоб не делали.

И вот отправились оны в путь дорогу от того места. И вот подъезжают к мосту и увидали такие груды зверей и так со страха и шлепнулись с лошадей. И вот Сукин сын Парамоха:

— Що вы, братья, говорит, что дальше из нас будет, отправимся.

Вот они поехали се-таки, братья, сели на коней. Уже едут близко ли, долго ли, скоро ли, коротко ли, выехали из лесу. И увидали далёко еще едет на лошаде кто-то, лошадь большуща. На лошаде сидит, плеча саженны, а сам хто знат (соврать), а голова-то у него котельня.

Увидали его далеко верст за тринадцать. И вот оне подъехали близко к нему, и Сукин сын Парамоха взял, у него была палка за поясом, та, котору шибали, 40-то пудов, взял да и щелкнул ему по лбу.

— Звонко ли? говорит.

— И вот это туловище се-таки их всех троих и захватило и обратно поехал в свое царство, откуда они приезжали, неизвесно.

И посадил в темницу этих трех братьев. И вот они уже сидят трои сутки. А Сукину сыну Парамохи сидеть долго, серье лопнет. Стал проситься у его:

— Ты назначь мене, куда хошь, идти, я сё еду.

И вот это котельня-то голова послала уже 39 голов человек там в како-то государство за прекрасной царевной, за д'вицей, а эта девица не проста, а волшебница. Ни один не вернулся. А Сукин сын Парамоха се-таки здумал туда отправиться за девицей. Как его отправил, котельня-то голова и сказал:

— Если ты привезешь эту девицу, то я тебе удружу и твоих братьей выпущу из темницы.

Сукин сын Парамоха отправился в дорогу. Близко ли, долго ли, скоро ли, коротко ли, переезжает он Брынский лес.

Вот около этого леса стоит избушка. В этой избушке живет старушка. Вот он зашел в избушку, шапку снял, все как следно быть обонюся (?). И он сказал:

— Здрасьте!

Старушка сказала:

— Пожалуста!

И расспросила, по каким делам отправился молодец. Он сказал:

— Вот за такой-то девицей.

— Трудно тебе, паренек, достать ее. Ездили 39 человек и не могли ей достать. А он се-таки стал ее просить.

— Не знашь ли средств, там палочки волшебной какой?

— Для хороших, говорит, людей могу дать и помогу я тебе в этом деле.

И дала ему серу палочку волшебну.

— На, храни, говорит, не теряй. Ты, говорит, будешь подъезжать к ей, то она будет наводить туман, чтобы не пришел к ей.

И вот она сказала, що:

— Ты другим концом палочку повернешь и очудишься у ей за байной.

Потом она се-таки одумается, эта царевна, знает що не простой человек, а волшебник.

И сказала що:

— Этой дорогой отправисся дальше, есть две сестры мои. И вот они, у их тоже есть волшебны вещи. И скажи, что я вот тоже дала волшебну палочку, и они тебе дадут.

И вот, знацит, он отправился дорогой опять тут, подъезжает к второй сестры, знацит, старушке и таким же способом зашел к этой старушке и вот тое разговорился. Она спросила:

— Куда едешь?

И он сказал:

— Трудно, говорит, тебе, паренек, достать царевну, она волшебница, говорит.

Он сказал:

— У вас там сестра старша дала палочку, так вы не дадите ль еще?

Вот она тоже дала ему белу палочку. И вот она сказала, що еще впереди есь сестра, у ней есь гребешок, на головы держит.

— Попроси у ей!

Ну вот, он тоже эту палочку взял и отправился опять в дорогу. Подъезжает к третьей сестры. Нацит опять подъехал, зашел в йзбу, и та приняла гостя, как следно быть. И вот разговорился, куда едешь, и он сказал, що — Еду за царевной, туда-то за девицей. Нет ли средства какого-нить ее достать?

Она ему сказала:

— Для добрых людей есть.

И дала ему гребешок и рассказала, как поступать с ей, если будет що делать (это после скажу). И отправился в дорогу опять. Вот подъезжает к городу, к столице. У этого города стоит стража. И увидали его за 12 верс, и там сказали, царевны девицы-то. И эта царевна вышла на крыльцо. И махнула платком. И сделался такой туман, що этому Сукину сыну Парамохе никак не пройти и не проехать. И он тут задумался, се-таки спомнил про свои волшебны палочки и вынял из карману первую (серу-то) и повернул другим концом и очудился у ей; стоит у байны, у угла, знацит. Вот тут девица и задумалась. Видит, шо какой-то не простой. А се-таки не подпускает его близко-то. И сказала ему:

— Упрятайся от меня, щобы я тебя не нашла.

А она надеется, шо я найду.

— Ты хоть куда упрятайся, я все равно найду.

Сукин сын Парамоха тут взялся за дело. Взял палочку, повернул другим концом и очудился на небе звездами. И вот эта волшебница девица взяла зерькало волшебно.

В каку сторону не повернет его, но не может найти. И пришлось покориться ей. Сказала:

— Сукин сын Парамоха, пусь ты здесь опять!

Сукин сын Парамоха взял, отвернул эту палочку обратно и очудился опять же у байны. Вот еще осталось тут две, значит, отгадки и загадки. Она опять скомандовала:

— Пусь еще упрятайся!

И вот этот Сукин сын Парамоха взял белу палочку, котору бачка-то втора-то дала, повернул другим концом, очудился на небе чело-

вечком (на небе-то есть человек-то, это он-то самой). Вот она опять вороцьяла своим зерькалом, ницого не могла найти. И опять:

— Очудися здесь!

А Сукин сын Парамоха взял, опять повернул палочку обратно, опять у ей стоит. И вот еще осталась одна. Тут уж осталась одна... Она и сказала:

— Пусть ты опять от меня упрятайся!

Сукин сын Парамоха взял уже гребешок, задел там какой-то зуб и очудился у ей под подолом. Она и не слыхала. Опять вороцьяла, вороцьяла зерькалами волшебными, опять не могла. Тут на зерькало разгорячилась, растоптала и захотела до ветру цо-то. Выбежала из комнаты-то, в коридоре-то задумала про Сукина то сына Парамоху. Забыла сказать, цо Сукин сын Парамоха очудился здесь и сказала:

— Пусь ты опять очудисся у меня!

Сукин сын Парамоха и брякнул с-под подолу:

— Вот, говорит, я эва де.

Она и рада стала.

— Ну, вот, говорит, теперь-то я и твоя буду!

А он ей не сказывал, цо я не для себя везу до тех пор, пока близко не подъехал к чугунной головы.

Это не сказка, а присказка, сказка впереди.

Нацит они тут стали собираться, чтобы отправиться домой на старое место. Тут кое-что принабрали богатства в этом городе, деньги, драгоценны камни, хороши вещества и отправились и подъезжают к первой-та старушке. И отдали ей обратно это гребешок волшебный и ей дали зацерпнули еще ковш золота. И вот опять отправились, цобы как скорее уехать.

Вдруг слышат погоню. И вот погоня эта близко очудилась, видать почти что. И вот она взяла, эта девица, волшебны свои вещества там, каку-то палочку, повернула ей и сделалась така гора стоймя, что не пройти не проехать. И вот народ тут, как же думали. Опять обратно поехали за лопатками, за копацями, за струментом да здумали пробраться. И пробрались. А они в ту пору далёко опять к второй старушки поехали. Тоже так же отблагодарствовали. И вдруг опять увидали погоню. И она сделала тут, взяла гребешок, и сделался такой лес, цо не проехать, не пройти. Тут опять народ взялся.

Взели топоры, пилья, стали опять лес рубить такой кучей. Тут у нас со Слуды в тот год Ивана покойницка завалили бревном. Ну се-таки и пробрались. А он с этой девицей к третьей старушке подъезжает. Тоже подъехал, отблагодарствовал как и перву.

Вдруг видя — погоня опять близко. Тут девица сделала каку-ту реку и на реке мос, река порядосьня. И вот тут заехали этот народ, кой в погоню едя, и потонули — мос обрушила. Ну вот, знацит, они теперя надежно знают, цо за има погони больше не будет.

И вот недалёко опять к тому к прежнему цюгунной головы. И тут Сукин сын Парамоха рассказал этой девицы, что:

— Я тебя не для себя везу, а для цюгунной головы, что он меня отрядил, а мне охота бы прикомандировать к себе.

А тут она, эта девица сама по себе прецествует, цо чугунна голова его не отпустит, а будет загадывать загадки. И вот, когда они подъедут к этой цюгунной головы:

— Я скажу, цобы я тебе заганула загадку, а не он.

Когда они подъехали к котельной-то головы, то тот встречает их с хлебом-солью и подхватил эту девицу, значит, сразу отхватил от Сукина

сына Парамохи. Сукин сын Парамоха остался как оплеванный. И вот се-таки у его братья живы еще были. Он путешествовал три года. А братья всё в темнице сидели, ожидали его, тосковали об ём.

А вот эта девица все-таки с этим чугунной-то головой не нежится, не вяжется с им просто. Но он се-таки ей уболаготворяет, ласкает. И вот он еще Сукину сыну Парамохи сулился не раз, щобы привез, а загадывает еще. Это с девицей сидят и рассуждают, что бы загануть ему. И вот вышли они тут на площадь и тут котельня голова, кака-та есь пропась, рецька, по этой рецьке жордочка. И вот по этой жордочке котельна голова и приказывает Сукину-то сыну и пройти. А Сукин сын Парамоха сказал:

— А вот, говорит, покажи пример, тогда я пойду. Наперед ты.

Ну що, царь голова-то котельна думат, що я-то уж пройду по этой жордочке. А Сукин сын Парамоха смотрит зорко. А этот-то котельна голова сказал девице раньше, що там есь кнопка — нажать, и жордочка провалитсь. Когда отправилсь котельна голова, стал насередке этой рецьки пропасти жордочки-то, то эта девица подскозила там, где кнопка-то находилась. Она нажала эту кнопку, и эта яма закрылась. Он там орал, орал да и сказал:

— Все-таки вы перехитрили меня, уничтожили наше все государство.

Тогда эта девица подскозила к Сукину сыну Парамохи, схватились вместе, и Сукин сын Парамоха отправилсь к братьям скорее, щобы их выпустить из тюрьмы.

Тода народ стал оставлять их в том царстве царствовать, но Сукин сын Парамоха не желает тут, а охвота уехать опять на старо место, откуль от отца уехал. И вот теперя живут, хлеб соль жуют, но народ тут за труд принялся ум да разум набирать да как царя с места согнать.

Сказке конец.

ПОГАНЕЦЬ

Василий Михайлович Рябов, 19 л.

67. ДЬЯЧОК ВОРУЕТ БАРАНА

Жил-был поп, дьякон и дьячок. Жили-пожили, до пасхи дожили, а розговеться-то у их и нечем было. Вот дьякон и говорит:

— Я знаю на Филимонове у Филимона много баранов, говорит, давай я поеду, украду.

А дьячок-то говорит:

— Да куда ты, воришка! Тебя поймают, давай я съезжу.

Ну ладно. Вот дьячок-то запряг лошадь, креслешка худы всё, сел на лошадь и поехал. А как раз о пасхе-то снег растаял, а ночью-то пороха напала. Приезжает к Филимону ко хлеву, свою лошадь завертывает со всеми санями, заходит во хлев, схватил барана у Филимона-то, бросил в сани, а сам на лошадку-то и поехал.

Едет до кладбища — у его баран-то был не связан — баран-то да и выскочил на кладбище да в лес побежал. Он соскочил с лошади, вслед за бараном погнался. А извесно, у дьячка полы длинные, шапка высока, котора за сук зацепитсь да возитсь с има, а баран-то ушел. Так барана не мог догнать, а баран-то к Филимону убежал обратно уже. А Филимон-то, когда дьячок уехал, слыша, что кто-то хралбася у хлевá-то:

— Ну, говорит, жонка, давай-ко лучина, я, давай, освечу, кто там был.

Вот приходит ко хлеву, хлев полый, баранов-то сосчитал, одного нет. Вот пошел он следить по тем следам. Ехал он тоже. Приходит на кладбище, да лошадь, у него тут была оставлена, откуда баран-то убежал.

— А, говорит, что это лошадь стоит со всей упряжью? Уведу, говорит.

Завернул лошадь и уехал. А этот дьячок гоняется за бараном. Слышит звон — Христа на т вецерьять. Прибежал на то место, где лошадь-то была оставлена. На том месте лошади-то нет.

Вот он побежал в церковь. Прибегает в церковь, весь задохся. Его увидал там поп, сзади. Стоит поп-то насереде в алтаре, а дьячок-то в двери зашел. Поп у его и спрашивает:

— Украдоша или нет?

А тот в ответ: ¹⁵

— Украша баша, клаша в сани, ноги не связаша, баша убежаша, я за ним гнаша не догнаша, приходаша на то место и того уведоша.

Дьякон-то стоит на клыросе да в ответ:

— Растак-от, ваша мать, на чем будет пашня пахать, надо нова покупать.

А народ-то это стоит нагибает, молится. Они думают, что ли это проповедь говорят.

Когда дьякон-то заматюкался, не поняли, в цем дело.

И всё.

Иван Яковлевич Быков, 12 л.

68. КОЗА-ДЕРЕЗА

Жил да был мужик, да жонка, да девка еще. У их никого не было, даже никого. Мужик вот и купил козу за три гроша. Он спровадил пасти девку-то. Та пасла, пасла, пасла, весь день попасла, погонила домой. Догодила до дому, а хозяин-от сидит на крыльце, дожидается.

— Козанька, коза,

Ела ли, пила?

— Нет не ела, не пила.

Как бежала через драбэльки,

Ухватила водицки капёльку,

Как брела я через мосточек,

Ухватила кленовый листочек.

Тот взял да девку-то напорол, да девку-то и прогнал. И опять жонку назавтра спровадил. Та пасла, пасла, пасла весь день да погонила домой. Да хозяин опять на крыльце.

— Козанька, коза.

Ела ли, пила?

— Нет не ела, не пила.

Как бежала через драбэльки

Ухватила водицы капёльку,

¹⁵ Слова дьячка произносятся певучей скороговоркой.

Как бежала я через мосточек,
Ухватила кленовый листочек.

Назавтра опять сам пошел пасти, жонку прогнал. Пас, пас, пас, весь день пас, погонял домой и сел на крыльцо да и спрашивают:

— Козанька, коза
Ела ли, пила?
— Нет не ела, не пила.
Как бежала через драбэльки,
Ухватила водицы капéлку,
Как бежала я через мосточек,
Ухватила кленовый листочек.

Он ей привязал за веревку да так налупил, пощо врё, да пошел нож ковать да топор. И пошел. Да она и оторвалась. Бежала да бежала да до избушки добежала. А в избушки-то никого нету.

Дале и пришел заюшко.

— Хто в моей избушке?
— Я, коза-дереза,
Под бока луплена,
За три гроша куплена,
Копыта под ногами,
Исколю тебя рогами.

И вот ушел да и на дорожку сел, плацця, плацця. Иде конь:

— Пощо, заюшко, плачешь?

— Как мне не плакать? Хто-то зашел в избушку да меня не пуцае.

Говорит:

— Пойдем со мной, ак прогоним.

Говорит:

— Хто зашел в избушку? (Конь-от).

А та говорит:

— Я, коза-дереза,
Под бока луплена,
За три гроша куплена,
Копыта под ногами,
Исколю тебя рогами.

Они опять убежали. Идё опять медведь.

— Пощо, заюшко, плачешь?

— Как мне не плакать, как хто-то зашел в избушку да и меня не пуцае.

— Ну постой, медведь-от говорит:

— Хто зашел в мою избушку?

— Я, коза-дереза,
Под бока луплена,
За три гроша куплена,
Копыта под ногами,
Исколю тебя рогами.

Они и убежали оба. Заюшка опять пошел, заюшка плаце, плаце. Иде петух.

— Пощо, заюшка, плачешь?

— Как мне не плакать, хто-то в мою избушку меня не пуцае.

Говоря:

— Пойдем со мной, прогоним.

— Нет уж, говорит, не прогнать, с медведем не могли, с тобой не прогнать.

— Давай, пойдем да и прогоним, бывае.

Пошли. Ну петух-от говорит:

— Я в красных сапогах,
Я в красном сарафане,
Я кошу, кошу, кошу,
Твою голову скошу.

Она побежала, да пала, да и убилась. Они вытащили да и захоронили. Стали жить, поживать да и добра наживать.

69. ПЕТУШОК И КОТИК

Жил-был петушок да котик. Котик-то говорит:

— Не выглядывай в окошко-то, а то лиса утащит.

Пришла лиса и говорит:

Приехали бояре,
Насыпали гороху,
Куры не клюют
Да петухам-то не дают.
Петушок, петушок,
Выгляни в окошечко,
Дам тебе горошечку.

[Тот выглянул]. Она взяла его за шейку да и утащила. А тот заревел:

— Котик, братик, отними меня!

Котик прибежал, да ей смял да петушка отнял. Ну и другой раз пошел на другой день.

— Ну, сегодня, смотри, не выглядывай, а то я пойду подале в дровосеки.

Ну, вот ушел, а лиса-то говорит:

Петушок, петушок,
Выгляни в окошечко,
Дам тебе горошечку.

Тот выглянул, всего и схватила. Тот заревел:

Понесла меня лиса
За высоки леса,
За большие горы.

Кот прибежал, учул немножко да и отнял. Да и ушли они. Кот говорит:

— Назавтра не выглядывай в окошечко. Я сегодня далеко пойду в дровосеки и не учую. Говорит: лезь под лавку вниз, да и не оглядывайся. Лиса-то опять пришла назавтре:

Петушок, петушок,
Выгляни в окошечко,
Дам тебе горошечку.

Тот не оглядыва. Дале розманила лиса и утащила него далеко, далеко да и съела. Котик пришел с дровосек да и плаче, плаче. Поплакал, поплакал да стал один жить, поживать да добра наживать.

Г О Р А

Матрена Архиповна Титова, 56 л.

70. ПРО ОЛИШАНКА

Бывали да живали мужик да жонка. А парнецонок Олишанко быў.

— Ну, говорит, татенька, сделай мне лодоцку, так я пойду на озерко плавать.

Ну он и сделаў лодоцку. Лишанко пошоў плавать на озерко. Ну, Егибова говорит доцери:

— Пойди, Олишанко поймай в лодоцки да веди домой.

Решить тоже ладя. Ну, говорит:

— Лишанко, парнецонок, перевези за рецку, я к твоей-то матенке иду с гостиноцками да и погостить.

Он и приехаў в лодоцки к берегу.

— Положь, говорит, наперед корзинку да вымой ноженьки. У меня лодоцка белая, замараешь.

Гостиноцки те она положила, а сама ноги стала мыть. Он отпехнулся от берегу. Она и осталась. И пошла к матери:

— У меня корзинку увез.

На другой день другу доць послала.

— Ты уведи, говорит, у меня его.

Ну, вторая доцка пошла.

— Олишанко, парнецонок, перевези меня за рецку! Я к твоей матенке иду с гостиноцком да погостить.

Он приехаў.

— Клади корзинку-ту да вымой ножки. У меня бела лодоцка-то, замарашь.

Ну, она положила корзину, он отпехнулся и не взял, обманул. Она и пришла опять к матери.

— О такой-секой, говорит Егибова, я сама пойду.

На третий день сама пошла.

— Олишанко, парнецонок, перевези меня, я к твоей-то мамоньки с гостинцом иду да погостить.

Ну он:

— Клади, говорит, гостинцы ты в лодоцку, а ножки вымой, а то замарашь.

Она корзинку положила в лодоцку. Ну он и отпехнулся. А она с крюком, его и зачпила и притянула к берегу. И домой повела и в подполье его посадила. Сама ушла, доцери приказала:

— Затопи, дочерь, жарцея да его и испеки в пеце, говорит.

Ну, доць истопила пець.

— Олишанко, парнецьок, подай помельцо пахать пець.

Он подал.

— Олишанко, парнецьок, подай лопатку.

— Олишанко, парнецьок, поди ложись на лопату.

Олишанко вышеў, лег на лопатку, руки вверх и ноги вверх поднял.

Она говорит:

— Не так!

А он говорит:

— Лег-ко сама, да поуць-ко меня.

Она и легла сама, ростянулась по лопаты, он ее и шурк в пець на лопаты-то. И спеклась. Он вынял говядину, на куски и росклаў. Егибова приходит и говорит:

— Скусно, сладко, Олишанково мяско.

А он там в подполье-то говорит:

— Скусно, сладко доцеринокено мяско.

Она заругала его, Егибиха.

— Сожог мою дочерь.

На завтре она другой доцери говорит:

— Затопи пець жарцей. Сожги его, еретика.

Ну, доць и натопила. Жарко-прежарко.

— Олишанко, парнецьок, подай помельцо.

— Олишанко, парнецьок, подай лопатку.

— Олишанко, парнецьок, ложись на лопату.

Ну, Олишанко вышел из подполья, лег на лопатку, руки вверх, ноги вверх, не выходит нацело, що хошь делай. Она говорит:

— Не так.

Та легла, он и шурнуў в пець. Выняў да вырезаў куски, положиў. Пришла Егибова.

— Скусно, сладко Олишанкино мяско.

Тот говорит:

— Скусно, сладко дочерино мяско.

— О дурак, такой-сякой, завтра сама тебя нарушу. Ну опять сама топить на третий день. Жарко натопила.

— Олишанко, парнецьок, подай помельцо.

— Олишанко, парнецьок, подай лопатку.

Он подаў.

— Олишанко, парнецьок, ложись на лопату.

Олишанко лег, руки вверх и ноги вверх подняў. Не входит в пець. Он говорит:

— Лег-ко сама да подуць ты меня.

Егибишна розвалилась сама на лопатку. Он и ту шур в пець.

Ну он нарушыў всех да ушоў к матери да к отцу жить.

И вся сказка.

71. КОТ, ДРОЗД, ПЕТУХ И ЛИСА

Бывало да живало, живет кот да дрозд. У кота да у дрозда быў певушко. Они пошли дровцы в лес рубить. Говоря:

— Певушко, говоря, ты, лисанька прйдя, так не выходи на улицу.

Ну она пришла, говорит:

Пёвушко, пёвушко,
 Зóлотой грёбешко,
 Выйди на уленьку,
 Девки, молодки
 Катаются,
 Золотó гвоздьё
 Выгибается.
 Красно еицюшко
 Далеко катится,
 Бояра-те наехали,
 Гороху навезли,
 Две куры-ти клюют
 Да петухам не дают.

А он и выскоцыл:

— Коо-ко-ко! Как не дают?

Его и унесла лисанька. Он и заревел:

Кот да дрож,
 Понесла меня лиса
 За темные леса
 Серы каменья грызь!

Они услышали, прибежали да отняли пёвушка да домой и унесли. Ну, назаутре они опять похода. Напекли ему всего, говоря:

— Не ходи, не выглядывай, как лисанька прие, на улицу, а то она тебя унесё.

Они ушли дров-та рубить. Лисанька пришла.

Пёвушко, пёвушко,
 Зóлотой грёбешко,
 Выйди на уленьку,
 Девки, молодки
 Катаются,
 Золото гвоздьё
 Выгибается.
 Красно еицюшко
 Далеко катится,
 Бояра-те наехали,
 Гороху навезли,
 Две куры-ти клюют,
 Да петухам не дают.

Он выскоцыл:

— Коо-ко-ко! Как не дают?

Она его и унесла. Он и завопел:

Кот да дрож,
 Понесла меня лиса
 За темные леса
 Серы каменья грызь!

Они не услышали, лиса и унесла его. Они изделали гусельцы и пошли к ней. Пришли так к им:

Бринь-бринь гусельцы,
 Бринь-бринь звоньцатые,
 Дома ли лисавья живё,
 Дома ли кунавья живё
 Со скотом-животом,
 С малыма детоцками?

Она говорит:

Дома я лисавья живё,
 Дома кунавья живё
 Со скотом-животом,
 С малыма детоцкам.

Они у ей взяли крылецько-то смолой вымазали. Она пошла да и ульнула. Они взяли да пёвушку и унесли. Лисаньку-то убили.

72. ПРО САДКО

Быў-жиў Садко. Он не богатый, нет у него ницего, он не богатый, а сцясливый. Гусли у него были хорóши. Его купцы все знают новгородцы, на всяко собрание зовут. Вот приглашают на всяку беседу уж. Советуё он с имá, да по морю плават, да в гусли играет, да рыбу ловит.

Ну, морской царь услышал егова гусли хороши порато, понравились гусли. Говорит он:

— Ударяй, Садко, с купцами новгородскими о большой заклад, що есь в синем море рыбы золотó пёрё. Выбивай, говорит, у их три лавицы товару красного. А ты, говорит, а ты закладывай свою буйну голову, как нецего заложить.

Садко приехаў домой, собрались с купцам новгородским. Садко говорит:

— Есь в синем море рыбка золотó пёрё.

А купцы новгородские говоря:

— Нё в синем море рыбы золотó пёрё.

— Ну, говорит, ударимся о велик заклад.

Выбивает он три лавицы товару красного, а закладает он свою буйну голову. Те говоря:

— Нету!

И поехали неводíть в сине море. Ну, первый раз закинули — вытянули морскую тину. Второй раз закинули — вытянули морскую травину. Третий раз закинули — вытянули рыбку золотó пёрё. Ну, тут купцы новгородские призапечалились. Пробили по лавицы товару красного. А Садко-то радёхонек. Разбогатеў и стаў купец он богатый уж тут, порато богатый. Продаёт он товары новгородские, привозит он товары заморские. Он по морю ходит на кораблях. Да уж до того хорошо торгует, бедово дело. Ну и середи моря шоў кораб, остановиўся. Просит морской царь цоловецеску гóлову. Отсулиў он свою голову, заложил. Кто кого бросали — кошку, собаку, всё нейдет.

— Ну, гыт Садко, видно самому идти в сине море.

Ну, Садко свое именице стаў да приросписывать. Каковую чась да молодой жены, а каковую чась да всё дружинишки, а каковую чась да по божьим церквам.

— Ну, говорит, бросьте мне дощечку в синее море, на дощечке не так страшно плыть.

Ну, он на дощечку лег, корабль полетел. Остаётся он тут на дощечке.

Его там морской царь принял. И заговорил:

— Садко, пошуй, в море!

Садко пошуй в море. Морской царь говорит:

— С собой ли у тебя гусли?

— С собой.

— Играй, говорит, в гусли в синем море.

Ну, Садко и заиграет в синем море в гусли. Морской царь и заплясал в море. Море заволновалось. Много праведных тонет на море. Молятся святителю Миколу, что сохрани, что шибко zvolновалось. Микола спустился в синее море, по правому плечу хлопнул, говорит:

— Садко, не играй в гусли!

Садко говорит:

— У меня в синем море воля не своя, ответил.

Микола-то и говорит:

— Ты скажи, что у меня гусли побились, кнопки поломались, сторожки. Кнопки не захватилось, сторожки не погодились. Ну, он говорит, тебя будешь женить в синем море. А ты женись да бери девушку-цернавку. То река будет, девушка-цернавка.

Ну морской царь:

— Что, говорит, женись, коль гусли сбились.

— Ну жени, говорит Садко.

Ну он и выведет три дочери:

— Бери, говорит, дочерей.

— Я хочу, возьму девушку-цернавку. (Микола-то говорит: Не что, говорит, эту не бери, еговых дочерей).

Он взял девушку-цернавку. Ну он и выплыл по реке-то домой и к жене пришёл и стал к Миколу ставить церковь. А все говорят, что Садко явился, Садко явился из моря.

Сказке конец,
 Побасёнки конец.
 Бык пестряк
 Побежал в костряк,
 По пироги, по шанежки,
 По лук чеснокой,
 По робиновый батог,
 По лопату, по горбату.

Григорий Васильевич Панфилов, 16 л.

73. ДВА БРАТА

Бывало да живало, был мужик да жонка. У них было два сына. И вот мужик да жонка померли. И вот те вдвоем жили да пожили и продали дом. Завели два ружья и две собаки.

И вот пошли на охоту в лес. Шли лесом, а хлеба мало взяли. И вот увидели зайца и хотели его сострелить. Заяц говорит:

— Не троньте, так я вам дам двух зайчиков.

Ну вот она и дала, они не застрелили.

Идут дальше с двумя-ти зайцами. Увидели лису и вот опять хотели стрéлить. Опять заговорила она человеческим голосом:

— Не троньте, говорит, я двух лисёнок дам.

Они опять не сострéлили.

И вот идут с четырьма́-ти симá зверьками. Увидали медведя и опять хотели застрелить, думают:

— Уж хлеба нет уж ничего.

Вот они прицели́лись, хотели застрéлить. Он говорит:

— Не троньте, я двух медвежонков дам.

Вот они пошли ещё дальше с шестима-ти зверьками. Шли, шли и увидели львицу. И вот они хотели сострéлить, а уж идут без хлеба-то неделю.

И вот она говорит:

— Не стреляйте, я двух львёнков дам.

И вот они шли, шли, шли, шли голодом и холодом всё уж шли без хлеба. И вот дошли до дороги. И на дороге рогатень. Был у рогатины столб, и на столбу было написано: «Вправо идти богатому быть, а влево несчастливому очень». И вот — один младший брат был Григорий, а другой Иван. И вот Иван пошел вправо, а Григорий влево.

Вот которой вправо-то пошел, шел, шел и увидал город. А этот город был весь черным сукном обит. Вот он приходит к городу, а на краю была избушка махонька такаа. В той избушке жила старушка. Вот он зашел к той старушки и спросил:

— Що у вас, бабушка, весь город черным сукном обит?

А она ему в ответ говорит, що койжно утро летает двенадцатиголова змея и ест людей.

— И вот, говорит, завтра будут уж последну девушку ись царёву.

(Я там еще не сказал там восемь зверков было, они розделили обим по четвёро: по одному зайку да так все).

Вот он спросил, говорит:

— Бабушка, где змея это есь людей?

А она говорит:

— Вот этто есь за деревней озеро большуще.

Вот назавтре царевну-то наредили и поводят к змеи-то.

А он это раньше и ушел со своими зверьками, где озеро змей-то выходит. Сидит он у озера со своими зверьками. Вот царевну-то ведут, так он на камне сидел на ту пору. А народ вел царевну, так сто сажень не доходит до камня-то. И вот она пришла к нему и говорит:

— Що ты тут видишь, добрый молодець, говорит, вылезет змей двенадцатиголовый, тебя съест и меня съест. Пойди, говорит, от этого куда-нибудь.

Он говорит:

— Тебя спасу или сам жив не останусь.

И вот у того вшей стала искать, он долго шел лесом, не был в байне-то. А сама колецько ему наложила, было на руки так золотое, а этим четверем-то зверкам всем по лентоцьке, по аленькой привязала.

Вот вылезает вдруг змея двенадцатиголова. А тот спит. Она и начала будить, царевна-то, Ивана. Вот Ивана разбудила. Иван тут вынул саблю и зверков науськал на того змея. Этот змей, как хочет подлетать на царевну ту, как он саблей-то по головам-то по всем, зверки те тасканут змею-то за хвост. Он все головы отсек.

И вот на камню стала сидеть царевна, и он и царевна стала вшей искать. А в то время сидел на берёзы какой-то Ванька-водовоз. Вот Ванька-то уснул, которому царевна-то вшей-то искала, а тем зверкам он

заставил самого-то себя караулить. Вот караулили зверки, сперва лёв караулил — лёвки захотелось спать, вот лёвка говорит:

— Покарауль-ка, мишенька, я спать хочу.

Вот мишенька караулил, тоже спать захотел. Вот мишка говорит:

— Ну-ка, покарауль, лисанька, я тоже спать хочу.

Лиска караулила, караулила и тоже спать захотела, говорит:

— Покарауль-ко, заюшка.

Заюшко караулил, караулил и заснул. Только царевна одна не спит. Вот Ванька-то водовоз, который сидел на березы, слез да царевну-то и взял. А Ивану голову́ отсек.

И вот он, Ванька-то водовоз, пошел в город с царевной-то, а сам заказал, чтобы царевна не сказывала, кто выручил.

— Скажи, що я выручил. А ежели не скажешь, то тоже голову отсажу.

Пришли в город к отцу там, к царю. Вот царь живо свадьбу назавтре сыграл, завтре свадьба будет.

А те зверки выспались, а у Ивана-то голова отсецена. Лёвка кричит:

— Ставай, мишенька, у нас хозяина голову́ отсékли.

Мишенька стал и кричит:

— Ставай, лисанька, у нас у хозяина голову́ отсékли.

Лиска кричит зайку:

— Зайка, ставай, пошто у нас у хозяина голову́ отсékли.

Забранили зайця. Вот лёвка говорит:

— Побегай скорей, зайка, за живой и за мертвой водой.

И зайко скок-поскок, живо убежал. И вот приносит воды два пузырька. И лёвка посылает лисицю:

— Поди, говорит, вóрона живого принеси.

Лиска принесла живого ворона. Лёвка разóрвал вóрона-то на мелкие кусочки, збрызнули мертвой водой, ворон сросся, збрызнули живой водой, ворон улетел. И вот тут забегали все, живо у хозяина голову прилепили, живой водой збрызнули, у хозяина голова срослась, да и не так, вперед затылком да и назад головой. И вот они же взéли да опять отóрвали и опять прилепать стали. Прилепили хорошо. Вот взбрызнули водой живой, он и встал. И говорит:

— Ох, коль долго спал, да впору встал!

А лёвка говорит:

— Да, прóспал, кабы не я, говорит. У тебя голова отсецена была. Ванька-водовоз отсек.

И вот пошли они в город к той же опять избушечке с тема зверкама. Он пошел. Приходит ко старухе и старуха сказыва:

— Завтра свадьба будет у царя. И вот, хто хошь, приходите, царь будет каждого угощать.

Старуха-то сказала Ивану-то.

Вот назавтре Иван стает и посила к царю заяца, чтобы принес от царя капусты. Вот заяц побежал, народ, собаки, кошки за им побежали. Заяц там прибежал под стол да царевны и подает лапку. И вот заяц у царевны попросил:

— Ну-ка, дайте хозяину капусты.

Та так испугалася. Ведь у Ивана-то голову отсékли. Царевна дала капусту зайку. И заяц как понесся с капустой, эх ты! Прибежал и отдал хозяину.

Вот опять лиска посылает за пирогом. Лиска побежала за пирогом, все опять — собаки, люди все побежали за ним. Прибежал и опять под стол,

и опеть царевны лапу подает. Царевна узнала по аленькой ленточке. Пирог дала.

— Иди опеть!

И опеть лиска побежала.

Хозяин опеть посылает мишу за вином к царю. Вот миша похрёпал по городу с тупиком. Кошки, собаки, люди все на побег от мишки. Мишка прямо в царев дом, прямо к царевны несется. Мишка пробежал под стол, просит у царевны вина. И вот царевна посылает ключника за вином в подвалы, с мишкой обои в подвалы ушли. Мишка выбирал, выбирал вино, ходил и понес бочку. Принес к хозяину, хозяин и пить не хочет, худо очень.

Посылает лёвку. Лёвка пошел, даже не подвигается, потихохоньку идет, все убегают. К царю идет, там вся стража у..... и убежала. И вот он заходит к царевны под стол прямо-то. На столе кое-що было, то все срони. Царевны подает лапу, говорит:

— Дай-ко вина.

А царевна догадалась, що те были — эти четыре зверка — так узнала уж. Ключник да лёвка пошли в подвалы за вином. Лёвка и таку выбрал бочку, как с чашку выпьешь, так с ног сшибё. Лёвка принес к хозяину и оставил.

И потом сам хозяин пошел тамоцки на свадьбу. Зашел на свадьбу — свадьба, так не стыдно нисколько уж. И вот эта царевна-то и жаних-то ходят, всем подавают-от вино; всем по стаканьцику. Уж ежели хто повет, царевна от каждого в рот берет из стакана из того же. Далей до Ивана очередь дошла. И Ивану поднесла царевна вино. Иван пил и кольцо спустил в стакан в вино-то, которое дала царевна-то. Вот она и увидела это кольцо — стала подносить к своему рту и говорит:

— Не это, говорит, мой жаних, а этот, который пил сицяс.

А царь спросил:

— А почему? говорит.

— А потому, говорит, меня этот спас, который пил, а не этот, говорит.

А Ванька-то водовоз:

— Я, говорит, спас.

А друг-от Иван говорит:

— Нет я спас. Ежели ты спас, так где головы у тебя? Где, сказывай? Я скажу, где головы, как я спас.

Вот они пробилися в залог:

— Ежели ты спас, ты мне голову отсекешь, ежели я спас, я тебе отсеку.

И вот они пошли, головы де-ка, который спас, так узнавать.

И народ весь за има пошел весь.

Вот приходят, Ванька-водовоз искал, искал головы, не мог найти.

А Ванька-то другой со зверками камень отворотил да и головы все выбросил. Народ говорит:

— Вот кто спас!

Он зверков науськал, зверки живо растерзали Ваньку-водовоза.

Вот царевна да Иван и пошли в город к царю-то. С тем и свадьбу сыграли по-хорошему, по-ладному.

Вот они ночи две ночевали с царевной-то. Вот Иван встает:

— Сёдни пойду на охоту, давно на охоте не бывал.

Царевна не опускает его.

А Иван пошел со своими зверками с четырьма. И вот идет лесом. Увидал оленя с золотыми рогами. И вот эти зверки как понеслися за этим

оленем, так только эх! Бежали, бежали — вдруг лес сделался, эти отстали, а олень убежал.

И вот закуривать стал тут Иван со своими зверками. Вдруг с елушки закричало:

— Добрый мóлодец, сойми меня. Добрый мóлодец, сойми меня!

А Ванька кричит:

— Не сойму (матюкается да и всё).

— Сойми, всё крицыт: сойми, сойми!

А сама все ниже да ниже слезавает. На последний сук слезла. И говорит:

— Сойми, добрый мóлодец!

А тот говорит:

— Нет, не сойму!

— Ну, на, говорит, плетоцьку да одерни своих всех зверков по разу.

Иван взял эту плетоцьку и одернул всех по разу. Все серыма камешкама сделались. А сама взяла опять плётушку да полёзла на елушку.

А Иван пошел, спомнил про Гришку, про своего брата. Стрелились обои братья. Конешно, поздоровкались тут. Обои рассказали кой-што. И отравились в город.

(Я пропустил, не знаю в каком месте, после то оставим). И опять же олень с золотыми рогáми бежит. Вот опять побежали зверки четыре за оленем золотыми рогáми. И вот бежали, бежали, олень опять в лес, а те остались все. А два брата стали закуривать, Иван да Григорий.

И вдруг бабка опять закрицяла с щелушки:

— Соймите меня, добры молодцы!

Гришка-то:

— Соймем! закрицял.

А Ванька-то говорит:

— Не соймем, матюкается.

Вот она стала слезувать, слезла на последний суцёк и сидит. И опять сказала:

— Соймите, добры молодцы, мне, а то нате, говорит, плетоцьку да одерните своих зверков.

Иван-от взял плетоцьку.

— Ну, говорит, слезовой сейцяс только.

Вот она слезла. Он как начал ее лупить. Вот взглянули под елушкой-то ставень, открыли, там огонь горит. Они бабу-то взяли да и бросили в огонь.

(Я скажу пропущенное.

Ушел Иван на охоту и долго не был. И вот они поехали искать, царь-от со своим войском. И вот ехали, ехали — увидали Гришку-то, брата-то. И вот царь-от взял Григорья-то и повез на место мужа-то. А Григорий ницого не говорит. Ладно, из лесу-то вышли, так у царевны жить цем худо? Вот ноцъ прóспали. Мужик-от приходит к царевны-то. Вот они стали жить, поживать да и теперь живут. А зверки те ожили, он отстегнул).

Василий Степанович Панфилов, 72 г.

74. КОНЬ МЕДНЫЙ, ЧЕЛОВЕК ЗОЛОТОЙ

Вот бывало-живало жил старик со старушкой. Вот у их была новинá роскопана, значит, под хлеб, ячень сеяли. Вот посеяли житьё, и стал смотреть старичок это житьё на своей полосы. И очень великолепно жито

ростет, таких жит на редкость растет. Приходит и говорит старухе своей:

— Ну, старуха, слава богу, хлеба довольно нам.

Стало жито колоситься и выколосилось, большую часть выколосилось золото колосье у хлеба. Вот он день не был, на другой пришел в эту новину. У его кто-то стал щипать колосье золотое. Вот он и говорит старухе, grit:

— У нас колосье кто-то стал щипать, я пойду караулить ночью.

Ночь сидит, едет человек: конь медной, человек золотой на это поле. Он взял подкрался да за уздецю-то и поймал.

— А это мой хлеб родился-то, не твой, — человек золотой отвечает ему.

Ну вот они и здорить. Человека он захватил, конь убежал от них.

— Я тебя, говорит, в суд предам, я сеял, говорит.

Ну вот у них дело до суда дошло. Вот присудили человека золотого посадить на год в темницу.

— Когда не ты сеял, а ты кормишь хлеб-от.

Жили вот недалеко от царя, вот в Петрограде, например. И передали от темнички ключи царице, щобы хранить.

Ходил Иван-царевич на уличу и припадат к окошку, где сидит человек золотой. Вот человек золотой и говорит:

— Иван-царевич, выпусти меня из темнички.

А Иван-царевич отвечает:

— Как же я выпущу, у меня ключей нету, говорит.

— Поди, говорит домой, у твоей маменьки ключи в кармане, говорит, и ляг к ней на колени да и говори: маменька, у меня головушка болит. А в то время ты, говорит, у ей ключи вытащи да отвори, говорит. Я тебе пригожусь, говорит.

Иван-царевич пошел к маменьке да и лех на колени и говорит:

— Ах, маменька, у меня головушка болит сегодни.

Она его покуда гладила по головы, он ключи и вытащил с кармана.

— Маменька, я на улку сбегая опять!

Он и побегал да у темнички двери отворил, отомкнул. Человек золотой и вышел. Человек золотой ему и сказал:

— Ну, Иван-царевич, когда тебе трудно будет, будешь ты не в счастья, ты меня и вспомни, я тебе помогу, говоря.

Ну вот домой приходя, опять таким же манерчиком лег к матери на колени, опять «головушка болит» говорит. Та в кое время гладила, он ключи положил как ни в чем не бывало. Ну вот хорошо. Хватились — в темнички человека нет. Узнали, що кто его, как выпустил. Стали:

— Ключи, говоря, у царицы, так она и выпустила, больше некто.

Вот собрание тоже собрали, куда царицу девать, знать, лишить здешнего городу. Ну собрались. Кто куды: тот туды, ин инуду. А Иван-царевичу мамки жалко стало, що останется без мамки, плохо дело. Вот он и говорит:

— Нет, говорит, не мамка виновата, я виноват, я взял ключи у ней с кармана, я выпустил этого человека.

Мамку он оправдал. Его присудили с здешнего города выслать, куда хощь иди. И дали ему пастуха Игнашку.

Вот они хлебця взели и пошли, куда глаза глядя. Ишли близко ли далеко, пить захотели, увидели колодець. В колодеце доставали воды, не могли так достать напитокся. Иван-царевич и говорит:

— Пастух Игнашка, спустись в колодець, говорит, сам напьесся и меня напоишь, говорит, и оба напьемся.

А пастушок Игнашка отвечает:

— Нет, Иван-царевич, ты спустишься, я тяжелый, тебе меня не вытянуть, а я тебя вытяну. Ты напесся и меня напоишь, говорит.

Иван-царевич взял да и спустился в колодезь. Иван напился да Игнашку напоил, подал ковшик напиться. И оба напились. Иван-царевич говорит:

— Игнашка, тащи меня из колодезя!

А Игнашка ему отвечает:

— Давай именами сменяемся, пускай ты будешь Игнашка-пастух, а я Иван-царевич, тогда вытяну, а так не тащу.

А Ивану-царевичу не охота менять именами, да и в колодезе погибать не охота.

— Давай, говорит, ты будешь Иван-царевич, а я Игнашка-пастух.

И сменялись. Возьмет Игнашка того из трубы вытащит, из колодезя, когда уж именами сменялись. И опять напились и отправились в одну сторону.

Шли близко ли далеко ли, бог знает сколько, и пришли в другое царство, значит. Вот приходят там к хорошему царю ле, королю ле, вот к нему на фатеру становиться. А пастуху комнату дали. Он сказал, что у меня есь пастух такой, так ему комната же натъ. Ну вот:

— Нет ли у тебя, кого пасти, царско величество, есь у меня хороший пастух.

— Есь, говорит, у меня сорок жеребцей хороших и тоже кобыла, да ему не упасти.

— Не упасё, так голова с плеч.

Ну вот сейчас, ночь переночевали, утром пастуха Игнашку отряжают коней пасти. Вот сейчас отворили, жеребцы выскочили, и след простыл. Как молния пролетели. А он не знает, куда и идти.

Пошел этот Игнашка-пастушок, задумался, все равно живому не бывать, коли посулили. День прохожу как-нибудь. Шел, шел да и призадумался, да и сел.

И думат там кой-чего.

— А де же, говорит, конь медной, человек золотой? Говорит: не поможа ли мне?

Спомнил человека. Человек золотой:

— Я, говорит, тут, Иван-царевич, пойдем со мной, говорит.

Пошли, двери открылись, и зашли туда под землю. И таки залá открылись. И приняли тут пастуха Игнашку, напоили, накормили и спать повалили, допьянá.

Ну вот спал до вечера. Человек золотой и будит:

— Вставай, Иван-царевич, пора вставать.

Он встал, умылся, утерся, опять закусил.

— Иди, говорит, кони тут на уличи.

Прибежали, у его уж там скóплены все.

Вот хорошо. Он вышел из этого зала и закричал:

— Эй, кони, идите домой!

Кони и взялись домой. Он кричит:

— Эй, отворяйте ворóта!

Ворота отворили, коней запустили. Вот государь и говорит:

— Ну, хороший пастух, видно: спас коней.

А этот говорит:

— А близко, говорит, убежали, завтра надо подалей, пусь-ко он побегат за ими.

А у этого царя есь хорошая дочь королевна, значит, очень красовита, уже очень знаменита. За тем не ухажива, который на фатеры живеги, а за пастухом ухажива. Приходит к ему на фатеру потолковать. Еше у человека у золотого большая дочь дала ему салфетку золотую. Только раздери, так питенья-яденья сколько угодно.

Ну опять на второй день коней выпускают пасти, до трех ден надо пасти. Кони убежали, не знают куды. Пошел да опять в то же место сел. Сел и говорит:

— Конь медной и человек золотой! говорит.

— Я, грит, тут. Пойдем опять со мной. И опять отправились.

Опять заходя туды же в те же комнаты. Садят его за столы дубовы, за скатерти браны, еше лучше того, как в первый день был. Ну вот, напоили, накормили, опять на постелю повалили. На постеле лежит доколе не разбудит человек золотой.

— Вставай, говорит, Иван-царевич, кони на уличи, говорит. Пойди, говорит, за има да кричи, они найдут дорогу сами, только щобы ворота отворили, коней запустили.

Пастуха Игнашку опять запустили и ужной кормят. А Игнашка того хлеба не ест, своя скатеретка ест, напоит накормит чише их. Эта королевна опять к нему в фатеру заходит. Баюг, разговариваюг, а скатеретку раздёрнул да и говорит:

— Садись, царевна, покушай!

Ну, по редкому свиданью по рюмоцьки-то и выпили. Ну вот царевна ушла, королевна, он лег отдыхать опять. Еше день пасти на'т, третий. А ему не страшен нонь суд — помогат человек-от.

Назавтра стали поутру, его опять отрядили пасти. А он не смотрит, куда кони пошли. Он свое дело знат да только и говорит:

— Конь медной, человек золотой, опять! Опять пойдем со мной, говорит.

Опять в третью залу завел, еше лучше. Опять за столы дубовы садит, скатерти браны. Опять тут всего колько хошь пей да ешь. Ну вот опять напоили, накормили, опять на постелю повалили. Лежал покуда ему надоть. Опять разбудили.

— Вставай, Иван-царевич, кони на уличи.

Ну опять вышел, закричал, кони опять побежали на свое место, куда на'ать. Коней запустили, сам опять по свою фатеру забрался. Коней отпас. Опять к нему королевна приходит на фатеру. Ну он раздёрнул скатеретку, всего больше старого. Посидели, попили.

— Ну, говорит, пастушок, мне сегодня последний день, говорит, уж. Завтра такой-то король наступает с войском, хочет нашу силу победить и меня силой увести в свое царство. Завтра на таком то-поле будет собране, битва значит.

Ну вот, хорошо. Назавтре дожили. Действительно выступат король с войском, столько-то войска выставляет на чистом поле. Ну, король войско свое отряжает и сам собирается выехать с Иваном-то царевичем, шо имя-то сменил: посмотреть, как люди-то стараться будут. Ну вот сейчас это войско отправилось, и они сзаду отправились на битву.

А эта королева, не друго слова, как они уехали, сейчас к Игнашке-пастуху в комнату.

— Ну, говорит, уехали на битву, говорит.

— А мне, говорит, нельзя ли съездить, нет ли лошади?

Это Игнашка говорит королевне.

— А поди, выбирай любую лошадь.

Игнашка-пастух пошел, коя получше лошадь взял, сел на лошадь, немало отъехал да за хвост схватил, кожу сдернул.

— На-те, говорит, сороки да вороны, от царя обед вышел, говорит. Пошел.

— Конь медной, человек золотой, мне конь на'ть!

— Я здесь, говорит, пойдем, в таком-то подвале есь конь, говорит, за семи замками на семи цепях, говорит, тот тебе конь, говорит.

Ну вот зашли, замки все отворили, отомкнули, конь заржал, на колени пал перед пастухом. Седок правой рукой по спыны хлопнул, седло обседлал и на коня сел и поехал на битву-то на чисто поле. Вот проезжат по чистому полю, по всему войску проехался, прибил, промелькнул как молния.

Этот и говорит, что эт' пастух, который будто Иван-царевич:

— Вот как бьются из-за меня люди!

Король его и выхвалил в то время, що войско все победили.

Вот этот коня сдал опять человеку-то. Сам опять пошел в комнату. Эта королева приходит и говорит:

— Что там деетсяя?

А он ей отвечает:

— Очень хорошо, говорит, все побежно.

Ну же приехал этот король, такой пир сделал, веселье, що победил. А Игнашку-пастуха не подчуют.

На второй день еще тот король больше войска выставляет, вдвое силу, победить и дочь утащить. Ну вот поутру ставают, опять войско отряжают, и сами-то задом отправляются смотреть, как люди работать будут. А королева опять в эту комнату к пастуху, к Игнашку завернулась и говорит:

— Вдвое войска теперь выставляют, ничего не поделатъ, говорит.

А пастух Игнашка говорит:

— Дай-ко мне какую-ни'ть лошаденку, я тоже сползаю.

Она отечат:

— Пойди, говорит, любую лошадь выбирай.

Ну вот он сходил, узду наложил, лошадь прибрал себе, опять завернулся и поехал. Только выехал с ворот, за хвост дернул, кожу сорвал:

— На-те, говорит, сороки, вороны, от царя обед вышел.

Пошел.

— Конь медной, человек золотой, лошадь на'ть!

Человек тут:

— Изволь, говорит, опять тот же конь.

Пришел, уздечку наложил, седло наложил, завернулся, опять полетел на том же коне. Как проехал в чистом поле, назад заворотил — чисто, гладко, больше войска не осталось за им, всех прибил. Ну вот этот король стоит со своим служащим.

— Вот как за меня люди стараются!

Ну этот король на радостях пир сделал. А пастух Игнашка давно дома уж. Ну те приехали домой, опять стали пировать да баловать на радостях.

Еще на третий день открывают втрое больше войска, еще хоче взять его в плен и дочь увести чтобы. На третий день выступаа опять войско и тот много отправляет на чисто поле. А сами сзаду отправляются, опять тоже король с царевичем. А королева опять бежит к этому к Игнашке-то к пастуху в комнату.

— Вот, говорит, сегодня король втрое больше выставил войска, родителя возьмет да меня увезут.

Пастух говорит:

— Как-нибудь постараемся, говорит, дай лошадь опять.

— Пойди, выбирай любую, говорит, там.

Ну, тот пошел в конюшню, уздечку наложил, сел на лошадь, опять из ворот выехал, за кожу дернул, кожа слетела.

— На-те, говорит, сороки да вороны, от царя обед вышел вам.

Пошел.

— Конь медной, человек золотой, лошадь наать, опять ехать на битву!

Человек золотой как тут и есь. Опять:

— Бери коня, говорит.

Заходит в конюшню, коня берет, уздечку накладывает, садится в седло и отправляется в чистое поле. Вот приехал в чисто поле, раз проехал — уличу сделал, второй раз — втору. Третий заворотился — победил войско все, сам скрылся и уехал.

Тот король да Иван-царевич отправились тоже домой. Ну вот домой приезжают, пастух в свою комнату. А оне опять веселиться и пировать. Заключили уж с Иваном-царевичем брак, на завтра свадьба.

Вот королевна к нему приходит опять вечером, к Игнашке к пастуху. Посидели, побаяли, поговорили, попиrowали с пастухом.

— Вот, говорит, посмотри под рубашку под пазуху — у меня черное пятнышко. Нихто меня по колено не видал белого тела. Вот ты признашь, говорит, так я буду твоя невеста.

Вот ночь переспали, назавтре пирком да делком да и свадебкой. Король сбирает знаменитых людей, да и на свадьбу зовет всех. Скопляются, сряжаются все, народу ма́ста. Иван-царевич вооружается тоже под законной брак, тоже и за стол садится.

Стали пировать да закусывать да всё, да тут невеста приходит и говорит:

— Кто у меня, говорит, како знамя зна, так, говорит, за того замуж пойду, а не угада, так не пойду.

Жених угадывал, угадывал, как ничего не знат, так чого угадашь?

— Из посторонних людей не знат ли хто, можно допросить всех прочих.

А Игнашка-пастух тот еще во своей комнаты сидит. Ну того, пятого десятого допрашивали, нихто ответу не мог дать. Невеста и говорит:

— Папенька, нет ли в наших конюшнях народу, еще есь пастух, не знает ли хто чего?

— Послать, говорит, за ним!

А жоних сидит и говорит:

— Да уж мы не знам, так Игнашка подавно не знат, говорит.

А невеста напират, говорит, що послать за него, привести сюда. Посла послали, Игнашку привели к столу, ну и спрашивают:

— Из чего невеста, каки признаки знашь?

А Игнашка пастух и отвечает:

— Есь, говорит, у ней под правой под пазухой черное пятнышко.

— Вот, говорит, то есь мой жаних, а это не есь жаних.

Тот Иван, кой пастушок был, говорит:

— Дайте полчаса приготовиться на свадьбу-то, того сменить жениха-то.

Вот он вышел во свою комнату и покликнул:

— Конь медной, человек золотой, приготовляйся на свадьбу со своей семьей. И сряди меня как следует.

Человек золотой приготовился и срядил как следует быть. И зашли к королю за стол, а этого жениха протащили из царства того, протащили, хотели убить да так и не убили.

А Иван-царевич настоящий женился, и стали жить и быть и всё. Не знаю, живы или нет нонече.

Василий Ипатович Фофанов, 17 л.

75. ЛЮДОЕДКА ОДНОГЛАЗАЯ

Жил кузнец, и шел он раз позно вечером. Потемнело, и зашел в дом. В дому пусто, нет никого. Он залез на печь и ждет, кто придет. Дале идет баба с баранами. Много баранов с ней, гонит стадо. Вот он не знает, как быть тут, стал подумывать как быть. Вот она говорит:

— Я тебя и съем.

Так и ночевали ночь. Назавтра баба стала выгонять этих баранов. Вот он говорит:

— Отпусти меня, не ешь, глаз сварю.

У ней-то один глаз был. Та:

— Ладно, говорит.

Тот расклат огонь, накалил железный молот, палку, вот говорит:

— Подставляй глаз!

Вот он взял да по здоровому-то глазу этим каленым как дал! Ну та и закричала, ослепла вовсе.

— Ладно, говорит, злодей, тебя не отпущу живым.

Затем та стала баранов выпускать. И вот он взял свою шубу преворотил кверху шерстью и оболоч. Та стала баранов по одному и выбрасывать по шерсти. Пришла очередь тому кузнецу. Вот она схватила его да и выбросила. Так наш кузнец и удрал.

Евдокия Федоровна Фофанова, 12 л.

76. МЕДВЕЖЬЯ ПЕСНЯ

На кусте двор,
 На коле воротá,
 Живё сам да самуха,
 Старик да старуха,
 Девка да парень,
 Котушко Соломонушко,
 Собацька Пустолаецка,
 Сива кобыла,
 Сера корова,
 Да шесь овецъ.
 Пришел медведь
 И просит овцю:
 — Дай овцю,
 А то в грязь стопцю
 Да повывороцю,
 Да повыволоцю. —

Старик говорит:

— Старуха, хорошо медведь поё, даем овцю-то.

Они овцю-то и отдали. Он съел овцю да и спал. Назавтре опять овцю просит. Старик говорит:

— Старуха, он хорошо поё, дадим овцю-то, пусь у нас цетыре будё.

Медведь съел, тут же ноцевал да просит опять овцю. Старик говорит:

— Отдадим, старуха, пусь у нас три останется.

Опять медведь съел овцю, опять пришел. Старик говоря:

— Старуха, отдадим еше овцю, пусь у нас две останется.

Отдали. Медведь опять пришел просить овцю. Старик говорит:

— Старуха, отдадим, пусь у нас одна останется.

Медведь опять пришел назавтра просить овцю. Старик говорит:

— Старуха, отдадим последню. Пусь у нас ни одной не останется.

Не надо обряжаться.

Медведь опять назавтра пришел просить котушка. Старик говорит:

— Отдадим, старуха, котушка, пусь он ись.

Они его отдали ему. Медведь съел да и назавтра опять пришел просить собацьку. Старик говорит:

— Давай, отдадим собацьку. Пусь у нас мало буде, медведю н'ать.

Медведь опять пришел просить серу корову. Они и отдали ему. Медведь съел, назавтра пришел просить сиву кобылу. Медведь съел. Назавтре пришел просить девку. Старик говорит:

— Давай, отдадим девку, у нас один парень буде.

Оне отдали. Медведь опять назавтра пришел просить парня. Парня отдали медведю. Медведь опять тут съел да пришел просить старуху. Старик говорит:

— Цо будем делать, старуха, пойди ты!

Старуха говорит:

— Пойди ты!

Они задралися тут. Медведь пришел и обоих съел. Сам тут ноцевал да назавтра всё, хлебы и всё съел.

Вся.

77. МЕДНАЯ, СЕРЕБРЯНАЯ И ЗОЛОТАЯ ИЗБУШКА

Жил-был царь. У его было три сына. У их в саду под окном кто-то яблоки воровал. Царь посылал большого сына каравулить. Говорит:

— Пойди, каравуль всю ночь, говорит, кто ворует яблоки?

Тот пошел, взял подушку да перину, постелил место да и лег спать. Уснул да и до утра. Пришел домой сказываться:

— Я никого, отец, не видал в саду.

Царь посылал другого сына. Тот тоже взял подушку да взял перину, лег спать да и уснул до утра. Пришел, отцю сказыва:

— Отец, никого не видал, говорит.

Царь посылал третьего сына. Тот взял подушку да взял одеяло, пошел в саду все смотреть. Сел под кус, сидит и слышит: кто-то шаржит под кустом. Увидел белого медведя, ходит, яблоки и их ворует. Он пошел домой отцю сказывать:

— Я, отец, видел, говорит, белого медведя, он ворует у нас яблоки, убежал в под землю, в нору; стал звать братьей.

— Братья, говорит, вы меня там спустите, я пойду медведя ловить.

Пошли братья его — там спустили. Он пошел. Видит — там стоит избушка медиа. Зашел в избушку — сидит девушка, перевивá с клубка на клубок нитки. Он пришел. Девушка-то спрашива у его:

— Куда, Иван, сын царевич, пошел?

Тот говорит:

— Не напоила, не накормила и стала спрашивать.

Та напоила и накормила и стала спрашивать, говорит:

— Куда, Иван, сын царевич, пошел?

Он говорит:

— Пошел белого медведя искать, говорит, он у нас всё яблоки ворую, дак на'ать его поймать.

Девушка-то ему и сказала:

— Там есь еще две девушки да бабушка. Он с има живё. Назад пойдешь, так возьми меня взамуж.

Он говорит:

— Ладно.

Он пошел, видит — другая избушка стоит, серебряна. Зашел в избушку, сидит девушка, с клубка на клубок серебро перевивае, спрашива его:

— Куда, Иван, сын царевич, пошел?

Тот говорит:

— Не накормила, не напоила да и стала спрашивать.

Она его напоила и накормила да и спрашива:

— Куда пошел? говорит.

Он:

— Я пошел белого зверя имать, он у нас яблоки ворую.

Девушка говорит:

— Там живет девушка да бабушка, так он с има живё. Назад пойдешь, так меня взамуж возьми, говорит.

Говорит:

— Возьму.

Пошел далее, видит — стоит избушка золотая. Зашел в избушку, сидит девушка, золото с клубка на клубок перевивае. Стала его спрашивать:

— Куда, Иван-царевич, пошел?

Иван говорит:

— Не накормила, не напоила да и спрашивать стала.

Она напоила, накормила да и стала спрашивать:

Иван говорит:

— Я пошел белого медведя бить, он у нас яблоки ворую.

— Пойдешь назад, так меня возьми взамуж.

Он говорит:

— Ладно.

Говорит:

— Белый медведь живет, там есь бабушка, так он с бабушкой живет.

Он пошел. Пришел к избушке. Избушка на курьей лапке, на веретён-ной пятке.

— Избушка, избушка, остойся, остойся, к лесу глазами ко мне воротами!

Она остоялась. Зашел в избушку, в той избушке сидит бабушка, спрашива:

— Куда, Иван-царевич, пошел?

— Не напоила, не накормила да и спрашивать стала.

Бабушка накормила, напоила да и стала спрашивать. Он говорит:

— Я пошел белого зверя убить.

Она говорит:

— Подожди, белый зверь си́яс приде. Он тебя заставит байну топить, заставит париться тридцатипятипудовой палкой, говорит, сделай себе двадцатипудову и станешь парить, так он скажа: «Добрый молодец, еще поддай», так не парь его больше, а то он тебя съес. Он много людей переел. Сколь не придё, все съес.

Идё медведь белой.

— Фу-фу-фу, как русской коской пахне! Иван, сын царевич, поди-ка, байну топи.

Он пошел, истопил байну-то, зовё медведя:

— Пойдем в байну-то.

Пошли в байну. Он его повалил на порог, наподдавал и стал парить. Парил, парил, тот заревел:

— Добрый молодец, еще поддай!

Он не стал парить, медведь-то закорчылся да и помер. Иван-от пошел, выпросил ножа на деревне, медведя содрал шкуру. Приворотил к бабушке, отдал нож и пошел домой. Привернул к той девушке, говорит:

— Сряжайся, си́яс пойдем.

Она оделась, избушку на клубок свила, положила в карман, да и пошли. Пришли к другой девушке, к серебряной-то. Говорит:

— Сряжайся, си́яс пойдем.

Та оделасе, избушку на клубок свила, да и пошли. Пришли к третьей девушке, к медной избушке.

— Сряжайся, си́яс пойдем домой.

Та оделасе, клубок положила в карман, и пошли. Там пришли к норы-то, тут ворон с воронятами. Воронята-ти все замерззли. Иван взял их, завернул в шкуру и отогрел. Они и побежали.¹⁶ Иван сказал:

— Братья, тащите!

Братья-ти потащили, вытащили девушку, дак и задралися. Обeim девушка на'ать. Оне опустили веревку, Иван посадил девушку и крицыт:

— Братья, тащите!

Братья вытащили, пуще того задралися. Иван ревё:

— Братья, не деритесь, еще басче есть.

Братья опять спустили веревку, и он посадил девушку, опять крицыт:

— Братья, тащите!

Они вытащили, опять задралися еще пуще. Иван и крицыт:

— Братья, меня-то тащите!

Они потащили его, вытащили да опустили вниз, да и убился, порато вередился. Воронята увидели тут его. Иван стал просить у ворона:

— Вытащишь ли ты меня кверху? говорит.

Вот он пошел, зарезал там где-то быка, принес мяса, сказал Ивану-царевичу:

— Ты пихай мне мясо в рот, как я скоцу.

Иван сел, поехал там кверху. Он кажный раз клал кусок-те. Дале мяса не стало, близко-то кверху. Он взял у себя от ноги отрезал мяса да и сунул в рот-от. Он и вывез. Он пошел домой, захромал. Ворон спрашива:

— Що, Иван-царевич, хрaмёшь?

Говорит:

— Да тебе мяса не хватило, так я отрезал от своей ноги.

¹⁶ Слушатель перебил: — Нет полетели. Ответ сказочницы: — Нет, побежали, маленьки.

Ворон выплюнул мясо да и прилепил к ноги. Иван и пошел домой. Пришел, там уж свадьба у их дома-то. Он пришел, глядит — та сидит за столом, егова-то невеста. Он взял ей, да стали жить. Она поставила избушку — развила с клубка-то.

Они стали жить да поживать, да добра наживать.

78. ВЕКУШКА

- Векушка горожаноцька, где ты была?
- У города.
- Что делала?
- Кóней пасла.
- Кони-ти где?
- И Николкиных ворот.
- А Николка-то где?
- За ворота ушел.
- Ворота-ти где?
- Водой потопило.
- Вода-то где?
- Быки выпили.
- Быки-ти где?
- В гору ушли.
- Гора-то где?
- Церви вытощали.
- А церви-ти где?
- Гуси выклевали.
- Гуси-ти где?
- Гуси за лес улетели.
- Лес-от где?
- Люди высекли.
- Люди-ти где?
- Люди примерли.
- Могилы-ти где?
- Могилы травой заросли.
- Трава-то где?
- Косьци выкосили.
- Косы-ти где?
- Косы выломаны.
- Обломки-ти где?
- Х кузьнецю снесены.
- Кузьнець-от где?
- На погосте живё
- Колокольчик куё.
- Он ковал да ковал,
- Свою голову сковал,
- На кол посадил,
- Да г... накадил.

КАРПОВА ГОРА

Константин Лаврентьевич Шофанов, 65 л.

79. ТРИ ЦАРСТВА: ЗОЛОТОЕ, СЕРЕБРЯНОЕ И МЕДНОЕ

У царя было три сына. А царица одна. Первый был Семен, второй Григорий, а третий Василий. Вот этому царю случилось ехать в дальний путь. Он царицы дает такое навестание, что говорит (три сада у его было):

— В первый сад ходите, во второй сад ходите, а в третий сад я только сам один раз в год имею ходить, не ходите в третий сад.

Хорошо. Царь уехал. Вот дети просят маму:

— Мама, пойдем в сад гулять.

Значит, царица с детьми и пошли в сад. В первом саду гуляли, во втором гуляли, а в третьем царица не позволяет.

— Не позволяю, так не ходите.

— Ну ладно, мамонька, не пойдем.

И наавтра опять пошли в сад гулять.

— Мама, зайдем в третий-от сад гулять.

— Нет, папа не велел.

Значит в этот, в третий сад и не пошли. На третий день пошли с царицей с детьми гулять. Вот дети приступили к мамы.

— Хоть немножко заглянем в третий сад!

Вот царица и решилась.

— Ну, говорит, дети, пойдемте, говорит, в третий сад.

Она открыла сад, зашла в сад, и под правым деревом, как зашли в сад, случился шум и гром. Налетел Кокот Кокотовиць Крёкот Крёкотовиць, схватил у них мать и унес.

Дети заплакали, погоревали. Трое их, три сына; что делать? Мамы нету, папы нету. Кокот Кокотовиць Крёкот Крёкотовиць унес. Они заплакали, заплакали, погоревали.

— Уйдемте, щобы нас не унес Кокот Кокотовиць Крёкот Крёкотовиць.

Взяли закрыли сад и ушли домой. Приезжает царь, детей увидал, всех поцеловал, благословил.

— А где ваша мама?

— Папенька, Кокот Кокотовиць Крёкот Крёкотовиць унес.

— Поцему же вы, говорит, в третий сад взошли?

— Нам захотелось посмотреть.

Ладно. Жили, пожили. Вот старший-то сын Семен:

— Папенька, говорит, благослови меня в чисто поле погулять, людей повидать и себя показать, Кокота Кокотовиць Крёкота Крёкотовиць поимать. И маменьку отыскать.

— На добро дело, дитятко, здумал, бог тебя благословит. Поезжай.

Выбрал коня и поехал старший сын Семен. Вот и уехал. Приезжает этот Семен к великой горы. А круг эту гору ездит богатырь. У этого богатыря сестра увезена Кокотом Кокотовицем Крёкотом Крёкотовицем.

По оцереде просил сын Григорий:

— Папенька, говорит, дай мне благословения в чистом поле погулять, людей повидать, себя показать, Кокота Кокотовиць Крёкота Крёкотовиць поимать и маменьку поискать.

— Ну, бог благословит тожа и Григорья.

А младший-то сын Василий начал тоже проситься:

— Папенька, благослови в чистом поле погулять, людей повидать, себя показать, Кокота Кокотовицзя Крёкота Крёкотовицзя поймагь и маменьку поискать.

Царь не согласился.

— Нет, говорит, я двух сыновей больших лишился да и царицы лишился, ты младшой, мой любимой, говорит, да тебя отпущу, дак тогда я живой в землю пойду.

— Ну, он говорит, спустишь добром дак пойду, и не спустишь — пойду.

Он и сказал:

— Бог благословит, дитя! Выбирай, говорит, коня самолучшего.

Пошел этот Василий-царевич в конюшню. На которого коня руку наложит, конь на колени падет, не несет богатырской руки. Он г'рит:

— Ну, родитель, г'рит, нет уж у тебя в конюшни лошади, так я пойду пешой.

Отправился пешой Василий-царевич. На пути встретила старушка:

— Куда, Василий-царевич, путь держишь?

Он пнул эту старушку. Старушка побирушка, значит, кусоцки все рассыпались, собрала в корзинку и опять к Василью-царевичу с просьбой:

— Куда, Василий-царевич, отправился?

Он опять ее пнул и кусоцки опять посыпались. Третий раз он ей пнул, и третий опять кусоцки рассыпались.

Вот она кусоцки собрала третий раз и подошла к ему.

— Куда ты, Василий-царевич, отправился?

Он тогда только и спомнил:

— Что, бабушка, говоришь?

— А вот что, Василий-царевич, ты коня не нашел, говорит, так иди в тот сад, где у тебя мать унес Кокот Кокотовицъ Крёкот Крёкотовицъ и под само то дерево, откуда Кокот Кокотовицъ Крёкот Крёкотовицъ унес мать, выкопай яму сорок сажень глубины. За двенадцати дверями за двенадцатью замками на двенадцати цепях стоит конь. Он неезжаной. Вот этот тебе будет конь, слуга верной и неизменной.

Пришел Василий царевич в тот сад, где его мать унес Кокот Кокотовицъ Крёкот Крёкотовицъ, выкопал яму сорок сажень глубины и ширины, в дверь топнул ногами, дверь и замок сломилось. А этот конь двенадцать цепей, одиннадцать дверей проскомил, выскоцыл наружу, а Василий-царевич накиннул руку, конь пал на колени, проговорил:

— Василий-царевич, дай мне трои сутки поить, трои сутки попить и трои сутки покататься, тогда я буду слуга твой верно и неотменно.

Василий-царевич его отпустил на трои сутки поить, на трои сутки попить и на трои сутки покататься. Вот когда он трои сутки поел, трои сутки попил, трои сутки покатался, пришел и говорит:

— Садись, Василий-царевич, и поедем, куда тебе угодно.

Поехали мимо царских палат, только палаты затряслись. А царь выскоцыл на крыльцо.

— Кто? Кто? ...

А Василья след простыл. Приезжает Василий к этой к великой горы. Богатырь ездит и два брата — Семен и Григорий. Этот Василий и говорит богатырю:

— Богатырь, поднимай лестницу на гору!

Этот богатырь лестницей и с места не мог пошевелить. Семену говорит... (Ой, да я и забыл уж. Эти богатырь да два брата — дак до коленей

тропа уж пробита вокруг горы, а на гору-то уж не знают). Семену-то тоже говорит:

— Поднимай! говорит.

Брат Семен не может. Только пошевелил лестницу.

— Ну, брат Григорий, и ты, говорит, поднимай.

Григорий тот немного-то на гору-то не закинул.

— Давай, говорит, придется мне самому уж лестницу-то поднимать.

Как возьмет Василий-царевич лестницу на гору-то и закинет.

— Ну, говорит, богатырь, полезай!

Богатырь лазил, лазил, не знаю, высоко ли, далеко ли и воротился назад. Богатырь боится.

— Полезай, Семен, брат старший!

Семен полез, полез, лазил, лазил, тот же воротился.

— Давай уж, Григорий, полезай!

Григорий тоже лазил там, далеко ли, близко ли, сердце оммирает, воротился назад.

— Ну, говорит, караульте моего коня!

Ладно. Они и остались, братья, караулить коня.

— Я сам полезу!

Вот Василий-царевич залез на гору. Залез он на гору — лежит тропа. Он по тропы пришел к дубу и сел под дуб, сидит, дожидает, что будет. Прилетела птица такая огромная, порхат землю, а он ее гладил, гладил да на птицу-то и сел, да руками-то и захватил. А эта птица да прямо к ему, к отцу, к царю.

— Поди домой!

— Нет, голубушка, где взяла, тут и положь.

Она полетела в лес дремучий, как бы его на сучья улепить. А он уж руками за шею уцепился, держится крепко.

— Не улегишь, врешь!

Она полетела к синему морю — давай его в воду топить, в воду ушла. А он приговарива:

— Где взяла, тут и положь.

Вот она летала, летала, по белому свету носила, а он не отпускается.

— Нет, где взяла, тут и положь.

И она опять на ту гору залетела.

— Сходи, говорит, царевич, с меня, избавь меня.

— А отдай из-под правого крыла золотой костылек!

Ну, волей неволей птица отдала ему золотой костылек. Он получил от ней золотой костылек и пошел по правой тропинки, две дороги разошлись. Приходит, стоит медное царство и царь-девица царствует.

— Куда, Василий-царевич, направился?

(На-ко, поди-ко, она-де там, а знает, що он Василий-царевич).

— А я пошел Кокота Кокотовиця Крёкота Крёкотовиця искать. Он у мя родну мать унес.

— А возьмешь ли, грит, меня замуж?

— Возьму, как не возьму таку девицу, царь-девица, медно царство.

— Иди, говорит, подалее, там есь сестра старше меня живет, говорит.

Этот Василий-царевич поблагодарил, пошел дальше. Пришел, царство стоит серебряно, а царь-девица ткет красна.

— Сто локот на пришьвицю,¹⁷ красна девица!

¹⁷ Часть ткацкого стана.

— Куда, говорит, ты, Василий-царевич, пошел?

— Я пошел Кокота Кокотовица, Крёкота Крёкотовица искать. Он у мя родну маменьку унес.

— Возьмешь ли мя замуж?

— Возьму!

— Иди дальше, там еще старше сестра живет, та больше знает.

Приходит этот — царство золотое и девица шелковы кросна ткет.

— Сто локот на пришьвицю, красна девица!

— А куда, Василий-царевич, направился?

— Пошел я Кокота Кокотовица Крёкота Крёкотовица искать. И родну матерь он у мя унес.

А эта девица и говорит:

— Да ведь Кокот Кокотовица Крёкот Крёкотовица мой родной ба-тушка.

— А как тебя взять?

— Но помни одно слово и меня не губи, если ты замуж меня хочешь взять. Вот тебе и спичка моя, говорит (спичку дала). Вот тебе и ложка обломок. Но помни, иди теперь по правой дороги — будя столб. На столбу написано: «В праву дорогу идти — добра не видать, в леву дорогу идти — живому не бывать». Но помни, по левой дороги пойдешь, будет большой дом каменный. В дом войдешь, сидит богатырева сестра и твоя мать. Ты с има не здоровайся, как быдто ты и не знашь их, а вот стань за лавкой в большой угол; над иконой — ключ. Возьми этот ключ и ничего не говори, но пожалуста торопись к столбу. Придешь — сиди. Придет Кокот Кокотовица Крёкот Крёкотовица сам, он тебе скажет: «Иди в леву дорогу!». Ты не ходи сам-от, а Кокоту Кокотовицу скажи: иди сам. Кокот Кокотовица пойдем сам. Будет озеро, он тебя будет посылать в воду, а ты не ходи, а скажи, что я не знаю броду и нейду в воду, а бреди сам. Кокот Кокотовица сам наперед и пойдет. А когда Кокоту Кокотовицу на плечи вода залъется и смотри жа, Василий-царевич, помни, один раз по голове его ударь ключом, а сам из воды поспешно. А Кокот Кокотовица будет тебя просить еще другой раз. Ударишь — сам погынешь, и я погину. — Богатырска рука однажды бьет, а царское слово не ворочается — скажи ему. Так вот тогда ко мне и приходи. Помни, не ударяй уж.

Вот он и приходит. Эта царь-девица все свое царство свила в куриное яйцо, великое ли куриное яйцо, дак вот она все в яйцо свила и положила ему в карман. А мать и богатыреву сестру взяли с собой. Пошли к серебряному царству. Вот та и заплакала.

— Вот ты лучше меня невесту ведешь!

А он говорит:

— И тебя возьму!

Он надеется на братья. И эта серебряно царство все свила и в карман положила. А он уж два в кармане царства несет. Приходят к медному царству к девицы. Горькими слезами залилась девица:

— Вот ты лучше меня невесту нашел!

— Сряжайся, собирайся, и тебя возьму!

Та взяла свое царство в куриное яйцо свила и ему в карман положила. Приходит к тому месту, где лестница.

— Кого спустить первого?

Порешили богатыреву сестру. Спустили богатыреву сестру по лестницы. Там драка случилась. Один говорит:

— Моя невеста!

Другой говорит:

— Моя невеста!

Да и уехал. Потом спустили мать. Вот Семен да Григорий задрались. Один говорит:

— Я нашел маму!

А другой:

— Я!

И пластаются. Спустили девицу медное царство. Оступились матери, давай о той девицы драться. Один говорит:

— Моя невеста!

Другой:

— Моя невеста!

Вот и дерутся, пластаются. Потом спустил серебряна царства девицу. Вот братья оступились матери и девицы медного царства и давай о девицы другой драться. Вот Василий-то царевич с девицей остались. Вот девица золото царство плачет, которому наперед лезь. Если ее спустит, так братья лестницу здернут, он должен на горы остаться. Золото-то царство его и научает:

— Если ты мя спустишь, а лестницу здернут, так иди в тот же дуб, где тебя птица-то брала, носила-то. Ты, говорит, ее дрочи опять крепче, она тебе ласкова будет, ты ее схвати. Она тебя не заможет нести-то (потому три царства в кармане, где же нести). Ты у ней проси из-под правого крыла золотой костылек. (Вот когда. Я даве неверно сказал). Приходи на это место, колони о колешко и выскочит Ермошка коротенька ножка, спросит: «Що, Василий-царевич, нужно?». — «А вот мне нужно, говорит, с этой горы слезь». — «Садись на плечи, грит».

А он к Ермошки-то коротенькой ножке-то и сел и с горы съехали. Вот царство-то, Василий-царевич, хотя бы вот царство-то Василия-царевича в роде Карпова гора, а эвон видел Немнюга? Этот Ермошка коротенька ножка его и перенес в эту деревню. А Василью-царевичу захотелось поинтересоваться этими царствами. Ну возьмет все три царства да и развернет эти яйца. Обыкновенный ли свет образовался от золота, серебра и меди? Эта-то девица золото-то царство и уверилась:

— А, Василий-царевич, попал сюда, пришел!

А старший-то брат Семен берет эту золото-то царство девицу замуж. А когда эта золото-царство девица уверилась, що Василий-царевич здесь, стала просить:

— Сшейте мне одной ночи платье без меры впору, тогда я не могу отрекись.

Вот хорошо. Тут звон, тут барабан, клич кличуть:

— Кто выищется повсеместно царевне платье в одну ночь сшить впору?

Это Василий-царевич у одного солдатика пьяненького.

— Поди, говорит, берись, сошьешь.

Солдат-то пьяница стаканчик выпил да пошел.

— Я, говорит, могу сделать.

Хорошо. А царь и говорит:

— Если ты не сделаешь, тебе завтра голова с плеч!

Солдат пришел, плачет, воет.

— Я не портной, где я матери возьму и как я, платье-то надо без меры в пору.

А Василий-царевич и говорит:

— Напейся квасу да помолись Спасу, да повались спать. Утро вечера мудренее.

Солдат повалился спать. Василий-царевич вышел на крылечко, колонул золотой костылек о колючку, выскочил Ермошка коротенька ножка, спрашивая:

— Что ты, Василий-царевич, надо?

— Нужно, говорит, сходить в то царство, в золото царство, и платье там осталось на вешалки, надо принести.

Поутру встает, уж платье готово. Василий-царевич будит солдата.

— Ступай, грит, иди, неси платье-то, срок приходит.

Этот солдат приносит платье без меры впору. Ну, тут больше уверилась царица, що Василий-царевич есь.

— А пусь, говорит, у вас сапожник сошьет башмаки без меры впору.

Опять же Василий-царевич этого солдата посылает. Тот говорит:

— Я ведь не сапожник.

— Берись, пей стакан вина да берись, знай.

Царь сказал:

— Если ты не сделаешь этого, то голова с плеч.

Тот солдат пришел, плачет, тужит.

— Ведь не сапожник, а к утру на'ть сделать.

Тот говорит:

— Не плачь уж, напейся квасу да помолись Спасу, да ложись спать.

А утро вечера мудренее.

Вышел на крылечко, колонул о колючку, выскочил Ермошка коротенька ножка.

— Что, Василий-царевич, нужно?

— Нужно в то царство сходить, там башмаки остались у царь-девицы.

Только сказано — так и сделано. Утром стает Василий-царевич и будит солдата.

— Ставай и неси башмаки!

Солдат башмаки принес, тут и есь в пору. Ну, больше ей делать нечего.

Она и говорит:

— Сделайте сей ночи сад как есь против нашего дома, говорит. А такой сад, в саду щобы были разные деревья и на деревьях были бы разные ветки, а на ветках были бы разны птички и пели бы разныма голосами. Это все сегодняшней ночи. И было бы, говорит, море, на море были бы корабли снаряжоны и грузом нагружоны.

Вот Василий-царевич опять этого солдата говорит:

— Пойди, берись сделать этого места.

Этот солдат сдуру опять брякнул:

— Я, грит, и сделаю сегодня ночью сад.

Ну царь грит:

— Смотри, дуралей, грит, если ты не сделаешь, тебе голова с плеч.

Солдат пришел домой и тужит и плачет:

— За таку чепуху взялся, за стакан вина!

А Василий-царевич говорит:

— Не плачь, говорит, а напейся квасу да помолись Спасу, да утро вечера мудреней.

Хорошо. Этот солдатик повалился спать, а Василий-царевич вышел на крылечко, колонул о колючку, выскочил Ермошка коротенька ножка.

— Чего, Василий-царевич, нужно?

— А нужно в то царство сходить, говорит, весь сад сюда перенести.

Как сказано, так и сделано.

— Пойдем, Василий-царевич, садись.

И пошли в то царство. Этот Ермошка откопал кругом сад этот весь.
— Садись, Василий-царевич!

А Василий-царевич только успел схватиться, глядит, а у отца под окошком весь сад. В саду ту море, на море корабли снаряжены и товаром нагружены, деревья-ти разны, на каждом то дереве разны суцёчки, и на суцёчках-то разны птички, и поют разными голосами.

Этот Василий-царевич солдата будит:

— Ступай, г'рит, иди в сад, поколачивай да где-нибудь подпахивай в саду-то, г'рит.

Этот солдат и пошел, в саду где подпашет да где колонет, да где тукнет.

Царь пробудился, в окно взглянул, чуть с ума не сошел, что перед его окном что сделалось, что перед его окнами деревья-ти да разны птички поют да корабли-ти наряжены да разным грузом нагружены.

Этой царь-девицы нечего боле говорить. Надо ехать с Семеном-то царевичем к венцу. Поехали там, скажем, вот с Карповой горы, да вот в ту деревню венчаться-то. Едут венчаться-то мимо церковь, а в этой церкви Василий-царевич забрался и ломает все, рамы и все, што попало. Шум и гром. Остановилась карета. Невеста приказала остановиться-то. Послала среднего-то брата Григорья узнать, що там такое делается. Этот прямо анышпугом¹⁸ этого брата.

— Зачем идешь? говорит.

А этот брат не узнал брата-то Василья-то. Потом она посылает жениха.

— Иди, говорит, Семен, что такое, укроти!

Он еще больше этим анышпугом. Он и вышел.

— Не знаю, говорит, какой-то незнакомый человек этак бушует.

Тогда сама невеста пошла, золото-то царство.

— А, Василий-царевич!

Взяла его за руку, поцеловались, конечно, и говорит:

— Вот мой жених! говорит.

Поехали, повенчались. Приезжают к отцу, к царю. А царь, ихной отец, вышел навстречу. И что видит? Что не Семен приехал, а какой-то незнакомец. Не узнал своего сына. Эта царь-девица-то и говорит:

— Вот, паленька, это мой жених. Это твой сын. Он мое сужено. Он, говорит, нашу мамашу нашел и богатыреву сестру нашел. Они-то, злые братья — не они меня нашли, а Василий-царевич.

Царь сильно разгорячился на тех детей, хотел строго наказать, но Василий-царевич смиловался и простил братьям. Семена, старшего брата, женил на царь-девице серебряна царства, а среднего брата женил на девицы медного царства. И стали жить да поживать, да добра наживать.

80. ЦАРСКАЯ ДОЧЬ И ЕГАБОВНА

Жили царь да царица. У их было много сыновей, а царю хотелось, чтобы хоть одна да дочь родилась. Вот он поехал в дальний путь и говорит:

— Я уеду, у тебя если дочь родится, ты сделай прялку, на крылешко повесь. Я с пути еду и увидаю, що прялка, и знаю, що дочь есь, а не сын.

А про это пронюхала ведьма Егабова. У царицы-то у этой родилась дочь. Она и сделала прялочку и кудельку, привязала и веретешко и на

¹⁸ Толстый кол.

гору-то повесила за ворота. Егабова-то возьми да эту прялку украла, да повесила ружейко и стрелку, що сын родился. А когда царь с пути вернулся — и увидел, що ружейко. Ему и не понравилось, он и не зашел в полаты и уехал на дальний путь, що сыновей-то много.

Эта царица выростила дочь. А эта дочь просит маму как-нибудь да папу посмотреть. А эта Егабова стала просить:

— Давай, говорит, я повезу ее, говорит.

Вот срядились и поехали. Конечно, царицу посадили в повозку, а сама на козла села и дочь взяла. Вот и едут. На пути ручеек. А эту звали дочь Аннушка.

— Аннушка, говорит, выйди из повозки, обмой лицо, ведь близко папенькин дом.

А на дереве кукушка:

Кук-ку, Аннушка,
Кук-ку, Аннушка,
Кук-ку, Аннушка,
Не вылази из саней,
Егинá дочь обманет,
Сама сядет в сани,
А тебя на облук.¹⁹

Эта Аннушка не вылезла. Подъезжают к дому, и опять на пути ручеек. Егабова и говорит:

— Аннушка, дитячко, выйди, обмойся, ведь ты грязная, не понравился папе-то. А кукушка с дерева опять:

Кук-ку, Аннушка,
Не вылази из саней,
Егинá дочь обманет,
Сама сядет в сани,
А тебя на облук.

А Егабова приступила:

— Выйди, вымойся, грязна ведь, не слушайся кукушки, що там кукует.

Вышла к ручеечку, вымылась, а Егибовина дочь в повозке сидит. И поехали, шчо же делать ведь. Наать ехать. Вот приехали к царю. Царь принял Егабинову дочь — Егабова рекомендовала, що я дочь тебе привезла. А царь принял за дочь Егабовину-ту. А дочь-ту родну в наемницы-то коров-то пасти, а Егабинова-то дочь за царским столом пьет, кушат хорошо. А эта дочь пасет коров.

Ешьте, ешьте батюшковы коровушки,
Пейте, пейте батюшковы коровушки!

А кукушка с дерева:

Кук-ку, Аннушка,
Кук-ку, Аннушка!
Я тебе да трою да двою наказывала:
Не вылази из саней,

¹⁹ Все стихи исполнялись с имитацией кукушки и нараспев.

Егинá дочь обманет,
Сама сядет в сани.

Слуги царевы эти выслушали слова, приходят к царю:

— Царь, да ведь это не твоя дочь, а твоя дочь родна пасет коров:
Царь розгорячился на этих слуг, прогнал. Назавтре других слуг назначил. И та же история случилась. Пасет:

Ешьте, ешьте, батюшковы коровушки,
Пейте, пейте, батюшковы коровушки!

А кукушка с дерева:

Кук-ку, Аннушка,
Кук-ку, Аннушка,
Кук-ку, Аннушка!
Я тебе да трою да двою наказывала:
Не вылази́ из саней,
Егинá дочь обманет,
Сама сядет в сани,
Тебя на облук.

А царевы слуги выслушали и говорят:

— Царь, ведь это не твоя дочь, а твоя дочь пасет коров.
Назначил на третий день третьих слуг. Слуги слушают. Она опять:

Ешьте, ешьте, батюшковы коровушки,
Пейте, пейте, батюшковы коровушки!

Таким голосом жалобным. А кукушка с дерева:

Кук-ку, Аннушка,
Кук-ку, Аннушка,
Кук-ку, Аннушка!
Я тебе да трою да двою наказывала:
Не вылази́ из саней,
Егинá дочь обманет,
Сама сядет в сани,
Тебя на облук.

Третий слуга приходит и говорит:

— Да ведь дочь-то коров-то пасет, а это не дочь.

Царь разгорячился и третьего слугу прогнал. На четвертый день сам пошел и затаился за деревом. Дочь это не знает, що он за деревом:

Ешьте, ешьте, батюшковы коровушки,
Пейте, пейте, батюшковы коровушки.²⁰

А кукушка с дерева:

Кук-ку, Аннушка,
Кук-ку, Аннушка,
Кук-ку, Аннушка,
Я тебе да трою да двою наказывала:

²⁰ Со слезами в голосе.

Не вылази́ из саней,
Еги́на́ дочь обманет,
Сама сядет в сани,
А тебя на облук.

Царь это выслушал, сам заплакал, приказал слугам копать яму сорок сажень глубины, сорок сажень ширины. Когда слуги яму выкопали, он приказал самому лучшему коню запретить. Егибовой-то с дочерью и говорит:

— Одевайтесь, говорит, мамаша с дочкой. Мне жаль доченьки родной, говорит, и поедем в чистое поле гулять.

Запресли что не ешь лучше коней, сели Егибова с дочкой в задницу в повозку, а царь на козла.

— Вот что, вы завесьте свое лицо, говорит, пыль здесь в поле-то, вы завесьте глаза-то.

Егабова и завесила-то глаза с дочерью. Приезжает к этой ямы.

— Ну, говорит, закрылись?

— Закрылись.

Как торкнул-то Егабова-то с дочкой-то в этой повозке и в яму сорок сажень глубины. А царь приказал зарывать эту яму всем, что ешь. Но Егабова ведь ведьма, хитра, обвертывается там мухам, комарам там лететь из ямы. А у царя слуг много. Нацляли рыть, Егабову и зарыли в яме-то.

Тогда царь свою царицу и достал в то место, где он живет.

И сказке конець,
Да берестяной хлевець,
Да баран да овца,
Затягайте ребята песню с конца!

81. МАРКО БОГАТЫЙ

На белом свете жил-был Марк-несметное богатство. А в соседних деревнях был самый беднейший мужичок. У Марка-то родилась дочь, а у этого у бедного-то мужичка сынок. Нечем было его крестить, нечем было его воспитывать, уж шестой сын родился. Вот у этого у Марка-то у богатого... Надо сказать с краю. Марко говорит:

— Я всех угощаю. Господь бог ко мне пришел бы, посетил.

Господь и говорит:

— Я, говорит, завтра к тебе буду в двенадцать часов на обед.

Вот этот Марко богатый ковры наложил парчевые, гостей назвал, что обед будем ему. Ждал, дождал, в двенадцать-то часов приходит лохматый-то старичок, седатый, весь в лохмотьях. Попросил у Марка пообедать.

— До тебя ли мне, как господь будет на обед. Ведите его в байну, там тетка безногая напоит и накормит.

Вот старичок к тетки и пошел. Старичок повалился на полати спать. В полночь тетка видит — три светлых юноши пришли, за стол сели с пером и с бумагой.

— Господи, старичка этого называют лохмоватого, какой талан писать новорожденному мальчику бедному?

А этот старичок и говорит:

— Пишите мальчику, говорит, талан Марку богатого.

Старичок позевал, поутру стал и говорит:

— Поди, печьку топи сама.

Старушка стала, а годов десять на резвы ноги не ставала. Этот старичок поблагодарил старушку и ушел. Старушка и пошла к племеннику к Марку. Марко в окно увидал.

— Тетка-то, тетка-то ведь идет.

Заходит тетка и говорит:

— У меня ночевал старичок, говорит. Пришли, говорит, три светлых юноши в белых одеждах и этому старичку говорят: «Господи, у бедного-то, у бедного мужичка родился шестой сын, какой ему талан писать?» — А этот старичок и сказал: «Пишите талан Марка богатого».

Затрясла лихорадка Марко богатого. Бедного-то отца да моим богатством будет иметь сын! Поеду, говорит, да куплю у его этого мальчика.

Поехал это в Карпову Гору (да хоть у меня в эту сгорелу избу).²¹

— У тебя родился сын? говорит.

— Да, родился уж, и нечем мне его скрестить уж и нечем мне его и воспитывать.

— Продай ты мне его, говорит, я тебе 300 рублей дам.

Ну, бедному мужику 300 рублей разве не деньги?

— Я его окрещу, я его воспитаю, я его выучу да на своей дочери и женю.

Этот мужик и согласился и продал ему за 300 рублей. А зимой, может быть 40 градусов мороз был. Взял этого мальчика, не привез домой, а выкопал яму да его в яму-то и положили в снег-от, голого-то малютку, и уехал.

— Владей, г'ыт, Марковым-то богатством!

В ямы-то без пеленок не долго полежит. Случилось, ехали купцы богаты.

— Что тако, береза расцвела, лис зеленый, а 40 градусов зимой. Стой, ямщик! Что-то необыкновенно!

Вылезли из повозки, пришли. Лежит малютка и цветки розовые расцвели, и он руками перебирает цветки. Эти купцы сжалились, в теплые меха его и завертели его, в лисицы, аль во что. Взяли с собой, повезли да к Марку-то богатому ночевать приехали.

— Да вот, говорят, какое чудо. Под березой, говорит, в снегу малютка лежал живой.

Марко говорит:

— Охти мне, тот самый, говорит. Продайте мне, куда вам с им?

Купцы согласились, что куда купцам с ребенком в дороге. Купцы согласились. Марко, не знаю, за сколько-то рублей купил. Только не за 300 же опять. Взял этот Марко богатый, брюшко-то разрезал крестообразно, взял положил его в бочонок и засмолил.

— Владей, говорит, Марковым-то богатством!

Спустил в море. Ну в море бочонок качало, качало, бедный, убогой монастырь был. Пошел послушник за водой.

— На, говорит, вчера ничего не было, а сегодня какой бочонок качается.

Егумену сказал, что какой-то бочонок у нас на пруду качается. Егумен говорит:

— Возьмите, достаньте, принесите, раскупорьте!

²¹ Сказка рассказывалась в новой избе Фофанова. Старая полусгоревшая видна в окно. На нее и показал рассказчик, желая подчеркнуть бедность мужика.

А когда раскупорили — на! Младенец лежит новорожденный да и брюшко разрезано на четыре части. Давай за им ухаживать, давай-ко его лечить. И залечили. Да с того дня монастырь стал богатеть. Тот придет внос положит да другой придет внос положит, да так монастырь забогател; так что до 15 годов этого росли мальчика. Когда-то монастырь был только деревянными жердями обгорожен, а тут уж каменны корпусы сделались.

Случилось Марку богатому проезжать этот монастырь. Когда раньше ездил, так пустой монастырь был, не пошто и поворачивать, а тут каменна зданья.

— Дай-ка приворочу, с чего он разбогател?

Егумен его принял ласково и рассказал про мальчика, что:

— Вот, говорит, что 15 годов назад пошел за водой, говорит, увидал бочонок засмоленный, да раскупорили, да мальчик брюшко разрезано, да вот он и есь, говорит.

— А вот что, говорит (Марка опять лихорадка затрясла). Сколько вы тысяць захотите за этого юношу, отдайте, говорит, а ведь вам тысящи помогут, а что вам мальчик? А у меня единственна дочь, я его и женю на дочери. Он будет как сын родной, говорит.

За полторы тысящи рублей купил у егумена. Когда купил, и написал письмо жене и закупорил:

«Жена, если ты сего посла письмо получишь, той же минуты его в котел свари, ничего не спрашивай».

И золотыма буквами написано, ярлыки, фамилию, знашь, жены, письмо написал.

Этот молодец шел да на пути-то и уснул. Ангел господень взял письмо раскупорил и написал свое письмо.

«Дорогая моя любезная жена! Как сего отрока встретишь, так сего отрока к венцу с дочерью».

Вот этот юноша приходит туда к Марковы жены и с письмом.

Сейцяс, сейцяс мамушки, нянюшки дочь к венцу.

Только что повенчались, домой-то приехали, Марко-то богатый и вернулся.

— Ну что, говорит, сварила?

А та говорит:

— Да что ты, с ума сходишь?

— Да я тебе писал, что кого получишь, вари.

— На тебе письмо, читай.

Взял Марко письмо. Собственная рука, собственная печать.

— Да я писал, что сварить!

— А написано, что венчать. Я и обвенчала.

Нечего Марку делать, давай столовать, давай пировать, давай зятя утешать. А свой гнев не может утолить.

Ночь проспали. Назавтре говорит:

— Зять, говорит, есь на белом свете людоед, дак тебе надо сходить к этому людоеду узнать, есь ли счет моему богасьву.

Зять повиновался ему, не заметил этого богасьва и пошел. На пути попался перевоз. Перевозчик спрашива:

— Куда ты пошел, молодец?

— А я, говорит, пошел к вещуну-людоеду, есь ли счет Маркову богасьву.

— А вот что, детина, узнай у вещуна-людоеда, долго ли мне за реку ездить, уж я измучился, говорит.

Ну и пошел дальше. Идет — на пути курган стоит, на кургане шес, а на шесту-то мужик задницей посажон, вертится.

— Куда ты, говорит, добрый молодец, путь держишь?

— А меня тесь отправил к вещему людоеду узнать, есь ли счет Маркову богасьву.

— Хорошо, иди дальше. Узнай, говорит, у вещуна у людоеда, долго ли я буду здесь на шесте вертеться.

— Хорошо, говорит, узнаю.

Вот идет дальше. Шел — и пребольшущий огромный дом каменный. В каменный дом зашел, а у людоеда жена-то русская.

— Фу-фу-фу, русским духом пахнет. Куда ты добрый молодец?

— Да, говорит, меня тесь послал к вещуну-людоеду узнать, есь ли счет его богасьву.

— Да ведь он послал не узнать богасьво, а съись вещуну-людоеду, дак он тебя съес. Вот что, добрый молодец, говорит, слушай да понимай, говорит, что будет вещун-людоед говорить. Я тебя, говорит, оберну маленькой булавочкой и воткну себе в ворот. А ты, грит, слушай со вниманьем, грит, смотри не забудь ни одного слова, грит, делай так, как он говорит, не забудь ни одного слова. Обернула его булавкой и воткнула себе в ворот.

Вот шум, гром, треск. Прилетел вещун-людоед домой.

— Фу, говори, что у тебя русским духом пахнет?

— На, говорит, налетался на Руси да нахвтался русского духу, да и русским духом пахнет. Садись, пей чай да ужинай скорей да спать будем.

Чаю напильсь, поужинали и повалились спать с вещуном его жена. Она и спрашивают:

— А вот что, муженек:

— А что? говорит.

— Я слыхала, на белом свете есь Марко какой-то богатый.

— Есь, есь, душенька, есь.

— Есь ли счет его богасьву?

— А пусь, говорит, какой-нибудь мудрец сосчитает на небе звезды, также и Марково богасьво считать.

— А вот что муженек, говорит. Есь на кургане шес, на шесте мужик вертится, так долго ли ему вертеться?

— А до той поры, как кто не догадается да левой рукой на отмашку не жогнет его. Кто догадается да левой рукой на отмашку жогнет, так тут ему и конец.

— Есь, говорит, муженек, перевоз, на перевозе перевозчик ездит, дак долго ли будет ездить?

— А, говорит, как кто догадается да кому он весло сунет, он избавится, а тот ездить будет, тем он и избавится.

Хорошо. Ночь проспала. Людоед по своему опять обычаю полетел по Руси, а жена осталась, достала булавочку, свернула головку, опять зять Марков цел.

— Понял ты все? говорит.

— Понял, понял, благодарю тебя, понял!

— Ну, иди, следуй, говорит, и так дале.

— Много ли тебе за хлопоты?

Жене-то.

— Что ты, за хлопоты? Я сама русска да рада русского выкупить от съеденья. Поди, ступай, а то дело не забывай, что слышал.

Вот он-от отправился в путь, поблагодарил жену. Этот увидал на кургане мужик и кричит:

— Ну что, узнал-ли, скоро ли я избавлюсь?

— Подожди, говорит, когда поровняюсь, так и скажу.

Как пришел к нему да левой-то рукой на отмахку тропнет, и рассыпался серебром да золотом, не курган, а яма-то серебра да золота. Взял да полна́ кармана наложил и пошел. Куда больше? Вот приходит к перевозчику за реку.

— Узнал ли, долго ли мне ездить?

— А вот, перевезешь, так и скажу, говорит.

Когда переехал за реку, вышел из лодки и говорит:

— Вот что, добрый человек, когда ты теперь повезешь да весло-то ты ему пихни, сам из лодки выйди да лодку отпихни и все тут.

Ну что же, он приходит к Марку. Марка затрясла лихорадка. И людоед-от не съел его зятя. Он пришел.

— Вот, говорит, тесь!

Из карманов серебро и золото выкладывают.

— Где ты взял? говорит.²²

— Да тут на шестой версте мужик на шесте вертелся да вешун-людоед сказал, кто наотмашь взгрет левой рукой, то мужик и делается серебром и золотом. Я пришел да згрел, то все серебро да золото сделалось. Я карманы наложил да и пошел домой.

— Запрягайте скорей коней да везите нас за золотом, Марк сказал.

А зять и говорит, смея:

— У меня два кармана. А хочешь, так и поезжай.

А Марк разгорячился.

— Отвезите, говорит, до перевозу! Я пойду принесу золото, тогда приедете.

Вот Марко приехал к берегу.

— Вези, говорит, за реку!

Перевозчик дрожит, испугался Марку богатого везти за реку.

— Что я буду делать, нать весло-то сунуть Марку богатому.

Перевез Марка богатого на другой берег, сам из лодки вышел, а Марку весло-то сунул. Сам избавился, а Марко и до сей поры ездит, может быть годов сто будет...

А зять обовладал евоным имуществом, потому что господь сказал, что ему талан Марка богатого.

Я на том пиру был, мед пиво пил, ковшешцо большо, цывь шчо толсто, у меня все по усам протекло да в рот не попало.

Конец.

82. ВАСИЛИЙ, СЫН КУПЕЧЕСКИЙ

В некотором царстве, в некотором государстве и именно в том, в котором мы живем, жил-поживал богатый купец, имел жену и одного сына. Сына звать Васильем.

Купец этот заболел и скончался, помер. Осталась вдовая купчиха молодая с мальчиком вдвоем. Жила-пожила молодайка, с одним познакомилась с мелочным торговцем. Но этот торговец Василья, сына купеческого, сильно возненавидел.

²² Произнесено шопотом.

— Возьмем, говорит, есь на море необитаемый остров, на нем, говорит, огромный лес, но загородные люди возят его беспощинно, а этот остров принадлежит твоему мужу. Дак вот мы на этот остров свезем твоего Васютку, и пушай он там на пустом острове живет.

Мать решилаь на такое, как сказать, на звериное похождение, на своего сына покушение — отвезти его на пустой остров. Взяли да и свезли, выпустили на пустой остров, ничего у него нет. Поплакал он, погоревал. Ну, делать нечего уж, надо как-нибудь жить. Пошел по этому острову, по этому лесу и невдалеке слышит необыкновенный шум и треск.

— Что такое? — подумал Василий, сын купеческий, — чему бы это быть на пустом острове?

Видит — два рогатые, черт и леший дерутся. Черт говорит:

— Василий, сын купеческий, помоги мне лешего убить. Я тебе велико добро сделаю.

А леший говорит:

— Нет, Василий, сын купеческий, помоги мне черта убить, я тебе больше услугу сделаю.

Подумал Василий, сын купеческий:

— Мне не с чертом жить-то, черт в воде, а леший на суше, на земле, дай помогу я лешему.

Взял да и пособил лешему черта убить.

— Ну, спасибо тебе, Василий, сын купеческий, тридцать лет я дрался с этим чертом, но на 31-м году помог ты черта убить. Иди вот по этой дороге, говорит, там огромный дом увидишь, говорит, тут мой дед живет. Дед тебе будет давать двенадцать мешков золота, а ты мешков 12 не бери золота, а проси у него зерькальце о 12 винтиках. Когда ты зерькальце получишь, то 12 винтиков вывинтишь, и выйдет 12 матросов оттуда, спросят: — что тебе нужно, Василий, сын купеческий? — А ты и проси у них чего ты пожелаешь, той минуты будет готово.

Хорошо. Вот этот Василий, сын купеческий, и отправился к дедушку. Приходит, — огромный дом высокий, большой. Приходит в эту комнату, и выходит оттуда старый дед, старый леший, годов полтора ста ему, этому дедушку.

— Добро пожаловать, Василий, сын купеческий, добро пожаловать! Спасибо тебе, благодарю тебя, что помог сыну черта убить. Тридцать лет билась оне. Вот за твою услугу 12 мешков золота.

Он говорит:

— Дедушка, куда же я на пустом острове с золотом, а дай ты мне зерькальце о 12 винтиках.

Дедушка поехался-поежился.

— Ну, говорит, внук мой дороже зерькальца. Вот тебе вознаграждение зерькальцем.

Вышел на то самое место, где черт и леший дрался, вывинтил 12 винтиков зерькальца, и оттуда вышло, откуда ни возьмись, 12 матросов; все они ровнехонько все как один, и ростом и одеждой как один.

— Что Василий, сын купеческий, нужно?

— А вот, говорит, эти 12 мешков золота и меня несите на родину.

Не успел он этого слова вымолвить, глядит, он дома в отцовских палатах с двенадцатью мешками золота.

Хорошо. Мать с этим, с другом со своим:

— Что он обокрал кого, 12 мешков золота?

Взяли да и доказали в полицию к приставу, что вот ихний сын кого-то ограбил, 12 мешков золота.

Хорошо. Взяли эти 12 мешков золота в зало запечатали. Назавтре назначили смотр деньгам, этому золоту. А Василий, сын купеческий, не быть глуп, вывинтил 12 винтиков, вышло тут 12 матросов.

— Что, Василий, сын купеческий, нужно?

— А вот, говорит, эти 12 мешков золота взять из-за замка и высыпать в погреб, а в эти мешки насыпать сажи.

Хорошо. А когда скопятся, съедут эти все генералы на смотр, в переднем зале ковры разослали. Когда подошло время сыпать золото, то по приказанью Васильеву, сыпать немедленно, как можно быстрее; да как торнут 12-то мешков все за раз. Ну тут сажа всех заглушила, всех заслепила.

Вот начальство и разгорячилось на мать.

— Шо ты, пустосмешка, откуда ты взяла золото, за замком были мешки.

Василий, сын купеческий, взял это золото, роздал нищим, нищей братии, убогим. Сам вышел на крыльцо, вывинтил 12 винтиков, вышло 12 матросов.

— Что, Василий, сын купеческий, прикажешь?

— А вот меня на тот остров с этими 12 мешками золота несите, а там чтобы был дом хрустальный.

Как это сказано, так и сделано. Глядит это Василий, сын купеческий, уже в палатах хрустальных все было набожно, полное хозяйство готово. Василий, сын купеческий, поселился жить. Но как бы то не было, одному жить скучно холостому человеку, не быть хозяйки. Вывинтил зерькальце, 12 винтиков, вышло 12 матросов.

— Что, Василий, сын купеческий, прикажешь?

— Вот, говорит, мене одному жить скучно. Прошу вас, говорит, по всему белому свету сколько ни есь лучших красавиц снять к утру.

А уж как было сказано, так и сделано к утру. Ему понравилась дочь китайского императора. А эта дочь живет 40 сажен вышины башня за двенадцатью дверями за сорокью замками. Просит этих матросов этот Василий, сын купеческий, чтобы сегодняшней ночью ее перенести сонну к ему на постель. А уж как сказано, так и сделано. Матросы уж много не медлят, перенесли к нему на кровать сонну.

Пробуждается царевна ото сна крепкого, и что же она видит? В палатах она чудных, среди чужого незнакомого кавалера.

— Что ты, говорит, невежа, зашел ко мне в спальню, осмелился так дерзнуть? говорит.

— Нет, говорит, любезная красавица, не я к тебе дерзнул, говорит, а ты к мене дерзнула. Посмотри, ведь ты в моих палатах.

Как она очнулась, разгляделась, что действительно она не в своих палатах. Больше всего понравился ей Василий, сын купеческий.

Ну что же случилось поутру у китайского императора? Хватились, а дочери нет. Желает царь собирать всех мудрецов, чернокнижников гадать, куда девалась дочь, была за сорокью замками, пропала. Нашлась одна ведьма, колдунья баба.

— Вот что, говорит. В некотором царстве, в некотором государстве есь черное море, а на том море есь необитаемый остров. А на этом острове живет молодой человек, не знаю какими он судьбами попал и как он сумел от вас взять ее, тоже не знаю. Отвезите меня, говорит, на этот остров, а там я как-нибудь сумею, говорит.

Взяли эту ведьму на этот остров отвезли и выпустили ее одну одишеньку. Отыскала этот она хрустальный дом, да омочилась она в морской

пены вся, захлебнулась, а вот нашла этот дом хрустальный и решила попросить милостыньку Христа ради. Царевна вышла на крыльцо, подала ей милостыню, больно она сжалась на эту старуху-ведьму.

— Бабушка, бабушка, иди ты ко мне, обсушись, живи ты у меня.

Побежала к Василью.

— Васенька, душенька, говорит, корабль разбило, говорит, и старушка к нам в пене обмочила, возьмем мы ее к себе, мене будет веселей, когда ты выйдешь, говорит.

— Очень рад, говорит, очень рад. Даже я хотел тебе такую бабушку взять беспрютну.

Вот эта старуха-ведьма живет неделю, живет и две. Начала спрашивать царевну:

— Какими ты судьбами сюда попала?

Она говорит:

— Я не знаю, говорит, проснулась я ночью на чужой постели, среди чужого незнакомца, молодого витязя, и сама не знаю, говорит, с чего.

— Ладно, ты, говорит, узнай от его как-нибудь.

Царевна, ничего не подозревая, говорит Василью, сыну купеческому.

— Васенька, душенька, говорит, какими судьбами я у тебя очутилась?

А он говорит:

— У меня есь зерькальце о 12 винтиках, вывинчу 12 винтиков, выйде 12 матросов и делают, что мне надо.

Ладно. Она бабке опять и рассказывают:

— У него зерькальце есь о 12 винтиках, вывинтит 12 винтиков, выйде 12 матросов, а что ему надо, то и делают.

— Дак вот что, говорит, голубушка. Ты, говорит, у его попроси, говорит, для забавы зерькальце, а мы будем забавляться от безделья, говорит.

Царевна-то ничего не подозревала, да и он же сглупел. Отдал зеркальце царевне. День забавляются и другой забавляются. Царевна-то как-то это зеркальце и забыла. Ну уж колдунья ее омрачила. Ну это ведьма вышла на крыльцо, отвинтила 12 винтиков, вышло 12 матросов.

— Что, бабушка, нужно?

— Нужно, говорит, нас с царевной прямо к царю к китайскому императору, а этот дом в прах разбить, а этого негодяя на море камень есь, его на этот камень с ружьем положить, пусь он спит на этом камне.

А ведьму с царевной к китайскому императору представили.

Что случилось с Васильем, когда он пробудился среди моря на камню? Вот он горюет, вот он плачет: видит — по морю плывет большущий серый кот. Прицелился Василий подстрелить этого кота, а кот русским языком:

— Не бей, Василий-царевич. Я тебе пригожусь.

Это тот самый леший, которому пособил убить черта. И ему сказался, что:

— Вот я тот самый леший. Не плачь, не горюй, говорит, не оставляю тебя безо внимания.

Плывет корабль мимо, давай кричать на корабль:

— Возьмите несчастного человека!

А кот ему помогает под голос, только море дрожит. Корабельщики услыхали, поглядели в подзорную трубу — среди моря человек с ружьем и с котом. А кот его научил:

— Ты берись поваром, скажи, что я был поваром.

Хорошо. Корабельщики пристали, взяли несчастного с котом.

— Кот при мне уж.

Объявился Василий, сын купеческий, что он повар с разбитого корабля. Взяли его поваром. Великолепно готовил кушанья, даже налюбоваться не могут корабельщики.

Как есь, корабль пристал к тому китайскому императору. Вот корабельщики поваром стали хвастать. Царь говорит:

— У меня повара хороши.

А корабельщики говорят:

— Нет, у нас лучше.

Китайский император задал пир великолепный, созвал что не лучшее да есть поваров, назавтре пир, и надо корабельщикам обед устроить. Корабельщики спрашивают:

— Много ли тебе, повар, надо на все денег?

А кот его учит:

— Ты проси только шесть рублей, говорит, больше не бери.

— Ну что тут из шести рублей сделаешь? какой обед будет?

— Это дело не ваше, говорит. А больше не надо шести рублей.

Хорошо. Взял деньги сын купеческий и с котом отправился в магазин.

Кот говорит:

— Зайдем в магазин; я скочу на полку; и спихнул винный бокал.

Приказчики сильно разгорячились — кота бить. А кот говорит:

— Спроси, сколько стоит бокал. Они запросят три рубля, ты деньги отдай, а обломки возьми в платье себе. Там мышь заскребеться, и я скочу на полку, столкну чайный бокал. Мня бросятся бить, ты не давай, спроси, сколько стоит бокал. Ты отдай деньги, а черепки возьми к себе в платок.

Отправился домой. Приходят домой, кот повалился на плиту и вот уж и гости съезжаются. А у них ничего не готово, одно черепья только.

Вот стали просить, приехали гости. Как кто развернется да, вишь ты, бокал тряхнет, — откуда ни возьмись, всяких заморских вин да разных заморских закусок. Как вернет тот платок, в котором чайный бокал, и тут и чай и всяки разны десерты, и всяки разны пироги, и всяки разны ветчины, и всего. Значит, корабельщики посрамили царя, лучший повар — у корабельщиков. Царь начал этого повара просить себе, а то, говорит, я не позволю вам и торговать.

Корабельщики повара оступили китайскому императору. Повар живет при царской кухне. Эта самая ведьма старуха-колдунья узнала, что тот самый воровал ихну дочь. Вот давай думать да гадать, тоже всех вельмож и князей, какой суд дать такому дерзкому человеку, дочь у их украл. Вот стали решать, судить, каку казнь ему задать. Кто присудил его привязать к двум жеребцам ко хвостам, и жеребцы его разорвут. А кто говорит:

— Его надо на воротах расстрелять.

А кто говорит:

— Да вот есь у вас яма пуста, глубока 40 сажень глубины. Там гады, крысы да мыши всяки, так его и спустить живого в эту яму и засыпать.

Так его и спустили. Дело порешили, наказали (за столь дерзкое дело). Кот на плите на кухне жил, жил. Василья, сына купеческого, нету. Где Василий, сын купеческий? Побежал на улицу. А Василья, сына купеческого, там точат, грызут, рвут. Василий, сын купеческий, без памяти бегат из угла в угол. Кот услышал, что там его приятель Василий, вскочил в яму и давай давить крыс да мышей. Всех переловил мышат, крыс. Одна крыса взмолилась:

— Кот серый, спусти меня на покаяние души, велику тебе службу со-
служу.

— А сослужи службу, говорит, такую: зерькальце о 12 винтиков у ведьмы, у колдуньи достань, говорит, нам.

Крыса взмолилась и дала клятву, что через каких-нибудь минут 15 все дело будет готово. Созвала маленьких мышат и крысят. И отправились к колдунье, к бабке. Это зерькальце у ведьмы в повойничке. На голове повойник, там в повойнике, чтобы никто его не взял. Хитро его взять. Вот она сидит, эта ведьма. Один мышонок взбежал ей на лоб и зачихал хвостик в нос да и щекотит. Ведьма с просонков как хвосънет — повойник с головы слетел, а зерькальце и выпало. А крысятам да мышатам много не н'ать, схватили зерькальце да и лопаты, прямо в яму и притащили это зерькальце.

Вот кот отдал Василью, сыну купеческому зерькальце, а эта ведьма схватила стакан зелья да тут же и поколела — тошно стало ей.

Василий, сын купеческий, вывинтил 12 винтиков, 12 матросов вышло. — Что, Василий, сын купеческий, нужно?

— А вот, говорит, нас с котом из ямы сию же минуту наружу.

Как сказано, так и сделано. Наружи Василий, сын купеческий, идет прямо к императору в палаты со всема с матросами. Давай суд производить. Увидала это царевна. Как увидала так и омерла от радости, что ейный любезной Вася тут. Даже сама с Васей за одно, как бы строжей тех наказать, кто его наказывал. Кто на воротах расстрелять — того и на воротах расстреляли, а кто к жеребцам привязать, того к жеребцам привязали, разорвали. А кто ему осудил в яму, того и в яму опустили и приказали засыпать пшеном эту яму, пусть крысы да мыши едят.

Тогда Василий, сын купеческий, вывинтил зерькальце о 12 винтиках, вышли 12 матросов:

— Что, Василий, сын купеческий, нужно?

— А нужно опять на тот остров, где я был, опять нас с царевной туда. Еще дом лучше прежнего.

Как сказано, так и сделано. На том острове еще лучше дом. Василий, сын купеческий, опять поселился со своей императрицей, с царевной.

Стали Василий, сын купеческий, с царевной жить да поживать, да добра наживать.

И сказке конец.

83. ЗАЙКА ДА ЛИСКА

Подружились зайка да лиска. Лиска себе изрубила избушку изо льду светлую, а зайка срубил избушку из дровец. Пришло лето. У лиски избушка растаяла. Так или иначе лиски пришлось к зайки на подворье про- ситься.

— Заюшка, заюшка, пусти на подворье!

— Нет, не пушу, лиска, пошто дразнилась.

— Заюшка, заюшка, пусти на крылецько!

— Ну давай поди на крылецько.

Зайка решился пустить.

— Заинька, заинька, пусти на передызыцо!

— Нет, не пушу, пошто дразнилась.

Она дразнилась: «Вот у мня светла избушка, у тебя темна, у меня светла избушка — у тебя темна».

— Нет не пушу, пошто дразнилась.

А лиска просится неоступно.

— Заинька, заинька, пусти меня на передызыцо!

— Ну поди, говорит.

Зашла на передызья, просится дальше.

— Заинька, заинька, пусти в избушку!

— Нет, не пушу, пошто дразнилась.

— Заинька, заинька, пусти в избушку!

— Ну давай, поди.

Лиска зашла в избушку темну.

— Заинька, заинька пусти на приступочек.

— Ну давай, поди, говорит.

Залезла лиска на приступочек и сидит.

— Заинька, заинька, пусти, говорит, на печку.

— Нет, не пушу, пошто дразнилась.

— Заинька, заинька, пусти на печку!

Залегла на печку. Вот стали ночевать зайка с лиской. А лиска-то там в стену и стучит:

— Стук-стук-стук!

А зайка-то уши и уставил:

— Кто такой, лиска?

— А это, говорит, у пономаря жена приносит, так меня бабить зовет.

Лиска ушла бабить, а зайка остался, один на печке лежит.

А лиска тем временем к нему на подволоку забралась, и там у зайки было масличка в ведерке скоплено. Лиска масличка-то и поела. Приходит домой, повалилась к зайку на печку. Зайка спрашивает:

— Кто, лиска, у пономаря родился?

— А «Починушек» родился, говорит.

(Масло это почала в ведерке).

Назавтре опять лиска пятами в стену стучит:

— Хто такой, лиска, стучит?

— А это у дьякона дьяконица родила, так меня бабить зовет.

— Ну, пойти, лиске говорит, надо обабить, помыть.

А сама опять на потолок на подволоку да к ведерку, к маслицу. И опять после маслица пришла к зайку, повалилась на печку спать. А заяц бестолковый и спрашивает:

— Кто, лиска, у дьяконицы родился?

— А «Осерёдышек», говорит, родился.

(Середку масла уже поела).

Вот назавтре она пятами опять стучит:

— Кто там, лисанька, опять стучит? говорит.

— А это попадя родила у попа, д'меня бабить зовет.

— Ну сходи, н'ать, говорит; сходи, сходи!

Лисанька отправилась на подволоку и хмык! Да масло все и съела.

Захотелось зайцу каши, сварил каши.

— Лисанька, сходи-ка на подволоку за маслицом, там масло ешь.

Лисанька сходила и кричит:

— Что ты, косой черт, враль, за маслом посылаешь, а у самого порозно ведро.

Зайка побежал сам, посмотрел — ведро действительно порозно.

— Что это, лисанька, ты съела у меня масло.

— Ах ты, косой черт, сам жрал да на меня врешь. Повалимся-ка на шосток ж...., у которого масло выплывёт, тот масло съел.

Повалились, а заюшко и заснул. А у лисы-ти масло выплыло из ж....
Взяла, лучиной оскребла свою задницу да прямо заюшки задницу и смазала.

— Вставай, косо́й черт, ишь у тебя масло-то выплыло, ты жрал, косо́й черт, да еще на меня говоришь.

— Что это, лисанька, говоришь? что это, когда это я ел?

— Ступай вон из избушки, ступай вон, ступай.

И выгнала зайца.

Сидит заяц под гору, сидит да плачет, горюет, лапками слезы обтирает, горюет. Идет горноста́ль мимо-то.

— О чем, зайинько, плачешь-то?

— Как мне не плакать, лиса попросилась на подворье, масло съела да меня и прогнала.

— Пойдем, горноста́ль говорит, я тебе помогу лисицу прогнать.

Горнаста́лько затрещал на пороге-то:

— Тррр... Тррр... Убирайся лиса с печи, говорит.

— Ах ты, я те, молокосос говенный, тебе надо много распорядиться.

Сичас я тебя разорву!

Ну, горноста́ль испужался да и побежал. Идет большой старый заяц.

— О чем, зайинько, плачешь, о чем слезы ронишь?

— Как же мне не плакать? Лиса выпросилась на подворье, съела у меня масло и меня прогонила. Горноста́ль гонил, а не мог выгнать.

— А вот я тебе и выгоню лису.

Старый-то заяц зашел в избу.

— Пы-пы-пы-пы, пы-пы-пы-пы, пы-пы-пы-пы, убирайся лиса с печи.²³

— Ах ты косо́й. Б... по б... судит, также и ты косо́й по косо́му.

Убирайся, а то в клочки разорву!

Испугался этот старый заяц и подавай бог ноги, убежал. Опять зайинько сидит под углом и плачет. Идет мимо волк.

— О чем ты, зайинько, плачешь.²⁴

— Как же мне, серый волк, не плакать, построил я себе избушку, лиса выпросилась на подворье, съела у меня масло да и прогнала.

— Вот я ее выгоню, разорву на клочки!

Зашел в избу и завыл преста́ршим голосом:

— Ыы... ступай лиса с печи, освобожай заячью квартиру...

— Ах ты, серой голодной вор, как бы где ягненка укрась, да пришел надо мной распорядиться, я живу чесная старушка-то.

Ладно. Волк этот со стыдом вместе и убежал из избы. Вот заяц сидит опять под углом да и плачет.

— Эко горе, никак старухи не выгнать.

Идет серый медведь. Спрашивает:

— О чем ты, заяц, плачешь?²⁵

— Как же, медведушко, мне не плакать, не горевать? Построил себе избушку, лиса выпросилась на подворье, съела у меня масло, а меня прогнала. Горноста́ль гонил — не мог прогнать, старик заяц гонил — не мог прогнать, серый волк гонил — не мог прогнать.

— А вот я-то тебе и выгоню у тебя лисицу.

Зашел, зарехал:

— Ступай, лиса, из печи, освобождай квартиру, говорит!

Строго заговорил.

— Аах ты такой, сякой, старый медведь, коров давить да овец давить да меня чесную старушку гонить из избушки!

²³ Высоким голосом.

²⁴ Низким голосом.

²⁵ Низким голосом.

Медведь ницего не мог пособить, со стыдом и ушел. Вот заяц опять сидит под углом, горюет. Идет на ту пору петушок, золотой гребешок.

— Ку-ка-ре-ку, заюшко, что ты плачешь?

— Как же мне, петинька, не плакать? Я построил себе избушку, а лишица выпросилась на подворье, съела у меня масло, да меня из избы и выгонила. Горносталяк гонил — не выгонил, старый заяц гонил — не выгонил, и серый волк гонил — не выгонил, и серый медведь гонил, тоже не мог ее выгнать.

А петушок и говорит:

— А вот я-то и выгоню твою плутовку-лису.

Зашел, стал на порог:

— Ку-ка-ре-ку. Полежай лиса с печи, я не от месной породы, на ногах шпоры, на голове ношу корону, шпорами сколю, клювом заклюю!

Испугалась лиса, соскочила с печи, да и подавай бог ноги, да и в лес убежала. А заюшко с петушком жить стали вдвоем, жить да поживать, да добра наживать, да и теперь живут вместе, да и нас переживут.

Вот тебе и сказке конец.

84. СНЕЖУРОЧКА

Жил-был мужичок с своей женой. Детей он не имел. Закатал на улице снегу глызу, не зная для чего, и занес его в избу, положил его на полати, и сделалась девушка, закричала.

— Жонка, посмотри-ка, кто у нас на полатях, кто с чего?

Она смотрит, а там девочка.

— Что ты, девочка? Чья ты? Кто ты?

— Я одинака ваша дочушка, звать меня Снежурочка.

Взяли дочушку, рöstят.

Сшили ей коробочку, привели почáбочку²⁶ и послали в лес по ягодки, по красную земляночку, по черную по смородинку.

А навстречу-то ей старичице,
Посадил ее в сумчище,
Перéбил ее ключищем:²⁷
— Сумка пой, сумка пой,
Сумка сказку скажи!

Вот Снежурочка запела в сумке:

Жила-была у батюшка
Одинакая дочушка,
Звали мя Снежурочкой,
Сшили мне коробочку,
Привели почáбочку,
Послали в лес по ягодки,
По красную земляночку,
По черную смородинку.
А навстречу-то старчишко,
Посадило мя в сумчишко,
Перéбило мя ключишком.

²⁶ Ручка у корзины.

²⁷ Клюкой.

Ну ладно. Этот старчишко приходит как есь к ейным родителям ночевать.

— Пустите ночевать, у меня сумка умеет сказки сказывать.

— Давай, говорят, пусь скажет.

Как перебил он своей ключишкой сумку:

Сумка пой, сумка пой,
Сумка сказку скажи!

Сумка и запела:

Жила-была у батюшки
Одинакая дочушка,
Звали меня Снегурочкой,
Сшили мне коробочку,
Привели почáбочку,
Послали в лес по ягодки,
А навстречу-то старчишко,
Посадило меня в сумчишко,
Перéбило меня ключишком,
Заставило сказки сказывать, песни петь.

— Охти мне (старик со старухой), ведь наша дочка тут, Снегурочка. Как мы ее достанем у старого черта?

А старуха говорит:

— Не хочешь ли, старичок, в баенку, у нас баенка истоплена.

А старчишко давно в байне не мывался.

— Хочу, говорит, в байну.

— Ну так вот, говорит, ты пойди в байну с моим со стариком, говорит.

А сама этим временем из сумки выняла свою дочушку Снегурочку, посадила ее в уголок под жернов, а в сумку наложила лошадиного калу, гóвён, а дочушку сохранила. Приходил это старчишко с бани. Взял клюку, по сумки стук:

Сумка пой, сумка пой,
Сумка сказку скажи!

А старуха ему:

— Все плакала сумка, заснула, пусть спит, не буди.

Старчишко спать повалился, заснул. Сумку на плечи да и пошел. Вышел на улицу, а бабушка с дедушкой ворóта заложили крепко на крепко. А когда вышел старчишко на улицу, здумал полюбопытствовать. Ключкой сколько не колотил сумку, но сумка не сказывала сказок и не пела песен. Открыл он сумку и что же в сумке? Кониный кал да полна сумка ему навалена.²⁸ Тут старчишко догадался:

— Уж не ейны ли родители, зачем я пришел к им да заставил петь!

А старичок со старушкой стали свою Снегурочку поить, растить, надевать, наряжать да хорошего жениха искать.

И тут и сказка вся.

²⁸ Сказочник смеется.

85. ОЛЬШАНКА

Жил-был мужичок. Детей он не имел. Рубил он на улице дрова. Дрова он рубил ольховые, отсек он чурку, занес он да и положил на печку не-знать-то для чего. К вечеру-то что образовалось? Из чурки-то образовался мальчик. А уж, когда чурка была ольхова, тогда и его называли Ольшанка. Купили ему маленьку лодочку да купили оружейко, да отправили на речку уток стрелять.

Ездит Ольшанка по речки да и забавляется. Захотелось Егабовой Ольшанкова мяска. Напекла она пирогов, удашливых, воложных,²⁹ намазала маслом. А у Егабовы было три дочери. Наложила полную коробку пирогов и послала дочь пирогами Ольшанка приманить. Научила она песни петь. Придешь, говорит, к речке-то, проси:

Ольшанка, Ольшанка,
Перевези за речку
К тетушки,
К Соломонидушки!

— А как приедет Ольшанка в лодочку, так ты захвати лодушку да возьми его в охалку и неси домой, а я поджарю да и съем его.

Вот приходит дочь к речке и запела:

Ольшанка, Ольшанка,
Перевези за речку
К тетушки,
К Соломонидушки!

Ольшанка приехал к берегу, протянул весёлко:

— Клади пироги на весёлушко, а сама садись в лодочку!

Вот дочь положила пироги на весёлушко, а сама хочет сесь в лодку. А Ольшанка взял пироги, да и отпихнулся. А дочь Егабовина упала в воду да и выкупалась вся. Пришла домой, матери жалится, плачет:

— Не могла Ольшанка взять.

— Ладно, Егабова говорит, завтра друга дочь пойдет, та достанет все равно. Не много он у нас поживет.

Назавтре Егабова еще пирогов больше напекла, да еще масляне навязала и вторую дочь посылает.

— Ты, говорит, не вóроней, не зевай, достань. Ишь он мошенник, говорит, пироги взял да дочь выкупал.

Приходит втора дочь к речке, просит у Ольшанка перевозу.

Ольшанка, Ольшанка,
Перевези за речку
К тетушки,
К Соломонидушки!

Ольшанка подъехал к берегу, протянул весёлко.

— Клади пироги на весёлушко, а сама садись в лодочку!

А Ольшанка пироги удернул да и лодочку отпихнул. И вторая дочь Егибовина упала в воду. Пошла домой да и плачет. А Ольшанка пироги унес отцу да матери.

²⁹ Пестрых.

Егабова на третий день пирогов напекла еще больше, послала третью дочь, всё-таки мяска хочет Ольшанкова. Приходит и третья дочь на берег, чтобы он перевез ее за реку:

Ольшанка, Ольшанка,
Перевези за речку
К тетушки,
К Соломонушки!

Ольшанка подъехал к берегу.

— Пирог клади на весёлушко, сама садись в лодочку, говорит.

Протянул весёлушко, положил пироги на весёлушко, удержал весёлко, и третья дочь упала в воду. Пришла мокрехонька и стала жалиться. А Ольшанка принес пироги отцу да матери. Отец да мать были радешеньки, что сын их кормит.

На четвертый день Егабова сама напекла пирогов и пошла сама:

— Меня, говорит, не обдует сукин сын. Я не маленька, говорит.

Напекла пирогов и принесла на берег.

Ольшанка, Ольшанка,
Перевези за речку
К тетушки,
К Соломонушки!³⁰

Ольшанка приехал к берегу, протянул к ей весёлушко.

— Клади пироги на весёлушко, а сама садись в лодочку.

Егабова пироги-то уставила, а другой рукой схватила за весёлушко и притянула лодочку к берегу. И взяла из лодочки Ольшанка.

— Ладно, говорит, мерзавец, попался ты мне, сжарю да съем...

Ольшанка перепугался, ни жив ни мертв, вот беда-то! Принесла его домой да и посадила в подпольё. А назавтре поехала опять на промысел и наказыват дочери:

— Истопи жарчей печь, да Ольшанка посади в печь и спеки да положи на доску, да вырежь на кусочки, да снеси его на жернов, пушай остынет, а я приеду, дак поем.

Ладно, ушла Егабова, уехала на ступы. А дочь натопила опять жарко. А когда печка истопляется, она и просит Ольшанка из-под пола:

— Ольшанка, Ольшанка, подай кочергу!

Ольшанка подал. Потом:

— Ольшанка, Ольшанка, подай помело!

Ольшанка и помело подал.

— Ольшанка, полезай сам!

— Ольшанка, Ольшанка, ложись на лопату!

Ольшанка повалился на лопату вот так.³¹

— Что это? Завернись калачком, растянись пирожком!

А Ольшанка не быть глуп, поднял руки и ноги кверху.

— А ну-тко сама да поучи-тко меня!

Дочь повалилась на лопату, свернулась калачом, растянулась пирогом. А Ольшанка шур ее в печь. Закрыл заслон. Дочь изжарил, положил на доску, разрезал на куски и вынес на жернов. Приезжает Егабова, побежала за мясом, уселась обедать, сидит, ест да пьет.

³⁰ Поет низким голосом.

³¹ Сказочник повалился на пол, руками вверх.

— Скусно, кусно Ольшанково мясо!
Сладки, сладки Ольшанковы коски!³²

А он из-под пола:

— Скусно, кусно дочёрнино мяско,
Сладки, сладки дочёрнины коски!³³

— Вот он, проклятый, сжарил дочь! Ладно, завтра другая дочь изжарит, доберусь я до тебя.

Приходит утро. Егабовой нать опять ехать на добычу. Второй дочери наказывают:

— Смотри, жарчей печь топи, да Ольшанка испеки.

— Ладно, мамушка, ладно, мамушка!

Егабова уезжала, дочь затопила печь жарко-прежарко. А когда печь истопилась, она и говорит Ольшанку:

— Ольшанка, Ольшанка, подай кочергу!

Ольшанка кочергу подал.

— Ольшанка, Ольшанка, подай помело!

Ольшанка подал помело.

— Ольшанка, Ольшанка, подай лопату!

Ольшанка подал лопату.

— Ольшанка, Ольшанка, полезай сам!

Ольшанка полез сам.

— Ольшанка, Ольшанка, ложись на лопату.

Ольшанка повалился на лопату, руки кверху, ноги кверху.

— Да что это, говорит, завернись калачком да растянись пирожком!

— А ну-тко сама поучи-тко меня!

Дочь повалилась на лопату, завернулась калачком, растянулась пирожком. А Ольшанка шур лопату в печку, и вторую дочь испек. Вынял из печи, положил на доску, разрезал на куски и поставил на жернов. Приехала Егабова, принесла мясо, села обедать и запела:

Скусно, кусно Ольшанково мяско,
Сладки, сладки Ольшанковы коски!

А Ольшанка ей опять запел:

Скусно, кусно дочёрнино мяско,
Сладки, сладки дочёрнины коски!

— Ишь, проклятый, втору дочь спек. Ладно, завтра старшая дочь испекет.

Назавтре поехала Егабова и старшей дочери наказывают:

— Жарчей печь натопи, а как испекешь, положи на доску, разрежь на куски, положи на жернов. А я приеду, дак поем.

Хорошо. Назавтре Егабова уехала. А дочь затопила печь жарко-прежарко. А как истопила печь, она и просит:

— Ольшанка, Ольшанка, подай кочергу!

Ольшанка подал.

— Ольшанка, Ольшанка, подай помело!

Ольшанка подал.

— Ольшанка, Ольшанка, подай лопату!

Ольшанка подал.

³² Низким голосом поется.

³³ Поется высоким голосом.

— Ольшанка, Ольшанка, полезай сам!

Ольшанка сам вылез.

— Ольшанка, Ольшанка, ложись на лопату!

Ольшанка на лопату повалился, руки кверху и ноги кверху поднял.

— Что этак-то, говорит, завернись калачком да растянись пирожком.

— А ну ты сама, да поучи-тко меня!

Дочь повалилась на лопату, завернулась калачом и растянулась пирогом. А Ольшанка шур ее в печь и испек. Вынял и положил на доску, вырезал на куски и положил на жернов, а сам спрятался опять в подполье. Вот приезжает Егабова, принесла мясо и села обедать. И опять запела:

Скусно, кусно Ольшанково мясо,
Сладки, сладки Ольшанковы коски!

А он и опять ей:

Скусно, кусно дочёрнино мясо,
Сладки, сладки дочёрнины коски!

— Ах, ты, мерзавец, ты у меня и третью дочь спек. Я тебя, татарин, испеку.

Вот она назавтре вытопила печь, просит:

— Ольшанка, Ольшанка, подай кочергу!

Ольшанка подал кочергу.

— Ольшанка, Ольшанка, подай помело!

Ольшанка подал помело.

— Ольшанка, Ольшанка, подай лопату!

Ольшанка подал лопату.

Ольшанка, Ольшанка, полезай сам!

— Ольшанка вылез и сам.

— Ольшанка, Ольшанка, ложись на лопату!

Ольшанка повалился на лопату, руки кверху и ноги кверху. Егабова и заругалась.

— Что ты, завернись калачком, растянись пирогом!

— Ну-тко, бабушка, сама, говорит, да поучи-тко меня!

Егабова сама повалилась на лопату, завернулась калачом и растянулась пирогом. А Ольшанка ее шур в печь да заслон крепко закрыл. Она там и замолилась.

— Ольшанушка, голубушка, выпусти!

— Сказывай, старая Егабова, где у тебя деньги хранятся, тогда выпущу.

— В подпечке сто рублей, да за печью сто рублей, да в клети сто рублей. Ольшанушка, голубушка, выпусти, я тебя не съем.

Ольшанка еще крепче заслон прижал. Так Егибова и околела, испеклась, изжарилась. А когда изжарилась, Ольшанка вытащил, положил на доску, вырезал на куски и вынес на улицу.

— Ешьте, ворона да воронята, Егабовино мясо!

Налетело воронят, налетело ворон, каркают, курнают, мясо Егабовино едят.

А Ольшанка слазил в подпечек, все сто рублей нашел, за печку слазил, еще сто рублей нашел, в клеть пошел, еще сто рублей нашел.

Тогда побежал с деньгами к отцу. Егабову извел с дочерьями. Пришел к отцу, отец и мать и радешеньки. Денег принес 300 рублей. Новый дом купили, корову, мужику коня купили, полей накопили, хлеба насеяли,

хлеба пришло много, хлеб хороший, сена наставили много, стали жить да поживать, да добра наживать, корову кормить, да коня кормить. Да наверно и теперь живут с отцом да с матерью, да наверно и нас переживут. Сказки конец.

ВАЙМУШИ

Ефим Матвеевич Коровин, 37 л.

86. УЛЕТЕВШАЯ ЖЕНА

Бывало-были тоже старик и старуха. У их был сын Вáнюха. И этот Вáнюха рос не по годам, а по часам. Вырос он трех годов, дак такаа стала мужчина, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Старуха старику и говорит:

— Что же, дедушка, мы растили своего Вáнюшку, как дурака, никому ремеслу не учили, чем же он будет нас под старось кормить?

Старик старухи и говорит:

— Ну, старуха, напеки завтра лепешек, и я поведу своего Ванюшу какого-либо ремесла в учење отдавать.

Старуха напекла лепешек. Они поплакали, распростились и повели дедушка своего Вáнюшу в учење отдавать какого-либо ремеслу. Они и отправились. Шли да шли, долго ли, коротко, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Дошли — стоит дом, кругом ограда, у ограды ворота все были заперты. Падет дож к ограды, они прису́плись и задрёмали. Вдруг у ограды ворота открываются. Выходит старьй старичок и спрашивает:

— Куда, говорит, дедушка, прависся, куда путь держишь?

— А вот, говорит, я повел своего Вáнюшу в учење отдавать какого-либо ремеслу.

— Отдай, дедушка, ты его мне в учење на три года.

— А чему же ты, дедушка, научишь?

— Я его научу всему, х́уду и добру.

— Эй, дедушка, мне бы не столь нать худу́, сколько добру.

— Ладно, оставь, говорит, научу и добру.

Он живет у этого дедушки год, только и дела постель постелет да обед дедушки приготовит. Живет другой, и что же, говорит, дедушка, я у тебя прожил год, живу другой, и никакому я ремеслу не научился. Что же я приду домой и чем же я обрадую своих родителей? А у дедушка было от 12 комнат 12 ключиков, от 12-й комнаты всё у дедушки висел на правом ухе. И он завсегда, этот дедушка, спал на правом боку. Отдал он ему 11 ключиков от 11 комнат. И этот Вáнюша ходит, и всё на свете в этих комнатах есь, всем наслаждается. Сам с собой и говорит:

— Неужели есь что прекраснее этого на свете, что в этих комнатах есь? Не отдает мне дедушка 12-го ключика.

Он пришел ко двери 12-й комнаты и стал присматриваться. Увидел он на двери сучок, наставил палочку на сучок и взял колотушку, сучок выколонул. Там увидал, сидит три девицы. Девицы и говоря:

— Эй, Вáнюша, пошто же ты мимо ходишь, а к нам не зайдешь?

— Рад бы я к вам, красавицы, зайти да от вашей комнаты у меня ключика нет. У дедушки висит на правом ухе, и дедушка спит все на правом боку.

— Вот, Иванушко, приготовь сегодня чарку самого крепкого вина и перед обедом дедушке подай. Он выпьет и тебя поблагодарит. И будешь постель слать, потряси постель, а разоспится дедушко и повернется на левый бок, и ты подойди и ключик сойми.

Ну, он приготовил чарку самого крепкого вина, перед обедом подал дедушке эту чарку вина. Дедушка выпил, Вáнюшка поблагодарил. И стал постель слать, постель перетряс, и дедушка разоспался и повернулся на левый бок. Вáнюша подошел да ключик у дедушки и снял с правого уха. Пошел к этой к 12-й комнате, отомкнул дверь, зашел в помещение. Там сидят три девицы. И они сидят за решеткой. Они ему и говорят:

— Вот, милый Вáнюша, тут есь дедушкин ключик, достань ты этот ключик и отомкни нашу решетку, и тогда мы с тобой попляшем и потанцуем.

Он достал ключик и отомкнул ихну решетку. Они тут с им плясали, танцевали. Они и спрашивают его:

— Каковы мы теперь, Вáнюша?

Он говорит:

— Хороши!

— Вот, милый наш Вáнюша, там-то есь у дедушки самоцветное платье. Достань ты, тогда мы будем еще в два раза лучше.

Он достал им самоцветное платье. Они одели и у его и спрашивают.

— Каковы мы теперь, Вáнюша?

Он и говорит:

— Очень ненаглядны вы теперь.

Он только что проговорил эти слова, оне хлопнулись об пол и улетели. Вáнюша постоял, поплакал, поплакал:

— Что же, я пойду к дедушке, что же мне дедушка скажет?

Пошел он к дедушке. Дедушка и говорит:

— Эх, Вáнюша, Вáнюша. Оттого я тебе и не отдавал 12-го ключика, что ты молод и слаб умом. Оставайся ты теперь, Вáнюша, жить в эфтом доме один три года. А я, говорит, полечу их разыскивать.

Этот Вáнюша прожил в эфтом доме три года все одно что три часа. Приходит дедушка и приводит три девушки.

— Ну, Вáнюша, бери ты топере любую взамуж.

Ладил он саму старшу взять. Дедушка ему и говорит:

— Нет, Вáнюша, от той жив не будешь.

Вáнюша перешел на среднюю. Дедушка и говорит:

— Нет, Вáнюша, от той тоже жив не будешь.

Тогда Вáнюша перешел на саму младшу. Дедушка ему и говорит:

— От той хоть много муки примешь, а жив останесся.

Они тут и повенчались... Пожил он с полгода времени. Дедушка-то ему еще сказал:

— Смотри, Вáнюша, не отдавай ты самоцветного платья. Ежели отдашь, то она опять тебя обманет и улетит.

Дедушка сделал пир на весь мир, и я на пиру был, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало. Пригласил этого Иванушка со своей хозяйкой на пир. Иванушка пошел. Евона хозяйка оделась вся в черном, как монашина. Вышли на крыльцо, Иванушка и говорит:

— Что же ты нарядилась вся в черном, как монашина?

— Милый мой Вáнюша, в чем же я наряжусь, как ты мне не даешь самоцветно платье?

Он спомнил дедушково слово, хлесь ей по щеки:

— Поди, перенаряжайся!

Она пошла, принарядилась еще хуже, еще того. Вышла на крыльцо. Иванушка говорит:

— Что же ты хуже того нарядилась?

Она и говорит:

— В чем же, милый мой Вáнюша, я наряжусь, как ты мне не даешь самоцветного платья?

Он спомнил дедушкино слово, хлесь ей по щеки.

— Иди, перенаряжайся!

Она пошла, перенарядилась еще хуже того. Идет — дак лоскутья с аршин сзади волокутся. Вышла она на крыльцо.

— Что же ты нарядилась хуже того, только будешь меня страмить!

Она и говорит:

— В чем же, милый мой Вáнюша, я наряжусь, как ты мне не даешь самоцветного платья?

Иванушка забыл дедушковое слово, пошел да ей самоцветно платье и отдал. Вышли они на крыльцо. Она у его и спрашивает:

— Какова я теперь, Вáнюша?

Он и говорит:

— Очень ненаглядна.

Только що он успел проговорить, она хлопнулась о землю и полетела от его. Он постоял тут, поплакал и посмотрел в путь, куда она улетела. Пошел он во свое помещение, насушил сухарей и наклеил себе котомку сухарей. И пошел в путь, куда она улетела, за ней. Шел да шел он, долго ли, коротко, скоро сказка сказывается да не скоро дело делается. В болото он усéдя до колена и глубже, и где ползушком ползет, все попадал вперед. Дошел — стоит избушка на курьей лапки и вертится. Он и говорит:

— Избушка, избушка остойсе к лесу глазами к мне воротами!

Избушка остоялась. Он в избушку зашел. В этой избушки сидит баба яга, костяная нога. И спрашивает:

— Куда, молодец, прависся, куда путь держишь?

— Эй, бабушка, бабушка, не поила, не кормила, а стала вести спрашивать. Напой, накорми, да спать меня уложи и тогда вести спрашивай.

Эта-то его бабушка напоила, накормила и спать уложила.

— Куда, говорит, молодец, прависся, куда путь держишь?

— А вот, бабушка, говорит, женил меня дедушка на девушки, и она меня оманула, улетела. Да вот, бабушка, я иду отыскивать.

— О, дитяtko, дитяtko, трудно тебе, говорит, достать. А сейчас, говорит, была она у меня, обедала. И вот, молодец, я тебе дам воронену коточку и дам тебе лепешку эту, и ты иди, говорит. Есь там средня сестра живет, и она научит тебя, как достать, и ты этой лепешкой ей по лицу хвосьни. Она узнат, что от сестры подарок. Она, гыт, тебя примет и все тебе расскажет.

Он и пошел. Опять в грязь, не усéдя до колена, где глубже, где ползушком ползет, не щадил и все попадал вперед. Шел, да шел, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Дошел, стоит избушка на курьей лапки и вертится. Он и говорит:

— Избушка, избушка, остойсе к лесу глазами, к мне воротами!

Избушка остоялась, он в избушку зашел. Сидит баба яга, костяная нога, и спрашивает:

— Куда, молодец, прависся, куда путь держишь?

— Эй, бабушка, бабушка, не поила, не кормила и стала вести спрашивать. Напой, накорми, да спать уложи и тогда вести спрашивай.

Она его напоила, накормила и спать уложила. И стала вести спрашивать:

— Куда, молодец, прависся, куда путь держишь?

— Вот, бабушка, женил меня дедушка на девушке, и она меня оманула, улетела. Вот, бабушка, иду ее отыскивать.

— Ой, трудно, детка, ей отыскать, сейчас, говорит, у меня была, паужинала.

(Я немножко пропустил. Когда он в помещение, ей надоть хвоснуть по лицу лепешкой, она узнала бы, что от сестры подарок).

— Паужинала. Вот, говорит, молодец, я тебе дам щучью косточку и дам тебе лепешку, и ты придешь, там живет старшая сестра, и она научит, как ей достать. А этой лепешкой хвосни, не в нарок, с намерением по лицу. И она узнат, что от сестры подарок.

Он и отправился, где до колена, где глубже, где ползушком ползет и, несмотря ни на что, все попадал вперед. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Дошел, стоит избушка на курьей лапке и вертится. Дошел он до избушки. Он и говорит:

— Избушка, избушка, стойся к лесу глазами, к мне воротами!

Избушка остоялась. Он в избушку зашел, сидит баба яга, костяная нога. Он этой лепешкой хвоснул эту бабу, не в нарок, с намерением по лицу. Эта баба и говорит:

— Куда, молодец, прависся, куда путь держишь?

— Эй, бабушка, бабушка, не поила, не кормила и стала вести спрашивать. Напой, накорми, тогда вести спрашивай.

Она его напоила, накормила, и спать положила и стала вести спрашивать:

— Куда, молодец, прависся? Куда путь держишь?

— А вот, бабушка, женил меня дедушка на девушке, и она меня оманула, улетела. Вот, бабушка, я иду ей отыскивать.

— Трудно, говорит, дидятко, тебе отыскать. Сейчас, говорит, у меня была, паужинала. И я те е дам косточку жар-птицы.

У ей была тропка.

— Пойди, говорит, по этой тропки, и дам еще тебе два куска мяса. И дойдешь — стоит дом, кругом в ограды. У ограды ворот стоит два льва, и эти львы ни одного человека не пропускали, каждого человека съедали. И ты на ту сторону кусок раскинь, на другу раскинь, львы раскочатся, и ты пройдешь. Зайдешь ты в помещенье к ей. Она сидит в креслах вся в золоте, и она будет своим слугам приказывать немедленно тебя вести на виселицу. И ты пади перед ей на колени и просись ей до второго разу прятаться. И как на улицу выйдешь, так наши косточки по одиначке кидай.

Вот он и отправился. Дошел — стоит дом кругом в ограды. В ограды у ворот стоит два льва. Он на ту сторону кусок, на другу кусок раскинул, львы раскочились. Он прошел. Зашел к ей в помещение. Она сидит в креслах, вся в золоте. Она приказывает своим слугам вести его на виселицу. Он пал перед ей на колени и просится у ей во второй раз спрятаться. Она говорит:

— Пойди, все равно куда идешь, найду.

Он вышел на улицу, бросил воронену косточку. Подхватил его черный ворон и унес его в дыбуче болото, окунул всего и сам сел на голову. Она стала наводить по лесам, по горам, по болотам, по морям. Дале увидала.

— Эй, черный ворон, преставь его сюда!

Черный ворон его из болота выдернул, сносил к морю, сполоснул, он идет опять к ей.

— Позвольте мне еще раз спрятаться!

— Пойди, все одно никуда не уйдешь, найду.

Он вышел на улицу. Бросил щучью косточку, и проглотила его быстра щучка всего, оставила один палец лежачей. И ушла в сине море и стала за колодину. Она стала наводить по горам, по лесам, по болотам, по морям. Дале и увидала:

— Эй, быстра щучка, преставь его сюда!

Щучка его на берег выбросила, он и идет опять к ей. Заходит к ей в помещение.

— Позвольте вы мне еще раз спрятаться!

— Пойди, говорит, все одно никуда не уйдешь, найду.

Вышел он на улицу, бросил косточку жар-птицы, подхватила его жар-птица, подняла его выше лесу стоячего под облако ходячее, там его и носит и с себя не сбросит. Она стала наводить по горам, по лесам, по болотам, по морям, нигде не может найти. Сама с собой и говорит:

— Ну, говорит, я думала, что у меня муж-то простец, а он оказывается, в самом деле хитрец.

Далее увидала.

— Э, жар-птица, преставь его сюда!

Жар-птица спустила его на землю. Он идет опять. Идет он мимо девки-чернавки двора. Выглянула девка-чернавка в окно.

— Об чем, молодец, плачешь, об чем горюешь?

— Вот, красавица, говорит, женил меня дедушка на девушки и она меня омманула, улетела. Я ее отыскал и до трою раз спрятался, и она меня все находила. И нать мне теперь идти без разговору на виселицу.

— Вот, молодец, приходи ты к ней и пади у ей четвертый раз спрятаться. И ты, говорит, дверями хлопни, воротами хлопни, а на улицу не выходи. Ляг за двери под зеркало. Может — нет она зеркало на зеркало навести.

Он приходит к ней, пал перед ей на колени и со слезами у ей просится:

— Позвольте мне четвертый раз спрятаться. Ежели вы меня найдете, тогда меня среди дороги берите и ведите на виселицу. Я вам больше слова не скажу.

— Пойди, говорит, все одно никуда не уйдешь, найду.

Он дверями хлопнул, воротами хлопнул, а на улицу не вышел, лег за двери под зеркало. Она стала наводить по горам, по лесам, по болотам, по морям, нигде его не может найти. И говорит:

— Ну, говорит, я думала, что у мня муж-то простец, а он, оказывается, в самом деле хитрец.

Сама собой и говорит:

— Наверно, это мое сужено. Эй, Вáнюша, иди сюда! — закликала его. Милой Вáнюша, иди сюда, дорогой мой Вáнюша, иди сюда! Наверно век нам с тобой жить.

Вáнюша пришел, она бросилась к ему на шею и говорит:

— Дорогой мой Вáнюша, наверно век нам с тобой жить.

Пожили они тут несколько времени, построили там хорошее судно большое, и это все золото и ейно имение погрузили на этом судне — к Иванушкому отцу. Пришли они к отцу и стали они жить да поживать, да добра наживать, да живут да хлеб жуют, да и теперь еще живут.

И старика и старуху они докормили своим богатством.

87. НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ

Ну вот, бывало, был-жил крестьянин и крестьянка, у их было три сына. Из трех сыновей взяли одного на службу. Бывало, как были службы долги, брали на 25 лет на службу. Этот солдатик отслужил 25 лет, отправился, понимаешь, он домой на пещу, бывало, как железных дорог мало было, как совсем даже не было. Шел он мимо одно государство. Привернул он край городу к одной старушке ночевать. И завели они разговор. Та старушка у него спрашивает:

— Каково ты служил, солдатик?

То, друго. А солдатик у старушки и спрашивает:

— Ну что, бабушка, у вас тоже-то нового?

— Да вот, солдатик, у нас есь у царя дочь, говорит. И она ходит гулять и выносит на кажную ночь новые ботинки. И царь, говорит, никак ей не может укараулить, куда она ходит.

— А вот, бабушка, говорит, я бы мог укараулить, он-то говорит.

Сейчас эта бабушка донесла весь до царя. Царь этого солдатика и призывает.

— Ну что, солдатик, можешь мою дочку укараулить?

— Да, царь-батюшка, могу укараулить твою дочку. Только не в одну ночь, а в три ночи. И дай ты нам комнату только для двух. И теперь дай мне на три дня, чтобы мне по городу ходить свободно, пить, ись и чтобы везде было мне открыто и бесплатно.

Он ходит по городу. Край города он нашел одну старушку. Пришел он к этой старушке и спрашивает:

— Вот, бабушка, говорит, я взялся у царя дочку укараулить, и я взялся в три ночи, куда она ходит. Не можешь ли, бабушка, моему горю помогчи?

— Вот, молодой человек, ты две ночи первых сам карауль, а уж не можешь, на третью приди, я тебе помогу.

Вот пришел он к царю. Царь ему дает комнату для двух. Ночь приходит, эта царевна его хвоснула каким-то платком по носу, сразу он за-спал. Эта царевна взяла книгу, давай книгу читать. Книгу читала, читала и пошла к зерькалу. У зерькала и спрашивает:

— Зерькало!

Зерькало отвечает:

— Что?

— Солдат спит?

Зерькало ответило, что спит. Потом походила, к утру явилась обратно. Солдат ничего и не знает, куда ходила. Приходят назаутре царя слуги и спрашивают:

— Ну, что, солдатик, укараулил?

— Ничего я не видал.

Слуги посмотрели на ботинки, ботинки розны.

Приходит друга ночь. Опять повалился солдатик спать. Она этого солдатика махнула платком по носу, и этот солдатик сразу заснул. Время подходит ей идти. Она берет книгу, давай эту книгу читать. Книгу читала, читала, пошла к зерькалу. У зерькала и спрашивает:

— Зерькало!

Зерькало отвечает:

— Что?

— Солдат спит?

Спит.

Она одела новы ботинки и ушла. На утро приходит, как ни в чем даже не бывало. На утро слуги пришли, спрашивают:

— Ну что, солдатик, укараулил?

— Ничего, гыт, я не видал.

Царские слуги посмотрели на ботинки, ботинки розны. Этот солдатик пошел к этой старушке.

— Ну, бабушка, помоги, говорит, моему горю. Я, говорит, две ночи прокараулил, ничего не мог укараулить.

Бабушка ему дала платок, дала калоши самоходы, ежели он шаг шагнет, то семь верст за один шаг берет.

— Ну вот, солдатик, ты, гыт, не глупей. Эту царевну хвосни, говорит, по носу этим платком и сам себе тоже хвосни. И надойдет время, она побегит, и ты надевай калоши и тоже бежи за ней. Хоть она в огонь побегит, все одно бежи.

Ну, этот солдатик вернулся обратно. Подходит третья ночь. Солдатик эту царевну хвоснул не в нарок с намереньем по носу этим платком, и сам себя тоже хвоснул этим платком. Все-таки он не заснул. Время подходит, нать этой царевны идти. Она сейчас берет книгу и эту книгу читат. Книгу читала, читала, пошла к зерькалу. У зерькала и спрашивает:

— Зерькало, солдат спит?

А зерькало ответило:

— Нет, не спит.

Она взяла эту книгу разодра́ла, зерькало сломала, одеват новы ботинки и побежала. Этот солдатик стает, одевает калоши и за ей. Побежала, ночи темны, время осенно было. Он забежит ей вперед, повалится. Она бежит да запнется, как через колодину, и упадет через его. Он станет, да опять за ей.

На пути да на дороги черт да леший деят шапку-невидимку да ковер-самолет. У их согласие не забирает это поделить. Солдат и говорит:

— Давайте, я вам разделю.

— А как ты нам поделишь?

— А так я вам разделю, що нате две палочки, я кину на стороны. Который ко мне первой прибежит, того ковер-самолет и шапка-невидимка.

Он бросил палочки. Черт да леший убежали. Он шапку-невидимку наложил, черт и леший его не видя. Он и бежит за этой царевной. С царевной рядом иде в шапке-невидимке. Она его не видит. Царевна бежала да бежала, добежала — стоит дом каменный, пошла она в этот дом. Солдатик за ей. Зашла в помещение, там живет змей. Они тут со змеем целовались, обывались, що им только было нат все устраивали. Змей и говорит:

— Пойдем-ко мы с тобою в сад.

Пошли они в сад, и этот солдатик с има пошел в сад. Они его не видя в шапке-невидимке. Змей и говорит:

— Вот сорвал яблоко.

И дает царевны.

— Вот это яблоко, говорит, отдай мамашеньки.

Сорвал другое:

— Это, говорит, отдай папашеньки.

Сорвал третье.

— Вот это, говорит, тебе.

А этот солдатик тоже сорвал три яблока, тоже себе положил в карман. Пошли опять обратно в дом. Опять тут начали пить, гулять, плясать, танцовать, что им только было нужно. Солдатик видит, что время подходит

к тому, что ей нать бежать обратно домой. Этот солдатик взял да и обратно ушел домой в это царство впереди. Пришел в то помещение, повалился спать как ни в чем не бывало. Она тоже приходит в помещение, повалилась спать как ни в чем дело не бывало. На утро приходя царские слуги и спрашивают у солдатика:

— Что, солдатик, укараулил?

Он гыт:

— Укараулил.

А царевна говорит:

— Де же вашему солдату укараулить?

Царь призывает этого солдатика и свою дочку.

— Ну что, солдатик, говорит, укараулил?

Она говорит:

— Де же вашему солдату укараулить?

Солдатик говорит:

— Позвольте-ка мне слово сказать. Вы, говорит, царская дочь ведь книгу читали вечером вчера? (Он говорит). Вы у зерькала спрашивали, что солдат спит? А зерькало тибе ответило, что солдат не спит. Вы ведь книгу разорвали?

Она отвечат, говорит:

— Разорвали.

— Зерькало вы сломали?

Она отвечат, что сломали.

— Вы, говорит, одели новые ботинки и побежали?

— Да, говорит, побежали.

— Бежала ты по дороге, падала за колодину?

— Падала.

— Ты, говорит, это не за колодину падала, а за мя. Я, говорит, это ваилися через дорогу. И ты, грит, прибежала в дом, где змей живет.

— Была, грит, в том доми.

— Вы, грит, со змеем целовались, обымались, плясали, и танцовали, все, говорит, делали?

Она говорит:

— Делали!

Вы, говорит, со змеем пошли в сад и в саду тебе сорвал змей яблоко и говорит, что это яблоко мамашеньки. И сорвал друго яблоко, вот это, говорит, яблоко папашеньки. И сорвал третье яблоко и вот, говорит, что это яблоко вам. Дак вот хотите посмотреть, дак вот у меня три яблока тоже есь сорваны те же самы.

Она созналась, что все это было. Царь у солдатика спрашивает:

— Ну что, солдатик, ежели ты женат, то я тебе отдам полцарства за это. А ежели ты холостой, то я отдам за тебя эту дочку замуж.

— Я, царь-батюшка, не женат, говорит.

Отдал царь за его замуж. Сделали они очень хороший тут пир. И я на пире был и пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

А этот солдатик все-таки подвыпил. Как они молоды, царь им дал комнату только что для двух. Они как муж да жена стали жить объединенно. Эта-то царевна его стала целовать и обымать и спрашивает:

Милый мой муженек, как же ты меня укараулил, мы тебя не видели?

Он ей открылся всей чистой правдой.

— Есь у мя, говорит, ковер-самолет и шапка-невидимка.

Он подвыпивши заснул. Она взяла его на этот ковер, да и отвезла в темный лес, Он там проснулся.

— Пропала, говорит, моя голова! Что делать? Такая судьба, говорит, моя.

Пошел он в путь, куда глаза глядя. Пришел он, стоит дерево очень красивое. И на этом дереве растут ягоды очень красивые. Он съел одну ягоду с этого дерева. У его вырос рог, съел он другу — у его вырос другой. Он сошил коробочку и собирал этих ягод полную коробочку. И пошел дальше. Дошел он — стоит дерево еще красивее того там. И ягоды на ём лучше, чем на том дереве были. Он съел стого дерева ягоду, у его рог слетел. Съел другу, у его другой слетел, съел он третью — он такой стал молодец, так очень красивый сделался. Сошил он коробочку и наклеил с этого дерева тоже полную коробочку ягод. И пошел он, понес две коробочки ягод.

Он вышел в то же само царство, где вот эта царевна. Пришел он к озеру. Мужчина и женщина полощут под гору. Он и говорит:

— Эй, товарищ, сменяй одежду. Возьми, говорит, у меня солдатскую, а дай мне деревенскую!

— Что ты, солдатик, у меня, говорит, одежда куда, у тебя одежда хороша. Тебе убыточно будя.

— Ничего, грит, товарищ, лишь бы тебе было ладно, а мне давно ладно, солдат говорит.

Переоделись оне одеждами. Этот солдатик и пошел в этот город. Идет и говорит:

— Эй, кому не надоть ягод? Ягода очень красивая.

Хто не выбегает, он продавал эти красивые. Хто ягоду съест, делается очень красивым. Выбежала от этой царевны кухарка.

— Эй, дядинька, что продаешь? — говорит.

— Ягодки, говорит, вот те не надо ли?

Это, кухарка, понимаешь, купила одну ягоду, съела и сделалась очень красивая.

— Подожди, говорит, ты, дядинька. Я, гыт, сбегая к царевны, не надо ли царевны ягодок.

Эта кухарка прибежала.

— Продайте царевны две ягодки.

Он продал из тех ягодок, от которых ягод рога растут.

— И пусть, говорит, она ест при зерькали. Сама смотрится в зерькало, а ягоды ест.

Она ягоду съела, в зерькало — у ней вырос рог. Другу ягоду съела — вырос другой. Он тут пошлялся в этом городи около недели времени. Пошел опять к этой старушке ночевать. Они опять со старушкой разговорились:

— Вот у нас есь, у царя, у дочки выросши рога, и хто бы эти рога сжил, тому дает царь, если женатый, полцарства, а холостой, говорит, за того отдаст замуж.

— Я бы, говорит, бабушка, это мог сделать. Сжил бы я эти рога.

Бабушка и говорит:

Посиди ты, солдатик, здесь, а я схожу, царя навещу.

Эта бабушка сходила, царя навестила. Царь посылает с этой бабушкой письмо, чтобы солдатик пришел к нему. Этот солдатик и пришел к царю. Царь и спрашивают:

— Ну что, можешь ли мою дочку лечить, сжить у ей рога?

— Могу, говорит, только ты дай нам комнату для двух, и только я в три ночи могу ей вылечить рога. И ей только будет больно, как я буду лечить. И дай мне жалезный прут, я буду жалезным прутом секчи. И нать

ей провести по всему городу, чтобы все увидели, что у ей есь рога. А ежели не увидят, то ей не вылечить.

Ну и царю было не охота показывать, но неволя заставляет. Царь согласился на это.

— Ну вот ты, говорит, разреши три дня по городу ходить, чего я захочу пить и ись, чтобы все было бесплатно.

Он три дня прогулял, приходит он к царю. Царь ему дал комнату для двух и дал ему железный прут. Он железным прутом раз стегне и говорит:

— Вот те перва ночь, как ты обманула.

Ночь прошла:

— Что, говорит, чуешь?

— Ничего, говорит, я не чую.

Подходит друга ночь. И он железным прутом опять давай сечь ей и приговарива:

— Вот те перва ночь, вот те перва ночь!

Ягодку дал, она ягодку съела, у ней рог слетел. Он ей и спросил:

— Ну что теперь чуешь?

— Как-буть я теперь, говорит, чую полегче.

Приходит третья ночь. Он опять железным прутом опять давай стегать. И приговариват:

— Вот те перва ночь, вот тебе перва ночь!

Ягодку дал, она съела, и другой рог слетел. Он и спрашива:

— Ну что чуете? Как ваше здоровье?

— Ничего я теперь не слышу, как быть ничего не бывало.

Пошли они к царю. Царь и говорит:

— Если ты женатый, я тебе дам полцарства, а холостой, говорит, отдам я за тебя дочку замуж.

Солдатик и говорит:

— Вот, царь-батюшка, я был на твоей именно дочки женат, когда, говорит, я укараулил, куда твоя дочка вынашивала на ночь новые ботинки.

С тех пор царь его поставил наследником. И они стали жить да поживать, да добра наживать.

ШОТОВА ГОРА

Марина Ивановна Щепоткина, 8 л.

88. ВОЛКИ ВОЮТ

Жыл-был мужик да жонка. У них была девушка и четыре брата. Она пошла за ягодами. Мать сказала:

— Не ходи долго, байну топить будем.

Она пошла, заблудилась. Ей звали Аннушка. Мать и пошла:

Аннушка,
Пооди в баенку,
На поваренку.

Отец пошел:

Аннушка,
Пооди в баенку,
На поваренку.

Братья пошли:

Аннушка,
Поди в баенку,
На поваренку.

Они чаю напились:

Маменька,
Пусти в клеточку,
На поветочку —
Волки-ти воют,
А други-ти воют
За лесами,
А третьи-ти воют
За огородами.
Татонька,
Впусти в клеточку,
Волки-ти воют,
Съись хотят.
Первы-ти волки
За клетьми воют,
А други волки
За лесами,
А третьи-ти волки
За городами,
Меня младешеньку
Съись хотят.

П О Б Ш Е Н Ъ Г А

Петр Тихонович Щеголихин, 19 л.

89. СКАТЕРТЬ, КОНЬ И ДУБИНКА

У отца было три сына. Старшие ушли бурлачить, а младший остался дома. И все время лежал на печи. Потом отец его стал гонить:

— Чего-нибудь делай.

Он наскал³⁴ сѣлья из конского волоса и поставил под звоз. Ему сначала попадали сороки да вороны, да голуби, он их не брал. Потом в один день попался ему орел. Стал он его осторожно вытаскивать из силá. Сило отвязал, а сам захватился за него. Орел полетел и потащил его за собой. Тащил, тащил, далеко тащил. Бросил к Морозу на крыльцо. Мороз тут нацѣял его тут морозить и всего заморозил, еле живой. Потом затащил в избу и отогрел, и стал спрашивать, как попал. Он сказал:

— На орле.

— На́, говорит, за то, что морозил, так на, говорит, тебе коня, только, говорит, не говори: «ну!».

Тот говорит:

— Ладно.

Поехал потом на лошади́. Едет это тут мимо окон-то Мороза-то и сказал:

³⁴ Скрутил.

— Ну!

Конь-то у него в кучу золота и рассыпался. Тот и не знает, что делать. Пошел просить у Мороза, как собрать это золото. Мороз ему сказал:

— Скажи, что «прру»!

Тот сказал, и опять сделался конь. Едет это на лошади, а далеко его утащило. Вышла женщина на дорогу и говорит:

— Не хошь ли, добрый молодец, в бане помыться?

— Можно.

Ну, приворотил лошадь, привязал тут и пошел в баню-то. Сказал ей:

— Не говори, говорит, «Ну!».

Ладно, он ушел в баню. А она эту лошадь увела во двор и сказала, говорит:

— Ну!

Лошадь сделалась кучей золота. Она это золото скрыла в подвал. А вместо тово коня дала подходячего шерсью своего. Ну, он вымылся из бани и поехал домой. Приехал домой, отцу и говорит:

— Отец, говорит, собери весь народ из деревни. Я, говорит, чудо покажу.

— Шо ты, запечельник, како ты покажешь?

Ну, тот пошел собирать, народ повещать. Ну, народ собрался. Он вывел лошадь свою на площадь, говорит:

— Сейчас покажу вам чудо.

Те дожидают. Он и говорит:

— Ну!

А лошадь все стоит. Ну, те начали его ругать. И после этого он опять ушел на печь. Лежал, лежал неделю.

— Давай-ка, опять пойду сілья ставить.

Сначала все попадали вороны да сороки, да голуби всё — он их выкидывал, не брал, потом опять попался ему этот орел. Чтобы его не упустить, он взял его меж ноги. Он полетел и его утащил. Потащил, тащил да опять к Морозу тому же и бросил на крыльцо. Мороз тут его еще пуще наморозил, почти до полусмерти. Потом завел в избу, отогрел и стал спрашивать, как попал. Он говорит:

— На орле опять.

— Ну, говорит, я тебя порато наморозил, за то дам скатёртку. Только не говори: «Скатёртка, развернись», а то развернется, то будут разны кушанья. Гыт, тебе надо. Он гыт:

— Ладно.

Ну, пошел и опять на улице сказал:

— Скатёртка, развернись!

Ему интересно узнать, гыт, те кушанья. Она развернулась, тут было много разных кушаньев; он не знает, как собрать. Пошел опять у Мороза просить, чтобы он как-нибудь собрал это. Мороз говорит:

— Скажи, что «Скатёртка, завернись!».

Тот сказал, и скатёртка завернулась. Пошел домой, та женщина-то его признала и опять зовет его в байну.

— Не хошь ли, добрый молодец, в байну помыться?

— Пожалуй, можно.

В байну-то пошел и говорит:

— Не говорите, что «скатёртка, развернись».

Когда он ушел в байну, ей не терпится. Она сразу сказала, что:

— Скатёртка, развернись!

Скатёртка развернулась, тут были разные кушанья. Она это все убрала, а вместо той положила свою подходящую. Ну, когда он пришел из байни, взяв эту скатёртку и пошел домой. Пришел домой, отцу опять говорит:

— Созови не одну нашу деревню, а близлежащи, я покажу интересно чудо.

А отец гыт:

— Нет, не пойду, ты и так обманул нас раз. А он его посылает.

Ну, отец и пошел. Собрал народ с двух деревень на площадь. Он вышел со скатёрткой со своей и говорит:

— Скатёртка, развернись!

А она не развертывается. Ну, тут мужики его начали ругать, говорят:

— Ты сколько раз нас будешь обманывать?

Тот после этой брани опять забрался на печь. Ну лежал, лежал, ему опять надоело, стал опять ставить сілья под звоз. Ну, ему сначала попали сороки да вороны, да голуби. Он их не брал. Ну потом ему опять попался этот орел. Чтобы его не упустить его, опять взял меж ноги. Орел полетел, его и уташил. Ташил, ташил да опять к тому же Морозу и бросил на крыльцо. Ну, Мороз тут его как следует наморозил, очень порато уж. Потом заташил в избу, отогрел и спрашивает, как попал. Он ему и рассказал.

— Орел заташил.

— На, говорит, за то, что я тебя морозил, так суму, только не говори: «Из сумы! Из сумы!».

Ну, а ему не стерпелось, он тут же на улицы и сказал:

— Из сумы, из сумы!

Выскочило 12 молодцов с дубинками и начали его колотить. Тот ревет. А Мороз-то услышал:

— Скажи, гыт, что: «В суму! В суму!».

Они и вскочили все в суму. Ну, пошел. А эта женщина его опять признала.

— Не хошь ли, добрый молодец, в байне помыться?

Он говорит:

— Пожалуй, можно.

В баню-то пошел, а сумку-то положил на скамейку и сказал:

— Только не говори: «Из сумы!».

А ей это не терпится. Как только он ушел, она сразу и сказала:

— Из сумы!

Выскочило 12 молодцов с дубинками, начали ей как лупить. И лупили до тех пор, пока он не вымылся. Он пришел. Она гыт:

— Выручи, гыт, пожалуста, отними меня как-нибудь.

А он ей говорит:

— Отдай мне моего коня и скатёртку, тогда я тебя выручу.

Она и говорит:

— Всё, говорит, я тебе отдам, только выручи!

Ну, он гыт:

— В суму!

Они и вскочили все в суму. Ну, повела его к подвалу, там куча золота. Он grit:

— Прру!

И сделался конь. Коня вывели из-под лавы. Она подвела к скатёртки, он говорит:

— Скатёртка, завернись!

Скатёртка завернулась, забрал все это и поехал на кони домой. Приехал к отцу и говорит:

— Собери три деревни, а не одну, я зараз три чуда покажу.

Тот сначала опирался, а потом пошел и собрал все три деревни. Скопились все на площадь. И стал показывать первое чудо, скатёртку. Ну, он говорит:

— Скатёртка, развернись!

Она и развернулась. А тут кушанье-то было приманчиво, так малы ребята стали таскать. Потом он говорит:

— Скатёртка, завернись!

Она и завернулась. Потом стал другое чудо показывать — коня.

— Ну! — говорит.

И сделалась куча золота. Тут все полезли за золотом. А он это не медля времени давай скорей третье чудо показывать. И говорит:

— Из сумы, из сумы!

Выскочило это 12 молодцов с дубинками да тех как начали хвостать.

Те кричат:

— Уйми, пожалуста, уйми пожалуста!

А он говорит:

— А зачем лезли за золотом?

А потом сказал, говорит:

— Прру!

Конь сделался конь. Потом говорит:

— В суму!

И ушел домой со всем.

МЕЗЕНЬ

ВОЖГОРЫ

Марфа Николаевна Лешукова, 35 л.

90. ЛИСА ПЛАЧЕЯ

Жили старушка да старицёк. Посеяли они в подполье жито. Жито выросло длинно до полу. Потом выросло жито до потолка. И потолок просёкли; до сараю жито выросло. Вот старик со старухой говорит:

— Вот теперя наше время пришло жито жать. Я, говорит, поставлю лестницу, и полезем оба с тобой по лестнице. Ты, говорит, смотри, не упади.

Старик полез попереди, а старуха позади. Старик забрался на крышу, а старуха упала с лестницы, упала да и ушиблась. Старому много ли нать убиться?

Старик слез обратно и занес старуху в избу. У единой денешенек надоть кого ли позвать помытись. Пошел старик по лесу. Настрету старику заяц.

— Куда, grit, старицёк, пошел?

— Пошел я омывальницу да оплакальницу наживать.

— Возьми меня, говорит.

— Как, говорит, плацёшь?

— Мяу, мяу...

— Поди, говорит, к цёрту в сторону! Неланно плацёшь!

Потом идет дальше. Встретился волк.

— Куда, grit, идешь, старицёк?

Опять также говорит:

— Омывальницу да оплакальницу наживать.

— Возьми меня, говорит.

— Как, grit, плацёшь?

— Оу, оу...

— Ступай, grit, к цёрту в сторону!

Опять тот негож старику. Старик идет дальше. Настрету старику лиса:

— Куда, старицёк, grit, пошел?

— Омывальницу да оплакальницу наживать.

— Возьми меня, говорит.

— Как, говорит, плацёшь?

— У тебя, говорит, была старушка добра, блинки попекла да шанежки, да и померла.¹

Они пошли с лисой в избушку. Старик лису завел в избу, а сам пошел на улицу делать гроб. Покуда старик делал гроб, лиса съела всю старушку.

¹ Голошением.

Ну вот старик гроб сделал и понес в избу. Старик двери отворил и лиса пыхнула да и вон, как будто не бывало. А старик склал костьё-то, захоронил, да и больше всё.

Ксения Андреевна Лешукова, 13 л.

91. СТУПА

Жили-были старик со старухой. У их было три сына. Старик говорит старухи:

— Завтра топи печь да пироги пеки. Я пойду дрова завтра сёкци.

Старуха печь истопила, пирогов напекла. Вот они утром собрались, пошли дрова сёкци. А тут ребята их выбежали, говорят:

— Принесите нам серы.²

Вот они осекли дрова, да та домой и ушла, старуха-то. Старик дров коллол, коллол да и наколол, да и серы наколопал, на костерець полóжил, да сам домой пошел. Да сёрку забыл на костре. Ребята выбежали, говорят:

— Принес ли нам серы?

А он говорит:

— Я на костерець забыл, сбегайте.

Они и побежали по сёру. Вот они стали сёру-то брать, да выбежал медведь. И он говорит:

— Зацем мою сёру берете?

Они говорят:

— Нас послал татка.

Ну он говорит:

— Возьмите сёру и садитесь на меня на Мишку медведя.

Ну вот они сели. Он их потащил домой.

Притащил домой и ко крыльцу бросил, и сам бежал. Вот они там зашли на сарай, да ступу нарядили в кумашнём сарафане. Медведь прибежал и ищет их, ребят-то опеть. Вот после он и увидел ту ступу-то наряжону-то, думал — они. Он взял лопату, доставал ей да не мог достать, да взял опеть крюк доставал, тоже не мог достать. После он взял багор да достал. Ступа пала да его убила. Старик стал шкуру снимать.

— И вот, говорит, старуха, тебе какой воротник к шубы.

Старуха говорит:

— Да, верно, старик, добро думашь.

Боле вся.

92. ОСЛЕПЛЕНИЕ ОДНОГЛАЗОЙ ЯГИ

Жили-были старик со старухой. У их был сын Иван. Он пошел по грибы в лес да заблудился. Стоит избушка. Тут он говорит:

— Стоит избушка на курьих ножках. Поворотись избушка к лесу глазами, ко мне воротами!

Вот он зашел в избушку. В избушке много баранов. А избушка-то тепло натоплена только. Он и лег на печь, зашел. После баба яга зашла, костяна нога, говорит:

— Фу-фу, русский дух веком не бывал, теперя стал.

Она говорит:

² Смола лиственницы, которую население имеет привычку жевать.

— Кто такой?

— Я, Иван.

— Че, говорит, ты делаешь?

— Я, говорит, хожу, кую.

Она говорит:

— Я одним глазом крива, так мне скуй глаз.

Вот он слез с печи, да ей на вястоцьку³ привязал. Он по здоровому-то глазу и ожарил. Вот она и зацяла ругаться.

— Не выпущу, говорит, я тебя седни, еретика́.

Ну вот она села на порог да караулит всё:

— Сам, говорит, пропадешь.

Утро стало. Она стала этих баранов выпускать из избы-то, кормить. Он сидел, сидел, а у ей шуба вёсла тут на спицке. Он шубу-то выворотил да оболок. Бёжит как баран такой. Она его схватила за шерсть да на улицу и фукнула. Он вышел да шубу сбросил с плець, да сам домой пошел. Та сидела, сидела баба яга на пороге всё и говорит:

— Вот теперя и пропал голодный, и не выпущу.

Она стала искать в избе-то. Искала, искала да не могла найти-то. Вышла на улицу — шуба-то и попала под ноги. Говорит:

— А дурак, он ушел, говорит, видно я его выбросила вместо барана. Боле вся.

Ефимья Яковлевна Галёва, 9 л.

93. ПЕТУШОК ЗАДАВИЛСЯ

Жили-были петух да кура. Они клевали, клевали зернышка. Петух-от и задавился. Кура пошла к морю.

— Море ты море, дай мне воды! Вода нать петушку. Петушок на тутовой горы бобовым зернышком задавился.

Море говорит:

— Пойди, сходи к липы, листок попроси!

— Липа ты липа, дай мне листок! Листок надо морю. Море даст воды, вода нать петушку, петушок на тутовой горы бобовым зернышком задавился.

Липа говорит:

— Поди, к девкам сходи, пояс выпроси!

Она пошла к девкам.

— Девки вы девки, дайте мне пояс, пояс надо липы, липа даст листок, листок надо морю, море даст воды, вода нать петушку, петушок на тутовой горы бобовым зернышком задавился.

Девки говорят:

— Поди, сходи к балькам, у балец шерсти выпроси.

— Бальки вы бальки, дайте мне шерсти, шерсть надо девкам, девки дают пояс, пояс надо липы, липа даст лист, лист надо морю, море даст воды, вода нать петушку, петушок на тутовой горы бобовым зернышком задавился.

Бальки говорят:

— Поди, сходи к сенникам, выпроси сена.

— Сено надо балькам, бальки дают шерсти, шерсть надо девкам, девки дают пояс, пояс надо липы, липа даст лист, лист надо морю, море даст воды,

³ Вережку.

вода нать петушку, петушок на тутовой горы бобовым зернышком задавился.

Говорит:

— Поди, сходи по косу́ к кузнецам.

— Кузнецы вы кузнецы, дайте мне косы́, коса нать сенникам, сенники дают сена, сено надо балькам, бальки дают шерсти, шерсть надо девкам, девки дают пояс, пояс надо липы, липа даст лист, лист надо морю, море даст воды, вода нать петушку, петушок на тутовой горы бобовым зернышком задавился.

Говорит:

— Поди, сходи к угольникам по уголья.

— Угольники вы угольники, дайте мне уголья, уголья надо кузнецам, кузнецы дают косу́, коса нать сенникам, сенники дают сена, сено надо балькам, бальки дают шерсти, шерсть надо девкам, девки дают пояс, пояс надо липы, липа даст лист, лист надо морю, море даст воды, вода нать петушку, петушок на тутовой горы бобовым зернышком задавился.

Угольники дали уголья, она пошла к кузнецам — кузнецы дали косу́, она пошла к сенникам — сенники дали сена, она понесла их балькам — бальки дали шерсти, она понесла к девкам — девки дали пояс, она понесла к липы — липа дала лист, она пошла и к морю — море дало воды, она понесла петушку. Она напоила петушка, петушок ожил.

Василий Петрович Грязнов, 51 г.

94. МАРКО БОГАТЫЙ

Был-жил Марко богатый, значит. Он на свете всех богатей, и все купцы к ему переездили в гости, и он всех богатей. И потом бытто во снах ему сон приснился. Бытто хоцет к ему Христос притти в гости. Ну вот, значит, там все переездили, к ему пришел старичок и просится к ему ночевать. Он говорит:

— Куда тебя старого пушу? Ко мне Христос придет в гости.

Он выгнал старичка. Старичок обошел да опять просится ночевать к ему другой раз. Он опять старичка выгнал. Он опять обошел да и третий раз просится.

— Да какой-то такой сиротина просится опять! У меня Христос придет в гости, куда я старого сиротину пушу ночевать?

Там какие-то кухарки были.

— Сведите-ка в байну-то, пускай ночует там.

Оне свели его в байну. Он расположился, спит с убогой, с безрукой-то, с безногой. Вот он с ей тамотки ночевал. И спит старичок. И прилетели ангелá в байне-та.

— Здесь истинный Христос ночует?

Этот старичок отвецает:

— Здесь!

— Вот у такого-то, у такого-то кузнеца родился девятой сын. И как его имя дать и каким его счастьем наделить?

— Дать ему имя Иван несчастной, наделить его Марка богатого счастьем.

Ну ладно, хорошо. Старичок с байны и ушел.

И потом принесли кухарки йись сестры-то. Она и стала рассказывать:

— У меня сегодня Христос ночевал, говорит. И прилетели, говорит, ночью ангелá и спрашивают; у какого-то кузнеца родился девятой сын, и спрашивают ангелá, каким его счастьем наделить, этого мальчика. «Дать ему имя Иван несчастной и наделить его Марка богатого счастьем».

И Марк богатый спрашивает. Подал розыск, где родился у кузнеца сын в эту ночь. Вот там разыскал и поехал. Приехал, его крестить сряжаются, этого мальчика. Этот Марк богатый стал кумом напрашиваться, держать этого мальчика. Вот они его скрестили, дали имя Иваном. Вот этот кузнец принес бутылку вина, с Марком эту бутылку и рóспили. И вот этот Марк богатый и стал торговать этого мальчика:

— Вместо сына дай мне этого мальчика, крестника.

Вот кузнец и согласился, значит, отдал его вместо сына ему. Вот Марк богатый поехал домой тоже, значит. Этого мальчика повез. Вот вез, вез да его в сторону выкинул. Он там в стороны и лежит.

А мимо этого места ехали два купца. И уцюли — там в стороны робенок ревет, значит.

— Стой, говорят, ямщик.

Ямщик остановился, и слышат — там в стороны робенок ревет. Этот ямщик взял его в повозку и понес к этим купцам. Принес в повозку. И стали эти купцы его рóстить. И стал он не по цысам, а по минутам растет. Вырос, дивен стал, стал чай греть уж, самовар. А его звать не знают как, а дали имя Найда. И вот он стал самовары греть да всё, и потом купцам тому надо и другому надо.

И там весь произошла к Марку богатому, что такой-то и такой-то мальчик найден. И Марк богатый поехал за море торговать мимо этого места-то. И к этим купцам приворотил и говорит:

— Вы продайте мне, у мян дочь есь, так мне за дочь в приняты́е.

Они его за сколько-то и продали. Вот он ему гумажку, письмо написал, что вот:

— Поди там ко мне в дом и на доцери в приняты. Передай хозяйки, и она тебя повенцят с доцерью, говорит. И сам это письмо не показывай никому. И сам не смотри эту гумажку тоже.

Ну вот он отправился к Марку богатому в принятые. Идет по дороге. Из стороны старичок выходит и:

— Куда, мол, отправился, молодец?

— Да вот отправился к Марку богатому в принятые.

— Да какие у тебя гумажки есь?

— Да, гумажка есь, да нельзя показывать.

— Ну, да мне-то покажи! — этот старичок говорит.

Он взял старичку показал. Старичок посмотрел. У него написано как хозяйке:

— Придет, шобы так хозяйка и уходила его.

Этот старичок взял эту гумажку, дунул, она и сделалась бела. И взял своима рукама написал, шобы как дойдет, так своима рукама и повенцят с дочкой. И передал молодцу.

— Вот теперь поди, и повенцят тебя.

Он пришел, хозяйке передал это письмо. Оне так и повенцятились. Вот и живут, значит.

И Марк богатый уехал на три года, и они живут без него. Сделал тоже парня дочери этот мальчик. Вот через три года Марк богатый приезжает домой, там торговал. И вот стретать вышли — зеть и дочь, и внук еще есь даже, сделан.

Марк богатый пуще старого осердился.

Хозяйка письмо показала, шо «как придет — повенцять», рука еговая. Все написано по-еговому.

Ну вот этот Марк богатый и говорит:

— А шо, сходи-ко к девятиглавому змею по дань!

Ну вот он отправился к девятиглавому змею, Иван несчастный. Шел дорогой, значит, и стоит дуб, дуб о дуб трется, заплетается, значит. И он этому Ивану велел спросить:

— Куда пошел?

А тот:

— К девятиглавому змею по дань.

— А ты спроси у его, долго ли я буду дуб о дуб траться и дуб о дуб заплетаться?

— Ну ладно, хорошо, спрошу, говорит.

Потом шел, шел, и есть рецька. Через рецьку перевозчик перевозил.

— Куда, говорит, пошел? — опять спросил.

— А к девятиглавому змею по дань.

— А спроси, говорит, у его, долго ли я народ православный через реку стану перевозить?

Ну ладно хорошо. Опять вперед пошел. И стоит кит-рыба через реку, и по ей в колено дорога прорыта. Она спрашивает:

— Куда пошел? — говорит.

— Я, говорит, к девятиглавому змею по дань, — отвечает.

— А спроси у него, долго ли народ православный будет меня ходить, топтать будет?

— Ну, ладно хорошо, говорит, спрошу.

Вот и пошел к девятиглавому змею. Девятиглавого змея дома не было. Вот хозяйка его накормила, напоила и стала вестей спрашивать.

— Марк богатый, говорит, меня послал по дань к девятиглавому змею. Я пошел, дорогой дуб о дуб заплетается, говорит, и он мне велел спросить, долго ли я буду дуб о дуб траться, дуб о дуб заплетаться. И потом, говорит, я шел, и перевозчик перевозит через реку и велел спросить, долго ли я буду через реку народ православный перевозить. Это он хозяйке рассказывает. Потом шел я, кит-рыба через реку стоит: «Долго ли меня станут топтать, по мне ходить будут, спроси там девятиглавого змея».

Вот она его припрятала его, в ящик, например, замкнула. Так сказывается. Вот змей прилетел, значит, домой и говорит:

— Фу-фу, русский дух не бывал, теперя стал, говорит.

А она говорит:

— По Русе-то летал да русского духа нахватался да мне-то принес, говорит.

Ну вот она его накормила, и он заставил ее в головах вшей искать, хозяйки-то. Она вот и стала его спрашивать:

— Что же, змей, мне как во снах снилось, будто как я шла дорогой, и стоит дуб, и дуб о дуб трется и заплетается. И он велел мне спросить: «Долго ли я буду дуб о дуб траться и дуб о дуб заплетаться?»

Он говорит:

— Дотуль будет заплетаться, дотуль, хто до него дойдет и правой ногой топнет, он всё рассыплется золотом и серебром рассыплется весь.

Потом говорит:

— Я ишла, и мне снилось, будто через реку перевозчик перевозит. И он мне велел спросить: «Долго ли я через реку перевозить буду?».

— А хто, говорит, хто придет к ему за перевоз да своими руками весло возьмет да поедет через реку, а старой-то перевозчик выскочит. А первому-то и век свой перевозить.

Ну ланно, хорошо.

— Я шла быдто, и через реку кит-рыба через реку стоит. И она велела спросить: «Долго ли народ православный будет меня топтать?».

Он говорит:

— Дотуль ее топтать будут, докуль Марка богатого 12 кораблей она не выглотит, все станут по ей топтать, ходить.

Ну ланно хорошо. Змей даже заспал, у ей на коленях заснул. Она ящик отворила да говорит:

— Поди да рассказывай, как слышал, как змей сказывал, а докуль не перейдешь, не сказывай, никака тебе дань не будёт.

Ну вот он шел, шел — стоит кит-рыба.

— Ну спрашивал ли?

— Спрашивал.

— Сказывай, говорит.

— Перейду, тогда скажу, говорит.

Вот он перешел и сказал:

— Докуль Марка богатого 12 кораблей не выглотишь назад, всё тебя топтать будут, ходить.

Ну потом шел, шел, до перевозчика дошел. Первозчик говорит:

— Спрашивал ли про меня?

— Спрашивал. Перевези, так скажу.

Он его перевез, значит, перевозчик.

— Вот, говорит, хто придет, ты его не перевози, он у тебя весло возьмет, а ты как выскочишь наперед, а новому и век перевозить.

Ну вот он и пошел и там, где дуб и дуб заплетается, дошел.

— Спрашивал? — говорит.

— Спрашивал.

— Ну сказывай, говорит.

— Ужо дойду, тогда скажу.

Дошел до дубу да правой ногой топнул, он все на золото да серебро рассыпался. Ну вот он давай собирать золото и серебро. Собирал, собирал. И потом Марка богатого корабли рыба-кит выглотила, и они идут с народом со всем. Он стал реветь. Они приворотили это к берегу. Он золото и серебро собрал да на эти корабли и зашел. И пошел к Марку богатому домой на этих 12 кораблях. И Марк богатый пуще старого осерцьял, почему он его не съел.

— Я, говорит, пойду, так его самого змея убью.

Вот он отправился змея ловить. Вот дошел до этого перевозчика, и перевозчик его не перевозит за реку. Он взял руками своими это весло и поехал за реку. Старый перевозчик выскочил на берег, старому перевозчику и век свой перевозить.

А зеть жить да быть, и теперя живет. А Марк богатый и теперя перевозчиком.

Сказки конец.

95. СКАЗКА ПРОХОЖЕГО ЧЕЛОВЕКА

Жили старуха да старик. К им пришел прохожэй старик и говорит:

— Не знашь ли, прохожэй, сказки сказать?

— Ну, я сказку скажу, чтобы не пересекать. Кто пересекет, тому и сказывать.

Ну вот прохожѣй и стал сказывать:
 Сова из овина в овин перелетывала.⁴
 Вниз хвостом да вверх хвостом,
 Хвост отлепила да нос прилепила.
 Опять:
 «Сова из овина да в овин перелетывала»...
 Вот старуха и говорит:
 — А цѣ он все одно сказыват?
 — Вот коли пересекла, тебе сказывать!
 Да вот они всю ночь просказывали. Она тоже тонким голосом:
 «Сова из овина да в овин перелетывала»...⁵
 Старику надоело слушать, он пересек.
 — Ты пересек, тебе сказывать.
 Он: «Сова из овина да в овин перелетывала»...
 И так всю ночь просказывали.
 Утро стало, прохожѣй ушел.

96. ПРО ЛИСИЧКУ

Был-жил старик. Съездил за рыбой тоже. Рыбки-то наклал в возу и везет, знацит. Ехал дорогой, знацит. Лежит лисицка на дороге мѣртва. Вот и взял ее.

— Вот жонке воротник.

Взял да на воз и бросил ее. И сам едет домой тоже, знацит. Она с возу рыбка по рыбке и давай нá сторону выкидывать. Выкидывала, выкидывала да сама и выскоцила. Давай рыбку собирать.

Старик приехал домой.

— Вот я, хозяйка, тебе какой воротник привез, говорит.

Старуха пошла вынимать воротник. У него рыбки-то нету и воротника нету.

И кончилась.

Александр Яковлевич Поташов, 13 л.

97. НЕЗНАЙКО

Жил-был царь. У царя жонка-то беременна. Он пошел на корабле на море-то. Какой ле дьявол кораб и остановил.

Говорит:

— Хто у меня постановил кораб? Спустите мня!

Там дьявол отвеча:

— Нет, не спущу. Весь кораб росторзае. Говорит, це дома не знаешь, так отдай-то мне.

— Всѣ дома знаю. Ну, говорит, чего дома не знаю, то и тебе отдам.

Ну вот тот сходил, опять идет. А парнецек с луцком бегат, стреляется.
 — О, говорит, цего я-то в дому-то не знал. Говорит: вот тебя, Иванушка, я какому ле мужику отдал.

Вот они нощь ноцевали. Тот Иван и крицит:

⁴ Кто-то из слушателей дал вариант:

«Сова с кола нá кол перескакивала» ... и т. д.

⁵ Говорено тонким голосом.

— Хлебца, мама, накопай.

Он средился да и пошел.

Какой де мужик из лесу вышел. Вот тот идет и говорит:

— Куды, парнецьск, пошел?

— Меня папа какому-то мужику отдал.

Он говорит:

— Пойдем со мной, он мне отдал.

Вот они шли, шли, до моря дошли. Он гыт:

— Имайся мне за плецьки.

Вот он поймался там. Шли да в воду сошли — большой дом стоит.

Вот они пожили да тот поезжат торговать. Вот он уехал и говорит:

— В три-то амбара заходи, а в четвертой не ходи.

Вот он уехал торговать.

Он и пошел по амбарам. В первый зашел — ницё нету. А в другой-от зашел — тоже ницё нету. В третий зашел — свинья сено ест.

— Че же я в четвертый не заходил? Ну-ка я захожу.

Вот он заходил, а конь золотой стоит, мясо ест.

Тот Ивану-то говорит:

— Поди-ка, снеси мясо к свиньи, возьми сено да, говорит, овсу бочку заправь и воды бочку.

Он заправил все не онным цясом, а онной минутоцькой.

Ну вот он и сел.

— Там большая гора есь, держись крепце. А если не удёржисся, па-дешь, так тебя лешой съест.

Вот доехали до горы. Он перв-от раз скочил и друг-от скочил. Иван-от и пал. Тот конь воротился, в зубы схватил и третьи-от раз там на гору заскочил.

Дьявол-от отвецят:

— Ох, счастливой ты, Иванушка, а то бы я тебя на мелкие кусоцьки расторзал.

Тот на коня скочил и поехали. Ехали, ехали, до города доехали. Говорит этто:

— Ты меня по загороду спусти, а сам поди в город. Кто тебя станет спрашивать, ты никому не скажи, всё говори — не знаю.

Ну вот этот Иванушок пошел. Царь ходит кур караулит. Вот он говорит:

— Цей ты парень?

— Не знаю.

— Откуда ты?

— Не знаю, говорит.

— Какой ты, говорит, незнайко. Гыт, покарауль у мян кур.

Он говорит:

— Не знаю.

Царь-от тот ушел. Он караулил, караулил, да всех кур выловил, да под корку (корень) склал. Царь идет, говорит:

— Где-ка куры ти?

Тот говорит:

— Не знаю.

— Какой жо ты незнайко!

Царь говорит:

— Давай, то прощу.

Он простил, говорит:

— Коров покарауль!

Говорит:

— Не знаю.

Царь опять ушел. А тот коров караулил, да коров всех выколол да к царю-то идет.

— Где коровы ти?

Тот говорит:

— Не знаю.

Тут царь опять загромел, говорит:

— Какой ты незнайко! Говорит, нат тебя в тюрьму посадить.

Вот его и в тюрьму повели, посадили. Вот сидит. У царя-то была дочи, всех на свете была лучше. Вот троеглавой змей приехал свататься царску дощерь. Гыт:

— Не отдадите, уведу и отдадите, уведу.

Кака ле старушка прибежала, говорит:

— Ты, паренечек, не можешь ли царску дочь сохранить, троеглавой змей приехал свататься.

Вот она ушла.

Тот угол-от выздынул, конь прибежал. На коня-то скошил и поехал. Войско уехал, объехал. Там приехал троеглавой змей. Говорит:

— Выходи-ко на заповедь.

Вот троеглавой змей вышел на заповедь. Он с той коснул, с другой коснул, все три головы слетели. На коня скочил и уехал.

Невеста-то его ткнула копьем да не попала. Да тот и уехал. Говорит:

— Войско воротись, войско воротись!

Войско воротилось. Угол выздынул и опять сидит. Коня-то все имают, да не могут поймать.

Вот опять сидит. Опять шестиглавой змей приехал ту же дочерь сватать. Говорит:

— Отдадите, уведу и не отдадите, уведу.

Тот увел опять войско, войско сражается. И старушка приходит к ему, шо ле поделать, опять шестиглавой змей приехал сватать, опять ту же царску дочерь повел. Он говорит:

— Не знаю.

Та ушла.

Тот угол выздынул, на коня скочил да поехал. Ехал, ехал, войско въехал, объехал, едет. Приехал к шестиглавному змею. Вот он поехал, говорит:

— Шестиглавой змей, выходи-ко на заповедь.

Вот тот вышел, с той коснул, с другой коснул, три скоснул, а три остались. Вот они боролись, боролись, тот до колена забил Ивана. Вот он опять Иван-от троеглавому змею говорит:

— Дай-ко мне пропышку.

Вот он дал. Тот вырвался как-то, с той коснул, с другой коснул, три-то головы улетели, и он на коня скочил и поехал. Вот его опять царска дочерь выбежала, ткнула копьем. Он опять уехал, в войско уехал, говорит:

— Войско воротись, войско воротись!

Войско воротилось. Он опять угол выздынул да опять зашел в тюрьму да опять сидит.

И опять девятиглавой змей приехал ту же дочь свататься. Он говорит:

— Отдадите, возьму, не отдадите, возьму.

Вот он и повел. Вел, вел, войско походят уж. Старушка прибежала опять.

— Можешь ли че-либо поделать девятиглавому змею?

Тот говорит:

— Не знаю, говорит.

Вот и та ушла.

Тот опять угол выздынул и опять поехал. Войско объехал да опять въехал, к девятиглавому змею приехал. И говорит:

— Девятиглавой змей, выходи-ко на заповедь!

Вот девятиглавой змей выходит. Три-то головы высунул. Тот с той коснул, с другой коснул, а шесть-то еще осталось. Вот они боролись, боролись — до колена забил. Говорит:

— Шестиглавой змей, дай-ко пропѣшку.

Он и дал пропѣшку. С той коснул, с другой коснул, и две-то улетело. Ды вот оны боролись, боролись, боролись, до пупа забил. Он говорит:

— Четырехглавой змей, дай-ко мне пропѣшку.

Вот тот дал. Тот вышел, с той коснул, с другой коснул, опять две главы улетели. Опять там боролись, боролись, боролись. Ивана-то до горла забил. Он говорит:

— Дай-ко мне пропѣшку!

Он дал ему пропѣшку. Он вышел из ямы-то, с той коснул и с другой коснул и две главы слетело. Он скорей на коня соскочил. Та царска дочь копьем его ткнула да ему в руку проткнула. Он плат-от с головы ей схватил да скорей поехал. Вот ехал, ехал, говорит:

— Войско, воротись, войско воротись.

Войско воротилось. Тот объехал там. Ехал, ехал, опять угол выздынул да там зашел в тюрьму-то, опять сидит. Коня всяко-то имают — не могут имать.

Вот его царь-от поводит на виселицу душить в петлю. Вот он идет уж, ведет, в петлю ладят Ивана-то сунуть. Девка-то его увидала, на руки-то платок да петлю и захватила.

— О, папа, папа! Этот меня спасал-то.

Царь-от говорит:

— Спасал, так я прошу.

И жить да быть, и ноне живут. У его конь хороший. Вот они стали жить.

Сказке конец.

Яков Васильевич Поташов, 55 л.

98. ЖАР-ПТИЦА

Не в котором царстве, не в котором государстве был-жил царь Архипат при старости лет. У его было три сына. Первый сын Лѣпа, второй Крутѣн, третий Иван. Жили пожили; у отца-родителя был сад, в саду росло много яблок. Повадился вор воровать, яблоки таскать. Царь Архипат и говорит своим детѣм:

— Мои, дети любимы, будете казака наймовать, али сами стерегать этот сад яблоки?

— Татенька, говорит старший сын: зацем мы золоту казну тратить будем, мы разве не охотники? Мы сами стерегем.

Стали жеребья метать, кому достанется перва ночь караулить яблоки. Жеребей сметали, перва ночь Лѣпы досталась, старшему брату, вторая Крутѣну, а третья Ивану. Ну Лѣпа взял две бутылки водки, рому и коньяку, свой лук, калену стрелу, пошел в сад. Садится под дуб:

— Сѣдни вора убью, отца полцарства заслужу, у отца любимым сыном буду.

Сонце закатается, заря зазарѣлась, его стал сон клонить. Он одну бутылку опорожнил — маловато, втору опорожнил и заснул под этим дубом. Утром встает, пошел яблоки считать. Яблок много нет. Пошел скоро-наскоро домой, отца на постели спящим застал. Разбудил его и говорит:

— Татенька, царь Архипат, сѣдняшну ночь вор не был. Пойдешь ле яблоки считать?

А царь Архипат и говорит:

— Неужели Лѣпа, сын любимый, будешь при старости меня оманывать?

Вышел Лѣпа на крыльцо, ловко обделал старика.

Втору ночь походит Крутѣн. Таким же побутом взял две бутылки водки, ключевой воды, полотеньцѣ и свой лук, калену стрелу. И приходит в сад. Таким же побутом водку опоробзил и все пробспал. Ничого не слышал. Утром встает, пошел яблоки считать, а половина нет. Приходит к отцю, тожо объяснил как и первой сын.

— Воры не ходят больше.

На третью ночь походит Иван. Взял две бутылки водки, коньяку и рому, ключевой воды, полотеньцѣ, свой лук, калену стрелу. Приходит в сад. Сосчитал яблоки. Сонце закатается, заря зазарѣлась. Его стало в сон клонить. Он одну бутылку — маловато, и втору опорознил. Его пуце стало клонить. Он взял бутылку ключевой воды, омыл глаза, полотеньцем обтер, богу молил на восток. По саду россияло вдруг, сонце не сонце, заря не заря. Села эта птиця на яблоки и зацьяла клевать, во все стороны куржоха⁶ летит. Он взял свой лук, каленую стрелу, стрѣлил эту птицю из лука стрелой. В эту птицю не попал, только одно перо оторвал. От этого пера свет всю ночь, сонце не сонце, заря не заря. Утром стает раным ранешенько, пошел к отцю родителю в дом. Отець его на постели лежит.

— Татенька, говорит, царь Архипат, сѣдняшну ночь вор был, я убить его не мог.

Вот пошли братья гулять. Иван ушел куда-нинабудь. А Лѣпа да Крутѣн пришли к отцю-родителю.

— Татенька, говорит старший брат, дай нам добрых коней в цисто полѣ погулять, людей посмотреть и себя показать и вора искать, где он живет, этот вор; мы поедем его убьем.

Пошли Лѣпа и Крутѣн на конюший двор, выбрали себе по могучѣму коню, и вот и поехали в цисто полѣ, а Иван пришел к отцю:

— Татенька, царь Архипат, поцѣму же доложил моим братьям, своим сыновьям? Лучше меня, я храбже. Дай мне благословенье, я тоже поеду.

А царь Хипат и говорит:

— Иван-царевич, я при старости лет сижу по колен в гробу. Хто мои глаза закроет, косьѣ похоронит?

Иван говорит:

— Ты не пропал, а я съезжу.

Пошел на конюший двор, выбрал могучѣго коня, уздал и седлал, а не видели конюхи, когда он на коня садился. Видят конюхи — в цистом поле копоть⁷ стоит. Обогнал своих родных братьей. Приезжает на ростани до-

⁶ Мякоть.

⁷ Пыль.

рог. Первая дорога — живому не быть, втора дорога — к яго бабы, третья дорога — де волк коня съест. Говорит Иван:

— Неужели волк моего Воронка съест?

Поехал по той степи, где волк коня съест. Ехал день, ехал другой. На третий день бежит волк настрёю, только шерсть колыблется. Прибежал к Ивану и говорит человеческим голосом:

— Ну, Иван-царевич, что написано на роду, то быть сужено тому. Отдашь сам себя на съеденье, ле коня.

Иван-царевич выхватил меч, хотел волка оплечь по крутой его шее. Волк выхватил у коня горло. Иван слез с коня, разуздал, расседлал. Пошел по дороге по той, куда ему путь. Шел день, шел два и третий день, его стало в сон клонить. Он лег на травку на муравку и на зеленый лужок. Заснул крепким сном и спал девять суток непробудным сном. Волк съел коня, прибежал к Ивану, трясет его за коршан.⁸

— Полно, говорит, Иван, спать, нужно путь тебе коротать. Уздай меня и садись на меня. Куда едешь да путь держишь?

— Я еду, путь держу ищу вора жар-птицю: в каком она царстве живет?

— Садись да покрепче держись, я знаю.

Сел Иван на волка. Волк побежал стрелой. Ехал день и два, на третий день приезжат к царю Далмы. Серый волк и говорит:

— Иван-царевич, поди, птицы сидят на сёнях в клетках. Жар-птиця в деревянном садку, а такие птицы в золотых садках. Поди и не переменай.

Иван-царевич пошел, забрался там в терем. Птицы сидят, спят. Жар-птиця в деревянной клетке, а такие птицы в золотых садках.

— А что, говорит, птиця хороша Жар, а клетка худа. Я уж ей перемену.

Стал переменять. Птицы запели, цясовы пробудились, ёго поймали, к царю Далмы притащили. Царь Далма и спрашивает:

— Из какого, говорит, ты царства, молодець, из какого государства, хто отець?

— Я из такого-то царства, из такого-то государства, отець мой Архипат, я сын Иван. У ёго в саду вор повадился воровать, у моёго татеньки яблоки воровать.

— Моя птиця не права, и ты ворицо плут такой же. Но есь, говорит, у князя Горына конь златогривый, приведи мне этого коня, отдам тебе жар-птицю — золотой садок.

Пошел Иван к серому волку. Серый волк спрашивает:

— Что сказал?

— Да у князя Горына, говорит, есь конь златогривый, велел привести к ёму.

— Садись на меня, покрепче держись.

Поехал опять вперед Иван. На третий день приезжат в княжество Горыне. Волк и говорит:

— Конь стоит на конюшне, ес пшеницю белоярову, запиват питья медовые. А поди узды на сёнях на спицьки.

Он пошел выбирать узду. Как выбирал не выбирал — да спиця сломится, узды все упали и загрохали. Цясовы пробудились, потащили ёго к князю Горыне. Князь Горын спрашивает:

— Откуль, добрый молодець, из какого царства, из какого государства, хто у тебя отець?

⁸ Глова, волосы.

— Из такого-то царства, из такого-то государства, мой отець царь Архипат, ёго сын я, Иван-царевич.

— Я тебя в темницу не посажу. А есь у короля Гермида дочь прекрасна Ягúта. Она растет во своем саду с бабками с няньками.

Пошел опять Иван-царевич к серому волку. Серый волк говорит:

— Что сказал?

— Да есь у короля Гермида дочь прекрасна, дак ее привести в замуж.

— Ну, говорит, садись, да покрепце держись.

Ехал близко ли, далеко, скоро на скоро приезжает к королю Гермиду в королевство. Серый волк говорит:

— Две добыщи добывал, но добыть их не мсг. Третью добыщю я пойду.

Пошел серый волк через стену, к Ягúты в сад заскоцил, завалился за мёжу. Утром вышла Ягúта с бабками с няньками по саду гулять. Вдруг подошла к этой к межу, серый волк прыг, схватил её за долги за подолы и бросил себе на спину, перескоцил через стену, прибежал к хозяину, Ивану-царевичу. Иван-царевич заскоцил, крепко-накрепко имался за его шею. А Ягúта ревет, глаз не открывает, своим платком машет. Потом проюхарилась, увидела на волке седока целовека, и царска фамилия, и обняла этого седока крепко-накрепко за шею, поцеловала его в уста.

— Не бросай меня, товарищ-друг. Не покинь. Поезжай к князю Горыне назад.

Серый волк нарядился Ягúтой. Ну и повел Ягúту к князю Горыне, передал Ягúту, полуцил от его златогривого коня, золотую узду. Привел этого коня к Ягúты, сели вдвоем, поехали по той дороге, по которой ехал. Князь Горынь обнимает привезенную невесту, целует и говорит:

— Что же, Ягúтушка, у тя морда-то как волцьья?

Он как сказал, шо морда как волцьья, он из третьего этажа раму выломал и выскочил на улицу. Погоняет серый волк к царю Долмь Ивану-царевича. Князя Горыню оманули, а царя Далму дальше оманём. Нарядился серый волк златогривым конем. Иван повел этого коня к царю Долмь, передал ёго, полуцил от ёго жар-птищю, золотой садок, распростился с царем Долмой и пошел за ограду ёго. Пришел к своей невесты, златогривому коню. Сели вдвоем с Ягúтой на того коня и жар-птищю в золотом садку в руке.

Ехали день. На пятый день выехал царь гулять со своима лакеями, с князьями, с боярами в цисто полё гулять.

— Чтой за конь? — царь Далма́ говорит; крутит шеей хорошо. Потом вылетел Далма́ с коня и седла, пал на землю:

— Хватайте, имайте! — кричит.

Едва в поле видать. Нагоняет серый волк Ивана-царевича, де волк коня съел. Приезжает на эти ростани. Поставил шатер и лег отдыхать со своей невестой.

Приехали ёго родные братья, Лапа́ и Крутйн. Думали, подумали — брата убьем, ёго добычу поделим. Как вздумали, так сделали. Брата убили, на мелки куски вырубил, в цистом полё раскидали. Хотели добычу поделить, откуль-нинабудь бессмертний Кощей явился и отбил у их добычу.

Иван-царевич лёжит под открытым небом сутки, други и третьи. Прилетел ворон с вороненком, сел на ёго груп, хотел выклевывать глаза у ёго. Откуль явился серый волк, поймал одного вороненка за крыльё. Вороненок забился, закаркал, говорит серому волку:

— Дам те два мешка золота и два серебра.

— Мне твое золото-серебро не нужно. Пошли своёго детешёшка за тридевять земель да тридевять морей в тридесятое царство. Пусть принесет живой воды, яблонь молодой.

Ворон Вороненок поднялся выше лесу стоящёго, ниже облаков ходящих, полетел за тридевять земель, за тридевять морей в тридесято царство, спустил свои крылья, нацерьпал два пузыря воды. Принес два пузыря воды, передал серому волку. Серый волк рóзорвал вороненка, одной водой спрыскáл — сделался целой, другой спрыскáл, сделался живой, и полетел вместе, щобы веки не бывать на целовецьем трупú, а не то що едать.

Сбóрал Ивана-царевича серый волк куски, одной водой спрыскал, сделался целой, другой спрыскал — сделался живой. Иван и говорит:

— Долго спал, да скоро стал.

Серый волк говорит:

— Иван-царевич, спишь девять суток непробудным сном. Но вот скуй себе сапоги из железа, перщатки стальные, шапку тоже стальную. Это износишь, так добудешь свою добыщю, а не износишь — не добыть. Вот эта тебе дорога. Там в густом лесу живет ягая баба, скажи, що послал туда серый волк, она мне кума.

Пошел Иван-царевич по дороге роширя ноги, стретился мертвецъ — не дробеет молодець. Едёт к этому густому к лесу, учинился шум-гам. Он на этот шум на гам идет. Увидел двоё косматых. Подошел к им и говорит:

Що, братци, спорите?

— А как не спорить, шли вместе, нашли клад.

— А какой это клад? — говорит Иван.

— Да скатёрка-хлебосолка перва вещь, а друга вещь — шапка-невидимка, третья вещь — дубинка-драчунья. И говорит: скатёрку разьдернёшь — всякого питья, кушанья вдоволь, а шапка-невидимка, говорит, наложь на голову, ништо не увидит, а дубинка, говорит, прикажи, што дубинка-драчунья што прикажешь работать хоть по дереву, хоть по щокам, будет работать.

— Не миритесь и не делитесь, scomандую версты нá три без оглядки. Раз-два-три — беги!

Беси отправились (это косматы-ти) без оглядки, прибежали на то место. Он шапку-невидимку наложил и был таков. Беси нюхали, нюхали, не могли следов найти. Вот он пошел к старухе в густой лес. Стоит избушка на курьих нóгах.

— Повернись, избушка, к лесу глазами, а ко мне, царициню, воротами.

Зашел в эту избушку, лежит старуха, из угла в угол, даже нос в потолок врос. И кричит старуха:

— Фу-фу, русский дух, 30 лет на воздухе не была, а теперь русский дух зашел в избу, даже царска фамилия.

И говорит старуха:

— По охвоты, молодець ходишь, але по неволи?

— Да, бабушка, говорит, по охвоты люди ходят и по неволе больше бродят. Меня, говорит, послал сюда серый волк, ваш кум.

Старуха вышла на крыльцо, завизжала старуха по-зменному, заревела старуха по-звериному.

— Сивка-Бурка, бежи из пóля, стань Ивану-царевичу перед ногой, как лис перед травой!

Сивка-Бурка бежит из цистого поля, прибежала к Ивану. Иван-царевич хлопнул Сивку по крутой шее, уздал, сёдлал, не видела Сивка, когда

на ёго скакал. Поднялась Сивка выше лесу стоячего, ниже облаков ходячих. Полетела Сивка ко синю морю. Ехал Иван о синё морё, увидел щучью сеть. В щучьей сети бьется щука.

— Иван-царевич, спусти меня во синё морё!

— Нет, щука, сощучу тебя, съем.

А щука и говорит:

— Иван-царевич, не наешься мною, пригожусь тебе.

Иван-царевич думал, подумал:

— Девять суток еду, а трое еще проживу. Человек 12 суток живёт голоден.

Спустил щуку по синё морё. Поехал вперед и поднялась Сивка с высокого места, хотела перенести седока на остров Буян и не могла перенести, ушла в морскую глубину. Вынесла седока ходцей лодки на остров Буян. Разуздal Иван-царевич Сивку-Бурку, спустил ее на зелены луга. Пошел сам на гору, принялся за работу. Стal дуб шатать. Дуб не шатается.

— Верно, я, говорит, голоден.

Раздернул скатёртку-хлебосолку, всякого питья и кушанья вдоволь, и коньяку выпил. Принялся за работу. Дуб не шевелится. Выдернул дубинку-драчунью да:

— Дубинка-драчунья, работай по корням пошибцея, поскорей!

Дубинка-драчунья нацяла работать, на все стороны щипки летят. Повалился скоро-наскоро дуб на землю. Увидел там погреб, в погребу увидел ящик, ящик сломал, выскочил заец, заеца убил, вылетела утка, села на лужу. Крался, крался — утку убил. Яйцо достать скоро не мог — запёклось кровью. Пошел полоскать в морё. Как полоскал не полоскал — яйцо уронил в морскую глубину. Загрuchинился, запечалился. Пошел Сивку-Бурку искать да уздать и седлать. Нашел Сивку-Бурку, обуздal, оседлал, только хоцёт скоцить ёго, — говорит море человеческим голосом:

— Эй, говорит Иван-царевич, возми свое сужено на высоком берегу на каменю.

Побежал Иван-царевич о синё морё, нашел на высоком берегу на каменю яйцо. Не стал больше размывать. Завертел в платок крепко-на-крепко и спустил в карман. Побежал к Сивке-Бурке, заскочил на Сивку на Бурку да полетел птицей. Перенесла Сивка-Бурка с острова Буяна на другу землю. Приезжает в Кощеево царство. Сивка говорит человеческим голосом:

— Иван-царевич, я сослужила тебе службу, больше мне строк. Вот тебе дорога в Кощеево царство. А тебе, говорит, не пройти в Кощеево царство.

А Иван-царевич и говорит:

— Эх, Сивка-Бурка, говорит, не твоя пецель робят кацять, а твоя пецель только возить.

Распростился с Сивкой-Буркой, пошел по дороге вперед, натянул шапку-невидимку, не видали ни змеи, ни звери. Приходит кащеевой к стены, к огады. Зашел через стену в Кащеево царство, приходит ему в терем. Кощей сидит за столом, пишет пёром. Он и говорит:

— Проклята шкура, зацем цюжу добычу унес?

Тот запоглядывал, никого нигде нет. Он вынял дубинку-драчунью.

— Дубинка-драчунья, работай по цюкам пошибцея, поскорей!

Дубинка-драчунья с той стороны хлесь по щеки, с другой нахлестала. Кощей упал на пол. Разрубила на мелки куски. Иван-царевич зажег его терем, Кощей в пепел взял. Пошел тогда к своей невесте, к Ягúты. Ягúта и говорит:

— Иван-царевича живого нет на свете.

Иван-царевич говорит:

— Едѣшь — не едѣшь, а теперь тебе жить нѣ с кем.

Обуздал своёго коня, обседлал со своей с Ягúтой, и жар-птица в золотом садку. Вот приехали к ягой бабы. Яга баба угостила, спроводила. Приезжает на ростани, на то же место. Поставил шатер. Где были не были его братья — и опять подѣхали. И опять думу думают, хотят убивать второй раз. Он проснулся, братьей убил. И разрубил на мелки куски, в цистом поле разбросал.

— Сколько я лёжал, сколько и вы лёжите.

Поехал Иван-царевич домой. Приезжает во свое царство. Граждане, хрисьяне кричат:

— Ура на победителя!

Царь Архипат сидит в гробу по колен. Иван-царевич подошел к своёму родителю.

— Татенька, царь Архипат! Я съездил, а ты не пропал. Вот тебе я добыщю дóбыл. Который вор воровал яблоки, я его достал. И себе невесту привез. Дай мне дозволенье жониться.

Попов, дяков — ды в церковь, повеньцялся со своей невестой. Пировали — столовали, после свадьбы родителя похоронил. Теперя жить сызнова стал ды теперя живет.

99. ВОД ВОДОВИЧ И ИВАН ВОДОВИЧ

Не в котором царстве, не в котором государстве был-жил король. У короля была доцька Марфа Прекрасна. Она росла во своем саду в терему за тяжелома замками. В ей сад нехто не являлся, в ейну крепость. Только были бабки, няньки. Она выростала, невестой стала, ходит по саду гуляет с няньками с мамками.

Что-то ей жажда долйт. Подошла к своёму колодцю. На колодци на крыши два стокана воды. Один стокан выпила — маловато, и второй выпила. Живет, поживат, потом узнала в нутрѣбе шо-то нехорошо. Вот и живет, брюхо растет. Потом несколько времени родила двух сыновей. Бабок, нянѣк закликала, шобы они не розносили вести. Но потом собрали таким побутом попов. Нельзя носить крестить. Одному дала имя Вод Водович, а другому Иван Водович, потому шо оны от воды зародились.

Ну вот эти детоцьки растут не по цясам — по минутам, не по минутам — по секунтам. Выросли больши, даже стали из лука стрелки стрелять.

— Подай, говорит, дети, ваш дедка, мой папа узнат и у вас головы соймет и вас к смерти предаст.

Дала им по белому платку, дала по иконы, дала божье благословенье.

— Подите, дети, на белый свет, куда знаете, себе счастье ищите.

Выпустила за ограду, и дети пошли по дороге, роширя ноги.

Шли несколько времени по этой дороги, дорога пошла надвое. Одна дорога пошла ко синю морю, а друга в путь. Ну вот они поменялися платками белыма.

— Ежели который платок потемнет, так другому искать брата. Вод Водович пошел ко синю морю, а Иван Водович пошел по прямой дороге.

Вод Водович шел по синю морю, встретился медведь — Мишка. И говорит Мишка, говорит:

— Вод Водович, возьми меня в товарищи.

— Эх, Мишенька, Мишенька, я бы взять-то рад, да кормить не могу тебя.

Мишка и говорит:

— А что пьешь, ешь, я хоть крошки, хоть куски, и тем питаюсь.

Ну вот пригласил он Мишку в товарищи. Пошли по дороге.

Идут по синю морю на пристань. Рыболовы рыбу ловят на пристани.

Он говорит:

— Рыболовы, говорит, продайте рыбы.

Рыболовы дали ему рыбы, он сварил, покушал и Мишку накормил.

— А що же, говорит, товарищи, перевезли бы меня за сине море.

Они и согласились его везти в карбас. Вот и повезли. Перевезли за сине море, он расчет им отдал, деньжонок горсь без сцёту. Пошел сам по дороги, роширя ноги, в путь, куда дорога идет.

Шел, забрел в город, пошел по за городу, зашел в дряхлу избушку, живет старуха. Старуха от молитвы отказалась, странника накормила, напоила и вести стала спрашивать.

— Откуль, добрый молодець, идешь и куда путь дёржишь?

А он и говорит:

— Что, бабушка, у вас здесь царь царит, ли король королует?

Она на ответ дала ему:

— Здесь король королует, да не совсем в радости веселой. У ёго три доцьки. Перву доцьку просит троеглавой змей в жены. Все плачут и ревут, на спроводныи пошли, я пойду тоже.

Вод Водович остался у ей в избушки.

Но вот шим-хам, и ушел со своим Мишкой. Пошел о сине море. Приходит о сине море, стоит высокая башня. Он зашел в эту башню, сидит королева и улыбкой уливается слезми.

Он и говорит:

— Дева, поищи у мя, прохож́ая, в голове вшей (просто).

А она и говорит:

— Ох, добрый молодець, соньце закатится и заря зазорится, поганое издолицо выдет из синя моря, троеглавый змей, меня съес и тебя съес.

— Время рано еще, девиця, нечо пецялиться.

Дал ей перёчинной ножичёк и лег ей на колени. Она стала в его головы промышлять вошок. Он заснул крепким сном у ея на коленях.

Потом соньце закатилось, заря зазарилась, вышел трехглавой змей. И говорит змей:

— Фу, говорит, русский дух, не то што одна добыча, двойна.

Она его будила, будила — одва разбудила. Он говорит:

— Ах ты, погана тварь. Каково-то тебе понравится. С головы косливо, а с, не отеребил да и опалил.

Побежал Вод Водович, свой тесак обнажил, три головы его срубил на промах, эти головы под Зла́тырь камень завалил, туловищо в морё спехнул. Зашел к девици королевы. Королева зовет его на родину домой.

А он и говорит:

— Девиця, будешь на временя́, так тогда меня поменя́.

Водовозы приехали за водой. Она к им проситсе. А старший водовоз говорит:

— Идешь за меня замуж, так возьму и увезу.

Согласилась будто как идти за йго.

А Вод Водович опять пришел к этой старухи. Старуха накормила, напоила, тогда на отдых по знакомсьву его повалила. На други сутки опять

шестиглавой змей просит другу дочь. Ну вот старуха в город, а Вод спрашивают:

— Шо, бабушка, у нас ведется?

— А вот втору дочку шестиглавой змей просит. Я тоже пойду спровожать. Старуха ушла.

Вод Водович пошел сзади ея тоже шляться ко синю морю. Где ходил — не ходил, опять пришел к этой башни. Опять королева сидит в этой башни, улыбкой слезами уливается. Он зашел в башню, поздоровался с королевой и говорит:

— Королева, говорит, поищи, говорит, у меня, прохожяя, в головы вшей.

А она говорит:

— Поискать-то бы я рада, да нецим.

Он дал свой маленький перочинной ножичок и повалился ей на колени. Она искала, искала, потом он заснул крепким сном.

Соньцо закатилось и заря зазарилась. Вышел поганой издолицо из синя моря, шестиглавой змей.

— Фу, говорит, русский дух, не то що одна добыча, а двойна.

Она будила, будила всяко. Ему на лицо слеза капнула. Он вскоцил и побежал на побоище, выхватил свой тесак, обнажил тесак на поганого издолица шестиглавого змея и отрубил шесть голов своим тесаком. Головы завалил под Златырь камень, а туловищо в море спехал. Зашел в башню королевы. Королева с улыбкой ёго желат в гости к ёго к отцю к родителю. А он и говорит:

— Когда, королева, будешь на времені, так тогда меня помені. Мишки на шею дала шелковый платок. Связала своими руками. Вод Водович пошел, она осталась в башни.

Опять приезжают водовозы за водой, и просится она к им уехать домой. Они говорят:

— Ежели скажешь, що мы спасли, так возьмем, а не скажешь, так не возьмем.

Вод Водович пришел опять к той же старухи на отдых. Старуха накормила его опять по старому времени, как и раньше поцитала.

— Ну, говорит, что, бабушка у вас ведется ново?

— А, говорит, последню доцерь девятиглавой змей просит на съеданье. Две-то спасали водовозы, а эту-то уж, говорит, не знаю.

Бабушка пошла спровожать, на спроводины, а Вод Водович пошел ко синю морю. Де ходил не ходил, опять в ту же башню приходит. Сидит королева. Опять заставил таким же побутом вшей в головы искать.

Но вот соньце закатилось, заря зазарилась, из синя моря вышел поганой змей девятиглавой.

Она его будила, будила за ревун-волос (за ухом) разбудила.

Вод Водович побежал на драку с поганим издолицом драться. Выхватил свой тесак, девять голов сразу срубил. Головы под Златырь камень завалил, туловищо стал спихивать в морё. Когти поганого ульнули в одежду. Погом вместе с туловищем и сам ушел в морьскую глубину.

Закриццал:

— Эй, Мишка, брат!

Мишка прыгнул и его поймал за волосы и вытащил вместе с туловищем. Туловищо худо ли, хорошо, спехали возврат с Мишкой, обое перемокли. Пошли к королевы в холодную башню. Вот королева звалá их к отцю-родителю на пир, на бал. А он говорит:

— Когда будешь, королева, на времені, тогда нас помени.

Пошел опять о синё море к избушке к той же старушки.

Водовозы подъезжают за водой к синю морю. Она просится к им, говорит:

— Возьмите меня, водовозы!

А они говорят:

— Взять-то бы и взяли, да выйдет нехорошо. Если скажешь, што мы спасли, то — хорошо, а то побьем и в морё бросим.

Она согласилась и заклатье дала, шо худого от меня не выйдет.

Но вот приехала домой. Отець король сбрал пир-бал, со всех держав наехали князья и бояра, короли и цари. На этом пиру старша доць стала себе жениха выбирать.

Вод Водович тожо пришел на пир, на бал, со своим Мишкой, сел на пещной столп,⁹ а Мишка сел вот там¹⁰ на диван. Ну вот это старша доць подносит женихам по цярке водки, князьям и боярам, королям и царям. Выбрала себе жениха князеского сына. Вод Водович заиграл в рожок:

— Мне-то цярощку да полведерьную, а Мишеньке-то цярощку ка цетвертнюю.

Ну вот они стукнули одну цярощку полведерьную, а Мишенька цетвертнюю. Маленько потоньцовали и оселись.

Вторая доць опять стала по цярке обносить. Всех обнёсла, жениха не могла найти. Подала цярощку Воду Водовичу. И сказала — призвала своего папашу.

— Вот, папаша, не водовозы нас спасали, а вот кто спасал. Тот — богосуженой, который сидит на пещки на столбу.

Он спустился с пещки. Она его в уста поцеловала, назвала своим богосуженым.

Ну и третья стала опять по цярке обносить. Всех обнесла тоже по цярки гостей, прихожих и приезжих. Но выбрала тожо жениха себе королевского сына.

А у короля ведь не пиво варить, не вино курить, свои магазиня стоят. Попов, дяков в церковь да на подножник, за трех зятъей и три доцери. Повенцял поп законным браком. Потом пировали столовали.

Вод Водович переспал одну ночку. Пошли гулять по городу со своей королевой, по москам идут. Бежит птичка очень прекрасна. Вод Водович хочет поймать эту птичку. Она не дается в руки. Бежала, бежала, свернула с москов в дряхлу избушку. В сени сунулся, потом и в избушку. А сидела старуха на пеще с клюкой. Она ощипетела его ловко, он помертвел.

У Ивана Водовича потемнел платок. Схватился брат ёго. Пошел тоже искать брата по той же дороге ко синю морю. Тоже стретился Мишка, тоже пригласил его в товарищи и тоже пришли на ту же пристань, где рыболовы рыбу ловят. Иван Водович купил рыбы, сам наелся накушался и Мишку накормил. Потом попросил рыболовов за синё море. Рыболовы согласились, перевезли его в кáрбасе, сколько-ненабудь дал им копейок за перевоз.

Потом идет по дороге в город. Королева ёго увидала.

— Ты, Вод Водович, говорит, де ты был?

Она посоштила хозяина. Ну вот они зашли в дом ее. Ноць принадлежит к носьлегу. Но вот он и говорит:

⁹ Жест сказочника в сторону печи.

¹⁰ Жест под порог.

— Королева, говорит, которой руку накинём ле ногу, у того голова с плец.

Вот и легли спать. У королевы серье заболело — повеньцялись с хозьяином, а спать нельзя. Как-ненабудь ночь прошла, пропутались.

Утром стают, опять пошел гулять по городу под руцьку по москам. Опять та же птичка стретилась Ивану Водовичу. Королева и говорит:

— Вод Водович, не ходи, опять оманет.

Ну вот Иван Водович крался, крался с москов в избушку. Она в сеньци скочила, и он взади. Потом в избу-то не сунулся. А старуха-то клюкой-то и треснула его. Он выхватил клюку да старуху-то и убил.

Своёго Мишку послал в магазин за живой водой. Мишка принес два шкалика воды. Одной спрыскал — сделался целой, другой спрыскал — сделался живой.

— Фу, говорит, долго спал, скоро стал.

Но вот они тут два брата поздоровались. Вод Водович повел к тестю в гости. Стали пировать да столовать да три недели все гуляли.

Вод Водович и говорит:

— Брат, Иван Водович, у купца-то дочь хороша есь, стану свататься.

— А не пойдет, говорит, за бродягу.

— А отцего не пойдет?

Вот пошли сватать. Сосватались тоже. Богу помолили да и спать. Но вот привыкли немножко. А у купца сыновей нэ было, его в принятые к купцу. Торговля широко идет. Один брат взял королеву, а другой купецку дочь.

Жить, поживать и теперя живут.

Ну, вот тебе одну побывальщину сказал.

100. ХИТРАЯ НАУКА

Был-жил старик со своей старухой. У их был сын единственный, Ортюшкой звали. Они были старик и старуха в летах.

— А што же, говорит, старуха, мы стали при старости лет, у нас единственный сын, да и то неграмотён. Отдадим, говорит, ёго в школу. Напеки, говорит, старуха, коровашков хлеба. А я поведу своёго Ортюшку в школу, кому-нинабудь отдам.

Ну вот старуха напекла хлеба. На дрúгой день пошли, отець сынка повел отдавать в школу. Шли близко ли, далеко, низко ли, высоко, время длится. Стретился мужик.

— Куда, говорит, старичок, пошел со своим сыном?

— А вот я пошел отдать кому-нинабудь своёго сынка грамоте научить. При старости лет не процитат ли на моем теле канун.

— А отдай мне, говорит. Только через три года могу выучить.

Ну вот они в соглашение пришли. Старик отдал своёго Ортюшку.

Отець распростился со своим сыном. Сын пал отцю в ноги. Старик воротился к старухе домой, а Ортюшка пошел с этим мужиком. Вот шли близко ли, далеко ли — нехто их не знает.

Пришел старик домой. Старуха спрашивает, гыт:

— Кому отдал Ортюшку учить в школу?

— Старуха, встретился человек, и сам не знаю кому отдал.

Ну вот живут год и два. На третий год старуха и говорит старику:

— Поди, я хлебця напеку, поди своёго сынка Ортюшку ищи.

Пошел старик своего сына Ортюшку искать. Шел близко ли, далеко, дорога шире и боле. Зашел в дряхлу избушку на дороге.

— Повернись, избушка, к лесу передом, а ко мне дверями!

Зашел в избушку, старуха богу молит. Старуха сошла с молитвы, столик поставила, странника накормила, напоила, тогда спросила:

— Куда, старичок, идешь, да куда путь держишь?

Он спросил у старухи:

— Бабушка-старушка, не видала ли такого мальчика Ортюшку, отдал я в грамоту учить и сам не знаю кому.

— А вот поди, впереди тоже стретится избушка, живет тоже старушка.

Он пошел скоро-наскоро, пришел к этой к избушке. Говорит:

— Повернись, избушка, к лесу глазами, ко мне дверями!

Зашел в избушку. Старуха на молитвы стоит. Отказалась с моленья. Столик поставила, хлеба-соли принесла, его накормила, напоила, тогда спросила:

— Откуль, добрый дедко, идешь и откуль путь дёржишь?

— Бабушка-старушка, не видали ли, я мальчика отдал Ортюшку в грамоту учить три года времени, и сам не знаю кому.

— А вот по той же дороги стретится избушка, там еще старуха живет. Она знат, так знат, а не знат, так никто боле не знат.

Ну вот пошел скоро-наскоро. Приходит к той-то избушке.

— Повернись, избушка, к лесу передом, ко мне дверями!

Зашел в избушку, поздоровался со старухой.

— Дорогая бабушка, не знаешь ли моего сына Ортюшку? Три года отдал грамоту учить и сам не знаю кому.

— Я знаю твоего сына, бабушка сказала. 33 коня в поле ходят. У твоего Ортюшки лево копыто бело, грива на леву сторону. Вот на уздицька. Поди в чисто полё, подойди, в леву ногу пади, наложь на его уздицьку да скоци да и поезжай поскорее. Наш названный брат — нецистый дух, он уехал, улетел за тридевять морей за тридевять земель в тридесято царство — учитывать приказчиков, он не будё пять или шесть суток. Скаци и уезжай поскорей.

Старик пошел в чисто полё, нашел коней, 33 коня, и подошел к своему к сынку, пал в леву ногу, надел уздицьку, сядился и погнал. Перву избушку проехал и втору проехал, третью только миновался, нецистый дух догнал старика, разорвал, сам на конька скакал и возвратил назад в чисто полё, где ездил не ездил; к этой старухе приехал, сквозь стену ремень повод продёрнул, заставил в головы вшей искать. Та искала, искала да ремень-то, повод, и перерезала. Тот и убежал конь, где его отец разорван.

Тот прохватился, а коня нет, скоцил, кинулся, все бревна у старушки у избушки унес. Нагоняет конька край реки. Конек свернулся ёршом и спустился в реку и зашел под камень. А этот цертёнок свернулся щукой и говорит:

— Ерш, выйди из-под камня!

— Щука востра, да не съешь ерша с хвоста!

Щука говорила, несколько раз, было сонце-жар. Щука задремала, заспала. Ерш ушел из-под камня и щука не слыхала. Дежурит, караулит, а ерша давно нет. Ерш вышел на сухой берег, свернулся молодцом, шел да бежал, забежал в городишко и свернулся кольцом, и спустился королевы в колодець. Королева приходит за водой, выцёрпала кольцо.

Днем носит кольцом, а ночью спит с молодцом.

Но вот живут несколько времени. Ортюшка стал сватать у короля дочерь королеву. Король контролюцию наложил, ему вопрос тяжелый:

— Сострой карап окол одной ночи со всем войском, с матросами, щобы все разные песни пели на судне!

Он пришел, и спрашивает королева:

— Что сказал? — говорит.

— Около ночи, говорит, велел карап построить со всем войском, с припасами, щобы разны песни пели и всё.

Она и говорит:

— Молись Спасу, ложись спать. Поўтру все будёт готово.

Она вышла на крыльцо, с правбой руки кольцо скидает, а на лево надевает. В то время воцько солдат прибегаёт.

— Що изволите, ласкова королева, работать нам?

Она дала им наряд:

— Вот состройте одной ночи карап, щобы был карап и матросы щобы все разны песни пели!

Ну вот опять живут несколько дён. Опять пошел Ортюшко свататься у короля дочь. Но вот и он и говорит:

— Сострой одной ночи церковь, от моего дворьця до церковного крыльця мос, щобы сукна разны насланы и на сторонах на столбах разные птицы пели!

В той церкви шла заутреня, попы и архирей и пёвци вели службу. Ну вот после обедни попы собрались в церковь. Королева со своей мамой тоже попала в церковь. Ортюшка пошел со своим товарищами и тоже там сошлась, помолились богу, и попы дьяки стали их венцять. Повенцались, все граждане кричат «ура». Ну вот они тут побеседовали, пировали, столовали. У тестя несколько времени Ортюшко жил в гостях. Потом доложил королю вопрос, выпросил пару лошадей, карету, взял живой воды, яблонь молодой. Поехал по той дороге, отец ёго разорван. Приезжает на то место. Нашел отца, косьё спрыскал одной водой — сделался целой, другой спрыскал — сделался живой.

— Долго спал да скоро стал!

Поздоровкался со своим сыном. Поехали на родину к мамке к родной. Приехали — вот свое имущество худое все по дешевой цене заради бога разбросали, и срядился старик со старухой к сыну, к молодки королевы. Увез старика и старуху. Стали жить. Кормит, поит отца, мать, их косьё похоронил, и сам теперь может помер уж.

Боле вся.

101. ЧУДЕСНАЯ ПТИЦА

Был-жил старик бедняк со своей старухой. Жили плохонько. Как моя, хата вся розвалилась. У них был сынок Васька. Васька вырос большой, был охотник, за охотой ходил. А не знаю щего — не любили девки его. Придет на беседу, а девки все толкают. Васька пошел однажды в лес. Ходил по лесу, увидел на дереве гнездо, залез, захоропался на дерево. В гнезде пять яиц. Матка улетела. Наставил кругом силышка. Ну, матка прилетела к этому гнезду и попала в силь. Васька на другой день пошел и добыл эту матку и взял яйца. Идет из лесу по своей деревне с песенками. Девки замечают, что-то Васька сёдни веселой, кого-нинабудь да добыл. Васька был неграмотён. Надпись птицы не знал. Пошел, у суседа худую кобыленку выпросил, поехал, птицу взял, яйца и поехал в город торговать.

По городу идет — две лавошники кричат, купцы:

— Подходи, подходи, молодець!

Подошел Васька к ихному складу, к лавки.

— А что, молодець, продаешь?

— Вот, продаю, говорит, птицю и ее яйця.

— А сколько стоит, говорят, молодець?

— А не знаю, говорит, сколько дадите!

— Дадим тебе, говорят, за все два магазина хлеба, два магазина красного товара.

А он надпись этой птици не знал. Дак кто эту птицю добудет, так после царя на царство седят.

Ну, вот Васька с радостью поехал домой, веселый такой. Свою худу избушку развалил стены, отца, мать взял, нанял суседа свезти в город. И приехали в этот город, эти купци дали ему особу комнату.

Васька стал жить со своим отцом, с мамой. Отдали от этих складов ключи ему, щобы им не касаться. Живут и поживают несколько времени. Васька вырос женихом. Тоже себе невесту нашел из бедного положения. Вот и богу помолились — пирком-свадебкой повеньцялись. Стал Васька жить да немножко копейка за копейкой принаживать, да старика и старуху кормить до смерти лет. И теперь живут со своей бабенкой.

И всё.

ЛЕБСКАЯ

Яков Евдокимович Гольчиков, 60 л.

102. ПРО КУПЦОВ-РАЗБОЙНИКОВ

Вот был-жил купец, значит. У купца был сын. Сын вырос, отец помер, значит. Он принялся за торговлю. Торговал и шире стал заниматься торговлей. А был умный, водки не пил. Потом, значит дядя был тоже знаменитый; сделался именинник в одно время. Дядя попросил его к себе на бал, как в гости. А дяде было в завись, как он торговал лучше. Потом, значит, попросил его в гости себе на именины. Потом, значит, посадил его на переднее место и ему стал напитки подавать, значит, как гостю. Он отказывался — не мог отказаться, выпил. Вот бал прошел, он его напоил пьяно крепко. Потом все гости разъехались, он его ободрал и отдал к девкам в бардак. Сказал еговой мамке, что сын ушел к девкам, загулял.

А мамка была строга. Сичас пришла к ему, значит, ободран, там часы золотые, деньги, и лежит, как стелька. Потом, значит, его разбудила и позвала домой. Потом говорит, что тебе отцов капитал не надолго, если будешь гулять.

— Я, говорит, тебе ничего не дам, говорит, понаживи своей шеей, тогда узнаешь, как люди живут.

Он сичас оделся, делать нечего, пошел в город, в Петроград вроде из деревни. Были знакомства, значит, купцы, значит. Его заметили:

— Ты какой, значит?

— Я такого-то сын, говорит.

— Ну хорошо, говорит.

— А куда отправился? говорит.

— Раз провинился у своей мамы, так меня уволила на свою волю, говорит.

— Может быть, тебе поступить во служенье? Приказчиком тебя поставлю.

— А ничего, говорит, если можно.

Парень фартовой, хороший. Поставил его приказчиком в лавке.

Ну хорошо. Жил он, значит, год времени, торговал. Уверился, ничего, получает в руки деньги. Он полюбился. Стали его другой год наймовать, дали ему 500 рублей жалованья, потому что он дело хорошо ведет. Сумму накопил большую, значит, не получал еще, заявил расчет, стал расчет просить больше. Он и говорит:

— Расчет я тебе дам, а у меня есть девушка, так не желаешь ли жениться на одной девушке?

— Я, говорит, желать бы желал, да у мамки не взял благословления (прежде благословленные брали).

— А все-таки посмотреть-то можно бы. Я покажу тебе.

Дом большущий у него. Значит, повел его показывать во свои, значит, верхние покои. Там завел его на шестой этаж. Двери скрыл, сидят, значит, шесть штук красавиц, вышивают, ширинки¹¹ шьют всякие.

— А, говорит, выбирай, кака тебе нравится, говорит.

Посмотрел, шо, говорит, все хороши, можно любу взять, говорит.

— Пойдем, говорит, ще подальше, у меня есь други, говорит. Не понравится, дак...

Повел подальше.

— Отворяй эта дверь! говорит.

Двери-то раствóрил, он его в шею дал туды. Тот упал там, да в погреб. Ну хорошо. Упал, значит, да без ума там лежал час времени.

Потом одумался, значит. Была при себе свечка, значит, и спички при себе были. Сейчас спичку чиркнул, свечку зажег, а тут туловéй может сотня накладена, народ били.

Ну что он удумал?

— Теперь мне смерть, говорит.

Хорошо. Сейчас с себя платье снял, на мертвеца надел и посадил наверх, а сам спрятался, зарылся. Ну, потом, значит, слышит — там идут два купца. Двери те растворили, он ободрился, сидит наверху.

— Теперь деньги за нами и платье за нами, никуда не денется.

Сейчас саблю обнажил его и прямо голову и ссек с плеч, побежал. Потом у его всё взял одежду, деньги, вышел преспокойно. И потом, значит, ушел, всё закрылося. Ну хорошо.

Как вышел из туловéй, обдумал, как попась на волю. Это стал туловья волочить да клеткой клась ввёрх, выгораживаться к тем дверям. И потом пошел, значит, под верх. Хорошо. Потом забрался на верёх, двери-то открыл и вышел на коридор, откуда пал. Там сё заперто, некуда вытти. К этим девкам зашел, постучался. Они запустили его. Говорит:

— Беда на беду, что я здесь. Как буду попадать? Всё и рассказал этим девкам.

А девушки-то говорят:

— Мы и сами таки. Я купческа, а я генеральска, сами так живем, выпуску тоже нам нет, живем у купца.

— А как мне на волю попась? Если меня выпустите, я тоже вас выпущу.

Обдумали. У их было шелку много. Начали вить веревку, спустить с шестого этажа, как вроде на панель. В ночное время они скрутили такую бечевочку, сажан так на десять ли и дали ему адрес, значит, адрес, какому какая, значит.

¹¹ Ковры, хорошие изделия.

Потом народ утихли в ночное время, окошечко открыли и удумали его спускать на панель, значит, этым окном. Ну потом подвязали его и стали спускать. Потом у их не хватило, значит, бечевки этой. Еще один этаж не могли спустить. Подвязывали поёсья от себя и наставляли эти бечевочки. Потом трясутся, што больше нечем, а сажен еще 5—6 до панели. Потом он вынул ножичек, от себя отрезнул и упал на панель. В бесчувствии два часа лежал, тряхнуло его там значит. Пошел по улице, в больницу забрался лечиться. Лежал месяц, значит, поправился. Потом уволился, пошел по городу. К одному купцу тоже стал просить, вроде как подносчиком, стаканы разносить, чай вроде.

Жил он там три месяца в чайной этой, подносил стаканы. Потом хозяин именинник, значит, сделался и позвал купцёй этых к себе на бал, знаменитых людей. Они пили, гуляли, значит, сутки на этом балу. И потом говорят:

— Нет ли, не находится ли такого сказителя, на гармони игра, и на ярфы, и рассказ такой рассказывать? (Вот такой же, как я, — рассказывать). А хозяин говорит:

— Есь у меня прислуга, может играть на гармони, на балалайке. И рассказывать может все.

Ну, хорошо. Его попросили, значит, к себе в кабинет. Ну хорошо. Он тут играл на гармони, на балалайке, они танцовали хорошо, значит, пондравилось. Они и говорят:

— Не знаешь ли какой рассказ, побывальщинку?

— Знаю, говорит, только с уговоркой буду рассказывать.

— А зачем тебе с уговоркой?

— У меня страшным страшно и смешным смешно. Не слышали, говорит.

Они ужа:

— Какой, говорит, рассказ?

— А у меня, говорит, рассказ потребуе милиции, щоб была милиция никого не пускать. Буду, говорит, рассказывать, только мое слово не пересекать никому.

Ну что, сейчас тут потребовали милиции, уговорну сделали: хто пересекет, того вязать. И потом давай рассказывать. Посадили на стул на порато место.

— Ну рассказывай, говорят.

— Вот в некотором царсви, некотором государсви, как в нашем, жил, говорит, купец. Жил он не старился, скоро потом преставился, говорит, осталась молода жена и сынок. Именья было богатое, торговля была, широкó шла. Этот сынок, значит, подрос, лет 15 принялся за торговлю — стал торговать, шире стал заниматься торговлей. Они стали знать его. А дяде стало в завись, значит, как бы подъись его, щоб он не торговал. Сделался именинник и его на бал позвал, упросил у своей матки и напоил его пьяного. И потом что удумал: его ободрал, платье снял, деньги вынял и отнес к девкам. И потом сказал своей молодке:

— Так и так, твой сын гулял, гулял, пошел, там еще, говорит, там все выняли: часы и...

Та пришла, его добудилася и его увела домой. Потом проспался, строго сказала:

— Ты отцовской капитал прожил, ты походи, постранствуй, как люди наживают.

Вот он пошел в город в такой-то, задался к одному купцу, значит, во служение в приказчики. Потом жил год у его, прислужился, хорошее стал

жалованье получать, накопил суммы 3000 рублей — не получал. А купец говорит, значит:

— Деньги вот получай и поди присмотришь к девушке одной, кака тебе понравится.

Хорошо. Он, значит, пошел посмотреть их. Там вывел, значит, на шестой этаж, отворил. Они, значит, вышивают хорошо изделия. Этот купец тут же сидит, слушает.

Он с оговоркой:

— Бросьте, нам слушать не подобен рассказ этот.

Сичас тут с оговоркой его и связали.

— Ты не уходи, братец, раз высунулся, дак.

А те братья еще красеют, што нам тоже плохо будет. Заметили его.

— Потом, говорит, завели к девушкам. Шесть девушек. Кака пондравится — поди выбирай.

— Потом, говорит, в роде как там дальше поланне девушки:

— Подем подольше, говорит. Повели, говорит, в такое место.

— Отвори двери, говорит, там еще есь, говорит.

Двери открыл, говорит, меня в шею дали, говорит, полетел я в погреб, говорит. В погреб пал, говорит, и лежал я два часа в бесчувствии. Потом, говорит, прочухарился, взял, свое платье снял, да мертвеца посадил наверх. Деньги снял и все при нем положил тут.

Второй раз говорит:

— Бросьте, этот рассказ неподобно слушать!

Его, значит, тут же связали, чтоб никуда не ходил, второго.

— И потом, говорит, дожидаю побега. Сейчас, говорит, слышу — замки отмыкают, отворяют двери, говорит.

— Ну-ко, ты, говорит, брат. Я, говорит, сто голов ссек, а ты не бывал еще. Ну-ко, попробуй, ссади, говорит, его.

Хорошо, тот саблю обнажил, его и тянул по башке, по шее там.

— А хорошо, говорит, не лягнулся ничем, крепко как, говорит.

Взял его одежду содрали, там деньги выняли, и бросили. И потом он с туловей выбрался, стал думу думать, как бы попась наверх, обратно, значит. С туловей лестницу выклат и пополз наверх, нагородил. И добрался там, дочапался дверья и вышел на коидор. Ну потом зашел к девкам, постучался, значит. Девки сидят. К этим девушкам, значит, барышням. Они ужáхнулись.

— Што с тобой случилось? Как ты попал?

— Таким путем попал. Так и так вышел. Лестницу выклат, говорит.

— А что мы с тобой будем делать, если придет к нам? Всем смерть от этих разбойников.

— А делать нечего, если хочете избавиться, крутите веревочку и меня спустите на панель.

Ну, стали крутить. Ночь, сутки крутили, сделали таку бечевку, сажен на 15, на 20. Ну хорошо. Ночью, значит, его отпеленали, привязали, думали спускать за окно. У них потом не хватило пять сажен, шесь ли, не могли докрутить до конца. Потом вынял он нож, отрезал от себя, значит, упал там на панель, значит, лежал до зари, значит, в бесчувствии. Ну потом побрел, в больницу попросился, лежал в больницы месяца. Потом выздоровел, пошел место себе искать, хлеб наживать.

Попал в чайную носчиком. Жил-то, значит, месяца два. Потом сделался этот купец именинником, позвал на бал таких-то людей. И потом как, значит, пили, гуляли сутки на этом балу. И потом стали искать человека на гармони играть, на балалайки, на рассказы. Этот купец говорит:

— Есь у меня прислуга, все может: играть и рассказывать может.

Его попросили к себе в кабинет сыграть там. Вот играл, веселился. Потом на рассказ его стали просить. Вот он рассказывает с таким с оговоркой, что подпишитесь все с условием, чтобы не пересекать мой рассказ.

Вот он рассказывает, как было с конца и до конца, как было. Шичас говорит:

— Вот тот виноват, вот тот купец (имя там я забыл как).

Правительство, значит, и повели этих купцов. И потом это пошли смотреть туловья, сколько набито. Которы люди знамениты, денежны, тех убьет и тут схоронит. Оттого скоро и разбогател.

Ну хорошо. Потом добрались и до девушек, значит, выпустили девушек. Девушки были не простые: купчески, генеральски, главного сословия, которые терялись.

Их под арест, всех их к расстрелу, значит, приговорили. И потом имения, значит, ему третья часть, значит который Иван-купеческий сын.

Больше, значит, всё.

103. ПРО ЦАРСКУЮ ДОЧЬ

В одно прекрасное время царская дочь вышла на улицу гулять, значит, с няньками, с мамками. И потом, значит, нечистый дух подхватил ее и утащил. Потом царь потребовал, каким манером пошла дочь, куды девали. Не знает, где ее взять. Потом собрали, значит, думать сенаторов, где ее взять. И потом сделали клик солдат и всю публику, и спрос сделали, как, где она девалась. Один солдат выискался.

— Дайте мне-ка влась, я могу взять.

Потом призвали его на лицо.

— Ну как ты можешь взять? — говорят.

— Только возьму, дайте мне, что требуется, как говорится, что я потребую. Дайте мне денёг тыщи две по-настоящему. Дайте мне судно. И дайте мне матросов, что требуется на судно. И дайте влась, щоб меня слушали.

Ну и потом отправились в морё. Шли два месяца пути, потом увидели остров, к этому острову привернули. Ну, хорошо. Потом поехали на остров. Нашли тропинку, по тропинке пошли. Увидели дом огромный. В этот дом зашли. Дом очень хороший. И потом у их была орудия — одного оставили варить.

— Ты, говорит, вари, мы пойдем за охвотой.

Ну хорошо. Потом печку топил, котел навесил, сварил. Вдруг слышит — дверь открывается, выходит Немал человек.

— Здравствуй, говорит, солдатка.

— Здравствуй, говорит, хороший человек, говорит. Извини, говорит, зашли в твой дом не спросясь и сварили, говорит.

— Сварили, так нельзя ли, говорит, покушать мне? говорит.

Он сказал:

— Поди ты к черту, у меня свои товарищи. Не для тебя говорит, варил.

Он сфатил его и начал барабанить его, солдатка. И бросил его под лавку, под койку. Тот лежал два часа без ума. И потом тот ушел. Он снова навесил котлы эти. Товарищи пришли эти, у него еще не сварено. Его спросили:

— Ты що же долго варил? Нужно варить, а у тебя еще не готово.

— По первости, говорит, затопил печку и угорел, говорит.

Ну хорошо. Они сели, покушали, сварили. Потом на другой день другому падает оставаться. Вот таким же манером он тоже навесил котлы, так же варит. Те ушли на охвоту. Опять тот же выходит, спрóbил его:

— Для кого суп варить?

— Для товарищев, говорит.

— А де они? говорит.

— За охвотой, говорит, ушли.

— Каков суп, говорит, нельзя ли покушать? говорит.

— Не для вас, говорит, для товарищев, говорит, я варил.

Он сфатил опять его похорóшо, намякал опять за это слово, бросил также под койку его.

Ну, хорошо. Товарищи опять пришли с охвоты, принесли дици довольно. Оне и говорят:

— Что же ты позно сварил? Сейчас не угарно было.

— Я, говорит, угорел тоже само.

А товарищ смеется.

— А, говсрит, и тебе тоже само попало?

Ну, на третий раз опять, значит, походят. Теперь третий, который невесту заставаает, говорит:

— Теперь я останусь сам.

Хорошо. Они отправились, он остался. Они и переговариваются.

— Нам хорошо попало, и тебе тоже попадет.

Ну, сварил котлы и дожидает. Опять выходит тоже человек. Немал тот.

— Здравствуй, говорит Иван.

— Здравствуй, здравствуй, молодой человек. Почему ты меня знаешь, говорит?

— Знаю, говорит, ты, говорит, Иван, крестьянский сын, говорит.

— Нельзя ли, говорит, супу покушать у тебя? говорит.

— А, говорит, милости просим!

Сичас налил ему чашу, поддернул говядины, говорит:

— Кушай!

Ну, хорошо. Он сел, закусывать стал. И говорит:

— Перед закуской не худо бы по чашке водки.

Иван говорит:

— Со всем удовольствием. У меня, говорит, есть хороше́й водки три графина, говорит, можно выпить.

Потом этому человеку наливает стакан, значит, немало и дает этому человеку Немалому, большому хозяину. Вот взял стакан этот, выпил. Себе на́лил рюмочку одну.

— Я, говорит, помаленьку пью. Ты большой. Рюмочку для разгару.

Потом по другой ему на́лил. И потом по третьей повторил. Потом и Немал человек опьянел, пьяный стал, пал на́ пол. Тот схватил саблю и голову́ отсек у его, у этого человека. Потом, значит, его скрыл, запихал в тако место скрытно, щоб невидно было его. И еще вынял три графина, поставил на стол для рабочих. Потом стал глядеть в карманах, нет ли хода, откуда ходят. Нашел три ключа в карманах. Стал смотреть замки, покуль ходит. Потом отомкнул комнату. Комната очень изукрашена, такая чистота. Вэтой комнате никого нет. Ходил походил, значит, дверей не может найти, все ошукатурены. Потом опять двери нашел там. Второй ключ отомкнул, значит, вторую комнату. Эта комната изукрашена вся серебром, небель какая там разная. И потом еще третий ключ ходил и нашел третьи двери. Опять

отомкнул, вся золотом засажена, значит, сидит царевна за столом. Она ужахнулась, говорит:

— Откуда взялся, говорит, такой человек русский, каким путем попал сюда? говорит.

— Вот, говорит, я поехал, говорит, вас разыскивать, говорит.

— Ты, говорит, меня разыскал, да как удержишь? Придет Немал человек, тебя убьет, меня убьет.

Он говорит:

— Не бойся, он уж управлен у меня, уложен, говорит.

Чечас она возрадовалась, бросилась ему на грудь, поцеловала и:

— Быть ты, говорит, мой богосуженый, говорит.

Дарит ему кольцо золотое именно.

Слышит там он — гром идет, шум о своей там кухне. Они там свои напились да разодрались между собой, рабочи. Ну они пошли, значит, там обратный путь на кухню. Те скочили все на ноги, теперь ободрило.

— Де ты взял? говорит.

— Вот здесь, говорит, в доме.

— Ну, теперь пойдем, говорит, в обратный путь.

На судно повел ее. На судно завел, якоря повывкатали, паруса подняли, пошли по морю. Ну потом, значит, он хватился, именно кольцо на окне оставил, позабыл.

— Нужно, говорит, вернуться, кольцо забыл, говорит, на окне, говорит.

Обратно вернулся, опять якорь выкатили. Опять побежал в дом за кольцом. Осталось двое как на карауле. А те, значит, капитан сказал слова, их не дождались, сказал слова, паруса подняли и побежали в море, их оставили двоих на острову.

Он прибежал, значит, а уж прибежали в морё. Ну и кинулись в шлюпки в сугон, значит, хотели догнать. Поднялась погода. Их, значит, заныло шлюпку. Товарищ потонул, его на берег выкинуло живого.

Он пошел в море, значит, этой царевны капитан и говорит:

— Я тебя спас, а тот товарищ совсем с концом пропал, скажи, говорит. Если не скажешь, говорит, я тебя в море брошу. Дай мне заклятие (как по-прежнему)!

Ну хорошо. Они побежали. Он, значит, по берегу ходит. Опять в дом пошел, де-ка был Немал человек. В доме ничего нет больше, нечем питаться, орудия нет и хлеба нет. Потом пошел по острову, чем кормиться надо. Ходил дня три, голоден, ничего не может себе приобрести. Одны змеи шипят там да всяки дики звери, не знает, куда деваться. Откуль возьмись пришел ему человек.

— Здравствуй, говорит, Иван, говорит, крестьянский сын, говорит.

— Здравствуй, здравствуй, хороший человек.

— Почему здесь погибаешь? говорит.

— Да, говорит, погибаю по своей причине. Царску, говорит, дочь спас, а сам остался безо всего, говорит. Не знаю, куда девагся.

— Я знаю, говорит, очень про твое дело, дело твое опасно, говорит. А иди, говорит, ко мне в работу, наймись в козаки, говорит.

— Со всем удовольствием, еле голова кормить, уж пропала дак...

— Вставай, говорит, садись на меня, понесу, держись крепче.

Он сел на его, поимался, защурил глаза. Он его потащил, только леса зашумели. Принес во свое, значит, пепелище, во свой дом, где он живет.

— Вот, говорит, живи у меня дворником. Я тебе доверяю — управляй делами всема́. А я, говорит, в Россию, говорит, твою невесту проведывать, говорит.

Хорошо. Благодарил, остался. Препоручил кажны дела́. Живет месяц, другой живет. Ну потом, значит, прилетел обратно этот хозяин, прибыл. Проверил его, значит, по хозяйству: всё правит дело хорошо.

— За это, что я тебе, говорит, благодарить, дам те коня, говорит, и дам тебе саблю. Сей, говорит, на моем коне и попробуй в рощу съездить, каково берет.

Потом он сел на коня и полетел в такую рощу. Махнул той саблей значит, так это роща валится не то що, так улицам и переулкам так и берет.

— Эта сабля непобедимая, говорит. На войско наедешь, она может брать и силу, говорит. Вот тебе скоро придет тот, нужно тебя с этой саблей, с конем, говорит, отвезти в Россию, говорит. А про эту саблю не скажывай никому, не токо що другу, никому, ни жены, как женился. И потом, значит, давай, садись на меня, повезу тебя в Россию, тебе строк выходит домой.

В Россию его принес, значит, и дал ему, значит, денег кошелек такой, що сколько ему надо, вывалится, сколько ему потребуется. Ну, значит, в Россию принес и спустил его во свой город, где он проживал.

Вот, значит, он вышел, откупил себе квартиру в постоялой, заказал обед на 15 тысяч и позвал этот бал, значит, все знамениты и государя. Афишки написал в городе, что вот такой-то обед на такую-то сумму делается для чинных людей, для генералов и князей делается.

Потом собрались все на этот обед, пили, гуляли, совершили. Поблагодарили, выпили. Царь и говорит:

— Завтрашний день моя дочка придет, найдена телеграмма, что придет на завтрашнее число. Будет, говорит, пир-от, милости просим ко мне, тебе место хороше будет за это угощение.

Потом оне идут. Их это с дочкою стретают, с музыкой хорошей стретили. Потом спросил:

— Де, говорит государь, солдатик находился такой, его нет ли?

Капитан судна сказал, что он совсем запропал со слугой.

— Я спас, а не он, говорит.

Ну, спросил княжну дочь-от:

— Кто спас?

— Спас тот капитан, а тот запропал. Ни духу ни слуху.

Значит сичас обручались и пир заделал государь; по первости собрал всех вельможей, всех. И этого тоже позвал на бал, угостил, который позвал его. Потом всех посадил за стол за дубовый, почует иностранных и всех своих, значит. Это сама княжна стала подносить стаканы кругом, котора была унесёна. На подносе всем поднесла, значит, и до его очередь дошла, который, значит, оставался на острове-то. Он взял стакан, значит, выпил и потом наливает от себя стакан и спустил перстень и подает.

— Пей, говорит, до дна, узнашь добра, говорит.

Она выпила, и перстень упал в рот. Она потом перстень взяла, надпись на персне, что именной, ейный. Потом она схватила его за руку и поставила на ноги и говорит:

— Не тот спас, который здесь сидит, а тот спас, который со мной рядом.

Кнез воздыпел ¹² на это слово:

¹² Возопил.

— Что тако с вами случилось?

Она и говорит:

— Вот хто спас, не тот, который привез, а который со мною рядом сидит.

— Почему это так? говорит. Как это дело случилось?

Рассказал:

— Так что я забыл кольцо на окне. Потом, говорит, вернулся обратно за кольцом, говорит. Они в то время паруса подняли, не дождались, говорит. Прибежали, говорит, их уж версты в море отшатились. И, значит, на шлюпке сзади гнаться. Подхватило, штормой их залоило. Товарищ потонул, а другой на дне, значит, на берег. Он меня, говорит, пристращал, говорит, что ты мною взята, скажи, а твой товарищ совсем погиб, который хвастал найти.

Государь на это слово гневался. Которых были, всех на вешалку, всех за оман. Потом за его и свадьбу, значит, стали играть за этого. Совершили свадьбу, потом жили да пожили, значит.

На эту красавицу иностранны земли стали свататься, на эту королеву. Если, говорит, добром не отдашь, возьмем, говорит, силой. Тот государь говорит:

— Я тебе дам войска. Можешь, так дерись, а не можешь, так волей неволей отдать надо.

Потом он взял войско, эту ржаву саблю и коня, значит, подарённого ему. Заиграли рожки, и военная действия открылась, значит. Погом он этот зять:

— Вы останетесь здесь в засады, говорит, а я поеду с своей саблей на коне.

Выехал в чистое поле на коне. Эта сабля была волшебная. Начал он воевать. Де махнет — улица, де отмахнет — переулками. А конь быстрый был, летат быстро.

Те ужáхнулись, дрогнули в побег. Опять он приехал с великой победой. Князь это их принял хорошо, сделал бал хороший, зять воин хороший. И потом легли отдыхать, с своей хозяйкой он лег. Она и спрашивает:

— Как ты мог победить это войско?

Он не скат это слово.

— Моя тут удача такая!

Ну потом второй раз наступали таким же манером, опять войну открыли. Он опять взял свои войска, пошел отстаивать. Выехал в чисто поле, опять засада, оставил своих, сам отправился. Опять так же стал. Де махнет — улица, де отмахнет — переулками. Опять побил, срешил их. Опять оны в ход ударились. Опять приехал на своем с великой победою. Опять бал во второй раз. Бал прошел, опять с хозяйкой легли на отдых. И потом она и спрашивают:

— Как же ты можешь взять?

Подпоила хорошей водкой и стала выпрашивать пьяного-то. Он и сказал:

— У меня такая сабля в действе есь, подарена. Нет на свете ей выше.

Она там с тем, который наступает, свичку имеет. И потом она эту ржаву выняла да свою такую ж зачихала в ножны ти. И потом написала, что идите и теперь победите, в третий-то.

Ну, хорошо. Они в третий раз выступили опять в ударный бой. Потом он таким же манером на коне выехал со своим войском отстаивать. Сам выехал на поле и потом стал действовать этой саблей. Махнул — сабля не действует. Его схватили с коня и поймали. Приговорили его к казни.

Ну, хорошо. Привели его там на паратное место казнить. Пришла девушка, ему и говорит:

— Э, говорит, воин бы хороший, да тебя убьют, говорит.

Он и говорит:

— Если меня будут ловить, выпадет из меня косточка, ты в подол возьми да унеси.

Хорошо. Потом взяли его, зачали его расстреливать, резать. Потом спустили его, расстреляли. Вылетела косточка. Она взяла в фартку и ушла. Потом положила к земле эту косточку. Из этой косточки очудился конь златогривый. Побежал, значит, по городу. Прибежал к старичку к стойлам. Старичок вышел, значит, утром рано и гладит его.

— Эх ты, конь добрый, откуда ты взялся? говорит.

А конь проговорил:

— Я конь хороший, а ты веди в город и продавай, никому не продавай, а тому князю (который хозяйку забрал его).

Вот он на другой день его и повел по рынку. И потом увидели они коня златогривого, что на свете нет. Тот торгует, другой торгует — никому не дает. Потом до князя весь допихали, что такого-то коня златогривого старичок продает росту высокого.

Князь вышел, торговать стал коня.

— Сколькo, говорит, просишь за этого коня, говорит, старичок?

— Полторы тысячи, говорит.

Он без запросу дал ему полторы тысячи. Привел коня домой он ко своему дворцу и сказывает хозяйки своей:

— Какого коня я купил, нет красивей его, какой он златогривый, столь он красивый, столь он хороший.

Хозяйка говорит:

— Это не конь, говорит, а это твоя ложь, говорит, нужно коня убить, говорит. Это твоя смерть.

Он и говорит:

— Конь этот хороший, говорит, нельзя, говорит.

— Нет, убей, говорит, по моему слову сделай.

Пришла к нему служанка, опять коня гладит.

— Э, говорит, конь добрый, златогривый, хотят тебя убить, кажется, сегодня.

А конь и говорит:

— Если убьют, говорит, у меня зуб вылетит, ты возьми в фартук, отнеси, в сад брось.

Вот повезли его ловить убить на кладбище. А служанка и просится, значит, у своо князя:

— Пусти меня спроводить коня-то!

— Иди, говорит, спроводи. Жалко тебе коня, говорит.

Хорошо. Его палкой треснули по голове, и его зуб вышел передний прямо ей в фартучек. Она завернула да и пошла. Этот зуб положила в сад против его окошек. Потом через ночь видит — яблоня выросла в его саду красива, развесиста прямо. Он вышел, значит, в сад посмотреть, яблоня, значит, хороша, в одну ночь вызрела хороша. Он вышел, значит, в сад гулять в одно прекрасно время. Это увидел яблоню, значит. Он ей любитесья.

— Что за яблоня хороша на свете! Сичас так бы покушал ее!

А хозяйка говорит:

— Это не яблоня, а твоя смерть, эту яблоню ссеки и сожги, говорит, на огне.

И потом кухарочка подошла опять к этой яблоне и любитесь.

— Яблоня, тебя хочут сечь, говорит, да сожегчи на огне, говорит.

Яблоня говорит:

— Если будут жгать, говорит, то вылетит листочек, ты возьми, в фартук заверни да в озеро брось.

Хорошо. Эту яблоню ссékли и сожгли на огне. Этот листок вылетел, значит, служанке в фартучек. Она пошла в озеро и бросила этот листочек.

Он, хорошо, в одно время прекрасно распотел, вышел купаться в это озеро. Увидел — на озере плавает утица, селезень светлый, красивый. Она от его не отлетает. Ближится к нему. У самых рук тут и плавает. А этот князь сам себя не отпускает, эту ржавую саблю всё при себе носит, этот князь. Вышел и разделся. Она около его плавает и заманиват дальше в реку. Отвела его сажен пять в реку, в озеро такое. И потом вылетела на берег, хлопнулась молодцом и схватила саблю эту. И грозит:

— Выходи-ка теперь на́ берег. Вот твоя смерть, гыт, сейчас.

Хозяйка вышла, значит, тожа. И пала ему в ноги, шо «Прости, значит я виновата».

Говорит он:

— Нет тее прощенья больше.

Срубил у обеих головы, хозяйки и того. И взял, котора служанка спасла, себе в замужество. Уехали во свои места ко князю, и тому же и стал победим. И на своем поставил.

104. ПРО НАСТАСЬЮ ПРЕКРАСНУЮ

Один солдат стоял на часах. Идут два купеческих сыновья, разговаривают:

— Я из такой-то державы. Така-та Анастасия Прекрасна, патреты смотрели, а лично не могли высмотреть, говорит.

Говорит один:

— Издержал 15 000, говорит, хотел посмотреть и не мог посмотреть.

Другой говорит:

— Я издержал 20 000, хотел взамуж взять, а не мог высмотреть.

А солдат и говорит:

— Если бы на ваши деньги, я не то что мог высмотреть, я мог бы замуж взять, говорит.

Они прошли, ничего не сказали ему. Продёрнули газетку про его, написали там главному штапу, генералам там и правительству про него. Его потребовали там. Солдаты и говорят:

— Требовать надо верхний чин, а требуют солдата рядового. Шо же, накурил там.

Его амундирование почистили, похорошили. Как же так, требует главный штаб, надо принарядить! Сел, извозчика потребовал. Поехал, значит, в штаб, куда, требуют. Заходит в ихны кабинеты, значит, поклонился. Подёрнули ему сту́лик и посадили, значит, на стулик на этот.

— Что же ты, солдатик, говорит, говорил моим сыновьям? говорит. Говорил? Нет? говорит:

— Не могу припомнить.

— Они, говорит, один издержал 15 000, другой 20 000, не могли ее лично высмотреть, а ты говорил — жениться хотел на ней.

— Да, правда, говорит, я бы женился на эти деньги.

— Если можешь жениться на эти деньги — женись, а не можешь — голова, значит, с плеч. Большой ле строк возьмешь? говорит.

— На́ год времени, говорит. Дайте мне, говорит, 30 000 и мне отвезите в ёйно место. Я на ней женюсь, говорит. Ну, дайте мне ще ввольну погулять недельку здесь, говорит. Дайте мне денег погулять, говорит, тысячу.

Вот он, значит, деньги забрал, дали ему билет, пропуск, чтобы никто не мог задержать его, что хочет, делать бы в городе.

Накупил водки ведер 5—6, принес солдатам, своим друзьям-приятелям и пвет. И потом, значит, всех поит — и никакого разрешенья, никто не может запретить ему. Ну больше строки выходят. Надо выезжать.

Ну, что условлено, нарядили ему судно отвезти его. Спроводили с войском, с радостью, с пушкам, хорошие были спровадины.

Шли там долго ли, коротко ли, близатся там уж к ёйному государству. Пришли, значит, его выпустили в то государство, сами обратно в путь пошли. Он остался тут. Он выпросил на краю города избушку бабушки на постой. Он тут жил день-два, значит, на постое живет. И потом у бабушки спрашивают:

— Есь ли такая королевна, Настасия Прекрасная?

— Есь, говорит.

— Куда она ходит гулять? говорит. С кем знается?

— Она ходит, говорит, в такой-то трактир, с одним прынцом гуляет, он уж какой год сватается, говорит.

Он нарядился чисто, значит, как следует быть, как вроде купцом, значит. Пошел гулять тож, по городу смотреть. Добрался до того трактира, значит, где она гуляет. Занимат в трактире первый номер, значит. Номер откупил впереди и занял. Она потом погода через час приехали. И потом, значит, спросили этот номер, занят ли номер. Сказал хозяин, что номер тот занят.

— Кто занял? Кем?

— Русский человек какой-то приехал с заграницы.

— Ну, хошь там рядом во второй номер, возле стенки; занят, так делать нечего.

Они заказывают обед, значит, на 25 рублей, водки ли, что. Он стучит, на 40 рублей заказыват, вдвоем больше. А впереди, значит, которому дороже несут заказ. Им после. Он и говорит, она спрашивают у этого хозяина:

— Кто там сидит? Мы двоимá заказывали на 25 рублей, он один на 40?

Он говорит:

— Я не знаю какой, княженецкой ли, купеческой ли сын приехал, фарсит, гыт, не знаю, заказыват выше вас.

Так угостились, уехали в тот вечер обратно.

Во вторые сутки опять впереди забрался, опять заказыват тот же номер. Они приехали, спросили, опять номер тот занят. Они заказывают на 30 рублей своего удовольствия, опять, значит, Анастасия Прекрасная, со своим прынцом. Он заказыват на 60 рублей один. Опять ему наперёд несут. Который дороже, тому наперёд несут. Ну хорошо.

— Что же, какой там богач, говорит Анастасия Прекрасная, один заказыват на 60 рублей, а мы на двоих на 30 рублей!

— Эти, говорит, пролетарии, они, говорит, прогуляют зараз, у них не будет, а у нас завсегда есь.

Он говорит:

— Что же у нас с тобой завсегда сухая любовь, надо бы переспать с тобой ночку, нельзя ли?

Он там слушает у стенки. Она и говорит:

— Приезжай во втором часу ночи, я тебе окно подниму, говорит.

Солдатик это во внимание берет, там выслушал их.

Поехали, значит, в магазин привернули, часы завели, значит, чтобы правильнее ходили, в магазин. Он следит за има. Он тоже поехал сзади, значит, и в тот же магазин привернул да вперед завел часом. И потом, значит, время помедлил и часом преді прибыл к ей к окну. И потом там знать дал ей, что пришел.

Сичас она окно открыла и выпустила ему такие полотенца и потом задержала его. Огня нельзя открыть, чтобы без огня делать тайно. Сичас разделся, трубка, значит в кармане, трубка выпала на пол.

— Что у тебя пало? говорит.

— Золотó кольцо, говорит, скатилось.

— Нельзя огня достать, утром найдем, говорит.

Ну потом опять в стену щолкает потом. Она и спросила:

— Кто такой там щолкает?

Этот солдат говорит:

— Не иначе иностранный, который за стенкой пил, гулял, тот подошел, говорит.

— А что, говорит, с им сделаем? говорит.

— Вот что, справимся в один рыльник да там его обольем за окошко-то.

Потом так и сделали. Оправились, его там и облили сцякой своей. Тот пошел, значит, несолоно лизал. Раз не удалось, дак. Ну потом света не дождался, она его пустила, тайно так. Потом утро стало, она стала пахать, дозорить кольцо это. Потом увидала от трубки крышка эта отлетела.

— Как, говорит, золото кольцо, сказал, а сам крышку от трубки утерял.

Потом, значит, на второй вечер опять сошлись с этой королевной с Анастасией Прекрасной—этот прынец-от и говорит ей поматерно, значит.

— Я, говорит, прогулял с тобой 12 тысяч, а ты надо мной насмехалась, изволила облить меня своей лужей, говорит.

Отвернулся и прочь пошел от ей, отказался.

Ну, она в гостиницу зашла, он номер занял. Она во второй номер зашла опять в чайной, прежде трактиры были. И потом он заказывает опять на 30 рублей себе обед. Она и говорит этому хозяину, трактирщику:

— Кто у вас там сидит? говорит.

— Русский, говорит, человек, не знаю, какой капиталист.

— А нельзя ли его сюда позвать ко мне на угощение, на пару слов?

Он пришел к ему, стал просить.

— Вот вас требует Настасья Прекрасная на пару слов.

Он сказал:

— Не подобает мужчины к женщины идти, а женщине к мужчины пушай.

Ну потом волей-неволей пришлось к ему идти. Заходит к ему, значит, в этот номер. Он сичас соскочил, стульцо с ручкой, вроде слово приглашает. Потом заказал рублей на 30 кушанья, обед. Потом она ему осмелилась сказать слово, спросила его, значит:

— Ты был ли в тако время у меня?

Он сказал, что был, говорит:

— Сумел подѣхать ко мне, умеи и замуж взять, говорит, меня. Какого ты роду, говорит, какого племени, кто отец, мать?

Он сказал, что русского государя сын.

— Дак вот что, говорит, тебе дарю кольцо от себя. Можешь мной обладать, говорит. Какую ты имеешь заслугу при себе? говорит.

— Я, говорит, ничего при себе не имею, никакой заслуги.

— Так вот что, мне за нижний чин нельзя выйти. Так я буду просить произвести тебя повыше. А чем здесь занимаешься? — спросила.

— Ничем, говорит, занимаюсь. Приехал за вас свататься.

— Дак вот что, так на тебе денег (сколько тысяч дала), так ты откупи себе магазин товару, торгуй, говорит, права и всё, значит, выправить.

Вот он, значит, пошел, купил магазин товару, значит, несколько тысяч, и торгует. Оставил приказчиков форсистых, молодых ребят, сам хозяин.

Она поехала со своим папашей в кареты гулять. Потом к этому магазину привернула и сгала товары, значит, торговать дорогие. Стоят эти товары, примерно, рублей 20, он дает за десять, за половинну цену. Обходительный, обходится хорошо. И потом поехали в другие магазины с отцом, — как товары? Товары дороже. Она и говорит:

— Папаша, разреши, говорит, этого мне в замужество идти. Только, говорит, чины-ти не имеет. Нужно его в чины извести.

Он, значит, дал приказ, что желаешь ли таким генералом поступить над полками? Потом, дале, он пожелал этим поступить. И стали производить выше и выше, чин от чину. Вступил там главным генералом. Потом князь собрал бал и его позвал себе на бал. Спросил его:

— Желашь ли мою дочку взять в замужество?

Тот не отказался.

— Со всем удовольствием, если отдашь, говорит.

Потом на ней и женился. И потом, значит, эдумал домой отправиться. Дал ему четыре парохода с товарами во свою местность.

Там пришел во свою местность, срок приходит, надо явиться. Потом приехал в город, зашел, откупил хороший дворец такой, щобы чище в городе был. Сказал, что мой собственный.

Ну, потом за ей приехал на паре, увез ей, значит, в свой дом. И потом отпросился сходить по городу. Пришел во свою роту, раздел форму свою и надел солдатское платье, забрал водки и всех солдат пойт, значит, по-старому. Потом сделался непорядок. Узнали, что прибыл Девяткин, который сватался за Анастасию Прекрасну, приехал и пьет. Потом осударь потребовал его себе на лицо. Потом он приехал к ему, зашел в кабинет его, пришел, тянется.

— А, говорит, садись на стуле, потолкуем, как твоя женитьба, говорит, Девяткин. Женился ли, говорит, на Настасии Прекрасной на королеве?

— Да, говорит, женился, говорит.

Они взяли его на смех.

— А, говорят, тебе надоела своя голова на плечи?

Не верят ему.

— Если не верите, могут нарядить наряд досмотреть, правда ли, в таком-то доме, в таком-то номере.

Хорошо. Поехали. Письмо написал от себя и послал, значит. Там доложили королевны, шо наряд от такого-то Девяткина. Спросили, значит, пришли, огляделись на ее красоту и ничего не могли спросить. Так и уехали, часы вышли. Поехали в обратный путь. И потом стал осударь спрашивать:

— Правда? Нет?

— Мы, говорит, не осмелились спросить у ней, говорит. Всё на ейну красоту просмотрели.

Ну, осударь его, значит, поблагодарил.

— Молодец, умел сделать. Какой тебе наряд был, каким ты служил?

— Вот таким-то полным енералом.

— Вот, говорит, получай тот же чин от меня, говорит.

Сичас его послал в полка, значит, командиром как.

Она про дело узнала, значит, что неправильно он сказал, Анастасия Прекрасна. Потом она на него разгнигалася. Оманом взял.

Она просила государя главным генералом, выше его. Она приказала его в солдатско платье одеть. И вышла, значит, на смотр солдатов. И потом его заметила, нечиста одёжа. Его из фронту выдернула. Приказала дать ему наказанье, закатить 25 розг в ж. . . . Потом потребовала его себе. Он не может на лавке сидеть. Ну, потом, значит, пригласила его чай пить в чашке, вместях. Говорит:

— Не гневайся. Как меня наказал, так я тебе дам наказанье. Со мной спать лягем, говорит. На другой день чище срядись, как-нибудь обойдется дело. Опять таким же фронтом смотр произведу.

Ну, опять таким же смотром полки увели, опять поставили. Опять заметила, быгто неправильно стоит шагом. Опять из фронта его вывели, опять 25 наказали. Ну опять дали ему. Опять позвала себе в гости. Опять, значит, угостила его таким же манером.

— Еще тебе третий раз отомщу. Уж подчиняйся сичас!

Третий раз опять также поставила, опять наказала и созвала в гости.

— Ну, теперь, говорит, во всех отношениях прощаю, значит, мое решение кончилось.

Государю рапорт написала:

— Вот, говорит, что здумал, то сделал, наказал, говорит.

Осударь опять дал ему тот же чин. Дал ему дворец, выстроил за это, значит. Сичас проживают.

105. НИКОЛА ДУПЛИНЫЙ

Была бабушка со старичком. Они жили, пожили. Это, стала его старушка гулять, другого прибрала дружка. Потом раз он уехал. И заметил, что она неправильно делат: все свое имение ему сварит, скормит. Он приехал домой и так себе расположился за стол. Она накормила, напоила. И говорит:

— Старушка, говорит, я знаю Дуплиный Микола; что ты просишь, то дает, говорит. Вот на той-то версте есть дуплѣ. Этому дуплю молись. он тебе ответит.

Он уехал наперед, значит, в это дуплѣ и забился. Она приехала к дуплю, значит, и молится ему:

— Дуплиный Микола, у меня окриви мужа и ослепи, оглуши и ослепи.

Ну хорошо. Она потом приехала утром рано к этому дуплю и стала просить, молиться ему этому:

— Дуплиный Микола, оглуши мужа у меня и ослепи, говорит.

И там ответил в дупле:

— Твое будет слово исполнено, говорит.

Приехала домой. Он сзади за ей тоже приехал. И потом сказал, значит, этот Дуплиный Микола:

— Навари, каши, каши похлебат — оглохнет, блинов наестся — ослепнет.

Потом она приехала там впереди, сё приготовила, блинов напекла, каши наварила. Потом старик приезжает. Она счас на стол наносила каши, блинов. Он кашу стал хлебать.

— Старуха, говорит, я что-то не слышу больше.

Она потом блинов ему притащила. Блины поел — ослеп, стал по столу бродить руками, не видит взять. И потом:

— Что, говорит, старуха, сведи меня на печку, оглох и ослеп я, говорит.

Та его свела на печку. Потом он попросил оружейце.

— Дай пощупать, говорит, раньше охотился, теперь пощупать охота.

Она несла ему ружье. Это ружье его было заряжено. Она побежала опять, сказала дружку:

— У меня муж оглох, ослеп. Ничего не слышит и не видит. Не опасайся ничим, говорит, он ничего не понимает. Она привела его, там всичин настряпала, блинов и всего:

— Не опасайся, говорит.

Он сел за стол кушать. Принесла графин водки, рюмочку. Потом:

— Я сбегаю в погреб за пивом, у меня пиво тебе приготовлено хорошее.

Она убежала. Он в то время-то в лоб и спустил этому дружкú. Застрелил, да слез, да ему напихал блинов-то полон рот. Она и забежала, значит, с пивом, а он мертвый. Потом она и стала плакать:

— Пошто ты задавился блинами, пошчо, завидный, не мог ты поменьку ись?

Старик скочил с печки, ну ей пороть, эту старуху.

— Ну теперь куда мертвеца деваем, куда с им? говорит.

— Тащи нибудь-куда его, зарой, старику приказыват.

Старик побежал, значит, к попу, поставил к ворóтам его и стучит:

— Открывай воротá, говорит.

Поп бежит, значит, с гордосью примерно:

— Какой такой бродяга позволил мне стучать?

Схватил уразину¹³ и хлоп этого мертвеца. Тот из-за угла выскочил:

— Что ты, ты ведь убил его!

— Неужели убил? говорит.

— Да убил, не пышит, говорит.

— Нá сто рублей денег, отнеси его. Я не хочу под суд, в сторону где-нибудь закопай.

Хорошо. Он потащил опять его. Ну потом принес опять, значит, другому священнику в другой приход, пьяно напился и стал наймовать лошадь везти его, значит. Тот, значит, нарядил карету. Вот тот пьяный закрылся, он и отправил, вожжи дал с руки. Потом конь побежал, значит домой, свой конь, так бежит там.

Приехал ко двору ко своёму, не слезавал с козел, конь весь впред. А тот там вышел священник.

— Выпрягай коня, що ты сидишь там?

А ничего не говорит. Он взял его и кляснул. Выскочил. Ну хорошо, он упал, значит, с козел, этот мертвец. А этот дозорит его опять:

— Ты що сделал? Ты убил кучера-то!

Матушка выбежала, тоже посмотрела:

— Что случилось над вами-то?

— Вот, говорит, кучера убил, говорит.

¹³ Палку.

— Пожалуста не сказывай, куда-ле его девай, похорони.

Он положил деньги, взял за плечо и потащил его к речке да посадил в лодку, дал весло да отпихнул от берега. Потом его и понесло, этого мертвеца в лодке. Принесло к заездку, где рыбу ловят сурпами.¹⁴ Он голову согнул так, лежит в лодке-то. Идет промышленник вытряхать сурпы. Увидал, значит, вора, говорит:

— Ах ты, мошенник, зачем рыбу выгружаешь? Сейчас убью!

Прибежал, его суразиной и одернул по голове. А этот, который надзорит, говорит ему:

— Зачем ты мужика убил?

Говорит этот промышленник:

— Неужели убил?

— Убил, гляди — мертвый, говорит.

— Не сказывай, на, говорит, 10 рублей, последние, а куда-ле его девай, говорит.

Ну потом тот деньги взял, этого мертвеца вынес на гору. Ну теперь сапоги хороши. Ноги те отсек да положил в кошёлку свою с сапогами. Потом пошел в деревню. И потом выпросился ночевать к одному крестьянину.

— Мне, говорит, корова отелилась. Теленок есь. Нельзя.

Там прежде телят в избе держали.

Он хорошо, значит, переночевал. Взял, значит, телеша настегал, телёшь ошалел. А сам сапоги вынял с ногама да бросил.

Хозява спустились, значит, увидели сапоги с ногами, а телёшь бегат по избе.

— Вот беда, говорят, у нас телёшь мужика съел.

Не могут подойти к ему. Потом они не могут телеша — он его настегал, так он бегат, как дикой.

— И нас-то, говорит, съес. Беда, шо с им делать будем?

Потом его, телеша, застрелили, не смели в руки взять, шобы нас-то не съел.

Так дело и кончилось. А тот убежал. Чудо сделал-то.

Михайло Федорович Гольчиков, 28 л.

106. НЕЗНАЮШКО

Жил-был купец. Он, конечно, торговал очень хорошо. Он торговал — у него товары все вышли, и он поехал за море за товарами. Набрал, конечно, сто кораблей и двести матросов и всю принадлежность. Когда он шел морём, его кораб стал: и вот он стал — что делать? Спускал сколько бочек золота, спускал серебра. Кораб всё стоит, нейдет, на месте. Потом он здумал со своима товарищам:

— Надо жеребей кидать, кого ле морской царь просит из нас в море.

Конечно, жеребей кидали, но жеребей попадал всё на купца — купцу спускаться в море. Он, царь, не поверил. Опять стал снова жеребей кидать.

— Что же, говорит, я золота спускал порядочно и серебра, а меня царь в море просит!

Но жеребей кинули — опять жеребей просит купца в море, опять надо спускаться. Ну, конечно, теперь он стал спускаться в море. Приходится. Мне смерть не написана в море!

¹⁴ Снасть рыболовная.

Вдруг голос послышался из моря:

— Только отдай, что дома не знаешь!

Царь тот купец думал, подумал:

— Всё дома знаю, тока дня три, четыре из дому.

— Ну ладно, пускай, говорит, тебе, что дома не знаю. Только живому лишь бы остаться.

Ну и опять кораб пошел вдруг. Купец веселёхонек остался. Кораб пошел. Долго он ходил, пришел за границу, накупил товаров, всёго нагрудился кораблями. Долго он там ходил, года три, четыре за границей. Пришло время ему, ехать ему надо, плыть домой.

— Долго я здесь хожу.

Он набрал всего, и поплыли домой.

Приплыл домой купец. Жена идет с мальчиком. Мальчика ведет за руку. Царь сердце дрогнуло.

— Вот что я не знал!

Он когда поехал за море, у него жена была беременна. Ну что делать? Взял мальчика на руки и плачет. Жена и спрашивает:

— Почему ты плачешь, скажем, Иван? (Ну хоть пускай Иван).

Но он ей это горе не сказал. И живет. Он выгрузился всё, и живет уже сколько времени. Живет и жены не сказывают. Как возьмет сына на руки, так и плачет. Потом однажды взял сына на руки и стал плакать, с ним разговаривать. Сын спрашивает:

— Что ты, папаша, плачешь? Чего у нас не хватает? Не об чем у нас плакать!

Он ему и говорит:

— Эх сынок, не знаешь ты об чем я плачу. Я тебя отсулил морскому царю.

Сын и говорит:

— Отсулена скотина — в доме не животина. Пеките мне хлеба, я буду отправляться.

Но, конечно, мать, отец его еще не спускали. Он говорит:

— Нет, ничего, раз отсулен, должен я завтра отправляться.

Конечно, хлебов напекли, и он пошел, отправился наш Иван, этот мальчик. Тока вышел из деревни, из города встречается ему черт выше лесу стоячего, ниже облака ходячего. Спрашивает:

— Куда, Иван, отправился? говорит.

А он говорит:

— Не знаю, меня папаша кому-то отсулил, я туда и пошел.

А он и говорит:

— Папаша мне его отсулил. Я тебя давно еще года три жду, а ты нй-дешь все еще. Ну, говорит, садись на меня и защурь глаза и держись крепче.

Тот ёго черт и потащил, Ивана. Потом черт устал, сел отдохнуть, спрашивает у Ивана.

— Много ли мы места прошли?

— Верст десять.

А он говорит:

— Тысяч десять мы прошли, а не десять.

Но, конечно, Иван ничего ему в ответ не сказал. Отдохнули и опять отправились. Потом ёго черт притащил в город. Надал ему, конечно, торговать, отвел ему склад, магазин, в котором очень много товару.

Иван сам из себя был очень красивый. Красавец был просто неписанной, как в сказке говорится. Стали ходить в лавку пуше. И больше това-

ров пошло. Черту стало хорошо, что Иван торгует. Черт, конечно, пожил с ним долго, видит, что от Ивана все хорошо идет, отчет правильный отдает. Говорит:

— Ты, Иван, останься, торгуй, а я пойду в другой город других торговцев отчитывать.

Там други магазины были у ёго. И он, конечно, черт, Ивану отвел все склады, все анбары и всё. И велел во все анбары ходить и ключи дал. Только в один анбар не велел ходить. Иван:

— Ладно, говорит, що же, не буду ходить, раз не велят.

Когда черт уехал, Иван давай ходить по всем анбарам смотреть, много ли у его товаров еще. Ходил, все анбары переходил, пришел, к тому анбару, где не велел черт ходить.

— Что же хозяин велел ходить, а в этот не велел ходить? Ну-кось я зайду, посмотрю!

Конешно дело, и взял ключ, и давай отмыкать этот подвал. А тут, конешно, слуги были. Слуги говорят:

— Иван, тебе не велел хозяин ходить в подвал, и нам не велел никого пускать.

А Иван говорит:

— Я теперь сам хозяин, и вы мне все подчинёны.

Взял, анбар отомкнул и зашел туда. Видит, сидит черт на цепи прикован. Он и говорит Ивану:

— Отпусти, Иван, меня, говорит, от замков оторви!

Иван говорит:

— Ты меня сильней—не мошь оторваться, а мне уж и подавно не оторвать.

Черт и говорит:

— Брать не силой, а хитростью нужно.

— Я, гыт, хитрости не научился, человек молодой, лет 17 еще. Сила есь, а с чертом уж не варзаться.

А черт и говорит:

— Как по-вашему называется, когда ложитесь спать или обедать, то богу мо́литесь, и что называете за этим временем?

Иван догадался. Взял цепи, сказал:

— Господи благослови!

Цепи пали. Ну, черт вышел, а теперь Иван и говорит:

— Теперь меня черт убьет, я тебя выпустил.

Черт и говорит:

— Ничего не будет, не бойся.

А эти два черта были братья. И вот у них товару много, они стали делить, и у них вышло несогласие. Они и давай драться. И вот этот черт одного черта приковал с одним мужиком.

Теперь этот вот черт, который освобождён, и говорит Ивану:

— Вот иди, говорит, сюда за мной сзади!

Иван пошел. Вот говорит:

— Отверти, мошь ли ты отвернуть? И будешь ты человеком. Я тоже не могу отвернуть.

Иван подошел, взял ногой поддел, руками выбросил плитú. Выскакивает конь. Черт и говорит:

— Вот, Иван, тебе конь, садись на коня и поезжай скорее, чтобы черт не приехал, тебя здесь не достал.

Тот, конечно, черт дал ему еще ковригу хлеба и дал белой платок и говорит:

— Если поедёшь, приезжай к каждой избушке. Будешь ись, если коврига закружается, то ты скорей садись на коня и поезжай опять вперед, Иван:

— Ладно, говорит.

Сел на коня и поехал.

Черт сказал еще:

— Если будет погоня, то махни назад этим платком и будет озеро. И будет впереди очень высокая гора. Когда ты поедешь, ты к этой горы будешь подъезжать, руками пуще за повод запобирай. Конь скачит на гору, ты падешь, но он тебя на узде затащит на гору.

И сказал ему:

— Ты если будешь жить в деревне, свое имя не сказывай, говори: не знаю. Всё, что спросят, говори — не знаю.

Иван:

— Ладно, говорит.

И отправился Иван, распростился с чертом и поехал. Черт тот приезжает к Ивану, Ивана нету. Он сейчас узнал и за им в погоню. Видит, что его брат ходит, торгует.

Иван, конечно, приехал к избушке, сел закусывать, вдруг хлеба коврига закружась на столе. Иван опять сел на коня и поехал дальше, узнал, что погоня сзади есь. Потом ехал, ехал, опять приехал к избушке, сел закусывать, тока сел, буханка опять закружась. Черт его гонит. Он опять на коня, сел и поехал скорей. Слышит, что за ним погоня близко стала, топот конин. Он сейчас, Иван, не говоря слова, и платком махнул назад. Сделалось озеро. Черт поехал кругом озера. Озеро было в долину на сто вёрс. В кой пору ехал черт кругом озера, опять Иван далеко от ёго уехал. Потом Иван опять сел закусывать в избушке. Вдруг опять коврига, буханка хлеба закружась на столе, круто хоть нет. Иван скочил на коня и поехал, опять не поел, не пои́л ничего. Вдруг едет — видит гора высокая-превысока впереди. Иван спомнил чертовы наказы. Взял кругом руку узду повод запови́рал, конь скочил, Иван упал с коня, но его конь заташил на поводу́. Пока успел — черт к горы прилетел.

— Счастлив, шо убрался, говорит, счас бы тя здесь расторзал!

Но черт и остался у горы. Не мог заехать на гору.

Иван приехал в город. Сперва до городу не доехал. Спустил коня в полё, а сам пошел где-ле наниматься в пастухи. Пришел к царю-батюшку. У царя было три дочери. Младшая всех была красивей. Младшей дочери Иван понравился, как Иван был красивый. Конечно, она и говорит:

— Папаша, возьми его хоть свиной пасти.

— Ладно, говорит, возьмем.

Что у Ивана спросят или скажут — всё:

— Не знаю, говорит.

Потом Иван жил тут долго у царя.

Царь перевел его опять кур пасти и сад хранить.

Через долго времени он тут ходил сад хранить. Потом в конце концов надумал:

— Что же здесь царю напраказить?

Пошел в поле ночью, поймал своего коня, взял в лево ухо, вылез в право, по чертову приказанью. Сделался молодцом, богатырь богатырем. И сел на коня и поехал к царю в сад.

А эта у царя дочи младшая Марша Прекрасная сидела наверху на балконе и видела, что Иван проказил в этот момент. Иван на кони гуляет по саду, только ямы из-под ног летят. И потом гулял и уехал опять в поле на

коні. Марша Прекрасна все видела егово путешествие. Утром царь стает, пошел в сад гулять. Видит — сад весь протоптан, все приломано, и спрашивает у Незнаюшка:

— Кто это был, сад мой сломал?

А тот всё:

— Не знаю.

Одно и говорит. Ну что, где кого возьмешь? Так царь и не мог дознаться до этого дела.

Потом долго ли, коротко ли Незнаюшко все жил у царя. Потом вдруг сделался клич. Требует у царя морской змей всех людей егова государства на съеданье или три дочери еговых. Царь думал, подумал, нать все государство отдать на съеданье, — а лучше отдам трех дочерей на съеданье.

Конешно, старших две дочери были у ёго замужны. Когда царь дочерь отправил на съеданье — ту и дал — конешно, у ей был муж — и дал хозяину войско и велел свою жену сохранять. А как у Марши Прекрасной мужа не было, царь и говорит:

— У двух дочерей есь мужья, а у тебя мужа нету, кто тебя будет сохранять от змея? Выбирай себе жениха, кого знаешь, кто тебе по уму.

Она и говорит:

— Мне жених будет Незнаюшко.

Над ней давай все смеяться. Сама любимая дочь у царя, а выбрала мужа Незнаюшка. Она ничего. Царь тоже ей не советовал брать, не давал благословенья. Но она на это не поглядела на ихно на всё — все-таки стала себе Ивана доставать. Ну и, конешно, и сделали свадьбу, пирком тут уж. Ну вот там, эту царевну увезли ее, котору на съедание. Когда увезли ее, в это время Иван-Незнаюшко отпировал и, конешно, ушел в полё.

Сел на коня и поехал спасать царевну безо всяких, конешно, сделался опять таким же богатырем и приехал к избушке, где она сидит, эта царевна: зашел в избушку, заставил ей вшей искать в головы. Она и говорит:

— Нельзя здесь, добрый молодец, вшей искать. Выдет змей трехглавый, тебя и меня съест.

Он говорит:

— Ничого, не бойся, не будет. Съест так двух съест, а не съест, так ни одного не съест.

Сел вшей искать. Потом вдруг видит синё море расхотилося, волна ходит с краё на край на море. Вдруг выходит трехглавый змей, видит царевну, а Иван заспал, у ней сидит на коленях. Она его не может никак разбудить. Потом стала плакать, и слеза упала Ивану на лицо Незнаюшку. А уж змей близко тут проходит к избе. Иван соскочил с коленей.

— Фу, гыт, долго спал да скоро встал.

Слышит — змей идет уж на коидор. Иван соскочил, стал за дверью ко стены, саблю вытащил. Змей говорит:

— Ждал одного, а оказалось три (лошадь там стоит на коидоре).

В кой пору змей стал открывать двери, Иван три головы ему все нараз отсек саблей. Туловище расвистал по полю и три головы вынял у него три драгоценных камня. Зашел в избу, тут у царевны взял с руки золото ейно именно кольцо и поехал опять на коні. Когда ехал мимо этого войска, егово хозяина еще раза три плеткой остегнул, хозяина этого. Приехал в поле, коня спустил, опять ушел к царю на свое место, где находится.

Потом вот ей хозяин видел, что какой-то мужик там был, поехал к избушке, взял свою царевну и поехал к царю. И предупредил, что, мол, скажи — я тебя выручил.

— Ладно, та говорит, что уж делать, раз муж так уж куда деваеся?

Приехали к царю, царь веселёхонек, что хозяин выручил дочь, что муж выручил. И опять к той же Марши привернули, говорят:

— Горе, Марша, тебе, хто тебя будет выручать?

На други сутки средню дочь опять нать везти. Поплакали, поплакали — опять дочь надо везти на съеданье. И опять ейный хозяин поехал выручать средней дочери. Царь тоже ему дал войско тому. Тот сел с войском и сидит недалеко от избушки. Подходит ночь опять. А Иван свое дело знает, опять пошел в полё, призвал своёго коня, сел и покáтил опять тое к избушке. Опять заставил вшей искать у другой царевны. Она говорит:

— Добрый молодец, вшей искать нельзя, тебя и меня съест змей шестиглавый.

А он и говорит:

— Ничего не будет, не бойсе!

Иван опять заспал у той, у другой царевны на коленях. Вот в этот момент опять выходит змей шестиглавый, и опять слеза пала Ивану на лицо. Иван опять пробудился.

— Долго спал да скоро встал.

А уже тут змей подходит. Он и говорит царевны:

— Когда я слетюсь со змеем и буду долго с ним биться, ты возьми эту ковригу хлеба, отрежь лóмоть и прибежи ко мне, мне сунь в рот. Та:

— Ладно, говорит.

Иван, конечно, и вышел с ним биться, со змеем. Долго бился. Иван стал слабнуть. Слаб стал, закричал. Но она, конечно, догадалася, прибежала там, смекнула дело, сунула ему в рот лóмоть хлеба. Иван стал крепче. Минут 10 побился. Иван остальные головы отсек. Опять из голов вынул 6 драгоценных камней, завернул в платок и положил в карман. А у этой у царевны было два золотых персня именных на руке; взял у ней персни золотые на руке, распростился и поехал. Та унимала его:

— Поедем к нашему царю-батюшку, он тебя угостит.

Ну Иван, конечно, уехал, ничего не сказал ей на это. Поехал опять ту же мимо заставу, где ейный хозяин сидел. И опять того же хозяина шарнул плёткой и уехал опять. Приехал, коня спустил в поле и опять лежит, спит. А ейный хозяин видел, что какой приезжал богатырь и боролся со змеем. Конечно дело, этот опять хозяин пошел, поехал за своей царевной, взял ю:

— Говори опять, что я выручил, царю-батюшку. Та:

— Ладно, говорит.

Мужа своего не будет оманывать. Приехали к царю, царь опять веселый, шо хозяин другой выручил свою жену. Опять сделал тут веселый пир-бал. А Незнаюшка того и в почете не знают. Смеются над Маршей Прекрасной, что:

— Теперь твоя очередь, кто тебя выручит? Нет никого!

А та плачет, чувствует по себе, что был богатырь и делается он не таким, не сяким человеком, почёму и как.

Ну что теперь? Очередь нать идти Марше Прекрасной туда.

Конечно, ей отвезли. Царь-батюшка все-таки дал ей немножко войска на подмогу освобождать ее. Но что войском сделать? Ничего не поможешь. Отвезли; сидит одна Марша Прекрасная, плачет в избушке. А Незнаюшко

опять же свое дело: коня поймал, сделался богатырем и опять покати́л к той избушке. Приехал к избушке, конечно. Опять вшей стал искать в голове у своей супруге. А она его все-таки не знает, ейный или не ейный хозяин.

— Если будет выходить змей, Иван говорит, то разбуди меня!

— Ну, ладно, говорит.

Иван, конечно, ей сказал еще, ей предупредил:

— Если я буду долго бороться, говорит, то ты отвяжи от кольца моего коня и спусти. Та:

— Ладно, говорит.

Конечно, Иван и уснул. Долго спал, конечно, потом опять не может его разбудить. Потом он проснулся все-таки, слышит, что конь топчет ногами у крыльца. Иван выскочил, а змей уж тут и есь. Они давай со змеем бороться. Долго боролись. Иван 8 голов отрубил у змея, а девятую отрубить не может. И в конце концов змей Ивана сбил на колени. Иван пал на колени, больше не может со змеем бороться. Ну что теперь делать? Он заревел, Иван. Отпустила та коня, Марша Прекрасна, конь прибежал и Ивану на подмогу. Когда змей кинулся на коня, в этот момент Иван у него срубил остальную голову, а туловище рассек на куски и рассеял по чисту полю. И вынял девять драгоценных камней. Зашли в избушку с царевной. У царевны был, конечно, плат шелковый на голове, а у Ивана змей прокусил руку́ и этим платком руку́ завязали. И, конечно, Иван взял у ей именны кольца, сел на коня и поехал. Прямо уехал, конечно, к тому царю во двор, где была им отведена избушка худяца. Прямо никого больше не стал стесняться.

— Я теперь, гыт, убил больше черта, которого боялся.

Привязал коня к крыльцу, сам зашел и лег спать.

В это времё поехал водовоз по воду к реки. Заглянул, не жива ли царевна-то, что-то тако есь тут недоразумение, заглянул в избушку, она сидит там, прекрасна царевна. Он и говорит ей:

— Ну, скажи, царевна, царю, что я тебя выручил, то не убью тебя, а если не скажешь, то сейчас же тебя убью, конечно!

Царевна, чем убитой быть, лучше живой.

— И что я убил змея черпаком.

Та:

— Ладно, говорит.

Ну тот, конечно, радехонек. Взял царевну посадил и поехал. Приехал к царю. Царь радехонек.

— Вот кто, говорит, мою дочь выручил, от кого ни на чал.¹⁵

Давай делать пир-свадьбу, за него взамуж отдавать царевну. Та, было, сперва и не шла. Но, конечно, делать нечего, у царя тако приказанье, что иди и больше ничего. Потом, когда пир стали делать, забегает одна служанка и говорит, что, мол, там у избушки у Маршы Прекрасной стоит конь богатырской и никого близко не подпускает. Какой-то приехал богатырь там к царю-батюшку на двор.

Царь и говорит:

— Ну-ко, я схожу сам посмотрю.

У Маршы серцо ткнуло, конечно. Царь пошел, конь никого близко не подпускает, ни царя, никого. Но вот побежала Марша Прекрасна — конь стоит как вкопанный. Прощла мимо коня и зашла в избу, где жила; увидела, что тот самый, который освобожнял, спит богатырским сном.

¹⁵ Чаял.

Самый тот Незнаюшко. Она его разбудила. Встал богатырь, умылся и пошли к царю-батюшку. Она повела его. Привела к царю.

— Вот, царь-батюшка, мой богосуженой, который выручал меня.

Царь усмехнулся.

— Что, говорит, выручал. А кто тебя привез?

— Это мало радости, кто привез, она говорит.

Потом, конечно, подали чару зеленá вина, подали другую, Иван пьет на один дух. Иван стал веселый, стал рець с има разговаривать и говорит:

— Гой еси, батюшка-царь, говорит. Кто выручил вашу первую старшую дочь?

Тут сидят все за столом зятевьá и дочери. Тут много сидит ихной свиты. Царь говорит:

— Выручал ее ейный хозяин.

Он и спросил, Иван:

— Дайте каки-ле отметки от ваших змейов, если ваши зятевьá выручали!

А те говорят, что у нас нет ничего. Иван вынимает три драгоценных камня, кладет на стол, вынимает перстень именной и говорит:

— Чей это перстень?

Старшая дочь стала и поклонилась.

— Это перстень мой, он меня выручал.

Потом он опять вынимает б драгоценных камней на стол и два золотых перстня именных:

— Чьи эти перстни? Иван спрашивает.

Вторая дочь стала, поклонилась.

— Эти мои перстни. Он меня выручал.

Теперь он вынимает опять, Иван, 9 драгоценных камней. Конечно, вынимает именной золотой перстень своей Марши Прекрасной, развертывает свою руку праву, котора была ранена змеем, отдает платок Марше Прекрасной. Он и говорит:

— Вот моя жена. Вы смеялись над ней.

Царь рассердился. Взял, этих зятевей двух расстрелял, а дочерей посадил в тюрьму за обман, что оманули царя-батюшка. А Ивана посадил наследником себе царствовать.

Больше вся сказка. Конец.

107. ПРИНЕСИ ТО И НЕ ЗНАЮ ЧЕГО

Жил-был царь. У царя был любимый слуга его Василий. Этот Василий охотился очень хорошо, страшно любил ходить на охоту. Всех больше он носил тетёр, дичи. Царь за это его любил, этого Василья. Однажды Василий пошел в лес и никого в лесу не может увидеть. Нет никого. Пришел к одной речке, сел и сидит. Вдруг прилетели три лебедя, повернулись девицами и давай купаться в этой речке. Василий подполз тихонько, взял у одной платье и отполз обратно на то место, где сидел, с платьем. Выкупались девицы, вышли из воды и стали одеваться. Две оделись, у третьей нет платья. Искали, поискали, найти не могли. Те две улетели, а одна осталась, стоит на берегу. Вот и говорит:

— Кто мое платье взял? Если взял старый человек, то будь мой отец, а если взял средний человек, то будь мой брат, а если взял молодой, то будь мой богосуженый, мой жених, значит.

Конешно, Василий вышел, поклонился, платье отдал ей. Она оделасе и пошла. И говорит:

— Веди меня, куда хочешь. Я твоя стала.

Василий, конешно, повел ее к царю-батюшке.

— Вот, царь-батюшка, я привел себе прислугу. Повенчайте меня с ней.

— Ладно, царь говорит, завтра повенчаю вас с царевной.

А царь был холостой тоже. Ему эта девица царевна понравилась, царю. И стал он думать, как бы отвести этого Василья от царевны, чтобы взять царевну за себя замуж. Он говорит:

— Построй ты мне в эту ночь церковь и в этой церкви будете венчаться.

Василий подумал, подумал и пошел ко своей царевны. Пришел, конешно, и сказал, что царь велел нам построить церкву в седнешну ночь, в этой церквы будем венчаться.

Та говорит:

— Ланно, ложись спать, утро мудренее вечера.

Василий легли спать. Она стала ночью, закричала громким голосом:

— Слуги, говорит, вы слуги верные мои! Вы делайте мне церковь, чтобы в этой церкве могла я повенчаться, чтобы были в этой церквы певцы хорошие, пели они хорошо, чтобы была ограда кругом церкви, на этой ограды были столбы и на столбах стояли фонарьки и лампочки, чтобы горели разными огнями.

Конешно, тут живо ночью было все сработано. Утром царь стал, видит — церковь стоит. Василий приходит к царю.

— Ну, царь-батюшка, теперь я могу венчаться.

Царь и говорит.

— Обожди еще немножко.

Конешно, Василий обождал, пошел опять ко своей царевны и говорит, что царь велел обождать. Потом через несколько времени Василья опять отравила жена. Василий опять пошел. Вот царь ему и говорит, что:

— Ты мне прокопай канаву в сегодняшну ночь мимо моего дворця и шли бы пароходы, чтобы свистели и ревели мимо моего окна.

Василий запечалился. Пришел к жене и рассказал все подробно, что царь говорил:

— Не печалься, Василий, все будет сделано. Утро мудро, мудреней вечера.

Ночью опять легли спать. Она опять тем же побутом вышла на улицу и крикнула своих слуг. Слуги опять ей сделали мос в одну ночь, не мос, а канаву прокопали, и заходили пароходы.

Поутру царь встал, слышит — пароходы ходят, идет пароход мимо его дворца. Василий опять пошел к царю, просит чтобы оовенчал его. Царь опять дал ему осрочку, скока там часов. Потом Василий ушел. Царь позвал своих колдунов, и стали думать они, куда же бы отправить Василия, чтобы в этот момент можно было повенчаться самому царю. Думали, думали и придумали отправить Василия туда. Василий приходит к царю.

— Ну что, царь-батюшка? говорит. Повенчайте меня, говорит.

Царь говорит:

— Сходи туда, поди по то, принеси то и не знаю чего.

Василий пришел и сказал своей жене. Та знат — тоже колдунья. Дала ему клубок и вот говорит:

— Куда клубок покажется, туда и ты иди.

Василий, конечно, взял, распростился с своей женой и пошел. Шел долго ли, коротко ли, клубок все катится. Прикатился к избушке. Зашел Василий в избушку — сидит девица:

— Здравствуйте, красавица, говорит Василий.

— Здравствуй, красавец!

Девица стала его спрашивать:

— Куда отправился, добрый молодец, куда путь дёржишь?

Он ей рассказывать давай.

— Я, гыт, жил у царя, пошел на охоту, пришел к рецьке, сел, сижу, прилетели три птицы, свернулись девицы и давай купаться. Я, конечно, подошел, у одной платье взял и отошел обратно.

Та девица не дала ему досказать остальных слов, скочила на ноги, поймалась за шею.

— Ты зять будёшь наш, сестра моя за тобой.

И давай ёго обнимать, цаловать. Но, конечно, она ёго угостила. Тут Василий пожил неделю. Потом отправился. Она опять та же сестра дала ему клубок.

— Вот на́, этот клубок куда покатится, туда иди.

Василий взял клубок, спустил, клубок покатился. Василий туда идет, куда клубок катится. Клубок докатился опять до избушки. Василий опять заходит в избушку. Сидит опять девица в избушки, у старика вшей ищет. Василий поздоровался. Те пригласили его, как надобно, стали спрашивать:

— Куда отправился, добрый молодец?

Василий рассказал все подробно, что и той там рассказывал.

Те соскочили, пригласили, говорят:

— Ты наш зять!

Василий, конечно, тут у их стал угощаться. Живет Василий месяц, два и три месяца живет. Потом Василью стал уж строк выходить. Он пожил тут, расспросил, как, что. Старик дал ему Невидимого.

— И вот, говорит, Василий, если тебе надо — сейчас иди, проси: «Невидимый!» — он тебе скатёрку и все, что надо, даст.

Василий распростился со стариком, с девицей и отправился. Шел, встречается ему идет старичок.

— Здравствуй, говорит, отец!

— Здравствуй, добрый молодец!

А этому Василью старик все рассказал, что если тебе стретится старик, и он будет с тобой менять Невидимого, ты меняй.

Василий сецяс:

— Невидимый! говорит.

— Что? говорит.

— Поставь шатер и скатёрку позакрой.

Невидимый сё ему сделал что полагается, что приказал ему хозяин. Старику пондравился этот шатер егов. У старика была палочка в руках. Эта палочка у ёго была, если куда мах — нет, то делаются города цельни в той стороны, а в другу сторону махнет — солдат стоят полки цельни. Старик говорит:

— Давай менять это, Василий!

— Давай менять!

Вот они стали менять, сменяли. Василий пошел и говорит:

— Правда-ле это все будет?

Взял и кликнул:

— Эй, Невидимый!

— Я здесь, говорит.

— Ага, ты здесь со мной, говорит. Ладно.

Идет теперь старик. Кричит:

— Невидимый!

Не откликается.

— Все пропало мое, говорит. Оманул меня молодой человек.

Василью захотелось покушать в чистом поле. Кликнул Невидимого. Невидимый сейчас ему все представил. Василий позакусил, отдохнул и опять вперед путешествие держит. Подходит Василий к городу. Чичас махнул в одеу сторону — сделался город на поляны чистой, в другу сторону махнул — сделался солдат полки целы идут. Сичас там у царя часовы видят, что како сделалось, хто-то есь такой приехал. Счас царю доложили. Царь велел отправить слуг там: кто такой?

Щас слуги поехали там, расспросили, хто в городу хозяин. Там нашли Василия. Василий спрашивает:

— Хто вас послал?

— Нас послал царь-батюшка.

Он ему в ответ:

— Пускай царь-батюшка сам приезжает сюда.

Слуги поехали к царю, доложили, что вас требует там к себе. Царь поехал сам. Приезжает туда. Щас Василий ёго в комнату заводит туда, посадил его на стул. Царь сел, конешно, побеседовали. Василий выходит на улицу, взял свою палочку, махнул три раза, и ничего не стало. Остался царь и сидит на поляны на лугу один одинёшенек.

Ну что? Теперь Василий взял, у царя-то голову срубил на месьтеположение. Заходит в город, а егова царевна сидит в тюрьмы арестована за то, что нейдет за царя взамуж, когда он уходил. Василий приказал жену выпустить. Овенчался с ней и теперь с ней живет, царствует.

Конец сказке.

108. ЗАКОЛДОВАННАЯ ЦАРЕВНА

Был-служил солдат. Раньше была служба — 25 лет служили солдаты. Один солдат, конешно, пришел на пост, стал на часы и сам с собой рассуждает и говорит:

— Что же, теперь я служу, говорит, теперь мне 25 лет. И служить мне тоже 25 лет. И будёт мне 50 лет, выду я, говорит стариком. Ну что, говорит, я выду, говорит, домой, надо жениться, а за меня никто замуж не пойдет.

И потом что, он подумал, подумал, взял заткнул винтовку штыком в землю, повесил сумку и на сумку написал:

Ты, сума,
Служи сама,
И скажи капитану —
Я служить не стану.

И отправился, куда глаза глядят. Шел, шел долго ли, коротко ли, пришел — стоит дом. Зашел в дом, в доме нет никого. И питья, кушанья разного, чего хочешь. Конешно, Василий напился, наелся, сичас пошел по комнатам, дом большой, видит — на стены написаны огненные слова: «Добрый молодец, говорит, проживи у нас этта, ночуй три ночи, что будет происходить, ты этому всё не верь». Солдатик прочитал эти слова.

— Что будет, то и будет, говорит. Буду ночевать.

Напился пьяный и лег спать. Вдруг являются солдаты — к ему черти пришли — говорят, что:

— Ты, Василий, ушел с поста, поди на́ пост, а то доложим отделенному командиру, тебе попадет за это.

Василий лежит. Потом призвали отделенного командира, и отделенный командир то же самое требует его на пос идти. Василий лежит, не стават. Что будет, то и будет. Они тут скока время билися, и стало утро — заря скрасела. И черти все ушли. Осталса один Василий. Встал, помылса и сел закусывать. Закусыват, и является женщина в огненном виде, только что голова видно.

— Спаси меня еще, добрый мóлодец, две ночи.

Потом Василий, конечно, пообещался. Она и говорит, что:

— Тебе ничего не будет.

Ну, Василий осталса. Опять ночь нашла. Конечно, тут опять Василий лег спать. Вот тут находят отделенный командир, потом звонной командир, его будят:

— Ставай, Василий, тебе ничего от нас не будет!

Ну, он спит, не стават. Потом стали его всяко. Говорят:

— Счас мы позovem ротного командира, он тебя отдует плетью.

Василий лежит, не стават. Потом приходит ротный командир, идет, только шпоры гремят на лестнице.

— Ну, теперь смерть мне будет!

И приходит:

— Что не ставашь, вставай, пора тебе идти на пос!

Василий лежит, ничего не говорит.

— Тебя счас арестуем, отлупим.

Ну, Василий на это внимания не обращат, лежит. Но, говорит, бились, его будили, но не достаали. Опять ночь прóспал. Василий утром стасть не смет, что больше меня здесь убьют. Вдруг заметил опять тут девица в огненном виде, до пояса уж винно женщина.

— Ставай, Василий, ничего тебе не будет. Это только так тебя, говорит. Теперь только будет тебе самая ночь трудная — только ночь проспи.

Но Василий, конечно, опять стал питья, кушанья вдоволь разного, сколько хочешь. Попыл, поел, опять напился пьяный, ходит, в саду гуляет день. Ночь настала, опять Василий лег спать. Спит. Токо лег спать, приходит звонной командир, ротный. Не стает. Сичас там кричат:

— Зовите батальонного командира, несите сашку.¹⁶

Счас у него отрубил руку́ и ногу. Заходит батальонный командир, несет сашку. Чувствует Василий — отрубили ногу у ёго, чувствует руку́ отрубили. Опять стала уж утренняя заря скрасела.

Потом батальонный кричит:

— Рубите голову у него!

И вдруг все стихло, замолкло, никого не стало. Василий не стават, лежит на месте. Чувствует — отрублена рука и нога. Заходит женщина в избу.

— Ставай, Василий. Выручил меня, дак теперь держи меня. Теперь я буду твоей жаной.

Василий стал, умылся, оделся. Всё стало цело, ничо не отрублено. Она и говорит:

— Эглень, Василий, за окошко!

¹⁶ Шашку.

Он взглянул, а там город сделался. В том месте был город заколдован. Царство заколдовано было. Ну, что ездока стало, везде! Стали узнавать, кто такой выкупил город этот. Но се-таки добрались до Василия, что он город выручил, поставили его царем в этом городе. Конечно, он с ей стал. Она ему и говорит, эта царевна, Василью:

— Раз вы меня выручили, то вы меня месяц не трогайте. И мое платье черно не жгите.

Эта девица днем ходит в черном платье худом, а ночью наряжается в царском платье. И вот она не велела ему надевать целый месяц, чтобы это платье черно износить целый месяц и чтобы перейти в царско платье. И потом она ему дала еще кошелек самотрянец. Только когда тряхни, всегда деньги будут. Василий пьет, ходит по городу с мужиками. Ходил, ходил и придумалось ему:

— Шо же я живу с ней, она ходит в черном платье!

Утром встал, в печку ейно платье черно бросил, сожег платье. Она встала, стала искать платье, не могла найти.

— Василий, говорит, ты платье не брал мое черно?

Он говорит:

— Брал.

— Куда девал ёго?

— Сожог.

— Если ты платье сожог, то тебе, говорит, меня не видать.

Занесла ковер. Еще ему на остаток платок носовой.

— Если, говорит, спомнишь меня и будешь скучать, то этим платком оботришь и ничего не будет. И если ты будешь меня искать, то скуй трое медны сапоги и три медных шапки, тогда ты можешь тока меня найти.

Распростилась с Васильем и полетела. Василий остался один одиनेшенек. Потом Василий, конечно, делать нечего, стал сапоги медны ковагь. Сковал медны сапоги, три медных шапки и отправился.

Долго ли, коротко ли он шел — все издержал, трои сапоги и три медных шапки птицы расклевали. Ну потом в конце концов добрался до того места, где егова живет царевна, жена. Зашел он по за городу к одной бабушке. Бабушка его пустила, конечно, напоила, накормила, стала спрашивать:

— Куда прависся, добрый мóлодец?

Он, конечно, рассказал ей всё подробно, солдатик.

— Ага, говорит, она ко мне ходит, учится колдство, твоя жена, старуха ему сказала. И ладно, говорит, Василий, это хорошо. Теперь, говорит, ты утре ставай, наряжайся и иди в церковь, тебя будут звать в гости, но ты не ходи. Она тебя узнат.

Он нарядился в русском платье, а там в других платьях ходят. И им интересуются. Например, вы приехали — стариной интересуетесь, так же и там. Солдатик не пошел там к им, пошел обратно. Пришел, бабушке дал сто рублей денег. Бабушка опять веселой стала. Бабушка и говорит ему:

— Сходи ты, Василий, в кузницу, скуй три железных шонпура,¹⁷ и вот ты, когда придешь, значит, она придет ко мне, царевна, учиться колдство в подвале, тебя поставлю за двери и ты стой. Если я ей спрошу: что, если бы был здесь твой хозяин, ты бы что с ним сделала, — она скажет, шо разорвала, ты в этот момент выходи из-за дверей и дуй ей как мошь этима шомпура́ми. Покамес три не выдуёшь, всё дуй — она тебе покорится сама впоследствии.

¹⁷ Шомпола.

Вдруг карета подкатилась. Счас старуха засунула в чулан Василия. Забегает царевна.

— Что, бабушка, готово? говорит.

Та отвечает:

— Готово!

— Ну, можно, говорит, учить слова!

— Ладно, говорит.

Когда старуха ей слова учила, спросила:

— А если бы был здесь твой, от которого ты уехала, что бы ты с им делала?

— Я б, говорит, его на месте здесь разорвала.

Не друго слово, Василий, выскакивает, берет за косу и давай лупить шонпурами. И она свертывалась и медведем, и змеем, и чем только не могла, она всем свертывалась. Василий всё ей дул. Потом она ему впоследствии покорилась, Василию, что:

— Я буду твоей женой навеки.

Ну, Василий ее отпустил. Тогда она отправилась в тот город, где он сперва ей выручал. Василий, конечно, там с ней обвенчался в этом городе, стал жить царем. Теперь живет — царствует.

Конец сказке.

109. ПАЛФИЛ — МЕДВЕЖИЙ СЫН

Жил-был в одной деревне поп. Этот поп пошел в лес за ягодами и заблудился, не мог своего дома найти. Потом он ходил, ходил по лесу, ничего не мог найти и пался на медведицу. Медведица берлог копает себе на зиму. Она его пригласила и тяпкает, чтобы он мох носил в берлог на зиму. Ну, конечно, он догадался, давай мох драть и носить в берлог. Носили моху они, конечно, и заперлись в берлог. Потом в берлоге жил поп, и жил с ней, зиму пролежали. Конечно, путешествие у их происходило. Он у ей брюхо будто нажил, у медведицы. И та родила сына, медведица. Конечно, он как поп сам, искупал и дал имя ему — Палфил Попович. Потом они, конечно, зиму пролежали, весной вышли и ходили, по лесу стали ходить бродить.

Палфил Попович спрашивает отца:

— Папа, где твой дом? говорит.

Они все, конечно, оборвались, платья у их нету уже, кое-чем прикрылись и так и шли до дому. Потом он и говорит, что:

— Дом не знаю я, я ходил в лес за ягодами и заблудился.

Этот поп говорит:

— Теперь не знаю куда выйти.

Палфил Попович и говорит:

— Пойдем, папаша, искать дом, де ле, мой-ет, найдем.

Вот они и пошли. Как раз привелось в праздник до обеда, услышали церковный звон и на звон пошли. Вышли как раз в ту деревню, где поп жил. Конечно, поп чичас пошел во свой дом, где жил раньше. Уже там попу уж сделали поминки, что поп заблудился и без вести пропал. Теперь домой попадья его уж не стала пускать. Попадья не признает, что поп. Он ей умолял всяко, но впоследствии двери, ворота сломил и взошел в избу сам. С Палфилом Поповичем обое зашли с сыном. Потом завели разговор все. Попадья тогда его узнала. Узнала, конечно, и вот обрадовался, что явился поп. Тепере, конечно, поп живет заживо. Одели чисто

платье и стали жить. Ну, конечно, у них Палфил Попович как был человек огромнейший, он хлебов много ел. Они думают с матушкой, поп:

— Куда же нам девать такого человека? У нас хлебов мало предвидится нам.

Все это они обсудили, а как раз в деревне в этот год медведь скота ел, даже людей ели медведи. И они придумали отправить Палфила Поповича, отправить коров караулить в лес. Палфил Попович утром взял и пошел в лес коров караулить. Коров днем ничего, прокараулил хорошо. Домой погнался, видит — бежит медведь, корову хочет заис. Он схватил медведя за хвост, забросил за плечо и понес домой. Принес медведя домой, коров во двор запустил и медведя во двор запустил с коровами. Служанки бегают по коридору, чувят, что такое водворили, лячкается там, побежали, а уж медведь корову доедал. Они пуще еще на его разгневались. Поп говорит:

— Вот что, Палфил Попович, я, говорит, служу у царя-батюшка 25 лет и от него никакой дани не получал. Поезжай, проси у него дань за 25 лет.

Палфил Попович запрет медведя и поехал на медведи. Вот он ехал. Приехал в одно место, стоит гора с горой, и межю этими горами стоит мужик, и эти горы в одно место сводит, никак не может свести. Этот мужик заколдован, чтобы эти горы ему свести в одно место, тогда он будет на свободе. Палфил Попович взялись обюи и эти горы в одно место свели. И назвались братьями и поехали дальше.

Долго ли, коротко ли ехали. Приехали — стоит дуб. У этого дуба стоит мужик. Тоже таким же побутом заколдован. Покамес он дуб не выворотит, ему не будет воли. И другим прохожим дороги нет. Приходится Палфила Поповичу опять с им работать, всем троим. Они дуб выворотили и проехали все троима. Вот они приехали к царю-батюшку на медведи. Все испугались, что такое случилось, откуда таки люди взялись? Конечно, Палфил Попович сейчас затыкает копье в землю и привязывает медведя. И заходит к царю и говорит:

— Царь-батюшко, я приехал к вам за данью, что мой отец служил 25 лет и от вас дани не получал никакой.

Тот рад скорей, ему царь золотом наградить. Дал ему пять мешков золота и отправил скорей от себя. Тот поехал, опять все вместе троима, золото опять везут.

Долго ли, коротко ли они ехали и приехали опять к тому же попу. Поп увидал, отправил одного, а приехал троима. Опять пуще старого поп стал ругаться. Тогда Палфил Попович, видя, что тут дело плохое у попа, дал ему мешок золота, а с остальным золотом поехали троима оны. Выехали по за горюду, стоит избушка. Они в этой избушки остановились, стоят жить. Конечно, их заставили ходить в город покупать себе продукты по-сменно по двою. Один остается варить. А у этой избушки ходило очень много быков, им тут жить очень хорошо стало. Они возмут быка, убьют и на раз его сварят. Потом ушли, выпал жеребей остаться Горнику варить, который горы сводил. И тот остался варить, а те пошли закупать продукты и все. Тот, конечно, сварил и сидит, значит. Вдруг полювица одна открывается — выходит старичок и говорит:

— Зачем вы моих быков ловите и варите?

А тот говорит:

— А тебе что, жалко быков?

Старик говорит:

— Неси на стол, я съем, мои потому что быки.

Они слово о́ слово и схватилися, старик да мужик. Но, конечно, старик его бросил о́ пол. Тот пал без ума.

А в это време старик весь суп съел и все мясо и опять ушел под пол. Тот прочухарился и давай опять печь топить, да быка ловить, да варить. Те пришли:

— Что, говорят, долго так обед готовишь?

А он говорит:

— Голова что-то сегодня болит, не знаю почему.

Ну ланно, тут дело все у них прошло. Сварили, поели. День про́жили, переночевали. Утром опять остается варить Дубни́к, который дуб выворачивал. И тот также тем же побутом; что у первого происходило, то и у него. Те пришли в города, говорят:

— Что ты спал?

— У меня тоже голова болит.

И не сказывают Палфилу Поповичу.

На третий день остается Палфил Попович. И вот он сварил товарищам все, сидит на лавке, песни попевает. Вдруг выходит старик опять с под полу.

— Я, гыт, вам говорил, что вы моих быков не ловите́, не варите́, вы опять проказите, третьего быка ловите́.

А Палфил Попович отвечает:

— Мы ловим не твоих быков, у быков нет хозяев.

Он говорит:

— Быки — мои, я хозяин им, старик говорит.

Они долго спорили, схватилися опять со стариком. Но Палфил Попович старика бросил. Старик пал без ума. Пришли товарищи. Он и говорит:

— Что же вы оманываете меня? Сперва не сказывате то, что вам не хотелось сказать мне, меня хотели подвести.

Но тут дело все так прошло у их. Палфил Попович и думает себе в голове:

— Что-то там есь, откуда люди выходят из-под полу. Неужели там еще есь другая земля? Давайте, говорит, у нас быки есь наловлены, кожи накройм ремней и спустим туда одного человека под землю.

Конечно, они ремней накроили и давай спускать Палфила Поповича.

— Я, говорит, сам спущусь, узнаю, какая там жизнь есь.

Он и говорит:

— Если я приду, тряхну ремнями, тогда и вы меня тяните наверх.

Спустили его, он и пошел там, по той там земле. Шел долго ли, коротко ли, идет, видит — стоит медный домик. Заходит он, Палфил Попович, в медный домик, сидит красавица. И эта красавица была ута́щена тем стариком, которого старика убил Палфил Попович. Она и говорит:

— Добрый мо́лодец, ты сюда пришел. Прилетит старик, убьет тебя и меня.

А он и спрашивают:

— Какой у тебя старик?

Она рассказала все ему. Он говорит:

— Твой старик покоен.

Она скочила на́ ноги:

— Как так покоен? Если ты убил, то я от тебя никуда не уйду, я того и рада, как бы уйти на тот свет.

Она и говорит:

— Туда еще есь у меня сестра дальше. Пройди к той сестре, потом пойдем все трое вместе.

Он говорит:

— Ты здесь останься поживи, а я схожу вперед, узнаю, что там ведется.

Он и пошел, оставил ей в том месте, где она и жила. Конечно, он там сходил, идет, стоит там серебряный домик. Заходит в этот домик, в домике тоже сидит красавица. Та говорит:

— Ты куда пришел, Палфил Попович? Старик прилетит, тебя и меня съест.

Тот у ней расспросил всё подробно, какой старик и всё.

Та рассказала ему.

— Старик твой покоен, говорит, я его убил.

Та पुще еще обрадовалась.

— Тогда ты меня не бросай, а освободи.

Он думал, подумал, говорит:

— Что же, говорит, приведу и две барышни.

— А нас трое. Нам будет жить неловко.

— Еще пойду дальше искать, не могу ли найти.

И пошел дальше и оставил ей.

— Ты поживи, а я вернусь обратно, тогда пойдем.

Конечно, он пошел дальше. Шел, опять видит — стоит золотой домик. Заходит в домик, сидит красавица, тоже девица. Ну тоже все ей рассказал подробно, как чего было. Тогда они пошли с этой девицей обратно. Пошли, Палфил Попович обратно овертывается. Она и спросила:

— Что вы овертываетесь обратно, Палфил Попович?

А он и говорит:

— Мне жалко домика золотого.

— Если вам жалко, то...

Она взяла кольцо, бросила на сарай, и домик овернулся в кольцо. Палфил Попович взял кольцо, положил в карман. Завёрнул в платок и пошли дальше. Приходят к серебряному домику, к той девицы опять. Ту девицу взял, и пошли уже троя. Палфил Попович опять овертывается назад. Та спрашивает:

— Что овертываетесь, Палфил Попович, обратно?

— А мне жаль домика серебряного.

Та сняла с руки кольцо, бросила на крышу, и домик овернулся в кольцо. Пошли дальше. Приходят к той барышни, к медному домику. Берут ту третью барышню и уже пошли четверьма. Подходят к ремням. Палфил Попович ремнями тряхнул, те как были готовы. Он посадил перву барышню из медного домика. Те там вытащили ее наверх и давай между собою бороться. И тому и другому нужна красавица. Она и говорит:

— Не боритесь, там еще краше меня есь!

Они спустили ремни. Палфил Попович опять им посадил с серебряного домика барышню. Они, конечно, и ту вытащили.

— Ну теперь, говорят, нам есь по барышне, нам больше не нужно.

Но те умоляли их, барышни. Они опять спустили ремни. И опять вытащили барышню. Потом они узнали, что больше там Палфил Попович, не хотели там спускать ремни. Но опять спустили сетки. Палфил Попович сел сам на ремни. Они подтянули, и чувствуют, что грузно шибко. Взяли ремни срезали. Палфил Попович пал на землю там, до пояса в землю просел. Ну кое-как вытянулся и пошел дальше, куда глаза глядят. Вернулся обратно. Входит в медный домик. В этом домике он пожил.

— Теперь, говорит, пойду к кому-ле наниматься в работники на зиму себе хлеба отбивать.

И пошел. Шел и пришел в одну деревню. Зашел к старику к слепому.

— Дядюшка, говорит, нет ли у тебя какой работы? говорит.

— Кака у меня, говорит, работа, у меня никакой работы нету. Есь работа — быков пасти можно будет пожалуй. А только, говорит, можешь ли, нет ли пости, тут у нас плохо дело идет в пасенни, в быках.

А он говорит:

— Как ли я, дядюшка, буду берегчи, не беспокойся об этом.

— Ну ладно, если, говорит, можешь, так вали, говорит.

А тот говорит:

— А скока возьмешь? старик спрашивает.

— Я с тебя ничего не возьму, только хлебом меня прокорми.

— Да. Ну, конечно. Ладно. Только в том дело, Палфил Попович, у нас есь две поляны. Одна поляна моя, а другая поляна бабы Ягой. Чтобы на эту поляну, на бабы Ягой, чтобы быки мои не ходили. А то, если скормишь — беда нам с тобой, убьет нас с тобою она.

— Ладно, старичок, я не маленький, где караулить понимаю, только мне отведи тую поляну.

Старик слепой повел его, Поповича и погнал быков и отводит поляну Палфилу Поповичу. Отвел всё ему чесь чесью. Палфил Попович стал быков хранить. Пасет день, два и три, обжился хорошо, взял на четвертый день погнал быков и загнал бабы Ягой нарощно на поляну. Баба Яга прискакала на ступы.

— Зачем, говорит, кормишь мою поляну?

— А я, говорит, не знал, что твоя или моя поляна, мне все равно, говорит.

— Должен спросить у хозяина, баба Яга ему говорит.

А он ответ:

— А мне все хозяйева, что ты, что старик — одинаковы.

— Ну ладно, говорит, я тебя предупреждаю, чтоб вперед этого больше не было.

— Ладно, боле не буду я, говорит, отвечает он ей.

Быков угнал, быки наелись, идут и ревут домой. Старик выходит, говорит:

— Что-то у тебя сегодня быки больно наелись и ревут. Не у бабы ли Ягой были на поляне?

— Нет, дедушка, на своей, говорит. Своя хороша.

Ну ладно. На другой день опять отправился. Опять гонит безо всякого на бабу Ягу на поляну. Та прилетела на ступы.

— Если был бы Палфил Попович, я бы с ним поборолась, что он сказывают борец, богатырь.

А он ей ответ:

— Я самый и есь, говорит.

— А если ты самый, говорит, так вот давай-ко-ся поборемся с тобой.

Тот не струсил. Они слетелися. Ударились они о заклад до трех раз бить тока. Ну, конечно, сперва ударил он ей, ударил по шее своей саблей. Она и говорит:

— Эх, как русские комарики покусывают!

Потом она его ударила. Он до колена в землю просел. Потом он ей опять ударил в голову.

— Эх, как, говорит, русские оводы покусывают!

Потом она его ударила. Он до пояса в землю просел. Третий раз замахнулась было, но он говорит:

— У нас условие было до трех раз бить.

Он думал, подумал, куда же ударить, не знаю, везде бил все нет никакой цели. Отказаться — нельзя, сделано условие до трех раз.

А все равно. Взял да по ступы и ударил ей. И она овернулась женщиной. Он схватил ее и запихал в мешок и давай топтать в мешку своим. С радости-то давай собирать всех быков и домой гнать к старику. Пригоняет к старику, быки пуше прежнего ревут, что все равно гонят на бабы Ягой на поскóтину.¹⁸ А у этого старика была дочи. Она тоже летала, людей ловила, ела, птицей свертывалася.

Ну, потом приходит Палфил Попович к старику.

— Но, отец, больше не печалься, баба Яга убита.

— Что ты, что ты, где тебе бабу Ягу убить? говорит.

А старик слепой сам еще.

— А если не веришь, говорит, вот на́, пощупай!

Он пощупал — баба Яга.

— Вот тебе спасибо, говорит. Я сто лет живу и никак не могу ее избыть.

— Ну ладно. Избыл хорошо, мне теперь хорошо будет жить и тебе также.

Палфил Попович утром стал и опять погнал быков. Быков пригнал на поляну и думает:

— Что же мне делать теперь?

Взял быка за хвост, вздернул его кожу всю с него, мясо спрятал, кожу выворотил в другую сторону, сел, заполз сам в кожу, сидит. Вдруг прилетели вороны к пади́ны. Подбегает вороненок в первую очередь глаз выключуть. Палфил Попович на это был мастер. Он его успел схватить, вороненка.

Воронята стали кричать, что, мол:

— Отпусти нашего дитяшá!

Он им отвечает:

— Принесите мне живой и мертвой воды!

Один вороненок полетел. Долго ли, коротко ли летал, а сказка все скаывается, дело все длится, вперед идет. Прилетел с водой, принес живой и мертвой воды. Палфил Попович взял вороненка малого, разорвал пополам, прыснул мертвой водой, вороненок стал целой, прыснул живой, вороненок полетел.

— Ну, теперь пойду.

Взял быков всех собрал и опять к старику покати́л. Приходит к старику.

— Ну, говорит, давай, отец, будем твои глаза лечить, довольно тебе слепому 40 лет ходить.

— А где, говорит, тебе мои глаза вылечить? Много было лекарства, не могли вылечить, тебе уж не вылечить!

— Испытаем счастье, говорит Палфил Попович.

Взял прыснул мертвой водой — сделались глаза. Прыснул живой — стал старик глядеть. Старик обрадовался.

— Чем я тебя могу в настоящее время наградить?

А он говорит:

— Та мне награда — вынеси меня на ту́ землю под верх, и мне больше ничего не надо.

— А мне, говорит, мне самому не вынести, но может вынесет дочь моя, которая летает везде.

¹⁸ Поляну.

Потом дочь прилетела. Стали у дочери спрашивать.

Дочь и говорит:

— За это могу вынести, раз ты отцу столько сделал добро. Только приготовь 40 бочек мяса, 40 бочек воды и скуй железно копьё. Когда на мне полетишь, я рот разину, ты мне в это время кидай в рот мне мясо и воды лей.

Вот они приготовили и полетели. Долго ли, коротко ли они летели, дело все идет, вперед двигается. Долго они летели, стало уж близко видно. У них вышло все мясо и вода. Она заговорила человеческим голосом:

— Палфил Попович, ешь, нет — мяса подавай, а то упадем обои на землю обратно, у меня больше мочи не стало кверху лететь.

Палфил Попович, не г'ря другого слова, сичас взял у себя у ноги икры вырезал и ей отдал. Она проглотила и долетела.

Когда вышли оне на землю, Палфил Попович с ней распрощался и пошел, захромал. Она и говорит:

— Что хромаешь, Палфил Попович?

А он говорит:

— А вот последний раз отдал тебе кусок мяса, с своей икры вырезал.

Она и говорит:

— Ах, какие сладкие. Если бы знала, что такой сладкой ты, тебя бы давно съела. Но ввиду того, что ты моего отца выручил з беды и дал ему зрение. . .

Вот она тогда, она взяла эти икры, обратно выплюнула их. Взял — живой и мертвой водой плеснул, и стали ноги здоровы. И пошел к этой избушке, где его товарищи, живы или мертвы все они. Он ходил 10 лет. Пришел, конечно. Товарищи его живы все, живут еще в избушке все, и барышни тут. Егова барышня все время ожидала и никого к себе не приглашала, котора была в золотом домике.

Он, конечно, за наказание своих товарищей одному руку отсек, а другому ногу. И жанился на этой девицы. И поехал опять в город там жить. Поставил он себе два домика, серебряный и золотой домик, и в этих домиках он сичас живет.

Конец сказки больше.

Евдоким Михайлович Гольчиков, 44 г.

110. ЦАРСКАЯ СОБАКА

В одной деревне жил мужик молодой, женат, одна жена была у ёго только. Он замечал, что она у ёго стала баловать. Он поехал за дровами в лес, а дрова далеко. Он подъехал немного и вернулся обратно испытать свою жену. Подъезжает к дому, а жена сидит уже с гостем, самовар на столе, бутылка водки на столе, и выпивают. Он не утерпел, забежал в йзбу с кнутом, а жена в это время схватила кочергу и ударила его по голове и приговор сделала:

— Ты, говорит, был молодцом, а сечас быть псом!

Вдруг молодец свернулся псом и побежал на улицу вон от жане. Выбежал на дорогу, пустился в лес, в лесу и думает:

— Что же сечас я куды деваться буду, ведь я погиб! Я ведь захочу ись, захочу пить, кто меня накормит, напоит? Давай-ко-ся я, пока время, еще весна далеконько, пойду в город, там, говорит, может быть как-нибудь до весны прокормлюсь.

Вот и бегат, посбирывают кусочки хлеба. Так весну дождался этот Сёрко. Весной пастухи стали выгонять скота на луга пасти. А Сёрко себе и думает:

— А дайкось я пойду к какому-нибудь пристроюсь пастуху. Я ему буду помогать скота пасти обгонять. Он меня будет кормить.

Да вдруг бежит Сёрко по дороге, а стадо скота пасется. Сёрко посмотрел во все стороны, видит — старичок скота пасет. Так, недолго думавши, Сёрко подбежал ко старичку и давай ласкаться к нему. Старичок посмотрел на собаку и видит, что собака понятна. Приглубил этого Сёрка, дал хлеба кусок. Вот Сёрко и лёжит у старичка. Вдруг скот пошли на поля, на пшеницу. Старик сам себе бормочет:

— Эх, говорит, скот пошли на пшеницу.

Сёрко вдруг свернулся и побежал, скота всего выгонял, куда следует, на показано место. Подошел к своему старичку и опять лег, лежит. Старик тогда понял, что:

— Мне будет помошник, хорошо.

Тогда стал Сёрко ласкать еще пуще.

— Ай да Сёрко, ай да и молодец!

Так старик все лето и всю осень пропас скота с этим Сёрком, и сам ничуть не шевелился с места никуда, всё Сёрко работал, собирал скота, домой гонил и хранил от потрав. Так старик строк выжил, получил расчет и поехал домой с Сёрком. Приезжает ко своей старухе и говорит:

— Ну, старуха, говорит, я себе замену нашел хорошо. Сей год мне было хорошо пасти скота, я ничуть не работал, всё Сёрко делал. Корми хорошенько да из посуды из чистой его корми, он из грязной не ест.

Так Сёрко и поживает у старика.

А в одном городе, одному купцу снится сон: такого-то числа вот потеряется, будет ограблено имущество, и неизвесно кем. А спасти это имущество никто не может, только может спасти — есь собака у одного старика в такой-то деревне. Только она может спасти это имущество. Больше никому не спасти.

Утром купец стает и рассказывает своей жене. Жена и говорит:

— Поезжай и доставай этого пса. Хошь сколько будут просить, но надо достать его.

Купец, недолго думавши, поехал за этим псом. Приезжает в такую-то деревню и спрашивает такого-то старика. Старика рассказали ему. Он подъехал к этому старику, заходит в помещение. А Сёрко дело смекнул, видит — человек идет богатый.

— Как бы, говорит, мне к нему пробраться, лучше будет проживать еще наверно.

Вдруг купец спрашивает собаку.

— Дедушка, есь ли у вас собачка продажна?

— Нет, говорит, у меня собачки продажной нет. У меня собачка себе очень нужна, потому что я сам работать не могу, нанимаюсь в пастухи, да и в пастухах-то мне уж стало трудно. Мне она все помогает, мне она пасет скота.

Купец говорит:

— Да продай, дедушка, тебе и пасти скота не надо будет. Я тебе денег дам, что хочешь проси.

Тогда старик говорит:

— А сколько вы мне положите за Сёрко?

А купец говорит:

— Если до смерти тебе на хлебы, так 1000 рублей тебе хватит, говорит.

Старуха испугалась — денег дают много.

— Старик, говорит, нам грезится.

— Глупа старуха, говорит, во снях. Нет ли у людей денег? Что ты?

Так купец вынимает деньги, отдает старику полторы тысячи рублей. Старик получил деньги и сказал Сёрку:

— Ну, Сёрко, теперь не я буду хозяин тебе, а вот этот господин.

Сёрко сейчас из-под лавки выскочил и с купцом сел рядом на лавку. Старик говорит:

— Ну, говорит, добрый человек, корми пищей хорошей Сёрко, и из чистой посуды корми, а то он кушать не будет.

Так вот купец и увез Сёрко домой. Вдруг подходит та ночь, в которую ночь снился сон, что в 12 часов имущество будет ограблено. Купец сейчас свою казну выносит в комнату, прикаивает к полам тягами, чтобы не могли унести. Сёрко садится к этому ящику к денежному. Не то что деньги, тут все драгоценности у их в сундук свалены уже. И кругом двора взял нанял полк солдат. Поставил охрану, чтобы никто не мог даже пройти. Кругом остановил охраной.

Вдруг наступило двенадцатый час, и идет человек высокого роста, в толупе. Все слышат разговор и расхоханул:

— Ха-ха-ха, говорит, сколько войска, сколько силы поставлено! Сейчас, говорит, какого толкнешь, тот и повалится.

Вдруг все заснули. Идет человек, отталкивает каждого солдата. Солдат будто и окаменел, ничего не чувствует. Идет в те комнаты, где сложены драгоценности и деньги.

— Вот, говорит, сколько стражи выставлено, а я прошел, и мне никто не мешал и никто не ограничивал. Сейчас возьму все имущество, заберу и увезу.

Открывает сундук, все тяги слетели с сундука. В это время вдруг из-за сундука выскочил Сёрко и залетел человеку этому на шею, на загривок и давай его ись, ревет не по-хорошему. Тот вертелся, вертелся, никак не может собаку сбить. Собака его ес. Он чечас толуп стряхнул с себя и тягал вон. Имущество не мог ничего попользоваться. Только один свой толуп оставил.

Сёрко взял толуп, притащил к сундуку, завернулся и лежит. В первом часу ночи вдруг все отоснулись, проснулись ото сна. Купец встает и бежит прямо к дорогому имуществу. Всё раскрыто, все двери полы. Испугался. Наверно, все унесено, все ограблено. Бежит к сундуку, — а Сёрко лежит, завернулся толупом. Пришло тут комиссия для осмотра драгоценностей. Сёрко взял толуп, надел на себя и идет колидором и размахивает лапами, толуп раширяет, говорить не может, так будто сказывает: как шел человек, подошел к сундуку и отомкнул лапой крышку. В это время тогда он этот толуп с себя сбросил и давай его трепать. Трепал, трепал толуп, бросил на пол, а лапой махнул вон, что человек ушел. Тогда купец этого Сёрко стал кормить лучше своего дитя.

Недолго время прошло. Снится сон государю. У государя родит жена сына, и этого сына как родит, у ёго похитят воры. Никому того сына не спасти, окромя собаки, есь Сёрко у одного купца. Только тот можот спасти, больше никто не спасет.

Государь проснулся утром, собрал, значит, акушерок (еще и незаметно было, что беременна) узнать, беременна ли ёго супруга и когда родит. Акушерки собрались, узнали, что десътвительно беременна и родит в тако-то время. Король отправил гонцов своих к этому купцу взять

Сёрко покупить, а если не отдас добром, то взять силой. Приезжают послы и говорят купцу:

— Имеется ли у вас собака? Называют Сёрком.

Купец отвечает:

— Есь собака, Сёрком зовем. Но продать, говорит, мне жаль, очень жалею, потому что он мое имущество все спас.

Гонцы ему на ответ:

— От короля дан такой приказ — добром не отдадите, так силой возьмем!

Купец подумал:

— Что делать? Делать нечего. Приходится Сёрко отдать.

Отдал Сёрко, они уплатили ему 3000 рублей. Купец и говорит:

— Кормите Сёрко тем, что и сами кушаете. А кормить в посуды в той же, в которой и сами.

Тогда сказал купец своему Сёрку:

— Ну, Сёрко, говорит, сейчас ты не мой будешь, а вот хозяйева тебе. Повезут тебя, говорит, опять в другое место. Сёрко выскочил, сел между гонцов, посадили его в повозку и повезли. Привозят к королю. Король принял Сёрка по-хорошему. А время уже подходит родить. Король таким же образом опять собрал войско, поставил охрану усилённую, караулы везде, а Сёрка завели к королевной во спальню. Сёрко сейчас заснул под койку и лежит преспокойно.

Вдруг королевна родила, запищал младенец. В это время, все равно как никто и не жил, все заснули. И королевна заснула. Идет человек прямо во спальню королевной и разговаривает сам себе:

— Вот, говорит, сколько было стражи, всю прошел и до новорожденного добрался.

Берет младенца, взял на руки, свернул тулупом обоими полами и поворот нести младенца вон из спальни. В это время Сёрко выскочил из-под койки и налетел на вора и давай ему ись загромоздил. Вор задумал отбиваться. Сколько он ни бился, не отбиться ему, не пришлось. Кинул младенца и сбросил с себя толуп. И тигался без толупа вон. Сёрко взял ребенка, притащил, на толуп положил, завёрнул и сам лег к ребенку. Вдруг проснулись все, везде и всюду всё по-ло, открыто. Королевна проснулась — ребенка нет, испугалась, заревела, значит, ребенка потеряла. Король бежит во спальню, видит — Сёрко лежит над толупом. Товда Сёрко раскрывает толуп, развернул, ребенок в толупе; король увидел ребенка, взял, понес к королевной. А Сёрко надел толуп и идет к королевной во спальню, размахивает толуп, подходит к койке и будто бы забирает ребенка и охватил полами и поворот обратно. И в это же время схватил и давай трясти толуп зубами. Потом бросил толуп и махнул младенца и тут же показывает, как было.

Товда король ему дал чин князя, назвал его князем, дал ему хороших слуг верных, чтобы кормили его и ухаживали и убирали, как следует.

Жил Сёрко у короля порядочно время. Но ему еще придумалось опять побывать у своей прежней жене. Как она поживает без его. Вдруг скрылся от короля и пошел в свою деревню. Бежит так вечерком, а жена его опять сидит с дружкой, выпивает. Сёрко забежал в избу, а жена его и узнала. Вдруг схватила эту же кочергу и корчула этого Сёрка и приговорила:

— Ты, говорит, был псом, а чечас быть воробьем.

Вдруг этот воробышок эвернулся да щолк в околицу, в раму а его жена и говорит:

— Вот нам надолго будет гулять, проживать.

А с его слетели апалеты и всё, он был князём. Так. Полетел воробей в рошу. Залетел и чирикат, сидит на сучкú. Сам себе думат:

— Куда теперь я деваюсь, погиб! Зима придет, замерзну с холоду.

Вдруг вылетел в полё, а на дубах сидят три ворона. Один ворон в перьи, а два ворона голы, без перьев. Один и кричит ворон:

— Эй, воробей, говорит, ты с меня перья снял, говорит, лети сюда.

Прилетает воробей, вороны с дубов свернулись на пол—сделались молодцами. Один ворон взял воробья за крыло, перевернул, бросил на пол, и воробей стал молодцом.

— Ну вот, говорит, молодец. Ты, говорит, с нас снял толупы, мы тебя сделали из воробья молодцом. За это мы будем наказывать, потому шчо снял толупы с нас.

А которой в перьи ворон, тот и говорит:

— А большо ли вы будете наказанье? говорит. Дать ему по щолчку, так и достаточно вашего наказанья.

Вдруг подходит один молодец и щолкнул щолчком молодца. Молодец свернулся, лежит замертво. Тот молодец, которой был в толупе, тот его поднял. Второй начинает щолкать. Щолкнул второй—он опять без ума лежит. Которой в толупе, опять ёго поднял, привел в чувство и дал ему уздечку.

— Вот, говорит, молодец, поди ко своей жене и успеи ударить впереди этой уздечкой по жене и приговори, что:

— Ты была молодежи, а теперь быть кобылицей. А ейново друга ударь тоже уздечкой и говори, что:

— Ты был молодцом, а теперь быть жеребцом.

Взял молодец уздечку и тягаля опять ко своей жене. Приходит, они опять гуляют с дружком. Он, недолго думавши, заскочил к им в комнату и ударил жену уздечкой и сказал:

— Ты была молодежи, а сечас быть кобылицей.

Да вдруг молодца заходила кобылицей. Он и молодца, ейного дружка:

— Ты, говорит, был молодцом, а сечас быть жеребцом.

Заходила пара в комнаты, кобылица и жеребец. Товда надел молодец уздечку и повел кобылицу с собой и заевляется к королю, не псом, уже молодцом. Король его не признает.

— А вот, говорит, если не признаете, так это моя жена. Мне придумалось к ей сходить посмотреть, как она живет (а он на ей приехал). Она меня сделала воробьем. А из воробья сделали меня молодцом те люди, которы похищали у вас младенца новорожденного и дали мне уздечку сделать свою жену из молодежи кобылицей. А из ейного друга сделал жеребца. Если желательно вам убедиться в точности, я могу сделать из кобылицы молодцу.

Король попросил такой фокус сработать. Товда он взял, снял уздечку с кобылицы и вдарил поводом по кобылицы и сказал:

— Что ты была кобылицей, шечас быть молодежи!

Как сказано, так сделано, очудилась на улицы молодца. Товда король поверил, принял как следует этого молодца и сказал:

— Ну, говорит, воля твоя над твоей женой, что хочешь, то делай над ей, также над ейным другом.

Этот молодец взял уздечку и опять обратно хвоснул свою жену и сказал:

— Ты была молодежи, а шечас быть кобылицей!

Очудилась жена кобылицей. Тогда молодец сказал:

— Нате, водовозы, возите воду на кобылице и жеребце, покуда не сдохнут.

Товда молодец остался жить у короля на все время до смерти.
Конец.

111. СИВКО-БУРКО

В одной деревне жил мужик. У ёго было три сына — Василий, Петр и Иван. Этот старик жил и заболел. Заболел — потом говорит своим сыновьям:

— Дети, идите, я при живности капитал вам разделю.

Сыновья приходят к отцу, он им вынял денег, по три копейки разделил и говорит:

— Ковда я помру, вы приходите на могилу ко мне ночью, караульте по ноци все.

Дети отвечают:

— Ланно, покараулим. Ночь просидеть что!

Потом отец помер. Отца захоронили, значит, очередь приходит Василию. Василий говорит:

— Ступай, Иван, карауль, ни черта ты не делаешь, только тебе и работа.

Иван на ответ:

— Очередь-то не моя, а твоя, иди-ко ты карауль.

Василий стоптал ногами на Ивана. Иван, как младший брат, принуждено дело, был идти караулить. Пришел на могилу, сидит у могилы. В 12 часов ноци вскрылася могила. Выходит отец.

— Здравствуй, Василий!

Иван отвечает:

— Не Василий, говорит, а Иван.

— А что же, Василий? говорит.

— Василий нейдет.

— Ладно, Иван, говорит, карауль!

Так утро стало, заря началась. Отец опять ушел в могилу. Могила закрылася по-старому, как и была. Иван приходит домой, братья спрашивают:

— Ну что на могилы видел?

— А сходите сами, так узнаете, говорит, Иван отвечает.

Вторая ночь подходит. Очередь идет Петру. Петр таким же образом посылает Ивана.

— Иди, Ванюха, говорит, карауль, тебе столько и работы!

Иван, делать нечего, опять собирается и идет на могилу. Сидит опять. В 12 часов могила открылася. Приходит отец:

— Здравствуй, Петр!

Иван отвечает:

— Не Петр, а Иван.

— А Петр что? говорит.

— Петр не желает идти на могилу.

— Ладно, Иван, говорит, карауль, тебе будёт не худо!

Так время прошло опять до утра. Заря началась, отец опять ушел в могилу. Так Иван приходит домой. Братья спрашивают его:

— Что видал на могилы?

— Сходите, говорит, сами, узнаете, что на могилы.

Так третья ночка подходит. Иван никого уже не дожидается и идет на могилу. На могилы сидел до 12 часов, опять в 12 часов могила открылась. Выходит отец:

— Здравствуй, Иван!

— Здравствуй, здравствуй, папаша!

— Да-а вот, Иван, говорит, я тебе вынёс три пузырька. На-ка, говорит, вот пузырек съешь один, говорит.

Иван взял, пузырек съел и почувствовал в себе что-то крепкое, сила очудилась в ём. Отец Ивана крикнул громким голосом:

— Эх, говорит, Сивко-Бурко, вечный Воронко, стань передо мной, говорит, как лист перед травой!

Конь прибежал большой, Иван устранился. Из роту пламя ходит, из ноздрей дым валит.

— Вот, говорит, Иван, в право ухо полезай, а в лево выдешь.

Иван в право ухо влез, в лево и вышел. Очудился бравым рыцарем.

Тогда отец говорит:

— Вот, Иван, можешь ли ты шечас владеть этим конем?

Иван коня взял за гриву, конь головой чуть пошевелил — Ивана как ветром отнесло от коня.

— Ээх, Иван, говорит — слаб. На́ еще, говорит, пузырек съешь.

Иван взял, пузырек съел, еще почувал силы вдвое прибыло. Тогда подошел к коню, хлопнул коня по ребрам, конь стоит не хивильнется. Заскочил на коня, конь бросился. Иван как овсяный сноп свалился с коня. Отец и говорит:

— Ну, Иван, третий пузырек на́, съешь.

Иван взял, третий пузырек съел, заскочил на коня и пришпорил коня в поле. Все равно конь полетел, и Иван сидит крепко-накрепко, как прикованный. Вернулся обратно к отцу, отец и говорит:

— Ну, говорит, Иван, владей моим конем, конь мой собственный, говорит, а вся сбруя и доспехи богатырски под старым домом под передним углом. Ты призьднь угол и выложь все доспехи богатырски.

Товда оны тут распрошались с отцом. Отец сказал:

— Ну, говорит, Сивко-Бурко, вещей Воронко, как мне служил, так и моему сыну служи, Ивану!

— Ковда, говорит, тебе не нужно, так спускай в полё своего коня, а когда нужно, товда, говорит, кричи: «Карько-Бурко, вечной Воронко, стань передо мной как лист перед травой». Красота вся в его в ушах, говорит. Ковда поезжать, в право ухо влезай, в лево выходи, будешь красавчиком, а когда приезжаешь, спускай коня — в лево влезай, в право вылезай, и будешь таким же как и раньше был. Тогда ништо тебя не может узнать.

Заря стала. Отец ушел в могилу, а Иван пошел домой, спустил своего коня на волю.

Приходит домой, братья опять спрашивают его:

— Что, Иван, видел на могилы? Что сказать будешь?

Иван отвечает:

— Сходили бы сами, так и узнали всё.

Так Иван живет себе преспокойно, занятия у его никакого, он как дурачок сопливой на печке сидит, замажется.

Вдруг недалёко в городе была королевна, барышня, стала выбирать себе жениха. Выстроила балкон и села там в балконе и дала повсюду известия:

— Кто до меня на коне выскочит, тот мой жених будет.

Вот братья собираются смотреть, что там будет. А Иван просится у братей:

— Братья, возьмите меня туда же, я посмотрю.

Братья в ответ Ивану:

— Куда ты, дурак такой, пойдешь на смех людей, люди засмеют, да и нас-то ты обесчестишь.

Иван говорит:

— Давай, ладно, братья, подите вы уж.

Братья ушли, а Иван собрался и говорит невеске:

— Дайте мне, говорит, корзину, я пойду за грибами, принёсу хотя грибов навáрю.

Невески ёму корзину дали, он взял корзину и пошел в лес, крикнул голосом:

— Эх, Карько-Бурко, вечной Воронко́, стань передо мной как лист перед травой!

Конь прибежал, стал как вкопанный. Иван в право ухо влез, левым вышел, сделался хорошим красавцем.

Товда он подъехал ко своему старому дому, призьнял передний угол и выклат всю богатырскую принадлежность, заскочил на коня и поехал. Догнал братей да дал им нагайкой по спине обоним, они еле-еле справились. Приезжает в город и припустил своего коня к этому балкону. Конь выскочил. Он не успел у нея кольцо взять. Она кольцо кинет да ему в лоб. У ёго сё равно как солнце во лбу воссияло. И он уехал. Не могли его поймать.

Приехал опять в поле домой, коня спустил. В право ухо влез, левым вышел, сделался таким по-прежнему. Взял корзину, набрал каких-нибудь грибов, а тряпкой худящей тож какой-нибудь завязал лоб свой и пришел домой. И говорит:

— Натe, невески, говорит, грибы!

А невески посмотрели — грибы никуда негодны. Давай на его ругаться:

— Ты, говорит, не грибов, а червей нагребил одних только, говорит. А лоб-то, говорит, де расшиб?

— Да я, говорит, полез за грибом в кусты да разорвал суком.

А сам забрался опять на печку и поляживает себе. Потом приходят братья. Иван и спрашивает:

— Ну что же, братья, скажете и что там хорошего?

— Да там, говорит, хороший рыцарь приезжал, говорит, да не могли поймать. Ехал вперед да нас ударил плетью еще за що — не знаем, так мы одва почувствовались. Да там приехал в город да на кони прямо выскочил до балкону, кольцо не успел взять. Королевна кинула кольцом в него и забросила ему в лоб. И он поехал, у его все равно как солнце сияет во лбу. Так и скрылся — не могли поймать.

Иван и говорит:

— Не я ли, братья, был?

Братья на его зашумели.

— Ах ты дурак, ты сопливой, де же тебе бывать там?

— Давай, ладно, братья, говорит.

Потом королевна стала собирать бал. И дала такой приказ, чтобы нигде ни один человек из мужского полу не остался, все чтобы были на балу. Товда братья стали собираться на бал. Иван и говорит:

— Братья, говорит, возьмите меня!

— Взять-то мы бы, говорит, и взяли, да ты ведь обесчестишь нас да и народ весь присрамишь, а не то нас.

— А приказ-то, братья! говорит, ведь всем надо быть там.

Братья товда его взяли с собой. Пришли на бал и засунули за печку в самой в задней столовой. Так. Королевна стала обносить чару, угощать всех. Всех обнесла, не могла найти своего суженого. Потом заглянула как-то нечаянно за печку и увидала там Ивана.

— А вы что здесь, говорит, молодец? Выпейте чару!

Потом увидала — у его завязан лоб тряпкой, и говорит:

— Этта, что у вас?

Иван отвечает:

— Ходил за грибами в лес да на сук напоролся.

Она взяла тряпку и призывнела посмотреть рану. А тут во лбу ее перстень.

Воссияло по всем столовым как яркий, солнечный день. Товда она взяла за руку и вывела в переднюю столовую и говорит:

— Вот, говорит, мой суженый!

Не долго думавши, шечас играй свадьбу. Повенчались и стали жить. Государь дал им особу помещения.

Иван только и дело спит, больше у ёго и занятия никакого.

Вдруг государю донесли, знать, хто-то там в поле ходил и видел — ходит свинка золоты щетинки. Государь стал отправлять. У его еще было два зятя кроме Ивана.

— Берите, говорит, войско, силы и как-нибудь достаньте эту свинку золоты щетинки, мы в сад ею спустим. Она будет у нас украшать сад.

Так. Жена Ивана приходит ко своему мужу и говорит:

— Что же, Иван, всё вы спите? Папаша-то отправляет зятьей-то имать свинку золоты щетинки. Поезжай-ко и ты с имá. Не можете ли пойма-ть?

Иван и говорит:

— Иди-ко, проси у папаша каку-нибудь лошадку мне, я тоже поеду, говорит.

Она пошла, ему привели лошадку. Иван сел и поехал за город. Выехал за город, взял за хвост, сдёрнул с лошади кожу и кинул на полё.

— Нате, сороки да вороны, от царя подарки!

А сам крикнул громким голосом своего коня.

— Эх, Сивко-Бурко, вечный Воронко, стань передо мной как лист перед травой!

Конь прибежал. Иван в право ухо влез, в лево вылез, сделался красавцем, пожалуй такого на свете нет. Заскочил на коня и поехал. Едет, а зятя не смеют и близко подойти ко свинки, свинка ходит в поли. Иван подъехал и давай нагайкой свинку пороть. Свинка бегала, бегала и оставилась. Иван слез с коня, раскинул шатер, поставил коня к шатру и свинку, сам зашел в шатер, лег спать. Спит, а эти молодцы и подходят к ему, не смеют близко подойти.

— Как же бы подобраться по эту свинку, купить у ёго?

Потом как-нибудь подобралсь, зашли в шатер и стали будить Ивана. Конечно, они не знают, что Иван.

— Стань, говорит, добрый молодец, продай нам свинку!

— У меня свинка не продажна, отвечает Иван, а оветна.¹⁹

— А велик ли овет? — спросили Ивана.

— А от рук по пальцу, говорит.

Они и говорят:

— Не раздевать перчатки с рук — не заметят ништо.

¹⁹ Заветна.

Взяли отсékли по пальцу. Иван завернул в бумажки и полóжил в карман. Отдал им свинку золотую щетинку.

Ну они взяли и увели ее домой. Иван приехал к дому, спустил своёго коня и забрался к себе опять на печку и спит себе преспокойно. Жена Ивана приходит. Иван дома.

— Эх, Иван, говорит, зятя ты привели свинку золоту щетинку поймаи, а ты обродил — ничего не нашел.

Иван отвечает:

— Да мне и не надо!

Потом опять получил известие государь, ходит в поли олешек золоты́ рожка́. Государь опять посылает своих зятьёй имать олешка золоты́ рожка́. Зятя собираются в дорогу, а жена Ивана опять пришла и говорит Ивану:

— Иван, иди-ко, говорит, поезжай, зятя-то, говорит, опять поймают олешка золоты́ рожки́, а нам-то что, на нас папаша косо смотрит, да и сестры-то надо мной смеются, что вышла за такого пеня́тёху.

Иван и говорит:

— Давай, иди, говорит, проси лошаденушку каку-ле опять.

Она пошла, привела ему опять лошадку. Он сел, за́ город поехал. Выехал за́ город и кинул лошадь опять:

— Ешьте, сороки да вороны, от царя подарки!

А сам кликнул своего коня:

— Эх, Сивко-Бурко, вечный Воронко́, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь прибежал, стал как вкопанный. Иван в право ухо влез, в лево вышел, сделался опять хорошим молодцо́м. Заскочил на коня и поехал. Едет, видит — ходит олешек золоты́ рожка́. Оне и близко не смеют подойти. А Иван сразу подъехал да нагайкой погонял здорово олешка. Олешек стал — не шевелится больше. Тогда Иван слез с коня, раскинул шатер, поставил к шатру олешка и коня, сам зашел в шатер, повалился спать. А эти молодцы опять подходят к шатру, как бы добраться до Ивана, как бы он им уступил олешка золоты́ рожка́. Зашли в шатер, разбудили Ивана и говорят:

— Продай олешка нам золоты́ рожка́!

Иван отвечает:

— Не продажный олешек, а оветный.

— А велик ли ваш ответ?

— С ног по персту.

— А что, можно отдать. В бане не раздевать чулка — не заметят никто.

Отсекли по пальцу и отдали. Иван отдал олешка, пальцы завернул в бумажку и положил в карман. Сел на коня и поехал домой. Коня спустил, пришел к дому, забрался на печку и спит.

Жена приходит к Ивану и опять говорит:

— Эх, Иван, говорит, ты опять спишь, а те зятя, говорит, привели олешка золоты́ рожка́. Гулянья-то сколько у их, говорит.

— Пускай гуляют, говорит, мне не нужно.

Да не через до́лго время получил государь известье́ опять, ходит в поле есь сорокопега кобыла с сороки́ма жеребятмы с малопóздышками. Государь отправляет опять зятьёй имать кобылу. Жена Ивана опять приходит к Ивану и говорит:

— Иван, говорит, поезжай-ко-се с зятьями-то вместе, не можете ли поймать сорокопегу кобылу с сороки́ма жеребятмы с малопóздышками. Они поезжают, может и вас пригласят.

— Ладно, Иван отвечает, я и без их, говорит, уеду.

Иван пошел из комнаты вон и прям пошел за город. Крикнул своего коня:

— Эх, Карько-Бурко, вечный Воронко, стань передо мной, как лист перед травой!

В право ухо влез, в лево вылез, сделался хорошим рыцарем, заскочил на коня и поехал к бондырям, заказал сработать две бочки. Поехал в кузницу, заказал сковать три прута. Это все ему приготовили. Бочки повесил коню на бока, а прутья в руки взял и поехал в поле. Едет, видит — кобыла ходит с сорокими жеребятмы с малопоздышками, и близко никого не подпускает, прямо бьет копытами, зубами рвет страшно дело.

А у государя зятя из-за кустиков выглядывают, не смеют и показаться кобылы. А Иван припустил своего коня прямо на сорокопегу кобылу. Кобыла уши спустила и направилась на коня, хотела прямо зубами пробить бока у коня. Но бока спасли бочки,хватила по бочкам. В это время Иван взял прут и давай кобылу пороть. До того порол, избил два прута, схватил третий, тогда кобыла остановилась и больше ни с места.

Тогда Иван слез с коня, раскинул шатер, поставил кобылу к шатру и своего коня, стоят сё равно как век жили вместе. Сам зашел в шатер и опять завалился спать. Тогда подошли братья опять как-нибудь пробрались в шатер к Ивану.

— Продай, молодец, сорокопегу кобылу с сорокими жеребятмы с малопоздышками! Что хочешь бери, тока дай нам!

Иван отвечает:

— Не продажна, а оветна.

— Велик ли ваш овет? — спросили Ивана.

Иван говорит:

— Из спине по ремню выкроить.

Они и говорят:

— А впрочем — не раздевать рубашек в байне.

Иван выкроил у их по ремню из спине, завернул в трубочку и завернул в бумажку и положил в карман. Отдал им сорокопегу кобылу с сорокими жеребятмы с малопоздышками, а сам сел на коня и поехал ко своему дому. Приехал ко своему дому, поставил коня ко крыльцу, сам зашел во свою спальню и повалился спать.

Вдруг его жена идет домой, а у крыльца стоит тот конь, на котором ехал ее первый раз жених, когда она видела с балкона. Обрадовалась, вернулась обратно ко своему папаши и говорит:

— Папаша, иди, у нас есь, у крыльца стоит конь, тот конь, на котором мне жених приезжал, когда я сидела в балконе.

Так государь пошел. И шли, зашли в комнату. Спит красивый и бравый рыцарь крепким сном. Государь стал его будить, потом разбудил и стал спрашивать:

— Откуда ты, добрый молодец?

Иван отвечает:

— Что вы, папаша, разве не знаете своих грязных вшей? Я, говорит, ваш зять Иван.

— А где же ваша, говорит, сорокопега кобыла?

— А вот, значит, известье есь, сейчас встречать пойдем.

— Так, ладно, отвечает Иван. Идите встречайте, а мне нужно уснуть.

Приезжают его зятя, привозят сорокопегу кобылу. Заводится у их великолепный бал. Сорокопегу кобылу, олешка золоты рожка и свинку

золоту щетинку — всех спустили в сад. И вот тут ходят, смотрят, любят.

На бал собрались все, гуляньё идет весёло, а Ивана еще нет у их на балу. Государь и говорит:

— Ну-ко, говорит, дочка, иди ко супруга, говорит, веди. Хотя и не служил он, не доставал, а все-таки надо пригласить раз хоть на бал-то.

Побежала Иванова супруга, пришла и будит Ивана.

— Иван, говорит, стань-ко-ся. Папаша вас просит на бал, там гуляют уже веселó.

Иван стал, умылся, утерся полотёнушкой, учесался и пошел со своей супругой вместе к папаше на бал. Заходит в столовую, поздоровался со всеми гостями и посадили его за стол.

Сидит Иван за столом и стал немножко уже весёл. И говорит тако слово:

— Папаша, позвольте у вас спросить, объяснили ли ваши зятья, как поставали свинку золоты щетинки и олешка золоты рожка́ и сорокопегу кобылу с сорокима жеребятмы с малопóздышками? Могут ли они выяснить свои доспехи?

Государь отвечает:

— Они мне объясняли так, что они своима доспехама храбростью достали это всё.

Тогда говорит Иван:

— А раздевают ли они за столом с рук перчатки?

Сразу тут же посмотрели на их. А они за столом в перчатках.

— Снимите-ко у их с рук перчатки! — приказал Иван.

Сняли у их с рук перчатки, а у их по пальцу на руках нет. Вынимает Иван из кармана две свернутых бумажки, развернул эти бумажки, а в бумажках по пальцу обоих.

— Вот это, говорит, это свинка золоты щетинки. Ну, а снимают ли они в бане чулки с ног?

А тут какой-то один выискался.

— Я выдел, говорит, в бане они в чулках парились.

— Снять у их чулки с ног!

Сняли чулки, у их по пальцу на ногах нет. Иван вынял из кармана, развернул.

— Вот это, говорит, олешек золоты рожка́. А в бане раздевали ли они рубашку?

— Нет, не раздевали, говорит, сегодня в бане умывались и рубашки не раздевали.

— Снимите с их и рубашки!

Сняли рубашки, а у их по ремню выкроёно из спине. Иван вынял из кармана ремешки, развернул.

— Вот это, говорит, сорокопега кобыла с сорокима жеребятмы с сорокопóздышками. Это, говорит, они покупали у меня, а не сами доставали. Доставал это всё — я, а не они.

Тогда государь приказал палачам взять этих зятьёй, отвести и повесить не за правду. А Ивана наградил полцарством. Иван стал жить со своей супругой хорошо, и чечас живет.

Настасья Ионовна Поташева, 17 л.

112. ПРИСКАЗКА

Сказка, приказка,
Прикована невеска
За руцку, за ножку,
За долгой хвос,
За короткой нос.

Константин Васильевич Оксёнов, 14 л.

113. ДОКУЧНЫЕ

1

Сова летала да летала
Из овина да в овин.
— Нада тебе сказка сказать?
— Нада!
Сова летала да летала
Из овина да в овин,
— Нада тебе сказка сказать? и т. д.

2

Жил-был старичок со старушкой. У их было под окошком озерьцо, а в озерьце было щуцька да елецёк. А старик добувал, добувал и добыл щуцька да елецёк. И сказке конецёк.

ЗАСУЛЬЕ

Иван Григорьевич Бобрецов, 27 л.

114. СЕСТРА-ИЗМЕНИЦА

Жил-был один, можно сказать, царь. Он, конечно, был очень старый. У его имелось единственный только сын Иван-царевич и дочь Елена Прекрасная. Конечно, этот царь был уже очень стар, чувствовал за собою скоро гибель. Когда он заболел, то он призвал своих деточек и стал говорить им:

— Вот тебе, говорит, Иван все сдаю ключи своего царства, и руководствуй. Тебе, Иван, даю благословение: не пожелаю тебе жениться, а тебе, Елена, не пожелаю выходить замуж. Жить, значит, так, обоим совместно. И вот, говорит, всеми ключами можешь ходить ко всем камерам, только этим ключом не ходи и не открывай.

И в скором времени этот царь помер. Тогда Иван-царевич и Елена Прекрасная своего отца схоронили. После его похорон Иван-царевич пошел уже проверять все камеры или комнаты. Всё он проверил, везде он проходил.

— А что же мне, говорит, этим ключом не велел, почему? Его заинтересовало.

— Но хотя отец, родитель, не благословлял, а давай-ка смеюсь я, открою.

Взял, конечно, первые две открыл и потом, значит, вторая. Вторую открыл, вдруг был тут, конечно, заколдованный этот волк. Этот волк выскочил быстро из этого погреба и дико начал все во дворце ломать. И от испуга Иван-царевич и Елена Прекрасная забрались на балкон и плачут.

— Что мы будем теперь делать? Теперь у нас все волк царство разрушит.

Откуда ни возьмись прибегает здоровущий бык и заговорил человеческим голосом:

— А что же вы, говорит, Иван-царевич и Елена Прекрасная, об чём плачете?

— А как нам, говорит, не плакать? Был в погребу заколдованный волк. Этот волк выскочил и разрушает все наше царство, теперь мы не знаем, что тут и делать?

— Слезайте, говорит, с балкона, — этот бык говорит.

Слезли с балкона.

— Ну теперь садитесь на меня. Я, говорит, вас увезу и спасу!

Сели и поехали. Серый волк не заметил. Значит, серый волк почувствовал, что Ивана-царевича и Елены Прекрасной не стало. Этот серый волк быстро промчался в догону и в скором времени он их придогнал. Этого быка он тут же его и убил. А Ивана и Елену простил за первый раз и говорит им:

— Если еще следующий раз побéжите, то и вам прощенья не будет. Вас съем.

И горько заплакали, обратно пошли ко своему дворцу. Пришли, забрались опять на балкон и еще стали пуще старого плакать. Откуда ни возьмись худящий-ти бык. Он тоже сам говорил человеческим голосом:

— А что же, об чем вы, Елена Прекрасная, Иван-царевич, плачете?

— А как нам не плакать? Был заколдованный серый волк, и выпустили его из погреба, и он начал наше царство разрушать.

— Слезайте с балкона, садитесь на меня!

— А куда же ты нас увезешь? Нас вез большой здоровый бык и то не мог увезти. Серый волк тебя догонит и нас совместно с тобой съест.

— Ну, ничего, сходите, садитесь на меня, я вас спасу.

Они все-таки послушали, слезли с балкона и сели на этого быка и помчались в путь. Ехали недолго времени, этот бык заговорил человеческим голосом, Ивану приказывает припась к земле ухом и слушай, не бежит ли волк. Иван слез с быка и припал к земле ухом и слушает:

— Бежит, говорит, волк.

— Садись на меня, полезай правой рукой в правое ухо.

Иван сел на его и зачихал правую руку в правое ухо, вытащил из него гребень.

— Бросай его налево!

Иван бросил этот гребень налево, и получился дремучий лес и такая ломовина, что было затруднительно пробраться этому серому волку. А в это время они продолжали вперед. И опять остановился бык, велит ему припась к земле ухом, не бежит ли волк. Иван слез с этого быка и припал к земле ухом и слушает:

— Да, говорит, бежит волк.

— Садись на меня и полезай в левое ухо левой рукой.

Иван, конечно, полез левой рукой в левое ухо, вытащил носовой платок и как раз получилось озеро, и этот платок бросил налево, получился для них переход, мос. А этот платочек успела ухватить Елена Прекрасная. Она осталась за озером, через озеро моста не стало, и этот бык потерялся, скрылся, его не стало. А этот серый волк подбегает к этому озеру, через него попась он не мог. Тогда Иван-царевич, Елена Прекрасная отправились вдоль по озеру и шли направлением по этому озеру.

Долго ли шли, коротко ли шли — увидели избушку и пришли в эту избушку. Тут жил старик охотник. Попросились у этого старичка переночевать. Он их запустил. Ночь переночевали. Поутру встали, а этот старик их накормил, напоил и сделал им предложение:

— Останьтесь у меня наместо сына и дочери, живите у меня. Ты, говорит, Иван-царевич, будешь со мной ходить охотиться, обучаться, пока я жив, а ты, Елена Прекрасная, будешь жить как наместо кухарки.

И вот таким способом Иван-царевич стал ходить с ним на охоту. И ходил он с ним, обучался. Потом, конечно, эта Елена Прекрасная существовала на подобие кухарки. И в конце концов этот старик заболел. И он говорит им:

— Живите, говорит, вместе. Вот вам мои собаки и ружье. Одну собаку звали Катай по имени, а другу собаку звали Валяй по имени. А этот старик помер. Они его похоронили чесь чесью. После его смерти стали жить да поживать.

Эти собаки были не простые. Что нужно, то и достанут. С этими собаками Иван-царевич стал ходить охотиться. Что ему нужно, то и добудет. Иван ходил охотился, а Елена Прекрасная все оставалась за кухарку. Иван-царевич уйдет на охоту, а ей делать было нечего. Она ради от скуки задумала идти вдоль по озеру прогуливаться. Идет она вдоль по озеру, и вдруг она увидела молодого человека за озером, красивый, хороший молодец. И вот они стали друг дружку кликать.

— Ты, говорит, перейди ко мне!

А другой говорит:

— Ты ко мне!

Не долго они тут торговались. Тут спомнила Елена Прекрасная, что у ней был носовой платок. Она выхватила этот платочек и бросила налево. И вдруг получился мос. Этот молодец по этому мосту перебрался, стукнулся о землю, получился волк.

— Ну, сдаёшься ли ты, Елена Прекрасная, мне?

Она думала, подумала, не знала что сообразить — но потом, значит, все-таки согласилась. Поняла, что был человек красивый, хороший, значит, он и будет. И сказала:

— Я тебе сдаюсь.

Ну теперь, говорит, согласна ли погубить своего брата?

Думала, подумала, но все-таки сказала:

— Согласна.

— Если, говорит, согласна погубить своего брата, то прежде времени я тебя научу.

Это говорит серый волк.

— Как нужно погубить своего брата?

— А вот, говорит, так. Есь там в таком-то месте не очень далеко от избушки стоит мельница за семи дверьми. И я, говорит, уйду туда и сяду под жорнов, а ты в это время заболей. Когда он придет с охоты и увидит он тебя, что ты больна, то в первую очередь пускай он сходит в лес и

добудет соловья, от соловья пуху, а во вторую очередь пускай он добудет медведя, а в третью очередь пускай он сходит в эту мельницу и достанет с этого жорнова муки. Это предъявляй ему будто видела во снах. Если в случае чего я погибну, то у меня вылетит золотой зуб, ты его успеи захватить, в случае чего этот зуб тебе попадет — этим зубом ты можешь ударить его в лоб и убить его обратно.

Так они и решили и разошлись.

Пришла Елена Прекрасная, повалилась на кровать. Вдруг заслышала, пришел Иван-царевич с охоты; начала притворяться, охать, будто бы заболела; Иван-царевич пришел, входит он во свою комнатку. Первую очередь ему ткнуло неловко, что сестра заболела. Он спросил у нее, у сестры: —

— Что же ты, сестра дорогая, заболела?

— Да, говорит, братёнька, заболела и видела я во снах, придавило сон... сходи-ка в лес и добыдь соловья.

Тогда Иван-царевич на другой день пошел в лес. Идет, вдруг ему собаки залаяли ворону. И он прицелился стрелять. Ворона закаркала и сказала ему человеческим голосом:

— Ты, говорит, меня не стреляй, а я тебе пригожусь.

Тогда Иван-царевич опустил свои руки и не стрелил эту ворону. Стал продолжать он дальше. Собаки залаяли соловья. Прицелился этого соловья стрелять, соловьяина мать заговорила человеческим голосом:

— Ты, говорит, в меня, Иван-царевич, не стреляй. Я для тебя пригожусь. А вот я тебе дам детеныша, и возьми этого детеныша и храни его. Он для тебя пригодится, ты его не бей.

Иван-царевич пошел обратно во свою избушку тогда, предъявил своей сестры, что, мол:

— Я добыл тебе соловья.

Так. Она предъявляет ему другой сон.

— А вот что, говорит, брателка, я видела во сне, ты бы добыл медведя, и нужно от его селезёнки достать. Может быть я не поправлюсь бы.

Иван был рад исполнить ее слова, и на завтрешний день пошел опять на охоту. Идет он дорожкой. Собаки закаркали медведя. Иван-царевич прицелился в его стрелять, а медведица и заговорила человеческим голосом. И говорит Ивану-царевичу:

— Ты, говорит, Иван-царевич, в меня не стреляй. Я, говорит, для тебя пригожусь.

Тогда Иван-царевич опустил свои руки, подошел к ей ближе. Она ему и говорит:

— Вот тебе, нá, я дам тебе детеныша. Ты этого детеныша не бей, а храни. Он для тебя пригодится.

И таким путем он с этим детенышем помчался обратно в избушку. Пришел в избушку, предъявил сестры, что:

— Я добыл медведя.

Она ему опять предъявляет:

— Дорогой, говорит, брателка, я видела опять сон. Вот там есь в таком-то месте стоит мельница, и эта мельница за семи дверью. Ты бы туда бы сходил и достал бы из под жорнова муки.

Тогда Иван срядился без ружья и без охоты, а пошел один одинешенек. Пришел он в это место, где стоит мельница, прямым сообщением влетел туда. За семи дверью стал доставать из-под жорнова муки — и вдруг все хлопнули двери, закрылись подряд, выскочил из под жорнова серый волк.

— А теперь-то ты, говорит, попал, Иван-царевич. Теперь-то я тебя съем.

Иван-царевич и говорит:

— Обожди немножко, дай мне хотя закурить.

А в этот момент ворона прокаркала.

— Твоя охота уже одну дверь пробила.

Ивану стало веселее. А серый волк его торопит:

— Давай, мол, скорей, скорее.

Пока Иван вынял кисет, вынимает бумажку, вынимает листок, в этот момент ворона прокаркала:

— Твоя охота ломает третью дверь.

А в этот момент его сестра уже приближалась тут к мельнице. А серый волк его торопит.

— Давай, мол, скорей, скорей.

А Иван-царевич пока завернул папироску, закуривает. Пока он закурил, в этот момент ворона прокаркала, мол:

— Твоя охота ломает уже пятую дверь.

Тут волку не терпится. Он его торопит.

— Давай, мол, скорее, а то съем.

Иван его спрашивает:

— Обожди, дай покурить.

Вдруг его охота прорвалась. Серый волк обратно под жорнов ле, в погреб ле, как ле — и спрятался. Иван-царевич волку говорит:

— Теперь-то ты от меня не спрячешься. Все равно тебе будет гибель. Вылезай оттуда наружу!

Серый волк хвостом виляет туда-сюда, дуется, но деться некуда. Сестра его уже тут стоит за дверью в полной готовности, что ей наговаривал серый волк. Серый волк не выходит.

— А ты что, говорит, не выйдёшь?

Он тогда командует своей охоты:

— А ну, Катай, Валяй, Мишка помогай, соловей присвистывай, начинай!

Взяли этого волка в работу: чисто всего растрепали на куски. И от этого серого волка вылетел золотой зуб. Сестра ухватила, и не заметил Иван-царевич, что взяла. Тогда он сказал, Иван-царевич, своей сестры:

— Ах ты, говорит, ведьма, я через тебя погиб!

И пошли они согласно во свою обратно избушку. Согрели, конечно, чайник, и стали они чай пить. Иван-царевич всё ей говорил:

— Ты, говорит, меня, ведьма, продала.

Она тут не другого слова, взяла ему вцепила этот зуб и омертвила обратно его. Тогда, конечно, Катай начинает лизать, где вцеплённый этот зуб. Катай лизал, лизал — Иван ожил, а Катай — мертвый. Иван-царевич и говорит:

— Эх ты, проклятая ведьма, и вторично ты меня загубила!

Начинает лизать Катай Валяй. Валяй лизал, лизал — Катай ожил, Валяй мертвый. Тогда начинает клевать соловей. Соловей клевал, клевал — Валяй ожил, а соловей мертвый. Приходится выручать Мишке-медведю. Мишка-медведь смыслял сам себе, что:

— Меня некому выручить будет.

Он придумал, Мишка-медведь, взял сковороду, забрал в свои лапы и начинает соловья лизать. И вот лизнет и — лоб свой под сковороду, лизнет — лоб свой под сковороду и таким способом этот зуб вылизал, и соловья, и зуб вылетит и ударит в сковороду и отлетит он в сторону.

И этот зуб успела ухватить та же самая Елена Прекрасная.

Тогда Иван-царевич рассердился на свою сестру и повел ее к наказанию, и привел ее к дубу, привязал ее тут к этому дубу и поставил перед ней боченок и наклаал ее тут уголья.

— Если, говорит, ты в эту бочку наплачешь слез, то, говорит, ты волка жалешь, а если съешь эти уголья, то меня жалешь.

И сам ушел от ее.

— Когда я, говорит, вернусь — посмотрю, если ты меня жалешь, то я тебя освобожу.

И отправился он в поход, сам не знает куда. Куда глаза глядят. Шел он, шел и попался в один город и забрался в крайну избушку. В этой избушки жила одна старушка. У ей не было никого. И стал он проживать у этой старушки пока временно. Жил он не долго, потом, конечно, думал пройтись по городу. Пошел он по городу, увидел красное знамя, и бьют барабаны, играют музыки.

— А это что, говорит, такое? — спросил у этой старушки.

А эта ему старушка и отвечает:

— Просит шестиглавый змей у царя дочь на съеденье.

Он ее спросил, где она будет отведена. А она ему сказала, что есь в таком-то месте озеро, и вот она будет тут отведена, эта царская дочь.

И так он, ничего ей не говоря, будто бы пошел на охоту, а сам направление держит на спасение этой царской дочери. Пришел на то место, где находится царска дочь отведена змею на съедение.

Он ее и спросил.

— А что же ты, говорит, об чем, красавица, плачешь?

— А как, говорит, мне не плакать, вот выйдет из озера шестиголовый змей и меня съест.

— А ну ничего, говорит, не плачь, быть может я вашему горю помогу.

— Ну, говорит, вам уже нашему горю не помочь. Уходите, а то меня съест и вас съест.

— Ну ничего, быть может, он и подавится.

Пока они тут беседовали, вдруг вылезает из воды шестиглавый змей. И сказал он им:

— Фу, какой царь-то добрый. Я, говорит, просил одну, а тут дал целую семью.

Этот, конечно, охотник отвечал змею на вопрос.

— А быть может, вы и подавитесь?

— А что вы, деревенский охотник, хотите со мной спорить?

— Да, конечно, будем спорить!

— А что, может быть, драться будете?

— Да, конечно, будем.

— А что, на воде или на земле?

— А ты, говорит, проклятое чудовище, можешь на воде и на земле, вылезай на гору!

Тогда змей кряхтит и пыхтит, лезет на гору. Этот охотник отступал в гору совместно с царевной. И тогда этот охотник командовал своей охотой:

— А ну, Катай, Валяй, Мишка помогай, соловей присвистывай, начинай!

Так. Тогда эти собаки взяли в работу этого змея, чисто всего разорвали на куски. Взял он его туловища, побросал в воду, а языки поотрезовал и положил в карман. Таким способом подошел он к царевне. Царевна стала его спрашивать:

— Пойдем к моёму отцу-родителю. Он за это чим-нибудь вас наградит. Охотник сказал:

— Мне ничего не надо.

Она ещё предложила, говорит:

— Может быть желаете пожениться, то из нас из двух сестер можешь любую взять.

Ну, Иван думал, подумал, не захотел все-таки изменить родительского слова.

Если что у вас нибудь для памяти, то дайте, если нет, то и так пойду.

Она, конечно, подарила ему свое именное кольцо, дала ему для памяти. Тогда, конечно, Иван-царевич отправился во свою путь и она во своё. И вот тогда поднимается эта царевна на гору, а водовоз тут как тут. Высмотрел, что и было. Когда она поднялась на гору, то водовоз говорит её:

— Ты, говорит, от змея-то спаслась, а от меня-то не спасёшься. Если скажешь отцу, что я тебя спас, то садись, поедем. А если не скажешь, то я сейчас тебя кончу.

Ну, пришлось по силе необходимости сдаться этому водовозу.

— Ладно, говорит, скажу, что ты меня спас.

Сели на тележку — поехали. Подъезжает к своему дворцу, царь их встречает.

— Кто ж, говорит, тебя спас? — спрашивают у дочери.

— Меня, говорит, спас водоюз.

Тут он водовоза принял ласково. Наградил этого водовоза, что для его было нужно. И конечно, отдать за его замуж любую дочь. И вот тогда они стали устраивать на послезавтрашний день свадьбу. Объявили всему городу и селениям — за спасение царских дочерей отдается за водовоза дочь замуж.

На завтрашний день девятиглавый змей потребовал у царя дочь на съеденье. Саму младшую. Ну, пришлось царю спроводить по силу необходимости. Была от змея такая задача:

— Если не вышлешь свою дочь, то должны погибать все. Разрушу, говорил, что, весь город.

А тот царь стал спроводить свою дочь с музыками. Спроводили ее к змею на съедение. Этак, конечно, был опять вывешан красный флаг.

И этот самый охотник разузнал это дело и тогда спросил он этой старушки:

— Что это, бабушка, тако обозначает?

— А это обозначает — затребовал девятиглавый змей младшую дочь на съеденье.

Тогда этот охотник, ничего этой старушки не говоря, опять ушел спасать эту царскую дочь. Пришел на то место, где находится эта царевна, сидит, уливается горькими слезми. И спрашивает ее:

— Об чем же ты, красавица, плачешь?

— А как мне не плакать? Последни, говорит, выходят часы и минуты. Счас выйдет девятиглавый змей и меня съест.

— А, быть может, я вашему горю и помогу?

— Нет, однако, вам нашему горю не помочь. Уезжайте, из-за меня не погибайте, а то вас и нас съест.

— А ничего, быть может, и подавится!

Тут они сидели и беседовали немножко продолжая, и змей вылезает из воды, кряхтит и пыхтит, лезет на берег.

— Ага, говорит, какой царь-то добрый! Я просил одну, а он дал целую семью!

А этот охотник ему отвечает:

— Ничего, быть может, проклятое чудовище, и подавится!

— Ты что, говорит, со мной спорить будешь?

— Да, конечно, буду спорить. Не для этого добрые молодцы сюда приходят, чтобы с вами, проклятыми чудовищами, не драться.

— Где будем, на воде или на земле?

— Ты, проклятое чудовище, можешь на воде и на земле, то вылезай на гору, а я не могу.

Тогда змей кричит и пыхтит, лезет на гору. А этот охотник отступает совместно с царевной на гору. Тогда этот охотник командует своей охотой.

— А ну, говорит, Катай, Валяй, Мишка помогай, соловей присвистывай, начинай!

Взяли собаки в работу этого змея, всего разорвали на куски.

Так. Подходит этот охотник к царевны, царевна дает ему предложение:

— Идем к моему отцу-родителю. Он вас наградит, чем вам нужно.

А если вам желательно, можете на любой из нас пожениться.

Ну, Ивана тогда взяло раздумье. Он все-таки окреп, поддержался, родительского слова не изменяет. Тока попросил ее:

— Если у вас есть, что дать мне для памяти, то дайте.

У ей как раз было полотенце именное, которо она утирала горячие слезы. И подарила она ему для памяти. С этим, значит, побутом он пошел во свою сторону, она во свою. Заходит она на гору, встречает тут ее водовоз.

— Ага, говорит, ты от змея-то спаслась, не от меня-то не спасешься. Скажи, что, мол, я тебя спас. А то я тебя на месте сейчас уложу.

Она ему повинулась.

— Ну ладно, скажу, что ты, мол, меня спас.

Поехали они на тележке. Подъезжают они к дворцу. Царь их встречает, спрашивает он свою дочь:

— Кто тебя спасал?

— Меня, говорит, спасал водовоз.

Тогда царь этого своего водовоза снабдил его чем нужно и одел как жениха. И вот теперь отдается за его самая младшая дочь. На завтрашний день будет начинаться свадьба. Собирались все русские витязи на честной пир на царский. На честном пиру они да напивались, на честном пиру да наедались.

А этот, конечно, Иван-царевич, распознавши дело, что и ведется на самом деле свадьба, пошел он со своей охотой посетить. Приходит он, конечно, на эту свадьбу и входит он в помещенье и стал под порогом. Публика ему дала место, отстранилась от его. Так соловей с плеча на плечо перелетывает, две собаки по бокам, а Мишка-медведь впереди его сидит. Тут публика вся удивляется.

— Что такой за охотник?

Потом и царские дочери его узнали. Старшая дочь этого царя увидала этого охотника, что:

— Этот, мол, меня спасал.

И потом она побежала к невесте, сообщая сигналом, что мол:

— Идем, посмотри вот, мол, меня этот спасал, а тебя, говорит, кто?

Она пришла, посмотрела:

— Меня, говорит, этот же самый.

— Теперь ведь нужно сообщить отцу-родителю, что этот нас спасал.

И пошли к отцу-родителю с доложением.

— Вот, мол, царь-батюшка, нас спасал не водовоз, а спасал вот стоит под порогом охотник с двумя собаками, соловей и медведь.

Царь-батюшка призывает этого доброго молодца.

— А что, говорит, вы, говорит, моих дочерей спасали?

Этот молодец отвечал:

— Да, конечно.

— А чем можете доказать?

Он вынял и ему от первой именное кольцо, а от второй полотенце.

— И еще, спросил, чем можешь доказать?

— Больше ничем.

Призывают водовоза, главного жениха. Спрашивает царь:

— А как вы спасали моих дочерей? Как ты змея-то победил? спрашивает этого водовоза.

— Вот, мол, так и так я его убил.

В свое имеет оправдание.

Но этот же самый охотник ему говорит:

— Нет, говорит, неправда. Где, говорит, у змея языки?

— Где? говорит. Я, говорит, побросал в воду.

А этот охотник вынул из кармана от первого змея языки:

— Вот, говорит, мол, где оне у меня!

А этому больше водовозу нечем было крыть. Тогда, конечно, этого водовоза назначает царь к расстрелу.

— Идите, его, говорит, мошенника ведите и привяжите, отрубите его руку и зайдите, по стакану выпейте водки.

Они сходили, его привязали, отрубили его руку и зашли, выпили по стакану водки.

— Теперь, говорит, и отрубите его ногу и зайдите, опять выпейте по стакану водки.

Взяли его, отрубили ногу и выпили по стакану водки.

— Ну теперь ему, говорит, эта строгая казнь за то, что он мошенник. Идите, его теперь, говорит, застрелите и выпейте еще по стакану водки.

— Теперь, приказывает, теперь его похороните.

Теперь дали этому Ивану-царевичу предложение пожениться. Ивана взяло раздумье. Думал, подумал:

— А что же, говорит, моя, мол, сестра, говорит, изменила, давай, мол, и я изменю родительское слово.

И задумал пожениться на самой младшей дочери. Его, конечно, обзарило, что она красивая. И стали играть свадьбу за Ивана-царевича. Тут играли, пировали, свадьбу кончили. Пожили несколько дней. Иван задумал идти посетить свою сестру.

— Царь-батюшко, увольте меня, говорит, в отпуск. Я, говорит, схожу, у меня есь, говорит, сестра. Я, говорит, ее приведу сюда. И дайте для ее особую комнату.

— Ну ладно, хорошо, говорит. Но только, говорит, совсем не уйди.

Но и так эта его охота была помещена в особые комнаты. А он попросил разрешения дать с собой охоту. Дали ему собак, и отправился Иван-царевич в поход.

Шел он долго ли, коротко. В конце концов дошел он до своей сестры. Пришел он к своей сестры, смотрит на свои предметы.

— Ах, говорит, проклятая ведьма! Ты, говорит, волка жалеешь, а меня не жалешь. Но все-таки мне жаль тебя.

Освободил ее от этого дуба и повел ее с собой, так значит. Пошли они теперь вместе. Но все-таки он опасается ее. В конце концов дошли до этого царя, где и поженился Иван. И он ее предупредил, что, мол:

— Ко мне не ходи ни пятой, ни ногой, не показывай своего виду.

Тогда она стала проживать в отдельности. Но она все-таки разузнавала, где Иван, в какой комнате спал или спит. Она разузнавала более через нянек. И узнала, где он, в каких комнатах спит. И в одно прекрасное время изобрала свой момент, прокралась в его комнату в ночное время и этим зубом она вцепилась в лоб и убила. И жена не слыхала.

Потом, конечно, поутру встала, и жена его встала, не тревожила его, думала, что спит. И спи. Но время пришло, нужно чай пить. Послали няньку Ивана-царевича будить, нянька будила, но добудиться не могла. Пошла его жена и, конечно, стала будить Ивана-царевича, своего мужа. Будила, будила, добудиться не могла. Пошла к царю-батюшку и доложила.

— Что-то, говорит, у нас Иван-царевич вроде не дышит. Царь ужаснулся, быстро помчался в его камеру. Входит в его комнату, сразу уже узнал, что Иван-царевич мертвый, и тут подрезались его ноги и с ужаса упал и крикнул:

— Иван помер!

Тогда, конечно, все взволновались, что это такое за оказия. А в этот момент, конечно, его сестра подговорила ту няньку, которая воспитывает его охотных собак.

— Ты, говорит, их не пой, не корми и дверей не открывай.

И она не поила, не кормила и дверей не открывает.

Тогда назначаются Ивану-царевичу похороны. Объявляют по всему городу афишками, что Иван-царевич помер и будет хорониться в такой-то день, в такие-то часы. Тогда народ собирался. Собрался народ и повезли первую очередь его в церковь. В церкву привезли, стали его отпевать там.

В этот момент осталась эта нянька, которая преследовала за охотными собаками. Она мечтала сама себе, что:

— Если мне не поить, не кормить собак, я их заморю, то мне будет гибель от царя.

И задумала нести пищу для собак. Только она открыла дверь, и вдруг эта вся охота помчалась туда, где и находится Иван-царевич. Они знали направление, где Иван-царевич, и примчались прямо в церковь. Конечно, в церкви дверь была открытая. Они быстро промчались меж ногами народа и заскочили прямо к Ивану-царевичу на гроб, вся эта охотная шайка. И начинает в первую очередь лизать Катай Ивана-царевича. Тут народ весь ужаснулся, что это такое тут случилось. Откуда тут взялись собаки, медведь, соловей?

Катай лизал, лизал, зуб вылетел в Катая — Катай мертвый. А Иван ожил. Иван стает. Народ с перепуга все бросились к двери и друг перед дружкой:

— Не бежите, не ходите, я ничуть вас не трону.

Царь-батюшко остановился. Стал унимать публику. Публика, конечно, стала тише и тише и успокоилась. А поп убежал в свою каморку и не показывать своего вида.

В этот момент Катая Валяй лизал, от Катая зуб перелетел Валяю в лоб. Катай ожил, Валяй мертвый. Начинает соловей клевать Валяя. Соловей клевал, клевал — Валяй ожил, соловей мертвый. Приходит очередь Мишке-медведю. Мишка-медведь надо сковорода, но взять ее негде. Тогда Иван заговорил:

— Ну, кто-нибудь тащите сюда сковороду!

Поп услышал и тащит сковороду. Передал Ивану-царевичу в руки. Иван-царевич передал Мишке-медведю. Мишка-медведь стал вырывать соловья.

Медведь-Мишка лизнет — и лоб под сковороду. Иван в это время приготовился к бою ухватить этот зуб. А Елена Прекрасная стоит уже наготове.

Но Иван ее оттолкнул. Тогда этот зуб от соловья отлетит в сковороду, то успел Иван-царевич ухватить его. И стал он объяснять этой всей массы публики. И говорит публики, что, мол:

— Я вот погиб от этого зуба. Меня этим зубом убила своя родная сестра. И теперь я дам ее наказание и при публичной массы ее расстреляю. Тащите мне сейчас же ружье.

Тут по его приказанью принесли Ивану-царевичу ружье. И тогда он поставил в открытое поле и навел-от прицел прямо в грудь ее.

— Вот, говорит, за то, что она меня несколько раз погубила, теперь я предам смертной казни ее.

Выстрел дал. Она стоит как вкопана, ничуть не шевельнулась.

— Ах ты, говорит, проклятая ведьма. Тебя и пуля не берет. А ну, Катай, Валяй, Мишка помогай, соловей присвистывай, начинай!

Взяли ее в трепака, чисто всю разорвали на куски. Взял собрал он эти все куски, заставил их сожечь и спустить этот пепел прямо на воздух, чтобы и пеплу ее не было.

Тогда, конечно, пошли они в царский дворец. Стали тогда жить, поживать, добра наживать. И теперь живут да и хлеб жуют.

ЧУЧЕНАЛЫ

Иван Емельянович Кирин, 14 л.

115. ДВА БРАТА

Жили два брата. Один жил богато, а другой бедно. Этот бедный брат пришел к богатому в праздник и говорит:

— Ты бы, брат, мне водки подал или бражки!

А этот богат-от бедному отвечает:

— В кадки сколько хочешь пей!

Тот подошел к кадки, напился воды-то и домой пошел, песни стал петь. Он споет слово, а за ним кто-то всё тянет.

Он спросил:

— Кто, говорит, за мной поет?

Там отвечает:

— Я, говорит.

— Кто ты?

— Я, говорит, нужда твоя.

— Ты, говорит, пощо со мной?

— Я, говорит, все с тобой хожу.

— А я, говорит, домой приду, буду умирать.

— Я, говорит, с тобой тоже помру.

Он пришел домой, сделал гроб там, умирать себе, и говорит:

— А, нужда, я, говорит, умирать лажу.

Она говорит:

— Я тоже помру.

Он стал в гроб ложиться, а она уже впереди его легла. Она когда легла, он гроб заколотил и снес на кладбище. Он не лег сам, ей оманул.

И он с того времени стал жить богато. А он, к которому брату приходил, к ему пришел и говорит:

— А, пощо же, брат, ты жил бедно, а стал жить богато?

— А помнишь, говорит, ты меня угостил, я когда был у тебя в гостях в праздник. Я, говорит, пошел домой и стал петь песни. И слышу, говорит, кто-то за мной поет. Я, говорит, спросил: «Кто поет?». Отвечает: «Нужда твоя». Я, говорит, пришел домой, ей сколотил гроб, я тогда ей сказал, що буду умирать. Она говорит: я тоже буду с тобой умирать. Она впереди меня легла, и я заколотил, снес на кладбище.

И потом говорит этот брат-от богат-от. Стало ему завидно, що он живет богато. И пошел, нужду-то взял и выкопал. Он ему рассказал, в каком месте, и всё, и говорит:

— Нужда, а́ нужда, вставай!

А она уж еле жива́. Он говорит:

— Иди, говорит, к хозяину.

Она говорит:

— Я не пойду к ему, я, говорит, больше с тобой пойду.

И он стал жить бедно, а тот брат стал жить богато, который жил бедно.

ПАЛАЩЕЛЬЕ

Сидор Алексеевич Новиков, 50 л.

116. ПОП И РАБОТНИК

Был-жил поп. Надо было ему работник. Пошел наймовать работника. Шел, шел, встретился ему Кузьма Остолоп осиновый лоб.

— Куда, молодец, пошел?

— В работники наймоваться.

— Наймись ко мне!

— Как не наняться, наймусь.

— Сколько возьмешь?

— А шо с тебя взять, батюшка? Год проживу за щелкуна в лоб.

— Давай, говорит, согласен и я, поп.

Вот и нанялся. Шел Кузьма Остолоп, робит за двух, а ест за трех. Попадья-то ухвалиться не может. А поп невеселый стал. Но что делать? Жил, жил, а строк стал доходить уж почти. Поп стал кручиниться. Матушка стала замечать, что батюшка невеселый.

— Ты что невеселый?

— А как же веселым быть, у нас скоро строк работнику.

— Дак шо строк?

— Да вот у мне шо ряжено, три щелчка по лбу.

— Ну ладно, это опять дело справим.

Бабушка хитра была, выдумала-то.

— Вот, говорит, Кузьма, тебе задача — завтра с чертей оброк получить, в озере таком-то живут.

Ну вот ладно. На другой день Кузьма собрался, пошел к озеру. Давай веревки вить. Веревочьки вьет да песенки поет.

Вдруг вынырнул чертенок.

— Что, Кузьма Остолоп, делаешь?

— Да вот надо веревок навить да озеро морщить, да вас чертей корчить. Оброку не даете.

— Какого? Кому?

— А вот такому-то попу. Три года не платите, забыли.

Чертенок нырнул в озеро, ушел. Выходит тогда старый черт сам.

— Здравствуй, детина, что работаешь?

— А вот, говорит, веревки вью, лажу озеро всё морщить ваше, да вас чертей корчить.

— А за шо ты нас чертей корчить ладишь?

— А оброк попу не платите.

— Подожди с минутку, говорит, я в озеро схожу.

— Иди, черт, скорее, а то время выходит у меня!

Черт нырнул, ушел, через скоро время двоим вышли, двоё.

— Вот, говорит, детина, беги-ко ты с моим внуком круг этого озера. Который которого обéжит. Если ты его обéжишь — оброк тебе отдадим.

— Э, говорит, где же ему со мной верстаться? Он молод. Мой младший брат его обéжит.

Поймал, пошел два зайца в кусту, принес.

— Вот, говорит, бежи с моим младшим братом. Который которого обéжит, направляйся.

Ну, черт понаправлялся. Он в это время зайца спустил, а тот поскакал. А черт кричит:

— Постой, постой, поровняемся.

А чё поровняемся? Заяц летит. Черт побежал круг озера. Язык на губу высунул, запышался, думает — обежал зайца. А Кузьма сидит да гладит зайка.

— Э, говорит, у меня давно прибежал и не пышит уж. А ты ладишь со мной верстаться!

Тогда черт нырнул в озеро и сказал, шо его младший брат обежал озеро ране меня.

Тогда старый черт и говорит:

— Много ль ему оброку нать? спросить надо.

Чертенок вынырнул.

— Сколько вам оброку?

— Нам оброку за три года мешок серебра.

Сцяс чертенок вернулся к своему деду и сказал:

— За три года мешок серебра.

Кузьму Остолопу вытащили мешок серебра из озера. Взял Кузьма, потащился к попу. Притащил в комнату, бросил. Только серебро зазвенело.

— Ну, опять ничего не мог сделать, думат поп.

Вздумал на охоту ехать, на уход скрыться у этого работника. Лошадей запрягли и поехал.

А Кузьмы был строк. Кузьма говорит:

— Расчет надо мне!

Матушка говорит:

— Уехал батюшка по делам далеко, три года не будет.

Тогда Кузьма Остолоп говорит:

— Подставляй ты свой лоб, матушка, коли батюшки нет. Мне расчет нат.

— Нет, говорит, работник, а батюшка скоро приедет.

— Нет, я тебе волей неволей подставляю.

— А батюшка скоро приедет.

— Ну ладно.

Но строку не дает матушке. Давай расчет да и всё.

Матушка просит:

— Нет. Я тебя не наймовала.

Тогда Кузьма и говорит:

— Да, ты не наймовала.

Послала слугу, своего кучера, найти батюшку, привести домой. Батюшка был в городе там. Нашли батюшку. Привели батюшка домой.

Вот и Кузьма и говорит:

— Ну, батюшка, срок прошел, с тебя нать еще добавошный, а я старое не получил. Давай мне расчет. Подставляй лоб, как ряжено.

Первый щелчок щелкнул — едва глаза не вылетели, второй щелчок щелкнул — едва во лбу удержались. А третий щелчок — с души ушел батюшка.

И сказка кончилась.

117. ЛИСА-ИСПОВЕДНИЦА

Начинается, починается добрая повесть от Сивка от Бурка от вешчего Каурка. Это не сказка, а присказка. Сказка будет в субботу повечер, когда поешь мяккого хлеба.

Шла мати лисица мимо крестьянского двора, хотела вытащить из куретника куренка, а из телетника теленка. В заднем нашести с курятами в одном мести сидел вор Петуша. Он услышал, крыльям схлопотал, ногами стопотал и красным могучим гласом возопиял. Мужики услышали, оружья хватали, бабы лопаты, стары старухи ухваты, а малы ребята мутовки-колотовки.

Пошла мати лисица в лес, как горбатой бес, да три дня под ивовым кустом пролежала. Стала погода ясна, вылетел петух на дерево красно, взвела мати лисица око ясно:

— Шо же ты, вор Петуше, летаешь, бед избываешь, али нас зверей увидаешь?

— Да, мати лисица, вас зверей увидаю.

— Эх, вор Петуше, не бывать тебе в пресветлом раю, не пивать тебе из медной чаши.

— Но, мати лисица, вижу в тебе много лести, хочешь ты меня съесть.

— Вор Петуше, я 30 лет мясного не вкушаю.

— А не ты ле шла мимо хресьянского двора, хотела вытащить из куретника куренка, а из телетника теленка? А я сидел в заднем нашесте с курятами в одном месте. Я услышал, ногами стопотал, крыльями схлопотал, красным могучим гласом возопиял. Ты пошла в лет, как горбатой бес.

— О, то не я была, то друга была. Если я бы знала, ведала, то с пула кожу содрала. Эх, уже 30 лет я мясного не вкушаю, не бывать тебе в пресветлом раю, не пивать из медной чаши.

— А пощо, мати лисица?

— А потому що мужик одну жону имеет и каждый год на исповедь ходит, а ты семь жон имеешь, и ни один раз в год на исповедь не ходишь.

Вот петушок и призаслушался. Стал с ветки на ветку перескакивать, упал на сыру землю. Мати лисица схватила в когти, впустила ногти, заворотила крылья на сторону.

— О, мати лисица, тяжело твое покаяние, видно мне в том смерть будет.

— Да, вор Петуше, видно смерть. Когда мне была нужда крайна, смерть голодна, я шла мимо хресьянского двора, хотела вытащить из куретника куренка, а из телетника теленка, а ты сидел в заднем нашесте с курятами в одном месте. Не врагуш ле тебя подколола, ты услышал, ногами стопотал, крыльями схлопотал, и красным могучим гласом возопиял. Мужики услышали, орудья хватали, бабы лопаты, а старые старухи ухваты, а малы ребята мутовки-колотовки. С того горя и печали я пошла в лес, да вот три дня под этим кустом пролежала.

— Мати лисица, ведь я жил-то у хресьянина да служил-то хресьянину. А если буду жить у тебя, так и служить тебе буду. Мати лисица, я знаю местечко прекрасно.

— А где?

— В просьвер. Ты будешь подпекать, а мы будем подъедать, да матерь лисицу проздравлять.

Мати лисица приослушалась, в коготьках приослабила. Петушок спорхнул, полетел. Садился низенько и близенько и кланялся низенько.

— Проздравляю, матерь лисица, в новом чину, ешь хрен и ветчину.

Вот и пошла мати лисица еще дальше в лес. Тут шла, шла, шла. Вышла на болото, увидала журавá. И давай подкрадываться под его. Журав увидел, шеища долга. Увидел.

— Що, мать лисица, так невесело идешь?

— Как же невесело иду. Последня птица в колеснице насмеялась.

— Кто такой? журав кричит.

— Петух!

— Как это он мог над тобой так надсмеяться?

— Как? У ёго крылышки, у ёго перышки, у ёго лапки, у ёго носок, у ёго гребешок, у ёго хвостичок. Спорхнул да улетел. А я-то куда?

— Неужели ты летать не умеешь?

— Не умею.

— Садись на меня, я летать научу, — журав говорит.

Вот лисица и села на журавá. Поднимался, поднимался журав кверху.

— Да що, мати лисица, велика ли земля кажот?

— С жорнов.

Вот и спустил матерь лисицу на пол. Та летела, летела всяко, хвостиком махала и ушками махала всяко, да пала на мягко место на сенну куцю. Ну, журав слетел.

— Ну що, мати лисица, научилась ли летать?

— Летать да бы научилась, да садиться не умею.

— Садись на меня, я садиться научу.

Ну, опять села на журава. Тот поднимался, поднимался.

— Ну що, мати лисица, велика ли земля кажет?

— С жовку ецею.

Опять спустил. Да мати лисица летела, летела, да пала в болото, кости три сажени в землю ушло, а кожа на земле осталась да журав на гнездо унес.

Вот и сказка вся.

Савелий Александрович Федотов, 12 л.

118. СОЛДАТСКАЯ ЗАГАДКА

Шел солдат с походу в такую погоду, так ой, ой. Вот он пришел к бабушке.

— Бабушка, дай мне ись!

— Нет, седни не печено, не варёно, не жарено.

Он взял шапку в охапку, рукавички в ручки и отправился в путь-дорогу. Увидел там двор у их. Зашел в двор. Увидел хлев, зашел в хлев, увидел коров, в хлеве коровы на вязках. Он взял — вязки отрезал, из кармана нож вынял и вышел и зашел в избу.

— Бабушка, поди, у тебя коровы сорвались.

Она пошла в хлев. У ей был петух, жарился в горшки. Он взял — петуха вынял, в карман полóжил и вышел, да взял лапоть да в горшок полóжил и закрыл сковородой.

Она зашла в избу и говорит:

— Каких ты новостей слышал?

— А я-то слышал, из печинского в горшинско, а из горшинского в сковородинско, из сковородинского в лапотинско.

Он сошел с полатей и шапку в охапку, рукавички в ручки и отправился в путь-дорожку. И дорогой петуха съел.

У бабушки из солдатов сын пришел, говорит:

— Мама, дай мне поись.

Она говорит:

— Этто де-то есь у меня петух жарится.

Она вытащила горшок, ухватила вилки и ткнула петуха. А вытащила лапоть, на вилке заткнула со всеми с отЫмками. Вынесла на крыльцо и бросила.

Григорий Ефимович Аксенов, 56 л.

119. ПРО ПРИКАЗЧИКА И КУПЕЧЕСКУЮ ЖЕНУ

Был-жил прикатчик, значит. У ёго жены своей не было, холостой был. Он полюбил купеческу жену там. Купеческа жена согласилась с им, всё ходит.

А этот купец от жены уезжает в город. Она и говорит купцу:

— Ты поедешь в город, так купи мне невиданное диво и неслыханное чудо.

Ну ладно, купец этот ей запечалился, хозяин. Пошел, по городу идет. Стретился ему один человек.

— Что ты запечалился?

— А вот жена приказала мне купить невиданное диво, неслыханное чудо. Что тако, а где же мне взять это?

А этот мужицек и говорит:

— А у мне есь, купи-ко, говорит. У мне есь гусь. Пойдем ко мне в гости.

Ну шчо. Купец пошел в гости, зашли на кухнюку. Избушецька не очень хороша. Он приказывает:

— Гусь, говорит, иди со двора!

Гусь ходит со двора.

— Гусь, иди на кухню!

Гусь идет на кухню. Он поставил сковороду.

— Гусь, говорит, садись на сковороду!

Гусь сел на сковороду. Сейчас гуся в печку на скóвороды, в печку.

— Гусь жарься!

Гусь и жарится. Вот сейчас и кушать.

— А только кушать, а под стол не бросать, все в одно место.

Едят — гусь очень хороший.

И съели всё, кóски склали, и этот мужик и говорит:

— Гусь, говорит, встрепекнись!

Гусь встрепекнулся и стал живой. Он и купил.

— Сколько за его просишь?

— А 200 рублей только.

Вот это ему и нать купить. А купцу чего? Это мало просишь, это на 300 рублей.

Махнул рукой. Ну вот мужик радёхонек. Купец взял гуся и поехал домой. Приехал в ночное время.

— Вот, говорит, жена, я привез тебе невиданное диво, неслыханное чудо, что ты велела, я то тебе и купил.

Вот его гуся жарить стали. Гостей созвали и говорят:

— Ладно, говорит, гусь, садись на сковороду, говорит.

Ладно. Гусь сейчас сел на сковороду, и гуся опять в печку и сжарили и стали кушать. Жена рада.

— Это хорошо мне-ка теперича.

А тожа говорит:

— Есь, а костей под стол не бросать.

Есь очень вкусно показалось. Она и думат:

— Он завтра уедет, а я друга завтра позову, прикатчика.

Ланно. Утром ставает и опять поезжает. Она его отправляет шоб дольше. Он уехал только, она сейчас друга и прибрала.

— Вот у меня муж привез невиданное диво, неслыханное чудо купил.

Вот он пришел. Прикатчик, прикатчик и есь. Вот она и кричит гусю:

— Гусь иди на двор!

Гусь зашел на двор.

— Гусь, садись на сковороду!

И гуся посадила на печку и вьжарила.

А друг сидит, дожидается. Ну вот и гуся стала из печки вынимать на сковороднике. Взяла сковородник, и руки к сковороднику прильнули.

И говорит другу:

— Иди-ко, пособи, мян-то гусь тащит.

Вот и пробежал прикатчик, схватил руками, и он прильнул. Гусь и на двор и по двору потащил.

Вдруг купец приехал на пары, ямщики привезли его. Сейчас купец в избу, — что там волочится? Посмотрел, оны сольнулись.

— Что это, Машенька, что случилось?

Этот купец забежал, а она с прикатчиком. Он хабазину взял и давай их обеих дуть.

Прикатчик оторвался и убег. А она говорит:

— Ну, боле не буду ничего приказывать, купец!

120. МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Вот тоже был-жил один дровосек бедняющий. У его детей народилось много. Семеро детей, сёмой был мальчик с пальчик. У дровосека нсь нечего. Живет плохонько. Вот и сидит и думат:

— А куда же мы этих детей деваем? Отвезем-ка в лес!

А дети спят, не чувт. А этот мальчик с пальчик спит, а слышит, что отец говорит. Ну вот так и порешили отвезти в лес и оставить там, и пусь погибнут. А этот мальчик с пальчик одевал утром свой пеньжак, побежал на морской берег, он набил полны карманы белых камешков. Пришел, и средились и спросили:

— Куды, папа, нас поводишь?

— В лес за грибами мы вас отвезем.

А мальчик с пальчик знат. Тот слышал, что они говорили. Ну ладно. Вот и повез их там. Этих детей везет, сидят на лошадке, а мальчик с пальчик не садится, а он идет сзади да камéшки потрусивает, замечает, как вежи ставит. Привез на тако место.

— Собирайте грибы, мы тут же будем.

Сияс дети разошлись по лесу. Они, старик со старухой, и скрылись, оставили детей на лесу. Плачут, ревут. А мальчик с пальчик пришел и говорит:

— Не плацьте, я вас вывезу.

— Куды же, говорят, мы выдём?

— Я знаю, говорит. Пусь он дома нас убьет.

Ну вот и пошли. Те идут, устали, а он идет да только. Шли, шли. Полезли на дерево и увидели огонек. Он говорит:

— Я выкарабкаюсь на дерево.

И смотрит.

— Вот, говорит, наше жилище.

И вывел их домой. И слушают, в избу зайти не смеют. Старик говорит:

— Ох, старуха, кабы были дети, шо бы мы делали?

— Ох, мне жалко их.

А мальчик с пальчик и закоцил.

— Сейчас мы тут как раз!

Они и радехоньки. И детей всех приняли и стали жить, поживать и лучше жить стал. А то детей своих хотел погубить.

К О Н Е Ц Ш Е Л Ь Е

Татьяна Ионовна Новикова, 56 л.

121. ДОКУЧНАЯ

Жили старицёк да старушка,
У их под окошком озерьцё,
Ходили щуцка да елецёк,
Да сказке концецёк.

Анна Зотеевна Новикова, 43 г.

122. МЕНА

Были-жили старик да старуха. Пошел старик в лес. Пришел к озеру. В озере тонет купец. Эх он-от и говорит старицьку:

— Вытяни меня, старицьк, я тебе добро сделаю.

Этот старицьк и потянул купца. Вытянул. Пошел домой. Ему купец дал мешок золота. Вот он и пошел с золотом. Ему стретился мужик — ведет коня.

— Дедушка, говорит, что несешь?

— А золото.

— Где был?

— А был купец тонул, так я его вытянул, он мне дал мешок золота.

— А, дедушка, говорит, давай твое золото менять на моего коня.

Ну, дедушка и сменил. Вот и поехал на коня. Стретился мужику — с коровой идет мужик.

— Дедушка, где был?

Он рассказал, где был.

— А давай, говорит, менять твоего коня на мою корову; от коровы молоко будет, будешь корову доить, будешь молоко ись, а конь убежит — да всё.

И сменили. Опять идет. И корову ведет старицьк этот. Стретился мужик — барана ведет.

— Где ты был?

— А был у озера, вытянул купца.

И он рассказал, как менял.

— А! — говорит, а меняшь твою-то корову на моего барана? Барана острижешь, можно рукавицы связать с шерсти.

Мужицьк и согласился менять. Променил корову, выменил барана. Вот опять пошел с бараном. Стретилась женщина, ведет пару курят.

— Шо, дедушка, где был?

Он и рассказал.

— А не меняшь на моих петуха да куру?

— Не знаю, говорит.

— А смений — твой баран, а мои пара, петух да кура.

Он и сменил, старик-от. Вот тянул, тянул куру да петуха. Шел мужик, несет лапти.

— Где, дедушка, был?

Был вон там, сколько мен-то менял.

Все рассказал.

— А не меняшь ли твой петух да кур на лапти? В лаптях ходить будешь, а петух да кура улетят.

Он и сменил лапти. Вот опять с лаптями пошел. Шел, шел, опять стретился мужицьк, несет иглу.

— Дедушка, где был? говорит.

— Был (тут рассказал всё), был на озере, да тянул, да дал мешок золота, да сменил на коня, да на корову, да был баран, да барана променил на кур, на лапти.

Все это рассказал подробно мужику.

— На твои, говорит, лапти меняй мою иглоку. Твои лапти отпадут, ты иглой и зашьешься.

Он и опять сменил. Стал, через огороду полез и строил иголку и потерял. Вот иголку и ищет.

И пришел другой мужицёк:

Що, дедушка, потерял?

— А потерял иголку.

— А где ты взял эту иголку?

— А я эту иголку выменял. Купец тонул да я вытянул.

Он все это ему рассказал снова.

— А придешь домой, так жонка не пустит тебя.

— Нет, мол, жонка ницого мне не скажет.

— Давай, ударимся о залог, этот мужицёк говорит.

— Давай!

Сколько-то тысяць денег. Как жонка-то выгонит, так с этого старицька деньги. А как не выгонит, так этому старицьку.

Вот они и пошли к своей старухи, старик повел мужика. Вот и зашли. Мужицьку говорит:

— Ты останься на сёнях, я пойду.

Тот и остался. Вот старицёк зашел.

— Ну, де ты, старик, был долго? — старуха спрашивает старика.

— Я, говорит, ходил в лес и вышел к озеру, старик стал рассказывать старухе своей, а тонет купец в озере. Мне конается вытянуть его. Я его вытянул — старик рассказывает своей старушке. Он, говорит, дал мне-ка мешок золота. Я, говорит, пошел с этим золотом, встретился мужик — ведет коня. И давай, говорит, дедушка, де был? Я сказал. «Давай, говорит, менять твое золото на моем кони, на кони поедешь». Вот и сменил, говорит. Потом повел коня, стретился мужичек, ведет корову. И спросил: «Дедушка, где был?». А был да сменил золото на коня. «А твоего-то коня не меняшь на корову?». И сменил коня на корову. А потом опять на барана смянял. Потом опять стретился мужик — ведет куру да петуха. Вот, говорит, я и опять сменил. Куру да петуха выменял, барана променял ему. Потом, говорит, стретился мужик, несет лапти: «Дедушка, не меняшь куру да петуха на лапти? В лаптях не будешь босой ходить!». Я опять сменил. Ну, потом, говорит, я лапти променял и выменял иголку. Ну, стал через огороду лезь — иголку строил, не мог найти.

Старуха всё говорит:

— Ладно, ладно!

А тот слушат — в избе сидит, не говорит старуха — вон. Нат деньги, видно, отдать дедушку залог. Вот мужик старику денежки и отдал. Вот старухе и ладно.

Всё больше.

123. ДОКУЧНЫЕ

1

Старушка стара
На скамейке спала.
Прилетела сова
Да глаза выкопала.

Всё.

2

Был-жил поп,
Да сделал плот

Да кругом мек²⁰ óплыл.
 Да опять снова поплыл,
 Да кругом мек оплыл,
 Да опять снова поплыл и т. д

3

Был-жил старицёк
 Забил ез,²¹
 Отгрюзил сурьпу,²²
 И пошел ловить.
 Ему попали щуцька да елецёк
 И сказке концецк.

Анна Михайловна Семенова, 43 г.

124. ПРОЖОРЛИВЫЙ ПАРЕНЕК

Жили старик да старушка. Старик говорит:

— Я, старушка, пойду, болвашка сделаю.

Ну, вот сделал, зашел. Старушка мотат, сидит. Стронила клуб²³ да прóсьтень²⁴ пód пол. Болвашек-то забежал.

— Бежи-ко болвашек пód пол, занеси клуб да прóсьтень, я стро-
 нила.

Ну вот он побежал там и съел. Зашел из-под полу и говорит:

— Бабушка, нать тебе сказочку скажу?

— Ну скажи, болвашко, скажи добренький, скажи хорошенький!

— Я, гыт, был в подполье, съел клуб да прóсьтень и тебя, бабушка,
 с мотовильцем съем.

— Что ты, говорит, я тебя лóчьну мотовильцем.

Он взял ей и съел.

Вышел на улицу, дедушка там и тёшит.

— Дедушка, дедушка, нат тебе сказочку скажу?

Он гыт:

— Скажи-ко, скажи, болвашко, скажи добренький, скажи хорошень-
 кий!

— Я, гыт, был в подполье, съел клуб с простнем, бабушку с мотовиль-
 цем и тебя, старицька, съем.

Он говорит:

— Я тióкну топорком-то, так вот ты и съешь-то!

Он и его съел.

Ну вот и дальше пошел. Идет дéвица сь ведром.

— Девица, девица, не нат ли, я тебе сказочку скажу?

Она гыт:

²⁰ Мыс.

²¹ Колья, скрепляющие вёршу.

²² Вёрша для рыбы.

²³ Клубок.

²⁴ Веретено для пряжи.

— Скажи, скажи, болвашецька, скажи добренький, скажи хорошенький!

Он опять стал с конца сказывать:

— Был в подполье, съел клуб да просьтень, старушку с мотовильцем, старичка с топорком и тебя, девица, с ведром съем.

Она гыт:

— Я хвосну ведром, вот и съешь.

Он ей и съел. Опять пошел дальше. Опять поп с крестом стретился.

— Поп, говорит, не нать тебе сказку скажу?

— Скажи, скажи, болвашко, скажи добренький, скажи хорошенький!

Опять стал сказывать:

— Был в подполье, съел клуб да просьтень, бабушку с мотовильцем, старичка с топорком, девицу с ведром, тебя, попа, с крестом съем, говорит.

И съел.

Опять дальше пошел. Потом попадьа с пестом стретилась.

— Попадья, не нать ли я тебе сказочку скажу?

— Скажи, скажи, болвашко, скажи добренький, скажи хорошенький!

Вот опять с конца:

— Был в подполье, съел клуб да просьтень, старушку с мотовильцем, старичка с топорком, девицу с ведром, попа с крестом, тебя, попадью, с пестом съем.

И ту съел опять. Опять дальше пошел. Встретились с сенáми едут сенники́.

— Сенники́, не нать ли, я вам сказочку скажу?

— Скажи-ко, скажи, болвашко, скажи добренький, скажи хорошенький!

— Я был в подполье, съел клуб да просьтень, старушку с мотовильцем, старичка с топорком, девицу с ведром, попа с крестом, попадью с пестом, и вас, сенников, с сенáми съем.

— Я, говорит, стёгну ремёнкой, так узнашь!

Он их со всема́ с ко́нема съел. Тут опять дальше пошел. Едут опять с дровами дровеники, дрова везут опять.

— Дровеники, дровеники, не нат ли я вам сказочку скажу?

— Скажи-ко, скажи, болвашко, скажи, добренький, скажи хорошенький!

— Я был в подполье, съел клуб да просьтень, старушку с мотовильцем, старичка с топорком, девицу с ведром, попа с крестом, попадью с пестом, сенников с сенáми, вас, дровяников, с дровами съем.

— Я возьму полено, колонú да и съешь.

Опять дальше пошел. Шел, шел, шел. Стоит избушка на курьей ножке об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами!

Избушка повернулась. Он зашел в избушку. Старушка сидит в избушке. Он говорит:

— Старушка, старушка, топи-ко печь да вари-ко мне кашу. А я, говорит, тут отдохну на пёци.

Ну вот она затопила печьку, а он зашел на печьку. Она крюк (коцергу) нажигает в пещи. Он опять тоже спашиват:

— Скоро ли каша?

— Скоро.

— Скоро ли?

— Скоро.

Сколько раз так. Потом нажгла да ему в брюхо-то горець-от крюк и шварнула. Из ёго и поехали все, кого съел.

И боле вся.

БЕЛОЩЕЛЬЕ

Максим Васильевич Семенов, 56 л.

125. ИВАНУШКА ДУРАЦЕК

Бывало-живало был старик. У ёго было три сына. Первый был Василий, ну хоть второй — Влас, третий — Иван дурацёк. Хорошо. Старик стал стар. Он говорит:

— Я помру, дак вы сходите, три дня покаравульте могилу.

Хорошо. Старик помёр. Пришлось старшему брату караулить, сперва.

— Ваня, говорит, покарауль за меня! Я тебе плисову поддевку куплю.

Ну, он пошел сидит. Ночью отворилась могила, говорит:

— Вася?

Молчит.

— Влас?

Молчит.

— Ваня?

Говорит: Я!

— Вот тебе конь, когда кликнёшь, он готов.

Могила заперлась.

Потом друга ночь. Нат среднему караулить. Он опять говорит:

— Ваня, ты покарауль за меня, так я тебе щаны куплю хороши.

Ваня согласился, опять пошел караулить. Сидит ночью, отворилась могила, опять спрашивают братьев. Они молчат. Потом и говорит:

— Ваня, ты?

— Я!

— Вот тебе другой конь, мое благословленьё.

Потом на третью ночь привелось Иванушку идти караулить самому.

В полночь отворилась могила и спрашивают:

— Ваня, ты?

— Я!

— Вот тебе самолучший конь. Будет служить тебе правдой.

Заперлась могила, и Ваня пошел домой. Живет дома. Сам сопливый, сам возгрявый, сопли всё повесли, его глупым считают, а он хитрый.

А близко был город. У государя было три дочери, две замужные, а одна девйця. Она задумала у папаши просить поискать жениха, знаете ле. Он ей дозволил поставит 12 венцов, и хто эти 12 венцов на лошади перескоцит, тот ей богосуженый. Разослали по всем городам, селам, шобы все съезжались на тот день, на который назначено.

Вот и стали съезжаться. Эти братья запоезжали утром смотреть. Ваня сидит на пеци и говорит:

— Братья, возьмите меня!

— Куды тебя, разе место чучелы?

Он замолцьял. Братья уехали. Он и говорит:

— Невески, дайте мне корзину, я пойду за грибами.

Невески радехоньки, дали, он пошел. Повесил корзину на сук и зарыццал громким голосом:

— Сивко-Бурко, вещий Коурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, только земля дрожит, из носу пламя, из ноздрей искры, а из ушей дым столбом. Прибежал и стал как вкопан. Он в ушко влез и

в другое вылез. Стал молодец, что не вздумать, и не взгадать, и не в сказке сказать, и не пером написать.

Клал он потницьки на потницьки, на потницьки седельшко черкальское, подпружецьку бухарскую, 12 подпруг с подпругами, всё того же шелку шемаханского. Шелк не рвется, и булат не трется, аравинское золото на грязи не ржавеет. Еще цересседельную цепь не для ради басы, а для ради крепости, чтобы конь его во чистом поли не оставил.

Нагнал своих братьёв на дороги, заране кричит, чтобы дали они ему пути-дорогу. Они устронились. Только он с имá поровнялся, выхватил плеть шелкову и поцал их бить.

— Зацем ты, милостивый государь, нас бьешь?

— За то, что вы не усторонились и не дали пути-дорогу.

Потом ну он и поехал. Приехал — сицяс ему откинули рогатки. Там ведь стража, к государю — так не заедешь. Тут было народу собралось много. Пришел час назначенья перескакивать через те 12 венцов. Стали перескакивать — только перескочили на три венца. Дошла до Иванушка очередь, как он позже приехал всех. Он тут только скочил на шесть, вишь, на первом-то кони. Увидя свою неудачу, поворотил коня и поехал домой. Приехал тут, где весло егово лукошко, спустил коня и взял лукошко, набрал грибов всяких, мухоморов и просто, какой попадет. Пришел домой.

— Пришел, говорит. Нате, невески, вам грибы!

Невески бранятся, почему таких набрал. Он молчит, пошел на печь.

Приехали братья, стали ись, рассказывают, каки были рыцари.

— Один был всех лучше, сам и конь. Только такой угурьник²⁵ нас на дороги прибил.

А он говорит:

— Полно, братья, не я ли вас бил?

Они:

— Да, верно, такой и есь, как ты, сопля был!

На другой день опять стали братья сряжаться. Он опять стал проситься. Они его не взяли.

— Куда ты, разве место чучелы.

Они уехали. Он говорит:

— Невески, дайте-ка мне лукошко, я пойду в лес за грибами.

Потом невески дали лукошко, и он пошел в лес за грибами. Повесил на сук, опять свиснул, гарконул молодецким посвистом, богатырским покриком.

— Сивко-Бурко, вещей Коурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, только земля дрожит, из роту пламя, из ноздрей искры, а из ушей дым столбом. Стал перед Иванушкой, как вкопан. Он в ушко влез, а в другое вылез, стал молодец, что не вздумать, не взгадать и не в сказке сказать. Клал он потницьки на потницьки, а на потницьки седельшко черкальское, подпружецьку бухарские, 12 подпруг с подпругами, всё того же шелку шемаханского. Шелк не рвется, а булат не трется, аравинское золото на грязи не ржавеет. Еще цересседельную цепь не для ради басы, а для ради крепости, чтобы конь не выпрыгнул, а его не оставил во чистом поли. Ступил в стремяна и поехал. Нагоняет своих братьев и кридит, чтобы они усторонились, дали ему путь и дороги. Только поровнялся, стал их так бить без милости.

— Почему ты, милостивый государь, нас бьешь?

²⁵ Злой, озорник.

— Потому, що вы заранне не дали мне пути-дороги.

Тогда он проехал. Приехал в город, откинули ёму рогатки, он заехал. Послэ этого пришел, тотчас нать опять перескакивать через все 12 венцов. Все скакали, только скочили на шесть, он скочил на своем коне и скочил только на девять. Видя свою неудацю, поворотил коня и поехал домой. Приезжает, спустил коня и набрал грибов полно лукошко, принес невескам.

— Нате, невески, грибы.

Пошел на печь. Приехали братья, стали рассказывать, каки были рыцари. Только один был всех лучше, конь и он. — Но только такой дурак, що он на дороге нас прибил.

— Полно, братья, не я ли вас бил?

— Полно, дурак, не говори, а то тебя свяжут, да и нам не уйти. Такой и есь был ты.

Он замолчал.

На третий день опять братья стали сряжаться. Уехали. Он и говорит:

— Невески, дайте мне лукошко, я пойду за грибами.

Ну ладно. Потом, знаете ле, он пошел. Повесил лукошко на сук. И свиснул, гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком.

— Сивко-Бурко, вещей Коурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, только земля дрожит, изо рту пламя, из ноздрей искры, а из ушей дым столбом. Стал перед Иванушкой как вкопан. Он в ушко влез, а в другое вылез, стал молодец, что не вздумать, не взгадать, не в сказке сказать и не пером написать. Клад он потницьки на потницьки, на потницьки седельшко черкальское, подпружеськи бухарские, 12 подпруг с подпругами, все того же шелку шемаханского. Шелк не рвется, булат не трется, аравинское золото на грязи не ржавеет. Еще цересседельною цепь не для ради басы, а для ради крепости, чтобы конь не оставил во чистом полей. Ступил в стремя и помчался. Нагнал своих братьев, крычит, чтобы дали они ёму путь-дорогу. Они усторились. Только он поровнялся, нацал их бить. Они и говорят:

— Милостивый государь, зачем нас бьешь?

— Потому що вы не усторились и не дали мне путь и дорогу.

Приезжает в город, откинули ёму рогатки. Он заехал. Пришел час назначенный. Надо перескакивать через те 12 венцов. Прочие все скакали, перескочили только восемь. Дошла очередь до Иванушка. Он проехал несколько раз по лобному месту и проскакал к тем 12 венцам. Скочил прямо через все 12 венцов к принцессе. Она и ударила ёму печатью в лоб. И сделалось блеск как соньце от этой печати.

Тогда он поворотил коня и поехал домой. Приезжает. Спустил коня и набрал грибов, а лоб завязал платком. Принес грибы и говорит, что я лоб ушиб в лесе суком.

Государь говорит принцессе, что

— Вы желаюмо получили, а где сыщете? Или он, бывает, и женат? Выбери из этих!

Ладно хорошо. Тогда она и говорит:

— Папаша, дал выбирать, дак назначаь три дня, чтобы съехали все на пер. Он, бывает, и приедет.

Так и было назначены дни.

А приехали братья домой, стали рассказывать, каки были рыцари. Один был всех лучше, перескочил все 12 венцов, только такой обидчик, что нас всех чисто по дороге прибил.

— Полно, братья, не я ли вас бил?

Они и говорят:

— Сиди, дурак, тебя свяжут и нам не уйти.

Они стали есь. Он отвязал лоб — сосветило по всей избе. Старший брат говорит:

— Ах ты, дурак, что ты задумал? Ты еще огонь добывать!

Он боле и не смет ницего. На четвертый день они опять запоежали. Он стал проситься. Они не берут. Уехали. Было много рыцарей. Принцесса подавала всем по стакану своими руками. Но не отыскала своего богосуженного. Бал кончился. Братья приехали домой и сказывают, сколько народу было, который скакал через 12 венцов.

Потом поехать стали на пятый день. Он опять просится:

— Братья, возьмите меня!

— Куда тебя, тебя свяжут, и нам не уйти, ты цего ле наболташь.

Они уехали. Приехали в город. Заводился пир, наехало много князей. Она повела опять по стакану всем. Только не могла найти никого. Тогда отец и говорит:

— Возьми лучше из этих!

Она не соглашалась. Быват, скрывается в простом народе. И говорит:

— Дай знать, щобы всякого звания муской пол ехали сюда.

Братья приехали домой и говорят, шо муского пола какой бы не был на свете, всех просит царевна на привет. Они запоежали. Он и говорит:

— Братья, возьмите меня!

— Куда тебя, если ты чего наговоришь, то тебе беда, да и нам не уйти.

— Нет, братья, я ничего не буду говорить, только возьмите.

Братья согласились взять ёго.

— Только смотри, ничего не говори!

— Братья, я не буду!

— А лоб-то что?

— Суком ушиб.

Приехали к царю. Стал пир, вышла принцесса и стала подавать всем по стакану. Сперва передние столы, а потом и задни, простому народу. Дошла очередь в самом углу до Иванушка дурацка. Спросила:

— Как тебя зовут?

— Иваном да дурацёк.

— А почему, гыт, лоб завязан?

Братья глядят, шо будет.

— Сударыня, я ходил за грибами дак суюком ушиб.

— Ну-ко, отвяжи.

Он не отвязывает.

— Прикажу отвязать, говорит, сам не отвяжешь, говорит.

Тогда, шо он поневоляник, отвязал плат. И сосветило по всей избе. Царевна взяла его за руку, обтёрла сопли и поцеловала (пушай смеялись!) и говорит:

— Вот я выпью с этим и сама стакан.

И привела к папаше.

— Вот, папаша, это мой богосуженой!

Веселым пирком и за свадьбу. Стал он жить у государя, этот Ваня.

Однажды в хорошо время государь и говорит:

— Кто бы мне съездил в заповедные луга, достал златорогого оленя?

Эти два любимые зятя уехали. А она пришла к Ване и говорит:

— Что ты, Ваня, спишь? Любимы-ти зятя уехали за златорогим оленём. Случайно на счастье тебе не попал бы.

— А я на ком поеду? Поди, проси у папаши лошадь!

Она пришла:

— Папаша, дай лошадь моёму хозяину. Случайно не выйдет ли моёму хозяину поймать золоторого оленя.

— Ну, ну, пушай едет, пушай едет!

Приказали подать Ивану лошадь. Ланно, хорошо.

— Над-нет оседлать?

Он сказал:

— Не надо.

Поехал так. Заскочил на лошадь, к ж... глазами и захватился за хвост и почал бить по ж... Кобыла понеслась за город. Только выбежала, соскочил Ваня и хватил за хвост и содрал егову кожу и бросил мясо.

— На-те, от царя вам гостинця! (сорокам и воронам).

Тогда он свиснул, гарконул молодецким посвистом, богатырским покриком.

— Сивко-Бурко, вещей Коурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, только земля дрожит, изо рту пламя, из ноздрей искры, из ушей пар столбом. Перед Ваней стал как вкопан. Он в ушко влез, в другое вылез — стал молодец — не вздумать, не згадать и не в сказке сказать, не пером написать. Клал потницьки на потницьки, на потницьки клал войлоцьки, на войлоцьк седёлышко черкальское, 12 подпруг с подпругами, все того же шелку шемаханского. Шелк не рвется, а булат не трется, аравинское золото на грязи не ржавеет. Еще цересседельну цепь не для ради басы, а для ради крепости, щобы конь его во чистом поли да не оставил. Поехал по заповедным лугам и увидел там золоторого оленя. Тотчас поймал и поехал назад. Остановился на дороге. Поставил шатер и лег спать. А эти зятя воротились назад, увидели шатер, приехали и говорят:

— Украдем! — один.

Другой говорит:

— Нет, проснется, догонит, у нас кожу живком сдерет. Лучше зайдем в шатер и купим.

Зашли в шатер и говорят:

— Продай нам золоторого оленя!

Он говорит:

— Не продажный, а оветный!

— А какой овет?

— Да от руки по пальцу.

Они подумали:

— Плохо!

А угодить князю охота. Согласилися рубить от руки по пальцу. Он отрубил по пальцу и отдал. Они повели. Он остался. Тогда поехал домой. Приезжает, спустил коня, и видит — идет на туловищи, знаете, на кобыли много ворон да сорок. Он ухватил палку и бросил в них. Множество ушиб. Навязал он на веревку и потянул к государю. А там идет пир. Привели два зятя оленя золоторого. Вот и кричит:

— Ваше инператорское величество! Не угодно ле вам дици я принес для пиру!

Вот тут смех подняли сестры.

— Вот так жоних!

Она молчит.

Ну ладно. Потом он зашел в свою комнату. Прошел пир. Она пришла и говорит:

— Ваня, шибко надо мною смеются.

Он сказал:

— Будёт время, и мы над имá посмеемся.

Тогда пришел цяс, стали опять зятя отправляться за охотой в заповедны дуга — достать свинку золотую щетинку. Они уехали. Она пришла к мужу и говорит:

— Ваня, що ты спишь? Ведь любимы-ти зятя опять уехали искать свинку золотую щетинку.

— Ну так что? Проси поди лошадь каку ле у отца, дак я поеду.

Она пошла.

— Папаша, дай лошадь моему хозяину! Бывает, случайно он не поймат ли.

— Ну-ну, пушай едет, бывает и поймат.

А самому смёшно.

Тогда подали ему лошадь. Сел он опять назад глазами и почал дуть. Полетел за город. Только лошадь выбежала, соскочил он с ей, ухватил ей за хвост и сорвал с ей кожу, а мясо бросил сорокам да воронам.

— Вот вам, сороки да вороны, от царя гостинца!

Ладно хорошо. Потом опять свиснул, гарконул молодецким посвистом, богатырским покриком:

— Сивко-Бурко, вещей Коурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, только земля дрожит, изо рту пламя, из ноздрей искры, из ушей пар столбом. Стал перед Иваном дурацком, как вкопан. Он в ушко влез, а в другое вылез — стал молодец, что не вздумать не згадать и не в сказке сказать и не пером описать. Клал он потницьки на потницьки, на потницьки войлоцьки, а на войлоцьки седёлышко черкальское, еще подпружецьки бухарские, 12 подпруг с подпругами все того же шелку шемаханского. Шелк не рвется — булат не трется, аравинское золото на грязи не ржавеет. Еще цересседельную цепь не для ради басы, а для ради крепости, чтобы конь его во чистом полі не оставил. Тогда ступил он в стремена и помчался, как вихрь. Очунь скоро увидел свинку золотую щетинку и тотчас ей поймал и поехал назад. Остановился на дороге, поставил шатер и привалился отдохнуть.

Вернулись зятя любимы и увидели — привязана свинка у шатра. Опять такой же богатырь. Они и решились купить. Зашли в шатер и говорят:

— Продай нам свинку золотую щетинку!

— А нет, братцы, не продажна, а оветна.

— Какой овет?

— А отрубите от ноги по пальцу!

Они думали:

— Отрубить плохо!

Потом решились рубить. Он отрубил им по пальцу и положил в карман. Отдал им свинку золотую щетинку. Поехали они, а он остался. Тогда он уехал, спустил коня и пошел к государю. Приходит — там пир да бал. И он повалился на печь. А над жоной всё смеются.

— Не поймал ли твой хозяин?

Государь говорит:

— С моего двора всех коней выводит. Каку уведет, ту и вóвсё.

Прошел пир. Пришло время хорóшо. Государь опять стал зятей отправлять.

— Поезжайте, привезите мне там есь растет золотая веточка.

Они уехали. Она и говорит мужу:

— Что ты, Ваня, спишь? Там ведь зятя-ти уехали по золотую веточку.

— Дак ведь я на ком поеду? Давай лошадь, проси у отца.

— Папаша, гыт, дай лошадь моёму мужу. Случайно он не может ли привезти.

— Ха-ха-ха! Поезжает, поезжает пускай, да у меня не останется коней, последних выудит.

Подали ему лошадь. Он заскочил и поехал. Поехал за город, соскочил с лошади, ухватил её за хвост и бросил.

— Вот вам, сороки да вороны, от царя гостинцы!

Тогда он свиснул, гарконул:

(Ах, упустил там, пометьте. Когда он поезжать то стал, так жаны то сказал:

— Когда я приеду, так ты нарядись в самолучши платьи.

Да, да, да).

Ну вот, хорошо. Свиснул, гарконул молодецким посвистом, богатырским покриком:

— Сивко-Бурко, вещей Коурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, только земля дрожит, изо рта пламя, из ноздрей искры, из ушей дым столбом. Стал перед Иваном дураком как вкопан. Он в ушко влез, а в другое вылез, стал молодец, что не задумать, не згадать, и не в сказке сказать, и не пером описать. Крал он потницьки на потницьки, на потницьки крал войлоцьки, а на войлоцьки седельшко черкальское, еще подружецьки бухарские, 12 подпруг с подругами, все того же шелку шемаханского. Шелк не рвется, а булат не трется, аравинское золото на грязи не ржавеет; еще цересседельную цепь не для ради басы, а для ради крепости, чтобы конь его во чистом поле да не оставил. Заскочил он в седло и поехал.

Близко ле, далеко, низко ле, высоко, скоро сказка скажется, а не скоро дело делается. Приезжает в то царство, где растет золотая веточка. Тогда он быстро её сорвал и помчался назад. На дороге остановился и зашел в шатер и лег спать. Потом лежит. Едут два любимые зятя. Они его не знают. Решились зайти и купить эту золотую веточку. Зашли, говорят:

— Продай нам золотую веточку.

— У мне, братцы, не продажна.

Почему?

— А так что заветна.

— Какой завет?

Из спины по ремню.

Они думали — больно. Что же, это плохо. Решились, давай уступить, выкроить из спины по ремню. Он взял ножик и сейчас же вырезал из спины по ремню. Они поехали, рады, что теперя угодили царю, своему тестю. Так приехали. Стал пир. Собралось много королей, знатных вельмож на весь мир, таких пиров даже от роду не бывало. Множество народа, все стали веселы.

Потом, знаете ли, а Иван пробудился, заскочил на своего коня и помчался в город. Едет прямо к государю на дворец. Государь увидел, что едет иностранный гость, выбежал стретать со всей своей свитой.

— Пожалуйте, гостенёк, пожалуйте!

Посадил его как гостя в самый передней угол. Стали угощать, стали веселы. Он тоже выпил и говорит:

— Вот что, милостивый государь. Я к вам ехал, что слышал — у тебя есь младшая красивая дочь. Я хотел бы ей посвататься за себя.

— Да, ежели бы вы взяли — она вышла за Иванушку дурацъка. Я бы ёго из чарства выгнал.

— Милостивый государь! Если вы для меня хотите выгнать из чарства своего зятя, то прежде узнайте, кто я нахожусь.

— А вы кто? государь спросил. Как вас звать по имени?

— Меня зовут Иваном, по прозванию дурак, то есь ваш зять. А спроси-ко, почему же твои зятья сидят и едят в перчатках?

А они уже смекнули, что он. А он говорит:

— Что, руки болят? Соймите ихны перчатки!

Тогда сняли и увидели, что у их нет от руки по пальцу.

— Это что?

— Это, говорит, папаша, они отдали мне, знаете ле, за златорогого оленя. Вот ихны пальцы.

Выняли, приложили — как тут и были. Пошел смех по всему балу. Потом он спросил:

— Прикажите им раздеть с правой ноги сапог!

Тотчас приказали. Они раздели и увидели, что у их нет и от ноги по пальцу.

— Это, гыт, что?

— Это у их свинка золотая щетинка, котору я поймал и им продал.

Ладно хорошо.

— Ну-ка, прикажите здеть ихны рубашки!

Здели рубашки и увидели, что у их нет по ремню на спіны.

— Это что тако?

— Это золотая эта самая веточка.

Государь за такую подлость приказал их казнить. А Ивану сказал:

— Ты будешь царем. Отказываюся от всёго я.

И сказке конец.

126. ПРО ВАНЮ И ВАСЮ

Бывало, живало жил-был царь. Он был холос. Он женился и уехал по своёму государству, а жена осталася беременна. Он проездил долго. Она после ёго родила два сына и назвала им имя — один Вася, другой Ваня.

А бабка была ихна волшебница. Она оставила ей кольцо, что вот хто родится первый, сын если, вот это мой подарок. Хорошо.

Потом приезжает государь, его стретают, проздравляют с сыновьями. Он говорит, что это у ей сколотны (без его нажиты), я не признаюсь. Выхватил саблю, хотел у ей голову сказнить. Потом одумался, что царскую фамилию не казнят. Собрал всех думных сенаторов. Придумали ей закласть в каменную стену с сыновьями.

А Вася да Ваня ростут они не по годам, а по часам. В одно в хорошо время, говорят они матери:

— Мама, дай нам благословенё, мы сходим к папаше в город.

Она и говорит:

— Да как вы пойдете? Ведь и мне бы самой охвота, да не выйдёшь.

— Дак ты только дай, мы выйдём.

— Ну дак подите.

Ваня говорит:

— Ну-ко Вася, пригнись, я стану на твои плéця и двинём, какова у папаша стенка. Крепко ли она слóжена?

Они двинули — образовалася дыра. Они вылезли, походили по городу. Обратно пришли, говорят, что хорош у папаша город.

Тогда прошло времё боле, они говорят:

— Мама, дай нам благословенья съездить в иностранные державы, людей посмотреть да и себя показать.

Она плакала. Они говорят:

— Мы тебя не забудём.

Ну, она отпустила. Они поехали, вышли, пошли к морю. Там стоит флигерёк полон воды. Говорит Ваня:

— Ну-ка, Вася, влез да выпанповай водú из кáрбаса!

Тотчас это Вася сделал. Зашли они в кáрбас оба и поставили парус. Пался ветер им попутный. Приехали они в другу землю. Стали они на пристань и дёржат свой флаг. А на пристани государь гуляет, говорит:

— Кучер, поди-ка спроси, что там на таком судне зá люди!

Кучер спросил:

— Що на судне зá люди?

Они отвечают:

— Есь главный конюх и главный садовник.

Конюх ему надо, а садовник не к руки. Потом:

— Ну, дак, Ваня, ты останься, а я поеду вперед.

Тогда он пóднял парус. Опять пался ему попутный ветёр. Он приехал в другу землю, опять стал на пристань. Потом опять государь гуляет. Он видел как ле щюдный флигерь, говорит:

— Поди-ка, кучер, спроси, що на судне зá люди!

Кучер спросил. Он отвечает:

— Есь главный садовник.

А у его 30 лет сад строится, некто не может соорить.

— Мне-ка надо.

— Да вот тогда нать вывезти мне флигерёк на гóру, поставить трáн-балы²⁶ и выкрасить.

Вдруг сейчас приехал этот Ваня, дали ему комнату и собрали пир. Напоил допьяна царь Ваню и говорит, что:

— Вот тебе открываю банк, бери денёг сколько надо, и войск, работников тоже и строй сад.

Он, знаете ле, от войска отказался.

— Работники мне не надо. Я сам найму. Только деньги надо.

Тогда он дал ему на подруки генерала, чтобы он следил, чтобы он с деньгами не улизнул. Вышли они с генералом и сейчас Вася крычит:

— Кучер!

Кучер подлетел. Сейчас:

— Вези нас в главную гостиницу!

Потом зашли они в гостиницу. А сад взялся строить нá три месяца. И живут день, живут другой, живут и третий. И шла неделя, прошла другая и месяц. Они всё живут. Время идет. Прошел и другой. Наступил третий. А они только пьют вино и больше ничего. Остаться стало только три дня. Нужно будёт сдавать сад. Этот генерал и говорит:

— Ну, Ваня, ты какой ле бродяга, а я генерал. Я должен получить смерть.

— Не твоя печель, а моя. Мы пьем, а сад строят.

²⁶ Ухваты для судна.

— Как так?

— Да так, вот через три дня будем сдавать.

Генерал написал пуще прежнего. Ладно хорошо. И знаете ли, а Вани не до питья. Он заспал. Ваня вышел на крыльцо, с руки на руки переложил кольцо, явился дедушка.

— Что, племянничёк надо? За чего же ты долго меня не требовал!

— Не надо, так я тебя и не требовал. Вот, дедушко, надо сад, чтобы такого на свете не было, кругом сад канал, кругом канал хрустальный мост, а по этому каналу чтобы бегали пароходы, безурывно. А когда я приеду этот сад сдавать, чтобы было всё готово. И когда государь заедёт, всё бы здрело, цвело, дыни, арбузы, черносливы и всякия ягоды.

— Это, племянничёк, всё будет исполнено.

Он опять зашел в избу и напился еще пуще прежнего. Опять, знаете ли, ночь стала. Ване не до сну. Он вышел на крыльцо, опять с руки на руку кольцо переложил. Опять является дедушка.

— Что, племянничёк, надо?

— Да вот, дедушка, сострой-ка мне дворец, против царского дворца, чтобы краше царского.

— Это всё будет исполнено.

Тогда они проспались. Побутру ставают. И говорит:

— Половой!

Половой подскочил.

— Пожалуйте сюда хозяина!

Счас приходит хозяин.

— Сколько мы у тебя запили, заели?

Он сказал:

— Стольки-то.

Ваня вынимает вдвое боле, а то еще втрое. Поблагодарил он их и вышли они с генералом, сели на кучера и поехали во свой дворец. Говорит:

— Вези нас — против царского дворца есь дворец на такой-то улицы построён новый.

Кучер знает. Счас кучер поехал. Генерал увидел, что это состроено волшебством, соскочил с кучера, а Ваня поехал. Приехал, дицяс выскозили слуги, принимают его. Он увидел, что приняли.

— Все равно, гыт мне смерть. Давай, пойду, говорит генерал.

Пришел, напился еще пуще прежнего. Утром ставают. Вася и говорит:

— Ну давай, тепере пойдём и сад сдавать.

— Да как так?

— Да уже готов. Ты-то пьешь, а мне-то хлопотать надо.

Вот поехали к царю. Приезжают. Доложили, что приехал генерал и главный садовник, сдавать хотят сад. Государь сказал:

— Как так, не слышно не стуку не грому, а сад готов. Ну-ка, посмотрим.

Сейчас заложили карету и поехали к саду. Тогда приехали. Стоит государь и говорит:

— Это состроено волшебством.

А Ваня и говорит:

— Позвольте мне вашу тройку, я прокатюсь впереди вас.

А в то время пароходы только швыряют по каналу. Сел Ваня на тройку и пыхнул в сад. Облетел и вылетел назад. Государь тогда убедился, что это не волшебством состроено, сел с государыней и поехали в сад. Потом, знаете ли, объехали — здрет, цветёт. Когда объехали, тогда уже всё поспело. Стали они ись ягоды. И тогда поехали домой. Приехали к дому,

заходили в избу или в комнату. Ну, пошел пир на весь мир. Все на пиру стали веселы.

Государь и говорит:

— А что же, Ваня, за твою услугу, чего нать, то и бери — полжитья, полбыття, пол-именья моего, или у меня есь младшая дочь, можешь взять.

— Ваше императорское величество, ежели будёт от вас такая милость, дак я уже, пожалуй, жониться бы жалал.

Тогда веселым пирком и за свадьбу.

Немного пожили, она и говорит, эта царевна:

— Папаша, а ты, говорит, Ваню-ту пошли во свой дом, мне что-то он не нравится.

Он ушел, потом живет во своем доме. В одно прекрасное время выходит на улець — бежит мальчик, а там с печальным барабаном спровожают.

— Мальчик, это что?

— Это, говорит, царску старшую дочь спровожают трехглавому змею на съедание.

— Ха, вот какая глупость у царя-то! Прежде защитника не попросил да и отдавает царскую дочь на съеданье.

Пошел, умылся, снарядился, вышел, с рúки на руку кольцо переложил, является дедушка.

— Что, племянницёк, надо?

— Да надо мне коня со всей сбруей богатырской.

— Будет тебе конь.

Вдруг конь бежит, только земля дрожит, изо рту пламя, из ноздрей искры, а из ушей пар пышет. Стал перед ним как вкопан. А он в ушко влез, а в другое вылез, стал молодец, что не здумать, не згадать, и не в сказке сказать, и не пером написать. Клал он потницьки на потницьки, на потницьки седельышко черькальское, подпружецьки бухарские, 12 подпруг с подпругами, всё того же шелку шемаханского. Шелк не рвется, а булат не трется, аравинское золото на грязи не ржавеет. Еще цересседельную цепь не для ради басы, а для ради крепости. Вот поехал, нагнал умницу, царицу ту, и говорит:

— Умница, воротись, я за тебя заступаюсь.

А она сказала, что:

— Нельзя, потому что змей выйдет, все царство приест и головней прокатит.

Ну потом она остановилась. Он приехал к озеру, поставил шатер и привалился. Потом в полдень озеро сколыхалось, змей вышел и говорит:

— А! Да вот как мне царь-то жалеется, послал еще да двух. Неужели кто есь мне соперник? Есь мне соперник за тридевять полей за тридевять морей, в тридесятом царстве, Иван-царевич. Он бы мог со мной супротивиться, да его сюда сорока ле ворона на хвосте не занесет.

— Ах ты Чудо-Юдо, проклятая образина! Разве сюда добрых молодцов сорока да ворона на хвосте заносит? Разве сами не заезжают?

— А, Ваня, говорит, да ты здесь, дак у нас прежде ссоры и драки не бывало и вперед не желаем, только дай мне царскую дочь съись.

— Ха! Ах ты Чудо-Юдо, проклятая образина. Тебе нечем разве питаться, есь раков, а она мне свойка!

Тогда он сказал:

— Ну, Ваня, не соглашаешься, так делай полё.

Он фёрснул, на три версты полё как карта сделалось. Тогда они разъехались. Махнул этот Ваня своей саблей. У ёго головы, как пугвицы отлетели. Тогда тулово зарвалось, он ухватил это тулово, бросил в озеро,

а драгоценны камни были в головы, он головы под камень заклал. Потом вернулся к повозки. Повозку закатило всю песком. Тогда он стегнул коней. Они выхватили. Она и говорит:

— Вот что, милостивый государь, пойдём-ка к моему папаше, тебя всещёдро угостит.

Он и говорит:

— Я уже вашим папашей очуень доволен прежде был.

Тогда уехал домой, спустил коня. Она приехала к отцу и рассказала обо всем случившем.

— Это, говорит, господь послал ангела слабодить меня.

Пошел пир еще пуще прежнего.

После этого опять в одно время змей кличет государя, чтобы дал он ему на каждый день по человеку. Тогда дошла очередь до еговой дочери до средней. Ей стали отпрвлять в черной повозки опять на пары. А Ваня дома и сном не знает. Потом вышел на крыльцо, а бежит мальчик.

— Мальчик, что в городи деется?

— А ничего такого. Царскую дочь змею на съеданье отправляют, сейчас шестиглавою, говорит:

— Ну?

— Да.

— Ха! Вишь как! Государь-от не просит защиты да отправляет съись.

Сейчас вышел на крыльцо да свиснул, он гаркнул молодецким посвистом, богатырским покрывком:

— Сивко-Бурко, вещей Каурко, стань передо мной как лист перед травой!

Конь бежит, только земля дрожит, изо рта пламя, из ноздрей искры, а из ушей дым столбом пышет. Прибежал, стал как вкопан. Он в одно ушко влез, а в другое вылез, стал молодец, что не вздумать, и не згадать, и не в сказке сказать, и не пером написать. Клал он потницьки на потницьки, на потницьки клал войлоцьки, а на войлоцьки седельшко черкальское да подпружецьки бухарские, все того же шелку шемаханского. Шелк не рвется, булат не трется, аравинское золото на грязи не ржавеет. Еще цересседельную цепь, не для ради басы, а для ради крепости, чтобы конь во чистом полі не оставил. Потом поехал. Догнал эту умницу и говорит:

— Умница, воротись, я за тебя заступаюсь!

Она говорит:

— Это очень силён.

Он упреждает, что:

— Не езд, я поеду.

Она остановилась, он приехал к морю, поставил шатер и лег отдохнуть. Вдруг сейчас сколо полудня озеро сколыхалось, и выпехиват головы змей и говорит:

— А! Вот как мной государь-то жалеется, послал еще двух. А неужели кто мне есь соперник? Есь соперник Иван-царевич. Он бы мог со мной супротивиться, да его сюда сорока ли ворона на хвосте не занесет.

— Ах ты, Чудо-Юдо, проклятая образина! Разве добрых молодецкй сорока да ворона на хвосте заносит? Разве сами не заезжают?

— А, Ваня, ты здесь? Дай мне царскую дочь съись.

— Нет, не дам. Потому что я ей свой.

— Ну, не соглашаеся, так делай полё.

— У тя шесь голов да шесь духов, все поганы, я не могу делать полё.

Он форснул, на шесь вёрс поле как карта сделалось. Вдруг они развехались, слетелися. Ваня махнул, у ёго головы как пугвицы отлетели, туловищо

поцяло прыгать. Он ухватил и выбросил его в озеро. А эти головы под камень заклал.

Приехал на гору, а повозку всю закатило песком. Он коней стёгнул, кони выхватили. Она и говорит:

— Вот что, милостивый государь, поедем к нашему папаше, так как наш папаша вас всещедро угостит.

— Очень благодарен вашим папашей, потому что я прежде вашим папашей очень доволен был.

Ну, тогда она поехала домой, а он отправился тоже. Вдруг сейчас она приехала, все обсказала.

— Не знаю кто в то время господь посылает ангела свобожать моих дочерей.

Пошел пир пуще прежнего. Пиво тогда, вино по усу текло, а в рот не попало.

Жили, пожили. Сказка сказывается скоро, а дело делается долго. Опять в одно время опять завязался змей 12 глав очень сильный, и просить стал после:

— Дайте мне царскую дочь, а я таких есь не буду.

Тогда государь, было ему этой дочери жалко, привелось отправить. Отправили ей. А этот Ваня был дома. Он ничего не знает. Вдруг вышел на крыльцо — бежит мальчик. А там провожают печальным барабаном.

— Мальчик, это что?

— Это царскую дочь младшу спровожают змею на съеданье.

— Фу, боже мой, преже защиты не спросил да и отправляет царскую дочь на съеданье.

Умылся, снарядился, вышел, свиснул, гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком.

— Сивко-бурко, вещей Коурко, стань передо мной как лист перед травой!

Конь бежит, только земля дрожит, изо рту пламя, из ноздрей искры, а из ушей дым столбом. Стал, прибежал и как вкопан. Он в ушко влез, а в друго вылез, стал молодец — не вздумать не взгадать не в сказке сказать и не пером описать. Клал он потницьки на потницьки, на потницьки клал войлоцьки и на войлоцьки седёлышко черкальское, еще подпружецьки бухарские, 12 подпруг с подпругами все того же шелку шемаханского, шелк не рвется, булат не трется, аравинское золото на грязи не ржавеет; еще цересседельную цепь, не для ради басы, для ради крепости, щобы конь меня во чистом поли да не оставил.

Поехал и нагнал эту умницу и говорит:

— Воротись, я за тебя заступаюсь!

— Нет, милостивый государь, потому что он очень сильный змей, я не смею воротиться.

— Я говорю, что ты воротись!

Она не верит, едет на угор. Выехала на угор и остановилась. Он приехал к озеру, лег отдыхать. Вдруг сичас озеро сколыбалось, и выпехивает головы змей.

— Ах, как мной государь-то жалеется да послал еще двух! Неужели-то кто, знаете, мне есь супротивник? Есь мне супротивник, Иван-царевич; ежели бы здесь был, я бы ёго на одну долонь лапу полóжил, а другой прихлопнул, так только бы мокро пошло.

— Ах ты, Чудо-Юдо, проклятая образина! Ты зацем? Сладенькой канфетик, да не подавись.

— А, Ваня, ты здесь? Давай мне царскую дочь съись. Прежде у нас ссоры-драки не бывало да и вперед не будет.

— Да нет, она мне жена. Я тебе не дам.

— Ну, Ваня, давай делай полё.

— У тя 12 голов, 12 духов, все поганы, а у меня один, я не могу делать.

Он форснул, полё стало на 12 верст как карта. Вот они разлетелись. Он махнул, Ваня, своей саблей. У ёго улетело 6 голов. Он звился и ударил его хоботом и вышиб ёго из седла и забил его по поясу в песок.

Конь заговорил языком русским:

— Ах ты Чудо-Юдо, проклятая образина! У нас в Русе не так, побьются, побьются да и отдохнут.

Змею тоже удар попал порядосный, давай и растянулсе. Ваня пришел в чувство, видит, что меч лежит его на стороне, палиця тоже, копьё тоже. Тогда он стал вильгаться из песку. Потом видит, что просто, выскочил, ухватился за меч. И змей завился. Он махнул — у ёго улетело три головы. Тогда змей звился. Он под хобот и остальные срубил головы. Тогда туловище завывало. А головы под каменьё заклал. Приехал к повозки, а повозку чуть-чуть видно. Он стёгал коней, кони не могут добыть. Тогда он подпряг своего хорошего коня. Змей-от охромил, ушиб ногу.

Конь выхватил. Вдруг сейчас он забрался в повозку и говорит:

— Ну, давай, теперя я тебя спас, так ты со мной согласишься!

— Нет, милостивый государь, я с тобой не согласна.

— А почёму?

— А потому, что я есь мужняя жена.

— Так как так? Ведь я тебя спас?

— Так ведь я жена. (Это считали грехом). А если силой возьмешь, я безовласна. Потому-поскольку я не могу от вас отдуться.

— Нет, я силой не буду. А вот если ты не желаешь, то перевяжи-ка у меня правую руку, а у коня левую ногу.

— Вот это мощно.

— А чем перевяжешь?

Она схватила с головы шелковый плат и взяла разорвала с угла на угол и завязала ему правую руку, а коня левую ногу. Она и говорит:

— Поедем к моему папаше. Наш папаша вас всещедро угостит.

— Нет, я, гыт, вашим папашей прежде доволен был.

Она уехала. Он поехал прямо во свой дворец на том коне, на котором и бился. Поставил коня ко крыльцу в стойло и надавал овсу и пшеницы. Потом зашел в комнату, повалился спать, написал письмо, положил на грудь, а саблю повесил на спици.

— Кто ежели меньше трех суток разбудит, у того голова с плечь.

А у их пошел пир больше прежнего. Она и говорит, царевна:

— Папаша, а я разве схожу да Ваню-то созову, так горелки стакан дам да хоть посмеёмся.

— Поди, приведи.

Она побежала. Отворила калитку, увидала коня, так в оморок и упала. Чуть устояла на ногах. Забежала в комнату и видит — лёжит самый тот молодец во всей сбруе богатырской. И на груди у его написано письмо. Хватила она — прочитала, и тут говорится, что кто менее трех суток разбудит, у того голова с плечь. Она заплакала, побежала к отцу, говорит:

— Папаша, що мы наделали! Это ведь мой хозяин был, свобожал нас.

— Ну?

— Да, да. Конь стоит и он спит.

— Разве это мыслимо?

— Правда!

Сейчас государь всё прикончил, весь пир, и тогда выставил войско от своего дворца и до ёгового. А наслал сукно, а сам пошел в комнату дожидаться, скоро ли проснется зять, и что ему скажет, за что он его прогнал на дворе стой на часах. А хозяйка его сидела и плакала, его царевна-то. Как-то нечаянно выкатилась слеза да и пала ему на лицо и ужгла как искра. Он пробудился ото сну, скочил, хватился за саблю.

— Там говорено, что хто разбудит меня меньше трёх суток, у того голова с плеч. Ну, за то тебя прощаю, что ты ешь мужняя жена.

Тут услышал государь, кинулся, пал на колени, просит прощенье.

— Прости, Ваня, меня в той вины, шо я тебя выгнал из дому!

Сейчас грянула музыка, пошли они в царский дворец. Пошел пир пуще прежнего. Все напивались, все наедались. Государь и говорит:

— Ну, Ваня, я стал стар, от всего теперя отказываюсь. Вот тебе всё царство, ты хочешь, так хорошо живи, царь, я всё тебе сдаваю.

Ну вот он стал и царить. Живет хорошо. И говорит:

— Ведь я теперя царем живу хорошо. А где-ка брат-от? Надо съездить попроведать.

Взял он свой флигрёк, спустился на воду и, знаете ли, поехал. Приезжает в то царство. Вдруг на пристань пошел, по пристани идет, знаете ли, государь со всей свитой. Он подходит:

— Здравствуй, брат.

— Здравствуй, брат, здравствуй.

— А вот что, Ваня, я тебя виноват.

— А что? говорит.

— Да я ведь женился.

— Ну дак ладно, брат Вася. Ты женился да и я. Ты женился.

— Я ведь, брат, царем.

— Да и я, брат, царем.

— Я тебя не позвал на свадьбу.

— Да ведь и я тебя не позвал, дак и поровну.

Тут они попили и гостили, да потом он поезжать стал домой и говорит:

— Вот, брат, я тебе дам кольцо, смотри, если это кольцо потемнеет, знай, что у меня неустойка, так ты должен приезжать мне на помощь, а ежели ты не приедешь, то я твое царство перебью и тебя в плен возьму.

Они распростились. Он уехал и, знаете ли, приехал к дому а сила окружила кругом дом незаходно. А его тесь лёжит в постели. Не знат, что делать, зятя нету, распорядка не знат какого дать.

Только он ворвался в город, приходит в комнату, увидел тестя. Тесть скочил и сказал:

— Ну, Ваня, теперя сам знаешь, что хошь, то и делай. Он сел на стул и повесил голову.

— Что же мне делать — сила отправить или самóму выехать?

— Зачем же сила мелка тратить, лучше бы выехать самому.

Жонка его не спущает — убьют. Он этому не поверил, выехал. Почал по силы поезживать, почал силушку помахивать. Видит — с другой стороны такой же витязь ездит и силу побивает. Потом съехались все и поздоровались.

Ах, нать было сказать! Тут стоели их три царевича. Приехал Ваня и сказал.

— Подите и скажите дома, шо святая Русь не пустá стоит, только взм и слободы трем, а больше ни одного не осталось.

Тогда они съехались два брата. Поздоровались, поехали, знаете ли, в город, выпили, пожили тут и говорят:

— А Вася, а где-то наша мати? Надо ведь ей достать.

Вот они и отправились. Поехали к тому городу. Подступили, войска выбили и матерь вырुтили, увезли с собой.

Вернулись назад и стали жить, да поживать, да добра наживать, да и теперя царема живут где ле.

Больше сказки конец.

ЛЫНДОВО

Василей Федорович Базаров, 14 л.

127. БОГАТЫРЬ

Жил один богатырь в большом доме в двухэтажном. Он жил один. У его были, знаешь, быков много. Он был кривой. Пришел к нему коневал. Он истопил печку и жарит быка. Коневал говорит:

— Чего делаешь?

— Я быка жарю.

А богатырь был кривой. Коневал говорит:

— Не надо ль тебе глаз вставить?

А тот его и стал вставлять глаз. Говорит:

— Давай я тебе вставлю!

Разогрел огонь в печки, развязал ремни, связал этого богатыря. И вот разварил олово.

— Теперь, говорит, защуры глаза!

Тот зашурил, тот взял да олово ему и налил на лицо-то. Побежал. Тот разорвал все ремни и выскочил. Который, знаешь, налил, выбежал на улицу. Он сзади его выбежал на звоз. Богатырь схватил шар такой и этому бросил коневалу-ту.

— На, говорит, тебе за то шар.

Тот шар взял и понес. Была тут такая дыра. Он в эту дыру зачихал палец и вытянул. У его кругом стали солдаты. Он испугался, заткнул этот палец и опять солдатов нету. Палец опять вынет — опять солдаты есь, он палец зачихал и отгрыз палец и бросил шар. И пошел. Всё.

ТИГЛЯВА

Анна Павловна Порыгина, 15 л.

128. ЧУДЕСНАЯ ПТИЧКА

Жили дедушка, бабушка. Они очень бедно жили. У них никого не было. Бабушка говорит:

— Дедушка, поди в лес, сруби елку, не будет ли у нас дров, нету печку затопить.

Ушел в лес. Рубит елку. Птичка лётит:

— Дедушка, чего рубишь?

— Елку рублю.

Иди, говорит, напейся квасу, помолись Спасу. Завтра вернешься, дров много будет.

Потом встали — дров много. Дедушка говорит:

— Поди, сруби елку, у нас хлеба нет.

Он пошел елку рубить. Птицка лѣтит.

— Дедушка, чего рубишь?

— Елку рублю, хлеба нету.

— Поди, напейся квасу, помолись Спасу, завтра целый амбар хлеба будет.

Он пришел домой, напился квасу, помолился Спасу — и целый амбар хлеба.

Оне встали, и хлеба много. Опять снова:

— Дедушка, чего рубишь?

— Лошадей нету.

— Напейся квасу, помолись Спасу, завтра встанешь, лошадей много будет.

Птицка летит:

— Дедушка, чего рубишь?

— Скота, говорит, нету.

— Поди, напейся квасу, помолись Спасу, скот будет.

Пришел, напился квасу, помолился Спасу, целый хлев у него скота.

Потом — посуды. Он рубит елку. Птицка лѣтит.

— Дедушка, чего рубишь?

— Посуды нету.

— Напейся квасу и помолись Спасу, будет посуда.

Он напился квасу, помолился Спасу, целая комната посуды.

Потом сказка вся и сказать нельзя.

129. ПРИБАУТКА

Жили-были дедушка да бабушка. У них было под окошецьком озерьцѳ. Бабушка говорит:

— Дедушка, поди, поставь вѣршу-то, не попадѣт ли что?

Ему попала щука да елец, кривой жеребец. И сказка вся.

130. РЕПКА

Жили дедушка да бабушка. У них росла на баенке репка. Бабушка говорит:

— Дедушка, вытащи репку!

Дедушка тащил, тащил не мог вытащить, бабку кликнул. Бабка за дедку, дедка за репку, тащили, тащили — не могли вытащить. Кликнули Машку. Дедка за репку, бабка за дедку, Машка за бабку, тащили, тащили — не могли вытащить. Кликнули внуцьку. Дедка за репку, бабка за дедку, Машка за бабку, внуцька за Машку, тащили, тащили — не могли вытащить. Кликнули Жуцьку. Дедка за репку, бабка за дедку, Машка за бабку, внуцька за Машку, Жуцька за внуцьку, тащили, тащили — не могли вытянуть. Кликнули кошку. Кошка за Жуцьку. Потом кликнули мышку. Бабка за дедку, дедка за репку, Машка за бабку, Жуцька за Машку, внуцька за Жуцьку, кошка за внуцьку, мышка за кошку, тащили, тащили репку — вытащили и напополам разделили, всем по репки.

ДОРОГАЯ ГОРА

Терентий Павлович Гладкий, 51 г.

131. ПРО ИВАНА-ЦАРЕВИЧА

Жил-был государь. У ёго было три сына. Первого звали Васильем, другого Петром, а младшего Иваном. Вот они жили, пожили, стали больше. Вот поехали в чисто полё гулять с маменькой. И вот откуда-то взялся Вихорь и унес у их мать. Оны остались одны. Вот не знают, как явиться домой, к государю-отцу, покровителю. Вот он и говорит:

— Если не найдите моей супруги, я вас не пушу домой, им сказал отец.

И вот он наутро им дал тройку лошадей, карету и хлебов, и оне отправились, куда глаза несут. Вот ехали, ехали, близко ли, высоко там, близко ли, далече, стала их постигать ночь. Вот они увидали — стоит избушка на курьей ножке об одном окошке. К лесу глазами к им воротами. Вот Иван-царевич соскочил с кареты, зашел в избушку. Живет старая, престарая старушка.

— Откуда, говорит, ты взялся и куда прависся? — она спрашивает.

Он говорит:

— Откуда, говорит, ты взялся и куда прависся? — она спрашивает.

Братья тоже вошли в избу. Тогда она накормила, напоила, стала вестей спрашивать.

Вот тогда они поужинали и стали спать ложиться. Она и говорит:

— Куда, деточки, правитесь, куда путь держите?

— Вот, говорят, у нас унес Вихорь Вихоревич мать, так идем разыскивать. Не знаешь ли, гыт, ты, где ей?

Она говорит:

— Я ничё не знаю. Живет подале средня сестра, та не знает ли чего.

Вот утром стали, запряглись, опять поехали дальше. Вот опять ехали, ехали, близко ли, высоко ли, таким же манером опять стала постигать их ночь. Опять стоит избушка такая же на курьей ножке об одном окошке, как там, так же. Вот опять этот Иван соскочил с кареты, зашел в избушку. Живет старушка.

— Куда, Иван-царевич, прависся?

— Как ты меня знаешь?

— Как же вас не знаю, вас всех, братьей я знаю. Куда правитесь, куда путь держите?

И те вошли в избу.

— Не накормила, не напоила и стала вестей спрашивать.

Она опять накормила их. Поужинали и стали спать валиться. Опять стала спрашивать.

— Куда, деточки, правитесь, куда путь держите?

— К Вихорю Вихоревичу, украл нашу мать, поехали разыскивать, не знашь ли ты чего про ей?

— Там еще есь сестра, котора не знает ли чего.

Опять на утро поехали вперед до третьей там избушки. Опять ехали, ехали, близко ли, далеко, низко ли, высоко, опять стала постигать их ночь. Оне увидели избушку на курьей ножке об одном окошке, к лесу глазами, туда воротами, к нам крыльцом, туда концом. Вот Иван-царевич зашел в избушку.

— Откуда ты, Иван-царевич? — старушка спрашивает.

— Как ты меня, бабушка, знаешь?

— Я всех вас, царских детей, знаю.

И эти зашли.

— Куды, дети, правитесь, куда путь держите?

— Вот Вихорь Вихоревич матушку увез, не знаешь ли ты?

— Я, говорит, сама ницего не знаю, а дам вам клубок, докуль клубок покатится, дотуль вам путь, а дальше ницего не знаю.

Они, значит, опять поужинали, ночь проспали у старушки, а на утро стали отправляться в путь-дорожку. Она дала им этот клубок. Вот этот клубок катится, они взади едут.

Вот ехали, ехали низко ли, высоко, близко ли, далече, и увидали там такая гора, что и не видно ей конца. И под облак до самой. Этот клубок до горы докатился и потерялся. Вот тогда, значит, они раздернули шатер, сварили ужин, подогрели чайничек и вот позакусили и спать повалились до утра уж.

Вот утром встали, смотрят, как на гóру попась. Вот Василий и полез на гору. Ну вот он лез далёко ли, низко ли, стал отдыхать да и оборвался.

Потом полез средний брат. Тот тоже подальше влез, но тоже обратно вырвался.

Ну вот тогда Иван-царевич говорит:

— Я теперь сам полезу, и вот вам стакан воды, и смотрите в стакан. Пока вода белая, я еще буду живой, а как станет вода, как кровь, красная, тогда не считайте меня живым.

Тогда он простился с имá и полез на гору. Вот там долго ли лез, коротко ли лез, на эту гóру залез Иван-царевич. Там только тропка одна человеческа есь, больше дороги нету. Он по этой тропки пошел. Ну вот недалеко отошел, стоит столик, в столике чернила, перо и бумага. Он тогда братьям написал записку, что на гору залез. Тогда камень привязал и бросил под гóру. Вот эти братья там письмо процитали, что он на гору залез.

А сам отправился по этой тропки. Вот там далеце ли шел, близко ли шел, увидал, что стоит дом медной и кругом ограда медная. У ворот стоит собака, крýсится, лається, его съись ладится, на медной цепи привязана. Он эту собаку умерил, зашел в ограду. В ограды ходит три быка. Он этих быков накормил, напоил и в кóнюшню застал этих быков. Сам тогда пошел в этот дом. В этом доме ходил, все пусто, никого нету. И, знаешь ты, заходит уж в самую последню комнату — там сидит красавица Марья-царевна.

— Куды ты, Иван-царевич, взялся?

— Как ты меня, красавица, знашь?

— Шо ты, Иван-царевич, я сама Марья-царевна. Куды ты, Иван-царевич, прависся, куда путь держишь?

— А вот унес Вихорь Вихоревич маменьку, не знаешь ли-ка ты ей?

Она говорит:

— Я не знаю, вот там дальше живет сестра, не знат, де ли ка. Нас самых Вихорь Вихоревич унес.

Вот она опять подогрела чайку, кофейку. Попили, позакусили, стали спать валиться. Ему было охота с ей валиться. Она говорит:

— Вались лучше на отдельную койку.

Ну вот ночь проспал, чайку напился, отправился дальше, с ей распротился.

— Обратно пойдешь, привораживай сюда, если будешь живой. Я с вами пойду туда.

Ну вот он отправился домой. Шел, шел. Низко ли, высоко, близко ли, далёко, опять увидал — стоит серебряной дом и кругом ограда обнесёна серебряна. У ограды стоит собака на серебряной цепки, крысится, лается, его съись ладится.

Он эту собаку как-то укротил, опять зашел в ограду, в ограды ходят шесть быков. Он опять их накормил, напоил и опять на конюшны застáл. Ну, сам опять пошел по комнатам. В комнатах чисто, хорошо. Ходил, ходил, все комнаты выходил, нигде никого нет. Заходит в последню самую комнату, опять сидит красавица Марфа-царевна.

— Откуль ты, Иван-царевич, взялся?

— Как ты меня знаешь?

— Ох ты, Иван-царевич, как мне тебя не знать? Я сама Марфа-царевна. Куда ты, Иван-царевич, прависся, куда путь дёржишь?

— А вот, говорит, пошел разыскивать маменьку. Не знашь ли де ей?

Она говорит:

— Я не знаю, а вот младша сестра там дальше меня живет.

Ну вот она опять ему подогрела чаю, кофею, потом поужинали и стали спать опять ложиться. Ему охота с ей поспать. Она говорит:

— Если охота быть живым, со мной спать не ложись.

Ночь проспал да и отправился дальше.

— Только, говорит, обратно пойдешь, приворачивай сюда, я тоже на Русь пойду с вами.

Вот опять, значит, он пошел опять. Шел, шел, близко ли, высоко, низко ли, далече. Опять увидал — стоит дом золотой, кругом ограда золотая, а у ворот стоит собака на золотой цепки, крысится, лается, его ись ладится. Он эту собаку опять умерíл, зашел в ограду, в ограды ходит девять быков. Он девять быков накормил, напоил и по конюшням застáл, опять всех по своим стойлам. Сам пошел опять по комнатам. В комнаты заходит, всё везде пусто, ни жива человека. Опять заходит в одну комнату — сидит красавица. Вот еще лучше и краше тех.

— Откуль ты, Иван-царевич, взялся?

— Как ты меня знаешь?

— Как тебя не знать, сама Анна-царевна. Куда прависся, куда путь держишь?

— А вот направился искать маменьку, не знашь ли ты де-ка ей?

— Она, говорит, только от меня живет пять верст. Мы друг ко дружке ходим в гости. И вот она обещалась за тебя меня взять замуж. Я нахожусь твоя богосужена.

Вот они обручились перснями драгоценныма. Тогда она опять ему подогрела чайку, кофейку, может быть и водки было, я не знаю, я там не был. Чайку попили, поужинали, стали спать валиться. Она стала на ту кровать, а его на другу.

— Я, говорит, с тобой не поваюсь пока. Если хошь быть живым, не вались спать со мной, а не хошь, то вались.

Вот ночь проспала, чайком напоила и отправила.

— Ты пойдешь назад, то сюда приворачивай, если будешь живой, говорит.

Вот он тогда простился и пошел в путь-дорожку. Близко ли, далёко, низко ли, высоко. Вот увидал — стоит дом золотой и драгоценным камением высажен, стоит ограда золотая, драгоценным камением высажена. Опять собака крысится, лается, его съись ладится. Он эту собаку умерíл, зашел в ограду, в ограды ходит 12 быков. Он этих быков накормил, напоил, по конюшням поставил, по своим стойлам. Тогда, знаешь ты, пошел

опять в этот дом. В доме порато хорошо, а все пусто, никого нет. Ну вот и заходит в одну комнату, и сидит евоная мати.

— Откуль ты взялся сын, Иван-царевич, как тебя занесло?

Он говорит:

— Маменька, пошел тебя разыскивать. За тобой пошел.

— Как я тебя буду хранить? Прилётит Вихор Вихоревич с Руси, тебя убьет. Вот, говорит, помни, я тебе покажу, за оградой есь бочки на́ поли. В той стороны, в которой Вихорь будет, в той сила прибавляется. Вот, говорит, поди, напейся вина, эти бочки перебрасай с левой на праву, с правой на леву.

Вот Иван-царевич напился и чувствует, что силы вдвое больше. Он эти бочки переметал с правой руки на леву, а с левой на праву.

Она привела его в комнату, накормила, напоила этого сына. И вот загремел вроде как гром.

— Что это, маминька, гром?

— Нет, это не гром гремит, не туча тучится, а Вихорь Вихоревич с Руси подымается.

Вот она овернула шитной иголкой и заткнула в стену. Тогда этот Вихорь Вихоревич и прилетел.

Заходит в дом.

— Фу-фу-фу, русским духом пахнет!

Она говорит:

Ты по Руси налетался, русского духу нахватался.

Он говорит:

— Ты врешь, у тебя сын есь, Иван-царевич. Показывай, где есь, ты меня не учи.

Она и стала споказывать сына. Никуда не уйдешь от его, не уедешь.

Ну вот, знаешь Вихорь Вихоревич и говорит:

— Зачем ты, Иван-царевич, приехал, биться, али так помириться?

Он говорит:

— Не на то добрый молодец, подымался, чтоб мириться. Надо с вами биться.

Они и пошли в чистое поле за ограду. Этот Вихорь стал приматься пить из этих боченок. Вот тогда они схватились в рукопашный бой. Который которого схватил, так до пояса в землю и седут. И не победить ни который ни которого не могут.

Этот Вихорь и говорит:

— Русски богатыри отдыхают, надо и нам с тобой отдохнуть, давай вино пить.

И Иван-царевич тоже напился. Вот поотдохнули и схватились снова на рукопашный бой. Тогда, значит, Иван-царевич, как напился, подхватил его, да и сгреб под себя, и вынял булатный нож и Вихря тут прикончил. Вст тут разжог огонь и его сожигал на огне, его туловищо, и эти все бочки сожог.

Вот тогда и пришел к матери.

— Ну, говорит, маменька, я Вихря кончил.

— Неужели ты его кончил?

— Поди посмотри в чистом поли, и он сожган весь, и бочки.

А сам заснул богатырским сном. Прбспал трои суток, не больше, не мало. Ну вот, когда проснулся, мать ему и говорит:

— Ну, детка, здесь будем жить или на родину пойдем?

Он говорит:

— Маменька, пойдем в свою родину, в Русь, здесь жить не будем.

Ну ладно. Вот тогда вышли из этого дому, справляются в путь-дорожку. Он говорит:

— Маменька, куда этот дом останется? Он пригодится.

— Как же он пригодится? Он-то матери говорит.

Вот она, значит, махнула платком, и никакого не стало дому, и сделалось пусто место. Она говорит:

— Положь, сын, в карман, только не забывай, который платок у тебя будет.

Тогда опять пошли с матерью к евонной богосуженной, к золотому-то дому. Вот заходят. Та их встречает. Идут, так Вихорь его не кончил, Ивана-царевича. Встречает их. Подогрела самоварчик, чайку попили:

— Ну, говорит, здесь надо переночевать ночь, на утро пойдем дале. Ни одна больше не останемся, мы с тобой пойдем.

Ну вот они на утро стали сряжаться в путь-дорожку. Выходит из этого дому этот Иван-царевич и говорит:

— Мы уйдем, а дом-то куда останется?

Она говорит:

— Ох, Иван-царевич, дом-то пригодится.

Она опять махнула платком, никакого опять дома не стало, и сделалось чисто место.

— На, говорит, платок этот, береги, пригодится.

Вот и пошли вперед дальше. Близко ли, высоко, низко ли, далёко, приходят до серебряного дому. Там их Марфа-царевна встречает, уж Вихоря наверно нет. Их стало уж цело семейство, четверыма уж. Вот она опять подогрела чаек, кофеек, чайку попили, позакусили. Ночь переночевали, на утро ставают, сряжаются в путь-дорожку, и та с имá сряжается, Марфа-царевна. Вот вышли из этого дому. Иван-царевич говорит:

— А дом-то куда останется?

Она говорит:

— Этот дом-от пригодится.

Махнула платком, никакого дому не стало. Дала ему платок:

— Прибирай, и этот платок не забывай.

Ну сами опять пошли вперед дальше. Шли, шли, шли. Низко ли, высоко, близко ли, далёко. Доходят до этого дому, до первого самого, медного. Та опять стрещает, Марья-царевна. Им опять подготовила самоварчик, чайку попили.

— Ну, говорит, Иван-царевич, надо переночевать ночь, идти надо с утра.

Ну вот, знаешь ты, переночевали. На утро в путь-дорожку собирается та Марья-царевна тоже с има. Выходят. Он и рассказывает:

— Дом-то останется у тебя здесь?

— О, говорит, Иван-царевич, дом-от пригодится тебе.

Вот махнула платком, дома-то не стало, стало чисто. Дала этот платок.

— На, говорит, этот платок прибирай и не забывай, которой платок будет.

Ну вот тогда и пошли. Подходят к этой горы, знаешь ты, на этой горы спускаться-то была цепь, а под горой остались его братья. Ну вот к этой цепи подошли.

— Иван-царевич, спускайся!

— Нет, я не спущусь, вы останетесь все здесь, я напрасно приходил.

Ну вот стали спускать Марью-царевну под гору. Спускалась, спускалась под гору по цепи. Братья увидали, что спустилась красавица. Они дожи-

дают. Ну вот тому нать и другому нать. Они и стали драться. Царевна и говорит:

— Там еще лучше и краше меня девица есь.

Вот тогда стали спускать Марфу-царевну, средню. Ну вот опять спустилась, та еще лучше. Опять стали драться.

— Не деритесь, она и говорит, царевна там еще лучше и краше меня есь, говорит.

И эту стали спускать, младшу саму, последню. Мати только осталась дома-то. Остались мать да Иван-царевич.

— Ну, говорит мати ему, если я спущусь, то ты останешься на горы, тебе не видать святой Русй. Если я спущусь, ты поди к горы, есь там большой камень, и повались под этот камень. И тогда прилётит к тебе орел и вынесет тебя на святую Русь.

Ну тогда, значит, мать спустилась, цепь и сёрвали братья. И он остался на горы, Иван-царевич. Вот, знаешь, братья говорят:

— Если мы явимся к государю, вернемся, то говорите, что мы вас достали, а то мы вам голову сымем. Они и покорились.

А Иван царевич остался на горы и пошел по этой тропки. Вот и приходит к этому камню, привалился к этому камню, значит, заснул там крепким богатырским сном. Ну потом проснулся — на этом камню сидит орел, говорит:

— Фу-фу, тут русским духом пахнет!

Вот Иван-царевич говорит:

— Орел, батюшка, вынеси меня на святую Русь!

Вот этот орел:

— Садись, только крепче держись, я тебя вынесу за услугу твоей матери, что она много раз освободила меня от смерти от Вихоря.

Ну тогда орел его и понес, и понес, значит, к царскому дворцу. Вот орел его спустил, Ивана-царевича, и думат своим умом:

— Куда я пойду? Ко государю ко батюшку идти, — он всё равно не признает, что я его сын. Пойду я лучше за город шляться где-нибудь.

Ну вот приходит за город к одному старичку. Сапожник был Николай. Свеской солдат был.

Ну вот. Вот он говорит:

— Не возьмешь ли ты меня, дедушко, вместо сына?

— Взять-то бы я взял, да у меня кормить-то нечим, старик-то отвечает.

Иван-царевич говорит:

— Будем наживать, будем кормиться.

Он говорит:

— Жить-то товару нету.

— На, говорит, возьми товару на 50 рублей. И тогда будем жить баарином хорошо.

Ну вот старик пошел, накупил рези,²⁷ и вот стали шить ботинки, туфли, и стали заживаться они с стариком. Там старик ходить в город продавать там. И вот старик ходил и услышал, что приехали царевичи и привезли трех царевен их и маменьку, а Ивана-царевича, сказывают, что убил Вихорь Вихоревич. Вот он пришел и сказывает сыну, что так и так.

— У нас было уехало три сына искать маменьку и, знаешь ты, этому времени прошло три года назад, вот объявились они обратно два-то: стар-

²⁷ Кожи.

шой Петр и средний Василий, а младшего Вихорь Вихоревич убил. И привезли трех царских дочерей и маменьку. А Ивана-царевича Вихорь Вихоревич кончил.

Этот Иван и говорит:

— Я, говорит, не знаю, здесь не жил.

Будто не егово дело.

Ну, вот старш-от сын задумал жениться и вот стал свататься на Анне-царевне на младшей-то девице. Она говорит:

— Я за тебя замуж, Петр-царевич, не идú.

Он тогда стал сватать на самой старшей, на Марье-царевны.

— Только, говорит, мне приготоь сапожки, что без мерки ладны и чтоб жемцьюгом золотом высажены. Если приготоь — иду, не приготоьшь — нейду.

Ну вот, значит, и стали подряжать. Этот николаевский солдат ходил, да и услышал и сказал сыну:

— Иди, подряжайся, говорит.

— А много ли просить?

— А 5000, говорит, и проси стрóку на две недели, раньше двух недель этих ботинок не приготоь.

Вот этот старик нанял извозчика и поехал к государю на лицó. Ну вот:

— Можешь ли таки полсапожки сработать?

— Так точно, могу сработать!

— Сколько они будут стоить? он говорит.

— 5000 рублей. Задатку, говорит, надо две тысячи с половиной да товар, говорит. Строк надо на две недели.

Ну он, знаешь ты, задатку взял и поехал к сыну обратно. Вот приехал.

— Подрядился?

— Так точно, подрядился.

— Задаток взял?

— Так точно, взял.

— Сколько?

— Две тысячи с половиной.

— Строку, говорит, много ли просил?

— Недели две.

— Ну вот что, знаешь ты, говорит Иван-царевич, дай мне 1000 рублей, а остальное тебе. Я за 1000 рублей сделаю.

Он взял 1000 рублей, сам поехал все эти деньги прогуливать, прокучивать в город по трактирам, по кабакам. Вот эти денежки он прогулял, пропился. Уж много прошло времени. Вышел за город потом. И вот махнул платком, и сделался медный дом. Он, знаешь ты, заходит он в ейную комнату, где она жила, знаешь ты, отворяет шкапик, знаешь ты, вынимает эти ботинки. Ну и, знаешь ты, завернул в ейный именной платок, завернул в рогозку и пошел на почту отправить такому-то старику, чтобы полуцить немедленно. Ну, сам тогда, знаешь ты, поехал к этому старику.

— Папенька, пришел ли товар из-за границы на ботинки?

Тот говорит:

— Нет еще, не получал ничего.

Вдруг бежит с почты рассыльной, как он называется, что пришел товар старику, надо получить. Вот он счас на почту поехал на извозчике, у старика деньги стали уж. Вот товар получил с почты и приносит сыну.

— Когда будем шить?

— А шить некогда, поди выйди, я в то время сработаю.

Вот, значит, старичок вышел. Тот развернул рогозу и, значит, эти ботинки старику. Старик посмотрел — и самому не верится, кто сработал.

Ну вот тогда, знаешь ты, это время приходит — завтра надо государю нести эти ботинки. Ну вот утром старик сел на извозчика и отправился.

Вот приезжает к царскому дворцу, его подхватили слуги под руки и прямо к царю на лицо.

— Ну что, говорит, сработал ли мне, Василий, ботинки?

— Так точно, говорит, сработал, говорит.

— Ну, неси, говорит, к Марье-царевне в ейную спальню, понравится ли.

Ну вот он, знаешь ты, принес ей в спальню, на стол поставил.

— Вот эти надевай, ладны будут.

Она взяла, ему еще своих 5000 прибавила. Ну, знаешь ты, тогда старик отправился домой с деньгами. Приезжает к сыну, теперь стал уж богатый. Ну вот, знаешь ты, этот стал подыматься пирком да за свадьбу. И приехали этого старика на свадьбу.

— И хто у тебя есь помощник?

— А у меня есь сынок, да маленький.

Он взял мальчика вместо сына и поехали на свадьбу тройма. Ну вот там стали приниматься за свадьбу. Старику сесь в передний угол — эдакой мастер. И значит, эти сестры смотрят — не тот сработал, этот мальчишка. А между собой говорят:

— Это не тот, а уж никто не может кроме его сработать. Он только не показывается.

Ну вот свадьба окончилась. Я-то на пир не попал. Старик-от уехал. Ну вот государь задумал опять женить среднего сына, Петра. Ну вот тот стал сватать младчей. Младча говорит:

— Не сватай. Я все равно не пойду, пока не придет богосуженый.

Ну вот он сватает среднюю; Марфа-царевна, ту стал сватать.

— Ну вот, говорит, Петр-царевич, я за тебя иди-то иду, только приготовь подвенесное платье, чтобы без мерки ланно и жемцюзом золотом высажено. Приготовишь, то иду, а не приготовишь, не иду.

Ну вот и там какое не купят в городе, все не подходит. А этот солдат николаевский и услышал опять, ходил в город. Вот приехал к сыну и сказывает, что:

— Значит, такое-то платье сготовить государь ладит.

— Мы сработаем.

— Да мы-то не портные.

— Мы-то не портные, а сработаем. Поезжай да подряжайся. Только проси подороже.

— А сколько просить?

— Проси полмиллиона, 500 тысяч, и сроку проси на три недели.

— Ну вот старик поехал подряжаться. Ну он как был знаком, слуги его подхватили под руки и прямо к государю его ведут.

— Не можешь ли, говорит, сработать платье без мерки ладно и жемцюзом золотом высажено было?

Он говорит:

— Так точно, могу сработать только нескоро. Не раньше, говорит, трех недель.

— Сколько просить будешь платье?

- Платье полмиллиона, 500 тысяч, и задатку 250 тысяч, половина.
- Ну, говорят, сработаеть — молодец, не сработаеть — голова с плеч. Задачу задали. Приезжает к сыну.
- Ну что, говорит, татенька, подрядился?
- Так точно, только, говорит, не сработаеть — так голова с плеч.
- А много ли дали времени?
- На три недели, говорит.
- А задатку сколько дали?
- Половина: 250 тысяч.
- Ну, говорит, я возьму 100 тысяч, а остальные пойдут в доход.

На эти деньги я всё доведу матерью и за границу съезжу.

Сам поехал гулять, кутить в город по кабакам, по трактирам — эти деньги прогуливать, 100 тысяч.

Ну вот опять время приходит, надо торопится платье доставать. Вышел за город, махнул платком, и сделался серебряный дом, где жила эта Марфа-царевна. Он заходит в ейну комнату, открывает шкапы, вынимает ейное платье без мерки. Ладно, жемчугом, золотом высажено, завернул платье это в ейный именной платок, ну и потом закупорил в рогозку и отправил на почту. Сам тогда отправился к этому старику и приезжает и:

— Что, папенька, пришла — нет из-за границы Марфы на платье?

Он говорит:

— Нет еще, не получил никакой. Должна где ле быть.

Ну потом прибежали с почты, что такому-то пришло с заграницы товар-матерье. Старик сичас, значит, сел на извозчика, поехал на почту. Ну вот, значит, получил эту посылку и приезжает к сыну домой.

— Как, говорит дедка, будем шить? Мы с тобой не портны.

— Поезжай в город, ищи портных.

Старик поехал в город искать портных, а Иван-царевич в это время платье развернул и положил на стол. Этот старик приезжат с портныма, он говорит:

— У меня уже платье сшито, готово, только заплаты портным, пока сюда привез.

Вот, значит, от отдал 100 рублей портным денег и поехали домой. Не работали и получили. Старик посмотрел это платье — хорошо. Ему пондравилось.

— Наверно ладно́ будет.

Ну тогда, знаешь, в 6 часов утра надо старику платье везти. Вот он утром встал и поехал к государю, уж коней своих стал иметь, кучера своего, лошадь своя, все свое. Ну вот приезжает к государю. Слуги прямо тащат его прямо государю на лицо.

— Ну что, сработал ли платье?

— Так точно, ваше величество!

— Ну, неси Марфе-царевне, понравится ли.

Вот он счас, значит, понес в ейну в спальну. Положил на стол. Она заглянула и говорит:

— Ну, это хоть не одевай, будет ладно.

Взяла этому старику 10 тысяч дала своих еще. Потом получил остатки 250 тысяч и вот тогда старик отправился обратно. А у государя опять стал заводиться пир, свадьба, раз достали платье.

Опять этого старика послали лошадей звать на свадьбу со старухой, с сыном, какой там есь. Вот зовут на свадьбу, на кареты, только пожа-

луста садись. Всех троих, старуха и сынок, только не тот, который есь. Тот уж не показывается. Опять, значит, старику чесь да место — передний угол.

Вот стало пошло там пир, пировали, танцовали, свадьба окончилась. Старик пошел домой. И старик приехал, знаешь ты, к сыну. Вдруг, знаешь ты, приехал с за моря король и стал на этой Анны-царевны свататься.

Государь говорит:

— Я того дела не знаю, говорит, ежели сама не пойдет, я отдать не могу.

Ну вот, знаешь ты, воля, говорит, ейна.

Анна-царевна думала, подумала.

— Ну, говорит, я за тебя иду, говорит, только подготовь мне подвешенную карету и тройку лошадей и пару кучеров, и чтобы в здешнем государстве таких лошадей не было. Приготовишь — иду, а не приготовишь — нейду.

Ну вот король там, где этих лошадей ни покупает, всё не нравятся, всё не такие.

Ну вот этот старик тамотки в городе опять услышал, что король подряжает достать коней и карету. Приезжает, сыну и сказывают:

— Можешь ли достать таких коней?

— Достать можно, только поезжай, не ошибись. И строку проси на месяц и плата, говорит, полтора милливона рублей за эту карету и тройку лошадей и пару кучеров.

Ну вот этот старик и поехал подряжаться. Приехал. Его слуги тогда опять к государю на лицо и к этому королю, который с заграницы.

— Ну, сколько у тебя эта карета стоит и пара лошадей стоит?

— Стоить не очень дорого, полтора милливона рублей и строку надо мне на целый месяц. Надо за границу ехать. Надо задатку половина, 750 тысяч.

Получил он деньги.

— Только достанешь, говорит, хорошо, не достанешь — голова с плеч. Задачу — приехал к сыну — и рассказав.

— Ничего, татенька, не бойся, достанем мы такую карету!

Вот, знаешь, он взял там денег и пошел там пить, гулять. Время опять уходить, он стал просыпаться и нать приготовить. Вот проснулся и выпил, за город опять, махнул платком и сделался золотой дом. Он заходит в этот дом, знаешь ты, и говорит:

— Запрягайте тройку лошадей и карету самолучшу.

Кучера запрягли карету, выехали с одного дому. Иван-царевич махнул платком — никакого дому не стало.

— Ну садись, Иван-царевич, куда тебя везти?

Сел он, . . . и поехали. Ехали, ехали, подъезжает к старику, к дому. Старик даже устранился. Старик не видал отродесь. Старику стало веселее. А на утро надо являться к государю. Ну вот ночь проспал, старик сел в карету и поехали к государю, к королю — к жениху. Ну вот приезжат — его под руки. Царь говорит:

— Вот так карета! Ну, говорит, молодец! Какие ты всяки штуки достаешь.

Царевна посмотрела.

— Кто у тебя, дедушка, карету достал и таких лошадей?

— Да есь у меня сынок. Он ходил за границу да доставал. Я стар стал.

Она взяла, еще 20 тысяч своих прибавила. Да тех получил полтора миллион. Ну ладно. Этот старик поехал домой. Только успели уехать — эта царевна, знаешь ты, будто сделалась больна на три дня и поехала в сугон к старику. Ну вот она и накрыла под окошко. А сын задним ходом, да и уехал, знаешь ты, гулять опять по трактирам, по кабакам. Она усмотрела в этом доме, что его нет. Она взади з им поехала. Как ни гонялась, догнать его нигде не могла. Так задумала, что приходится идти за этого короля замуж.

Ну вот, ладно. Поехали — этого старика зовут на свадьбу.

— Ну я, говорит, я сегодня здесь не буду, ты оставь кого-нибудь. Я пойду в собор, где будет венчаться король и Анна-царевна.

Старик оставил там хорошего целовека, и вот Иван отправился в собор. Приходит к сторожу и говорит:

— Ты оставь меня сторожем, а сам поди гуляй в городе. Я за тебя буду справлять.

Сторож согласился и его оставил вместо сторожа, Ивана-царевича. А сторож ушел в город.

Ну вот, когда король приезжает в собор к венцу, Иван-царевич был за сторожа. Приходит, когда нести венцы.

Увидала царевна его обручальный перстень. И вот царевна говорит:

— Не этот мой богосуженый, который рядом стоит, а тот, который принес венцы, говорит.

И захватила она его в охапку.

— Это, говорит, не сторож, а Иван-царевич, когда мы еще обручались у Вихря.

Народ не верит, значит, откуда тут возмется. Тогда этот Иван сказал:

— Если не верите, что я Иван-царевич, так пущай те братья могут сказать, где ихны жили жены и моя маменька, говорит.

Вот тогда этот король не солоно лизал и поехал за границу.

Он тогда пошел устраивать всё. Вышел в чистое поле, он махнул платком, и сделался медный дом.

— Кто, говорит, братья, в этом доме жил, знаете ли?

Они говорят:

— Не знаем, брат, виноваты, прости!

Он говорит:

— За то ле вас простить, что с горы не дали спуститься?

Ну вот он опять махнул платком, и сделался опять серебряный дом.

— В этом, братья, знаете, кто доме жил?

— Нет, говорит, брат, не знаем.

— Вот в этом доме жила средняя сестра, Марфа-царевна. Твоя, Петр, богосужена.

— Ну ладно, прости, не знал.

Ну вот тогда опять, знаешь ты, он опять махнул платком, и сделался золотой дом.

— Вот, говорит, братья, знаете ли, в этом доме жила Анна-царевна, моя богосужена.

— Верно, я жила.

Он опять махнул платком — сделался золотой дом, жемчугом высажен.

— Братья, знаете ли, кто жил?

— Нет, говорят, не знаем, виноват, прости!

— Маменька жила в этом доме и вот за оградой, где я ухожал Вихря и где я покажу огнище все и бочки сожжёны и всё.

Ну вот тогда поверили все, что он царский сын и Вихря Вйхревича убил.

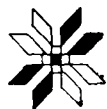
Тогда, знаешь, он стал приматься с той жениться, на своей богосуженой. Стал приматься за свадебку.

Пир был большой. Я сам был и пиво пил, и по усам текло, и в рот не попало.

И сказка вся кончается.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

ОПИСЬ СКАЗОЧНОГО СОБРАНИЯ А. И. НИКИФОРОВА

Опись делается в порядке нумерации, произведенной собирателем, отдельно для материалов Заонежской, Пинежской и Мезенской экспедиций.

На неопубликованные материалы даются краткие аннотации; для публикуемых текстов приводится заглавие и ссылка на страницы и на номер сказки в настоящем издании. Пропущенные порядковые номера означают, что текст неудобен для печати и опускается.

Для приводимых в настоящей описи текстов даются ссылки на указатель Аарне-Андреева (сокращенное обозначение — «Ук.»). Определения по этому указателю сделаны А. И. Никифоровым. В некоторых случаях эти определения уточнены и дополнены, что отдельно не оговаривается. Отсутствие ссылок на указатель Аарне-Андреева означает, что данный сюжет в указателе не предусмотрен. В тех случаях, когда нет полного соответствия между текстом записанной сказки и формулировкой, которая дается в указателе, номер указателя берется в круглые скобки.

В описи имеются ссылки на следующие издания:

Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Издание Государственного русского географического общества, Л., 1929.

В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937.

А. М. Астахова. Былины Севера. Том I. Мезень и Печора. М.—Л., 1938. Том II. Прионежье, Пинега и Поморье. М.—Л., 1951.

О. И. Капица. Русские народные сказки. Предисловие С. Ф. Ольденбурга, вступительная статья А. И. Никифорова. М.—Л., 1930.

И. В. Карнаухова. Сказки и предания Северного края. М.—Л., 1934.

А. И. Никифоров. Победитель змея (из севернорусских сказок). «Советский фольклор», № 4—5, М.—Л., 1936.

ЗАОНЕЖЬЕ

ТАРАСОВО

Лукьян Васильевич Курпак, 72 г.

1. Отрывочный рассказ о Самсоне: Самсон борется с медведем, Никола-чудотворец их разводит и пр.
2. Краткий пересказ библейской легенды о грехопадении Адама и Евы.
4. Вор поет хозяину занятую песенку и несколько раз повторяет ее. Тем временем его сообщник очищает двор. — Ук. *1525 II.
5. Муж, надолго уезжая из дома, тщетно пытается обеспечить верность жены.
6. Ленивая невестка не хочет молотить. Ее трижды не зовут к обеду, она исправляется. — Ук. 901, В.
7. Девушка ловко делит пять яиц на троих. Старик женит на ней своего сына. — Ук. (*1580).

МОГЛИЦЫ

Николай Степанович Егоров, 11 л.

8. Косарь попадает в страну, где траву рвут руками. Он выкашивает луг, уверяет, будто коса косит сама, и продает ее за 3000 золотых.
9. Петушок да курочка. См. стр. 27, № 1.—Ук. 20 А, С, 21.

10. Схематический рассказ о солдате, который находит неизвестно как исчезнувшую дочь царя у нечистых. — Ук. 301.

11. Коза уходит в лес и наказывает своим козлятам никого не пускать. Волк подражает голосу матери, съедает всех козлят, кроме одного. Коза распарывает волку брюхо, все выходят. — Ук. 123.

12. Пересказ гриммовской сказки «Пузырь, лапоть и соломина». — Ук. 295.

Екатерина Ивановна Ермолина, 14 л.

13. Брат и сестра — сироты по стеблю чудесно выросшего ржаного зернышка поднимаются на крышу. Оттуда видят избушку в лесу. Там они находят куру, петуха и чудесный жернов-самобранку. Поп похищает жернов, петух возвращает его детям. — Ук. 1960 Д, 715.

Александра Ивановна Красильникова, 10 л.

14. Ведьма в бане схватывает парня и вынуждает его жениться на ее дочери. Парень оттягивает свадьбу.

15. Девушка из озорства зовет на беседу ведьму-ригачницу. Она приходит, хочет девушек съест, они спасаются на печь.

16. Старики делают себе девочку из снега. Она попадает в избу к деду, который заставляет ее качать его. Заяц и волк не могут ее спасти, спасает медведь. — Ук. *703. *314 I.

17. Старики делают себе паренька из глины. Он съедает дедку, бабуку, козцов и т. д. Баран ударяет его рогами, он рассыпается, все выходят. — Ук. 333 *В.

18. Девушка из озорства снимает с покойницы чепчик. Покойница приходит и требует чепчик обратно. Когда девушка приходит, покойница схватывает ее за руку и душит ее.

19. Сказка об Одноглазке, Двуглазке и Трехглазке в кратком изложении. — Ук. 511.

20. Сокращенный рассказ о падчерице у бабы-яги. Она ласково обходится с котом, березкой и воротами, они помогают ей спастись. — Ук. 480 *Е.

21. Поп и попадья сговариваются известить работника. Он их подслушивает и расстраивает их козни. — Ук. 1132.

22. Две девушки роняют крючок и иголку в подполье; там они находят чертенка; они кое-как спасаются; «дальше забыла». — Ук. (956 В).

23. Два солдата просятся ночевать, всех убивают, разграбляют дом и сжигают его.

24. Котья-братя и петушок да курочка. См. стр. 29, № 2. — Ук. *61 II.

25. Петушок подавился, курочка бежит за водой. — Ук. *241 I.

26. Сын женщины и медведя совершает ряд подвигов, требующих особой силы. — Ук. 650 А, 301.

Александра Гавриловна Абрамова, 12 л.

27. Поп и попадья хотят избавиться от работника, неудачно пробуют бросить его вместе с постелью в колодезь; они бегут от него, он прячется в их дорожный мешок и не отстает. — Ук. 1132.

28. Баенник схватывает Ваньку-дурака и заставляет его жениться на его дочери. Они едут на плоту в гости и все тонут. Реплика слушателя: «Ты бы сказала, больше врать нельзя».

Михаил Григорьевич Охтанин, 12 л.

29. Мальчик у бабы-яги, которая хочет его изжарить. Он засовывает в печь дочь яги; пролетающие гуси уносят его домой. «С книжки». — Ук. 327 С.

30. Мужик в запальчивости убивает попа. Отрубает ему голову и вместо нее подсовывает голову козла. Фрагментарно. — Ук. (1600 А).

31. Купец объявляет о потере кошелька с деньгами, обещает находчику половину. Когда работник находит кошелек, купец обвиняет работника, что он уже сам взял себе награду. Судья решает, что найден другой кошелек и присуждает его работнику. Купец отдает обещанную награду. — Ук. (*1609).

32. Бедный просит милостыню у богатого. Богатый бросает в него камнем. Позже богатый попадает в тюрьму. Бедный хочет бросить в него камнем, но одумывается и не делает этого.

Дмитрий Андреевич Лобанцов, 13 л.

33. Дураку поручают купить раков. Он забывает, что ему сказали. Когда ему говорят «дурак», он вспоминает «рак». — Ук. (1687*).

Андрей Николаевич Трифонов, 9 л.

34. Сказка о Сивке-Бурке в детском изложении. — Ук. 530 А.

35. Мать, умирая, завещает трем дочерям ночевать на ее могиле. Ночует младшая. Мать награждает ее дорогими платьями и золотом. Она складывает дары в сундук. При замужестве оказалось хорошее приданое. — Ук. 530 А, 510 А.

36. Учась. См. стр. 30, № 3. — Ук. 735, 563.

ВЕРХОВЬЕ

Анастасия Прокофьевна Ровкачева, 16 л.

37. У царского охотника жена красавица и волшебница. Чтобы погубить мужа и овладеть женой, царь посылает «сходить туда, не знаю сам куда, принести то, не знаю сам что». При помощи жены он выполняет это поручение царя и ряд других и срамит его. — Ук. 465 А.

38. Дурак изгнан из дому. Он нанимается в работники, проявляет свою силу. От старика в лесу он узнает, что змей унес трех дочерей царя. Он их спасает. — Ук. 301, 300.

Миша Утицын, 11 л.

39. Сын дурак в лесу встречается старика и делится с ним хлебом. Старик дарит ему золотого гуся, к которому все прилипает. Царь приторговывает гуся, дурак требует дочь. Царь задает ему ряд задач (выпить реку, съесть гору хлеба и т. д.). При помощи лесного старика он их выполняет и получает руку царевны. — Ук. 571, 513 В.

КОНДОБЕРЕЖЬЕ

Александр Петрович Утицын, 12 л.

40. На мельнице водятся духи. Мужик их не боится. Его оказывается невозможным ни убить, ни сжечь, ни утопить. Духи уходят с мельницы, оставляют ему сундук денег. — Ук. 1115, 1116.

41. Сестры несут хлеб отцу в поле. Черт перекладывает стружки, указывающие дорогу и переманивает их к себе. Младшая заставляет его отнести домой сестер, потом себя. — Ук. 311.

42. Парень попадает к разбойникам. Они его бросают в помещение, наполненное трупами. По трупам он выбирается. На пиру все рассказывает в виде сказки.

43. Змей и цыган. См. стр. 32, № 4. — Ук. 1060, 1049 А, В, 1149.

44. Женщина умирает, кума отрезает палец с перстнем. Покойница приходит за перстнем, удушает куму.

45. Два брата умирают вдали от своих семейств. После смерти они появляются, дают своих жен и детей. От них избавляются, заставляя преждевременно пропеть петуха. Их ударяют церковными ключами и хоронят.

46. Иван дурак. См. стр. 33, № 5. — Ук. 1696, 1132, 1653 В.

47. У бездетных стариков из-под печки является сын сам с пальчик. Он помогает отцу пахать. Барин его покупает, сын возвращается к отцу — Ук. 700.

Михаил Петрович Панкратов, 12 л.

48. Девочка в лесу встречается грязного старика и обмывает его. Он дарит ей волшебный камень. Три раза она едет в церковь в великолепных платьях. Царь ее замечает и разыскивает ее по потерянной тувельке, которая только ей впору. — Ук. 510 А.

49. Иван дурак невпопад произносит реплики по адресу чертей, которые играют в карты («Канун да ладан»), на похоронах («Ура») и т. д. Его избивают до смерти.

(Сказочник перепутал реплики, слушающие дети его пытались исправить и дополнить). — Ук. 1696.

50. Механическая контаминация из двух сказок. Мужик ищет жену, упавшую в воду, вверх по течению, так как она все делала наоборот. Мужик едет пахать в поле. Конь тянет хорошо, так как он холощенный. Медведь хочет выхолостить и мужика, мужик вместо себя подсовывает бабу. — Ук. 1365 А, 1133.

51. Липуношка. См. стр. 34, № 6. — Ук. 700.

52. Братья хотят бежать от своего брата дурака, который все делает неподад. Он лезет в мешок с провизией и отправляется вместе с ними. Ночью в лесу черти делят деньги. Дурак случайно распугивает их, деньги достаются трем братьям. — Ук. 1696 *В, 1132, 1653 В.

ВИГОВО

Кирик Савельевич Кузнецов, 67 л.

53. Царские загадки. См. стр. 35, № 7. — Ук. *921 I А, В.

Таисия Петровна Ефимова, 14 л.

54. Иван-дурачок. См. стр. 36, № 8. — Ук. 1643, 1132, 1653 В, 1537, 1600 А.

55. Конспективная запись сказки о том, как Иван-царевич просыпает свиданье с Марьей-царевной, об ее исчезновении и нахождении при помощи благодарных животных. — Ук. 400, *В.

Андрей Петрович Ефимов, 16 л.

56. Конспективное изложение сказки о волшебной птице, съеденное сердце которой вызывает способность харкать золотом. — Ук. (367).

Василий Иванович Карельский, 24 л.

58. Про себя. См. стр. 39, № 9. — Ук. 1351.

60. Сатирическое стихотворение в форме небылицы о чудесах по поводу столовой в Кондопоге.

ЯНДОМОЗЕРО

Анастасия Ивановна Громова, 19 л.

61. Амелья-дурачок. См. стр. 40, № 10. — Ук. 675.

62. Иван-запечник ловит лису и отпускает ее. Из благодарности она приводит его к царю и выдает за богача. Он женится на царевне. — Ук. 545 В.

63. Про глиняну девушку. См. стр. 42, № 11. — Ук. 333 *В.

64. Регистрационная запись сказки о девушке, которая попадает к яге. Яга хочет ее сжечь, девушка сама сжигает ягу. — Ук. 327 С.

65. Злая жена Матрёна седлает черта и ездит на нем. Ее муж помогает черту избавиться от нее. В благодарность черт предлагает ему договор: он будет вселяться в больных, а человек его будет изгонять. Человек начинает строить церковь, черт перестает ему помогать. Чтобы изгнать его из больного, человек пугает черта злой Матрёной. — Ук. 785, 1164.

Федор Андреевич Фепонов, 16 л.

66. Три вора щеголяют своим мастерством. Один уводит корову, другой козла, третий ворует кошелек. — Ук. 1525.

Василий Федорович Шевелев, 12 л.

67. Докучная. — Ук. 2020.

68. Змей поедает людей в деревне. Цыган вступает с ним в состязание, обманывает его и пугает его тем, что цыганята его съедят. Змей бежит. — Ук. 1060, 1084, 1052, 1049 А, 1149.

Евдоким Яковлевич Ульянов, 90 л.

69. Три старца едят из одной чаши. Один молится, другой молчит, третий говорит что попало. Чудесным образом пища у всех оказывается разной.

ЕСИНСКАЯ

Федор Иванович Стафеев, 57 л.

70. Деревянный орел. См. стр. 44, № 12. — Ук. 575.

71. Конспективная запись сказки о работнике, который нанимается к купцу, оказавшемуся разбойником. Хозяин бросает его в помещение с трупами. Он выбирается при помощи девушек, которые находятся у купца в плену. Нанимается к другому хозяину. На пиру все рассказывает в форме сказки. Жандармы забирают его первого хозяина.

72. Чудо-чудное, диво-дивное и смех большой. См. стр. 47, № 13. — Ук. 571.

73. Сапожник выдает себя за знахаря: находит лошадей помещика, которых сам же упрятал. Его вызывают к царю. Случайно обнаруживает воров, обокравших казну царя, называя лакеев, подающих блюда, первым, вторым, третьим. Они оказываются ворами и признаются ему. — Ук. 1641.

77. Конспективная запись сказки о мороке: охотнику чудится, что лиса съедает его собаку, детей, и хочет съесть его самого. Он приходит в себя на своей постели. — Ук. *664 В.

Лодочник на Яндомозере

81. Легенда об построении церкви в дер. Яндомозеро. Икона попросила ее перевести и исчезла. На этом месте построена церковь.

КОСМОЗЕРО

Ольга Васильевна Сотникова, 27 л.

82. Царевича уносит бурей. Он попадает к великану-людоеду. В него влюбляется дочь великана Финета. При ее помощи он выполняет различные трудные задачи великана. Они бегут, спасаются от погони. В своей стране царевич от волшебного напитка забывает о Финете, хочет жениться на другой. На свадебном пиру она напоминает о себе, он на ней женится. — Ук. 313.

Мария Ивановна Кирилина, 11 л.

83. Краткое изложение сказки о Косоручке с заменой отрубания рук ослеплением. — Ук. 706.

Николай Семенович Якушев, 13 л.

84. На гумне появляется черт, мужик крестится, черт исчезает.

85. Черти уносят мальчика-пастуха. Колдун учит, как вернуть мальчика, мальчик возвращается.

86. Мужик к именинам дарит царю киселя, царь отдаривает его золотой тетеркой. Тетерку он меняет на лошадь, лошадь на корову и т. д., вплоть до платки. Этой платкой старуха его избивает. — Ук. 1415.

Иван Иванович Касьянов, 60 л.

О нем см. Карнаухова, стр. 385.

87. По вызову царя мужик рассказывает царю небывальщины с условием не перебивать. Он утверждает, что его отец дал царю в долг сорок бочек золота и серебра. Царь его перебивает, что этого не было и проигрывает заклад. — Ук. (1920, *D).

88. Мать ругает дочь «кобылой». Она нравится пану, он думает, что ее так зовут, приказывает привезти ее к себе, ему приводят кобылу. — Ук. 1440.

89. Золотое стремя. См. стр. 48, № 14. — Ук. *847.

90. Попу внушают, что он брюхат и должен родить быка. На ночлеге у хозяев телится корова, поп думает, что он разрешился. — Ук. 1739.
91. Умный старик доказывает царю, что он незаконный сын. Розыски подтверждают это, старику дают пенсию. — Ук. 925*.
94. Беззаботный монастырь. См. стр. 50, № 15. — Ук. 922.
95. Настоятеля монастыря отставляют, так как он все раздает нищим. При помощи черта он вновь становится настоятелем, потом жалеет, что предался черту и усердно молится: «Не знаю дальше».
96. Баба хуже сатаны. См. стр. 51, № 16. — Ук. 1165*.
97. Настасья Меркуловна избавляет мужа. См. стр. 52, № 17. — Ук. 880 А.
98. Краткий (10 строк) пересказ былины о Добрыне в отъезде и неудачной женитьбе Алеши. — Ук. *891.

Федор Иванович Лазарев, 46 л.

- А. И. Никифоров сообщает о нем: «Занятие — земледелие, был в Ленинграде в войну 1914 г., неграмотный, шутник, балагур, говорит быстро, переходя иногда в скороговорку, громко стокирует речь, богат ритмом. В такт сказу раскачивается. Сказ артистический, с элементами напевности. Знает былины об Алеше, Илье, Соловье-разбойнике, о Добрыне, записана еще сказка о шуте».
99. Полуконспективная запись незаконченной сказки о дорогой коже с мотивами сказки о шуте. — Ук. 1535, 1539.
100. Царица-мачеха хочет отравить сына. У него волшебная кобылица. Служит чужому царю, замечен его дочерью. Отражает эмеев, женится на царевне. По поручению царя он приводит Кощея и Соловья. От свиста Соловья царь погибает, зять получает царство. — Ук. 532, 300, 302. «Записана в присутствии толпы, не буквально. Было позднее время, сказочник торопился». Текст опубликован. См.: «Советский фольклор», № 4—5, стр. 217—219.

КОМЛЕВО

Татьяна Громова, 8 л.

102. Краткая передача сказки о Морозке. — Ук. 480 *В.

Маланья Ивановна Громова, 64 л.

103. Три брата. См. стр. 53, № 18. — Ук. 1920* D, 1912, *1887, 1885, 1900 B.
104. Фомушка. См. стр. 55, № 19. — Ук. 1725.
105. Хитрая наука. См. стр. 57, № 20. — Ук. 325.

Алафья Никифоровна Панова, 36 л.

106. Черт сватается к девушке, ведет ее в свой дом, она от него бежит. — Ук. (955).

Александра Егоровна Панова, 28 л.

107. Про попа. См. стр. 60, № 21. — Ук. 1825 *D.
108. Шепелявые девушки. См. стр. 60, № 22. — Ук. 1457.

Вера Петровна Панова, 12 л.

109. Петушок умирает, курочка бежит за водой, ряд отсылок, она его оживляет. — Ук. *241 I.
110. Девочки из озорства приглашают на вечеринку ведьму-ригачницу. Она хочет их съесть, девочки убивают ее кочергой. Ведьма рассыпается, превращается в кучу денег.
111. Регистрационная запись сказки о проделках с трупом матери. — Ук. 1537.
112. Регистрационная запись сказки о дураке, поймавшем щуку. — Ук. 675.
113. Старики делают себе дочку из глины. Она прыгает через кочку и рассыпается. Старики плачут. — Ук. (333 *B).

114. Конспективная запись сказки о девушке, которая заблудилась в лесу и похищена чертом. Братья ее находят и приводят домой. — Ук. (311).

115. Конспективная запись сказки о девушке, оставленной в лесу подругами и попадающей в избу к медведю. Она бежит. — Ук. (311, *314 I).

116. Регистрационная запись сказки о медведе, у которого отрезают лапу. Он приходит за лапой, его ловят, мясо продают. — Ук. *161.

117. Старуха обманом меняет куру на овцу, овцу на быка. Запрягает быка, волк его съедает. (Регистрационная запись). — Ук. 170.

Александра Константиновна Филиппова, 12 л.

118. Черти обманом («Отдай чего дома не знаешь») требуют себе дочку стариков. Козел ее уносит. Она за него выходит. Египиха обращает ее уткой, требует, чтобы убили козла. Истина выясняется. — Ук. 313, 450.

119. Падчерицу увозят в лес. Она попадает в избушку к черту. Мышка помогает ей советами. Она увозит с собой сундук с добром. Родная дочь погибает. (Изложение бивчиво и неясно). — Ук. 480 *Е.

120. Мальчик запродаан водянику. При помощи его дочери он выполняет ряд трудных задач и бежит с ней. Дома забывает о жене и хочет жениться на другой, на свадебном пиру она напоминает о себе. — Ук. 313.

Марья Михайловна Сергеева, 70 л.

122. Поп нанимает работника. Посылает своих дочерей на поле с завтраком. Работник соблазняет младшую и т. д. — Ук. 1543*.

Пелагея Никитична Филиппова, 70 л.

Подробную характеристику ее дает А. М. Астахова (том II, стр. 385—386).

123. Пустынный хочет испытать правильность евангельских слов «Просите и дастся вам». При помощи черта, запертого в рукомойник, получает дочь царя, но отказывается от нее. Показывает царю страшную кровать, где на том свете его ожидают пытки. (Запись с пропусками). — Ук. *841 I, 331, 756 В.

124. Старец предупреждает короля, что с ним пируют черти. Чтобы ему отомстить, черти предлагают старцу в жены красивую девушку. Старец делает вид, что соглашается, а в момент венчания крестится. Вместо церкви оказывается осина и на ней петля. — Ук. *839 I.

125. Пустынный 30 лет спасается. Ангел указывает ему, что есть подвижник совершеннее его. Пустынный его разыскивает. Это пахарь, который целый день работает и не успевает молиться. — Ук. (*845 I).

126. Сын не почитает отца. Отец прячет свои деньги в пень с заклитием: пусть достанутся тому, кто почитает родителей. Деньги достаются беднякам, которые разрубают пень. Они денег не берут, пробуют отделаться от них, но деньги вновь к ним возвращаются. — Ук. 834 *В.

127. Трех братьев ночь застигает в лесу. За огнем идут в избу, где черт дает огонь за сказки. Два брата не умеют рассказывать, третий рассказывает ряд небылиц и в награду сверх огня получает деньги. — Ук. 1920 *D, *1912, *1887, *1885, 1900 *В.

ПАЛТЕГА

Федор Алексеевич Куриков, 22 г.

128. Ловкий вор на спор с своим дядей крадет корову у прохожего, простыню из-под барина, его коней; дядя попадает в вольную яму, он его там оставляет. — Ук. 1525 D, 1525 A.

Василий Игнатьевич Куриков, 58 л.

129. Отрывок из легенды: грешник долго поливает сухой прут. Он начинает зеленеть.

130. Грешник строит мост через топкое болото. В награду за это старец отмаливает его грехи.

131. По молитве пустытника бедный каменщик становится богачом. Пустытник приходит к нему в образе нищего, новый богач приказывает его выпороть.
132. Враль на том свете. См. стр. 60, № 23. — Ук. *1912, *1885, 1920 *D.

ВЕЛИКАЯ НИВА

Яков Федорович Нестеров, 39 л.

133. Про Нестёрушка. См. стр. 62, № 24. — Ук. *847, 1528.
134. Купец выдает свою дочь за человека, у которого ума много, а денег нет. На пустынном острове он находит драгоценные камни и заделывает их в кирпичи. Кроме того, берет еще груз обычных кирпичей. Во время шторма купцы требуют, чтобы кирпичи были выброшены. Он сбрасывает пустые кирпичи с тем, что убыток будет возмещен. По прибытии вскрывает кирпичи с драгоценными камнями, утверждает, что сброшенные кирпичи были такие же, и получает с купцов за убыток. — Ук. *887 I.

РЯБОВО

Федор Петрович Рябов, 43 г.

135. Богатые бедняки. См. стр. 65, № 25. — Ук. *1930 I.
136. Про солдата. См. стр. 65, № 26. — Ук. 1613.
137. Про Илью Муромца. См. стр. 67, № 27. — Ук. *650 I.

ФОЙМОГУБА

Николай Яковлевич Силкин, 27 л.

138. По предложению помещика, ловкий вор крадет у него сперва жеребца, сундук с деньгами, а потом жену и кольцо с ее руки, обманом исполняя роль мужа. — Ук. 1525 A.
140. Конспективная запись анекдота о докторе немце, который удивляется, как много русские едят, оставаясь здоровыми. В Германии прописывает больным есть, как русские, они умирают.

Федор Александрович Масляков, 22 г.

142. Рассказ о сыне, который из Питера приезжает навестить отца. Отец берет его с собой рубить лес. Сын не умеет работать, между ними происходит конфликт.

Александр Матвеевич Ерофеев, 24 г.

143. Попы обманывают мужика при покупке у него коровы. Мужик мстит, продавая им обыкновенную шапку вместо волшебной. Попы хотят его убить, он сам их убивает. Просит прохожего пьяницу утопить их трупы. Прохожий топил трупы и живого архиерея. — Ук. 1539, *1730 I.

АНДРЕЕВО

Анастасия Николаевна Пономарева, 60 л.

144. Поп, дячок и пономарь. См. стр. 69, № 28. — Ук. 1730.
145. Отец Пахом. См. стр. 71, № 29. — Ук. 1826, *1850, 1825 A.
146. Афонька и его барин. См. стр. 72, № 30. — Ук. *2014 I.

ПЕКОВКА

Александр Федорович Пятницкий, 11 л.

147. Старуха за курочку требует гуся, барана, быка, козла. Едет на телеге, запряженной быком. Напрашиваются зайчик, лиса, волк, медведь, козел. Ломаются оглобли. Пока старуха в лесу вырубает березу, звери съедают козла. Запись конспективная. — Ук. 170, 158.

148. Краткое изложение сказки о петухе, которого уносит лиса и спасает кот. — Ук. *61 П.
149. Курица. См. стр. 74, № 31. — Ук. 20 С, 21.

Василий Федорович Пятницкий, 13 л.

151. Коротко рассказанная сказка о петухе и жерновцах. — Ук. 715.

ПАДМОЗЕРО

Прасковья Васильевна Олухова, 83 л.

153. Легенда о Евстафии Плакиде («Планида»). Чтобы принять христианскую веру, он вместе с женой и двумя сыновьями покидает двор языческого царя, которому он служит. Его жену похищают пираты, одного сына уносит лев, другого волк. Впоследствии чудесным образом все друг друга находят. — Ук. *931 П.

154. У богача при смерти дочь. Он ищет, кто бы мог читать «отход души». Встречный старик берется ее исцелить, если он за нее даст обет безбрачия. Она исцеляется, но выходит замуж. Старик видит сон: черти радуются. Бог старика прощает.

155. У благочестивого мужа распутная жена. Они умирают. Дочери снится сон: мать приезжает на огненной свинье и убеждает ее следовать примеру отца, а не ее.

ЕРШОВЦЫ

Василий Николаевич Ершов, 16 л.

156. Солдат берется найти исчезнувшую царевну и после ряда приключений находит ее. — Ук. 301.

ОСТРЕЧОВО

Федор Родионович Овчинников, 75 л.

157. Как черт бабы испугался. См. стр. 75, № 32. — Ук. 1164.

Марфа Родионовна Кознёва, 65 л.

158. Лиса — котова жена. См. стр. 76, № 33. — Ук. 103.

159. Как волк за горой на свадьбе был. См. стр. 77, № 34. — Ук. 122, 100.

РЕЧКА

Александр Васильевич Наужков, 63 л.

160. Жадный мужик закапывает котел с деньгами под елью. Лесник подсматривает. Мужик поручает котел охране черта. «По смерти котел тебе». Лесник: «А деньги мне». После смерти мужика так и сбывается.

161. Мужа нет дома, жена угощается с любовником. Он стучится, она говорит, что муж дома. Муж ночует на риге. Когда он возвращается, жена бьет его за то, что он не ночевал дома. — Ук. (1406).

162. Дьявол не может поссорить дружных супругов. За дело берется старуха. Она наговаривает жене, что муж ей изменяет, а мужу — что жена хочет его убить. Они верят, муж в ссоре убивает жену. — Ук. 1165*.

ПАЙНИЦЫ

Иван Андреевич Калинин, 14 л.

163. Кузьма Сарафонович одним махом побивает шляпой 500 комаров и 7 оводов и объявляет себя великим силачом. Он нагоняет страх на вражеское войско и удачно побивает великана. «Дальше я не знаю». — Ук. 1640.

164. Девушка выходит замуж. Поп не венчает, так как она не говела. Она обещает говеть после венчанья, но обманывает.

165. Глупая девка убивается по пустякам, ей вторит мать. Сын отправляется искать, есть ли еще глупее. Находит глупцов, которые подымают корову на крышу бани, где выросла трава, решетом носят свет в квартиру и т. д. — Ук. 1384, 1210, 1245, *1541 I, 1528.

166. Разбойники притворяются покойниками. Их кладут в церковь, одного — в дом к попу. У попа ночует офицер, разбойник неудачно пытается его убить, всех вылавливают.

Андрей Петрович Калинин, 52 г.

167. Мена. См. стр. 79. № 35. — Ук. 1415. Сказка опубликована. См. О. И. Капица, № 146, стр. 367—369.

Павел Иванович Крохин, 38 л.

168. Матери Иуды предсказано, что он убьет отца. Родители бросают его в море, но пророчество сбывается. Не зная матери, он женится на ней. Когда истина раскрывается, он уходит к Христу. — Ук. 931.

ДЕРЕГУЗОВО

Марья Васильевна Роговина, 16 л.

А. И. Никифоров сообщает о ней: «Грамотная, бывала только в городе Повенце. Тип эпический, с артистической манерой исполнения, говорит с увлечением». Знает сказки о женихе-мертвце («Ленора»). — Ук. 365), о женихе-разбойнике (Ук. 955), о морском царе (Ук. 313) и др., а также поет духовные стихи, песни. О ней см.: Карнаухова, стр. 380, и рецензию А. И. Никифорова в журнале «Советский фольклор», 1935, № 2—3, стр. 412—423. Подробную характеристику и портрет ее опубликовала А. М. Астахова (том II, стр. 444—445).

169. Васья-вор, сукин сын. См. стр. 82. № 36. — Ук. 300, 301. Текст опубликован. См. «Советский фольклор» № 4—5, стр. 238—242, № 15.

170. Две кумы. Одна умирает, другая отрубает ей палец с кольцом. Покойница приходит за кольцом, кума спасается тем, что будит петуха. Покойницу вторично хоронят, зааминивают. См. выше, № 44.

171. Девушка узнает, что жених, которому она обещала верность, умер. Он приезжает за ней на коне и привозит ее к своей могиле. Он предлагает ей прыгнуть в яму. Она бежит. За нее заступается другой покойник. Два покойника борются до петухов и падают. Девушка спасена, покойников хоронят заново и зааминивают. — Ук. 365.

172. Покойника, умершего на чужбине, в гробе везут домой. По ночам он встает, хочет съезть вознищу. На третью ночь он падает от пенья птиц и т. д.

173. Конспективная запись сказки о женихе-разбойнике. В доме разбойников девушка подсматривает убийство и людоедство, бежит, облачает разбойников, их арестуют. — Ук. 955.

ЛАЗАРЕВО

Анна Тимофеевна Молчанова, 57 л.

174. Дурак буквально исполняет приказ караулить дверь амбара — снимает дверь и караулит ее. Братья хотят его покинуть, он залезает к ним в кошель с хлебом. Они предают его в руки ведьмы, которая хочет его изжарить. Он кладет ее в кошель и берет с собой. Братья спасаются на дереве от разбойников. Дурак роняет кошель на разбойников, они разбегаются, деньги достаются братьям. — Ук. 1009, 1132, 1121, 1653 В.

ШУНЬГА

Иван Иванович Столбов, 13 л.

175. Поп берет в работники медведя. Он слишком прожорлив. Чтобы отделаться от него, поп посылает его избавить от черта царевну. Он это исполняет и возвращается к хозяевам. Они от него бегут, но он залезает в мешок с сухарями и не отстает от них. — Ук. 1162, 1095, 1132.

176. Детская передача сказки о золотом, серебряном и медном царстве. — Ук. 301.

177. Содяце, месяц и ворон зятя. См. стр. 86, № 37. — Ук. *299, *1425.

178. Пожовский работник изобличает попадю и дьякона в любовных шашнях. На ночлеге уверяет хозяев, будто поп не любит, чтобы его угощали. Поп остается голодным. Ночью ищет еду и в темноте перемазывается. — Ук. 1725, 1775.

179. Скирлы, скирлы. См. стр. 87, № 38. — Ук. 161.

ИЛЕМСЕЛЬГА

Прасковья Матвеевна Уткина, 39 л.

180. Безручка. См. стр. 88, № 39. — Ук. 706.

181. Краткая передача сказки «О мертвой царевне» Пушкина. — Ук. 709.

Анастасия Ивановна Чарцева, 28 л.

182. Три слова. См. стр. 90, № 40. — Ук. 910 В, 677, *485 А.

183. Чего дома не знаешь. См. стр. 97, № 41. — Ук. 313.

Татьяна Епина, 9 л.

184. Шесть дочек, шесть дней каждая несет отцу обед по неправильной дороге и падает в дом к медведю. Обманутый, одураченный медведь всех шестерых сам приносит в мешке домой. — Ук. 311.

Екатерина Видёхина, 12 л.

185. Схематически рассказанная сказка о проделках с трупом умершей матери. — Ук. 1537.

186. Соединение различных мотивов из сказок о шутах и других. — Ук. (1360 В).

Дуня Видёхина, 6 л.

187. Очень сокращенно рассказанная сказка о глиняном пареньке. — Ук. 333 *В.

Борис Яковлевич Уткин, 14 л.

188. Пересказ гриммовской сказки о 12 братьях. — Ук. 451.

Елена Кузьминична Коппалина, 60 л.

189. Дурак получает три дара: кобылку, испражняющуюся серебром, стол-самобранку и клюшку, по команде избивающую людей. Первые два дара у него похищают, он возвращает их при помощи клюшки. — Ук. 563.

Ольга Севастьяновна Коппалина, 57 л.

190. Брат и сестра добывают у яги чудесный жерновик, который печет блины и пироги. Баба-яга ловит детей, хочет их сжечь, дети пихают ее в печь. Барин похищает жерновик, петух его возвращает детям. — Ук. 327 А, 715.

Марья Александровна Видёхина, 40 л.

191. Фрагментарно рассказанная сказка о Марке богатом. — Ук. 461.

Яков Павлович Видёхин, 14 л.

192. Дочь и падчерица на службе у волшебного кота в колодце. Дочь все делает худо, падчерица хорошо. Падчерица награждена. — Ук. (480).

193. Детская передача сказки о Марке богатом. — Ук. 930.

ТУБОЗЕРО

Семен Михайлович Власов, 27 л.

194. Сын купца учится воровать, по ночам он с своим учителем через трубу обкрадывает государственный банк. Учитель попадает в бочку со смолой, ученик рубит ему голову и уносит ее. Царь приказывает изловить вора, но вор всякий раз оставляет в дураках поимщиков. Царь обещает ему прощение, через афишу приглашает его во дворец, задает ему различные задачи на воровство, дает ему миллион денег и каменный дом. — Ук. 950, 1525.

195. Как солдат попал в рай. См. стр. 103, № 42. — Ук. 804*, 330 А.

196. Знаменитый колдун и отгадчик. См. стр. 105, № 43. — Ук. 1641.

ПИНЕГА

СКОРЯТИНО

Савватий Михайлович Тесаловский, 12 л.

1. Петушок подавился. См. стр. 109, № 44. — Ук. 241* I.

2. Глинушка. См. стр. 112, № 45. — Ук. 327 С.

3. Сказка о трех царствах в крапкой редакции. — Ук. 301.

ГУСЕВО

Николай Андреевич Марков, 9 л.

4. Сказка о петухе и жерновцах. — Ук. 715.

Авдотья Михайловна Маркова, 40 л.

5. Волк и лиса. См. стр. 113, № 46. — Ук. 1, 2, 4.

КУЛИКОВО

Степан Александрович Окуловский, 11 л.

6. Работник-силач занимается за щелчки сперва к кузнецу, потом копать колодез. От его щелчков наниматели отлетают на семь верст.

7. У царя сын дурень. Он занимается в пастухи, гоняет коров, его убивают. (Фрагментарно).

СЫВОРОТКИ

Борис Бушковский, 12 л.

8. Несколько строк сказки о дураке, вылавливающем щуку. — Ук. (675).

9. Богатырь просится к купцу ночевать. На купца нападает войско, богатырь его отбивает.

БЕРЕЗНИК

Татьяна Ивановна Шпакова, 59 л.

10. Купеческий сын женится, едет в Пруссию по торговым делам. Жена дает ему с собой белую рубашку: пока она сохраняет верность, рубашка бела. Царь прусский ненавидит его, посылает короля соблазнить жену за большие деньги, потом посылает принца; оба сброшены в подполье, где делают женскую работу. Едет сам. Она спрашивает духовника и другое духовенство, можно ли ей согрешить. Они предлагают согрешить с ними самими. Царь не может ее соблазнить, она сохраняет верность. — Ук. 882 *В, 1730.

11. Разборчивая невеста заносчиво отвергает жениха-царевича. Он переодевается купцом. Она за него выходит. Он делает вид, что обанкротился, заставляет ее работать и терпеть нужду. Дает себя узнать. — Ук. 900.

12. Царскую дочь на корабле уносит в чужую страну. Она поселяется в деревне. Проезжающий царь ее замечает. Он задает ей трудную задачу на шитье. У нее «талан». Она выполняет задачу, царь берет ее замуж.

ЛЕТОГОРА

Игнатий Яковлевич Новиков, 14 л.

13. Два охотника в лесу. Один из них умирает; после смерти встает, преследует товарища. Тот бежит к реке. Является на лодке монах, перевозит его, мертвеца оттачивает, спасает охотника и теряется («Это бывальщина»).

14. Яга уносит Иванушка-дурачка. Он сжигает ее дочерей. (Дальше не помнит «Книжная»). — Ук. 327 С.

15. Лиса обманывает царя, выдает парня за богача и женит его на царской дочери. — Ук. 545 В.

16. По поручению царя Иван ищет для него Красу. Он находит ее с любовником в гостинице; забирается к ней вместо него; она за него выходит. После ряда приключений супруги вновь соединяются. — Ук. *855, 882 А.

17. Солдат женится на девушке, которая летала орлицей и сбросила свое оперение для купанья. Царь задает ее мужу задачу построить канал к дворцу, достать гусли-самогуды. При помощи жены он это исполняет, царь отдает ему свое царство. — Ук. 465 В.

18. Ледяная хата лисы к весне тает, лиса напрашивается в лубяную хату волка. Ворует у волка масло. Учит волка ловить рыбу, опустив хвост в прорубь. Хвост примерзает, люди убивают волка. — Ук. 15, 2, 4.

19. Сказка о трех царствах. — Ук. 301.

20. Сказка о царевне-лягушке. — Ук. 402.

ЛАСЬЕВСКАЯ

Александр Васильевич Рудаков, 22 г.

22. Сокровищница. См. стр. 114, № 47. — Ук. 950.

ЛЕУНОВО

Георгий Медведев, 12 л.

24. Заклятые башмачки. См. стр. 117, № 48.

25. Бездетные старики вылавливают рыбу, в ней мальчик. Выросши, он берет обезьяну, собаку и фазана и в лодке едет на чертов остров. При помощи своих животных выбивает чертей, возвращается богатым и женится. «Из книги».

СУРА

Осип Иванович Малкин, 29 л.

А. И. Никифоров сообщает о нем: «Занятие — земледелие и лесной промысел. Служил в Красной Армии и бывал в больших городах. Женат, детей нет. Грамотен, сказки не читал».

26. Отсуленный сын. См. стр. 117, № 49. — Ук. 313.

27. Быль. См. стр. 123, № 50. — Ук. 1876 *В, 1877 А, 1910, *1527 I.

28. Человек, выдающий себя за портного, берет задаток, портит сукно, исчезает, оставив вместо себя своего подручного, которому приходится отвечать.

29. Прохожий за большую плату нанимается к помещику в пастухи стеречь зайцев и успешно справляется. Помещик посылает дочку, потом жену, купить у него зайца. Он их соблазняет, но зайцев сохраняет. После них является сам хозяин, пастух ставит и его в неудобное положение. Он получает плату, семья помещика узнает истину и рассоривается. — Ук. 570.

30. Поп нанимает работника; работник буквально исполняет все приказания, чуть не губит его дочь, получает высокую плату. — У него волшебный баран, к которому все прилипают: поп, попадья, поповна и т. д. Это зрелище смехит девушку, которая

обещала выйти за того, кто ее рассмешит. Работник на ней женится. — Ук. *1012 I, II, 571, 559.

31. Про царя. См. стр. 126, № 51. — Ук. 303, 300, 329, *313. Сказка опубликована. См. «Советский фольклор», № 4—5, стр. 227—231, № 13.

32. Баба-яга похищает мальчика, Ольшанку. Родители посылают за ним дочь. Дочка видит по дороге овин и костер, но ничем не помогает им. Она не может спасти его. Баба-яга хочет его съесть, он вместо себя подсовывает ее дочь, сжигает ягу и возвращается домой. — Ук. 327 С, 480 *Е.

33. Прибаутка. См. стр. 130, № 52. — Ук. 2020.

36. О царе и жар-птице. См. стр. 130, № 53. — Ук. 550.

37. Прибаутка. См. стр. 133, № 54. — Ук. 2020.

38. Краткая присказка. — Ук. 2020.

39. Царевна-лягушка. См. стр. 134, № 55. — Ук. 402.

—
Василий Иванович Коровин, 10 л.

40. Мужик роняет топор. Водяной показывает ему золотой и серебряный топор. Мужик признает только свой железный топор. Водяной дает ему все три топора. Другой мужик пробует проделать то же. Признает золотой топор своим, водяной исчезает, не отдав ему даже железного топора.

41. Рассказ о пожаре и погорельцах.

42. Рассказ о том, как мужик ловил сетью журавлей и ворон, портивших посев.

Владимир Петрович Коровин, 12 л.

43. Небылица. См. стр. 135, № 56. — Ук. 1876 *В, 1877 А, 1910.

44. Передача сказки о волшебной лампе Аладина из 1001 ночи. — Ук. 561.

Никифор Лазаревич Кунников, 13 л.

45. Парамоха-вор. См. стр. 136, № 57. — Ук. 1525 А, *1740.

46. Разбойники заставляют мальчика залезть в амбар и выкидать вещи, и оставляют его там. Он залепляет мукой глаза старухе, открывающей дверь, и бежит. Он уводит чужую лошадь и скрывается под чужим именем. — Ук. *1527 I, 1525.

Александра Алексеевна Малкина, 13 л.

48. Семь Симсонов. См. стр. 139, № 58. — Ук. 653.

49. Необыкновенно сильный работник щелчком убивает быка и пр. Его усылают. Он узнает, что исчезла девушка и идет ее искать. Она похищена трехголовым лешим. Там три девушки, он их освобождает, отправляет на верхний мир, и выбирается сам. Женится на одной из девушек. — Ук. (650, 301).

50. Докучные. См. стр. 141, № 59. — Ук. 2020.

Александр Иванович Янин, 17 л.

51. В лесу мальчик проваливается в землю. Там находит слепого старика, нанимается пасти скот. Скот гоняет на землю бабы-яги, убивает ее, достает от нее живой воды и возвращает старику зрение. Старик дает ему птицу, на которой он вылетает наверх.

Николай Григорьевич Панфилов, 11 л.

54. Девушка поет в лесу. Прохожий забирает ее в сумку, заставляет ее петь и говорит, что у него волшебная сумка. Попадает в дом ее родителей. Они ее освобождают, в сумку кладут навоз.

Тасия Петровна Панфилова, 10 л.

55. Девочка рассказывает, как богатой девочке подарили большую куклу и как эту куклу потом выбросили.

Наталья Петровна Панфилова, 20 л.

56. Женихи-разбойники. См. стр. 142, № 60. — Ук. 955.

57. Подмененная жена. См. стр. 143, № 61. — Ук. 510 В, 403 В.

Анна Александровна Рябова, 20 л.

58. Царицу уносит бурей. Три сына отправляются ее искать. В трех царствах находят трех девиц. Младший успешно справляется со всеми препятствиями, старшие терпят неудачу. Младший привозит мать и трех царевен. Старшие пытаются присвоить себе его заслуги. Он их прощает, тройная свадьба. — Ук. 301.

59. Золушка по бр. Grimm. — Ук. 510 А.

60. Сказка о Безручке. — Ук. 706. Сказка опубликована. См. Капица, № 102, стр. 281—283.

Алексей Семенович Малкин, 49 л.

61. Царь узнает о ловком воре, предлагает ему украсть 10 скотин из царского стада, попа из церкви, царского коня, кольцо с руки жены и поцеловать ее. Он все выполняет. — Ук. 1525 D, А, 1737.

62. Былина об исцелении Ильи Муромца и его встрече с Соловьем-разбойником. Он побивает вражескую рать и привозит Владимиру трех пленных царевичей. Владимир посылает его побивать еще одно войско, он попадает в подковы, его заваливают камнями. «Не помню, как его добывали после». Знает из какой-то «книжечки». — Уч. *650 I.

Дуня Евпловна Рябова, 12 л.

Характеристику Дуни Рябовой дает И. В. Карнаухова (стр. 405).

63. К зайцу в избушку напрашивается лиса. Она пекет оладьи. Лиса идет за маслом и все масло съедает, обвиняет зайца. — Ук. 15.

64. Лиса ворует рыбу с саней мужика. Учит медведя ловить рыбу, опустив хвост в прорубь. Хвост примерзает. Прибегают люди, медведь обрывает хвост. — Ук. 1, 2.

65. Зимовье зверей. См. стр. 145, № 62. — Ук. 43.

66. Ночью приезжают разбойники свататься. Девушку увозят, хотят ее зарезать, она бежит домой и все рассказывает. — Ук. (955).

67. Разбойники заманивают девушку в свой дом. Она бежит, они снаряжают погоню. Девушка спасается в куче листьев, в дупле, на дереве, в обозе с сеном и прибывает домой. — Ук. (956 В).

68. По уговору с крестьянином ловкий вор уводит у него 5 лошадей, у другого ворует постель из-под девушки, у попа — всё его золото и серебро. — Ук. 1525 А, D.

69. Сказка о 12 братьях по тексту сборника бр. Grimm. — Ук. 451.

70. Конспективная запись сказки о девочке, из зависти убитой ее сестрами в лесу. Они ее зарывают в землю. На могиле вырастает цветок, который поет об убийстве. Труп вспрыскивают святой водой, она оживает. — Ук. 780.

Анна Тимофеевна Данилова, 12 л.

71. Сокращенный пересказ сказки о сестре и 12 братьях от Дуни Рябовой (см. № 69). — Ук. 451.

72. Леший уводит к себе девушку, приказывает ей за ночь построить двухэтажный дом и стеклянный мост. Сын лешего помогает ей, она бегут. Леший их нагоняет, они обращаются разными предметами и спасаются. — Ук. (313).

73. Нищий уносит младшую из трех сестер. В запретной комнате она видит убитых женщин и девок. То же происходит со второй сестрой. Третью он не застает дома. Одну сестру он убивает, другая от страха умирает в больнице, одна спасается. — Ук. (311, Синяя Борода).

74. Мачеха и падчерица. См. стр. 146, № 63. — Ук. 480 А.

75. Про Лишанушка. См. стр. 147, № 64. — Ук. 327 С.

76. Укороченная сказка о Золушке. — Ук. 510 А.

77. Нелюбимая дочь бежит из дому, попадает к яге. У ней видит пропавшего когда-то брата и бежит с ним. Она бежит, бросает позади себя платок и гребешок, спасает себя и брата. — Ук. 480 *Е.

Татьяна Матвеевна Порохина, 41 л.

80. Шуточная песня о зайке и милом дружке.

Анна Степановна Данилова, 20 л.

81. Конспективная запись сказки об Олишанушке. См. выше Пин. 75. — Ук. 327 С.

ЗАСУРЬЕ

Федор Яковлевич Мёрзлый, 48 л.

82. У купца чудесно рождается сын, у кобылы — конь. Жена и ее любовник хотят его отравить, но конь его предупреждает. Хотят зарезать коня, сын на коне уезжает. Сказка не окончена. — Ук. 315 А.

Павел Васильевич Куников, 12 л.

83. Рассказ о разбойниках, пытавшихся ограбить мельницу.

84. Мужик выкармливает больного орла. Орел улетает. Мужик следует за ним, получает ларец; открывает его слишком рано, из него рассыпается золото по песку. Леший обещает ему вернуть золото, если он отдаст то, чего в доме не знает. Дома застаёт сына, отдаёт его лешему, золото возвращается, он начинает жить хорошо. — Ук. (313).

85. Сказка о жене-волшебнице, которая помогает мужу выполнить трудные задачи царя, в очень сокращенном изложении исполнителя. — Ук. 465 А.

86. Про змея. См. стр. 149, № 65. — Ук. 1084, 1062, 1049 А, 1052, 1149.

Марья Васильевна Куникова, 14 л.

87. Солдат просится ночевать, ночью обморачивает хозяина сказками. Ему снится, будто он медведь, за ним гоняется волк и пр. Падает с полатей и просыпается. — Ук. 664 В.

ПРИЛУКИ

Алексей Кузнецов, 65 л.

88. Схематический и укороченный пересказ сказки о Салтане. — Ук. 707.

89. Соединение сказки о батраке, который все приказания хозяина исполняет буквально и тем его разоряет, со сказкой о Несмеяне. У батрака есть овечка, к которой все понаипают. Это смешит Несмеяну, она выходит за батрака. — Ук. 1000, 1006, 571, 559.

91. Схематически и кратко изложение сказки о состязании человека с чертом. Угроза морщить озеро и корчить чертей, забросить палку за облако. Черти откупаются мешком золота. — Ук. 1045, 1063.

92. Старец задает загадки, разгадка которых указывает на греховность мира. Медведи бегают по морю — грешные люди, серые птицы летают — блудники и т. д.

СЛУДА

Северьян Павлович Нехорошко, 22 л.

А. И. Никифоров сообщает о нем: «Занимался в момент записи крестьянством и лесославом, не служил на военной службе, в городе не бывал, холост, грамотен. Знает еще стих-песню о лесосплавщиках, сказки. Эпик, по манере средней говорной манеры». («Советский фольклор», № 4—5, стр. 150).

93. Сукин сын Парамоха. См. стр. 150, № 66. — Ук. 303, 300, 329, 313 I. Сказка опубликована. См.: «Советский фольклор», № 4—5, стр. 220—227, № 12.

ПОГАНЕЦЬ

Георгий Михайлович Рябов, 12 л.

94. Сказка о козе-обманщице. Ср. ниже, Пин. 104. — Ук. (212).

Мария Федоровна Шиорева, 12 л.

96. После смерти родителей брат женится на сестре. Она убегает, оставляет вместо себя куколок, которые отвечают за нее. Она проваливается сквозь землю, попадает в избушку к лешачихе. Она вместе с ее дочерью бежит домой. Брат женится на приведенной девушке. — Ук. *722, *313 I.

97. Три брата и три сестры. Сестры идут в поле с хлебом для отца. Леший заманивает их к себе. Двух первых убивает, третью берет в жены. Также попадают к нему три брата. Двух первых он убивает в бане, третий сам убивает лешего. Убитых оживают. — Ук. (311).

Василий Михайлович Рябов, 19 л.

98. Генерал ночует в крестьянском доме. Хозяйка называет свою дочь кобылой. Генерал думает, что это ее имя. Он покупает у стариков эту кобылу и приказывает своему слуге привести ее к себе. Старики подсовывают ему старую кобылу. — Ук. 1440.

99. Дьячок ворует барана. См. стр. 156, № 67. — Ук. 1831.

100. Две прибаутки, записанные от детей на улице.

101. Регистрационная запись: горох прорастает через потолок, старик лезет со старухой, роняет ее. — Ук. *1425.

Николай Александрович Шамшин, 14 л.

102. Яга похищает мальчика. Старшая сестра бежит за ним, по дороге заносчиво отвечает костру и сенной куче, не может спасти братца. Младшая отвечает услужливо, костер и куча помогают ей спастись от погони яги. Она приносит братца домой. — Ук. 480 *Е.

Иван Яковлевич Быков, 12 л.

103. Докучная. — Ук. 2020.

104. Коза-дереза. См. стр. 157, № 68. — Ук. 212, 43.

105. Петушок и котик. См. стр. 159, № 69. — Ук. *61 II.

ГОРА

Матрена Архиповна Титова, 56 л.

А. И. Никифоров сообщает о ней: «В момент записи занималась крестьянством, замужня, имеет внука, неграмотная. Эпик и забавница, стиль разговорный, и пение, и декламация» («Советский фольклор», № 4—5, стр. 150).

108. Мальчик уезжает на своем волшебном коне от злой мачехи. Он служит при царском дворе, называет себя Незнайкой, женится на младшей дочери царя. Семиголовое чудовище угрожает царству. При помощи своего коня он уничтожает его, в нем признают богатыря. — Ук. (531), 532, 300. — Сказка опубликована. См.: «Советский фольклор», № 4—5, стр. 214—217, № 10.

109. Про Олишанка. См. стр. 160, № 70. — Ук. 327 С.

110. Кот, дрозд, петух и лиса. См. стр. 161, № 71. — Ук. *61 II.

111. Баба-яга уносит мальчика. Старшие сестры отправляются его искать. По дороге грубо отвечают овину, сенной куче, костру, которые просят прибрать под ними. Не могут спасти братца. Младшая исполняет их просьбы, они укрывают ее от погони ведьмы. Она спасает братца. — Ук. 327 С, 480 *Е.

111. бис. Про Садко. См. стр. 163, № 72. — Ук. 677 I. Текст опубликован. См.: Астахова, том II, стр. 638 и комментарии на стр. 794.

Григорий Иванович Фофанов, 76 л.

112. Нравоучительный рассказ о бесе, искушающем старцев не молиться, соблудить. Старцы отсылают беса.

Григорий Васильевич Панфилов, 16 л.

А. И. Никифоров сообщает о нем: «В момент записи занимался крестьянством, холост, грамотный Эпик, рассказывает с одушевлением и артистическими элементами». (См. «Советский фольклор», № 4—5, стр. 150).

113. Два брата. См. стр. 164, № 73.— Ук. 554, 300, 303. «Слышал от одного из родственников на деревне». Сказка опубликована. См. «Советский фольклор», № 4—5, стр. 210—214, № 9.

Василий Степанович Панфилов, 72 г.

114. Сказка о царе Салтане, отличная от сказки Пушкина.— Ук. 707.

115. Конь медный, человек золотой. См. стр. 168, № 74.— Ук. 502, 850.

Василий Ипатьевич Фофанов, 17 л.

116. Герой щадит муравья, ерша, пчелу. Попадает в заколдованное царство. Звери помогают ему разрешить задачи: собрать бисер, узнать, кто ел мед, достать сундук со дна озера. Царство оживает.— Ук. 554, *410 I.

117. Людоедка одноглазая. См. стр. 174, № 75.— Ук. 1137.

Евдокия Федоровна Фофанова, 12 л.

118. Мать ребенка превращается в рысь. Его бабушка приносит мальчика, она в облике рыси кормит ребенка. Рысь отпавивает водой, она опять превращается в человека.— Ук. 409.

119. Медвежья песня. См. стр. 174, № 76.— Ук. *162.

120. Медная, серебряная и золотая избушка. См. стр. 175, № 77.— Ук. (301).

121. Векушка. См. стр. 178, № 78.— Ук. *2015 I.

Евдокия Васильевна Фофанова, 74 г.

122. Мужик на мосту находит дохлую ворону. Бросает ее под мост: «пусть замокнет». На обратном пути выбрасывает ее на мост: «пусть засохнет». — Ук. (2020).

123. Кратко о старике, который лезет на небо, берет в зубы мешок с старухой. На вопрос «Скоро ли?» отвечает, роняет мешок.— Ук. *1425.

Пелагея Кузьминична Фофанова, 18 л.

124. Старики не узнают вернувшегося с войны сына, убивают его ради денег. Истина раскрывается.

КАРПОВА ГОРА

Константин Лаврентьевич Фофанов, 65 л.

125. Три царства: золотое, серебряное и медное. См. стр. 179, № 79.— Ук. 301.

126. Царская дочь и Егובהа. См. стр. 185, № 80.— Ук. 451, 403 В. Сказка опубликована. См.: Капица, № 15, стр. 262—265.

127. Марко богатый. См. стр. 188, № 81.— Ук. 461.

128. Сказка о медном, серебряном и золотом царстве.— Ук. 301.

129. Василий, сын купеческий. См. стр. 192, № 82.— Ук. 560.

130. Зайка да лиска. См. стр. 197, № 83.— Ук. 15, 43, 212. Сказка опубликована. См.: Капица, № 9, стр. 71—74.

131. Контаминация сказки о козлятах и волке (яге) и сестрице Аленушке, братец которой превращается в козленка (барашка).— Ук. 123, 450.

132. Снегурочка. См. стр. 200, № 84.

133. Ольшанка. См. стр. 202, № 85.— Ук. 327 С.

ВАЙМУШИ

Ефим Матвеевич Коровин, 37 л.

134. Брат хочет жениться на сестре. Она бежит, скрывается в лесу; ее находит старик, женит на ней своего сына. У них рождается сын, обладающий волшебными способностями. Он помогает Ивану-королевичу жениться на Елене-красе, похищая ее на корабле, и помогает ее укротить. Она обмирает, ее хоронят; мальчика хотят повесить, но он спасается, находит средство оживить королевну и пр.— Ук. 510 *В, *515 I.

135. Парень нанимается к старику в работники. Его дочь дарит ему волшебный пузырек. Хозяин усыпляет его, при помощи птиц отправляет его на недоступную гору,

откуда заставляет сбрасывать золото. При помощи пузырька парень спасается, женится на дочери хозяина. Едет торговать за границу, хвастает своей женой. Соблазнитель ворует у нее кольцо и доказывает ее неверность. Жена разыскивает мужа, все разъясняется. — Ук. *936, 882 А.

136. Улетевшая жена См. стр. 206, № 86. — Ук. 325, 400 А, 329.

137. Ночные пляски. См. стр. 211, № 87. — Ук. 306, 518, 566.

138. Регистрационная запись. Вдовый царь с двумя детьми женится вторично. Царица прикидывается больной, для излечения требует крови детей. Рассказ не окончен.

139. Регистрационная запись сказки о сыне, обещанном морскому царю. Он женится на его дочери и бежит. — Ук. 313.

140. Регистрационная запись сказки о лешем, который ворует репу. Младший сын его ловит. Конец неясен. — Ук. (502).

142. Регистрация сюжета сказки «Пойди туда, не знаю куда». — Ук. 465 А.

143. Регистрационная запись в 1½ строки. Сюжет не устанавливается.

144. Регистрация сюжета о Сивке-Бурке. — Ук. 530 А.

ШОТОВА ГОРА

Марина Ивановна Щепоткина, 8 л.

147. Волки воют. См. стр. 215, № 88, — Ук. *162.

Петр Иванович Попов, 21 г.

148. Убийство и ограбление предотвращаются, так как преступник случайно сам попадает в петлю, которую он заготовил для своей жертвы.

Наталья Уваровна Обросова, 53 г.

149. Неполная запись сказки о работнике, у которого волшебный баран: все к нему прилипает. Этим он смешит королеву, она за него выходит. — Ук. 571, 559.

150. Война зверей. Орел остается без крыла. Царь выкармливает орла, получает в награду ящик. Открывает его слишком рано, из него делается золотой дом. Кощей обещает помощь: «Отдай, чего дома не знаешь». Отсуленный сын выполняет все задачи Кощей при помощи его дочери и бежит с ней. Спасается от погони, женится. — Запись сокращенная. — Ук. 222 *В, 313.

151. Героиня послана к бабе-яге, ласково обращается с березкой, котом, благодаря им спасается. — Ук. 480 *Е.

Устинья Андреевна Зубова, 45 л.

152. У царя сад. По ночам кто-то портит его. Младший сын ловит вора — кобылу. Завистливые братья понуждают царя послать его за гусями-самогудами, скатертью-самоверткой, жар-птицей, живой и мертвой водой и пр. Царь гибнет в котле с мертвой водой, герой от живой воды преобразается, женится. — Ук. 531.

Дуня Зубова, 9 л.

153. Неоконченный фрагмент к сказке о кобылей голове в роли яги. — Ук. 480 *В.

Папа Федорович Лисицын, 14 л.

154. Краткая конспективная запись сказки о девушке, уведенной медведем. Он обращается человеком; его кожу сжигают, он улетает. — Ук. 311.

155. Разбойника сватают девушке, младшая в их доме видит своих зарезанных сестер, дома всё рассказывает. Запись конспективная. — Ук. 955.

156. Конспективно записанная сказка о Сивке-Бурке. — Ук. 530 А.

ОБРОСОВО

Анатолий Прокопьевич Прилукин, 17 л.

157. Работник попа с поля приходит домой, обнаруживает у попадьи любовника, трижды изобличает их. — Ук. 1725.

158. Оленушку уносит ведьма. У ее матери рождается сын от съеденной горошинки; на выручает Оленушку. — Ук. *312 I, 300, 513 А, 301.

ВАСИЛЕВКА

Пимен Егорович Губин, 17 л.

159. Посланец неба в образе нищего ведет бедняка на ночевку в дом разбойников. Утром они уходят, подвода с добром следует за бедняком, дом разбойников сгорает. Нищий исчезает. — Ук. *751 I.

ПОКШЕНЬГА

Петр Тихонович Щеголихин, 19 л.

160. Прохожий ночует. Жена угощает мужа мучной похлебкой. Для любовника припрятана каша, блины, кисель. У прохожего ворона, которая якобы все знает, вещает про спрятанное угощение. — Продолжение сказки спутано. — Ук. 1535, 1360 В.

161. Скатерть, конь и дубинка. См. стр. 216, № 89. — Ук. 563.

МЕЗЕНЬ

ВОЖГОРЫ

Павел Кузьмич Ляпунов, 8 л.

1. Сказка о шуте. Продает горшочек, который будто бы сам кипит, сороку, которая все рассказывает, палку, которая оживляет мертвых. Его хотят утопить, сажают в мешок, он вместо себя сажает попа и пр. — Ук. 1539.

Иван Михайлович Ляпунов, 58 л.

2. Поп и дьячок напились и не могут служить. Псаломщик вместо церковного пения спрашивает, где вино, поп отвечает «аминь». Служба кончилась. — Запись недословная.

3. Псаломщика экзаменуют, он отвечает невпопад. — Запись конспективная.

4. Кто лучше увидит сон, тому съест рябчика. Пока один придумывает сон, другой рябчика съедает. — Ук. *2100.

5. Нечистые мучают царевну. Солдат играет с ними в карты на щелчки, щелчки наносит железный человек. Он избивает их прутьями, сдирает кожу царапкой, заставляет их лезть в ранец. Ранец приносит домой, бабы из любопытства его открывают, черти уходят в озеро. — Ук. *410 I, 1061, 1162, 330 В.

Марфа Николаевна Лешукова, 35 л.

От нее ряд записей сделала И. В. Карнаухова (№№ 135—137, стр. 261—265).

6. Лиса-плачя. См. стр. 220, № 90. — Ук. 1960 Г, *1425, 37.

Николай Антонович Лешуков, 75 л.

7. Неполная запись сказки о Марке богатом. — Ук. 461.

8. Отрывочный рассказ о воскресении Христа. Запись конспективная.

Иван Лешуков, 11 л.

9. Репка прорастает сквозь крышу, ее не могут вытянуть. По ней лезут до неба, старуха падает и убивается. — Ук. 1960 *D I, *1425.

10. Старуха померла. Старик ищет плакальщицу. Отвергает волка, медведя, берет лису. Лиса съедает старуху. Старик хоронит кости и плачет сам. — Ук. 37.

Анна Михайловна Лешукова, 14 л.

11. Гуси уносят мальчика, девочка его ищет; по дороге грубо отвечает печке, березке, яблоне и т. д. Находит мальчика у яги; на обратном пути выполняет просьбы печки, березки, яблони и т. д., они ей помогают бежать. — Ук. 480 *Е.

Ксения Андреевна Лешукова, 13 л.

12. Заблудившийся мальчик ночует на мельнице и распугивает пришедших туда разбойников. — Ук. 1875.

13. Мачеха посылает падчерицу к яге за нитками. У яги она одаривает работницу, та помогает ей бежать. — Ук. 480 *Е, *313 I.

14. Младшая дочь просит отца привезти ей ореховую веточку. Он ее рвет, является медведь, требует дочь замуж. Старик ее отдает. В берлоге медведя светло, играет музыка. «Боле вся». — Ук. 425 С.

15. Ступа. См. стр. 221, № 91.

16. Дурак едет продавать быка и мешок соли. Солью солит воду в реке, быка продает березе, в ее скрипе ему чудится «триста». Под березкой находит клад. Накупает горшков, надевает их на пни и т. д. Убивает дьякона. Братья хоронят козла. Его откапывают вместо дьяка, убийство скрыто. — Ук. 1643, 1600, 1696 А.

17. Ослепление одноглазой яги. См. стр. 221, № 92. — Ук. 1137.

Пелагея Филипповна Галёва, 15 л.

18. Падчерица увезена в лес. В лесной избушке «конинна голова». Девушка ее обряжает, укладывает и пр., получает богатые дары, превращена в красавицу. Родная дочь отвечает грубо, превращена в «грешницу». — Ук. 480 *В.

19. Яга утащила мальчика, сестра бежит его спасать. По дороге заносчиво отвечает корове, коням, оленям; яга ее догоняет и отбирает мальчика. Другая сестра обходится с ними услужливо, они спасают ее от погони. — Ук. 480 *Е.

Ефимья Яковлевна Галёва, 9 л.

20. Петушок задавился. См. стр. 222, № 93. — Ук. *241 I.

21. В отсутствие мужей к двум бабам приходят черти. Одну они съедают, другая отделяется при помощи коня, иконы и петуха.

Раиса Даниловна Поташова, 13 л.

22. Плут продает горшок, который кипит без огня, сороку, которая разговаривает, симулирует смерть и воскресение. Его хотят утопить, он вместо себя подставляет другого мужика. — Ук. 1539.

Филипп Матвеевич Бобрецов, 33 л.

23. К старику идут за огнем. Он взамен требует рассказать небылицу. Два брата не умеют и наказаны, третий рассказывает цепь небылиц и получает огонь. — Ук. 1920 *D, *1887, *1912, *1885, 1900 *B.

Евгений Малафеевич Поташов, 28 л.

24. Солдат берется найти исчезнувшую царевну, находит ее на необитаемом острове в подвале с костями. Он убивает ее мучителя. Капитан судна ее увозит и выдает себя за спасителя. Герой добывает чудесного коня и возвращается ко дню свадьбы своей невесты. Его узнают по кольцу в чарке. — Ук. 301.

25. Начало сказки о дележе урожая, записанное от случайного парня. — Ук. 1030.

Егор Яковлевич Тихонов, 8 л.

26. Стихотворная присказка в 5 строк. — Ук. 2020.

ПУСТЫНЬ

Василий Александрович Совков, 14 л.

27. Прибаутка: царь с царицей падают. — Ук. 2020.

28. Докучная. — Ук. 2020.

Елизавета Васильевна Саукова, 22 л.

29. Жених выполняет советы отца буквально «забрасывать глаза по народу» (он бросает по народу овечьими глазами) и «говорить покруглее» (говорит: колесо).— Ук. 1685 В.

32. Анекдот о шепелявых девушках (ср. Заон. 108).— Ук. 1457.

Василий Петрович Грязнов, 51 л.

35. Один брат врет, другой подтверждает, будто в их городе есть огромная колокольня, огромная капуста, огромный дворец. Выигрывают заклады и богатеют. В наказание за такой грех каменеют.— Ук. 1920 А.

36. Лешадиha женит на себе парня. Нечистые помогают ему разбогатеть и построить большой дом. Его обвиняют будто он обворовал казну, он доказывает свою невиновность.

37. Пьяница на самолетном ящичке летает к царевне, изображая ангела. Царь верит, он женится на царевне.— Ук. 575.

38. Поп, дякон и дячок напрашиваются на вечер к красавице. Она сговаривается с мужем, со всех берет деньги. Когда они приходят, прячет их в короб и зовет в гости их жен. Жены приходят, муж открывает короб.— Ук. 1730.

39. Работник занимается к попу. Работает с ним в поле, наведывается домой, обнаруживает у поповны дякона; дякон прячется, работник его избивает в мешке и пр. Поповна пробует отравить мужа и работника, работник убивает дякона.— Ук. 1561, 1725, 1380.

40. Отец обещает сыну, что он его женит на Красной Красе. Выросши, он отправляется ее искать. Слуга его усыпляет, он просыпает свиданье с ней. Он убивает слугу. Старушка учит, как ее добыть. Он ее добывает, Кошей ее похищает. Он вновь ее находит, и при ее помощи добывает смерть Кошей.— Ук. 400 *В, 400 А, 302.

41. Марко богатый. См. стр. 223. № 94— Ук. 461.

42. Балда служит попу; все приказания исполняет буквально: ребенка «сажает» (на кол), караулит дверь амбара, сняв ее с петель, в хлев к коровам приводит медведиц; поп посылает его к чертям, он состязается с ними в беге, бросании палки и т. д.; черти откупаются золотом. Поп и попадя бегут. Балда забирается к ним в тачку. При ночевке он stalkивает поповну в реку.— Ук. 1000, *1012 I, 1009, 1007, 1045, 1063, 1132.

Приписка собирателя: «Эта сказка рассказывалась глубокой ночью, когда мы со сказочником, утомленные, уже окончили работу. Вдруг ему пришла фантазия пошутить, и он начал, быстро, комкая и отрывисто бросая фразами, сказку про Балду. Я схватился за бумагу и стал записывать. Таким образом эта запись сказки является представительницей особого стиля „сказки на лету“, сказанной на ходу. Она записана без больших пропусков и в общем довольно близко к полному виду текста, так, как он был дан в своеобразных условиях».

43. Царевич достает для больного и старого отца молодильных яблок и живой воды. Грешит с жар-девицей, обладательницей этих сокровищ. Она его находит, признает в нем отца своих детей.— Ук. 551, *313 I.

47. Сестра сживается с разбойником, хочет уходить брата. Она подговаривает их играть в карты, проигравшего связать. Брат проигрывает, его вяжут. Девка-служанка отсекает разбойнику голову, он вырывается, рубит сестру.— Ук. (315 *В).

48. Муж в шутку говорит жене, что теперь власть принадлежит бабам. Она его начинает избивать, заставляет его нести ее на руках в баню и пр. Он ее колотит.— Ук. *1375.

51. Сказка прохожего человека. См. стр. 226, № 95.— Ук. *1376 В.

52. Мальчик на последние деньги выкупает кошку, собаку и жабу, которых собираются удавить. Жаба дарит ему волшебное кольцо. Он женится на царевне, она похищает кольцо и исчезает. Благодарные животные достают кольцо. Он отказывается от жены-изменщицы, живет с родителями богато благодаря кольцу.— Ук. 554, 560.

53. Вторично рассказанное начало сказки о Красной Красе. См. выше, Мез. 40.

54. Про лисичку. См. стр. 227, № 96.— Ук. 1.

55. Мужик ловит медведя и из великодушия отпускает его. Медведь хочет его съест, так как «старое добро забывается». Их спор разрешает лиса, которая заставляет медведя вновь влезть в силки. Мужик убивает медведя и делится с лисцей.— Ук. 155.

56. Докучная.— Ук. 2020.

57. Двое находят труп, пугают им разбойников и берут себе их деньги. Один из них прогоняет чертей, муcaющих царевну, и женится на ней.— Ук. 326 *В.

58. Баба с любовником не пускает мужа в дом. Он думает, что он не женат, всех об этом спрашивает.— Ук. (1406).

61. У царского стрельца красивая жена. На него доносят, будто он может достать чудесного лебеда, пойти туда, не знаю куда. Он все выполняет. — Ук. 465 А.

62. Брат трижды обворовывает брата, приписывая воровство трупы только что скончавшейся матери. — Ук. 1536.

63. Мужик последовательно меняет коня на корову, овцу, гуся, курицу, яблоки. Татары на постоялом дворе бьются об заклад, что старуха его будет ругать. На самом деле старуха все находит прекрасным и целует его. Татары проигрывают мешок с золотом. — Ук. 1415.

Василий Александрович Совков, 14 л.

64. Король во время торговой поездки запродаёт сына, не зная о его рождении. Сын попадает в лесную избушку, старуха учит его взять в жены одну из лебедей — купальщицу. Ее отец требует исполнения разных трудных задач, при помощи девы-лебеда он все исполняет. Они бегут, спасаются от погони, прибывают домой. — Ук. 313 А.

65. Две прибаутки: царь и царица падают; на бане, на окошке ложка, принеси, я еще скажу. — Ук. 2020.

Александр Яковлевич Поташов, 13 л.

О нем А. И. Никифоров пишет: «Сын Якова Васильевича Поташова (см. № 67 и сл.), неграмотный. По манере сказа эпик, есть черты артистизма, по-видимому, от отца. Записана сказка на улице в толпе детей». («Советский фольклор», № 4—5, стр. 149).

66. Незнайко. См. стр. 227, № 97. — Ук. 313, 300, 532. Сказка опубликована. См.: «Советский фольклор», № 4—5, стр. 156—159, № 2.

Яков Васильевич Поташов, 55 л.

О нем А. И. Никифоров сообщает: «Занятие — крестьянство, охота, рыбная ловля. Женат. Двое детей. Грамотен, но в школе не учился, читал лубочные сказки, слышал от разных лиц. Сказочник артистической манеры исполнения. Эпик. Сказ четкий, ритмический». См.: «Советский фольклор», № 4—5, стр. 149.

67. Разорившийся из-за своей щедрости мужик нанимается к старику на работу. Они едут, старик ведет его на ночлег к скупым хозяевам. Ночью старик велит мужику погрузить все имущество хозяев и ехать. Утром обнаруживается, что дом скупых хозяев провалился. — Ук. *751 I.

68. Жар-птица. См. стр. 230, № 98. — Ук. 550, 532.

69. Три брата отправляются из дому. Два старших застревают у девиц, где они сброшены в подполье, младший их выручает, едет дальше. В помощники добывает себе медведя. В подземном царстве находит трех красавиц, подымает их на землю. Братья тщетно пробуют отнять у него добычу. Он возвращается домой героем. — Ук. 550, 301.

70. Вод Водович и Иван Водович. См. стр. 236, № 99. — Ук. 303, 300. — Сказка опубликована. См.: «Советский фольклор», № 4—9, стр. 151—155, № 1.

71. Рукописи этой сказки нет, копий нет.

72. Хитрая наука. См. стр. 240, № 100. — Ук. 325, (464 А).

73. Купец, умирая, оставляет сыну талисман, оживляющий после смерти. Сын женится, жена связывается с полковником и бежит. Он с горя идет в солдаты. Жена его узнает, полковник приказывает его повесить. Отцовский талисман возвращает ему жизнь. Он уходит, подслушивает разговор бесов: один из них вселился в царевну. Он изгоняет беса, женится на царевне. Полковника и жену-изменницу приказывает повесить в той же петле, в которой удавили его.

74. Чудесная птица. См. стр. 242, № 101. — Ук. 567.

75. Царевич подсматривает голубиц-купальщиц, обручается с одной из них. Дядька его усыпляет, он просыпает свиданье со своей невестой, отправляется ее искать и находит ее. — Ук. 400 *В.

76. Регистрация сказки о Бове. — Ук. 707 I.

РÓДОМА

Иван Васильевич Карманов, 20 л.

77. Иван выпускает из капкана чертенка, получает от него волшебное зеркало. При помощи зеркала добывает себе жену. Она узнает секрет, похищает зеркало, исчезает. Иван ее разыскивает, занимается к ее отцу поваром и возвращает себе зеркало. — Ук. 400 А.

78. Ведьма надевает на солдата узду, ездит на нем. Он превращает ее в кобылу и засекает ее до смерти. Три ночи она встает из могилы, но не может его найти. Он поселяется у старика колдуна. Колдун умирает, встает из гроба. Солдат его не боится, он умирает вторично. — Ук. 307.

81. Докучная про белого бычка. — Ук. 2020.

ЛЕБСКАЯ

Яков Евдокимович Гольчиков, 60 л.

Подробную характеристику Якова Евдокимовича Гольчикова дает А. М. Астахова, том I, стр. 109—110. См. также Карнаухова, стр. 417.

82. Про купцов-разбойников. См. стр. 243, № 102.

83. Про царскую дочь. См. стр. 247, № 103. — Ук. 301, 315 *В.

84. Про Настасью Прекрасную. См. стр. 253, № 104. — Ук. *855.

85. Никола Дуплиный. См. стр. 257, № 105. — Ук. 1380, 1537, * 1537 I.

Филипп Васильевич Гольчиков, 40 л.

Характеристику его, см. Астахова, том I, стр. 335.

86. Купеческий сын женится. Едет торговать. За границей хвастает женой. Купец берется ее соблазнить, обманом достает ее именной перстень. Муж верит, ранит жену до смерти, уходит в солдаты. Доктор вылечивает жену. Она в мужском платье идет в услуженье к купцу. Над ней загорается свеча, ее избирают царем. Она выскивает мужа, сперва наказывает, потом милует его. — Ук. 882* В, 881.

Михаил Федорович Гольчиков, 28 л.

А. И. Никифоров сообщает о нем: «Занимается крестьянством, лесосплавом, сапожным делом. Служил на службе 9 лет, жил в Саратове, Екатеринодаре, Москве, Архангельске, Вятке и других местах. Семейный, жена, девочка. Грамотный, сказки читывал, но рассказанная им («Незнаюшко», см. № 87), по его словам, некнижная. Эпик, с элементами артистического исполнения» («Советский фольклор», № 4—5, стр. 149). Сказка № 87 записана у сказочника в доме. Слышал он сказку от отца, а отец читал сказку.

87. Не-наюшко. См. стр. 259, № 106. — Ук. 313, 300, 532.

88. Принеси то и не знаю чего. См. стр. 266, № 107. — Ук. 465 А.

89. Заколдованная царевна. См. стр. 269, № 108. — Ук. *410 I. 400 А.

90. Змея заскакивает на шею мужику, велит везти его в медное царство. Он ее привозит, она оказывается девушкой. Ее сестра дарит ему различные талисманы. Он прибывает в царство другого царя, при помощи талисманов побивает вражеское войско и женится на его дочери. Жена выведывает его тайну, предает его в руки врага, который его убивает. Служанка при помощи талисманов воскрешает его. Он убивает царевну, женится на служанке. — Ук. 401, 315* В.

91. Палфил — медвежий сын. См. стр. 272, № 109. — Ук. 650 А, 301.

93. Сказка в основных чертах по сюжету совпадает со сказкой № 73, записанной в дер. Пустынь от Я. В. Потапова. Запись конспективная, краткая.

94. Присказка.

Евдоким Михайлович Гольчиков, 44 г.

95. Три охотника на Груманте. Двое умирают. Оставшийся в живых видит привязанного к дереву лешего и отвязывает его. Леший по воздуху переносит его домой, позже уносит его домой с солдатской службы. Герой женится и угощает лешего и чертей.

96. Царская собака. См. стр. 278, № 110. — Ук. *449 А.

97. Сивко-Бурко. См. стр. 283, № 111. — Ук. 530* В.

98. Регистрация сказки: солдат вызывается добыть царскую дочь, находит ее в гостинице с любовником.

Ирина Фалалеевна Ончукова, 16 л.

99. Сказка о семи Симеонах в краткой редакции. — Ук. 653.

100. Сказка о Сивке-Бурке. — Ук. 530* В.

101. Падчерида приходит к яге за ниточками, которые она уронила в реку. Яга дает ей решето с золотом. Родная дочь приносит решето с угольями. — Ук. (480 А).

Настасья Ионовна Поташева, 17 л.

102. Стихотворение о девушке, выданной за три моря. Сваты разбойники. Она бежит, они ее ловят, хотят убить, она просит о пощаде и обещает работать.

103. К девушке сватаются разбойники и увозят ее. Она уходит от них, вместо себя оставляет привезенного козлика. Разбойники ее догоняют, она прячется в дупле, в возу с кожами, под шерсть. Изобличает разбойников. — Ук. (955).

104. Девушка несет отцу в поле хлеб. Шишко (черт) заманивает ее в свою избушку и убивает.

106. Присказка. См. стр. 290, № 112. — Ук. 2020.

107. Девушка в подполье обнаруживает разбойника. Она выбегает из дому, он за ней гонится. Она прячется в дом. Когда он просовывает голову в окно, она убивает его топором. — Ук. 956 В.

Клавдия Дмитриевна Поташева, 14 л.

108. Царь посылает сыновей за молодильными яблоками и живой водой. Старшие поддаются соблазну девиц, сброшены в погреб, младший их выручает. При помощи трех встречных старух находит красавицу, хранительницу яблок и воды. Он похищает воду и яблоки и грешит с ней спящей. Она его разыскивает, находит в нем отца своих детей. — Ук. 551.

Григорий Фалалеевич Ончуков, 14 л.

109. Яга похищает мальчика и хочет его изжарить. Он засовывает ее в печь вместо себя. Возвращается на пролетающих гусях. — Ук. 327 С.

110. Старуха хочет медвежьего мяса. Старик у спящего медведя рубит лапу. Медведь приходит за своей лапой. Старик увязывает старуху в мешок и вешает его высоко. Мешок падает на медведя и пугает его, медведь убегает. — Ук. *161, *1425.

Николай Григорьевич Ончуков, 51 л.

111. По клевете купец изгоняет своего сына. Он уезжает, поступает на службу к купцу. Хозяин вместо вознаграждения предлагает ему жениться. Он коварно сталкивает его в комнату, наполненную трупами. Герой выбирается, поступает к другому купцу, на балу все рассказывает в виде сказки.

Ксения Васильевна Оксёнова, 40 л.

112. Краткая передача сказки о Правде и Кривде. — Ук. 613.

113. Бедняк ищет свой талан. Находит курочку, несущую золотые яйца. Любовник жены требует, чтобы она зарезала курицу. По ошибке голову курицы съедает сын. Он бежит. В другом царстве его выбирают в цари, над ним зажигается свечка. — Ук. 735, 567.

Анна Михайловна Оксёнова, 11 л.

114. Суженым девушки оказывается козлик. Он обращается в красавца и богача. — Ук. 430.

Константин Васильевич Оксёнов, 14 л.

117. Два брата уезжают. Черты принимают их облик и соблазняют их жен. Одна не видит обмана, черт замучивает ее до смерти. Другая избавляется, заставляя петуха преждевременно пропеть, отчего черт улетает.

118. Умирает мужик. Малолетний сын видит, что он ожил и хочет загрызть жену. На ее крик прибегает мужик, но она умирает с испугу.

119. Присказка. — Ук. 2020.

122. Дскучные. См. стр. 290, № 113. — Ук. 2020.

123. Докучная. — Ук. 2020.

124. Докучная. — Ук. 2020.

125. Разбойник высватывает девушку, привозит ее в свой дом. В запретной комнате она видит разрубленные трупы. Приезжают ее братья, убивают разбойника и берут себе его богатство. — Ук. (311).

126. Медведь уносит девочку. Она забирается к нему в короб, он уносит ее домой, думая, что несет пироги. — Ук. 311.

127. Старики нанимают работника. Он слишком много ест. Они отсылают его к черту. Угрожая чертям, он вьет веревки. Чтобы избавиться от него, черти предлагают состязаться в несении тяжести, беге, борьбе, свисте, бросании шара. Он выигрывает, черти выносят три меша золота. — Ук. 1045, 1082, 1072, 1084, 1062, 1130, 1132.

Григорий Прокофьевич Попов, 13 л.

128. Прожорливый паренек съедает девушку, старика, дьячка, попа. Старуха протыкает его раскаленной кочергой, все выходят. — Ук. 333* В.

129. Присказка из двух строк.

УСТЬ-НИЗЬМА

Петр Алксеевич Лешуков, 29 л.

130. Водяные черти воруют у парня кольцо. Яга дает ему kota. При его помощи он побеждает чертей в беге и борьбе, черти возвращают ему кольцо и приводят невесту. — Ук. 1045, 1084, 1071.

131. Про белого бычка. — Ук. 2020.

Иван Иосипович Антонов, 16 л.

132. Докучная. — Ук. 2020.

Павел Максимович Поташов, 17 л.

133. Старуха на санях едет в гости. Напрашиваются заяц, лиса, волк, медведь. Ломаются оглобли. Пока она высекает в лесу березу для оглобли, звери съедают лошадь. — Ук. 158.

ЗАСУЛЬЕ

Иван Григорьевич Бобрецов, 27 л.

А. И. Никифоров сообщает о нем: «Занятие, — крестьянство и лесосплав. Служил в Красной Армии, бывал в Архангельске, Крыму, Москве, Ленинграде, на Украине. Холост. Малограмотен. Учился два месяца, сказки перенимал „по народу“. Эпик с элементами артистизма. Знает сказок несколько. Все длинные, некоторые мотивы неизвестны указателю Аарне». См. «Советский фольклор», № 4—5, стр. 149. Записанные от него сказки в настоящем собрании см.: Мез. 135, 152, 153.

135. Сестра-изменщица. См. стр. 290, № 114. — Ук. *314 I, 315 А, 300. Сказка опубликована. См. «Советский фольклор», № 4—5, стр. 178—189, № 5.

Федор Александрович Бобрецов, 22 г.

А. И. Никифоров сообщает о нем: «Не родственник Ивана Григорьевича Бобрецова. Был кочегаром на пароходах в Архангельске 2 года, в момент записи крестьянствовал. Не служил на военной службе. Грамотный. Холост. Эпик. Знает сказки, не известные указателю Аарне».

136. Большая и сложная, но не совсем складная сказка о змеборстве, в соединении го сказками о зверином молоке и о волшебном кольце. — Ук. (313 А, 314 А, 560), 300. — Сказка опубликована. См. «Советский фольклор», № 4—5, стр. 189—195, № 6.

137. Краткий вариант сказки о купцах-разбойниках. Ср.: Мез. 82.

138. Солдат лучше хочет служить черту, чем в солдатах. Черт уносит его к себе. В запретной комнате он видит цветок, из него выскакивает девица. Они уходят от черта. После ряда приключений она от него улетает. Он женится на дочери купца. Девушка-цветок прилетает, вызывает его запиской. Он просыпает свиданье с ней, но все же разыскивает ее.

Михаил Михайлович Бобрецов, 12 л.

139. Краткая (5 строк) бывальщина о встрече с лешим.

140. Бывальщина о баннике, который в бане сдирает кожу с девушки, а ее мать пихает под полог.

Федор Андреевич Бобрецов, 15 л.

141. Кратко рассказанная сказка о Сивке-Бурке. — Ук. 530 А.

142. Три сестры идут в лес за ягодами. Младшая находит самоцветный камень. Старшие убивают ее и хоронят под березой. Прохожие делают из березы гудок. Гудок песней выдает убийц. — Ук. 780.

Марья Семеновна Бобрецова, 49 л.

143. Конспективная запись сказки об аленьком цветочке. Рассказ не окончен. — Ук. 425 С.

Анна Ивановна Бутенева, 65 л.

144. Отрывочно рассказанная неоконченная сказка о чудесных детях (Салтан). — Ук. 707.

145. В отсутствие купца жена его заводит любовника. Он обнаруживает у нее куру с надписью: кто сердце съест, царем будет, кто съест легкие — будет плевать золотом. Куру случайно съедают сыновья, они бегут. Пророчество сбывается. Неизвестные братья заезжают домой, все происшедшее рассказывают как побывальщину. Матери отсекают голову. — Ук. 567.

Виринея Герасимовна Чурсанова, 12 л.

146. Жар-птица ворует яблоки в саду царя. Младший добывает ее и Елену Прекрасную. Братья похищают у него добычу, у них ее похищает Кощей. Герой добывает палку-самобойку и при ее помощи получает добычу обратно. — Ук. 550, 518, 302. «Сказка — образец детского схематического лакунного сказа» (А. Н.).

Василий Андреевич Елулов, 13 л.

147. Царица едет за хлебом для царя, падает и убивается. Ее кладут в стеклянный гроб, она вываливается и оживает («Образчик сказки, возможно, что выдуманной матерью мальчика, чтобы дать ему возможность заработать конфету. Мальчик признался, что его научила накануне мать»).

Варлаам Матвеевич Михеев, 70 л.

О нем см. Астахова, том I, стр. 219.

148. Солдат пускает черта во время грозы постоять около него под деревом. За такую услугу черт согласен послужить вместо солдата, чтобы солдат мог съездить домой. Черт не может вынести, что ремни перевязаны в форме креста. Его бьют каждый день, пока вернувшийся солдат не освободит его. — Ук. 1166*. — Запись неполная.

149. Мужик переправляет лошадь вплавь через реку. Водяной ее душит, мужик глазами выбивает у него глаз.

150. Вор уносит бочонок золота, свинку. Его не могут поймать. — Ук. 950.

151. Промотавшийся гуляка на самолетном ящичке в виде ангела летает к запертой в башне царевне. Царь это обнаруживает, верит, что он ангел. — Ук. 575.

Иван Григорьевич Бобрецов, 27 л.

О нем см. выше, примечание к мезенской сказке № 135.

152. Про счастье. — Ук. (401, 508, 300). Сказка опубликована. См. «Советский фольклор», № 4—5, стр. 167—178, № 4.

153. Солдат просится ночевать. В доме покойник, который по ночам встает и все съедает. Солдат берется увезти его из деревни. По дороге покойник встает, солдат спасается на дерево. По совету встречного старика он связывает его конским волосом и оставляет его в церкви. Там есть и другие беспокойные мертвецы, он обезвреживает их таким же способом. — Ук. (307).

КОЙНАСС*Матрена Васильевна Кузьмина, 19 л.*

154. Падчерица роняет в воду ниточки, идет искать. Услужливо отвечает гумну, овце, корове, коню, оленю и т. д. В избе яги топят баню без дыма, носит воду решето, моет гадов — детей яги. Гумно, овца, корова и т. д. ее награждают. Родная дочь

отвечает грубо, все делает плохо. Яга ее убивает. — Ук. 480 А.

155. Девушки в подполье обнаруживают разбойника. Они выбегают, он за ними. Они прячутся в избу, он остается на улице и замерзает. — Запись конспективная. — Ук. (956 В).

156. Девушки зовут на вечеринку старуху. Она оказывается людоедкой. Пробует прогрызть стену, ломает зубы.

ЧУЧЕПАЛЫ

Иван Емельянович Кирич, 14 л.

157. Крестьянин обещает свою дочь водяному. Козел учит ее, как спрятаться. За ней прилетает змей, не может ее найти. — Ук. (313).

158. Краткий пересказ пушкинской сказки о золотой рыбке. Желания: изба, золотой светильник, стать царицей, стать богородицей. — Ук. 555.

159. Краткая форма сказки о лисе, которая ворует рыбу у мужика с саней и учит волка опустить хвост в прорубь. — Ук. 1, 2.

160. Лиса селится у зайца. Под предлогом, что ее ночью зовут к родильнице, съедает запасы масла и потом обвиняет зайца. — Ук. 15.

161. Два брата. См. стр. 300, № 115. — Ук. *735 I.

ПАЛАЩЕЛЬБЕ

Сидор Алексеевич Новиков, 50 л.

А. И. Никифоров сообщает о нем: «Занятие — крестьянство, служил 11 лет, много где бывал. Семейный. Трое детей. Грамотный, но довольно неразвит; сказки перенял, главным образом, от отца, известного сказочника, ныне умершего; сказывает сказки на деревне и теперь, по исполнению — эпик с индивидуальной артистической манерой». См. «Советский фольклор», № 4—5, стр. 149—150.

163. Медведь выманивает у стариков киску, сучку, овечку, корову, сноху, старика. Старуха прячется за печь, медведь ее находит и съедает. — Ук. *162.

165. Поп и работник. См. стр. 301, № 116. — Ук. 1045, 1072.

166. Лиса-исповедница. См. стр. 303, № 117. — Ук. *61 I, 225. Первая половина сказки опубликована. См. Адрианова-Перетц, стр. 200—201.

167. Сказка о петухе и жерновцах. — Ук. 715.

168. Пересказ начала «Конька Горбунка» Ершова. — Ук. 531.

169. Два брата, Иван Водович и Вод Водович, расстаются. Вод Водович спасает царевну от Змея и женится на ней. Ведьма его околдовывает, Иван Водович его выручает. — Ук. 300, 303. Сказка опубликована. См. «Советский фольклор», № 4—5, стр. 196—201. А. И. Никифоров пишет: «Конец производит впечатление скомканного. Моя попытка настоять на подробном рассказе конца, на продолжении сказки, оказалась безуспешной».

Анна Степановна Новикова, 33 г.

170. Кумулятивная сказка. Цепь ответов на вопрос «где». — Ук. 2015 I.

171. Дочери идут в лес принести отцу хлеба. Леший заманивает их к себе. Две не умеют ткать, он их убивает. Третья умеет, он оставляет ее у себя. Она бежит, забегая к нему в лукошко и оставив вместо себя куклу. — Ук. 311.

172. Мачеха усылает падчерицу. Девушка роняет моток ниток в воду. Спускается в прорубь, идет, по дороге исполняет просьбы оленей, коней и др., у бабы-яги моет ее детей. — Яга возвращает ей моток и богато награждает ее. Родная дочь всем грубит, просьб не исполняет. Яга дает ей коробок. Из коробка выходит огонь и сжигает избу. — Ук. 480 А.

Михаил Александрович Новиков, 57 л.

173. Анекдот о встрече офицера с десятским. Десятский выдает себя за старшину, в ответ на это офицер выдает себя за царя. Десятский верит.

175. Небылица в форме былинного скоморошьяго стиха о большом печеном быке и других невероятностях. — Ук. (1931, *В).

176. Небылица в форме былинного скоморошьяго стиха: «на синем море овин горит» и т. д. — Ук. 1931, *В.

177. Сказка в стихах. Лиса пытается унести куру и теленка, петух подымает шум. Позже лиса сминает петуха на землю, предлагая исповедаться в многоженстве. Петух спускается, она его уносит. Петух предлагает ей место просвирни, она его отпускает.

- Лиса убегает в лес. Журавль берется выучить ее летать и сбрасывает ее на землю. — Ук. *61 I, 225.
179. Докучная. — Ук. 2020.
180. Докучная про белого быка. — Ук. 2020.
181. Медведь каждый день приходит: «есть хочу». Ему отдают всю скотину, всех членов семьи. Последняя старушка пробует спастись в избе, он ее вытаскивает. — Ук. *162.
182. Сказка о петухе и жерновцах, совпадает с текстом Мез. 167, но короче. — Ук. 715.
183. Присказка. — Ук. 2020.
186. Рассказ о виденном сне частично в стихотворной форме.

Савелий Александрович Федотов, 12 л.

187. Солдатская загадка. См. стр. 305, № 118. — Ук. *1545.
188. Мужик лезет на небо и видит там много невероятностей. Цепь небылиц. — Ук. *1885, *1887.
189. Мужик рубит сук, на котором сидит, падает. Думает, что он умер. Прохожий его стегает, он вскакивает. — Ук. 1240, 1313.

Евграф Григорьевич Аксёнов, 12 л.

191. Упрямые старики: кто первый заговорит, тому горшки мыть. Их принимают за умерших. Пришедшая баба хочет надеть шубу старухи. Старуха не позволяет — ей горшки мыть. — Ук. 1351.
192. Поп нанимает работника цыгана. Работают в поле. Цыган наведывается в дом, застаёт попадью с дьячком. Она трижды его прячет, работник будто ненароком его избивает. Приводит попу домой, они убивают попадью и дьякона. — Ук. 1725 (1380).

Григорий Ефимович Аксёнов, 56 л.

193. Своеобразная передача Гриммовской сказки о привередливой невесте, которую отец выдает за нищего. Муж заставляет ее работать и терпеть нужду, оказывается замаскировавшимся царем. — Ук. 900.
194. Про приказчика и купеческу жену. См. стр. 305, № 119. — Ук. 571.
195. Мальчик с пальчик. См. стр. 307, № 120. — Ук. (327 В.).
196. Старуха плачет из страха, что ее малолетний сын, когда вырастет, может убитись поленом. Старик отправляется искать дураков глупее жены. Находит таких, которые в темную избу вносят свет мешками, вгоняют лошадь в хомут, поднимают корову на крышу, на которой выросла трава. Успокоенный приходит домой. — Ук. 1384, *1214, 1210, 1245.

КОНЕЦЦЕЛЬЕ

Кирилл Николаевич Новиков, 52 л.

197. Война птиц и земных зверей. Воробей ранен. Купец его выкармливает три года. Благодарная птица уносит его к своей сестре. Та награждает его ларьком, из которого появляется прекрасное царство. Он открывает его слишком рано. Мужик берется помочь, требует «чего дома не знаешь». Родился сын. В 16 лет его приходится отдавать. Сын объезжает коня «А дале уж не помню хорошо». — Ук. 222 *В, 313.
198. Священник нанимает работника. Работник выполняет приказания хозяина буквально и тем разоряет его. Он посылает его за реку с черта долг брать. С чертами состязается в беге, в поднятии тяжести. Черти насыпают золото в шляпу, под которой выкопан яма. — Ук. 1009, 1045, 1072, 1063, 1130.
199. Умерший бродит, пока его не хоронят заново.
200. Предположение о местах, где должны быть клады.
201. Полузабытый рассказ о девочке, убитой сестрами в лесу за найденный самоцветный камушек. Волянка из березы, выросшей из ее могилы, выдает убийцу песней. — Ук. 780.
202. Неоконченный, конспективно записанный рассказ частично в стихах о трех братьях. Отец умирает, делит сыновьям наследство неровно.
203. Начало сказки в стихах в стиле «Конька-гобунка». Сын царя видит семь голубиц-девиц. Одна делается его невестой.
204. Вырастает большая репа, ее делят. Баба умирает, старик нанимает в плакальщицы лису, она ее съедает. — Ук. 1960 *D I, 37.

Павел Николаевич Новиков, 60 л.

О нем см. Астахова, том I, стр. 232.

205. Сказка о петухе и жерновцах. — Ук. 715.

206. Отрывочная запись бессвязного рассказа без конца. Сюжет не устанавливается.

Тимофей Павлович Новиков, 13 л.

207. Девушка обнаруживает в погребе ягу. Яга требует, чтобы она вышла за ее сына и под угрозой съесть ее увлекает в свой дом. У яги она качает ее детей. Убегает по деревьям, которые яга не может перегрызть.

208. Неравный дележ наследства: старшим — мельница и дом, младшему сухая горошинка. Он уходит, просится ночевать, кура съедает горошинку. За горошинку он получает куру, за куру свинью и т. д. В конечном итоге выменивает девушку, женится на ней («Из книги, из журнала „Северное сияние“»). — Ук. (170).

209. В дом вкрадывается разбойник и прячется в подполье. Девушка бежит через окошко. Когда разбойник просовывает голову, она рубит ее саблей. — Ук. (956 В).

210. Женщина посылает свою дочь в лес к отцу отнести ему хлеба. Шишки (черти) заманивают ее в свою избушку и убивают топором.

Иван Павлович Новиков, 25 л.

211. «Два брата совершают ряд воровских проделок: у скотника воруют быка, у попа — деньги и т. д. Обкрадывают царскую казну. Один из них попадает в ловушку, другой рубит ему голову, добывает его тело и хоронит его. — Ук. 1525 D, A, 950.

212. Конспективная запись сказки о Петре I и разбойниках: Петр заблудился в лесу, солдат приводит его в лесной дом. Там оказываются разбойники. Солдат их убивает, спасает царя. — Ук. (953*).

Татьяна Ионовна Новикова, 56 л.

213. Докучная. См. стр. 307, № 121. — Ук. 2020.

Иван Николаевич Новиков, 60 л.

214. Шуточное стихотворение под названием «Адская почта» с описанием посмертных мук попов, воров, пьяниц, ростовщиков и т. д.

Маланья Архиповна Новикова, 43 л.

215. Два брата, сидя на дереве, нечаянно распугивают разбойников, приставших сюда отдохнуть, и забирают их деньги. Разбойники пробуют их изловить, их застреливают. — Ук. (1653 В).

216. Дочь просит отца привезти ей «лист-ставешок». При помощи этого волшебного листа она неузнанная приходит в церковь нарядной. Сестры узнают ее тайну и изгоняют ее из дома. Она строит себе дворец. Воры ее обкрадывают и убивают. — Ук. (425 С).

Анна Зотеевна Новикова, 43 л.

217. Мена. См. стр. 308, № 122. — Ук. 1415.

218. Докучные. См. стр. 309, № 123. — Ук. 2020.

219. Докучная. — Ук. 2020.

220. Кукушка совершила грех: свила гнездо в праздник благовещенья. В наказание не видит своих детей и потому кукует.

221. Докучная. — Ук. 2020.

222. Докучная. — Ук. 2020.

223. Докучная. — Ук. 2020.

224. Медведь приходит выпрашивать овечку, съедает старика и старуху. — Ук. *162.

225. Поповский работник, придя с поля, застаёт хозяйку с пономарем. Пономарь прячется, работник как будто случайно его избивает. В поле пугает пономаря попом. — Ук. 1725.

226. Пересказ Гриммовской сказки о пузыре, соломинке и лапте. — Ук. 295.

Агафья Никифоровна Семенова, 15 л.

227. Бедный дровосек заводит своих детей в лес. Они находят пряничную избушку. Яга хочет их съесть, утка перевозит их через реку обратно. — Ук. 327 А. «Не из книги».

Козодоя Григорьевна Новикова, 12 л.

228. Старик по чудесно выросшему стеблю лезет на небо, берет с собой старуху в мешке и роняет ее. Нанимает плакать лису. «Дале забыла». — Ук. 1960 С, *1425, 37.

Анна Михайловна Семенова, 43 г.

229. Прожорливый парень. См. стр. 310, № 124. — Ук. 333 *В.

БЕЛОЩЕЛЬЕ

Михаил Григорьевич Семенов, 70 л.

230. Человек состоит из 8 частей: плоть — от земли, кости — от камней и т. д.

Философ Никитич Семенов, ок. 60 л.

231. Игральные карты вместо библии. — Ук. 1613. Ср. Заон. 136. Текст списан собирателем из записной книжки Философа Никитича.

Александра Тимофеевна Семенова, 52 г.

232. Старик из лени не слезает с печи, стареет. — Ук. (1950).

Никон Демьянович Злаков, 50 л.

236. Предание об Агее. «Вычитал на войне в госпитале из книжки». — Ук. 757.

Иван Филиппович Семенов, 29 л.

237. Анекдот о девушке, которую мать в сердцах называет кобылой. Поручик приказывает денщику привести ему эту девушку. Он приводит кобылу. При вторичном требовании привести женщину ночью вместо девушки приводит старуху. — Ук. 1440, 1441*.

Максим Васильевич Семенов, 56 л.

А. И. Никифоров сообщает о нем: «Занятие: ходил на морского зверя, плавил лес, охотничал, теперь крестьянствует и охотится. Служил на военной службе. Семейный, детей не было. Грамотный, читывал и сказки из книг, знает и поет былины. Очень интересный сказочник, прекрасно говорит, одушевляется, чувствует свою силу и обаяние сказки, много артистизма. Я записывал у него в избе. Платил ему за сказывание. Вечером присутствовала полная изба крестьян». (См. «Советский фольклор», № 4—5, стр. 150). Подробную характеристику М. В. Семенова, как исполнителя былин, дает А. М. Астахова (том I, стр. 250—251).

238. Иванушка дурачек. См. стр. 312, № 125. — Ук. 530 В.

239. Про Ваню и Васю. См. стр. 319, № 126. — Ук. (707), 300. Сказка опубликована. См. «Советский фольклор», № 4—5, стр. 201—210.

242. Старики берут в сыновья рака. Рак обладает волшебными силами, выполняет по ночам всю работу. Они несут его в подарок царю. Рак требует царевну в жены. Царь задает раку ряд задач (построить хрустальный мост и пр.). Он всё выполняет. В брачную ночь он обращается в молодца. По совету матери жена сжигает его оболочку, он исчезает. Она отправляется его искать и после ряда препятствий находит. — Ук. (425 А).

243. Конспективная запись пересказа «Конька-горбунка» Ершова. — Ук. 531.

245. Докучная. — Ук. 2020.

246. Докучная. — Ук. 2020.

247. Недословная запись сказки о волшебном кольце. При помощи кольца герой женится, коварная жена выведывает тайну, собака и кот достают кольцо, возвращает себе жену и наказывает ее. — Ук. 554, 560.

ЛЫНДОВО

Василий Федорович Базарев, 14 л.

251. Богатырь. — См. стр. 327, № 127. — Ук. 1137.

ТИГЛЯВА

Анна Павловна Порыгина, 15 л.

252. Чудесная птичка. См. стр. 327, № 128. — Ук. 555.

253. Прибаутка. См. стр. 328, № 129. — Ук. 2020.

254. Репка. См. стр. 328, № 130. — Ук. 1960* D I

255. Бессвязная смесь эпизодов из различных сказок. — Ук. 707, 480.

256. Девочка остается ночевать одна. Людоед прогрызает ворота и двери. Девочка подставляет ему воду. Он напивается и умирает.

КИМЖА

Ефрем Петрович Сафонов, 16 л.

257. У царя 300 кобылиц. По ночам зверь их поедает. Младший сын видит, что это делает лев, который утром через дыру уходит под землю. Царевич следует за ним, в медной, серебряной и золотой избушке видит трех девиц. Лев — их отец. Он выходит наверх, три брата женятся на трех сестрах. — Ук. 301.

ТИМЩЕЛЬЕ

Василий Дмитриевич Рычков, 23 л.

258. У царя Давыда блудливая жена. Младенец во чреве ее ругает, она приказывает его убить и заменить сыном кузнеца. Слуги его шадат. В играх он проявляет себя как царь: судит и наказывает детей, говорит иносказательно. Сын кузнеца ведет себя как кузнец. Царь Давыд вызывает его к себе, заставляет его судить и после смерти оставляет ему царство. Соломон женится. Жена ему изменяет и собирается его повесить. На виселице он трубит, войско Соломона снимает его с виселицы; вешают его жену и ее любовника. — Ук. 920, * 905.

Петр Дмитриевич Лочехин, 14 л.

259. Крестьяне выбирают малограмотного попа. Он велит им в церкви делать то же, что он. Во время службы за голенище попадает уголек, он падает, дрыгает ногами, прихожане делают то же. — Ук. 1825 *D.

ДОРОГАЯ ГОРА

Семен Петрович Епишин, 12 л.

260. Туча уносит царевну. Офицер находит ее на острове. Матросы ее увозят и оставляют его одного на острове. Он нанимается служить пастухом, получает волшебного коня и волшебную саблю; возвращается и побивает вражеское войско. — Ук. (301). Рассказ сбивчив, запись неточная.

Дмитрий Иванович Нечаев, 73 л.

261. Ивана-царевича держат в темноте. Выросши, он уезжает. Встречает в поле старую женщину, просит у нее конька-горбунка.

Анна Андреевна Петрова, 72 л.

262. Фрагмент сказки о волке, съедающем всю семью. — Ук. *162.

263. Песня о сереньком козляке.

Петр Алексеевич Якимович, 23 г.

264. Рассказ сна: в Иванов день играет на гармонии во время грома, что считается непозволительным. Просыпается и видит, что от нее отлетели углы.

Гертий Павлович Гладкий, 51 г.

А. И. Никифоров сообщает о нем: «Занятие — крестьянство, служил на военной службе трижды. Женат, трое детей. Неграмотный, сказки знает от разных лиц. Тип эпика с высоким артистическим талантом и ритмической манерой сказа. Записано от него только три сказки. . . , но знает он их больше, однако зарегистрировать их не разрешил». См. «Советский фольклор» № 4—5, стр. 151.

265. Про Ивана-царевича. См. стр. 329, № 131. — Ук. 301.

266. Купеческий сын при помощи волшебного зеркала добывает себе жену. Она похищает зеркало и исчезает. Он ее находит, похищает зеркало и возвращает себе жену. — Ук. (560).

267. Полукошпективная запись большой и сложной сказки о трех чудесно рожденных братьях. Один из них побивает змея и отправляется искать невесту. По дороге встречает различных искусников, которые помогают ему выполнить задачи царя и жениться на его дочери. — Ук. 303, 300, 513 А. «Сказка не закончена. Была глухая полночь, сказочник устал и оборвал сказку. Осталась нерассказанной история двух погибших братьев. Один у девицы погиб, а другой у разбойников в подвалах». Запись опубликована. См. «Советский фольклор», № 4—5, стр. 231—238, № 14.

Елена Семеновна Сахарова, 15 л.

268. Несколько строк из сказки, которую сама сочинила (девицы пошли в лес за ягодами).

269. У стариков сын принимает облик собаки. Они хотят его женить на царевне. Царь задает различные трудные службы (построить мост и пр.). Жених все выполняет. По ночам скидывает шубу и оказывается молодцом. — Ук. 430.

270. Краткая передача исполнительницей сказки о братьях-лебедях и их сестре. — Ук. 451.

271. Младшая из трех сестер, запечница, находит в лесу ступу, которая снабжает ее нарядами. На трех вечеринках у царя приходит красавицей. Она исчезает, царь находит и узнает ее по туфле, приставшей к смоле. — Ук. 510 А.

272. Девушка несет отцу хлеба в лес. Ее зовет леший, она проваливается в яму. Ее откапывают, не могут найти. Через несколько лет она возвращается. — Ук. (311).

273. Девушка попадает в избу к лешачихе, та заставляет ее качать дитя. Она бежит. Овца, корова, конь не могут ее спасти. Спасает бык. — Ук.* 314 I.

Миропия Михайловна Потрохова, 13 л.

274. Конспективная запись сказки о женихе-мертвце («Ленора»). — Ук. 365.

Валентина Петровна Макурина, 9 л.

275. Лиса уносит петуха. Кот и дрозд идут к ее дому «славить» (колядовать), лиса им подает петуха. — Ук.* 61 II.

276. Лешачиха заманивает мальчика и хочет его съесть. Он засовывает ее в печь вместо себя, уходит на лодке. — Ук. 327 С.

277. Лиса выманивает у дрозда детеныша. Ворона учит дрозда не бояться лисы. Лиса пытается отомстить ей, ворона улетает. — Ук. 56 А.

Кирилл Минич Малоев, 21 г.

278. Неоконченная сказка об обманной продаже лошади, которая будто бы испражняется сербром, палка, которая воскрешает мертвых и т. д. — Ук. 1539.

ЛАМПОЖНЯ

Павел Иванович Гаев, 66 л.

279. Краткий духовный стих о трех грехах, которые на том свете не прощаются: кто бранит мать, губит младенца в утробе, вынимает спорину из хлеба

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

Указатель сделан по системе Аарне-Андреева. В большинстве случаев в текстах сказок объединено несколько сюжетов. В настоящем указателе сюжеты (типы) показаны раздельно каждый под своим порядковым номером. Заглавия их или кратчайшие изложения сюжетов в основном также даны по Аарне-Андрееву. Эти заглавия до известной степени вошли в международный обиход, и отступать от них не было оснований. Они могут не совпадать с заглавиями данного собрания, если рассказчик или собиратель или редактор дали сказкам свое заглавие, или если текст состоит из нескольких сказок, а заглавие дается только по одной из них.

В том случае, когда у Аарне-Андреева под одним номером показана группа родственных сказок (например, тип 480 — различные сказки о мачехе и падчерице) с последующим подразделением по рубрикам (480 А, 480 В и т. д.), это подразделение сохраняется, за исключением сказок о змеборстве (тип 300) сказок о трех царствах (тип 301) и чудесном бегстве (тип 313), разновидности которых в настоящем указателе не учтены, так как этих мелких разновидностей оказалось больше, чем было предусмотрено Аарне-Андреевым, и пришлось бы вводить новые подразделения. В этих случаях ссылка дается только на группу сказок (номер) без отнесения к разновидностям (буква).

«Заон.» означает материал Заонежской экспедиции, «Пин.» — Пинежской, «Мез.» — Мезенской согласно вышеприведенной описи.

Тексты, опубликованные в данной книге, выделены курсивом.

1. Лиса крадет рыбу с воза. — Пин. 5, 64, Мез. 54, 159.
2. Волк примораживает хвост в проруби. — Пин. 5, 18, 64; Мез. 159.
4. Битый небитого везет. — Пин. 5, 18.
15. Лиса-повитуха. — Пин. 18, 63, 130; Мез. 160.
- 20С. Звери бегут из дому. — Заон. 9, 149.
21. С голоду звери пытаются пожрать свои внутренности. — Заон. 9, 149.
37. Лиса-плачя. — Мез. 6, 10, 204, 228.
43. Зимовье зверей. — Пин. 65, 104, 130.
- 56А. Лиса и дрозд. — Мез. 277.
- *61 I. Лиса-исповедница. — Мез. 166, 177.
- *61 II. Кот, петух и лиса. — Заон. 24, 148; Пин. 105, 110; Мез. 275
100. Волк в гостях у собаки. — Заон. 159.
103. Кот, нагоняющий страх. — Заон. 158.
122. Волк дурень. — Заон. 159.
123. Волк и козлята. — Заон. 11; Пин. 131.
155. Старая хлеб-соль забывается. — Мез. 55.
158. Звери в саях у лисы. — Заон. 147; Мез. 133.
- *161. Медведь-липовая нога. — Заон. 116, 179; Мез. 110.
- *162. Пение волка. — Пин. 119, 147; Мез. 163, 181, 224, 262.
170. За скалочку гусочку. — Заон. 117, 147; Мез. 208.
212. Коза куплена. — Пин. 94, 104, 130.
- 222 *В. Война птиц и зверей. — Пин. 150; Мез. 197.
225. Журавль учит лису летать. — Мез. 166, 177.
- *241 I. Петушок подавился. — Заон. 25, 109; Пин. 1; Мез. 20.
295. Пузырь, соломинка и лапоть. — Заон. 12; Мез. 226.
- *299. Солнце, месяц и ворон зятя. — Заон. 177.
300. Победитель змея. — Заон. 38, 100, 169; Пин. 31, 93, 108, 113, 158; Мез. 66, 70, 87, 135, 136, 152, 169, 239, 267.
301. Три царства: золотое, серебряное и медное. — Заон. 10, 26, 38, 156, 169, 176; Пин. 3, 19, 49, 58, 120, 125, 128, 158; Мез. 24, 69, 83, 91, 257, 260, 265.
302. Кошеева смерть в яйце. — Заон. 100; Мез. 40, 146.

303. Два брата чудеснорожденные. — Пин. 31, 93, 113; Мез. 70, 169, 267.
 306. Ночные пляски. — Пин. 137.
 307. Девушка, встающая из гроба. — Мез. 78, 153.
 311. Медведь уносит трех сестер и т. п. — Заон. 41, 114, 115, 184; Пин. 73, 97, 154; Мез. 125, 126, 171, 272.
 313. Юноша обещан морскому царю (лешему и т. п.). Чудесное бегство. — Заон. 82, 118, 120, 183; Пин. 26, 72, 84, 139, 150; Мез. 66, 87, 136, 157, 197.
 *313. Бегство (от бабы-яги и т. п.) с бросанием чудесных предметов. — Пин. 31, 93, 96; Мез. 13, 43.
 *314. I. Бычок спаситель. — Заон., 16, 115; Мез. 135, 273.
 315 А. Звериное молоко. — Пин. 82; Мез. 135, 136.
 315 *В. Неверная жена. — Мез. 47, 83, 90.
 325. Хитрая наука. — Заон. 105; Пин. 136; Мез. 72.
 326 *В. Бесстрашный. — Мез. 57.
 327 А. Брат и сестра в пряничном домике. — Заон. 190; Мез. 227.
 327 В. Мальчик с пальчик у великана. — Мез. 195.
 327 С. Ведьма уносит мальчика. — Заон. 29, 64; Пин 2, 14, 32, 75, 81, 109, 111, 133; Мез. 109, 276.
 329. Елена Премудрая. — Пин. 31, 93, 136.
 330. В. Черт в ранце. — Мез. 5.
 331. Дух в бутылке. — Заон. 123.
 330 В. Черт в ранце. — Мез. 5.
 333 *В. Прожорливый глиняный паренек. — Заон. 17, 63, 113, 187; Мез. 128, 229.
 365. Жених-мертвец — Заон. 171; Мез. 274.
 400 А. Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену. — Пин. 136; Мез. 40, 77, 89.
 400 *В. Царь-девица. — Заон. 55; Мез. 40, 75.
 401. Заколдованная царевна. — Мез. 90, 152.
 402. Царевна-лягушка. — Пин. 20, 39.
 403 В. Подмененная жена. — Пин. 57, 126.
 409. Мать-рысь. Пин. 118.
 *410 I. Окаменелое царство. — Пин. 116; Мез. 5, 89.
 425 А. Амур и Психея. — Мез. 242, 269.
 425 С. Аленький цветочек. — Мез. 14, 143, 216.
 430. Царевич в личине зверя. — Мез. 114, 269.
 *449 А. Муж, превращенный в собаку. — Мез. 96.
 450. Братец Иванушка, сестрица Аленушка. — Заон. 118, Пин. 131.
 451. Братья-вороны. — Заон. 188; Пин. 69, 71, 126; Мез. 270.
 461. (Ср. 930) Марко богатый. — Заон. 191, 193; Пин. 127; Мез. 7, 41.
 465 А. Пойди туда, не знаю куда. — Заон. 37; Пин. 85, 142, Мез. 61, 72, 88.
 465 В. Гусли-самогуды. — Пин. 17.
 480. Мачеха и падчерица (разн.). — Заон. 192; Мез. 255.
 480 А. Падчерица роняет веретено в воду. По дороге ласково обходится со встречаемыми животными и предметами. — Пин. 74; Мез. 101, 154, 172, 255.
 480 *В. Падчерица в лесу. — Заон. 102; Пин. 153; Мез. 18.
 480 *Е. Падчерица у яги ласково обходится с котом, березкой и пр., спасает похищенного мальчика. — Заон. 20, 119; Пин. 32, 77, 102, 111, 151; Мез. 11, 13, 19.
 485 А. Борма-Ярыжка. — Заон. 182.
 502. Медный лоб. — Пин. 115, 140.
 508. Благодарный мертвец. — Мез. 152.
 510 А. Золушка. — Заон. 35, 48; Пин. 59, 76; Мез. 271.
 510 В. Свиной чехол. — Пин. 57, 134.
 511. Одноглазка, Двухглазка, Трехглазка. — Заон. 19.
 513 А. Шесть чудесных товарищей. — Пин. 158; Мез. 267.
 513 В. Летучий корабль. — Заон. 39; Пин. 158.
 *515 I. Волшебный мальчик. — Пин. 134.
 518. Обманутые лешие. — Пин. 137; Мез. 146.
 530 А. Сивко-Бурко. — Заон. 34, 35; Пин. 144, 156; Мез. 141.
 530 В. Сивко-Бурко и свинка золотая щетинка. — Мез. 97, 100, 168, 238.
 531. Конек-горбунок. — Пин. 108, 152; Мез. 168, 243.
 532. Незнайко. — Заон. 100; Пин. 108; Мез. 66, 68, 87, 169.
 545 В. Кот в сапогах. — Заон. 62; Пин. 15.
 550. Жар-птица и серый волк. — Пин. 36; Мез. 68, 69, 146.
 551. Молодиальные яблочки. — Мез. 43, 108.
 554. (ср. 560). Благодарные животные. — Пин. 113, 116; Мез. 52, 247.
 555. Золотая рыбка. — Мез. 158, 252.

559. Несмеяна-царевна. — Пин. 30, 89, 149.
 560. Волшебное кольцо. — Пин. 129; Мез. 52, 136, 247, 266.
 561. Лампа Аладина. — Пин. 44.
 563. Чудесные дары. — Заон. 36, 189; Пин. 161.
 566. Рога. — Пин. 137.
 567. Чудесная птица. — Заон. 56; Мез. 74, 113, 145.
 570. Приметы царевны. — Пин. 29; Мез. 194.
 571. Диво дивное, чудо чудное. — Заон. 39, 72; Пин. 30, 89, 149; Мез. 194.
 575. Деревянный орел. — Заон. 70; Мез. 37, 151.
 613. Правда и кривда. — Мез. 112.
 650 А. Иван Медведко. — Заон. 26; Пин. 49; Мез. 91.
 *650. I. Подвиги Ильи Муромца. — Заон. 137; Пин. 62.
 653. Семь Симеонов. — Пин. 48; Мез. 99.
 *664 В. Морока. — Заон. 77; Пин. 87.
 675. По щучьему веленью. — Заон. 61, 112; Пин. 8.
 *677 I. Садко. — Пин. 111 бис.
 700. Мальчик с пальчик. — Заон. 47, 51.
 *703. Снегурочка. — Заон. 16.
 706. Безручка. — Заон. 83, 180; Пин. 60.
 707. Чудесные дети (Салтан). — Пин. 88, 114; Мез. 144, 239, 255.
 *707 I. Бова-Королевич. — Мез. 76.
 709. Спящая красавица. — Заон. 181.
 715. Петух и жерновки. — Заон. 13, 151, 190; Пин. 4; Мез. 167, 182, 205.
 *722. Сестра просела. — Пин. 96.
 735. Две доли. — Заон. 36, Мез. 113.
 *735 I. Горе. — Мез. 161.
 *751 I. Скупые хозяйка. — Пин. 159; Мез. 67.
 756 В. Кумова кровать. — Заон. 123.
 757. Гордый царь. — Мез. 236.
 780. Чудесная дудочка. — Пин. 70; Мез. 142, 201.
 804*. Солдат в аду. — Заон. 195.
 834* В. Предназначенный клад. — Заон. 126.
 *839 I. Черти искушают пустытника. — Заон. 124.
 *841 I. Сомневающийся пустытник. — Заон. 123.
 *845 I. Старец и крестьянин. — Заон. 125.
 *847. Золотое стремя. — Заон. 89, 133.
 850. Приметы царевны. — Пин. 115.
 *855. Солдат и царевна. — Пин. 16; Мез. 84.
 880 А. Жена выручает мужа. — Заон. 97.
 881. Оклеветанная жена. — Мез. 86.
 882 А. Спор о верности жены. — Пин. 16, 135.
 882 *В. Верная жена. — Пин. 10; Мез. 86.
 *887 I. Купленная жена. — Заон. 134.
 *891. Муж на свадьбе жены. — Заон. 98.
 900. Заносчивая невеста. — Пин. 11; Мез. 193.
 901* В. Исправление ленивой. — Заон. 6.
 905. Соломон и его неверная жена. — Мез. 258.
 910 В. Три слова. — Заон. 182.
 920. Сын царя и сын кузнеца. — Мез. 258.
 *921 I В. Царские загадки. — Заон. 53.
 922. Беззаботный монастырь. — Заон. 94.
 925*. Умные братья. — Заон. 91.
 930. Марко Богатый (ср. 461). — Заон. 193.
 931. Иуда кровосмеситель. — Заон. 168.
 *931 II. Евстафий Плакида. — Заон. 153.
 *936. Золотая гора. — Пин. 135.
 950. Царская сокровищница. — Заон. 194; Пин. 22; Мез. 150, 211.
 953*. Отец с сыном у разбойников. — Мез. 212.
 955. Жених-разбойник. — Заон. 106, 173; Пин. 56, 66, 155; Мез. 103.
 956 В. Девушка и разбойники в ее доме. — Заон. 22; Пин. 67; Мез. 107, 155, 209.
 1000. Хозяин и работник уговариваются не ссориться. — Пин. 89; Мез. 42.
 1006. Батрак вырезает глаза у овец. — Пин. 89.
 1007. Батрак портит скот. — Мез. 42.
 1009. Батрак сторожит дверь. — Заон. 174; Мез. 42, 198.
 *1012 I. Батрак «сажает» ребенка (на кол). — Пин. 30; Мез. 42.
 *1012 II. Батрак изрубает детей хозяина. — Пин. 30.

1030. Дележ урожая. — Мез. 25.
 1045. Угроза морщить озеро и корчить чертей веревкой. — Пин. 91; Мез. 42, 127, 130, 165, 198.
 1049 А. Обманное предложение вырубать весь лес сразу или разом вычерпать весь колодец. — Заон. 43, 68; Пин. 86.
 1049* В. Обманное предложение увести все стадо целиком. — Заон. 43.
 1052. Переноска дерева вдвоем: задний садится на него. — Заон. 68; Пин. 86.
 1060. Кто раздавит камень. — Заон. 43, 68.
 1061. Кто раскусит камень. — Мез. 5.
 1062. Кто выше бросит камень. — Пин. 86; Мез. 127.
 1063. Кто дальше бросит дубинку. — Пин. 91; Мез. 42, 198.
 1072. Бег вперсгонки. — Мез. 127, 165, 198.
 1082. Кто понесет лошадь. — Мез. 127.
 1084. Кто громче свистнет. — Заон. 68; Пин. 86; Мез. 127, 130.
 1095. Взаимное царапанье ногтями. — Заон. 175.
 1115. Спасение хитростью от удара топором. — Заон. 40.
 1116. Спасение от попытки сжечь. — Заон. 40.
 1130. Заполнить деньгами кляпу с дырой. — Мез. 127, 198.
 1132. Неудачное бегство от работника. — Заон. 21, 27, 46, 52, 54, 174, 175; Мез. 42, 127.
 1133. Как сделаться сильным. — Заон. 50.
 1137. Ослепленный одноглазый великан. — Пин. 117; Мез. 17, 251.
 1149. Дети хотят чертова мяса. — Заон. 43, 68; Пин. 86.
 1162. Железный человек для борьбы с чертом. — Заон. 175; Мез. 5.
 1164. Злая жена в яме. — Заон. 65, 157.
 1165*. Баба хуже черта. — Заон. 96, 162.
 1166*. Черт пробует заменить солдата на службе. — Мез. 148.
 1210. Глупцы тащат корову на крышу. — Заон. 165; Мез. 196.
 *1214. Глупцы вгоняют лошадь в хомут. — Мез. 196.
 1240. Дурак рубит сук, на котором сидит. — Мез. 189.
 1245. Глупцы мешками вносят в дом свет. — Заон. 165; Мез. 196.
 1313. Человек думает, что он умер. — Мез. 189.
 1351. Кто первый заговорит. — Заон. 58; Мез. 191.
 1360 В. Спрятавшийся муж обличает любовника. — Заон. 186; Пин. 160; Мез. 188.
 1365 А. Упрямая жена. — Заон. 50.
 *1375. Жена хочет взять верх над мужем. — Мез. 48.
 1376 В. Солдат вместо сказки твердит одно и то же. — Мез. 51.
 1380. Никола Дупленский. — Мез. 39, 85, 192.
 1384. Муж ищет людей глупее жены. — Заон. 165; Мез. 196.
 1406. Бабы увертки. — Заон. 161; Мез. 58.
 1415. Мена. — Заон. 86, 167; Мез. 63, 217.
 *1425. Старик лезет на небо, роняет старуху. — Заон. 177; Пин. 101, 123; Мез. 6, 9, 110, 228.
 1440. Лошадь вместо девушки. — Заон. 88; Пин. 98; Мез. 237.
 1441*. Старуха вместо девушки. — Мез. 237.
 1457. Шепелявые девушки. — Заон. 108; Мез. 32.
 1525. Воровские проделки (разн.). — Заон. 66, 194; Пин. 46.
 1525 А. Ловкий вор крадет у барина коня из конюшни и пр. — Заон. 128, 138; Пин. 45, 61, 68; Мез. 211.
 1525 D. Вор на дороге ворует быка и пр. — Заон. 128; Пин. 61, 68; Мез. 211.
 1525 П. Кража под песню. — Заон. 4.
 *1527 I. Бегство из амбара. — Пин. 27, 46.
 1528. Сокол под шляпой. — Заон. 133, 165.
 1535. Дорогая кожа. — Заон. 99; Пин. 160.
 1536. Покойница-воровка. — Мез. 62.
 1537. Мертвое тело. — Заон. 54, 111, 185; Мез. 85.
 *1537 I. Солдат и отрубленные ноги. — Мез. 85.
 1539. Шут. — Заон. 99, 143; Мез. 1, 22, 278.
 *1541 I. Мужик просит у барина свинью в гости. — Заон. 165.
 1543*. Чесалка. — Заон. 122.
 *1545. Солдатская загадка. — Мез. 187.
 1561. Усердный в еде работник. — Мез. 39.
 *1580. Искусный дележ. — Заон. 7.
 1600 А. Дурак — нечаянный убийца. — Заон. 30, 54; Мез. 16.
 *1609. Найденный кошелек. — Заон. 31.
 1613. Карты, молитвенник и календарь. — Заон. 136; Мез. 231.

1640. Фома Беренников. — Заон. 163.
 1641. Знахарь. — Заон. 73, 196.
 1643. Дурак и береза. — Заон. 54; Мез. 16.
 1653 В. Дурак с братьями на дереве. — Заон. 46, 52, 54, 174; Мез. 215.
 1685 В. Дурак женится. — Мез. 29.
 1687*. Забывчивый дурак. — Заон. 33.
 1696. Набитый дурак. — Заон. 46, 49, 52; Мез. 16.
 1725. Влюбленный дьячок. — Заон. 104, 178; Пин. 157; Мез. 39, 192, 225.
 1730. Поп, дьякон и дьячок у красавицы. — Заон. 144; Пин. 10; Мез. 38.
 *1730 I. Мужик хоронит трех попов. — Заон. 143.
 1737. Поп в мешке поднимается на небо. — Пин. 61.
 1739. Как поп телился. — Заон. 90.
 *1740. Свечки на спинках раков. — Пин. 45.
 1775. Голодный поп на ночлеге. — Заон. 178.
 1825 А. Прихожане тщетно жалуются архиерею. — Заон. 145.
 1825* D. Мужик в роли попа. — Заон. 107; Мез. 259.
 1826. Поп отказывается проповедывать. — Заон. 145.
 1831. Поп и дьячок за обедней. — Пин. 99.
 *1850. Поп забывает праздники. — Заон. 145.
 1875. Небылица: на хвосте у волка. — Мез. 12.
 1876* В. Журавли улетают с мужиком. — Пин. 27, 43.
 1877 А. Небылица о человеке в дупле. — Пин. 27, 43.
 *1885. Подъем на небо по дереву и спуск по веревке. — Заон. 103, 127, 132; Мез. 23, 188.
 *1887. Небывалая переправа через море. — Заон. 103, 127; Мез. 23, 188.
 1900* В. Волк вытаскивает человека из болота. — Заон. 103, 127; Мез. 23.
 1910. Медведь в упряжке. — Пин. 27, 43.
 *1912. Две половины лошади сшиваются. — Заон. 103, 127, 132; Мез. 23.
 1920 А. Агала и Подлыгала. — Мез. 35.
 1920* D. Огонь в обмен за небылицы. — Заон. 87, 103, 127, 132; Мез. 23.
 1930 I. Богатство бедняков. — Заон. 135.
 1931* В. Небылица: море горит, медведь летает и пр. — Мез. 175, 176.
 1950. Кто ленивее. — Мез. 232.
 1960* D I. Репка. — Мез. 9, 204, 254.
 1960 С. Большое растение, вырастающее до неба. — Заон. 13; Мез. 6, 228.
 *2014 I. Все хорошо. — Заон. 146.
 *2015 I. Кумулятивные сказки разного рода. — Пин. 121; Мез. 170.
 2020. Докучные сказки и прибаутки разного рода. — Заон. 67; Пин. 33, 37, 38, 50, 103, 122; Мез. 26, 27, 28, 56, 65, 81, 106, 119, 122, 123, 124, 131, 132, 179, 180, 183, 213, 218, 219, 221, 222, 223, 245, 246, 253.
 *2100. Лучший сон. — Мез. 4.

Примечание. Сюжеты, не предусмотренные Аарне-Андреевым, устанавливаются по аннотациям настоящего указателя, не имеющим ссылок на указатель Аарне-Андреева.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>В. Я. Пропп, А. И. Никифоров и его «Севернорусские сказки»</i>	5

ТЕКСТЫ

ЗАОНЕЖЬЕ

МОГЛИЦЫ

Николай Степанович Егоров, 11 л.

3 1. Петушок да курочка	27
<i>Александра Ивановна Красильникова, 10 л.</i>	
2. Котя-брата и петушок да курочка	29
<i>Андрей Николаевич Трифонов, 9 л.</i>	
3. Учась	30

КОНДОБЕРЕЖЬЕ

Александра Ивановна Красильникова, 10 л.

✓ 4. Змей и цыган	32
5. Иван-дурак	33
<i>Михаил Петрович Панкратов, 12 л.</i>	
6. Липунюшка	34

ВИГОВО

Кирик Савельевич Кузнецов, 67 л.

7. Царские загадки	35
<i>Таисия Петровна Ефимова, 14 л.</i>	
✓ 8. Иван-дурачок	36
<i>Василий Иванович Карельский, 24 л.</i>	
9. Про себя	39

ЯНДОМОЗЕРО

Анастасия Ивановна Громова, 19 л.

10. Амеля-дурачок	40
11. Про глиняну девушку	42

ЕСИНСКАЯ

Федор Иванович Стафеев, 57 л.

12. Деревянный орел	44
13. Чудо-чудное, диво-дивное и смех большой	47

КОСМОЗЕРО

Иван Иванович Касьянов, 60 л.

14. Золотое стремя	48
✓ 15. Беззаботный монастырь	50
16. Баба хуже сатаны	51
17. Настасья Меркуловна избавляет мужа	52

КОМЛЕВО

Маланья Ивановна Громова, 64 г.

18. Три брата	53
19. Фомушка	55
20. Хитрая наука	57

Александра Егоровна Панова, 28 л.

21. Про попа	60
22. Шепелявые девушки	--

ПАЛТЕГА

Василий Игнатьевич Куриков, 58 л.

23. Враль на том свете	60

ВЕЛИКАЯ НИВА

Яков Федорович Нестеров, 39 л.

24. Про Нестёрушка	62

РЯБОВО

Федор Петрович Рябов, 43 г.

25. Богатые бедняки	65
26. Про солдата	—
27. Про Илью Муромца	67

АНДРЕЕВО

Анастасия Николаевна Пономарева, 60 л.

28. Поп, дячок и пономарь	69
29. Отец Пахом	71
30. Афонька и его барин	72

ПЕКОВКА

Александр Федорович Пятницкий, 11 л.

31. Курица	74

ОСТРЕЧОВО

Федор Родионович Овчинников, 75 л.

32. Как чёрт бабы испугался	75

Марфа Родионовна Кознёва, 65 л.

33. Лиса — котова жена	76
34. Как волк за горой на свадьбе был	77

ПАЙНИЦЫ

Андрей Петрович Калинин, 52 г.

35. Мена	79

ДЕРЕГУЗОВО

Марья Васильевна Rogozina, 16 л.

36. Васька-вор, сукин сын	82

ШУНЬГА

Иван Иванович Столбов, 13 л.

37. Солнце, месяц и ворон зятя	86
38. Скирлы, скирлы	87

ИЛЕМСЕЛЬГА

Прасковья Матвеевна Уткина, 39 л.

39. Безручка 88

Анастасия Ивановна Чарцева, 28 л.

40. Три слова 90

41. Чего дома не знаешь 97

ТУБОЗЕРО

Семен Михайлович Власов, 27 л.

42. Как солдат попал в рай 103

43. Знаменитый колдун и отгадчик 105

ПИНЕГА

СКОРЯТИНО

Савватий Михайлович Тесаловский, 12 л.

44. Петушок подавился 109

45. Глинушка 112

ГУСЕВО

Авдотья Михайловна Маркова, 40 л.

46. Волк и лиса 113

ЛАСЬЕВСКАЯ

Александр Васильевич Рудаков, 22 г.

47. Сокровищница 114

ЛЕУНОВО

Георгий Медведев, 12 л.

48. Заклятые башмачки 117

СУРА

Осип Иванович Малкин, 29 л.

49. Отсуленный сын 117

50. Быль 123

51. Про царя 126

2 52. Прибаутка 130

53. О царе и жар-птице —

2 54. Прибаутка 133

55. Царевна-лягушка 134

Владимир Петрович Коровин, 12 л.

56. Небылица 135

Никифор Лазаревич Кунников, 13 л.

57. Парамоха-вор 136

Александра Алексеевна Малкина, 13 л.

1 58. Семь Симеонов 139

59. Докучные 141

Наталья Петровна Панфилова, 20 л.

60. Женихи-разбойники 142

61. Подмененная жена 143

Дуня Евпловна Рябова, 12 л.

62. Зимовье зверей 145

Анна Тимофеевна Данилова, 12 л.

63. Мачеха и падчерица 146
64. Про Лишанушка 147

ЗАСУРЬЕ

Павел Васильевич Куников, 12 л.

65. Про змея 149

СЛУДА

Северьян Павлович Нехорошко, 22 л.

66. Сукин сын Парамоха 150

ПОГАНЕЦЬ

Василий Михайлович Рябов, 19 л.

67. Дьячок ворует барана 156

Иван Яковлевич Бьков, 12 л.

68. Коза-дереза 157
69. Пестушок и котик 159

ГОРА

Матрена Архиповна Тилова, 56 л.

70. Про Олишанка 160
71. Кот, дрозд, петух и лиса 161
72. Про Садко 163

Григорий Васильевич Панфилов, 16 л.

73. Два брата 164

Василий Степанович Панфилов, 72 л.

74. Конь медный, человек золотой 168

Василий Ипатович Фофанов, 17 л.

75. Людоедка одноглазая 174

Евдокия Федоровна Фофанова, 12 л.

76. Медвежья песня 174
77. Медная, серебряная и золотая избушка 175
78. Векушка 178

КАРПОВА ГОРА

Константин Лаврентьевич Фофанов, 65 л.

79. Три царства: золотое, серебряное и медное 179
80. Царская дочь и Егабовна 185
81. Марко богатый 188
82. Василий, сын купеческий 192
83. Зайка да лиска 197
84. Снежурочка 200
85. Ольшанка 202

ВАЙМУШИ

Ефим Матвеевич Коровин, 37 л.

86. Улетевшая жена 206
87. Ночные пляски 211

ШОТОВА ГОРА

Марина Ивановна Щепоткина, 8 л.

88. Волки воют 215

ПОКШЕНЬГА

Петр Тихонович Щеголихин, 19 л.

89. Скатерть, конь и дубинка 216

МЕЗЕНЬ

ВОЖГОРЫ

Марфа Николаевна Лешукова, 35 л.

90. Лиса плачя 220

Ксения Андреевна Лешукова, 13 л.

91. Ступа 221

92. Ослепление одноглазой яги —

Ефимья Яковлевна Галёва, 9 л.

93. Петушок задавился 222

Василий Петрович Грязнов, 51 л.

94. Марко богатый 223

95. Сказка прохожего человека 226

96. Про лисичку 227

Александр Яковлевич Поташов, 13 л.

97. Незнайко 227

Яков Васильевич Поташов, 55 л.

98. Жар-птица 230

99. Вод Водович и Иван Водович 236

100. Хитрая наука 240

101. Чудесная птица 242

ЛЕБСКАЯ

Яков Евдокимович Гольчиков, 60 л.

102. Про купцов-разбойников 243

103. Про царскую дочь 247

104. Про Настасью Прекрасную 253

105. Никола Дуплиный 257

Михайло Федорович Гольчиков, 28 л.

106. Незнаюшко 259

107. Принеси то и не знаю чего 266

108. Заколдованная царевна 269

109. Палфил — медвежий сын 272

Евдоким Михайлович Гольчиков, 44 л.

110. Царская собака 278

111. Сивко-Бурко 283

Настасья Ионовна Поташева, 17 л.

112. Присказка 290

Константин Васильевич Оксёнов, 14 л.

113. Докучные 290

ЗАСУЛЬЕ

Иван Григорьевич Бобрецов, 27 л.

114. Сестра-изменщица 290

ЧУЧЕПАЛЫ

Иван Емельянович Кирин, 14 л.

115. Два брата 300

ПАЛАЩЕЛЬЕ

Сидор Алексеевич Новиков, 50 л.

116. Поп и работник 301
 117. Лиса-исповедница 303

Савелий Александрович Федотов, 12 л.

118. Солдатская загадка 305

Григорий Ефимович Аксёнов, 56 л.

119. Про приказчика и купеческую жену 305
 120. Мальчик с пальчик 307

КОНЕЦЩЕЛЬЕ

Татьяна Ионовна Новикова, 56 л.

121. Докучная 307

Анна Зотеевна Новикова, 43 г.

122. Мена 308
 123. Докучные 309

Анна Михайловна Семенова, 43 г.

124. Прожорливый паренек 310

БЕЛОЩЕЛЬЕ

Максим Васильевич Семенов, 56 л.

125. Иванушка дурацёк 312
 126. Про Ваню и Васю 319

ЛЫНДОВО

Василий Федорович Базарев, 14 л.

127. Богатырь 327

ТИГЛЯВА

Анна Павловна Порыгина, 15 л.

128. Чудесная птичка 327
 129. Прибаутка 328
 130. Репка —

ДОРОГАЯ ГОРА

Терентий Павлович Гладкий, 51 г.

131. Про Ивана-царевича 329

ПРИЛОЖЕНИЯ

- I. Опись сказочного собрания А. И. Никифорова 343
 II. Указатель сюжетов 376

СЕВЕРНОРУССКИЕ СКАЗКИ В ЗАПИСЯХ А. И. НИКИФОРОВА

*

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Академии наук СССР*

*

Редактор Издательства *А. Л. Лобанова*
Художник *М. И. Разуевич*
Технический редактор *Н. Ф. Виноградова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, А. И. Кац и Н. А. Кириллова*

Сдано в набор 31/V 1961 г. Подписано к печати 31/VIII 1961 г.
РИСО АН СССР № 77—107В. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆.
Бум. л. 12¹/₈. Печ. л. 24.25 = 33.22 усл. п. л. + 1 вкл. Уч.-изд. л.
32 57 + 1 вкл. (0.04 уч.-изд. л.). Изд. № 1435. Тип. зак. № 200.
№-06236. Тираж 2500.

Цена 2 р. 16 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лив., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12